ГЕНОЦИД АРМЯН В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ М. Г. НЕРСИСЯНА

ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ББК 9 (С43) 1
Г 345

Составители: М. Г. НЕРСИСЯН
Р. Г. СААКЯН

Г 345 Геноцид армян в Османской империи: Сборник документов и материалов /Под ред. М. Г. Нерсисяна.— 2-е, доп. изд.— Ер.: Айастан, 1982.—704 с.

В настоящий сборник включены документы и материалы из многих источников: армянских, русских, арабских, турецких, немецких, английских, французских, американских и других о геноциде армян в Османской империи. Большая часть документов является официальными рапортами, докладами и письмами консулов, послов, министров и других высокопоставленных чиновников разных государств. Эти богатые и достоверные материалы правдиво изображают страшную картину истребления армян в Турции в конце XIX—начале XX вв. и, в частности, в годы Первой мировой войны, когда в результате кровавых злодеяний младотурецких преступников погибло полтора миллиона безвинных людей и была опустошена вся Западная Армения.

Книга заинтересует широкий круг читателей как в нашей стране, так и зарубежом.

0505040000
Г ——————82 без объявления
701 (01) 82

ББК 63. 3(2Ар) + 63. 3(0)53
9 (С43) 1 + 9 (М) 32

© Издательство «Айастан», 1982

ПРЕДИСЛОВИЕ

В годы Первой мировой войны в бывшей Османской империи имела место одна из величайших трагедий в истории человечества. Правящая клика султанской Турции, точнее говоря кровавая банда младотурецких националистов-шовинистов, организовала варварское истребление около полутора миллионов армян и превратила в дымящуюся пустыню всю Западную Армению.

Это чудовищное злодеяние партии младотурок (партии «Иттихад ве Тераки») было кульминацией той гнусной практики физического уничтожения армян в Турции, которую начал жестокий и коварный тиран султан Абдул Гамид еще в последней четверти XIX века. Известно, что в 1890-ых гг. было вырезано до 300 000 мирных беззащитных людей, а в 1909 г. в городе Адана и ряде провинций Киликии — 40 000 человек. Поэтому, когда речь идет о геноциде армян в Османской империи, нужно иметь в виду не только всеобщую резню 1914—1918 гг., но и массовые погромы и избиения конца XIX—начала XX вв.

Трагедия, пережитая армянским народом в Турции, была страшной, редко встречающейся в анналах мировой истории. «В новой истории, — писал Г. Орджоникидзе в 1925 г., — мало народов, которые понесли бы такие большие жертвы, как армяне, и мало стран, в которых было бы пролито столько крови, сколько в Армении»[1].

Но почему же так сложилась судьба одного из древних и культурных народов мира, чем были вызваны массовые избиения армян в Османской империи?

Западные армяне, находившиеся под господством турецкой деспотии, подвергались жестокому военно-феодальному угнетению и неслыханным притеснениям. Социальный и национальный гнет принимал здесь самые уродливые и позорные формы. Необузданный произвол султанов и пашей не имел границ. Положение армян как бесправных «гяуров» было невыносимым; они постоянно находились под угрозой погромов и резни.[2]

«Участь армян, как и других христиан Турции, достойна сожаления... Я видел несколько армян с отрезанными ушами и носами, что было сделано не по суду, а по произволу и насилию какого-нибудь богатого и влиятельного старшины, может быть члена местного дивана. Они постоянно находятся в тревожном состоянии».

[1] Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. Т. 1, М., 1956, с. 412.

[2] В Турции, как и во всей империи, господствовали самые низкие и варварские формы феодализма. «Жалкое крушение терпели все попытки турецкого правительства стать на путь цивилизации», — писали К. Маркс и Ф. Энгельс в 1854 г. (Соч., т. 9, с. 6).

Так писал русский генерал М. Лихутин, побывавший в 1854—1855 гг. в Западной Армении[1].

Описывая бедственное положение населения Мушского округа, выдающийся этнограф и общественный деятель Г. Срвандзтян в 1864 г. сообщал, что постоянным уделом армян является «насилие, грабеж, убийство, произвол, осквернение церквей и другие злодеяния»[2].

Обращаясь к католикосу всех армян Геворку IV, западные армяне — выдающийся этнограф и общественный деятель Г. Срвандзтян в тревоге, жестоко страдаем от областных начальников, сборщиков налогов, приказчиков и прочих насильников, вплоть до того, что они подвергают поруганию нашего пастыря церковного, позорят скромность женщин и честь девушек наших, проливают кровь наших юношей и стариков, подвергают надругательству святость храма и обрядов»[3].

Корреспондент лондонской газеты «Таймс» Норман, говоря о положении армян в 1877 г., когда только что началась русско-турецкая война, отмечал неслыханные жестокости турецких войск над мирным населением Западной Армении. «Положение армян в стране, по которой прошла армия Исмаила-паши, крайне бедственно. Из 122 деревень Алашкертской равнины все, за исключением девяти, полностью разрушены... Город Баязед и окрестные селения постигла та же участь. В большинстве этих мест мужчины, женщины и дети были убиты самым жестоким образом»[4].

В донесении от 14 марта 1882 г. на имя русского посла в Константинополе Новикова исполняющий должность российского вице-консула в Ване писал: «Считаю долгом заявить, что действительно положение здешних армян, систематически преследуемых турками, стало невыносимее, чем когда-либо. Нужно быть здесь, на месте, чтобы судить, до каких возмутительных пределов доходят преследования турками армян»[5]. Комитет армянских патриотов в Европе, обращаясь к министрам иностранных дел европейских государств, писал, что в результате заранее продуманной политики турецкого правительства в Западной Армении «гибнут люди, уничтожаются хозяйства, проводится в жизнь план истребления. Со времени принятия статьи 61 Берлинского трактата турецкое правительство тайно направляет все свои усилия к истреблению армянской нации на ее родине»[6].

Посол США в Константинополе Томпсон в письме от 13 марта 1893 г. сообщал английскому послу Клеру Форду: «Из докладных записок, полученных мною из Марзвана от консула Соединенных Штатов Джюйетта, я все больше убеждаюсь в том, что описанное в сообщениях положение христианского населения в этой

[1] Лихутин М. Русские в Азиатской Турции в 1854—1855 годах. Спб., 1863, с. 168.

[2] История армянского народа с древнейших времен до наших дней. Ереван, 1980, с. 208.

[3] Матенадаран им. М. Маштоца (Ереван). Архив католикосата, папка 228, док. 2.

[4] Norman C. B. Armenia and the Campaign of 1877—1878. London, 1878, p. 299—300.

[5] Архив внешней политики России (АВПР). Главный архив, д. 119, л. 48—49.

[6] АВПР. Посольство в Константинополе, д. 3133, л. 27—28.

беспокойной части Турции чрезвычайно тяжелое»[1]. Известный английский публицист Эм. Диллон, путешествовавший по Западной Армении, пришел к заключению, что в «армянских провинциях утвердилась зверская система управления, по сравнению с которой жестокости рабовладельческой системы южных штатов Америки представляются незначительными злоупотреблениями»[2].

В создавшейся ситуации невыносимого социального и национального гнета, опустошительных погромов и варварских избиений возник Армянский вопрос, который вскоре стал предметом дипломатических игр великих держав. Среди населения Западной Армении усилилось стремление к свободе, к борьбе за свою жизнь и элементарные человеческие права, тем более, что пример героической борьбы сербов, греков и болгар был весьма вдохновляющим. В ответ на жестокие притеснения турецких властей армяне, где это было возможно, прибегали к самообороне, к освободительной борьбе, которая, как известно, была и остается незыблемым правом и благородной, священной обязанностью любого угнетенного народа.

Но турецкая военно-феодальная деспотия не хотела слышать ни о каких правах подвластных ему народов. Для «разрешения» национального вопроса она знала только один путь — путь массовой резни, физического уничтожения. Власти действовали огнем и мечом, с неслыханной жестокостью. И эту варварскую тактику всячески поддерживали как турецкая феодальная знать, так и новообразовавшаяся буржуазия, которые уже были увлечены крайне реакционными идейками панмусульманизма и пантюркизма.

Вскоре после Берлинского конгресса 1878 г. султан Абдул Гамид и его высокопоставленные чиновники цинично заявляли: чтобы разрешить Армянский вопрос, нужно истребить армянский народ. В 1882 г. исполнявший должность русского вице-консула в Бане сообщал послу в Константинополе: «Наиболее высокопоставленные правительственные чиновники открыто высказываются что здесь готовится ими (армянами.—М. Н.) будто бы вторая Болгария, и что они (турки.—М. Н.), научены опытом, сумеют задушить вредный их правительству элемент и, таким образом, раз и навсегда покончить с «Армянским вопросом»[3]. И турецкий султан, в самом деле, вскоре начал осуществлять свой чудовищный план.

Гамидовская политика избиения армян была осуществлена в крупных масштабах в 1890-х годах. В августе-сентябре 1894 г. один из горных районов Западной Армении—Сасун был разграблен и разорен, а население, без различия пола и возраста, предано мечу. Турецкие регулярные войска и разбойничьи банды, сломив героическое сопротивление армянских крестьян, разрушили десятки сел и истребили более 10 000 человек.

Погромщики действовали самым жестоким образом. Вот, например, как описывается сасунская резня в одном документе, составленном на основе показаний очевидцев: «В Гелиегузане многих молодых людей связали за руки и ноги, положили в ряд, набросали на них кучу хвороста и заживо сожгли. В другом селении были схвачены священник и несколько видных граждан. Их обещали

[1] Correspondence Relating to the Asiatic Provinces of Turkey 1892—1893. Turkey, N 3 (1896). London, [1896], p. 67—68.

[2] Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году. М., 1896, с. 329.

[3] АВПР. Главный архив, д. 119, л. 48.

освободить, если они скажут, куда скрылись другие. Они сказали, но все же их убили. Священнику надели на шею цепь и тянули за нее в разные стороны так, что почти задушили его. Наконец, они вертикально воткнули в землю штыки и подбросили его в воздух так, что он упал на штыки. В другой деревне мужчины с женами и детьми укрылись в пещере, где оставались в течение нескольких дней, пока слабые не умерли от голода; остальные же были обнаружены солдатами и заколоты штыками—оружием, которое в основном и применялось во всех этих событиях. Около шестидесяти молодых женщин и девушек были загнаны в церковь; солдатам было разрешено делать с ними что угодно, а после этого убить их, что и было сделано. Было отобрано большое число наиболее красивых женщин, которым предложили принять ислам и выйти замуж за турок. Они отказались и были убиты[1].

Через год после сасунских событий началась новая, массовая резня. По указаниям из В. Порты в сентябре 1895 г. произошло избиение армян в Константинополе, а вскоре после этого — во всей Западной Армении и во многих провинциях империи, населенных армянами. Резня имела место в Трапезунде, Эрзруме, Мараше, Себастии, Ерзнка, Ване, Багеше, Харберде, Диарбекире и в других местах. Злодеяния турецкого султана не прекратились и в следующем году. За два года погибли десятки тысяч человек, были разрушены сотни сел и городов, опустошены целые районы.

Кровавую политику Абдул Гамида в отношении армянского народа полностью унаследовали его преемники — младотурки, пришедшие к власти в 1908 г. Будучи ярыми шовинистами-пантюркистами, они превзошли кровавого султана. «Их стремление отуречить славян, армян, евреев, греков и т. д., населяющих Оттоманскую империю, приняло более грубый и настойчивый характер, чем при Абдул Гамиде», — писала газета «Правда» в 1912 г.[2]

Главари партии младотурок до прихода к власти лицемерно разглагольствовали о свободе, братстве народов, демократии и т. д., однако после того, как оказались у власти, стали разнузданными деспотами и погромщиками. «Когда младотурки появились в Стамбуле,—писал Эмиль Думерг,—они привезли с собой свободомыслие и, говорят, даже Марсельезу. Но комедия эта длилась столько, сколько понадобилось для того, чтобы очаровать нескольких дипломатов. Спустя некоторое время панисламизм был заменен пантюркизмом, т. е. самым лютым национализмом, какой мир когда-либо мог вообразить»[3]. И вот эти лютые националисты-шовинисты поставили перед собой задачу туркизации империи посредством насильственной ассимиляции всех нетурецких народов и их физического уничтожения.

Свою людоедскую политику младотурки решили применять прежде всего в отношении армян. Дело в том, что, преследуя агрессивные цели, они стремились, в частности, захватить и присоединить к Турции Кавказ. Но этому в значительной мере мешал армянский народ, придерживавшийся, как известно, русской ориентации, ибо свое освобождение от невыносимого османского ига он связывал с Россией. Чтобы устранить препятствие на своем пути на Кавказ и

[1] АВПР Посольство в Константинополе, д. 3135, л. 120.

[2] «Правда», 1912, № 76.

[3] Doumergue E. L'Arménie, les massacres et la Question d'Orient. Paris; 1917, p. 127

покончить с Армянским вопросом вообще, младотурки решили истребить армянский народ. Показательно, что этого не отрицал даже сам немецкий посол в Турции, небезызвестный туркофил Вангенгейм, имевший тесные контакты и дружественные отношения с главарями младотурок. Посол в союзном государстве в одном из своих донесений канцлеру Германии Бетману Гольвергу писал, что турецкое правительство «в самом деле поставило своей целью уничтожение армянской нации в турецком государстве»[1]. Как говорится, яснее не скажешь.

В воспоминаниях и письменных указаниях ряда ответственных чиновников Турции того времени сохранились сведения о тайном совещании младотурецких заправил, на котором было принято чудовищное решение об истреблении армянского народа. Вот, например, что говорил на этом совещании один из руководителей иттихадистов доктор Назым-бей: «Армянский народ надо уничтожить в корне, чтобы ни одного армянина не осталось на нашей земле (т. е. во всей Османской империи.—М. Н.) и забылось само это имя. Сейчас идет война, такого удобного случая больше не будет. Вмешательство великих держав и шумные протесты мировой прессы останутся незамеченными, а если они и узнают, то будут поставлены перед совершившимся фактом, и тем самым вопрос будет исчерпан. На этот раз наши действия должны принять характер тотального истребления армян; необходимо уничтожить всех до единого... Я хочу, чтобы на этой земле турок и только турок жил и безраздельно господствовал. Пусть исчезнут все нетурецкие элементы, к какой бы национальности и религии они не принадлежали»[2].

В таком же каннибальском духе выступали и другие участники совещания, в том числе военный министр Энвер-паша, министр внутренних дел Талаат-паша и др. Сговорившись между собой, они выработали план истребления армян, который и осуществили в разгар Первой мировой войны, осуществили хитро, методично, беспощадно.

Вначале правительство турецких извергов под предлогом мобилизации в армию призвало на военную службу молодых армян, но вскоре эти невинные люди были разоружены, переведены «в рабочие батальоны» и отдельными группами тайно расстреляны. 24 апреля 1915 г. и в последующие дни были арестованы, а затем вероломно уничтожены несколько сот представителей интеллигенции западных армян. Покончив таким образом с основной частью взрослого мужского населения и многими активными деятелями армянского общества, способными организовать вооруженное сопротивление своего народа, гнусные убийцы перешли далее к открытой и массовой резне женщин, детей и стариков. Часть беспомощного населения была уничтожена в родных селах и городах, часть, насильственно выселенная,—в пути, на чужих дорогах, местными грабителями и специально организованными бандами из числа уголовников, выпущенных из тюрем. Те же, кто добрался до знойных пустынь Месопотамии, погибли, изнуренные голодом, болезнями, от рук жандармов и наемных убийц.

---

[1] Deutschland und Armenien, 1914—1918. Sammlung Diplomatischer Aktenstücke. Hrsg. und eingel. von Dr. Johannes Lepsius. Potsdam, 1919, S. 80.

[2] Mevlan Zade Rifat. Türkiyé inkilâbinin iç yüzü. Halep, 1929, s. 89—93.

Чтобы скрыть свое злодеяние и дезориентировать мировое общественное мнение, турецкое правительство официально заявляло будто оно, исходя из военных соображений, временно «изолирует» армян, депортируя их в глубь империи. Но это была постыдная ложь. Палачи армянского народа Талаат-бей, Энвер-паша, Джемаль-паша и их преступная клика проводили заранее продуманную, тщательно разработанную политику истребления армян. «Депортация армян — женщин, детей и стариков — была лишь коварно замаскированным смертным приговором»,— справедливо писал французский публицист Ренэ Пинон[1].

Говоря о депортации армян, посол США в Турции Генри Моргентау отмечал: «Истинной целью депортации было ограбление и уничтожение; это действительно является новым методом резни. Когда турецкие власти отдавали приказ об этих высылках, они фактически выносили смертный приговор целой нации, они это прекрасно понимали и в разговорах со мною не делали особых попыток скрыть этот факт»[2].

В публичном выступлении на судебном процессе в Берлине, по поводу убийства Талаат-паши армянским патриотом Согомоном Тейлеряном, И. Лепсиус сообщал: «В подписанном Талаат-пашой приказе есть такая фраза: «Высылка есть уничтожение». Далее Лепсиус указывал: «Официально заявлялось, что высылки эти лишь предупредительные меры, но отдельные авторитетные лица совершенно откровенно признавались, что цель высылки — истребление армянской нации»[3]. Характерно также, что германский консул в Эрзеруме Шойбнер-Рихтер 2 июня 1915 г. телеграфировал в Константинопольское посольство о том, что депортация армян «равносильна массовому уничтожению»[4].

Вот несколько цифр, показывающих, что означала «депортация». Из 18000 высланных эрзерумских армян добрались до места назначения лишь 150 человек. Из городов Харберд, Акн, Токат и Себастия были депортированы 19 000 человек, из них осталось в живых всего 350 человек. Из Харберда было выселено несколько тысяч армян, но вскоре, недалеко от этого города, все они были расстреляны[5]. Так же поступали турецкие вандалы с депортированным армянским населением из других городов и районов Армении и Турции.

Геноцид армян в Османской империи осуществлялся с невероятным изуверством. Правительство приказывало своим местным органам быть решительными, никого не щадить. Так, министр внутренних дел Талаат-бей в одной из своих телеграмм, адресованной губернатору Алеппо, предписывал: «Вам уже сообщалось о том, что по указанию Джемиета (руководящего комитета младотурок.— М. Н.) было решено полностью уничтожить проживающих в Турции армян. Те, кто выступает против этого решения, не могут ос-

[1] Pinon René. La suppression des Arméniens: Méthode allemande, travail turc. Paris, 1916, p. 27.

[2] Morgenthau Henry. Ambassador Morgenthau's Story. New York, 1918, p. 310.

[3] Deutschland und Armenien, S. 485.

[4] Там же, с. 94.

[5] The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, 1915—16. London, 1916, p. 267; Mandelstam A. N. Le sort de l'Empire Ottoman. Paris-Lausanne, 1917, p. 258.

таваться на официальных постах. Как бы жестоки ни были принятые меры, должен быть положен конец существованию армян. Не обращайте никакого внимания ни на возраст, ни на пол, ни на угрызения совести»[1].

Указания главаря убийц выполнялись с потрясающей жестокостью. Злодеи действовали самыми варварскими, самыми зверскими способами. Потеряв человеческий облик, они топили свои жертвы в море и реках, душили дымом в запертых домах, сбрасывали со скал, убивали после неслыханных пыток, глумлений и бесчинств.

Очевидцы с леденящим сердце ужасом рассказывали об этой страшной резне. Видный деятель арабского национально-освободительного движения Файез эль-Хосейн в своих воспоминаниях писал: «Один офицер рассказывал мне, что в Битлисе власти заключали армян в большие, наполненные соломой саманники, двери укрывали соломой и поджигали, так что бедные задыхались в дыму и погибали от удушья. Часто таким способом уничтожали сразу несколько сот человек... В Муше армян также умерщвляли в гумнах с соломой. Большинство, однако, погибло от пуль, ножей и кинжалов. Власти нанимали мясников, которые за ремесло убийцы получали 1 фунт в день... Жандармы применяли и другой метод. Они связывали женщин и детей друг с другом и бросали с большой высоты вниз... В Диарбекире власти умерщвляли армян то огнем, то мечом. Часто их группами бросали в колодцы или в ямы и закапывали. Много армян было утоплено также в Тигре и Евфрате. Более 2000 армян было перебито за стенами Диарбекира»[2].

Пытки и жестокости, писал А. Мандельштам, «жертвами которых стали армяне в 1915 г., с точки зрения утонченности и разнообразия нисколько не уступали тем, которым подвергались они в 1895 и 1896 гг. Жестокие избиения палками, вырванные глаза, ногти и волосы, отпиленные и отрубленные носы, руки, ноги и другие части тела, прижигание каленым железом, подвешивание к потолку — ничто не отсутствовало в списке»[3].

Однажды, рассказывает Г. Моргентау, «я имел беседу с одним ответственным чиновником-турком, который рассказал мне о применяемых пытках. Он не скрывал, что правительство одобряет их, и, как и все турки из правящего класса, сам горячо одобрял такое обращение с ненавистной ему нацией. Этот чиновник сказал, что все эти подробности пыток обсуждались на ночном заседании в штаб-квартире комитета «Единение и прогресс». Каждый новый метод причинения боли расценивался как превосходное открытие, и чиновники постоянно ломают головы над тем, чтобы изобрести какую-нибудь новую пытку. Он рассказал мне, что они даже обращались к отчетам испанской инквизиции... и переняли все, что находили там. Он не сказал мне, кому достался приз в этом ужасном состязании, но прочная репутация, которую завоевал себе повсюду в Армении Джевдет-бей, вали Вана, дает ему право на превосходство в невиданной подлости. По всей стране Джевдет был

[1] The Memoirs of Naim Bey. Turkish Official Documents Relating to the Deportations and Massacres of Armenians. Compiled by Aram Andonian. London, 1920, p. 64.

[2] Faiez el-Chocéin. Témoignage d'un Arabe musulman sur l'innocence et le massacre des Arméniens. Trad. de l'arabe par El-G [Bombay], 1917, p. 40.

[3] Mandelstam A. Le sort de l'Empire Ottoman..., p. 258.

известен как «подковщик из Башкале», так как этот знаток по части пыток изобрел то, что, конечно, было шедевром, лучшим из всего, известного ранее: именно он подбивал лошадиные подковы к ступням своих жертв-армян»[1].

Фритьоф Нансен на основании многих фактов утверждал, что зверства младотурок по отношению к армянам «по своим размерам и омерзительной жестокости превосходят все известные в истории... К кровавой турецкой истории прибавилась такая страшная глава, которая оставляет в тени все предшествующие»[2].

Следует отметить, что неслыханное варварство младотурок во многом напоминает преступления гитлеровских палачей в период Второй мировой войны. Турецкие головорезы в некотором отношении были предшественниками и прообразами фашистских убийц. Вот один пример. В 1915—1916 гг. турецкие врачи, с ведома и согласия начальства, в больницах и лабораториях города Ерзнка использовали армян как подопытных животных. Один из турецких врачей, будучи очевидцем этих злодеяний, писал: «В 1915 г. многих из армян, с трудом укрывшихся в Ерзнка, отобрали и в качестве подопытных поместили в центральную больницу города, чтобы произвести над ними бактериологические опыты, которые обычно производились над морскими свинками и кроликами. Так погибло много армян»[3].

Аналогичные преступления, как известно, совершали гитлеровцы. Очевидно они изучали кровавую практику турецких головорезов, тем более что в их зверствах участвовали многие офицеры кайзеровской Германии. Характерно, что бесноватый фюрер, готовясь осуществить свою программу геноцида поляков и других народов, как-то вспомнил о резне армян. На одном совещании в городе Оберзальцбурге в августе 1939 г., накануне вторжения фашистских полчищ в Польшу, Гитлер, чтобы ободрить своих генералов, говорил, что нужно безжалостно убивать всех—мужчин, женщин, детей. Не надо обращать внимание на общественное мнение, изрекал Гитлер, «кто же сегодня еще говорит об истреблении армян?»[4].

Массовая резня армян младотурками, начавшаяся в конце 1914 г. и весною 1915 г. принявшая всеобщий характер, не прекращалась и в последующие годы. Она распространилась на все части Западной Армении, на все местности Османской империи, населенные армянами. Тысячи деревень, поселков и городов были превращены в пепелища. Из ряда уездов и провинций спаслись лишь десятки или сотни людей. Например, из 27 сел Хнусского уезда, насчитывавших 3322 армянские семьи, спаслось лишь 128 человек. Из 11 сел Неркин Буланыха спасся всего 21 человек, из 25 сел Маназкерта — 34 человека[5].

О кровавой политике младотурок патриарх турецких армян епископ Завен Егиян, хорошо осведомленный о происходивших собы-

[1] Morgenthau Henry. Ambassador Morgenthau's Story..., p. 315.

[2] Nansen Fridtjof. L'Arménie et le Proche Orient, Paris, 1928, p. 357.

[3] Les persécutions contre les médicins arméniens. Pendant la guerre générale en Turquie. Constantinople, 1919, p. 24.

[4] «The New York Times». Nov. 24, 1945, p. 7; Guttmann Joseph. The Beginnings of Genocide. New York, 1948, p. 18.

[5] Центральный Государственный исторический архив Армянской ССР (ЦГИА Арм. ССР), ф. 57, оп. 2, д. 692, л. 17.

тиях, в декабре 1915 года писал: «Я думаю, что история не знала подобной резни... Я не представляю, чтобы нашелся кто-либо, способный описать ужасные избиения, происшедшие за последние 8—9 месяцев в Турции, от края до края... Избиения, происходившие при гамидовском режиме или раньше, ничто по сравнению с этими. То, что предпринято на этот раз, является программой поголовного истребления, и сегодня, когда она осуществлена, можно сказать, что армянин на своей родине стал исторической редкостью. Некоторые губернаторы... хвастливо телеграфировали центральному правительству, что в управляемых ими округах уже не осталось ни одного армянина. На мирный народ обрушилась не чернь, а само правительство, проводившее свою программу через солдат, жандармерию и разбойничьи шайки. Приказ был дан из центра и повсеместно безжалостным образом приводился в исполнение... Народ был изгнан из родных очагов и по пути был разграблен и истреблен. От Самсуна до Тигранакерта не спасся почти ни один армянин. Молодые женщины и девушки были похищены, а дети вырезаны. Резня была потрясающей в Муше, Багеше, Тигранакерте, Едесии, Трапезунде, Шапин-Карахисаре, Кеги, Балу и Грзика-Камахе, где почти никто не уцелел, не были пощажены ни старики, ни дети. В других провинциях Армении некоторым удалось спастись, но таких—не более пяти процентов. Во многих городах и селениях вряд ли можно найти сегодня одну или двух женщин... Из Багеша и окрестностей все еще нет вестей о спасении хотя бы одного армянина; в Тигранакертском вилайете вырезаны не только армяне, но и айсоры и халдеи. За неисполнение приказа губернатора о проведении резни три турецких каймакама смещены с должности и убиты. В Трапезунде и его окрестностях почти все армяне вырезаны и утоплены...»[1].

Французский публицист Анри Барби, побывавший в 1916 г. в Западной Армении, в своих путевых записках отмечал: «Кто ни проезжает сейчас по опустошенной Армении, не может не содрогаться, так необычайно много говорят эти бесконечные дали развалин и смерти. Нет ни одного дерева, ни одного утеса, ни одного клочка мха, который не был бы свидетелем избиений человека, который не был бы осквернен потоками пролитой крови. Нет ни одного протока, реки или речки, которая не несла бы к вечному забвению сотни, тысячи мертвых тел. Нет ни одной пропасти, ни одного ущелья, которые не были бы могилами под открытым небом, в глубине которых не белели бы открытые груды скелетов, так как почти нигде убийцы не дали себе ни времени, ни труда хоронить свои жертвы.

В этих обширных областях, когда-то оживленных цветущими армянскими поселениями, царствует сегодня разорение и безлюдие»[2].

Массовая резня армян, однако, имела место не только в Западной Армении и в Турции, но и в Восточной (Кавказской) Армении. В 1918 г. турецкие войска вторглись в Закавказье. Захватив большую часть Восточной Армении и Азербайджана, они и здесь организовали погромы и избиения местного армянского населения. Еще 12 апреля 1918 г. в специальной ноте Народного Комиссариата РСФСР Министерству иностранных дел Германии отмечалось, что наступление турецких войск на Кавказском фронте, в результате чего ряд областей Закавказья был ими захвачен, «сопровождается массовым истреблением армянского населения; мирное население,

[1] ЦГИА Арм. ССР, ф. 57, оп. 2, д. 672, л. 72—73.
[2] Барби Анри. В стране ужаса. Тифлис, 1919, с. 40.

женщины и дети вырезываются тысячами, имущество их предается разграблению и огню... Десятками лет применявшаяся политика истребления армянского народа продолжается и ныне»[1].

Говоря о политике младотурок в отношении закавказских армян, глава германской военной миссии на Кавказе генерал фон Кресс в докладе на имя канцлера фон Гертлинга от 5 августа 1918 г. писал: «Турецкая политика ясна. У турков есть намерение уничтожить армян. Армян преследуют, где только возможно, их провоцируют, чтобы иметь поводы к новым нападениям. Если это не удается, то их обрекают на голод и нищету»[2].

Позднее, 12 октября 1918 г., в телеграмме на имя Чичерина Г. Орджоникидзе сообщал: «Положение Армении (речь идет о Восточной Армении.— М. Н.) трагическое. На небольшом клочке двух уездов Эриванской губернии сконцентрировано более 600 000 беженцев, которые гибнут массами от голода и холеры. В завоеванных уездах турки вырезали половину населения»[3].

Совершенно очевидно, что политику геноцида армян младотурки старались осуществить также в Восточной Армении и в Закавказье. Но, к счастью, планы этих извергов провалились, так как поражение Германии и Турции в 1918 г. вынудило их оставить Закавказье.

В числе сотен тысяч погибших во время геноцида армян в годы Первой мировой войны были выдающиеся западноармянские писатели, поэты и публицисты Григор Зохраб, Даниел Варужан, Сиаманто, Севак, Зардарян и многие другие деятели литературы, науки и искусства. Великий армянский композитор Комитас, уцелевший благодаря случайности, не вынес ужасов зверств и после тяжелых переживаний лишился рассудка.

Каково общее число жертв в период геноцида армян в Османской империи? Подробное изучение вопроса не оставляет сомнений в том, что в годы господства султана Абдул Гамида погибло более 350 тысяч, а в период правления младотурок — полтора миллиона человек. Примерно 800 тысяч беженцев нашли убежище на Кавказе, Арабском Востоке, в Греции и в других странах. Если в 1870-х годах в Западной Армении и Турции проживало около трех миллионов армян, то в 1918 г.— всего 200 тысяч.

Следует отметить, что, несмотря на весьма неблагоприятные условия, армяне в 1915—1918 гг. не раз выступали против своих палачей, не раз прибегали к самообороне и с оружием в руках боролись за свою жизнь и честь. Беззаветно храбро защищалось население Вана, Шатаха, Шапин-Карахисара, Урфы, Сасуна, Суедии и ряда других городов и местностей. Успешно завершилась, в частности, самооборона в городе Ван, длившаяся около месяца. Благодаря героической борьбе народа и помощи частей русской Кавказской армии, в состав которой входили и армянские добровольцы, десятки тысяч ванских армян спаслись от угрожавшей им резни. Успешно закончилась и самооборона армян в районе Суедии (Антиохия), на горе Муса (Мусадаг), где плохо вооруженные крестьяне около сорока дней самоотверженно сражались против

[1] Документы внешней политики СССР. М., 1957, с. 240.

[2] Deutschland und Armenien..., док. № 475.

[3] Великая Октябрьская социалистическая революция и установление Советской власти в Армении. Сборник документов, Ереван, 1957, с. 233.

намного превосходящих сил наступающих турецких войск. Эти героические события талантливо воспроизведены в романе австрийского писателя Франца Верфеля «Сорок дней Мусадага», вышедшем в 1933 г. и переведенном на многие языки мира. Однако в большинстве случаев самооборона армян, вследствие неравенства сил, терпела поражение.

Политика массовой резни западных армян была политикой геноцида, беспощадно осуществленная правящими кругами Турции. То, что имело место в частности в 1915 г., было невиданным варварством, можно сказать, первым настоящим геноцидом в истории народов. Прав был Г Моргентау, когда писал: «Я уверен, что во всей истории человечества нет стольких ужасающих фактов, как эта резня. Великие избиения и гонения, наблюдавшиеся в прошлом, кажутся почти незначительными по сравнению со страданиями армянской нации в 1915 г. »[1].

Какую позицию заняли великие державы в отношении страшной трагедии армянского народа в годы Первой мировой войны?

Кайзеровская Германия — «союзница» Турции—одобряла и защищала преступные планы и кровавые действия младотурок. Исходя из своих агрессивных целей на Ближнем Востоке и на Кавказе, она всячески содействовала вандалам в организации депортации и резни армянского народа, связывавшего свою судьбу с Россией. Более того, немецкие офицеры, находившиеся в Турции, принимали участие в зверствах младотурок. Вот, например, что писал об этом Герберт Гиббонс, очевидец многих трагических событий: «В одном из больших городов Азиатской Турции американский миссионер, с которым я лично знаком и слову которого безусловно можно верить, видел, как германский офицер лично направлял огонь турецкой артиллерии на армянское мирное население. Еще по крайней мере в двух других пунктах германские консулы всячески поддерживали турецкую политику избиения и выселения армян»[2]. Но дело не ограничивалось офицерами и консулами. Официальные заправилы германского империализма не раз пытались оправдать озверелых убийц даже в своих публичных выступлениях. Германское правительство не скрывало своего соучастия в преступлениях турецких палачей.

Фарисейскую позицию заняли державы Антанты, считавшие армянский народ своим союзником. Они не предприняли действенных, практических шагов для спасения армянского народа от турецких вандалов. Эти государства ограничились лишь тем, что 24 мая 1915 г. опубликовали заявление, в котором возложили на правительство младотурок ответственность за резню армян. А Соединенные Штаты Америки, являвшиеся тогда еще нейтральной страной, не сделали даже подобного заявления. Несмотря на протесты ряда общественных деятелей и должностных лиц, американское правительство не принимало никаких мер для обуздания убийц. В то время, когда погромщики безжалостно истребляли армян, правящие круги США укрепляли свои внешнеторговые, экономические связи с турецким правительством. Государственный департамент США пытался дезинформировать общественность страны и, вопреки явным фактам, создать впечатление, будто вести о массовом избиении преувеличены и не точны. Английское правительство, выступавшее

[1] Morgenthau Henry. Ambassador Morgenthau's Story..., p. 324.

[2] Гиббонс Герберт Адамс. Последние избиения в Армении. Пг., 1916, с. 20.

иногда в роли «покровителя» армян, в начале 1916 г. отвергло предложение Министерства иностранных дел России о совместной финансовой помощи армянским беженцам, оказавшимся в крайне бедственном положении. Позицию, занятую западными державами в отношении армянского народа в годы Первой мировой войны, Максим Горький квалифицировал как «гнусное равнодушие»[1].

Против геноцида армянского народа выступила передовая общественность того времени. Гневный протест выразили Максим Горький, Валерий Брюсов и Юрий Веселовский в России, Анатоль Франс и Ромэн Роллан — во Франции, Джеймс Брайс — в Англии, Фритьоф Нансен — в Норвегии, революционные социал-демократы («тесняки») — в Болгарии, Карл Либкнехт, Иоганнес Лепсиус, Иозеф Маркварт, Армин Вегнер — в Германии и многие другие прогрессивные деятели почти во всех странах мира. Но голос этих благородных людей был чужд и непонятен озверелым бандитам. Турецкие палачи продолжали свое черное дело.

Казалось, пришел конец целому народу, народу древнему, культурному, трудолюбивому. Но как жестоки и беспощадны ни были палачи, они все же не смогли сломить дух народа и осуществить свой зловещий план истребления целой нации. Великая Октябрьская социалистическая революция, установление Советской власти в Армении положили конец вековым страданиям армянского народа. Была устранена грозная опасность новых массовых избиений, висевшая над ним.

Весьма примечательно, что еще 29 декабря 1917 г. Советское правительство России приняло «Декрет о «Турецкой Армении»[2]. В этом историческом документе, подписанном В. И. Лениным 31 декабря 1919 г., Чрезвычайному Комиссару по делам Кавказа Степану Шаумяну поручалось оказать всяческое содействие армянам-беженцам, «насильственно выселенным во время войны турецкими властями»[3]. В тот же период по указанию Ленина Советская Россия приютила десятки тысяч армянских беженцев на Северном Кавказе, в Крыму и других районах страны.

С помощью Советской России армянский народ приступил к строительству новой жизни, к созидательному труду, встал на путь национального возрождения. Армения, в прошлом отсталая и разоренная, за годы Советской власти превратилась в передовую, цветущую социалистическую республику. В дружной семье народов Советского Союза армянский народ достиг огромных успехов в области экономики, науки и культуры.

Армянская Советская Социалистическая Республика притягивает к себе трудящихся армян, рассеянных, по вине турецких преступников, по многим странам мира. Благодаря заботе Советского правительства в Армению вернулись из чужбины сотни тысяч армян. Постоянно укрепляются связи зарубежных армян с родиной.

Советская Армения — составная часть Советского Союза. Армянский народ вместе с братскими народами нашей великой страны вдохновенно борется за мир, светлое будущее, за то, чтобы больше не повторились разорительные войны и геноцид нигде и никогда.

---

[1] «Наши достижения». М., 1919, № 1, с. 31.

[2] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 477.

[3] Образование СССР. Сборник документов, 1917—1924. М.—Л., 1949, с. 28.

В настоящий сборник, посвященный геноциду армян в Османской империи, включены документы и материалы из армянских, русских, арабских, немецких, французских, американских и других источников. Преобладающая часть документов — это выявленные в разных архивах официальные рапорты, доклады и письма консулов, послов, министров, высокопоставленных сановников, членов и глав правительств разных государств, а также показания духовных лиц и миссионеров о массовой резне армян в Турции. Являясь достоверными и во многих отношениях ценными документами, они дают правильное, точное представление о величайшей трагедии армянского народа. Вместе с тем в ряде материалов содержатся мысли и утверждения, с которыми нельзя согласиться. Здесь, разумеется, нет возможности перечислить все эти неточности и ошибочные положения, но о некоторых из них, носящих более общий характер, следует сказать несколько слов.

В отдельных документах читатель не найдет ясного объяснения причин резни армян. Иногда переоценивается значение «мусульманского фанатизма черни» и «склонность к грабежу» курдских племен. Между тем хорошо известно, что организаторами всех массовых избиений армян были турецкое правительство и их местные органы, поставившие себе целью любыми средствами провести в жизнь политику геноцида армян, ставшую государственной политикой правящих кругов Турции с конца XIX в. Правда, заправилам страны не раз удавалось спровоцировать темные массы, уголовные элементы и некоторых главарей курдских племен против армянского населения. Но это было именно провокацией, явившейся результатом грязных ухищрений центральных и провинциальных властей. Таким образом, совершенно очевидно, что вся ответственность за массовые избиения армян ложится на правительство султана Абдул Гамида и особенно на правительство младотурок.

Некоторые материалы могут оставить впечатление, будто бы великие державы были всерьез озабочены кровавыми событиями, происходившими в Западной Армении, будто они предпринимали определенные шаги для разрешения Армянского вопроса. Это, конечно, далеко от истины. Английское правительство, например, не оказало никакой поддержки армянскому народу, страдавшему под ярмом османской деспотии. Более того, лицемерная политика коварного Альбиона причинила немало вреда западным армянам. Даже небезызвестный английский государственный деятель Ллойд Джордж был вынужден признать, что «политика британского правительства с роковой неизбежностью привела к ужасающим бойням 1895—1897 и 1909 годов и к страшнейшей резне 1915 года»[1].

Из ряда документов может сложиться мнение, что варварское злодеяние турецкого правительства не встречало достойного отпора со стороны армян. Такой вывод был бы, разумеется, ошибочным. Несмотря на тяжелейшие условия и неравенство сил, армяне, как уже было сказано, не раз с оружием в руках выступали против гамидовских и младотурецких палачей, стойко сражаясь за свою честь, национальное достоинство, физическое существование. Однако героическая самооборона обессиленного народа в большинстве

[1] Джордж Ллойд. Правда о мирных договорах, т. 2, М., 1957, с. 390.

случаев кончалась неудачей: у армян не было оружия, армянские провинции были отрезаны друг от друга, значительная часть боеспособного мужского населения Армении была заранее призвана в армию и вероломно истреблена.

В материалах сборника содержатся также неточности и ошибки частного порядка. Но, несмотря на это, документы, как было отмечено, в целом правдиво и довольно подробно обрисовывают самую черную страницу истории армянского народа.

В сборнике встречается множество географических названий с различными транскрипциями. Чтобы сохранить автотип документа, мы не сочли целесообразным унифицировать их. Это частично сделано в указателе важнейших географических названий.

Первое издание сборника было осуществлено издательством АН Армянской ССР в 1966 г. В настоящее — второе издание внесен ряд дополнений.

При составлении и подготовке сборника к печати большую помощь оказали нам Н. Дероян и Д. Мурадян.

О геноциде армян в Османской империи существует обширная литература — научные труды, очерки, воспоминания, статьи, сборники материалов и т. д. Об этом писали многие известные историки, публицисты, писатели, деятели науки и культуры России, Англии, Франции, США, Германии, Италии, Швейцарии и других стран, писали очевидцы кровавых событий, в том числе армяне, греки, арабы, курды и турки. Немало написано, в частности, в 1965 и 1975 годах, когда отмечались пятидесятилетие и шестидесятилетие самой массовой и варварской резни западных армян в 1915 г. (см. библиографию в конце сборника). Авторы этих публикаций гневно осуждают кровавые злодеяния султана Абдул Гамида, младотурок и их соучастников. Знаменательно, что в июле 1965 г. на Всемирном конгрессе мира в Хельсинки был также осужден геноцид армян. В настоящее время трудно найти грамотного человека, который не знал бы о великой трагедии армянского народа.

Однако вызывает, мягко говоря, удивление одно обстоятельство: многие официальные лица и представители «умственного труда» современной Турции, беспардонно попирая историческую правду, стараются отрицать факт геноцида армян в Османской империи. Тщетные попытки! Постыдная ложь слишком груба и нелепа. Что же скажут фальсификаторы истории перед лицом неопровержимых документов настоящего сборника?

В заключение следует добавить, что резня армян в Турции, как известно, не окончилась в 1918 г., она продолжалась и в последующие годы. В 1919—1922 гг. турецкими войсками и разными бандами были организованы новые массовые избиения армян в Восточной и Западной Армении, в центральных провинциях Турции, в Киликии, в городе Измире и в других местностях. Но трагические события этого периода освещены весьма слабо. Исходя из этого, группа научных сотрудников Института истории АН Армянской ССР уже готовит к изданию сборник документов о резне армян в 1919—1922 гг., который по существу явится продолжением настоящей книги.

Проф. М. Нерсисян.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РЕЗНЯ АРМЯН ПРИ СУЛТАНЕ АБДУЛ ГАМИДЕ

/ 1876 - 1908 /

1. Обращение армянского населения Османской империи к католикосу всех армян Геворку IV

Перевод с армянского
Константинополь, 1876 г.

Уж сколько веков находимся мы в подчинении у турок, денно и нощно, всегда и постоянно в тревоге, жестоко страдаем от областных начальников, сборщиков налогов, приказчиков и прочих насильников, вплоть до того, что они подвергают поруганию нашего пастыря церковного, позорят скромность женщин и честь девушек наших, проливают кровь наших юношей и стариков, подвергают надругательству святость храма и обрядов. О господи, в какое несчастие ввергнуты наши братья! Имущество их захватили и разграбили все, что нашли в землянках сельчан.

Вам прекрасно известно, святейший отец, что по поводу всех этих злоключений мы много раз обращались к министрам, со слезами и вздохами моля их о милосердии, но никакого отклика не нашли; слезы наши лились, подобно реке полноводной, но впустую, и никогда никто из министров не сжалился над нами. Ныне нам, отчаявшимся, остается обратиться к Западу[1], быть может, христианские государства и народы посочувствуют армянам и ту защиту, которую намерены оказать болгарам, соизволят пожаловать и нам.

Но для исполнения сего великого дела, благополучное завершение коего останется бессмертным памятником в сердцах нижеподписавшихся, надлежит Вам, отец наш, набраться решимости, дабы разъяснить и показать народам христианским бедствия сынов древней Армении и попросить помощи для облегчения нашего положения.

В противном случае, святейший отец, если не будет конца нашим бедам, если и далее продлятся горькие дни нашего рабства, если все еще будут оплакивать неве-

сты своих молодых женихов,—да не дожить нам до этого дня!—тогда, о господи, пример болгар пред нашими глазами: проливая потоки крови, и мы сбросим иго рабства...

[Четыре тысячи подписей]

Матенадаран, им. Маштоца, архив католикосата, п. 228, док. 23.

2. Письмо из Вана в газету «Мшак»

Перевод с армянского

Выдержки

Ван, 19(31) декабря 1876 г.

День 1 (13) декабря 1876 года явился черной страницей в летописи Вана. Город, который славился в Армении своим великолепием, за одну ночь разделил судьбу Ани, подвергшись пожарам, грабежу и избиениям. В эту ночь словно воскресли черные дни Тамерлана, будто вышли из могил призраки вандалов в белых саванах, поджигая все вокруг.

Было около двух часов ночи, когда армяне с изумлением увидели, что охранные войска, полицейские, солдаты и чернь, объединившись, с топорами и факелами в руках разносят армянские лавки и дома, грабят и поджигают их. Некоторые должностные лица, находившиеся на месте происшествия, делая вид, будто они не в силах сдержать ярость погромщиков, выступали лишь в роли зрителей, а иные даже воодушевляли их. Его преосвященство епископ Еремия и архимандрит Погос, прибежавшие на рынок, чтобы предотвратить пожар, были жестоко избиты в присутствии должностных лиц. Некоторые из солдат даже осмелились поднять на них сабли и грозились разрубить их, если они попытаются спасти от пламени пожара и грабежа лавки армян.

Армяне, хотя и невооруженные, неподготовленные и ошеломленные происходящим, глядя в лицо смерти, пытались спасти свои дома и имущество; войска же били их штыками и прикладами. Сколько раненых и потерявших разум, сколько убитых было среди них! Некоторым армянам удалось спасти кое-что, но большинство было ограблено до последней нитки. Что будет с нами? Если армяне из России не подоспеют на помощь, нас ожидает смерть...

Турки разграбили все наше имущество и сейчас уг-

рожают вырезать нас всех. Наша единственная вина в том, что мы христиане, хуже того—армяне. Если другие христианские народы защищаются единоверными государствами, то армян никто не защищает.

Мы сейчас с надеждой взираем на Россию, которая является единственной сопредельной христианской страной... Сколько раз наша патриархия посылала в Высокую Порту телеграммы, протестуя против угнетения, но они, кроме вреда, ничего не приносили. В. Порта, с одной стороны, дает нам пустые обещания, с другой же—посылает тайные приказы местным властям, не боясь ответственности усилить угнетение и притеснить нас так, чтобы и сил не оставалось для протеста.

Хотя мы и раньше испытывали жестокий гнет и притеснения, но после восстаний в Сербии и Болгарии, а особенно в последнее время, когда есть опасность войны между Россией и Турцией, турки, подобно раненому медведю, с отчаянной яростью набрасываются на армян, причиняют нам всякое зло, говоря: «И вы одной веры с этими гяурами-русскими».

Надеждой нашей являетесь вы, братья русские армяне. Умоляем, окажите нам помощь...

«Мшак», 24 февраля 1877 г., № 13.

8. Население Даралагяза католикосу Геворку IV

Перевод с армянского

Выдержки из письма *10 августа 1877 г.*

Турецкая Армения, которая пятьсот лет молчаливо терпела деспотическое иго тирана, теперь беспощадно заливается кровью ее сыновей. Турецкая жестокость в отношении подданных армян дошла до предела. Наши сердца содрогаются, когда мы представляем те ужасные преступления, которым подверглись армянские жители Вана, Баязета и других частей несчастной Армении. Наши кровные братья становятся жертвами меча варваров в Малой Азии, и пока бедная Армения остается под турецким господством, кровь армян будет проливаться...

Мы слезно умоляем, соизвольте представить русскому императору нашу верноподданническую просьбу и

просьбу всех армян, в России проживающих, чтобы его величество, простирая свое милосердие на многострадальных армян Турции, удостоило их тех прав, которыми должны пользоваться иные христиане Турции...

[Следует 351 подпись]

Матенадаран, Архив католикоса, п. 230, док. 336.

4. Из сообщения корреспондента газеты «Таймс» Нормана

Перевод с английского
Эрзрум, 24 августа 1877 г.

Положение армян в стране, по которой прошла армия Исмаила-паши, крайне бедственное. Из 122 деревень Алашкертской равнины все, за исключением девяти, полностью разрушены. Те немногие христиане, которые не воспользовались покровительством России при отступлении Тер-Гукасова, варварски убиты, целый ряд деревень сожжен дотла. В Мушском округе некоторые деревни были разрушены, а многие жители вырезаны. Город Ваязет и окрестные селения удостоились той же участи. В большинстве этих мест мужчины, женщины и дети были убиты самым жестоким образом...

O. B. Norman, Armenia and the Campaign of 1877. London, Paris and New York, p. 299—300.

5. Из коллективной ноты европейских держав министру иностранных дел Турции

Перевод с французского
Константинополь, 7 сентября 1880 г.

Нижеподписавшиеся получили ноту, помеченную 5-м июля, посредством которой Высокая Порта ответила на пункт их сообщения 11-го июля, относительно улучшений и административных реформ, которые Оттоманская империя обязалась 61-м параграфом Берлинского трактата ввести в провинции, населенные армянами[2]. Внимательное изучение этого документа доказало им, что предложения, формулированные оттоманским

правительством, не отвечают ни по духу, ни по существу этому параграфу. Державы знают, что оттоманское правительство послало 2 комиссии в провинции, населенные армянами, но они имеют основание думать, что эта мера не дала никаких результатов, и Порта в противность обязательству, принятому ею на себя в силу 61 даже не известила их об этой мере

Не видно также, чтобы в отправлении правосудия были введены какие-либо улучшения. Многочисленные консульские донесения, наоборот, доказывают, что настоящее положение гражданских и уголовных судов не лучше, если не хуже прежнего.

Что же касается жандармерии и полиции, то нота 5-июля утверждает, что Порта пригласила нескольких офицеров представить ей проект реформ для этих двух учреждений, но державам совершенно неизвестны эти проекты, и оттоманское правительство не в состоянии даже утверждать, что они были представлены ему.

Нижеподписавшиеся не могут даже сказать, чтоб ответ Высокой Порты дал хотя некоторое удовлетворение жалобам, изложенным в их ноте 11-го июня. Они тем более считают себя вправе свести к своим истинным размерам деятельность, какую выказало оттоманское правительство в этом направлении, что Порта, судя по ее ответу, сама не дает себе ясного представления о положении и о тех обязательствах, которые налагает на нее Берлинский трактат.

Самые выражения, в каких Высокая Порта сочла себя вправе говорить о преступлениях, совершенных в провинциях, населенных армянами, доказывают, что она не признает ту степень анархии, которая господствует в этих провинциях, и серьезность положения вещей, продолжение которых может повлечь за собою, по всей вероятности, уничтожение всего христианского населения в этих обширных дистриктах...

61-м параграфом Берлинского трактата Порта обязана исполнить без дальнейшего замедления улучшения и реформы, требуемые местными потребностями провинций, населенных армянами. Нижеподписавшиеся, к сожалению, должны признать, что общие реформы, отмеченные нотой от 5-го июня, не указывают тех местных потребностей, о которых говорит цитируемый параграф. Державы, понятно, с удовольствием примут введение широких реформ во все части Оттоманской империи, но

они более всего стоят за полное исполнение Берлинского трактата и не могут допустить, чтобы Порта смотрела на себя как на освобожденную от обязательств, принятых ею этою статьей, предлагая реорганизацию, в которую бы не входили реформы, специально выговоренные в пользу провинций, упоминаемых в трактате; а так как отличительная черта этих провинций — преобладание христианского элемента в наибольших дистриктах, то ни одна реформа, которая не примет этого обязательства в соображение, не может привести к благоприятным результатам...

Оттоманское правительство заявляет, что оно «уже приняло на службу людей честных и способных, без различия вероисповедания, и что с этого времени этот факт получит еще большее развитие». Это заявление крайне неопределенно, и нижеподписавшиеся думают, что тем необходимее тверже настаивать на этом пункте, что, как армяне утверждают, в провинциях, в которых они составляют большинство, нет почти ни одного армянина на общественной должности. Их требования тем более законны, что если бы даже Высокая Порта и поставила во главе этих провинций правителей христиан, то и тогда армяне не могут питать надежды на большее равенство и справедливость в управлениях.

Стало быть, необходимы более широкие меры, чем те, которые предлагает нота оттоманского правительства для того, чтобы признать Порту исполнившею обязательства, принятые ею в Берлине.

Недостаточность предложенных реформ так явна, что бесполезно обсуждать недостатки проекта Порты. Тем не менее следующие замечания невольно приходят на мысль.

Заявляя, прежде всего, что администраторами общин должны быть чиновники правительства, которые назначаются самой центральной властью из выборных членов общинного совета, а не избираются самими общинными советами, тем самым Порта признает принцип крайней централизации в административной иерархии.

Кроме того, оттоманская нота не определяет разницы между провинциальной жандармерией и другими видами ни по способу набора, ни с других точек зрения. Общинная жандармерия отличается от всех других лишь тем, что она поставлена под управление начальника общины. Она набирается не из преобладающего по ве-

роисповеданию элемента самой общины, и ничто не гарантирует, что она будет тем, чем должна быть на самом деле, т. е. местной охранительной силой.

Организация провинциальной жандармерии также не отвечает местным интересам провинций, указанным 61 параграфом; способ выбора как солдат, так и офицеров из «подданных всех классов подданных империи» носит еще более неопределенный характер. Было бы желательно, чтоб и солдаты, и офицеры провинциальной жандармерии выбирались из членов общинной жандармерии, т. е. из сельских сторожей, которые в свою очередь избирались бы самими общинами. Эти сельские сторожа, на обязанности которых лежит защита деревень от набегов курдов, должны доставлять провинциальной жандармерии контингент, пропорциональный населению каждой общины. Избирательное начало, поставленное на место административного произвола, составляло бы надежную гарантию для правильного устройства сил, имеющих назначением охрану общественной безопасности.

Достоинство предложений, касающихся учреждения суда подвижного, зависит больше всего от тех условий, при которых будет учрежден этот суд; нота же от 5 июля хранит по этому поводу глубокое молчание. Необходимо принять во внимание преобладание армянского элемента в известных провинциях и дать этому элементу соответствующее участие в организации правосудия.

К тому же здесь возникает еще целый ряд вопросов, на разрешение которых оттоманская нота не обращает никакого внимания. Будут ли судьи несменяемы или назначаемы на известное время? По каким законам они должны судить — по законам ли Шери или законам какого-либо другого кодекса? Каким образом суд заставит признать свои приговоры полунезависимые, дикие курдские племена?..

К сожалению, параграф, касающийся вычета известной суммы, предназначенной на удовлетворение местных интересов, каково содержание училищ, выражен крайне неясно. Можно допустить, однако, что он заключает в себе довольно важный принцип, и этот принцип, по мнению держав, состоит в следующем: налоги должны быть разделены на две категории: первая, в которую входят доходы с таможни и налогов на соль и табак, должна быть употреблена на нужды империи, другая,

образовавшаяся из общих доходов вилайета, должна быть употреблена на административные цели провинций; часть остатка пойдет на местные потребности, а другая часть пошлется в Константинополь. Если это толкование правильно, то предложения ноты 5 июля более или менее отвечали бы 19 параграфу проекта административной реорганизации провинций Европейской Турции, представленной Высокой Портой на рассмотрение европейской комиссии Восточной Румелии. Эта мера имеет характер серьезной реформы, поскольку она устанавливает принцип, что раньше всего надо заботиться об обеспечении расходов местных посредством вычета части из доходов и с налогов, только необходимо, чтобы этот принцип опирался на гарантии, соответствующие тем, которые были приняты комиссией административных реформ.

Кроме того, нижеподписавшиеся должны заметить, что нельзя употребить на какую-нибудь другую цель доход, назначение которого было уже определено.

Принцип децентрализации, столь необходимый для провинций, населенных племенами, исповедующими религию, различную от той, которую исповедуют центральные власти, недостаточно хорошо поставлен в ноте Вашего Превосходительства. До тех пор невозможно рассчитывать на действительность реформ, пока не будет ясно определено положение генерал-губернаторов. Нота говорит, что власть их будет расширена, но уверения такого общего характера не могут еще разрешить задачи. До тех пор, пока пределы власти генерал-губернаторов и порядок ответственности их, при исполнении их обязанностей, не будет точно определен, до тех пор, пока не будут предоставлены этому высшему чиновнику формальные гарантии в продолжительности его службы, до тех пор невозможно высказать мнение о действительности предложенных мер. Ясно, что генерал-губернатор должен иметь известные данные о продолжительности своей службы, должен быть освобожден от постоянного вмешательства во все мельчайшие подробности своего управления, чем парализовалась до сих пор его деятельность. Излишне прибавлять, что если такая обеспеченная независимость вали желательна повсюду, то она совершенно необходима в провинциях, населенных армянами. Одним словом, державы, убежденные в недостаточности предложений оттоманского правительства, думают, что

пора уже принять в более серьезное внимание местные нужды этих провинций, дать более широкое развитие принципам равенства и децентрализации, принять более действительные меры для организации полиции и охраны населения от набегов курдов и черкесов и определить, наконец, продолжительность и размер власти генерал-губернатора. При этих условиях, и только при этих, может быть дано полное удовлетворение правам и надеждам, созданным 61 параграфом Берлинского трактата.

Правда, что Порта старается уменьшить значение этого параграфа, ссылаясь на цифру как армянского, так и христианского населения сравнительно с общей численностью всего народа. Таблица, представленная при ноте, до такой степени отличается от всех других, что державы не могут принять ее как за совершенно точную...

Очень вероятно, что для удовлетворения всем местным потребностям необходимо будет произвести пересмотр настоящей географической границы разных вилайетов.

Крайне необходимо также выполнить, не теряя времени, реформы, обеспечивающие жизнь и собственность армян, принять тотчас же меры против набегов курдов, применить немедленно новую финансовую систему, дать хоть временно жандармерии лучшую организацию, и в особенности, предоставить генерал-губернатору власть более широкую и более долговременную.

Нижеподписавшиеся в заключение просят еще раз Высокую Порту обратить внимание на тот существенный факт, что реформы, вводимые в провинциях, населенных армянами, согласно обязательству, принятому ею международным актом, должны согласоваться с местными потребностями и производиться под наблюдением держав.

Нижеподписавшиеся и т. д. Подписи:

Ганфельд (Германия)
Новиков (Россия)
Гошен (Англия)
Корти (Италия)
Тиссо (Австро-Венгрия)
Каличе (Франция)

М. Г. Ролен-Жекмен. Армения, армяне и трактаты.—В сб.: Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 г. М., 1898, с. 96—103.

6. Российский военный агент полковник Филиппов послу в Турции Новикову

Донесение *Константинополь, 19 октября 1880 в.*

Вследствие данного мне Вашим высокопревосходительством 17-го сего октября словесного приказания узнать у армянского патриарха Нерсеса: 1) о настоящем положении дел в Армении, 2) известно ли ему, что многие молодые люди из армян, уроженцев Закавказья, тайно уходят в Турцию и 3) о целях этой эмиграции, я на другой день (18 октября) был у патриарха. Объяснения, данные им, сводились к следующему.

С начала войны Турецкая Армения подвергалась, по словам патриарха, таким притеснениям со стороны турецких властей, что в некоторых местностях жители уже решились сопротивляться открытой силой, несмотря на безнадежность успеха, но он, патриарх, успел успокоить умы силой убеждения и обещаний. Однако после войны к систематическому преследованию правительства присоединились повсеместные в Армении грабежи...

При всем возбуждении умов патриарх сдерживал народ в пределах умеренности и благоразумия обещанием скорого переустройства Армении. Эти обещания основывались на статьях Сан-Стефанского и Берлинского трактатов и на обещании европейских представителей в Константинополе приступить в непродолжительном времени к освобождению Армении от состояния анархии, в котором она находится теперь. Народ действительно оживился надеждой, когда узнал, что европейскими представителями уже начаты переговоры к устройству в Армении правильной администрации и даже, по соглашению европейских держав, был выработан в главных чертах и представлен Порте проект этого управления.

В течение с лишком двух месяцев народ ожидал какого-нибудь движения армянского вопроса, уже возбужденного Европой, но увидел, что положение, принятое как европейскими государствами, так и особенно Портой, лишает надежды на скорое изменение теперешнего невыносимого положения Армении. Между тем турецкое правительство воспользовалось этим временем и приступило к введению известного Вашему высокопревосходительству проекта Аббедина-паши, проекта, единогласно признанного европейскими представителями

неудовлетворительным. Порта начала с изменений административного деления края. В основании действий турецкого правительства лежит намерение так разделить Армению на уезды (каймакамлыки) и участки (нахии), чтобы армянское население было, по возможности, лишено большинства, т. е. местности с сплошным армянским населением, составляющие одно административное целое, раздробляются на части, которые присоединяются к соседним местностям, населенным преимущественно курдами или турками. С другой стороны, Порта приняла насильственные меры к уничтожению и той незначительной доли самостоятельности, которою народ, в силу давних прав, дарованных султанами, пользовался по внутренним и духовным делам общин. В противность этим правам Порта начала сноситься непосредственно с епископами и сменяет их, даже не предуведомив патриарха, чем подрывает авторитет последнего и еще более ослабляет единственную власть, способную до известной степени направлять движение народа в пределах законности. Таким образом, армянский народ, по словам патриарха, не только лишается надежды на облегчение его участи путем легальным, но и видит в последних распоряжениях Порты посягательство на упрочение и в будущем нынешнего положения дел, породившего уже столько бедствий.

По словам патриарха, положение армянского народа в Турции так безнадежно, что даже вооруженное сопротивление нельзя считать невозможным.

К патриарху уже являлись и турецкие и закавказские армяне с разными в этом роде предположениями, но он ответил решительным отказом, предписав, вместе с тем, епископам противодействовать всяким подобным попыткам, если они будут проявляться мелкими восстаниями, возбуждаемыми энтузиастами.

При этом, однако, патриарх заметил, что он пользуется только духовным авторитетом, без всякой исполнительной полицейской власти; поэтому может противодействовать стремлению населения лишь до известной степени, но затем его нравственное влияние окажется бессильным, когда увлечение сделается общим, т. е. когда страдание от нынешних бедствий превзойдет меру народного терпения.

Архив внешней политики России (АВПР), С.-Петербургский Главный архив, д. 119, л. 4—5.

7. Армяне Ванского вилайета императору Александру III

Перевод с армянского

Из письма *10 февраля 1882 г.*

От имени армянского христианского населения, проживающего в Ванской области Армении, в дополнение к нашему нижайшему обращению, посланному Вашему величеству 16 марта 1880 года о бедственном положении нашего народа, снова повторяем нашу мольбу. Мы осмелились обратиться к Вам вторично в силу того, что в настоящее время армянский народ находится на краю гибели, ибо положение невыносимое и отчаянное.

Вместо того, чтобы статья 61 Берлинского договора, посвященная армянскому вопросу, положила конец невыносимым преследованиям, новые жертвы подтверждают, что если так будет продолжаться, то эта статья станет причиной нашей гибели.

Со времени заключения Берлинского трактата до настоящего времени со стороны Высокой Порты не наблюдается какое-либо желание ввести справедливость и равенство в Армении. Напротив, в центральных правительственных учреждениях совершенно игнорируются интересы армян-христиан, насаждается фанатизм и ненависть к ним, в результате чего правительственные чиновники, разбойничьи банды и вообще все угнетатели, поощряемые еще больше, усугубляют свои преступления.

Даже и теперь, Ваше величество, когда уже многие месяцы идут переговоры по армянскому вопросу и по проведению реформ в Армении, как Вам известно, правительство его султанского величества не желает признать своих обязательств, вытекающих из статьи 61 Берлинского трактата. Все его обещания и маневры имеют целью лишить силы эту статью, чтобы армянский народ потерял последнюю надежду.

Вот почему, если могучее и гуманное влияние Вашего величества не спасет нас, как это имело место в Восточной Румелии, которой была предоставлена административная автономия, и что вознаградило бы наше терпение, то произойдут неописуемые бедствия, которые

приведут к тому, что Армения станет могилой последних надежд измученных армян...

Хримян,
бывший армянский патриарх в Константинополе,
Хорен Ованесян,
Айрапет Ханджян

АВПР, Главный архив, д. 119, л. 50.

8. Исполняющий должность российского вице-консула в Ване послу в Константинополе Новикову

Из донесения № 12 *14 марта 1882 г.*

Считаю долгом заявить, что действительно положение здешних армян, систематически преследуемых турками, стало невыносимее, чем когда-либо. Нужно быть здесь, на месте, чтобы судить, до каких возмутительных пределов доходит преследование турками армян. При этом наиболее высокопоставленные правительственные чиновники открыто высказывают, что здесь готовится будто бы вторая Болгария и что они, наученные опытом, сумеют задушить вредный их правительству элемент и, таким образом, раз навсегда покончить с «армянским вопросом». Подобное настроение высшей турецкой администрации, вдохновляемой, конечно, Портой, и отсутствие каких-либо признаков обещанных реформ побудило местных армян вновь обратиться с просьбой к нашему правительству. Укажу, между прочим, на следующий факт: со времени учреждения Ванского вилайета на должность вице-губернатора (муавин) назначался постоянно армянин (в последнее время некто Агатон-эфенди). Ныне последний вызван в Константинополь (полагают, что должность муавина будет упразднена) и на вновь установленную должность мутесаррифа ванского назначен Шукри-Эр, бывший мулла. Назначение это произвело тяжкое впечатление на здешних армян..

Добавлю в заключение, что к кому бы ни обращались за помощью здешние армяне, но они ждут действительной поддержки только от России. Если между учащимися армянами и есть лица, по простительному заблуждению опирающиеся на Англию, то, с другой стороны, нельзя не признать за истину, что подавляющее большинст-

во их всецело предано России и верит только в ее заступничество.

Камсаракан

АВПР, Главный архив, д. 119, л. 48—49.

9. Комитет армянских патриотов в Европе министру иностранных дел России

Перевод с французского

Из письма *27 октября 1885 г.*

Покорнейше обращаясь к Вам от имени армянских патриотов, наш Комитет[3] берет на себя смелость прибегнуть к помощи Вашего превосходительства, чтобы привлечь благосклонное внимание правительства его величества императора к судьбе миллионов мучеников, стонущих в Армении под ярмом нынешнего турецкого режима и страдающих от набегов кочевых племен.

Полное отсутствие правосудия, отправление которого зависит от произвола любого мусульманского священника-фанатика, в глазах которого каждый христианин является неверным; злоупотребления властей, которые обращаются с народом-мучеником как с настоящим рабом, чья жизнь, имущество и честь приносятся в жертву прихотям чиновников; разбой, чинимый курдскими кочевниками[4] по приказу и в интересах провинциальных властей, — таково, Ваше превосходительство, положение вещей в Армении.

Население Киликии, доведенное до отчаяния существующими условиями, попыталось, после неудач 1855—1860 годов, вновь взяться за оружие, чтобы отстоять свою свободу, но киликийцы были преданы Ахмет-пашой Козанлы, и ныне они еще стонут в цепях, брошенные в тюрьмы Мараша.

Аналогичное положение в Эрзруме, где было подавлено движение 1882 года. Ван, Муш и Диарбекир являются, без преувеличения, аренами неслыханных зверств, одна мысль о которых заставила бы содрогнуться благородные народы Европы.

Все это привело к тому, что народ наш, Ваше превосходительство, явно обрекается на гибель: гибнут люди, уничтожаются хозяйства, проводится в жизнь план

истребления. Со времени принятия статьи 61 Берлинского трактата турецкое правительство тайно направляет все свои усилия к истреблению армянской нации на ее родине. Те, кто имеют несчастье привлечь к себе внимание турецких властей либо своим умом, либо занимаемым социальным положением, могут избежать преследований, лишь покинув пределы страны; так тысячи отцов семейств оказываются за границей, пополняя ряды патриотов, которых мы имеем честь представлять. Вдали от семей они бродят по свету, изыскивая средства для возвращения к милым их сердцу очагам и к своим несчастным детям. Они тоскуют за границей по своим семьям, в то время как их семьи—отцы, матери, дети—гибнут от нужды и лишений на родине.

Таковы условия жизни нашего народа, — если только можно назвать это жизнью, — которые заставили нас взять на себя смелость обратиться к правительству его величества в расчете на его благосклонное внимание.

Предпринимая наш демарш, мы не претендуем на особое царство, не добиваемся политической независимости, а желаем просто жить в человеческих условиях.

Мы хотим иметь возможность вернуться на свою родину, жить там и мирно обрабатывать священную землю, завещанную нам нашими предками, политыми ее своей кровью.

Мы надеемся, Ваше превосходительство, что правительство его величества всемилостивейшего императора, которое на Берлинском конгрессе подтвердило своей подписью настоятельную необходимость проведения реформ административной системы в Армении, соблаговолит благосклонно отнестись к смиренному ходатайству армянских патриотов, с которым мы осмеливаемся обратиться к Вашему превосходительству...

В интересах нации, Ваше превосходительство, осмеливаемся мы прибегнуть сегодня к Вашему благородному посредничеству, дабы привлечь внимание правительства его величества всемилостивейшего царя к судьбе несчастных мучеников Армении, хотя бы для того, чтобы заставить уважать подпись, которой Вы соблаговолили скрепить Берлинский трактат; мы полагаем, что положение этого несчастного народа заслуживает внимания правительства, которое Вы столь достойно представляете.

Армянский народ рассеян по всей Турции, и Вы видите, Ваше превосходительство, что статья 61 Берлинского трактата, касающаяся всех азиатских провинций Турции, населенных армянами, ввиду трудности применить ее ко всем этим провинциям сразу, предоставляет правительству Оттоманской империи бесконечные предлоги для того, чтобы это решение оставалось на бумаге. Но Себастия, Трапезунд, Эрзрум, Ван, Диарбекир и Киликия, где армяне все еще составляют компактное большинство..., могли бы образовать союз автономных провинций под суверенитетом Блистательной Порты и под скипетром какого-нибудь европейского монарха. С помощью непродолжительной военной оккупации страны в ней можно было бы восстановить порядок и спокойствие в условиях реформированного режима, подобно тому, который существует в Восточной Румелии; так немедленно открылся бы путь к использованию естественных богатств страны, чему будет способствовать склонность к торговле и промышленности, которые отличают армянина и заставляют его стремиться к установлению связи с европейскими народами.

Обращаясь к Вам с нашей покорнейшей просьбой, мы не сомневаемся, Ваше превосходительство, что сообщаемые нами факты Вам известны. Но помня, что мы говорим от имени лишенных родины отцов, тоскующих по своим детям, от имени сыновей, которые были вынуждены покинуть родителей и сестер не для того, чтобы избежать пыток, а чтобы, спасшись самим, обеспечить своим несчастным семьям кусок хлеба, — мы не могли дать более сжатого описания того положения, в котором находятся армяне. Они все еще стонут, продолжая жить в условиях, о коих Вам известно..., несмотря на обещания держав и правительства его величества императора всероссийского.

В надежде на то, что в результате благожелательного посредничества Вашего превосходительства правительство его величества соблаговолит внять мольбам и спасти от несчастий и гибели столько человеческих существ, мы имеем честь выразить Вашему превосходительству чувство нашей глубокой признательности...

Комитет армянских патриотов

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3133, л. 27—28.

10. Из телеграмм русского генерального консула в Эрзруме Деннета послу в Константинополе Нелидову

Эрзрум, 10 июня 1890 г.

Положение христианского населения, а вместе с ним и наше, крайне опасное. Ежеминутно можно ожидать взрыва мусульманского фанатизма от ничтожной случайности.

Эрзрум, 12 июня 1890 г.

Перейдет ли эта местная вспышка фанатизма в общее движение, пока трудно судить... Раненых свыше двухсот, убитых известно пока четырнадцать человек.

АВПР, Политархив, д. 3431, л. 10, 18.

11. Русский посол в Константинополе Нелидов министру иностранных дел Гирсу

Выдержки из донесения *Буюкдере, 19(31) июля 1890 г.*

Имея надежду в близком будущем лично представить Вашему высокопревосходительству устный отчет о происшедшем здесь в течение истекшей недели, я не нахожу времени для составления о том подробного письменного донесения, тем более, что главные события изложены были в моих последних телеграммах.

Самыми выдающимися из них являются кровавые беспорядки, происходившие в воскресенье в Стамбуле, близ армяно-григорианской патриархии, в Кум-Капу...

Среди армян господствует жестокое возбуждение, поддерживаемое беспрепятственными арестами и преследованиями всех подозреваемых в принадлежности к предполагаемому революционному комитету, устроившему манифестацию против патриарха.

Существует ли здесь действительно подобный комитет, — узнать трудно...

Турецкие власти безумной подозрительностью и бестактным приложением мер строгости вызывают ненависть и враждебность армянского населения, очень значительного в столице и рассеянного по всей Турции. Из этого легко могут произойти весьма опасные усложнения...

АВПР, Политархив, д. 3431, л. 30—31.

12. Российский посол в Константинополе министру иностранных дел Гирсу

Из депеши *Пера, 1(13) ноября 1890 г.*

Волнение и неудовольствие в среде умеренной части армянского населения постепенно усиливаются и [армяне] стремятся к понуждению великих держав, и особенно России, заняться армянским вопросом и настоять на исполнении обещанных статьей 61 Берлинского трактата реформ.

Я имел недавно по этому поводу не лишенное значения объяснение с одним из здешних благомыслящих армян, хорошо знакомых с положением армянского вопроса и с намерениями своих соотечественников. Он старался доказать мне, что арестами и приговорами турки не достигнут успокоения армянского населения. Неудовольствие слишком распространено между ними: искренне порицая анархические приемы террористических комитетов, все армяне, однако, более или менее причастны к общему движению, объявшему народ в его стремлении к улучшению своего невыносимого положения. «Мы ничего не *просим* у турок, — заключил он. — Нам не нужно никаких уступок или милостей, мы *требуем* того, что нам принадлежит по праву, признанному за нами всей Европой. И право это дала нам Россия, купившая его ценой крови своих сынов. Вы впервые вписали в Сан-Стефанский трактат имя Армении, вы не можете отказать нам в поддержке наших справедливых домогательств. Пусть Порта даст нам удовлетворение, и она увидит, что народ успокоится...».

Нелидов

АВПР, Политархив, д. 3431, л. 172—173.

13. Посол Нелидов министру Гирсу

Из депеши *Пера, 22 ноября 1890 г.*

Беспрестанные аресты армян, подозрения и преследования всей их общины создали мало-помалу для главных членов оной почти невыносимое положение. Чувствуя себя постоянно под подозрительным оком полицейской власти и не будучи уверенными в том, что и их самих

не постигнет участь многих из их низших соплеменников, они решились наконец собраться, чтобы представить султану адрес, заявляющий о их преданности и порицающий действия безумцев, задумавших идти против законной власти.

Подписи на адресе принадлежат высшим государственным сановникам Турции армянского происхождения. Хотя они и протестуют против безумных замыслов своих соотечественников, нельзя не видеть, однако, что в глубине своей души составители адреса далеко не искренни в уверениях своих, что «армяне живут счастливые и довольные под отеческим правительством султана и наслаждаются всеми благами». Я имел случаи говорить с некоторыми из них, и они с горечью признавались, что вынуждены были составить этот документ, чтобы отречься от солидарности с революционерами и создать себе возможные условия существования, отклонив постоянные подозрения и нарекания.

Достигли ли они вполне своей цели, трудно сказать. Аресты и преследования армян продолжаются...

АВПР, Политархив, д. 3431, л. 185—186.

14. Исполняющий обязанности английского консула послу в Константинополе Клэру Форду

Перевод с английского
Алеппо, 20 июня 1892 г.

Сэр, имею честь настоящим передать Вашему превосходительству копию выдержки из письма г. вице-консула Ликиардопуло, адресованного мне 12-го текущего месяца о положении дел в вилайете Адана.

Я могу добавить, что, к несчастью, приблизительно такие же события, о которых сообщает г. Ликиардопуло, повторяются даже в провинции Алеппо, управляемой Ариф-пашой, и я склонен думать, что если не будут приняты энергичные меры, это досадное поведение турок по отношению к христианам этих мест постепенно может иметь серьезные последствия.

А. Кетони

Вице-консул Ликиардопуло исполняющему обязанности консула Кэтони

Перевод с французского

Выдержка

Мерсин, 12 июня 1892 г.

Со времени прибытия нашего вали Ходжи Изет-бея фанатизм дошел до предела. Христиане вообще и армяне в частности страдают от этого; что ни день возбуждается какое-нибудь новое дело. Недавно он потребовал представить ему фирманы относительно школ и церквей, запрещая производить обследование без соответствующего распоряжения из Константинополя. Он закрыл почти все магазины розничных торговцев алкоголем под тем предлогом, что они находятся близ мечети или кладбища и т. д. Если мусульманин хочет отомстить христианину, для этого достаточно представить двух свидетелей, подтверждающих, что он оскорбил мусульманскую религию; за это или же за оскорбление величества этого человека тотчас бросают в тюрьму.

Среди мусульман есть лица, которые обращаются к армянам, требуя у них денег и давая знать, что в случае отказа они отомстят; таким путем им удается вымогать у них деньги.

Если такое положение вещей будет продолжаться, можно опасаться нарушения общественного спокойствия. Я могу уверить Вас, что армяне Аданы очень далеки от того, чтобы думать о комитетах или других политических делах.

Correspondence relating to the Asiatic Provinces of Turkey. 1892—93. Turkey, No. 8 (1896). London. 1896. p. 32.

15. Английский посол в Константинополе Клэр Форд графу Розбери

Перевод с английского

Константинополь, 13 марта 1893 г.

Имею честь приложить к сему копию депеши, полученной мною только что от посла Соединенных Штатов Америки в Константинополе, в которой сообщается о весьма неудовлетворительном положении армянского населения города Кесарии в Малой Азии. У меня не было

времени до отъезда курьера сегодня проверить достоверность сообщения, содержащегося в депеше американского посла, но я не премину сделать это завтра и переслать Вашему сиятельству результаты моих расспросов.

Фрэнсис Клэр Форд

Приложение I

Посол США Томпсон Клэру Форду

Константинополь, 13 марта 1893 г.

Имею честь приложить к сему для Вашего сведения сообщение о положении дел в Малой Азии — в Кесарии и Йозгате, которое я получил, как мне кажется, из достоверных источников.

Из докладных записок, полученных мною из Марзвана от консула Соединенных Штатов Джюйетта, я все больше убеждаюсь в том, что описанное в сообщениях положение христианского населения в этой беспокойной части Турции чрезвычайно тяжелое.

Д. П. Томпсон

Приложение II

Из меморандума

Из Кесарии. — ...Три армянские церкви в городе Кесарии ограблены толпой мусульман. Нападение имело место в субботу, во время богослужения; у присутствовавших женщин отняли ожерелья и серьги.

В некоторых случаях женщины подвергались нападению со стороны магометан на улицах города. Они теперь не осмеливаются выходить из своих домов.

В настоящее время некоторые лица в Константинополе получили известия о смерти своих родственников, убитых мусульманами в городе Кесарии.

Мусульмане грабят караваны купцов-христиан, так что некоторые посредники здесь получили приказ прекратить отправку товаров в этот район.

Более пятисот армян в Кесарии находятся в тюрьме. Других все еще доставляют из деревень, и для их размещения сооружены деревянные бараки.

Ввиду незаконных действий мусульман, продолжающихся в течение четырех—пяти недель, магазины города Кесарии заперты. Люди, существующие поденным трудом, чрезмерно страдают, а цены на продукты взвинчены до предела.

Из Йозгата. — Тюрьмы переполнены армянами, более 60 богатых местных армян содержатся в заключении в военных бараках ввиду отсутствия мест в тюрьме.

Одному из них, Амбарцуму-эфенди, предложили избавиться от ареста, при условии, если он заплатит 500 лир. Он отказался и был арестован как подозрительная личность...

В этом городе нет ни одного богатого интеллигентного человека из армянской или протестантской общин, который бы не находился в тюрьме.

В Марзване несколько руководящих лиц арестовано, но им не сказали, в чем их обвиняют, и они продолжают оставаться в тюрьме без разбора дела.

Correspondence relating to the Asiatic Provinces of Turkey. 1892–93. Turkey, No. 3 (1896), London, 1896, p. 67–68

16. Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе министру внутренних дел

Выдержка из письма *Тифлис, 20 августа 1893 г.*

В июле месяце настоящего года сорок пять семейств армян турецкоподданных самовольно и без надлежащих письменных видов перешли государственную границу в пределах Эриванской губернии и Карсской области и сосредоточились в последней. При опросе переселившиеся заявили, что как они, так и другие их соплеменники насильственно выдворяются из приграничной полосы турецкими властями, заселяющими освобождающиеся от них места курдами и что поэтому в близком будущем можно ожидать дальнейшего прилива в наши пределы турецкоподданных армян. Ввиду изложенных обстоятельств, переселившиеся ходатайствовали о водворении и наделении их землей в Карсской области...

АВПР, Полнтархив, д. 3431, л. 307—308.

17. Посол Клэр Форд графу Розбери

Перевод с английского
Константинополь, 28 октября 1893 г.

Имею честь препроводить Вашему сиятельству копию депеши, полученной мною от консула ее величества в Эрзруме, докладывающего об усилении эмиграции армян в Россию.

Френсис Клэр Форд

Приложение

Консул Грейвс А. Никольсону

Эрзрум, 5 октября 1893 г.

Сэр, имею честь доложить, что среди армян пограничных районов данного вилайета развернулось постоянное и продолжающееся движение по эмиграции на русскую территорию. Больше всего оно заметно в долине Басена и в Алашкерте, откуда, как говорят, целых 400 семей — более 2000 душ ушли в Россию в течение прошлого года. И это независимо от тех частных случаев, когда люди в большом количестве уходят в Россию, номинально в поисках работы или совершения паломничества в Эчмиадзин и часто не возвращаются. Никаких препятствий эмигрантам не чинится русскими властями, которые временно размещают их по деревням, пока им предоставят свободные земли, покинутые главным образом эмигрирующими в Турцию мусульманами.

Вряд ли можно сомневаться в том, что многие армяне эмигрировали бы также из внутренних районов, если бы не сопротивление властей и опасности, подстерегающие их на дороге к границе. Так, например, большинство жителей деревни Кара-Чобан Хнусского района стремится эмигрировать, но правительство отказало им в этом.

Недород зерновых в 1892 г. и незначительный урожай в этом году привели крестьянство в неслыханно бедственное положение, обостряющееся в вышеупомянутых районах гнетом и вымогательством курдов, а также нерадивостью, проявленной местными властями в охране общественной безопасности.

Я узнал, что многие эмигранты пожертвовали своей землей и домами, чтобы рассчитаться с долгами и налоговой задолженностью, и покинули страну, взяв с собой лишь некоторые вещи личного потребления, которые могли увезти с собой...

Р. В. Грейвс

Correspondence relating to the Asiatic Provinces of Turkey. 1892—93. Turkey, No. 8 (1896). London. 1896. p. 213.

18. Генеральный консул в Эрзруме послу в Константинополе Нелидову

Из депеши № 346 *20 августа 1894 г.*

...Сасунцы [армяне] оставили свои селения и ушли в горы, отличающиеся большей неприступностью и более скалистой местностью, чем Черногория.

Турки начали стягивать к Сасуну войска.

В донесении № 317 я имел честь докладывать о выступлении из Эрзрума 1-го батальона 25 полка.

В то же время, т. е. около 4 августа, был выслан к Сасуну один батальон пехоты из Муша, один из Серта, а на прошлой неделе выступил отсюда 2-ой батальон 25 полка и посланы 2 батареи: одна горная в 6 орудий и одна полевая.

Смею полагать, что артиллерия имеет лишь демонстративный характер, ибо топография местности вряд ли позволит ей действовать.

В ночь на 19 августа проследовал из Эрзингяна, не останавливаясь в Эрзруме, 7-й стрелковый батальон.

Можно предполагать, что турки намерены обложить сасунцев в их горах и голодом вынудить их к сдаче с целью частью истребить, частью выселить в более доступные для администрации местности.

Поэтому, кроме низама, в Сасун привлечено несколько полков гамидие; хлебные поля сасунцев, по полученным здесь частным сведениям из Муша, или выжжены, или истреблены скотом.

Деревни Шеник, Семал, Шушанлир, Алиен и Гелиегузан сожжены. Несмотря на это, сасунцы продолжают оставаться в своих горах. Говорят здесь, что один курдский род (аширет) с ними в союзе.

Распространения такого соглашения, по-видимому, сильно опасается турецкое правительство.

Здесь же считают не лишним упомянуть, что, по слухам, положение христиан, кроме Сасунской казы, в Хнысской казе Эрзерумского санджака и Буланыкской казе Мушского санджака минувшей весной было крайне безотрадное — люди ходили «как мертвецы», ибо турки еще осенью отобрали у армян весь хлеб, обещаясь разделить его между жителями, а роздали его одним туркам и курдам, оставив армянам только хлебные суррогаты: просо, другое мелкое семя, известное у нас под именем канареечного, и т. п.

Такое питание вызвало у людей болезни, сопровождавшиеся смертными случаями.

К этому положению присоединился падеж скота...

Максимов

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3176, л. 24—25.

19. Генеральный консул в Эрзруме послу в Константинополе Нелидову

Из донесения № 411 *1 октября 1894 г.*

На последней неделе посетителям эрзерумских кофеен приходилось нередко слышать разговор между собой турок о том, «что бог не простит им невинно пролитой крови в Сасуне и накажет мусульман за нее».

Так относятся ныне сами эрзерумские турки к событиям, совершенным в Сасуне в первой половине минувшего августа частью низамом, частью несколькими полками курдской конницы гамидие.

Пока здесь еще нет вполне достоверных известий о числе армянских жертв в упомянутой местности, но разнообразные толки сводятся к тому, что большая часть христианского населения в Сасуне, несмотря на беззаветную храбрость всех, даже женщин, погибла в неравном бою...

Битлисский вали Тахсин-паша, с намерением отклонить от себя ответственность за происшедшее движение, представил его Порте как восстание армян.

Этим заявлением дело передавалось в ведение военной власти.

Батальоны низама вместе с кавалерией, горной батареей и курдами сожгли, разорили и разграбили армянские деревни: Талорик (400 домов), Гелнегузан (360

домов), Семал (85 домов), Шеник (106 домов), Алиен (165 домов), Ишханадзор (78 домов)...

Максимов

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3176. л. 26.

20. Русский генеральный консул в Эрзруме послу в Константинополе Нелидову

Из донесения *29 октября 1894 г.*

По полученным в последнее время сведениям, турки истребили в Сасуне около 4000 армян; особенной жестокостью при этом отличался полковник Измаил-бей, командовавший войском, посланным против жителей Сасуна, который велел схватить почетных жителей нескольких армянских деревень и подверг их мучительной смерти. Когда жители этих деревень, узнав об этом зверстве, ушли в горы, он велел их бомбардировать и потребовал сдачи; в ту же ночь все сдавшиеся были беспощадно истреблены. Турки свирепствовали в течение 25 дней и разрушили 30 деревень...

В. Максимов

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3176, л. 152.

21. Из депеши советника Российского посольства в Константинополе Жадовского в Министерство иностранных дел

Пера, 10(22) ноября 1894 г.

Подробности возмутительных военных мер против армян проникли в европейскую печать и подняли повсеместную бурю обличительных статей против зверских приемов турецких войск по отношению к христианскому населению Армении. Бесстыдно ложное опровержение этих нареканий, посланное на днях по телеграфу для возможной огласки всем турецким представителям за границей по личному приказанию султана, не могло произвести желаемого впечатления на общественное мнение в Европе и не остановило потока обвинений и разоблачений, заставившего Порту запретить за последние дни доступ в страну почти всех иностранных газет.

В этих условиях трудно определить последствия, которых можно ожидать от всеобщего негодования, охва-

тившего общественную совесть Европы, не исключая и стран, где доселе из политического расчета или корыстных видов закрывали глаза пред вопиющим варварством обхождения турецких властей с христианским населением в некоторых отдаленных областях...

АВПР, Политархив, д. 3435, л. 50.

22. Письмо начальника Грузино-имеретинской армянской епархии министру иностранных дел Гирсу

С.-Петербург, 24 ноября 1894 г.

Святейший патриарх католикос всех армян конфиденциальным собственноручным письмом, полученным мною 21-го сего ноября, поручает мне убедительно просить Ваше высокопревосходительство обратить всемилостивейшее внимание государя императора, августейшего покровителя христиан на Востоке на угнетение и систематическое истребление армян, проживающих в Турецкой Армении...

Преданность армян России, обнаруженная во всех ее войнах с Турцией, есть одна из главных причин ненависти и преследования их Турцией.

Не только для армян, но и для всех восточных христиан будет крайне тягостно, если в столь критическое время, когда сотни деревень разоряются, мирное население предается истреблению без различия пола и возраста, не раздастся в их защиту мощное слово русского монарха...

Возлагая свои надежды и упования на Россию, армяне массами стремятся в ее пределы и прибегают к посредничеству своего духовного главы. Патриарх католикос, не щадя средств эчмиадзинского патриаршего престола, поддерживает несчастное население, но средства эти истощаются, наступающая зима грозит им гибелью в пределах России, между тем новые зверства турок вызывают новый прилив переселенцев, для которых, к несчастью, по отзывам администрации, в пределах Закавказского края свободной земли не оказывается.

В таких тяжелых обстоятельствах верховный патриарх католикос, как духовный глава армян, повергает к стопам всемилостивейшего монарха усердную мольбу —

ознаменовать начало своего царствования заступничеством за угнетенных армян в Турции...

Епископ **Геворк Суреньянц**

АВПР, Политархив, д. 3435, л. 112.

23. Русский генеральный консул в Эрзруме советнику Посольства в Константинополе Жадовскому

Из донесения *Эрзрум, 26 ноября 1894 г.*

Данные, полученные мною в течение минувшей недели, не только подтверждают жестокости турок, совершенные ими в Сасуне над христианами, но, к крайнему прискорбию, представляют их в несравненно более возмутительном виде и в более грандиозных размерах.

Так, если верить рассказам, христианское население было уничтожено самым беспощадным и варварским образом в 32 армянских деревнях...

Трудно передать словами неистовства воинов е. в. султана. Они убивали младенцев; удовлетворив свои животные наклонности, беспощадно уничтожали девушек и женщин...

Рассказчики заявляют, что солдаты и курды, истребив жителей и разрушив деревни, забрали громадное количество скота и множество предметов домашнего хозяйства.

Их добыча в этом отношении была столь велика, что через неделю после погрома в г. Муше овец продавали по 5 пиастров (42 коп.) за штуку, бык был отдаваем за 20 пиастров (1 р. 58 к.), пуд свежего масла стоил 10 пиастров (84 коп.), пуд медной посуды 20 пиастров (до 1 р. 58 к.) и проч...

В. Макеимов

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3176, л. 45.

24. Британский посол в Константинополе министру иностранных дел Англии

Перевод с английского

Из письма № 539 *26 ноября 1894 г.*

Ссылаясь на телеграмму № 202 от сегодняшнего числа, имею честь препроводить Вам при сем копию донесения, которое я получил от консула ее величества в

Эрзруме вместе с донесением вице-консула ее величества в Ване, сообщающего о дальнейших подробностях резни в Сасуне...

Филипп Кэрри

Приложение 1

Консул Грейвс послу Ф. Кэрри

Эрзрум, 15 ноября 1894 г.

Имею честь препроводить при сем Вашему превосходительству донесение, полученное мною в незапечатанном виде от вице-консула ее величества в Ване, по которому я позволю себе сделать следующие замечания.

Время от времени из различных частных источников до меня доходили сообщения об ужасных жестокостях, совершаемых турецкими войсками и их курдскими сообщниками в Сасуне, но я не хотел верить им и воздерживался от официального сообщения о них, пока г-н Холлуорд производил расследование на месте. Теперь, когда его расследование закончено, я считаю своим долгом уведомить Ваше превосходительство о том, что вышеупомянутые сообщения, полученные из весьма надежных источников, почти во всех отношениях совпадают с основным содержанием сообщения г-на Холлуорда. Я знаю также, что мои иностранные коллеги здесь располагают информацией, подтверждающей, в основном, достоверность его сообщений, и расходящейся, главным образом, в отношении предполагаемого числа жертв резни, которое их осведомители определяют несколько меньшей цифрой, чем был склонен определить г-н Холлуорд. И эти постоянные и подробные рассказы о резне и зверствах распространились теперь в широких слоях населения и сделались предметом обсуждения по всей области, так что я беру на себя смелость сказать, что ни один здравомыслящий человек в здешних провинциях, если он не является турецким чиновником, не сомневается в том, что резня в Сасуне была действительно совершена турецкими войсками. Я также осмеливаюсь подчеркнуть совпадение, в основном, сообщений г-на Холлуорда с данными, полученными из армянских источников, изложенными в моем конфиденциальном донесении от 13-го октября. Расхождение в цифре разоренных дере-

вень объясняется просто тем, что письмо, из которого были взяты многие мои сведения, было написано до того, как убийства прекратились и было вырезано остальное население Талворика, что, по сообщению г-на Холлуорда, имело место только 10-го сентября...

Мне кажется, что бывший мутесарриф Муша, занимавший этот пост только несколько недель, ошибался, когда говорил г-ну Холлуорду, что население деревни Семал составляло только от 350 до 400 человек. Мутесарриф, вероятно, имел в виду большое соседнее селение Гелиегузан, действительно насчитывавшее около 1700 человек жителей, которые, как сообщают, почти все были истреблены.

До тех пор, пока свирепствует теперешний террор, а Тахсин-паша занимает пост вали в Битлисе, нет никакой надежды на то, что жители области осмелятся выступать и дать показания о происшедшем. Всякий, кто попытается произвести исчерпывающее расследование достоверности обвинений в зверствах и резне, должен иметь полную свободу и полномочия заслушивать показания очевидцев, иначе он будет изолирован и парализован действиями местных властей, как это было с г-ном Холлуордом. Но убийства и уничтожение имущества слишком заметны для того, чтобы можно было легко скрыть их следы. Разоренный и обезлюдевший район остается свидетелем значительной степени достоверности утверждений г-на Холлуорда всякий раз, когда турецкое правительство готово содействовать полному и беспристрастному расследованию.

Р. В. Грейвс

Приложение N

Вице-консул Холлуорд послу Ф. Кэрри

Из письма *Ван, 6 ноября 1894 г.*

Ссылаясь на донесение от 9-го октября, имею честь сообщить, что я оставался в Муше до 16-го октября и, пройдя через карантин, прибыл в Битлис 25-го октября.

Сведения, полученные мною в Муше и Битлисе со дня отправления моего донесения, полностью подтвердили достоверность, в основном, главных фактов, изло-

женных в нем относительно сасунской резни, о которой я представляю теперь более подробный отчет.

Кажется, что внимание правительства было обращено на этот район действиями некоего Дамадяна, армянского католика из Константинополя, который в 1892 г. вел себя в деревнях Сасунского района и Мушской равнины так, что дал властям повод думать, что он ведет политическую агитацию. В течение некоторого времени предпринимались безуспешные попытки арестовать его, но в мае 1892 г. он был пойман полицией, доставлен в Битлис, а оттуда в Константинополь, где был помилован. Каковы были действительный характер и цель действий этого человека, я не могу положительно установить, так же как и то, каким путем он добился помилования, но я не верю, чтобы агитация представляла собой нечто значительное или произвела на жителей большой эффект. Ясно одно: вскоре после его поимки судьба сасунских армян была решена...

Войска, посланные из Битлиса, имели с собой восемьдесят баков с керосином и четыре горных орудия.

Вначале войска не показывались в деревнях, убеждая курдов напасть на деревни. Армяне, полагая, что имеют дело только с курдами, оказали энергичное сопротивление и отразили их атаки. Последние отказались возобновить атаку без помощи солдат; тогда некоторые из солдат переоделись в курдские костюмы и приняли участие в атаке, оказавшейся на сей раз более успешной.

Затем войска стали показываться в некоторых деревнях, говоря, что пришли защитить их; разместившись на ночлег, они в течение ночи убили всех жителей — мужчин, женщин и детей. Ферик (генерал), настоящее имя которого, по-моему, Осман-паша (а не Исмаил-бей, как указано в моем предыдущем донесении), прибывший из Ерзнка, зачитал султанский фирман, предписывающий наказание деревень, и призвал солдат выполнить свой долг. Говорят, что вначале солдаты отказывались, не будучи в восторге от этого приказа, но офицеры заставляли их при помощи угроз; резня была осуществлена без всякой пощады и различия возраста или пола.

Большое число видных граждан, во главе со священником, вышли навстречу командиру, держа в руках расписки об уплате налогов, желая этим доказать свою лояльность правительству и прося пощады.

Они были окружены и убиты все до единого.

В Гелиегузане многих молодых людей связали за руки и ноги, положили в ряд, набросали на них кучу хвороста и заживо сожгли.

В другом селении были схвачены священник и несколько видных граждан. Их обещали освободить, если они скажут, куда скрылись другие. Они сказали, но все же их убили. Священнику надели на шею цепь и тянули за нее в разные стороны так, что почти задушили его. Наконец, они вертикально воткнули в землю штыки и подбросили его в воздух так, что он упал на штыки.

В другой деревне мужчины с женами и детьми укрылись в пещере, где оставались в течение нескольких дней, пока слабые не умерли от голода; остальные же были обнаружены солдатами и заколоты штыками—оружием, которое в основном и применялось во всех этих событиях.

Около шестидесяти молодых женщин и девушек были загнаны в церковь; солдатам было разрешено делать с ними что угодно, а после этого убить их, что и было сделано.

Было отобрано большое количество наиболее красивых женщин, которым предложили принять ислам и выйти замуж за турок. Они отказались и были убиты.

Керосин, привезенный из Битлиса, был использован для поджога домов вместе с находившимися в них жителями. Один солдат рассказывал в Битлисе, что он однажды видел, как выбегающего из пламени маленького мальчика солдат штыком отбросил снова в пламя.

Керосин употреблялся также для сжигания трупов. Говорят, что было совершено много других омерзительных жестокостей, таких, как вспарывание животов у беременных женщин, разрывание детей на куски и так далее. Вышеизложенное служит лишь примером того, при помощи каких способов была проведена эта кампания по истреблению.

Я должен внести изменения в заявление, содержащееся в моем предыдущем донесении, о том, что курды не принимали сколько-нибудь значительного участия в резне. По подстрекательству солдат, они, конечно, участвовали в ней, хотя худшие эксцессы были, кажется, совершены солдатами.

Большое число крестьян укрылось на вершине возле Талворика, решив дорого продать свою жизнь. Курды, посланные атаковать их, в течение нескольких дней по-

дряд не добились больших успехов. Наконец, когда у крестьян иссякли боеприпасы и пища, солдаты с небольшими потерями достигли вершины и убили почти всех крестьян.

Финальная сцена разыгралась в долине Талворина, где было собрано большое число мужчин, женщин и детей; они были окружены курдами и солдатами, часть из них застрелили, а с остальными расправились при помощи сабель и штыков.

Эти действия, продолжавшиеся около двадцати трех дней, примерно с 18-го августа по 10 сентября, были начаты битлисским и мушским гарнизонами, постепенно пополнявшимися другими частями четвертого армейского корпуса. К этому времени из Ерзнка прибыл главнокомандующий и приостановил дальнейшую резню. В противном случае, как говорили, планировалось разрушение еще четырех деревень, среди которых деревни Варденис в Мушской равнине, пользующейся плохой репутацией у властей со времени суда над Муса-беем, когда несколько крестьян поехали в Константинополь, чтобы дать против него показания...

Вышеприведенные подробности были получены, главным образом, от солдат, принимавших участие в резне, а основные сведения подтверждены различными источниками, среди которых свидетельство турецкого заптия, присутствовавшего при этом и видевшего всю картину.

Я не могу сказать, близка ли к действительной цифра 8000 убитых, указанная в моем предыдущем донесении. В Битлисе я слышал о гораздо большей цифре, но не может быть сомнения в том, что подавляющее большинство населения двадцати пяти селений погибло, причем некоторые из селений были необычно велики для этой области. Так, например, мутесарриф Муша говорил мне, что население Семала составляло около 1700 человек. Судя по тому, что я слышал в Битлисе, число спасшихся должно быть сравнительно невелико.

Передают, что солдат, находившийся в карантине на обратном пути из Муша, рассказывал, что он убил пять человек, но что он убил меньше, чем кто-либо другой; другой солдат хвастался тем, что он убил сто человек. Число людей, взятых в плен, невелико, я не думаю, чтобы их было больше двадцати-тридцати человек, которых пощадили по прибытии главнокомандующего. Среди них

было несколько агитаторов, подобных Дамадяну, но ни-кто из них не был иностранцем, как сообщалось вначале...

Мутесарриф Муша вскоре после моего отъезда был переведен в Керкук, в Мосульском вилайете, а мутесарриф Керкука должен занять его место. Я не знаю, каково действительное значение этой замены, но предполагаю, что она произведена вали, который, очевидно, решил, что мутесарриф настраивает меня против него, хотя на самом деле он не делал ничего подобного. Я не видел вали, так как он уехал в Сгерд за два дня до моего прибытия. В Битлисе очень переживают при мысли о возможности его дальнейшего пребывания на этой должности, так как ответственность за сасунскую резню приписывается, главным образом, ему и опасаются, что жизнь христиан в городе не будет в безопасности, если подобные вещи останутся незамеченными. Он фактически признал свою вину, так как пытался получить документ с подписями горожан, в котором последние благодарили бы его за меры, предпринятые им в Сасуне, но они отказались подписать этот документ. Ему удалось, однако, заставить многих старост селений подписать такой документ, который и был опубликован в газетах. Уже более трех лет, как он находился в Битлисе, постоянно играя на «армянском вопросе», угрозами вымогая деньги у армян по всей провинции. Это ему не удалось в Сасуне, но ему удалось полностью отомстить за свою неудачу.

В заключение я хочу отметить, что имел значительные трудности в получении достоверных сведений, поскольку все время находился под пристальным надзором полицейских агентов, так что большинство местных жителей боялось, чтобы их видели беседующими со мной. Мне не разрешили посетить Сасунский район на том якобы основании, что я могу занести в войска инфекцию холеры, как было заявлено местными властями, а согласно заявлению властей в Константинополе потому, что мое присутствие там могло вызвать восстание. Я не имел намерения посещать войска, и поэтому они не могли подвергаться риску получить от меня инфекцию, а после того, что произошло, опасность восстания была, по меньшей мере, чрезвычайно отдаленной. Однако основные факты, я думаю, ясны, а приведенные выше подробности получены из надежных источников.

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3135.

25. Три письма американских граждан о резне армян в Сасуне[5]

Письмо А. *16 ноября 1894 г.*

В прошлом году в Талворике армяне успешно отразили нападение соседних курдов. В стране распространилась большая тревога. В нынешнем году правительство вмешалось и послало отряды регулярных войск для того, чтобы усмирить армян. Регулярным войскам помогали *курдские гамидие* (Hamidiens — иррегулярные войска). Армяне подверглись нападению в горных укреплениях и в конце концов должны были сдаться вследствие недостатка пищи и боевых запасов. Около 20 деревень были уничтожены, население умерщвлено и дома сожжены.

Несколько молодых, полных сил армян были взяты в плен, связаны, покрыты хворостом и сожжены живыми. Некоторое число армян, определяемое различно, но не менее 100 человек, сдались и просили пощады. Многие из них были застрелены на месте, а остальные зарезаны саблями и заколоты штыками. Группа женщин, определяемая различно, от 60 до 160 человек, была заперта в церкви и среди них «были пущены» солдаты. Многие из этих женщин были замучены до смерти, а остальные убиты саблями и штыками. Несколько молодых женщин были захвачены в качестве военной добычи. О них передаются два рассказа: 1) что они отведены в гаремы мусульман, которые похитили их, 2) что им предложили принять ислам и поступить в гаремы, и, когда они отказались, их убили. Детей ставили в ряд один за другим и стреляли в один из концов ряда, очевидно, чтобы узнать, сколько человек можно убить одной пулей. Малолетние и грудные дети клались один на другого и головы их отрубались. Солдаты окружали дома, зажигали их и штыками заставляли людей возвращаться в пламя, когда они пытались выбежать из него.

Но довольно об этой резне. Счет человеческих жертв от 3000 до 8000. Это — скромные цифры. Смелые подсчеты определяют число убитых в 20 000—25 000. Все это произошло в последних числах августа и в начале сентября... Нужно заметить, что избиение совершалось регулярными солдатами, находившимися большею частью под командой офицеров высокого ранга. Это придает делу в высшей степени серьезное значение.

Христианин не пользуется уважением, которое оказывают уличным собакам. Если эта резня пройдет незамеченной, это будет просто объявлением смертного приговора христианам. Жизнь, собственность и честь христианина не будут ограждены. Неделю тому назад, в прошедший вторник, вечером, на закате солнца, турок похитил жену богатого армянского купца, в городе Хнус Берт (Khanoos Pert). На следующее утро люди, искавшие ее, услышали крики и освободили ее из турецкого дома. О каком-либо наказании виновного не может быть речи.

Ужасные слухи распространялись уже давно, но сообщения, заслуживающие доверия, приходили медленно. Все было сделано, чтобы подавить толки. Некоторые второстепенные подробности рассказа, переданного мною, может быть, неточны, но вполне уверен в достоверности этого рассказа в главных пунктах. Во всяком случае нельзя отвергать того, что произведено было жестокое, варварское и колоссальное избиение христиан регулярными солдатами с помощью курдских гамидие и под начальством высших и ответственных офицеров.

Что теперь сделает христианский мир?

Письмо Б. *Ноябрь 1894 г.*

...В конце мая 1893 г. агитатор не из местных жителей, Дамадян, был арестован около Муша. Правительство подозревало, что в талворикских деревнях находили приют такие агитаторы, и отдало приказ некоторым курдским вождям напасть на этот округ; при этом оно приняло на себя ответственность за все убийства, которые совершат курды, и обещало последним всю добычу.

Вскоре после того, как Дамадян был доставлен в Битлис, в первую неделю июня месяца бакранлийские курды начали собираться за Талвориком. Поселяне, видя, что курды прибывают с каждым днем и достигают уже нескольких тысяч человек, заподозрили их намерения и стали готовиться. На восьмой день завязалась битва. Более сильное положение поселян дало им возможность причинить значительный ущерб неприятелю с небольшими потерями с своей стороны. Результат борьбы к заходу солнца выразился в том, что курды потеряли около 100 человек убитыми, а из поселян было убито толь-

ко 6, в том числе одна женщина, пытавшаяся спасти от курдов мула. Поселянам удалось уничтожить мост через глубокую часть реки, прежде чем отряд курдов с противоположной стороны успел атаковать их. Таким образом курды чувствовали себя побежденными и не могли произвести другого нападения в это лето.

При таких обстоятельствах генерал-губернатор выступил в Муш с войсками и двумя полевыми орудиями и вступил в округ вблизи Талворика, но считал ли он свои силы недостаточными или получил приказание не нарушать спокойствия, только он не произвел нападения и ограничился тем, что держал осаду. Прежде чем удалиться, он, отдав заложников, устроил свидание с наиболее влиятельными людьми в Талворике и спросил их, почему они не подчиняются правительству и не платят податей. Они отвечали, что не восстают против правительства, но не могут платить подати два раза, курдам и правительству. Если бы правительство защитило их, они платили бы ему подати. Из переговоров ничего не последовало и осада продолжалась до тех пор, пока выпал снег. Во время зимы, когда в вилайете широко практиковалось мародерство, некоторые богатые жители Талворика получили приглашение посетить генерал-губернатора, но они не сочли удобным принять это приглашение.

Ранней весной курдам нескольких племен было отдано приказание произвести нападение на деревни Сасуна, между тем войска были отправлены из Муша и Битлиса; они захватили при этом военные запасы и провиант и десять мулов, нагруженных керосином (80 жбанов). Весь округ был осажден курдами и войсками. Деревни, подвергшиеся таким образом осаде, от времени до времени производили вылазки, чтобы добывать себе пищу...

Между тем жители других селений начали понимать, что цель властей заключалась в истреблении армян, и в отчаянии решили продать свою жизнь по возможности дорогой цене. Тогда началась резня, длившаяся около 23 дней, или, в общем, с середины августа до середины сентября. Ферик-паша (маршал Зекки-паша), поспешно прибывший из Эрзинкиана, прочитал фирман султана об истреблении и затем, держа указ на своей груди, увещевал солдат не уклоняться от исполнения своего долга. *В последний день августа, т. е. в годовщину восшествия султана на престол, солдат особенно увеще-*

вали отличиться, и они произвели в этот день самую зверскую резню.

Во время разгрома не делалось никакого различия между лицами и селениями, все равно держались ли они спокойно и заплатили ли подати или нет. Было приказано произвести полную чистку. В одном селении священник со старейшинами явились к офицеру, предъявляя ему квитанцию в уплате податей и заявляя о своих верноподданнических чувствах и прося пощады; но селение было окружено и жители переколоты штыками...

В Галогюзане много молодых людей были связаны по рукам и ногам, положены в ряд, покрыты хворостом и сожжены живыми. Другие были схвачены и изрублены на куски. В другом селении были схвачены священник и несколько старейшин; им обещали свободу, если они укажут, где укрылись остальные жители; когда же пленные отказались выдавать своих односельчан, всех их, кроме священника, убили. Вокруг шеи священника была надета цепь, которую тянули с противоположных сторон, он несколько раз почти был удушен, но его приводили к жизни; затем поставлено было остриями вверх несколько штыков, на которые подбросили несчастного.

Жители одного селения, обратившись в бегство, собрали женщин и детей, числом около 500 человек, и поместили их в пещере в одном ущелье. Через несколько дней солдаты нашли их и убили тех, которые не успели еще погибнуть от голода.

В другом селении выбрано было 60 молодых женщин и девушек, их заперли в церковь и затем солдатам было разрешено поступить с ними по своему желанию, после чего заключенные были убиты.

В третьем селении 50 избранных женщин были пощажены; их увещевали переменить веру и сделаться госпожами в турецких гаремах, но они с негодованием отказались отречься от Христа, предпочитая подвергнуться участи своих отцов и мужей.

Народ собирали в дома и затем поджигали последние. Во время одного такого пожара из пламени выскочил маленький мальчик, его посадили на штык и бросили в огонь.

Нередко детей поднимали за волосы и разрезали пополам или разрывали им челюсти. Беременным женщинам вскрывали животы; старших детей оттаскивали за ноги. Красивая, недавно обвенчанная пара убежала на

вершину холма; солдаты настигли молодых людей и сказали, что пощадят их из-за красоты, если они примут ислам, но мысль об ужасной смерти, которая, как известно было беглецам, должна была постигнуть их, не помешала им исповедать Христа.

Последнее столкновение произошло на горе Андок (на юге от Муша), где несколько тысяч человек искали убежища. Курды посылались отрядами для нападения на беглецов, но в течение 10—15 дней не могли добраться до них. Солдаты также направляли против армян свои горные орудия и наносили ими некоторый урон. Наконец, когда осажденные пробыли несколько дней без пищи и их военные запасы истощились, войскам удалось достигнуть вершины без всякого урона для себя, и едва ли кто-нибудь из беглецов спасся.

Тогда все внимание было обращено на тех, которые были загнаны в Талворикский округ. Три или четыре тысячи осажденных были оставлены в этой маленькой долине. Когда они увидели себя плотно окруженными со всех сторон турками и курдами, они подняли руки к небу, моля умирающим голосом о спасении. Часть их перебили ружейными выстрелами, а остальные были уничтожены саблями и штыками, так что в конце концов от груды убитых потекла настоящая река крови...

Если бы даже кто-нибудь получил возможность посетить округ, он мог бы определить только приблизительно число жертв, потому что многие трупы были свалены в рвы и засыпаны землей, и теперь дождь уже смыл следы их могил. Там, где таких рвов не существовало, тела убитых, переложенные дровами, складывались в кучи, обливались керосином и сжигались. Но, по-видимому, несомненно, что селения всего округа уничтожены...

Солдат, находившийся в карантине, сказал, что он убил 5 человек, и что он убил, между тем, меньше, чем кто-либо другой. Другой сообщил, что он убил 100 человек. Какой-то солдат поссорился на днях с армянином на битлисском рынке и кричал, что они убили тысячи и тысячи и скоро доберутся до армян, живущих в городе.

По-видимому, можно без опасений сказать, что 40 деревень совершенно разрушены, и представляется вероятным, что убито по меньшей мере 16 000 человек. Самая низкая цифра — 10 000, но многие считают гораздо больше.

В довершение всего генерал-губернатор, посредст-

вом арестов и застращивания всякого рода, заставил наиболее видных людей во всей провинции (за исключением одного города Битлиса) подписать благодарственный адрес султану за то, что губернатор водворил порядок в вилайете!

Письмо В. *12 января 1895 г.*

Население находится в состоянии ужаса под впечатлением разгрома. Уже несколько времени назад начали ожидать комиссию, и местные власти, без сомнения, употребили все силы, чтобы прикрыть свои грехи и еще более терроризовать тех, которые, по всей вероятности, должны были выступить свидетелями. Те, которых увещевают давать показания, снова будут во власти турок после того, как разойдется комиссия. Я не питаю ни малейшего сомнения, что у некоторых хватит мужества давать показания, но это будет источником несчастий. Почти все условия против полного успеха дела комиссии или, скорее, благоприятного исхода работы европейских делегатов. Было бы неправильно связывать судьбу Армении с результатами, к которым приведет комиссия.

Следует особенно иметь в виду, что Сасун [сасунская резня] составляет продукт определенной системы управления. В течение последнего десятилетия, как вам известно, были сотни Сасунов во всей стране. Снисходительность Европы создала благоприятные условия для того, чтобы эта система беспощадно функционировала во всей своей силе. Она возникла из религиозной и расовой ненависти и направлена к истреблению христиан и уничтожению христианства.

Причина нынешнего положения страны кроется не в курдских разбойниках или в голоде и в холере. Скорее разбой, голод и бедствия, худшие, чем холера, навлекаются на страну действием этой системы. Не только кровь 5 тысяч мужчин, женщин, детей и грудных малюток взывает к небу с страшным воплем, требуя справедливого мщения, но также ужасающие страдания, покинутые очаги, дикая жадность сборщиков податей и мелких чиновников и поруганная честь многих и многих взывают о том же.

Турки на скамье подсудимых. Пусть не один Сасун принимается во внимание, помните, что тот же вопль раздается по всей стране...

Я беседовал с очевидцем некоторых эпизодов сасунского разгрома. Он посетил три селения. Все они были в развалинах, и изуродованные трупы свидетельствовали об ужасных событиях. Четыре или пять дней он провел в одном селении. Каждый день группы разбежавшихся жителей приходили и предавали себя в руки командующего офицера. Приблизительно через два часа после захода солнца пленников, собравшихся таким образом в течение дня, выводили в соседнюю долину, и воздух оглашался их раздирающими криками. Рассказчик никогда не видел их возвращения. Он считает, что во время пребывания его в этом селении погибло таким образом 500 человек.

В стан было приведено от 200 до 300 женщин и детей. Они также исчезли, но он не знает как. Рассказчик — армянин, занимавшийся перевозкой войск. Его послали в Муш, и он вместе со своим товарищем — единственные очевидцы, с которыми нам пришлось говорить.

Другой беглец из одного селения, расположенного на границе, рассказывает, как его мать, после ужасных страданий, бежала в монастырь, в котором этот молодой человек был слугою. Она сообщила о беспощадном избиении всех остальных членов семьи и разрушении селения. Ей удалось вместе с маленьким ребенком добраться до монастыря, где она умерла через несколько дней от ран...

Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году. М., 1896, с. 233—240, 246—247.

26. Русский генеральный консул в Эрзруме послу в Константинополе Нелидову

Депеша № 89 *25 февраля 1895 г.*

Имею честь представить при сем Вашему высокопревосходительству на благоусмотрение рассказы о сасунских событиях Акопа Тер-Аракеляна, принадлежащего к одной из наиболее зажиточных семей деревни Шеник; Киракоса, сына Погоса, жителя деревни Хартка, Талворикского округа; Казара Тер-Аракеляна, брата упомянутого Акопа, жителя Семала, и Мевлюда, чавуша (фельдфебеля) 25-го пехотного полка.

Имея в виду секретную телеграмму Вашего высокопревосходительства от 29-го минувшего декабря № 420,

которой Вам было благоугодно разрешить делегатам «принимать к сведению то, что они узнают, помимо следствия, и сообщить о том в своих частных донесениях», я считал, в свою очередь, долгом также собирать в Эрзеруме материал, который мог бы служить к характеристике действий турецких властей для водворения в Сасуне порядка.

С этой мыслью были приглашены мною Акоп Тер-Аракелян из Шеника и Киракос, сын Погоса, из Талворика; двое бедных, пришедших в генеральное консульство за пособием, рассказывают, что им известно о бывших в Сасуне событиях.

Полагаю нелишним доложить Вам, что оставшиеся в живых сасунцы, страдая от страшной нищеты, приходят иногда в Эрзерум за милостынями.

Два других рассказа: Казара Тер-Аракеляна и чавуша Мевлюда получены мной на французском языке от французского консула в Эрзеруме.

Долг совести заставляет, однако, меня прибавить, что рассказ Казара записан, кажется, английским консулом Гревсом, а рассказ чавуша Мевлюда — проживающим здесь английским корреспондентом Скюдамором. Он известен и итальянскому консулу Монако.

Сообщая их, как материал для суждения о действиях турецкой власти в Сасуне, я не могу не остановить просвещенного внимания Вашего высокопревосходительства на том обстоятельстве, что в моих донесениях, которые я имел честь своевременно посылать о сасунских событиях, далеко не было исчерпываемо всей турецкой жестокости, так как мне трудно было верить известиям, какие я получал, и я представлял их в рапортах как преувеличение.

Максимов

Приложение I

*Перевод с французского**

Из рассказа Акопа и Киракоса

1. Акоп, которому на вид года 24 от роду, рассказал, что у него в доме до сасунских событий жили 23 чело-

* Перевод сделан в МИД России в 1895 г. (Ред.).

века. Теперь в живых осталось девять душ. Из пяти братьев живы двое. Отец, мать и трое братьев убиты. Три замужние сестры неизвестно где...

Молодые и здоровые спаслись бегством, а старики, старухи и многие из детей остались на месте. Деревня была сожжена, оставшиеся в ней убиты. Бежавшие укрылись на горе Андок, что в 4-х часах пути от деревни. Хлеба у них не было, и они ели в течение 25-ти дней сырое мясо. Перестрелка с войском все время продолжалась. На 26-й день пришло из турецкого лагеря предложение сдаться. Не имея ничего для своего прокормления, они пришли в лагерь близ Гелнегузана и увидели ямы. Под утро солдаты начали их бить штыками и бросать в ямы. Акоп бежал и был ранен штыком в плечо, он упал лицом на камни и вышиб себе два передних зуба. Преследовавший его солдат счел его за убитого и оставил на месте, а он, очнувшись, перебрался в болотце, покрытое тростником, а оттуда в лес, где и оставался некоторое время.

Акоп видел, как священнику Оганесу из Семала, сошедшему вместе [с ними] с горы Андок, выкололи глаза, а потом убили штыками.

2. Рассказ Киракоса, сына Погоса, 22 лет, жителя Талворикского округа. Киракос из селения Хартка. В доме, где он жил, семья была из 28-ми душ. Было у него 4 брата, 4 сестры и двое дядей, тоже женатых, имевших детей. Отец умер раньше сасунского дела, а мать была жива. Сам он женат, и где теперь жена, не знает.

Во время событий он был в селе Талворик. Когда войска с несколькими орудиями начали подходить, Киракос вместе с другими бежал. Пока шла расправа в деревне, он скрывался недалеко за скалой и видел, как были приведены в церковь до 600 женщин. 50 из них, более красивых, были выведены, а все остальные оставлены на произвол войска и курдов. Они были изнасилованы и потом перебиты. Самый храм был разрушен выстрелами из орудий, и тела остались под его развалинами. Киракос одно время скрывался в скалистой пещере Фрфр-кара. Он знает, что солдаты убивали всех, кого видели и кого ловили.

*Перевод с французского**

Из опроса Казара из Семала, сына Тер-Аракеляна

От роду около 30 лет. Женат. Его жена с двумя сыновьями и двумя дочерьми еще живы, — маленькая девочка по имени Мариам была убита во время избиений.

С ним жил его дядя Овсеп с женой и дочерью Маргаритой и его двоюродный брат Доно вместе с сыном, двухлетним ребенком Аветисом. Все они были убиты.

К началу жатвы пришли солдаты и расположились лагерем в Мергемузане в получасовом расстоянии от Семала. Сасунские курды из друзей крестьян пришли сказать им остерегаться солдат, которые пришли с дурными намерениями, и советовали им бежать. Этого совета они сначала не послушали. В течение предшествовавших началу беспорядков десяти дней все подходили новые войска.

Однажды, когда косили хлеб, курды племени Бакиранли пришли для угона овец, причем убили пастуха. Дружественные поселянам курды рассказывали последним [армянам], что бакиранлийцы сделали это по подстрекательству войск или властей. Пастухи погнались за ними и после стычки, в которой оказались убитые с обеих сторон, они в тот же день отняли овец...

На следующий день деревня была окружена людьми, одетыми курдами, которые стали стрелять по деревне; тогда жители прибегли для защиты к оружию и дрались в течение 3-х дней.

Несколько крестьян было убито... Дружественные курды говорили им, что в числе мнимых курдов находились солдаты, переодетые курдами и потому они решили спасаться бегством, не смея драться против властей. Они вышли из деревни и отступили на Гелиегузан. В деревне были оставлены не имевшие возможности бежать старики и старухи с детьми. По их уходу неприятель вошел в деревню, которую он разграбил и предал пожару. Те же, которые в ней оставались, были сожжены в своих домах. На следующий день после их ухода Шеник также был сожжен, и его жители пришли в Гелие-

* Перевод сделан в МИД России в 1895 г. (Ред.).

гузан, в котором вместе с его предместием Алианциком считается 300 домов. Они были тогда атакованы императорскими войсками вместе с курдами. Они защищались пять дней и под конец, во время ночного нападения, деревня была подожжена, и они были вынуждены ее оставить, преследуемые войсками, которые перебили множество их во время бегства. Он сам видел много детей, которых убили штыками, и среди них Симо, Погоса и Хачо — детей его соседей и друзей. Он видел своего двоюродного брата Доно, бежавшего, держа на плечах своего двухлетнего ребенка Аветиса. Доно упал, пораженный пулей в ногу, — солдаты его настигли, и один из них хотел ударить ребенка кинжалом (кама), но отец отстранил удар рукой, которая была почти перерублена, другой солдат воткнул свой штык в тело ребенка, которого он унес на штыке, между тем как еще двое доконали Доно штыками.

Оставшиеся в живых пришли на Андок-даг в двух часах от Гелиегузана. Гора была оцеплена войсками. Там они оставались около 20 дней без хлеба, питаясь мясом овец, которых они угнали с собой. Они защищались как могли, стреляя и бросая камни на осаждавших, — но он не видел, чтобы убили какого-нибудь солдата. Он полагает, что было около тысячи душ жителей в Гелиегузане и от 600 до 700 душ в каждой из деревень: Шенике и Семале (всего 2400 душ). Наконец, они вступили в переговоры, желая сдаться. Им обещали оставить жизнь, если они спустятся в свои деревни. Священник Семала Тер-Оганес с 500 людьми принял условия, но Крко, рес Шеника, принявший главное начальствование над ними, отказался сдаться, заявляя, что турки своего слова не сдержат.

Сам он (свидетель) начал спускаться с Тер-Оганесом, но потом, раздумав, [они] вернулись назад.

Они спрятались в дубовом лесу и наконец ползком по отвесным скалам многим из них удалось уйти по направлению к Пасуру, главному пункту Кульпской казы. Он со своими скрывался около двадцати дней, до тех пор, пока не было получено известие о том, что Мушир-паша прекратил избиение.

Тогда пасурский каймакам вышел и собрал в лесах и горах многих из беглецов, которых он привел обратно в их сасунские деревни...

Свидетель пробрался впоследствии в Хнус (в дерев-

ню Кахкик), где оставил жену и детей. Он был человек зажиточный для крестьянина, а теперь у него ничего нет. Он пришел в Эрзерум просить милостыню, чтобы не быть вместе со своими обузой для крестьян, которые их приютили.

Приложение III

*Перевод с французского**

Из рассказа Мевлюда-аги

Бывший фельдфебель 25-го пехотного полка, отпущенный недавно после 4-летней службы. От роду приблизительно лет двадцати шести.

Он находился в Муше незадолго до происшествий и состоял при аптеке военного госпиталя. Но когда войска пошли на Сасун, он сопровождал свой полк как строевой унтер-офицер.

Его батальон вместе с другими находился под командованием полковника Исмаил-бея (всего приблизительно 4000 человек, рассеянных в разных местах).

Они пришли к 1-му привалу в нахие Шатаха ночью. Другие войска уже стояли лагерем. Вдали слышалась перестрелка. Они там оставались около трех или четырех дней. Стрельба была слышна почти все время...

На пятый день после ужина его батальон пошел на Шеник, в небольшом расстоянии от лагеря; там дрались, и дома уже горели. Недолго спустя, крестьяне обратились в бегство, большая часть многочисленной толпой, и стрельба их почти прекратилась. Войска стреляли по ним из двух мортир и двух горных орудий, но не преследовали их за Гелиегузан. По дороге они видели немало трупов, несколько раненых и несколько маленьких детей, которых они убили. Когда они пришли к Гелиегузану, деревня была уже оцеплена, и в ней дрались. Они оставались вне деревни в течение двух или трех дней. В продолжение этих дней он снова слышал, что армяне приходили в лагерь, чтобы дать денег офицерам. Он не знает, вернулись ли эти армяне в Гелиегузан, или же им было позволено спастись бегством. Затем в од-

* Перевод сделан в МИД России в 1895 г. (Ред.).

ну ночь войска получили приказание атаковать деревню. Снова придвинули орудия к горе, и под защитой этой батареи подожгли первые дома деревни.

На следующий или на третий день часть его полка получила приказание двинуться в поход. С ними находились части и других батальонов, и они взяли с собой несколько горных орудий; дорога была очень плохая, настолько плохая, что мулы не могли подвигать орудий, и солдаты вынуждены были всходить на скалы и руками перетаскивать пушки через них. Было несколько трудных перевалов, они потратили много времени, чтобы достичь Талворика, где они оставались несколько дней для отдыха...

Утром они бомбардировали дома и взяли деревню. Поблизости находился лес, где укрылось большое множество крестьян: мужчин, женщин и детей. Лес был с одной стороны окружен курдами, с другой стояли солдаты. Потом придвинули имевшиеся шесть орудий к горе и пустили по 13 снарядов из каждого орудия по лесу. Под конец весь лес был в огне. Конечно, немалому числу скрывавшихся в лесу удалось спастись бегством, но большая часть была убита снарядами и сгорела живьем.

В одной из деревень Талворика находилась большая ферма, где заперлось много женщин и детей и несколько стариков. Туда также придвинули орудия и выстрелили из батареи. Никто из тех, которые там находились, не мог спастись.

Две девушки, находившиеся в лесу, были схвачены: одна подполковником, другая — майором. Их привели вместе с войсками в Гелиегузан, где они пропали. Он не знает, были ли эти девушки убиты в Гелиегузане.

После этого большая часть войска собралась в Гелиегузане, где она оставалась несколько недель. Через день или два по их возвращении первая толпа армян, бежавших на гору Андок, стала возвращаться. Они послали сначала сказать, что желают сдаться и испрашивают покровительство императорских войск. Первая толпа была численностью от 140 до 500 человек — мужчин, женщин и детей...

На следующий день пришли новые пленные. Двойной кордон солдат занял вход в долину, впуская в нее всех желавших войти, но никого не выпуская. В продолжение второго дня один отряд войск вырыл две ямы

у подножья крутого ската, представляющего край узкого оврага в глубине долины. На дне оврага был ручей, а по сторонам находились пещеры, где крестьяне имели обыкновение сохранять сено...

Когда совершенно стемнело и наступила ночь, офицеры пришли и скомандовали: «Отделенные люди 1-й роты сюда» и т. д. Они потом шли до края долины, где на крутизне находили группы крестьян — мужчин, женщин и детей, иногда 20, иногда 50, иногда 70 и [illegible]е более. Тогда офицер выделял из них группы от 10 до 20 человек и отдавал приказание: «Убейте их и бросьте в яму». Тогда отделенные солдаты убивали крестьян штыками, бросая трупы в ямы внизу уступа. Так делалось каждую ночь в течение довольно продолжительного времени (может быть 15 дней); иногда убивали до 300 или 400 человек в одну ночь, иногда относительно малое число людей.

Чавушу было замечено, что таким образом ямы должны были быстро наполняться. Он ответил, что когда это случалось, рабочий отряд получал распоряжение освободить ямы, и трупы бросались в овраг или сенные склады, чтобы уступить место в ямах другим. Его спросили: «Были ли армяне вооружены?». Он ответил, что ни один из них даже ножа за поясом не имел. На вопрос: «Сопротивлялись ли они?», он ответил, что они были до конца в полном неведении о той участи, которая их ожидала, пока не давалось последнее распоряжение и пока они не оказывались против штыков. Его спросили: «Было ли много между ними детей?». Он ответил, что их было много и что благодарит бога, что ему не пришлось их убивать. Его спросили: «Чем кончилось?». Он ответил: «Наконец Мушир прибыл в Муш и приказал прекратить избиение, после чего очень мало крестьян было убито». Но он несколько раз утверждал, что были еще единичные случаи убийств. На вопрос: «Было ли много потерь со стороны войск во время операции» он ответил, что сначала и до конца он никогда не слыхал, чтобы солдаты были ранены или убиты... Его спросили, находился ли он в других походах (войнах). Он ответил, что нет и что молит бога «никогда таких походов не видать».

ЦПА. Посольство в Константинополе, д. 3176, л. 70—77, 79—82.

27. Генеральный консул послу Нелидову

Эрзрум, 4 марта 1895 г.

Имею честь представить при сем Вашему высокопревосходительству на благоусмотрение два рассказа о сасунских событиях жителя деревни Шеник Хечо и его родственницы Анны.

Оба они сообщены мне на французском языке французским консулом Бержероном, но были записаны английским консулом Гревсом.

Считаю нелишним к сему прибавить, что чавуш Мевлюд, рассказ которого я сообщил при донесении от 25-го минувшего февраля № 89, был арестован военной властью и отправлен в Эрзинджан, как это нам стало здесь известно 26-го февраля.

Мои товарищи предполагают, что чавуш Мевлюд поплатился жизнью за сообщение иностранцам о сасунских происшествиях.

Во всяком случае его арест не может не заставить предполагать правдивость его рассказа.

В. Максимов

Приложение

Перевод с французского

1. Из рассказа Хечо из Шеника

Около 35 лет от роду. Брат Крко—рес (старшина) Шеника. Его жену звали Майре, и у них было 6 детей: 4 сына и 2 дочери, старшей из которых могло быть 12 лет. Трое из его детей сгорели при взятии Шеника. Один ребенок был убит во время штурма Гелиегузана. Его жена и двое остальных детей пропали со времени бегства на гору Андок. В доме Крко было 50 человек, из которых только 10, насколько он знает, еще живы.

Он подтверждает показания Казара, что до беспорядков дружественные поселянам курды предупредили их, что власти имеют намерение их перебить. Он объясняет, что угон овец из Семала и Шеника был произведен по подстрекательству войск...

Хечо равным образом подтверждает рассказ о защи-

те Гелиегузана, вокруг которого войска были расположены лагерем на высотах. Во время бегства из Гелиегузана он видел, как солдаты убили штыками Доно вместе с его сыном Аветисом, как то описал Казар, но с небольшой разницей в подробностях. В это время он находился гораздо дальше, чем Казар, который посему мог видеть лучше его. Он также видел, как двухлетнего ребенка Нино из Шеника, которого мать уронила во время бегства, один солдат проткнул штыком. Когда священник Оганес с группой приблизительно в 500 человек сдался, сойдя с Андок-дага, другие защищались еще сутки, но потом разбежались в разные стороны. Он заявляет, что в то время одна молодая женщина по имени Шаке, жена Мардо, одного из родственников Крко, увела около 30 женщин на высокое и крутое место. Они решили лишить себя жизни, чтобы избежать изнасилования солдатами. Но последние их поймали, изнасиловали и убили. Хечо сам бежал по очень трудной дороге («по которой ходят только медведи», прибавил он). Он сначала отправился в селение Хазнут, в окрестностях Талворика. В это время войска оцепляли деревню Талворик, которую они бомбардировали на следующее утро. Оттуда он бежал в курдскую деревню, где выдал себя за курда [из племени] Бакиранли и где он получил пищу и кров. Там он слышал от курдов, что был получен фирман уничтожить армян, и солдаты пригласили их принять в этом участие, но что они отказались, из-за чего некоторые из них были заключены в тюрьму. Побродив некоторое время в других местах, он вернулся в Шеник, а оттуда отправился в Гелиегузан искать своих мертвецов. Открыли яму, наполненную трупами, но запах был так силен, что они были вынуждены снова закрыть ее. Там он видел труп Тер-Оганеса с веревкой вокруг шеи, с обстриженной бородой, выколотыми глазами, обрезанными ушами, губами и носом и с содранной на голове кожей, отогнутой по обеим сторонам на лице. (Это происходило приблизительно через 20 дней после смерти священника)

Власти старались принудить его и других вновь выстроить свои дома и подписать мазбату, в которой выражалась благодарность султану за все его милости и заявлялось, что они очень довольны своею судьбою. Но все отказались подписать.

Он в настоящее время проживает в селении Гавен-

дик близ Хнуса и заявляет о своей готовности дать показание перед комиссией, если его потребуют.

2. Рассказ Анны, дочери Погоса из Шеника

Дочь Погоса из Шеника и жена Доно, замужем всего год, детей не имеет, около 18 лет от роду. Она также принадлежала к семье Крко.

Она подтверждает рассказ Хечо относительно начала дела, прибавив, что при взятии Гелиегузана она сама приблизительно с 250 женщинами была заперта солдатами в сельской церкви. Один курдский родоначальник племени Бакиранли Омер-ага (так действительно называется родоначальник этого племени) пришел и выбрал ее, заявив солдатам, что он хочет ее отдать в жены своему сыну. Хоть солдаты пытались удержать ее, курду удалось ее отнять. Одна беременная женщина взяла ее за руку, прося взять с собой и спасти ее. Два солдата, видя состояние этой женщины, держали пари: один заявил, что ребенок, которого она носила в чреве, — мальчик, другой сказал, что девочка. Они вскрыли ей живот на глазах Анны и вынули ребенка, которого проткнули штыком на груди матери. Анна была уведена к палаткам Омер-бея, курдского родоначальника, где она была изнасилована. Через 7 или 8 дней родоначальник предложил ей перейти в магометанство, на что она согласилась, видя в этом единственную надежду на спасение. Ее водили в течение трех или четырех дней собирать орехи и мало-помалу ей дали больше свободы, думая, что она примирилась со своей судьбой. Наконец, когда ей позволили удалиться одной несколько дальше обыкновенного, она воспользовалась случаем, чтобы бежать на гору Андок, в место, где, как ей было известно, находился родник. Проведя три дня и три ночи в горах, она добралась до Муша. Она думает, что муж ее умер, и заявляет, что готова явиться в качестве свидетельницы перед комиссией... Ее можно найти вместе с Хечо в деревне Гавендик. Хотя их семейство было самое богатое во всем Сасуне, оставшиеся в живых находятся в самой крайней нищете. Даже платье, в которое она одета, дали ей добрые крестьяне Басена, когда она шла в Эрзрум.

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3176, л. 88—89.

28. Генеральный консул в Эрзруме послу в Константинополе Нелидову

Донесение № 123 *18 марта 1895 г.*

Имею честь представить при сем Вашему высокопревосходительству на благоусмотрение рассказ пехотного чавуша (фельдфебеля) Сулеймана оглу Мустафы о сасунских событиях.

Я его представляю как новое данное для характеристики действий турок в этом деле.

Этот рассказ получен мною от французского консула Бержерона, а первоначальное происхождение его мне не известно.

Максимов

Приложение

*Перевод с французского**

Из рассказа Сулеймана, сына Мустафы, бывшего чавуша (фельдфебеля) пехоты

Пробыв уже несколько лет в Муше, он несколько раз имел случай посетить шатахские деревни, сопровождая сборщиков податей, и хорошо был знаком с их жителями.

В предпоследнем (1893) году во время талорийских беспорядков один батальон стоял в Мергемузане, близ Шеника и Семала.

В 1894 году его батальон снова пошел в Мергемузан, взяв с собой два горных орудия.

...Полковник Исмаил-бей прибыл из Муша для принятия начальства над войсками. Два дня по его прибытии был парад всех войск, и Исмаил-бей в сопровождении своего секретаря и должностного лица в партикулярном платье, про которого говорили, что он векил (представитель) мушира, подошел с документом, который был прочтен секретарем. Это был султанский фирман, в котором говорилось, что армяне возмутились против его величества и что нужно наказать их, пролив их кровь, дабы они служили примером другим. После этого Исмаил-бей произнес речь, в которой побуждал солдат уничтожать деревни огнем

* Перевод сделан в МИД России в 1895 г. (Ред.).

и переколоть мятежников, прибавив, что они могут делать, что хотят, с условием уничтожить все живое, что таков приказ султана. Затем солдаты были распущены по местам. В этот же вечер три батальона получили приказание атаковать Шеник и Семал. Когда крестьяне узнали, что войска приближаются, они сейчас же обратились в бегство. «Как могли они устоять против войск?». Поставили два орудия, из которых пустили несколько снарядов по деревне, убив на главной улице несколько бежавших армян; много других укрылись от артиллерии в школе, которая была атакована после; все, которые в ней находились, были убиты. Деревня была сожжена, и много народу погибло в пламени пожара.

На следующий день войска двинулись на Гелиегузан. Снова было приказано подвинуть вперед орудия, как было сделано раньше и с тем же результатом, как в Шенике и Семале. Только было больше народу, и избиение было соответственно более значительных размеров. С рассветом войска вошли в деревню, и множество оставшихся в ней крестьян было убито или сожжено в своих домах. Дверь одного большого дома не поддавалась никаким приступам, пока не было пододвинуто орудие и дверь была взломана пущенными снарядами. Один-единственный вооруженный старик и множество женщин и детей, которые там находились, были перебиты...

Небольшая часть войск не была допущена к участию в грабеже, получив приказание преследовать бежавших, что они и исполняли, причем офицеры кричали: «Кес, кес» — убивай, убивай штыком, не стрелять. Скоро остановили преследование, но он полагает, что во время нападения и бегства было убито от 600 до 800 человек. Много бежавших укрылось в небольших дубовых рощах. В них производились ежедневные загоны, пока войска оставались в Гелиегузане. Местами лесная чаща обливалась керосином, после чего ее поджигали; те, которые оставались, сгорели, тех же, которые выходили из лесу, убивали. Иные успели бежать на отвесную гору, которая называется Андок, где уже находилось значительное число жителей, ушедших до штурма деревни. Эта гора была оцеплена частью войск и курдами. Остальные войска оставались в лагере в Гелиегузане. Но два батальона с 6 и 8 орудиями были отделены для штурма Талори, по другую сторону гор. Через

несколько дней полковник отдал приказание не убивать более тех, которых они захватывали, обыскивая леса, но брать их живыми, и несколько пленных были им посланы к армянам на гору, чтобы предложить им сдаться. В то же время войска и курды получили приказание прекратить огонь против них. Тогда некоторые из бывших на горе начали спускаться и сдаваться. В их числе находился священник Семала Тер-Оганес, с которым он лично был очень хорошо знаком, в сопровождении большой толпы, состоящей по большей части из женщин и детей, умиравших с голода. Через некоторое время вышел один капитан, выделил около сорока более сильных армян и приказал им вырыть три ямы около трех метров глубины и четырех метров в диаметре, что было исполнено до захода солнца. В этот промежуток толпа из приблизительно 200 армян спустилась с горы. К заходу солнца был парад, после которого полковник приказал привести пленных. Сам он сел перед своей палаткой с зиланским шейхом. Полковник спросил тогда, кто начальник этих армян. Священник ответил, что это он. Шейх, с которым полковник посоветовался относительно того, что следовало бы с ним сделать, сказал: «Пусть его выбреют и выколют ему глаза». Тогда призвали цирюльника, который сбрил ему бороду, потом ему выкололи глаза и привязали к шее веревку. Солдаты тянули за оба конца веревки и заставляли его плясать. Наконец полковник сказал: «Доконайте его», и солдаты проткнули его своими штыками, приподнимая его на воздух и затем бросая на землю.

С этого места рассказ Сулеймана касательно деталей резни пленных по ночам совершенно сходен с рассказом Мевлюда. Он сам (свидетель) был отделен для исполнения роли мясника и заявляет, будто бы в одну ночь он убил штыком трех человек, не считая других случаев. Он не был с войсками, которые атаковали оставшихся на Андок-даге, но он слышал, что этот отряд был проведен одним курдом по крутой тропе до вершины горы, где солдаты убили всех, кто им попался. Толпа армян, укрывшихся в глубокой горной скважине, откуда они не могли бежать, была перебита до последнего. Во время этого избиения многим другим удалось разбежаться и уйти между скалами. Он определяет число жертв приблизительно в 5000 человек..

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3176, л. 97—98.

29. Младший секретарь русского генерального консульства в Эрзруме генеральному консулу Максимову

Из донесения № 4 *20 марта 1895 г.*

В дополнение к предыдущим донесениям о ходе следствия по поводу событий прошлого года в Сасуне должен обратить внимание Вашего превосходительства на следующее:

1. Следствие производится под административным давлением местных властей. Полиция зорко следит, чтобы жители разоренных селений Кавара и Талори не появлялись в Муше, где они могут представить свои жалобы турецкой следственной комиссии.[6] Отлучка из селений для них почти воспрещена, и они находятся под особым надзором; успевшие же тем или другим способом пробраться в Муш, арестовываются и затем высылаются из города...

Выбор лиц, являющихся в комиссию в качестве сторонних свидетелей событий, отчасти, если не вполне, производится местными властями... Часто председатель заявляет, что им вызваны мухтары известных селений, на деле же являются другие лица, доставленные заптиями.

Свидетели, вызываемые таким способом комиссией, разделяются по характеру их показаний на две категории: 1) одни повторяют один и тот же заученный рассказ, хотя принадлежат к жителям различных селений и выбраны и из среды курдов, и из среды армян; 2) другие, принадлежащие к армянам Кавара и Талори, в большинстве случаев не отвечают на задаваемые им вопросы, отговариваясь полным незнанием того, что произошло после их бегства из селений.

Кроме того, некоторые свидетели давали заведомо для них ложные показания, не могущие быть объясненными какими-либо личными соображениями или мотивами.

Во время пребывания в Муше свидетели-армяне находятся на попечении местной полиции, что не может не оказывать влияния на их показания: в заседании 4/16 марта некто Шахбаз, из селения Семал, муж которой, по ее словам, был убит в Гелиегузане, давала вполне определенные и обстоятельные ответы; на следующий же день, после ночи, проведенной в Муше, она отказа-

лась прибавить что-либо к своему прежнему показанию. Возвращаясь в селение, она говорила своему сыну: «Какая нам польза высказывать правду; за это и нас могут убить, как убили отца». Кево из Талори (заседание 28-го февраля), оставленный на ночь на попечении полицейского комиссара, на другой день отказался от своего намерения дать показание относительно событий в Талори в 1894 году.

Два свидетеля — Мыгро из Талори (заседание 28-го февраля) и Эго из Семала (заседание 17-го февраля) были, после их показаний в комиссии, арестованы в Муше.

Трудно предположить, что все вышеизложенное производится местными властями без ведома следственной комиссии.

II. Комиссия не беспристрастна в своих действиях, что доказывается как только что сказанным, так и самой манерой допроса свидетелей. Благоприятные для турок показания не прерываются председателем и тщательно записываются кятибом; свидетели же, говорящие против властей и войск, отвечают только на вопросы, и самый допрос их ведется крайне запутанно, с целью поймать на противоречиях и подробностях.

Пристрастность комиссии видна и из того, что она не сделала никаких попыток выяснить такие важные факты, как убийство солдатами женщин и детей, а также сдавшихся войскам у Гелиегузана...

III. Здешние армяне сначала были возбуждены приездом комиссии и иностранных делегатов; теперешнее же их настроение может быть названо угнетенным. Они ясно увидели, что присутствие делегатов не изменило обычных способов действий турецкой администрации...

Пржевальский

АВПР, Посольство в Константинополе, д.3176, л. 103.

30. Русский генеральный консул в Трапезунде послу в Константинополе Нелидову

Донесение *14 декабря 1894 г.*

Подведомственный мне нештатный вице-консул в Керасунде препроводил мне присланное на его имя армянской общиной Шабин-кара Гисара прошение от 26

минувшего ноября о притеснениях и насилиях, чинимых местными турецкими властями над армянским населением и над армянами, арестованными по подозрению в политической агитации.

Почтительнейше представляя у сего на благосклонное воззрение Вашего высокопревосходительства копию с означенного прошения, считаю долгом присовокупить, что согласно разъяснению г-на Колларо основательность изложенных в оном сведений подтверждается рассказами прибывающих в Керасунд из Шабин-Кара Гисара греков и армян.

Н. Шелкунов

Приложение

Копия прошения, адресованного российскому императорскому вице-консулу в Керасунде (от армянской общины Шапин-Карахисара).

Перевод с армянского
26 ноября 1894 г.

Желая описать жестокие страдания, выпавшие на долю армянской общины нашего города, мы обращаемся к Вам предпочтительно перед всеми, как к представителю нации великой в силу своей цивилизации и гуманности.

Вам, конечно, хорошо известно критическое положение армян, проживающих в Шапин-Карахисаре; это положение, г-н вице-консул, стало совершенно невыносимым после убийства шести армянских узников, имевшего место около пяти месяцев тому назад.

Правительство, считая, видимо, что ужас, порожденный среди армянского населения города этими зверскими убийствами, все еще недостаточно велик, начало принимать чрезвычайно суровые меры, которые приведут к верной и постепенной гибели христианского населения.

Нам хотелось бы обрисовать Вам это положение, которое можно по справедливости назвать плачевным.

Местные власти и, в первую очередь, мутесарриф Мустафа-бей, желая нахватать чинов и наград, выдумали, что в нашем городе якобы имеются армянские революционеры.

Мутесарриф и его приспешники Сабит-эфенди, глава муниципалитета, Джевад-бей, зять мутесаррифа из Су-Шехри, занимаются преследованием армян-христиан, применяя для достижения своей цели самые грубые методы.

С тех пор как были прерваны все средства сообщения, власти отказывают в выдаче паспортов, вне зависимости от того, к какому классу населения принадлежит данное лицо; таким образом, пресечена всякая возможность сообщать во вне о положении вещей.

Была предпринята попытка поголовных арестов жителей города и окрестностей; внезапные обыски, аресты— все это стало теперь у нас повседневным явлением.

Узников сначала отправили в центр Су-Шехри и Андреас, где под надзором Джевад-бея они были подвергнуты самым жестоким пыткам, к которым прибегла разве что инквизиция и которые нам не хотелось бы описывать.

Эти тягчайшие преследования обрушились преимущественно на три категории населения нашего города: интеллигенцию, молодежь, торговцев или капиталистов. Им отказывали в пище, стегали хлыстом, терзали тело щипцами, подвергали пыткам, распяв на кресте, или обливали горячей водой, душили, насиловали молодежь и т. д. Всем этим ужасным пыткам подвергаются узники. Правительства христианских стран, обладающие необходимыми физическими и моральными средствами, имеют возможность прислать своих официальных или тайных наблюдателей для констатации фактов.

Центральная правительственная тюрьма полна узниками такого рода; к ним присоединяют все новых узников. В настоящее время насчитывается около 80 заключенных. Поводом к арестам послужило наше обращение к иностранным консулам, в котором мы обрисовали создавшееся у нас критическое положение. Последние соблаговолили принять к сведению нашу петицию, о чем мы всегда с благодарностью и признательностью вспоминаем. Впрочем, узник может быть выпущен на свободу, если он заплатит властям 200—300 лир — лишнее доказательство в пользу невиновности заключенных. Никто больше не помышляет о торговле, сельском хозяйстве, просвещении или ином занятии, отвечающем подлинным интересам государства. Школы уже закрыты.

Честь граждан, их имущество, сама жизнь находятся под угрозой.

Понятно, что с изъятием лучших людей города, которые брошены в тюрьму с помощью бесчестных и несправедливых методов, остальное население никогда не сумеет защитить себя и уже содрогается при мысли о непосредственном вторжении, которое вполне возможно в столь критических условиях.

Турки, поощряемые действиями правительства, вновь преисполнились старого духа насильственного внедрения ислама и действительно готовятся вторгнуться в пределы общины, лишенной всякой возможности защищаться. Правительство не желает силой или мирными средствами защитить население, не допустить варварского вторжения, последствия которого легко себе представить.

Господин вице-консул, трудно и даже невозможно описать в подробностях страшное положение армян: давно наше тело и наш дух не ведают спокойствия, давно мы не ощущаем того внутреннего удовлетворения, которое испытывают честные семьи в кругу своих детей и друзей; нет ни одной семьи, у которой отец, сын или брат не находились бы в тюрьме и не взывали бы о помощи; мы же бессильны облегчить их участь...

Покуда есть добрые и благородные люди, представляющие правительства христианских стран, мы не отчаиваемся. Мы, следовательно, еще раз горячо просим Вас во имя человечности и справедливости пожалеть нас, избавив от этих невыносимых тягот. Нам говорят: «Вы должны умереть под пыткой», но ничего не сообщают о нас иностранным государствам, и заставляют страдать еще больше, если мы взываем к Вам о помощи.

В надежде, что настоящая мольба будет услышана в высших сферах, остаемся вечно признательными Вам.

Армянское население Шапин-Карахисара

АВПР, Политархив, д. 1416.

31. Русский консул в Алеппо послу в Константинополе Нелидову

Донесение № 67 *15 декабря 1894 г.*

В настоящее время находится в Алеппо александретский каймакам, вызванный сюда вследствие неоднократ-

ных жалоб на него со стороны армян, жителей Александретты.

Получив приказание из Константинополя строго следить за поведением армянского населения, каймакам увидел в том удобный случай для прикрытого хищничества. С ревностью, достойной лучшего дела, он поспешил арестовать жителей армян и выслать их из Алеппского вилайета в другой вилайет или даже из одного округа в другой того же вилайета. Арестованные, как политически неблагонадежные армяне, откупались, смотря по возможности и материальному состоянию. Оставались арестованными только те, которые не могли удовлетворить эти требования каймакама.

Трудно, почти невозможно, ожидать, чтобы обвиняемый не оказался виновным по следствию, которое производится административным советом под председательством генерал-губернатора, ожесточенного врага всего, что носит армянское имя или название.

В последнее время было арестовано здесь до 30 армян по подозрению в принадлежности к какому-то политическому заговору. Некоторые из них, как более опасные, отправлены под конвоем в Константинополь, другие высланы в вилайеты Аданский, Диарбекирский и Харпутский.

Во время агонии сисского армянского патриарха, умершего в Алеппо, была приставлена к его дому полиция, чтобы немедленно после его смерти захватить все его бумаги.

В Бейлане был пожар. Несмотря на то, что сгорело несравненно больше армянских домов, нежели мусульманских, армяне были обвинены в поджоге.

В здешнем так называемом лицее один воспитанник-армянин, поссорившись со своим товарищем-мусульманином, назвал его собакой. Несмотря даже на протест кади, не нашедшего в этой ссоре ничего ни антирелигиозного, ни армяно-политического, генерал-губернатор выслал ученика-армянина в Аданский вилайет.

Я просил генерал-губернатора сделать распоряжение о выдаче буюрулди русскому подданному Агавову, отправляющемуся из Алеппо в Антиохию. Узнав, что Агавов армянин, Хасан-паша отказал мне в моей просьбе Я вынужден был вести особенную переписку по этому делу, и только после повторных настояний я мог по-

лучить требуемое мною буюрулди для русского подданного.

Вчера получено было мною прошение о защите и покровительстве от 14 городских жителей-армян, арестованных полицией с тем, чтобы на другой день отправить их в Харпутский вилайет. Сегодня утром 14 арестованных армян отправлены под конвоем по харпутской дороге, сопровождаемые плачем и воплями их родственников, взрослых и детей.

Высланные из Алеппского вилайета армяне—большей частью содержатели или сторожа ханов; есть между ними мелкие лавочники, сапожники и портные.

Якиманский

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3197, л. 81.

32. Армянский патриарх в Константинополе министру юстиции и культов Турции Риза-паше

Перевод с французского

Из письма *8 февраля 1895 г.*

В своем предшествующем такрире, который я имел честь направить Вам 9-го января, я уже сообщал о своем намерении изложить противозаконные деяния, совершаемые в провинциях, населенных армянами, и вызывающие их жалобы...

Чувствуя всю тяжесть лежащей на мне ответственности, беру на себя смелость рассказать Вам в этом такрире всю правду. Убежден, что именно таким образом выполню свой долг как по отношению к правительству, так и по отношению к своему народу, в соответствии с торжественным обязательством, данным мною при моем возведении в патриарший сан...

Армянский народ, подвизающийся в сельском хозяйстве, промышленности и торговле, неизменно являлся важным фактором прогресса страны. Он всегда платил налоги, которыми облагался, сохранял хорошие отношения со всеми другими подданными империи и, в частности, со своими турецкими соотечественниками, требуя, в конечном счете, только лишь возможности пользоваться благами цивилизации.

В своей частной жизни армяне сохранили верность христианской религии и заботились о поддержании до-

бровольными пожертвованиями своих церквей, монастырей и школ, равно как об обучении своих детей, и поставляли обществу людей всех профессий, а государству—способных чиновников.

И что же, Ваше превосходительство! Эта нация оказалась сейчас в таком состоянии, когда ни отдельные лица, ни народ в целом не могут жить мирной и спокойной жизнью.

Нынешняя система управления, организация юстиции и провинциальной полиции с ее чрезмерной централизацией и ее ограниченными функциями недостаточна для охраны прав населения. То же можно сказать и о методах, применяемых фанатически настроенными или неспособными исполнителями.

Подобное положение, при существующем недоверии к армянам, привело к целому ряду правительственных репрессий, так что жизнь, честь и благосостояние в провинциях, населенных армянами, продолжают оставаться совершенно необеспеченными...

Главным занятием армян является сельское хозяйство. Между тем земли, занимаемые ими с незапамятных времен, как аборигенами страны, земли, удобренные их потом, земли, плодами которых пополняется государственная казна, изъяты у них тем или иным способом. В одних случаях влиятельные лица, турки и курды, благодаря поблажкам, которые им предоставляют официальные круги, тайно записывают на свое имя земли, им не принадлежащие, и выселяют подлинных владельцев. В других случаях крестьяне, чтобы заручиться защитой главаря какого-нибудь племени и предохранить себя от бесчинств и грабежей, вынуждены уступать ему лучшую часть своих земель. Случается и так, что армяне, отданные на милость вожакам племен с их постоянной враждой и беззакониями, бывают вынуждены уступить целые селения.

Иногда грабежи довершают несправедливый судебный приговор, вынесенный под давлением извне. Крестьянин остается без имущества, без защиты против насилий, совершаемых именем закона. Любая попытка законной защиты рассматривается как преступление и вызывает репрессии. Так крестьянин становится рабом беев и ага, объектом их торговых сделок. Он платит этим феодалам бесчисленные налоги, отдает в их распоряжение себя самого, свою семью и стада, принужден обрабаты-

вать собственным скотом поля для их выгоды и пользы, возводить для них постройки, предоставляя бесплатно и труд и материалы,—одним словом, выполнять все тяжелые повинности, которые на него возлагаются.

Так же мало уважаются владения армянских монастырей, их земли, являющиеся единственным источником, который поддерживает существование монахов и позволяет им удовлетворять духовные нужды своей паствы.

Крестьяне, кроме налогов, выплачиваемых императорской казне, обязаны еще платить вожакам курдов налог, известный под названием кяфирата (налог неверных). Даже монастыри стали должниками некоторых ага, периодически собирающих подати...

Агенты государственной казны и мультезимы довершают эти несчастья своими беззаконными действиями. Для сбора налогов администрация посылает по восемьдесять конных жандармов в селения, насчитывающие не более тридцати домов, и крестьяне вынуждены предоставлять помещение и питание людям и лошадям. Сборщики избивают палками жителей и приходских священников, допускают надругательства над христианской религией и предметами культа. Они изымают земледельческие орудия, отбирают последнюю одежду у тех, кто не может расплатиться тотчас же. Тех же, кто совсем ничего не имеет, бросают в тюрьмы.

Что касается мультезимов, то они при подсчете скота и урожая, принадлежащего крестьянину, удваивают итог и таким образом заставляют платить подати с вымышленных доходов. Они приступают к подсчету урожая настолько поздно, что крестьянин оказывается перед альтернативой: или оставить несобранный урожай гнить на корню, или убрать его, но затем подчиниться требованиям мультезимов.

При взимании десятины показ дохода, превышающего доход предыдущего года, рассматривается как форма вознаграждения чиновников; поэтому в некоторых местах они, вместо того, чтобы назначить оценщиков, представляющих необходимые гарантии личной честности и финансовых способностей, принимают на работу людей, которые способны обеспечить им этот доход. В этих условиях люди без совести, для которых самые жестокие средства хороши лишь бы обогатиться, становятся оценщиками, притесняют население. И так как они всегда

в долгу у императорской казны, местные власти проявляют к ним терпимость, чтобы дать им возможность расплатиться.

Измученные крестьяне предпочитают эмигрировать, но эмиграция не безопасна...

Бывает также, что мужчины, оставляя свои семьи на родине, уезжают группами за границу, чтобы заработать на пропитание. Когда же эти эмигранты хотят возвратиться в свою страну, они встречают препятствия со стороны местных властей, которые рассматривают этих несчастных людей как преступников за то, что они покинули страну в поисках заработка.

Что касается покушений на семейную честь, то сколько раз девушки, вышедшие замуж, похищались в день их свадьбы! Доказано, что молодые женщины, и даже малолетние, подвергались тягчайшим оскорблениям. В тюрьмах преступники принуждали к сожительству молодых армянок. Известны случаи, когда родственники под угрозой смерти принуждались к кровосмесительной связи. Трудно говорить обо всем этом без возмущения!

Добавим, как это ни горько, что самый дух недоверия, которым проникнуто отношение правительства к армянам, равно как и бесчисленные беззакония, совершаемые чиновниками из административного аппарата, юстиции и армии, довели до предела бедственное положение нации. Простая жалоба, всякая попытка защиты попранных человеческих прав, сбор пожертвований в пользу школ и церквей, участие в филантропической организации, чтение давно опубликованных поэтических произведений или журналов, которые правительство даже не объявляло запрещенными, ношение оружия, хранение пороха, хотя бы в самых ничтожных количествах, — все это является в глазах правительства тяжким преступлением, которое армяне должны искупать годами тюремного заключения.

Должностные лица и, кроме них, целый сонм проходимцев, не имеющих никакого официального положения, практикуют ложные обвинения против армян с целью получения награды или повышения по службе или просто ради утоления личной ненависти.

Самый безобидный проступок, любое маловажное правонарушение, анонимный донос и показание, полученное такими средствами, как угроза, применение силы и т. д., являются достаточными для того, чтобы возложить от-

ветственность на все население. Тогда начинаются массовые аресты, и арестованные, после долгих лет предварительного заключения, приговариваются к самым тяжким наказаниям с помощью крючкотворства, которое должно изображать закон. Иногда даже эти формальности считаются излишними, и применяется настоящая вооруженная расправа с населением. Дело доходит до самых страшных преступлений, жертвой которых становится все население, как об этом свидетельствуют события в Эрзруме, Кесарии и Йозгате и совсем недавние события в Сасуне, происшедшие при самых трагических обстоятельствах.

Несколько архиепископов, епископов, прелатов и священников, в том числе 82-летний достопочтенный старец, были заключены в тюрьму рядом с преступниками и убийцами.

После нескольких лет предварительного заключения поименованные духовные лица были приговорены к различным наказаниям: к заключению в крепости, ссылке и даже к смертной казни.

За неимением официальных данных, патриархия не знает точного числа священнослужителей, находящихся в настоящее время в заключении. Тем не менее сведения, которые достигли патриархии, хотя и весьма неполные, показывают, что в настоящее время около сорока духовных лиц, в том числе пять епископов, одиннадцать прелатов и двадцать два священника, находятся в тюрьмах. Несколько служителей церкви умерли в тюрьмах.

Отряды конной жандармерии непрерывно объезжают селения для производства дознаний. Чтобы оправдать свое существование в глазах высших властей, эти отряды просто измышляют несуществующие политические заговоры или революционные акции.

Для того, чтобы придать таким «разоблачениям» видимость правдоподобия, требуются какие-то улики; с этой целью беспощадно избивают крестьян, чтобы заставить их дать нужные показания. Производят внезапные налеты на дома, причем обыски сопровождаются грабежами, а также оскорблениями чести обезумевших от страха женщин.

Следственные отряды отправили таким способом в тюрьмы, под самыми ничтожными предлогами, большое количество армян, среди которых были даже школьни-

ки, подростки. В тюрьмах заключенных избивают, раздев их догола. Их привязывают к крестообразным столбам и прижигают раскаленным железом. Несчастным предлагают принять мусульманскую религию, обещая за это прекратить их мучения и отпустить на свободу. Самые страшные угрозы применяются к этим несчастным юношам, чтобы вырвать у них признание в вещах, о которых они ровно ничего не знают.

В других случаях от крестьян требуют выкупа, обещая освободить их. Так как арестованные часто не имеют возможности заплатить требуемую сумму, их посылают в сопровождении жандармов на рынки с тем, чтобы они добыли там нужные деньги, хотя бы для этого им пришлось обойти все лавки. Женщинам предлагают освободить их мужей ценою выкупа или бесчестия.

Количество заключенных из гражданского населения исчисляется тысячами. Но поскольку переписка патриархии с архиепископами и другими церковными властями провинции, вследствие известных причин, была почти полностью прервана, то установить точное число этих лиц было невозможно.

Мы вынуждены с прискорбием отметить, что такиры, с помощью которых патриарх осведомляет о подобных фактах императорское правительство и ходатайствует об устранении бедствий и лишений, приносящих страдания народу, даже не принимаются к рассмотрению. Эти обращения, в которых патриарх исходит из интересов правительства, страны и нации в целом, рассматриваются как незаконное посягательство и вмешательство в чисто административные дела, находящиеся вне привилегий и компетенции патриархии.

Рассматривая положение с точки зрения свободы вероисповедания, мы с сожалением отмечаем, что из-за существующих притеснений армянский народ лишен даже духовного утешения и права свободно исполнять обязанности и заповеди, предписываемые христианской религией...

Канонические книги, излагающие нашу священную веру, в которых ни одна буква не должна быть искажена, подвергаются просмотру и исправлениям цензоров. В календарях, указывающих религиозные праздники, некоторые части, в которых речь идет об именах святых и посвященных им праздниках, были вычеркнуты, а печатание календарей без этих изменений было запре-

щено. Чтение старых изданий этих священных произведений рассматривается как преступление. Печатание истории Армении разрешается лишь с изменениями и пропусками. В школьных учебниках цензоры Министерства народного образования опускают имена прежних армянских царей, князей и генералов и заменяют их другими именами. Запрещено даже употребление армянских названий некоторых городов. Как все остальные христианские церкви, армянская церковь имеет также свое собственное название. Она называется Церковью Армении (Айастани Екехеци). Со скорбью мы наблюдаем, как пытаются отнять у нашей святой церкви право носить свое собственное имя.

Со времени принятия армянским народом христианской религии верховным главой национальной церкви является католикос эчмиадзинский, под высшей духовной юрисдикцией которого находится вся армянская нация. Однако императорское правительство запрещает упоминать имя его преосвященства в армянских газетах и публиковать его буллы...

Сколько церквей и монастырей было конфисковано и осквернено! Сколько их было разграблено и сожжено!

Нередко можно видеть врата алтарей и памятники, носящие изображение святого креста, замаранные нечистотами...

С одной стороны, патриархия бессильна удовлетворить настоятельные просьбы и жалобы населения изменить существующее положение, с другой стороны, возросли трудности и препятствия, способные свести на нет привилегии патриарха и архиепископов. Эти препятствия и помехи вызывают распад религиозных и церковных организаций армян.

Мы перечислим основные факты, говорящие об этом:

I. Армяне имеют утвержденные императорским ирадэ статуты, которые определяют законы, регулирующие их духовное и церковное управление, порядок избрания духовных руководителей нации и членов различных советов и комитетов, а также функции и формы деятельности этих советов и комитетов.

Однако применение основных принципов этих статутов, упоминание о них на армянском языке в газетах и празднование даты их провозглашения были запрещены правительством под разными предлогами.

Члены различных советов и комитетов национальной

администрации лишены возможности собираться на законные заседания, а некоторые из них были арестованы за то, что исполняли свои обязанности. Точно так же некоторые армяне, которые воспользовались своим правом избрания различных советов, были отправлены в тюрьму за то, что они якобы избирали членов революционных комитетов.

Эти обстоятельства доказывают, что статуты перестали существовать, а это, в свою очередь, приводит к развалу духовных организаций нации.

II. Берат об инвеституре патриаршего сана и церковные привилегии устанавливают, что в вопросах, касающихся архиепископов и епископов, обвиняемых должностными лицами правительства в поступках или преступлениях, могущих повлечь их смещение или ссылку, правительство не будет принимать никаких мер прежде, чем проверит правильность обвинений, передав дело в патриархию. Из тех же привилегий вытекает, что никакое наказание не может быть наложено на духовных лиц раньше, чем патриарх не лишит их духовного сана. Однако, как об этом было сказано выше, некоторые духовные лица находятся в настоящее время в тюрьмах и ссылке, а наказание было на них наложено при условиях, прямо противоречащих привилегиям патриархии, а также правительственным указаниям.

Напротив, осуществление права патриарха призывать непокорных духовных лиц к повиновению и наказывать их в случае необходимости наталкивается на трудности и даже на препятствия из-за вмешательства правительства.

III. Рукописные документы патриархии, равно как произведения, которые она хочет печатать, естественно, не могут проверяться цензурой. Однако Министерство народного образования приравнивает эти документы и произведения к рукописям и произведениям, которые представляются частными лицами, и запрещает печатать их без разрешения цензуры. В число их включены даже сообщения и объявления, посылаемые патриархией в газеты.

IV. Приходские армянские школы созданы для того, чтобы дать юношеству, наряду с общим образованием, знание в совершенстве языка, религии, национальной истории, и для воспитания его в духе священных принципов религии и морали. Эти школы содержатся исклю-

чительно на средства населения. Однако Министерство народного образования приравняло их к обыкновенным частным заведениям, изъяв их из-под наблюдения, контроля и юрисдикции патриархии и епископства.

V. Хотя решения по спорным делам, связанные с завещаниями и дарениями, по самому своему характеру должны находиться в ведении церковных властей, правительство не признает компетенции патриархии и архиепископов в этих вопросах.

Во время переговоров относительно соглашения о привилегиях армянского и греческого патриаршеств правительство в устных заявлениях обещало пожаловать армянскому патриаршеству все условия «модуса вивенди», предоставленного греческому патриаршеству. Тем не менее армянскому патриаршеству вслед за этим было отказано в привилегиях, признанных за греческим, в вопросах о завещаниях и дарениях.

VI. Формальности, недавно установленные правительством для получения разрешения на строительство новых и восстановление уже существующих школ, церквей и т. д., далеки от того, чтобы помочь патриархии, и вызывают новые затруднения и серьезные задержки. С другой же стороны, возникли новые трудности, поскольку правительство решило закрыть церкви и школы, не имеющие императорских фирманов, до тех пор, пока не будут получены новые фирманы. Так, например, в трех селениях округа Акн (вилайет Мамурет-ул-Азиз) мюдир приказал закрыть церкви, так как крестьяне не могли представить полученные фирманы, потому что не знали, где они находятся. Этот мюдир додумался до того, что приказал запечатать двери церквей, чтобы жители не могли туда проникнуть.

Тщетно патриархия сообщала правительству даты пожалованных фирманов и многократно просила вновь открыть церкви. Ей было отвечено письменно, что необходимо получение новых фирманов. В результате жители указанных трех селений будут лишены в течение долгого времени всякой религиозной службы.

В соответствии с этим же решением будут закрыты церкви, школы и монастыри, построенные до турецкого завоевания и не имеющие фирманов, а также церкви, школы и монастыри, построенные после завоевания, фирманы которых были утеряны.

VII. Христианская религия признает единственно за-

конным браком—церковный брак, а право наследования исключительно принадлежит детям, родившимся от такого брака. Следовательно, право наследования может быть определено и подтверждено только церковными властями, в ведении которых находился умерший. Однако шерифские суды оглашают решения о наследстве, удовлетворяясь показаниями первого встречного, тогда как необходимо, чтобы основанием для них служили сведения, представленные патриархией.

В результате такого рода дела решаются в соответствии с предписаниями мусульманской церкви.

VIII. Кроме налогов, установленных правительством, армянский народ платит еще специальный налог, установленный для покрытия расходов по народному образованию. Однако эти налоги никогда не используются для удовлетворения нужд армянских школ, которые содержатся исключительно на добровольные пожертвования народа. Решения же, принятые Блистательной Портой, крайне затруднили сбор пожертвований и подписку в пользу школ и церквей. Оттоманское правительство недавно запретило вообще какую бы то ни было подписку и сбор пожертвований этого рода. Поэтому сбережения школьных богоугодных организаций иссякли.

В соответствии с древним обычаем, освященным, между прочим, фирманами и бератами, настоятели монастырей посылали членов своих конгрегаций в места, подчиненные соответствующим епископствам, для сбора подарков и пожертвований, которыми поддерживалось существование монастырей. Но с некоторого времени провинциальные власти запрещают сохранение этого обычая, прикрываясь распоряжением Блистательной Порты. Таким образом, стало невозможным удовлетворять нужды монастырей...

Вот, Ваше превосходительство, краткое описание общего положения армянского народа. Огромная информация по этому вопросу содержится в многочисленных такрирах, которые в течение многих лет патриархия непрерывно направляла императорскому правительству.

Оттоманское правительство имело возможность, на основании многочисленных расследований, установить и проверить положение в провинциях, населенных армянами, и их нужды; ему известны также все факты.

Патриархия многократно обращалась к императорскому правительству, и она всегда получала от него обе-

щания провести реформы и улучшить положение, однако эти обещания и полученные уверения остаются втуне.

Армянская нация, Ваше превосходительство, в качестве христианской общины желает полной свободы отправления религии, беспрепятственного функционирования гражданской и религиозной организации, полного сохранения своих церковных привилегий; она желает существовать в мире как армянская нация, сохраняя характерные свойства и отличительные черты, присущие ее национальной индивидуальности.

Она стремится к установлению определенного порядка, могущего гарантировать ей возможность пользоваться всеми правами, которыми провидение наделило человечество, и всеми благами, которые цивилизация предоставляет трудолюбивым народам...

Патриарх армян в Турции **Матевос**

АВПР, Политархив, д. 1416.

33. Армянский архиепископ в Эрзруме российскому генеральному консулу Максимову

Перевод с французского

Письмо *8(20) марта 1895 г.*

Спешу сообщить Вам только что полученные мной от моего специального уполномоченного сведения о прискорбных событиях, происшедших в казе Спере, находящейся на расстоянии не более семи часов езды от нашего города.

15 декабря 1894 г. турецкое население деревни Чипот, одной из главных деревень Спера, сделало попытку захватить участок земли, принадлежащий армянам, жителям той же деревни. Армяне, естественно, воспротивились этому акту насилия, но мусульмане, раздраженные сопротивлением христиан, взялись за оружие и напали на несчастных, беззащитных армян, творя при этом акты крайней жестокости. Они начали с мужчин, ранив более или менее серьезно 13 человек ружейными выстрелами и холодным оружием. Вот имена жертв (семь из них находятся в безнадежном состоянии):

Мкртыч, сын Каприэля
Торос,
Ованес, сын Тер-Кеворка
Вартан,

Казар, » »
Казар, сын Тер-Каприэля
Акоп, сын Казара
Григор, сын Баба
Пилос, сын Аракела
Кивас, сын Крелима
Галуст, сын Саркиса
Амбарцум, сын Аракела
Акоп, сын Минаса.

Не удовлетворившись этими зверствами и видя, что мужчины рассеялись по полям, злодеи ворвались в армянские дома, глумясь и издеваясь над женщинами и девушками; одна из них по имени Марта, оказавшая сопротивление бесчестным насильникам, была убита.

Эти чудовища-изуверы убили также одного ребенка из-за того, что он кричал при виде насилий, совершаемых над его матерью и сестрой, — эти крики раздражали насильников.

Спустя несколько дней один юзбаши, объезжавший в сопровождении нескольких заптие эти места для взимания податей, прибыл в ту же деревню Чипот. Он навел справки о случившемся и остался весьма доволен; он поощрил единоверцев к продолжению издевательств над гяурами, посоветовав им, однако, быть осторожнее, чтобы не обращать на себя внимание.

По его указанию избиение армян было продолжено. Имущество армян он захватил под предлогом взимания податей, а вечером выбрал самую красивую армянскую женщину для удовлетворения своих гнусных инстинктов. Несчастная укрылась у себя дома; слуги юзбаши проделали отверстие в крыше дома, через которое юзбаши проник в дом и похитил прекрасную армянку.

Со времени этих событий среди несчастных армян, жителей деревень Сперского округа, воцарился ужас. Женщины, вынужденные целыми днями оставаться дома, забаррикадировались на случай налета, мужчины же едва осмеливаются показываться на улицах деревень. Никто из армян, жителей Чипота, не может приехать в город, а если у него спешное дело, он допускается в пределы города только при условии хранить молчание о происходящем и никому не подавать никаких жалоб.

Армянский архиепископ в Эрзеруме **Геворд**

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3176, л. 111.

34. Армянское население Шапин-Карахисара российскому послу в Константинополе Нелидову

Перевод с армянского

письма *Шапин-Карахисар, 25 июня 1895 г.*

Мы, нижеподписавшиеся, считаем долгом просить Ваше высокопревосходительство соблаговолить передать Вашему правительству нашу глубокую благодарность за ту заботливую поддержку, которую оно пожелало оказать нашей стране, пребывающей в невыносимом положении, общей программой армянских реформ, с кратким изложением которой мы имели честь ознакомиться.

Однако, да будет позволено нам заметить, что вопрос о программе реформ не новый, и мы часто разочаровывались в наших справедливых надеждах, которые, казалось бы, давно должны были быть осуществлены.

Ваше высокопревосходительство, Вам прекрасно известно, что когда выполнение законов передоверяется бездеятельным органам или же органам, заведомо не склонным претворять эти законы, или же лицам неподходящим, то, как бы ни были хороши эти законы, они остаются мертвой буквой.

Ведь общеизвестен тот факт, что турецкое правительство, вопреки наличию у него гуманных законов, в своей политике неизменно руководствовалось варварскими методами.

Вновь поручать осуществление программы армянских реформ его султанскому величеству — не насмешка ли это над нами?

Для нас ясно уже, что раны наши, еще не зажившие, пуще будут кровоточить; с одной стороны, экономический кризис, с другой — гонения и невероятные муки окончательно доконают нас...

С глубоким уважением [следует 475 подписей]

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3181, л. 12.

35. Армянский патриарх в Константинополе министру юстиции и культов Турции Риза-паше

Перевод с французского

Письмо *15 августа 1895 г.*

Осмелюсь привлечь внимание Вашего превосходительства к поступившим на мое имя жалобам по поводу же-

токостей, чинимых злоумышленниками в деревнях санджака Карахисари-Шарки, Сивасского вилайета, и, в особенности, в деревнях Андреас и Тамзара.

Спешу привести несколько фактов.

В деревне Андреас мусульмане убили армянина по имени Саак Айвазян; там же убили другого армянина Саака Карабеяна, сбросив его с вершины скалы, известной под названием Шемше; в той же деревне восемнадцатилетний турок Мехмед, сын дервиша Кара-бал-оглы, ударом кинжала убил армянского мальчика Азарика, четырнадцати лет от роду, сына Калайджяна.

Далее, по ложному доносу одного курдского бандита, обвинившего армян деревни Кетче-Юрд в нанесении ему раны и в убийстве двух его сообщников, были арестованы одиннадцать армян, которых подвергли жесточайшим пыткам с тем, чтобы вынудить их признаться в приписываемых им злодеяниях. Родные арестованных, узнав о том, в каких условиях томятся их близкие, отправились в составе двадцати одного экипажа в центр казы, требуя правосудия.

Сообщают также, что мусульманское население деревни Андреас, возбуждаемое фанатиками-ходжами и улемами и поощряемое бездействием властей, грозится вырезать всех христиан.

Что касается жалоб населения деревни Тамзара, то нижеследующие данные исчерпывающе характеризуют обстановку.

Несколько турок-хулиганов избивали армянку, пытаясь надругаться над ней. Услышав крики, армяне поспешили прийти ей на помощь. Насильники, к которым присоединилось мусульманское население деревни, вооруженное ножами и кинжалами, напали на армян. Это нападение было приостановлено лишь в результате вмешательства жандармерии, присланной в Тамзара местными властями. Несколько армян было ранено или жестоко избито. Охваченное страхом армянское население, не решаясь оставаться в этой деревне, вынуждено было бежать в центр санджака, где и проживает в настоящее время, раскинув свой лагерь в районе кладбища. Люди страдают от непогоды и обречены на безысходную нищету.

Отметим особо жалобы на Салиха-эфенди, главного чиновника по составлению описей и оценки недвижимости в Карахисари-Шарки, поселившегося в Тамзара.

Помимо угроз и клеветы, к которым прибегает продажный Салих-эфенди, он, под предлогом взыскания налогов, посылает в эти деревни жандармов, которые избивают и арестовывают армян. За малейшую задолженность по налогу Салих распродает до нитки имущество армян по самым низким ценам.

Не довольствуясь злоупотреблением властью, этот государственный чиновник осмеливается нарушать добрые нравы, покушаясь на честь порядочных женщин.

Так, жена армянина Керопа Бозарьяна, жительница деревни Тамзара, которая в данное время находится по делам в Керасунде, подверглась наглому преследованию со стороны Салиха и вынуждена была покинуть деревню во избежание дальнейших преследований. Получив сведения об отъезде этой женщины, Салих попытался вернуть ее с дороги, утверждая, что за ней числится задолженность по налогу. В догонку за ней был послан конный жандарм Мустафа, которому было поручено арестовать ее, но мужественная женщина, полная решимости отстоять свою честь любой ценой, отказалась повиноваться жандарму, и ей удалось таким образом уехать.

Этот поступок главного чиновника по составлению описей и оценки недвижимостей, а также и другие совершенные им злоупотребления и жестокости довели армянское население до крайнего отчаяния. Все армяне подписали и подали совместную жалобу. Они обвиняют Салиха и мюдира деревни, а также брата мюдира Мухаррема и жандармов; имея поручение наблюдать за порядком, эти люди сами творят злоупотребления, поощряемые действиями Салиха.

В жалобах, поступивших в патриархию, с сожалением констатируется, что названное обращение не дало результатов.

Сожалею о том, что к этим жалобам вынужден присовокупить также сведения о положении в Карахисари-Шарки, содержащиеся в различных донесениях и в копии телеграммы, оригинал которой, направленный в адрес патриархии, так же, как и в великий визират и в Сивасский вилайет, в патриархии получен не был.

Согласно этим сведениям, армяне Карахисари-Шарки не осмеливаются выходить из домов, опасаясь за свою жизнь; церковь закрыта и богослужение больше не совершается.

Мною уже отданы телеграфные распоряжения соот-

ветствующим лицам об открытии церкви и возобновлении богослужения.

Ввиду того, что положение, согласно донесениям и жалобам, становится все серьезнее, осмеливаюсь привлечь внимание Вашего превосходительства к этим фактам...

Матевос Измирлян

АВПР, Политархив, д. 1416.

36. Из статьи Эм. Диллона «Положение дел в Турецкой Армении» (1895 г.)

В 1891 году Блистательная Порта, опасаясь серьезных затруднений для себя от обещанного введения реформ в Армении и возможной во время войны враждебности христиан, живущих в провинциях, пограничных с Россией, решила убить двух зайцев одним выстрелом и организовала так называемую кавалерию гамидие, составленную исключительно из курдов. План, предложенный некоторыми высшими сановниками империи, заключался в том, чтобы вытеснить армян из пограничных земель, как, например, Алашкерт, и заменить их магометанами, чтобы число их во всех пяти провинциях было сокращено до таких размеров, при которых исчезла бы надобность в специальных реформах для армянского населения, и чтобы в случае войны курды действовали как противовес казакам.

Эта открытая политика истребления была точно осуществляема и значительно расширена с того времени, и если ей не положат скорого конца, то она без сомнения приведет к окончательному разрешению армянского вопроса; но это разрешение будет позором для христианства и презрительной насмешкой над цивилизацией...

Теперь доказано, что сасунская резня была *сознательным* делом представителей Блистательной Порты — делом, которое было заботливо подготовлено и беспощадно выполнено, несмотря на то, что эти ужасы вызывали содрогания даже в курдских разбойниках и чувство сострадания даже в сердцах турецких солдат.

Следовательно, жаловаться на необеспеченность жизни и имущества в Армении до тех пор, пока эта страна находится под безответственным управлением Блистательной Порты, это все равно, что солдату жаловаться

на серьезную опасность от неприятельских пуль во время кровавого столкновения. Результат, составляющий предмет жалоб, является той именно целью, к которой стремятся, и совершенство, с которым достигается этот результат, служит убедительным доказательством действительности употребляемых мер.

Один выдающийся иностранный государственный деятель, обыкновенно считающийся убежденым туркофилом, недавно заметил в частном разговоре со мною, что турецкое владычество в Армении можно было бы правильно определить как *организованное разбойничество*, узаконенное убийство и вознаграждаемую безнравственность. Протесты против этой системы могут быть справедливы и уместны, но их едва ли можно считать полезными. Филантроп при посещении тюрьмы может испытать большее огорчение, увидя, что у одного из заключенных связаны руки и ноги, но он едва ли будет тратить время на принесение жалобы по этому поводу, если узнает, что этот арестант присужден к смерти и скоро будет повешен.

Первый шаг к осуществлению плана истребления заключался в том, чтобы систематически разорять народ. Это естественно в стране, где чиновники по восьми или десяти месяцев ждут своего жалованья и затем должны довольствоваться только частью того, что им следует. «Я не получал и одного пара́ в течение двенадцати недель и не могу даже купить себе платья», — воскликнул чиновник, которому поручено было следить за мною день и ночь в Эрзеруме. «Платили ли вам правильно жалованье?» — спросил я начальника телеграфной конторы в Кутеке. «Нет, эфенди, — отвечал он, — теперь я не получал ничего в течение восьми месяцев; впрочем, я получил месячное жалованье на байрам». — «Как же вы живете в таком случае?» — «Бедно». — «Но ведь вам нужно же хоть сколько-нибудь денег, чтобы не умереть с голоду?» — «Конечно, я имею немного денег, но недостаточно. Аллах милостив. Вы сами теперь дали мне немного денег». — «Но ведь эти деньги не для вас, они заплачены на телеграмму и принадлежат государству». — «Я беру эти деньги себе в возмещение жалования, это составит не очень много, но сколько бы денег ни составилось таким образом, я кладу их себе в карман». Эти люди, конечно, мелкие чиновники, но их положение по существу не отличается от положения их

начальников: судьи, офицеры, вице-губернаторы, вали и т. д. находятся в таком же безденежье, но и отличаются нередко большею жадностью.

Тасик [Тахсин]-паша, бывший генерал-губернатор Битлиса, представляет отличный образчик высокого турецкого сановника эпохи истребления. Он имел обыкновение заключать в тюрьму множество богатых армян без всякого основания к обвинению в чем-нибудь или хотя бы какого-нибудь предлога. Затем им предлагалась свобода за большие суммы, представляющие большую часть их состояния. Отказ от платежа имел своим последствием для заключенных такое обращение, по сравнению с которым пытки, применявшиеся к евреям в средневековой Англии, или мучения евнухов принцессы Улы в современной Индии, представляются мягкими и благотворными наказаниями. Некоторые заключенные должны были держаться на ногах целый день и целую ночь, причем им не давали ни есть, ни пить и запрещали двигаться. Если они теряли силы и сознание, то холодная вода или раскаленное железо скоро приводили их в себя, и пытка продолжалась. Так как время и настойчивость были на стороне турок, то вообще кончалось тем, что армяне обыкновенно жертвовали чем угодно, чтобы только спастись от страшных страданий. Им приходилось или принести в жертву все, или сделаться самим жертвами, и они, конечно, выбирали наименьшее из зол.

В вилайете Битлис несколько сот армян, имевших деньги, скот и хлеб, подверглись произвольному аресту и были освобождены за крупную взятку. Некоторые из них не в состоянии были тотчас заплатить деньги, поэтому их держали в мрачных темницах до тех пор, пока они не добыли требуемой суммы, а некоторые из них были умерщвлены. Около ста армян погибло в одной битлисской тюрьме. Следующая петиция с подписями была отправлена мне и, если не ошибаюсь, то одновременно также иностранным делегатам в Муше; эта петиция, исходившая от одного хорошо известного человека, имя и адрес которого я сообщаю, поможет составить себе представление о том, как вали Битлиса управлял своими провинциями и в то же время благодетельствовал: «Мы, служившие турецкому правительству с безусловной верностью, подвергаемся, особенно в последние годы, дурному обращению и гнету то со стороны правительства, то со стороны курдских разбойни-

ков. Так, в прошлом году (1894) я был внезапно арестован в моем собственном доме турецкой полицией и жандармами, которые отвели меня в Битлисскую тюрьму, где я подвергся оскорблениям и самым ужасным пыткам. Просидев там четыре месяца, я был освобожден под условием, что заплачу 450 ф. стерл. Для таких действий не было представлено никакого основания или повода. По возвращении домой я нашел свое хозяйство в беспорядке, свои дела расстроенными, и мои средства к жизни исчезли. Моя первая мысль была обратиться к турецкому правительству с просьбой о возмещении моих потерь, но я отказался от этого плана, чтобы не подвергнуться снова аресту. Услышав, что Вы явились в Армению для того, чтоб исследовать положение народа, я умоляю Вас именем бога отметить мое дело. Подписано: Богос Дарманиан из деревни Икнакаджиа в казе Манаскерд».

Налоги, собираемые с армян, чрезмерно велики; взятки, которыми всегда сопровождается их взимание, берутся заптиями и могут достигать невероятных размеров, принимая самые отвратительные формы; что же касается способов, при помощи которых происходит собирание податей, то они сами по себе составляют достаточное основание для уничтожения оттоманского господства в Армении.

Для того, чтобы привести подходящий пример различного уровня обложения христиан и магометан в городах, достаточно будет сказать, что в Эрзеруме, где существует 8000 магометанских домохозяйств, мусульмане платят 395 000 пиастров, между тем как христиане, которых по числу домохозяйств насчитывается только 2000, вносят 430 000 пиастров.

В сельских округах все без исключения очень высоко обложено правительством, но самое тяжелое податное бремя, взимаемое на законном основании, легко по сравнению с вымогательствами заптиев. Предположим, например, что семья должна платить 5 ф., которые она и вносит должным образом. Но заптии требуют еще 3 или 4 ф. для себя; им решительно отказывают в этом; начинаются переговоры, сопровождаемые резкими и оскорбительными выражениями, и спорящие сходятся наконец на 1 ф. Но заптии не могут успокоиться: через неделю они возвращаются и снова требуют те же налоги. Армяне выходят из себя, протестуют и показывают ра-

списку, но заптии, смеясь, заявляют, что предъявляемый документ не расписка, а несколько стихов из одной турецкой книги. Поселяне ссылаются на свою бедность и умоляют о пощаде. Жадность, а не сострадание побуждает заптиев согласиться на 3 ф., но этих денег не оказывается наготове. Тогда заптии требуют, чтоб им предоставили молодых женщин и девушек семьи для удовлетворения своих грубых влечений, и отказ влечет для несчастных в виде наказания такие мучения, от описания которых приходится воздерживаться ради приличия и чувства гуманности...

Я видел жертв этих представителей Блистательной Порты и говорил с ними; я осматривал их раны, расспрашивал их семьи, обращался к их священникам, преследователям и тюремщикам (некоторые из них посажены в тюрьму за то, что принесли жалобы), и я без колебания утверждаю, что подобные ужасы составляют не только действительные факты, но явления, часто случающиеся. Нижеследующее представляет перевод подлинного документа, находящегося у меня в руках; этот документ за подписью и печатью жителей Меликана (каза Кеги) не далее, как 26 марта нынешнего года был отправлен к его преосвященству, ученому и святому иерарху, архиепископу эрзерумскому, который пользуется уважением как друзей, так и врагов:

«Много времени тому назад 4 или 5 заптиев, которым поручено было собирание государственных налогов, избрали нашу деревню своей главной квартирой и заставляют жителей прилегающей местности являться сюда для уплаты податей. Эти заптии едят, пьют и кормят своих лошадей на наш счет, не скрывая, что они решили довести нас до нищенства.

Недавно 7 других заптиев, не имеющих даже предлога в форме собирания податей, явились в нашу деревню, избили жителей, оскорбили христианскую религию и опозорили наших жен и дочерей: затем они схватили трех человек, заявлявших протесты, по имени Погос, Мардиг и Крикор, связали их двойной цепью и повесили на брус за ноги. В таком положении они оставили несчастных, пока у них из ноздрей не пошла кровь. После такой пытки эти три человека заболели. Между тем заптии публично заявили, что руководились в своих действиях только специальными приказаниями начальника полиции.

Ввиду изложенного, мы обращаемся к правосудию, чтобы оно спасло нас от этого невыносимого положения». Жители селения Меликан, каза Кеги. 26 марта 1895.

Вот другая петиция от другого селения той же казы, также направленная к архиепископу эрзерумскому:

«Несколько заптиев, под предлогом сбора податей, прибыли в наше селение в 5 часов по турецкому времени (около 10 часов пополудни), взломали двери наших жилищ, ворвались во внутренние комнаты, схватили наших жен и детей, бывших полураздетыми, и выбросили их на улицу вместе с постелями. Затем они крайне жестоко били их и обращались с ними. Наконец, выбрав более 30 из наших женщин, они заперли их в сарай и исполнили над ними свое преступное желание. Прежде чем удалиться, они по своему неизменному обыкновению захватили всю пищу и весь корм, который был у нас. Мы просим Вас обратить Ваше внимание на эти факты и умоляем об императорской милости. Жители деревни Арек, каза Кеги».

Подписано: Мурадиан, Рессиан, Берговян, Мелкониан. 26 марта 1895.

Я сам находился в доме одного армянского поселянина в деревне Кипри-Кёй, когда туда явились несколько конных заптиев. Они вызвали хозяев и грубо потребовали, чтобы им дали поесть, накормили лошадей и устроили ночлег. Я не знаю, чего бы они еще потребовали, но я выручил из затруднения моего хозяина, заявив, что я снял все его помещение на ночь...

Армяне от природы миролюбивы, в сельских округах они страстно преданы земледелию, а в городах совершенно поглощены торговлей. Но чтобы их врожденное отвращение к кровопролитию не было подавлено чувством долга, инстинктом самосохранения и глубокой привязанностью к близким и дорогим для них существам, им запрещено иметь оружие, и мучения, которым подвергают немногих нарушителей этого закона, вызвали бы краску стыда на щеках соотечественника Конфуция...

Армянам строго отказывают в каких бы то ни было формах правосудия. Один тот факт, что армянин осмеливается обращаться к суду в качестве жалобщика или преследователя против курда или турка, всегда служит достаточным основанием для того, чтобы произошла метаморфоза, превращающая жалобщика в ответчика или преступника и обыкновенно приводящая его в тюрь-

му. В таких случаях тюрьма является не более как переходной ступенью от сравнительного довольства к полной нищете, заключенных дочиста обкрают и затем выпускают на все четыре стороны. Но что представляет собою тюрьма, этого невозможно описать с достаточной ясностью. Если представить себе соединение старой Звездной палаты в Англии, испанской инквизиции, китайского вертепа для курения опиума, больницы для желтой лихорадки и одного из самых мрачных уголков дантовского ада, то это соединение будет подобием турецкой тюрьмы. Грязь, вонь, болезни, безобразия, мучения в таких видах и размерах, которых в Европе не могут себе и представить... В этих ужасных темницах постоянно смешиваются вопли, вызванные утонченным терзанием, с криками противоестественных наслаждений; грязные песни поются под аккомпанемент раздирающих душу стонов; и в то же время из тел, давно уже лишенных жизненных сил, отлетают души, не оплакиваемые никем, кроме сырых стен, на которых пары невероятных ранений и страшных болезней скопляются большими каплями и падают по камням на пол, поднимаясь оттуда в виде испарений. Поистине это чудовищный кошмар, превращенный в действительность.

В прошлом марте месяце я просил одного своего друга посетить политических преступников в Битлисской тюрьме и просить их дать мне краткое описание их положения. Четверо из заключенных ответили коллективным письмом, которое производит потрясающее впечатление. Вот последние страницы этого документа, помеченного так:

«Битлисская тюрьма, ад, 28 марта (9 апреля) 1895 г.

В Битлисской тюрьме 7 камер, из которых каждая может вместить от 10 до 12 человек. В действительности в них помещается от 20 до 30 чел. *Санитарных приспособлений совершенно не существует.* Отбросы и грязь, которым должно было лежать в особом месте, отведенном для этой цели, нагромождены в камере. Воду нельзя пить. Нередко арестантов-армян принуждают пить воду из таза, в котором мусульмане совершают омовения...».

Затем следует краткое, но поучительное описание тех мучений, которым подвергались товарищи писавшего и от которых многие из них умерли. Вот пример:

«Малкасс Агаджаниан и Серап Малкассиан из Авзута (Муш) подверглись побоям до тех пор, пока не потеряли сознание. Первого в восьми местах прожгли раскаленным железом, второго — в двенадцати» Другое насилие, совершенное над Серапом, не может быть даже названо. «Гагор Серапиан из деревни Авзут был бит до потери сознания; затем ему набросили на шею пояс и потащили в комнату заптия, где ему было наложено 16 клейм раскаленным докрасна железом» Описав другие мучения, которым он подвергся, например, выдергивание волос, продолжительное лишение пищи и питья при неподвижном стоянии на одном месте, рассказчик передает затем о таких пытках, для которых не существует названия на английском языке и о которых цивилизованный народ не может слышать. Потом он продолжает: «Сирко Микассиана, Гарабеда Леалкассиана и Изро Асвалзадуриана из той же деревни жестоко избили и заставили неподвижно стоять в течение долгого времени, после чего им вылили на голову содержание некоторых сосудов. Корки Мардаиан из деревни Семал подвергся жестокому избиению, у него вырвали волосы и заставили его простоять неподвижно в течение 24 часов. После этого Мулазим-хаджи-али и тюремщик Абдулкадир заставили его подвергнуться т. н. Sheitantopy*, окончившейся смертью несчастной жертвы. Ему было 45 лет от роду. Мекитар Сафариан и Катго Балобиан из Какарлу (Буланик) подверглись такой же пытке. Мекитару было только 15 лет, а Катго всего 13. Сохо Шарайан из Алваринджа (Муш) был отведен из Муша в Битлисскую тюрьму в кандалах. В Битлисе его жестоко избили и заставили находиться в стоячем положении без пищи. Когда он падал в обморок, его приводили в сознание душами холодной воды и плетьми. Ему также рвали волосы и жгли тело раскаленным железом. Затем его подвергли мучениям, которых нельзя описать. Амбарцума Байаджиана, после его ареста, держали в течение трех дней под лучами палящего солнца. Затем его перевели в Семал, где он и его товарищи были избиты и заперты в церковь. Им не позволяли выходить

* Буквально значит «дьявольское кольцо». Руки туго связываются и ноги, также связанные за большие пальцы, перетягиваются через руки. Остальные части Sheitantopy состоят из ужасной пытки и отвратительного преступления.

даже для отправления естественных нужд и заставляли их осквернять крестильные купели и алтари... Где вы, христианская Европа и Америка?»

В числе четырех лиц, подписавших это письмо, имеется подпись одного очень уважаемого и богобоязненного духовного лица. *

Я лично знаком со множеством людей, прошедших через эти тюрьмы. Истории, которые они рассказывают о своих испытаниях, так ужасны, что трудно было бы поверить им, если б они не были вполне подтверждены страшным зрелищем их помраченного рассудка, изуродованных тел, глубоких рубцов, чудовищных увечий, которые не исчезнут, пока могила или коршуны не поглотят их тела. В пытках и насилиях, изобретаемых турецкими тюремщиками и местными властями, есть нечто до такой степени отвратительно-фантастическое и дико-чудовищное, что простой неприкрашенный отчет о них представляется безумствованием больного дьявола. Но это такой предмет, который невозможно изложить вполне откровенно.

Из того, что уже было сказано раньше, легко можно усмотреть, по каким основаниям люди попадают в турецкую тюрьму в Армении. Для этого достаточно, чтобы они обладали деньгами, скотом, хлебом, женой или дочерью или, наконец, врагами. Мы возмущаемся, когда читаем о жестокостях диких курдов, совершавших набеги на деревни, нападающих на дома, уводящих овец, захватывающих все имущество, которое можно унести, позорящих женщин и спокойно возвращающихся домой с сознанием, что они исполнили за этот день доброе дело. Мы называем это оскорблением цивилизации и, быть может, эта квалификация правильна. Но как ни дурны эти деяния, они представляются самой милостью по сравнению с турецкими приемами действия, основанными на законе и ужасах тюрьмы. Человек, который по бедности или даже вследствие полной нищеты оказывается не в силах заплатить воображаемые недоимки по податям, который не желает отдать заптиям в виде «бакшиша» свою корову или буйвола, или умоляет их пощадить честь его жены или дочери, попадает в одну

* Так как трое из подписавшихся находятся до сих пор в тюрьме, то осторожность мешает мне сообщить их имена, известные, однако, Foreign Office.

из таких темниц и никогда не выходит оттуда, не отмеченный неизгладимым клеймом этого места...

У армян все больше и больше укрепляется убеждение, что жизнь—это единственная божеская или человеческая милость, за которую им придется исповедовать чувство благодарности. Правда, их не раз утешали надеждой, и с этим утешением выступали даже мы, которые с самого начала помешали России прийти армянам на помощь и дать им хорошее управление и вместе с тем предоставили Турции полную возможность устроить в пяти провинциях новую Дагомею. Действительно, иногда непроницаемый мрак является только провозвестником скорого рассвета; но для этих существ жизнь—вечная тьма неизведанных вертепов. Армяне—христиане, и они обращают свои взоры к богу, зная, что им нельзя надеяться ни на кого другого...

План истребления, очевидно, действует регулярно и хорошо. Христианское население истребляется, деревни переходят в другие руки почти так же быстро, как меняются декорации в комической опере, и вместе с тем исход в Россию и погребальное шествие на кладбище возрастают. Здесь не место давать список деревень, перешедших в магометанство, но один типический пример поможет составить себе представление о том процессе, который теперь совершается. В провинции Алашкерд, граничащей с Россией, существует пять деревень на восток от Каракилисе, именно: Кедр (или Кэтер), Мангосар, Джаджан, Зиро и Кубкеран. Эйуб-паша послал своих сыновей, чтобы занять эти деревни... Генерал Эйуб имеет трех сыновей—Ресго-бея, Канид-бея и Юсуф-бея, и эти доблестные офицеры со своими солдатами выступили прошлой весной и заняли названные деревни. Там было в то время около 400 армянских домов, т. е. приблизительно около 3000 жителей христиан. Теперь в этой местности не осталось ни одного. Только один из прежних жителей по имени Аведис-ага остался в стране, но и он живет в другой деревне, в Юнджану...

Когда я уезжал из Армении, триста шесть наиболее видных представителей населения Кнусского округа подали мне за своею подписью петицию, которую они просили передать «гуманному и благородному народу Англии». В этом документе они справедливо говорят:

«Мы торжественно уверяем вас, что резня, бывшая в Сасуне, составляет только каплю в том океане армян-

ской крови, которая постепенно и безмолвно проливается во всей империи после русско-турецкой войны. Год за годом, месяц за месяцем, день за днем невинных людей, не исключая женщин и детей, застреливают, закалывают и убивают в их домах и на полях, пытают варварскими способами в грязных тюрьмах или обрекают на гибель в изгнании под палящим солнцем Аравии. В то время как разыгрывалась эта длинная и страшная трагедия, не раздалось ни одного голоса во имя милосердия и не протянулась ни одна рука, чтобы помочь нам. Эта трагедия продолжается до сих пор, но теперь она вступила уже в свою заключительную фазу, и армянский народ находится при последнем издыхании. Неужели европейское сочувствие должно выразиться только в форме креста на наших могилах?...».

Я получил также скорбное воззвание к английским женщинам от нескольких сотен армянок из округа Кнусс; они молят, как о высшей милости, защитить их от жестокого обращения, которому их подвергают. Печатать это воззвание здесь бесполезно: писаные призывы редко оказывают сильное влияние. Если бы читатель видел самих этих несчастных женщин, как я их видел и слышал их печальную повесть из их собственных уст, рассказанную простыми словами, подкрепляемую стонами и рыданиями и иллюстрированную их нищетой и бедствиями, он мог бы тогда составить себе понятие о положении дел в Армении—положении, которое в добрые старые времена теократии привлекло бы на виновных небесный огонь...

Сасунская резня заставила содрогнуться самые холодные сердца. Но это избиение было небесной милостью в сравнении с адскими деяниями, которые совершаются каждую неделю и каждый день в течение года. Жалобные стоны голодающих детей, стенанья стариков, которым привелось увидеть дела, не поддающиеся описанию, страшные крики насилуемых девушек и нежных малюток, вопли матерей, лишившихся детей благодаря преступлениям, по сравнению с которыми убийство было бы благодеянием; нечеловеческий визг женщин, извивающихся под лозами, эти тщетные голоса крови и мучений умирающих в пустыне, не встретив отклика ни на земле, ни на небе; все это вместе взятое оставляет в тени Сасун и все его ужасы.

Таковы дела, за которые мы несем нравственную от-

ветственность; и несмотря на то, что либеральному правительству были известны эти факты и другие, аналогичные им, лорд Кимберлэй не нашел возможным выступить против них и счел неудобным их обнародовать...[7]

Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году. М., 1896, с. 332—335, 338—341, 352—357, 362, 366—368, 372—373.

37. Армянское население Марзвана российскому консулу в Самсуне Налетову

Перевод с армянского

Из письма *Марзван, 9 ноября 1895 г.*

Пятница 3/15 ноября 1895 года для нашего города стала черным, скорбным и ужасным днем. В этот день Турция обогатила свою кровавую историю еще одной «славной» страницей, кровавой страницей, написанной черными буквами, к отвращению и возмущению всего цивилизованного мира... Еще раз Турция обагрила свой кровавый трон кровью многочисленных невинных христиан. О, хоть бы более не повторялись эти мучения и страдания, которые непрерывно переносят армяне! Хоть бы раз и навсегда разрешился армянский вопрос, чтобы цивилизованные европейские державы больше не слышали о столь отвратительных событиях.

В упомянутое утро все мы, как это делали обычно, совершенно ничего не подозревая, отправились на рынок в свои лавки, открыли их и стали заниматься своими делами. Незадолго до полудня начальник Тевфик со своими полицейскими зашел в лавки близких ему армян и секретно предупредил их о грозившей им опасности, после чего те немедленно закрыли свои лавки и уехали. В тот же день дочь каймакама сообщила своей служанке-армянке о том, что сегодня армяне подвергнутся резне. Лавочники начали что-то подозревать, особенно после того, как турки, отправлявшиеся в свои мечети для совершения полуденной молитвы, стали закрывать свои лавки (обычно они только прикрывали их занавесками). Некоторые купцы и ремесленники также поспешили закрыть свои магазины и лавки и отправиться домой, но в это время на рынке снова появился начальник полиции со своими полицейскими, который не разрешил закрывать лавки, говоря: «Своими действиями вы даете повод для возникновения мятежа». Как

только кончилась полуденная молитва, многочисленная толпа турок, вооруженных кинжалами, штыками и топорами, вышла из мечетей, к ним присоединились воинские части, пришедшие из казарм, а также турки из ближайших деревень. Вся эта толпа, вышедшая из своих засад, внезапно напала на рынок и под оглушительные звуки фанфар сметала все на своем пути, убивая каждого армянина без разбора возраста и пола: стариков, молодых, детей, женщин. В то же самое время турки грабили и громили все лавки армян. Под охраной и с помощью воинских частей все награбленные товары вывозились на подводах и мулах. На всем рынке уцелели от погрома лишь лавки турок и греков (в нашем городе имеются 5 лавок греков и 30 лавок турок, занимающихся торговлей фруктами; вся остальная торговля и ремесла находятся в руках армян) Погром и грабеж были ужасными, в лавках не осталось ничего ценного, похищены были даже деревянные колодки у сапожников и дрова у булочников, все же остальное, что считалось ненужным, уничтожалось и ломалось. В этот день погрому и грабежу подверглись также дома армян в турецких кварталах города, а жители были вырезаны. Были сделаны попытки нападения и на армянские кварталы, но благодаря отчаянному сопротивлению жителей-армян, погромщикам не удалось проникнуть в глубь армянской части города. На эти грабежи мы смотрели издали, из наших домов, и наши сердца обливались кровью; мы чувствовали, что армяне нашего города полностью теряют все свое имущество. Не зная о происходившей резне, мы ничем не могли помочь делу и благоразумно решили, во избежание излишних жертв, хранить молчание. К 11 часам вечера, когда на рынке ничего не осталось, сюда явился каймакам, «пекущийся» о нашей безопасности, вместе с полицейскими. Не испытывая угрызений совести, с чувством внутреннего удовлетворения человека, выполнившего свой высокий долг, он шагал по трупам и разгонял отдельных задержавшихся турок. Этого общего погрома избежал только район Ташхан, где нашли убежище около 40 армян, которые в сопровождении военных и полицейских были направлены каймакамом в армянскую церковь. Раненые, которые не могли добраться к себе домой и остались на рынке, были убиты солдатами, оставленными там якобы для обеспечения охраны. Эти убийства видели армяне, спрятав-

шиеся в убежищах и готовые клятвенно подтвердить этот факт.

Ночь с пятницы на субботу для турок нашего города была ночью радости и торжества, а для армян—ночью траура и слез. В каждой семье были потери: кто искал своего любимого сына, кто спрашивал о пропавшем муже, кто о своем брате и т. д. И каждый ждал рассвета, надеясь найти близкого, но, увы, рассвет следующего дня еще больше усилил их горе, ибо на рынке были обнаружены только трупы. Это были трупы людей, днем раньше занимавшихся своими мирными делами и благословлявших всевышнего за его благодеяния.

В субботу, 4 ноября, рано утром, когда дома армян все еще находились в осадном положении и никто не осмеливался выходить за порог, каймакам и начальник полиции со своими полицейскими пришли на рынок и распорядились вывезти трупы на подводах, которые возят мусор и всякие нечистоты. Трупы были перевезены на армянское кладбище, сложены в четыре ряда и закопаны в большой яме. Для этой цели были приведены под конвоем армяне. Трупы зарыли без регистрации имен, без медицинского освидетельствования. О, какое нетерпимое варварство, какое великое преступление, какая жестокость! Мы даже были лишены возможности оплакивать своих мертвецов и поцеловать на прощание их холодные лбы. Какая ужасная дерзость и насилие со стороны турок, которые осмеливаются осквернять наши религиозные обычаи и заставляют без религиозных обрядов, как скот, зарывать в землю наших мертвецов. Стыд, тысячу раз стыд и позор турецкому правительству, которое, называя себя верующим в бога, допускает столь ужасные и вопиющие преступления, немыслимые даже в странах язычников..

Армяне были умерщвлены жестокой и ужасной смертью. После избиения палками и расстрела, турки кинжалами отрезали им головы и другие части тела, наносили многочисленные раны. Трупы были настолько изуродованы, что их невозможно было опознать. Если сюда к нам в ближайшее время придет беспристрастный следователь, то он, несомненно, подтвердит верность наших слов.

По подсчетам армян-могильщиков, число убитых составляет: 80 мужчин, 13 детей и 5 женщин. В это число не входят убитые вне черты города: на полях, в садах

и турецких селах. Их число, по имеющимся сведениям, значительно больше. В настоящее время раненых около 500 человек, большинство из них находится в тяжелом состоянии, ежедневно умирает от 4 до 6 человек. Жестокость властей достигла такой степени, что они запретили доставку лекарств для раненых. Что касается материальных убытков, то пока можем привести следующие данные: подверглись погрому и грабежу 150 лавок армян ,общие потери значительно превосходят 150 тыс. золотых, убытки же от похищения векселей и счетных книг пока еще трудно установить.

Правительство до сих пор не приняло никаких мер, чтобы вывести нас из этого нетерпимого состояния. Мы все еще продолжаем оставаться в осажденном положении. Многие семьи помимо того, что лишились своих любимых, в настоящее время остались без хлеба и воды и испытывают нужду во всем. Даже прекращена подача воды в армянские кварталы. И если хоть еще немного будет продолжаться такое положение, многие погибнут от голода...

Поэтому мы со слезами на глазах, полностью отдаемся на Ваше милосердие и умоляем Вас, во имя христианства, во имя человечности Вашим внушительным вмешательством вызволить нас из этого тягчайшего и тревожного состояния, в противном случае в ближайшем будущем Вы узнаете о том, что в Марзване не осталось в живых ни одного армянина.

Не исключено, что турецкое правительство с присущим ему бесстыдством попытается отрицать свою вину и переложит всю ответственность и вину за эти тяжелые события на армян, но при всех случаях и обстоятельствах мы готовы доказать, что организатором этой резни является правительство. Мы располагаем многочисленными достоверными фактами и неопровержимыми доказательствами, которые так же ясно, как и солнце, могут подтвердить, что эта резня является результатом преднамеренных действий.

Исходя из этого, мы просим направить в наш город следственную комиссию, состоящую из представителей различных наций и иностранных подданных. Тогда можно будет установить, что это наше сообщение является лишь преуменьшенным описанием небольшой части тех злодеяний, которые были учинены турецким правительством и турецкой чернью.

В то время, когда мы заканчивали настоящее обращение, мы получили известие о том, что к нам в город прибывает комиссия под председательством Абдулла-паши. Мы немедленно составили на турецком языке объяснительную записку об имевших место событиях с тем, чтобы вручить ее комиссии. В среду 8-го ноября упомянутая комиссия прибыла в город и остановилась в правительственном помещении. В 12 часов дня несколько знатных лиц и представителей армянского духовенства попросили аудиенции у этой комиссии для того, чтобы вручить эту справку. На аудиенции Абдулла-паша, не читая нашей справки, с гневом заявил: «Для покорения армян турецкое правительство мобилизовало 150 тысяч солдат и намерено уничтожить полностью всех армян с тем, чтобы восстановить порядок и спокойствие» (получается так, будто мы восстали против турецкого правительства)... Сказав это, Абдулла-паша выгнал наших духовных и светских представителей, не дав им возможности произнести ни одного слова.

Комиссия сегодня рано утром покинула город, не сделав абсолютно никаких распоряжений.

Милостивый государь, в настоящее время мы совершенно растерялись и оцепенели. Мы не знаем, что нам делать. Мы надеемся только на Вас. Только от Вас зависит безопасность нашей жизни.

Вот почему мы умоляем Вас: не оставляйте без внимания нашего обращения и соблаговолите вывести нас из этого страшного положения и спасти.

С нетерпением и волнением ожидая Ваших гуманных забот и указаний, остаемся с покорнейшим уважением.

От имени всего армянского населения Марзвана.

[Следуют подписи и печать]

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3181, л. 38.

38. Армянское общество Чарсанджака российскому консулу в Самсуне Налетову

Перевод с армянского
28 ноября 1895 г.

Мы, нижеподписавшиеся, от имени армянского населения, проживающего в Чарсанджаке, берем на себя смелость во имя человеколюбия и христианской любви

просить Ваше превосходительство соблаговолить представить нашу слезную просьбу Вашему высокому правительству, моля незамедлительно взять под свое мощное покровительство, под свою защиту христианское население, переживающее последние часы и минуты существования, вследствие питаемого к нам со стороны турецкого населения и правительства враждебного отношения.

О, если бы мы могли рассказать о тех (окольным путем нам адресованных) многочисленных угрозах или же о дьявольских планах, вырабатываемых по ночам! Армянин лишен любого средства самозащиты и в полном смысле слова походит на связанную и отправленную на бойню овцу, не говоря уже о том, что турецкое правительство, а также турецкое население по велению минутной прихоти готовы зарезать эту овцу, не опасаясь каких бы то ни было наказаний или препятствий. Одним словом, по дошедшим до нас сведениям, турецкая чернь, разумеется, потакаемая правительством, ждет незначительного повода, чтобы через несколько дней заставить местных армян разделить судьбу армян других городов, подвергшихся беспощадному истреблению.

Посему, Ваше превосходительство, получив наше слезное обращение, соблаговолите незамедлительно ходатайствовать перед Вашим высоким правительством, дабы оно своей могучей защитой спасло от явной угрозы истребления 1700 семейств, включая и жителей селений, ожидающих его всемилостивейшей помощи.

[Следуют 13 подписей]

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3181, л. 48.

39. Письмо из Харберда в Армянскую патриархию в Константинополе

Перевод с армянского
Харберд, 14 декабря 1895 г.

Ужасные события, происходившие в Харберде и его окрестностях, являются следствием приказа свыше, который осуществлялся с применением маккиавелистских приемов временно исполняющим обязанности генерал-губернатора Мустафа-пашой и военным комендантом Рагиб-пашой.

В августе Рагиб-паша установил мир между курд-

скими беями и ага окрестных племен и селений в расчете на их помощь во время замышлявшейся резни. Примирение состоялось во время объезда Рагиб-паши и Мустафа-паши деревень и племенных кочевий. Вожаки курдских племен и курдские нотабли, находившиеся по тем или иным причинам в тюрьмах, были освобождены. Все эти лица получили указания относительно осуществления резни.

Спустя несколько дней после этого примирения и освобождения заключенных была произведена поголовная раздача курдам ружей системы Мартини; оружие взяли из военного склада. Харберд и Арабкир обменялись своими воинскими гарнизонами. Таким образом, участники резни должны были оставаться неведомы населению этих двух важных пунктов. Были мобилизованы редифы, якобы для охраны армян. Однако значительная часть этих редифов была переодета ночью в крестьянскую одежду и отправлена в деревни для всякого рода грабежей; с другой стороны, крестьян переодели в солдатскую форму, приказав им нападать на армян и истреблять их. Резня началась в вилайете Мамурет-ул-Азиз нападением на селение Бердак (округ Чарсанджака); это произошло 10 октября старого стиля.

Население Бердака, осведомленное о намерениях курдов, храбро защищалось и вынудило напавших отступить; но жандармы устроили западню: они пообещали армянам свою защиту, если те допустят жандармов в свои дома. Армяне имели несчастье поверить словам представителей государственной власти, а последние, едва войдя в дома, приказали своей орде напасть на жителей; начались резня и грабежи, проводившиеся самым варварским образом. Не удовлетворившись этим, убийцы и грабители подожгли ряд домов; те из жителей, которые избежали резни, были силой обращены в магометанство.

Армяне, жители селения Тил, узнав о нападении на селение Бердак, поспешно направили несколько своих представителей в Мезра, чтобы поставить в известность местные власти о случившемся; но эта мера, равно как и действия армянского митрополита, остались без результата, вследствие безответственного поведения правительства, которое ограничилось лишь лживыми обещаниями, доказав этим свою причастность к резне.

Вечером того же дня курды предприняли новое на-

падение на Бердак и селения Кузу-Ова, в том числе на Харсик, Тшоркух, Корнэ, Царук, Беглушен, Кулькух и др.; повсюду жители были либо убиты, либо ранены, а остальные силой обращены в магометанство; жилые дома и прочие строения поджигались. Священники и школьные учителя также стали жертвой резни, тела их были разрублены на куски; церкви осквернялись. Одним словом, весь край был превращен в развалины.

Один из вожаков, Сулейман-бей, и его брат, уже ранее прославившие себя жестоким обращением с христианами, на этот раз отличились новыми зверствами: утверждают, что они закалывали как скот каждого попавшего к ним в руки армянина. По сведениям из достоверных источников, ими или по их приказанию, было убито более 300 армян.

В то время как в Бердаке и его окрестностях совершилось это разбойничье нападение, орды продвигались к Уюль-Ова, совершая на своем пути от Чичмэ до Уюль-Ова не менее зверские преступления. В Чичмэ была пощажена жизнь сорока именитых граждан, которым позволили укрыться в церкви. Однако спустя неделю один из шейхов, осуждая умеренность, проявленную по отношению к этим сорока армянам, предложил им принять магометанскую веру; армяне отказались. Шейх приказал убить их одного за другим на пороге церкви. Он заставил церковного служку и еще одного армянина присутствовать при этом убийстве, а затем распорядился, чтобы они перетащили трупы к реке, привязав к ногам веревку. Шейх объяснил эту меру «нежеланием прикасаться к собакам-гяурам, чтобы не осквернить себя».

В Бузсу жители, защищаясь от разбойников, сумели в течение трех дней удерживать их на почтительном расстоянии, но затем на помощь нападавшим прибыли регулярные войска и, проникнув вместе с ними в деревню, начали резню.

Армяне укрылись в церкви, в своем единственном убежище, но нападавшие оцепили церковь так, чтобы никто не смог убежать, и подожгли ее; часть из них стала жертвой огня; те, кто пытался убежать, погибли под ножом; оставшиеся в живых были силой обращены в магометанскую веру. Похищенные молодые девушки и женщины опозорены.

В Цовке население, уже знавшее о зверствах, совершенных в окрестностях, покинуло деревню. Погромщики,

не обнаружив в Цовке ни одной живой души, подожгли дома и унесли все, что могли награбить. Спустя две недели крестьяне возвратились в Цовк, поверив обещаниям правительства, но, как только вошли в деревню, подверглись новому нападению. Начались ужасная резня и грабежи.

В Кокулу население решило отбиваться от банды в 2000 человек. Но что могли поделать крестьяне против разбойников, щедро снабженных вооружением и боевыми припасами?

Подвергшись жестокому нападению, мирные жители вынуждены были решиться на бегство. Погромщики разграбили деревню дотла, превратили ее в развалины. Их начальник, военный, приказал им доставить несколько бидонов керосина и поджечь деревни Кокулу, Гомк и Дадем. Викарий церкви в Кокулу был сожжен заживо, викарий Дадемской церкви—убит и изрублен на куски.

В этой деревне вожак Хаджи Бего проявил чудовищную жестокость; он заставил разрезать на четыре части одну женщину и повесить куски ее тела на столбах для всеобщего обозрения; по приказу этого палача другая женщина была раздета догола и проведена обнаженной по деревне. Говорят, что он убил своими собственными руками около ста человек. Селение совершенно разграблено, погромщики унесли все, вплоть до строительных лесов, дверных запоров и т. д.

В Дадемском монастыре армянин Погос-эфенди, родом из Перджинча, был убит, а тело его разрублено на куски.

Архимандриту Оганесу из Бардзрахайацского монастыря предложили отречься от своей веры. Он попросил два часа на размышление. Его просьба была удовлетворена, и этот святой человек принялся молиться богу, обливаясь слезами. Присутствовавшие при этом погромщики решили не дожидаться истечения предоставленного срока. Бросившись на несчастного, они стали резать ему руку, сустав за суставом. Дойдя до локтя, палачи вновь предложили архимандриту принять магометанскую веру. Последний спокойно ответил: «Я верю в бога-отца, в Иисуса Христа—его сына и в святого духа». Услышав такой ответ, бандиты вконец озверели: они привели архимандрита к порогу церкви и там прикончили, перерезав ему горло.

Монастырь был разграблен, а затем подожжен. По-

добные факты ограбления и поджогов повторялись почти во всех монастырях.

В Кесерике за два дня до резни турецкое население, числом до 300 человек, окружило дом некоего Ягджяна под тем предлогом, что якобы у него хранится динамит. Члены семьи Ягджяна и армянское население Кесарика, решив, что это нападение предпринято самовольно чернью, стали энергично защищаться. Турки поспешили известить провинциальные власти, которые послали в Кесарик солдат, а также направили туда армянина Геворка Джафаряна с поручением убедить армян сложить оружие в знак подчинения правительству. Поверив словам властей, армяне сдали оружие, но как только солдаты забрали оружие и удалились из деревни, произошел новый кровавый набег.

Невозможно перечислить все акты жестокости, совершенные в этой деревне. Фотограф Мартирос был заживо сожжен, его бороду облили керосином и подожгли, жена его была убита. Один турецкий булочник заявил, что он убил девяносто семь армян и хвастал, что убьет еще троих, чтобы округлить цифру до ста. Убивая, он подвергал свои жертвы непередаваемым мукам — отрезал им предварительно нос, уши и т. д.

Заживо сожгли одного священника армянской церкви, другого силой обратили в мусульманство, заставив надеть тюрбан.

Жители, пытавшиеся спастись от этих ужасов бегством, были убиты солдатами, которые расположились в окрестностях селения. Таким образом, приказы свыше об истреблении армян и ограблении их имущества были выполнены со всем усердием.

В Гусейнике местные власти и курдские главари предложили армянам сдать властям оружие в доказательство покорности. Армяне ответили на это просьбой обеспечить безопасность их жизни и имущества. Правительственные чиновники, беи и курдские нотабли поклялись именем своего пророка и убедили армян, что больше никто и никогда их не тронет. Армяне сдали большую часть своего оружия. Тогда турки и курды спустили с колокольни армянской церкви колокол, подкатили его к берегу и бросили в воду. Они заявили, что поведение армян покажет, действительно ли они покорились или же намерены протестовать против этого ничтожного нарушения их прерогативы. Решив предотвратить угро-

жавшую им опасность, армяне очень спокойно реагировали на все это. Тем не менее на следующий день прибыл полк солдат регулярной армии для осады Гусейника. Отряд солдат занял форт Гусейника. Сигналом к резне послужили звуки трубы. Турки и курды принялись совместно убивать христиан. Очень скоро были убиты восемьсот человек. Армяне Григор Керкерджян и Тигран Нахикян были зверски зарезаны. Палачи убили священника армянской церкви Тер-Ваграма и еще десять человек, армянина Арутюна, который выстрелом из винтовки убил турка, давшего сигнал к резне. Был убит не только сам Арутюн, но и все члены его многочисленной семьи, кроме одного младенца — единственного, кто спасся от ножа убийц.

Добавим, что солдаты, находившиеся в форту, убили всех, кто пытался спастись от резни бегством в Мезра. Бежавшие в горы были перерезаны курдами. Священник Тер-Оганес ответил крестным знамением на предложение отречься от своей веры и принять мусульманство. Он был убит, и тело его разрублено на куски...

Турки угрожали Гусейнику двумя орудиями, помимо того, они направили два орудия на Харберд и два других на Мезра. Всякая связь между городами и селениями была нарушена. В Харберде ничего не знали о том, что происходило в Гусейнике или в Мезра. В Харберде погромы начались после трагических событий в Бердаке, Гусейнике и других местностях.

Началось с грабежей армянских домов, расположенных в турецких кварталах и на окраинах. На следующий день после резни был полностью разграблен армянский квартал; одновременно были произведены выстрелы из орудий по строениям, принадлежавшим американским миссионерам. Вспыхнувший пожар уничтожил эти дома. Орудийные выстрелы превратили в развалины армянские школы и церковь. Число погибших составляет приблизительно сто человек, раненых — двести... Все здания верхнего квартала города были охвачены огнем. Вечером более 500 женщин и девушек были отведены в хан Бейник-оглы, где им предоставили убежище.

От священника Тер-Акопа, из армянской церкви в Харберде, потребовали отречения от своей веры. Тер-Акоп ответил, что он верит в бога и всех его пророков, но этот уклончивый ответ не удовлетворил турок. Пятьдесят солдат обнажили шашки и, раздев священника,

приставили клинки к его груди, продолжая добиваться отречения. Эти угрозы так подействовали на священника, что он сошел с ума и стал произносить какие-то бессвязные слова, сопровождая их жестами, несомненно, обличавшими безумие. Турки отправили его в тюрьму, заявив, что мусульманская религия не допускает обращения сумасшедшего, но решили обратить его в магометанство на следующий день, когда придет в себя. Несчастный священник и по сей день находится в темнице.

Убийства и ограбления происходили также в квартале Минамуд, где убито девятнадцать и ранено 40 человек. В сирийском квартале убито двенадцать человек и двадцать ранено. Здесь сирийцы укрылись в своем храме — церкви пресвятой девы. Когда началось нападение, они просили погромщиков пощадить их, тем более, что они сирийцы, а не армяне. Это соображение отнюдь не повлияло на погромщиков, которые ответили, что они не делают никакого различия между той или другой христианскими нациями. Войдя в церковь, погромщики разграбили ее и осквернили, убили священнослужителя за отказ отречься от веры, увели с собой женщин и девушек-беженок, внешность которых пришлась им по вкусу...

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3184.

40. Католикос Ахтамара армянскому патриарху в Константинополе Измирляну

Перевод с армянского

Из письма *19 декабря 1895 г.*

Вашему высокопреосвященству, несомненно, известны плачевные события, жертвой которых оказалось христианское население Азиатской Турции и, главным образом, армянская паства...

Самым зверским образом были вырезаны тысячи невинных; почти всюду повторялись душераздирающие сцены мученичества первых веков христианства... Свыше сил человеческих изложить все акты жестокости, все злодеяния: несчастный народ, безоружный и пребывающий в состоянии полного подчинения, был безжалостно вырезан. Города и села подверглись опустошению и подчас сметались с лица земли в огне пожаров, зажженных преступной рукой.

У духовных лиц сдирали с головы кожу; людей из народа любого возраста и состояния подвергали звер-

ским пыткам, затем убивали. Те, кому удавалось спастись от огня и меча диких орд, скрывались в пещерах, взбирались на скалистые горы или уезжали за границу, преодолевая смертельную опасность ради спасения своей жизни.

Женщины и молодые девушки подвергались насилиям; множество детей стало сиротами; повсюду встречаешь родителей, выплакавших все свои слезы, разыскивая следы сына или дочери. В довершение всех этих ужасов на оставшихся в живых обитателей этого края обрушился жесточайший голод; оплакивая гибель дорогих им существ и потерю имущества, они страдают также от отсутствия пищи... На протяжении всей своей истории армянский народ никогда не переживал таких бедствий, и можно добавить, что ни одна христианская нация не была жертвой столь жестоких преследований...

Где было видно, чтобы тысячи христиан насильственно обращались в магометанство во избежание верной гибели во время резни, причем их заставляли совершать всевозможные аморальные поступки, вплоть до кровосмешения, во имя законов навязанной им религии.

Следующий далеко не полный список покажет, в каких больших размерах совершались зверства и как тяжелы постигшие армян несчастья.

Название селений	Количество домов	Число убитых жителей	Название селений	Количество домов	Число убитых жителей
1. Севкар	20	13	15. Таларс	12	14
2. Дианджун	50	25	16. Бадранц	16	6
3. Неркин Годенц	30	13	17. Хузб	18	8
4. Нерпан	10	6	18. Неркин Хоруг	12	6
5. Оханц	13	5	19. Хут	10	5
6. Хоруг	45	20	20. Сори	10	5
7. Верин Годенц	12	7	21. Пахт	60	50
8. Паганц	20	12	22. Соганц	18	13
9. Луан	13	5	23. Аринджис	20	12
10. (неразборчиво)	12	5	24. Дуагс	20	13
11. Кеги	13	7	25. Геран	10	6
12. Тандзик	10	4	26. Ташт	13	7
13. Сос	20	13	27. Анд	20	9
14. Аргуин	5	3	28. Тцмен	16	8

Сгердский округ. В этом округе турки вырезали жителей целого ряда селений, большая часть оставшихся в живых была вынуждена принять магометанство. Церкви разрушены или превращены в мечети. Все селения разграблены.

Монастырь Сурб-Аствадзадзин, расположенный в окрестностях Басена, был разграблен. Настоятеля монастыря архимандрита Карапета силой обратили в магометанство и дали ему двух жен. Монастырь Сурб-Киракос, расположенный в Кечсу, был также разграблен; бандиты убили настоятеля Погоса Хачатуряна. Точно так же был разрушен и опустошен монастырь Сари Сурб-Аствадзадзин. Разграблен также Сгаваракский монастырь. Из обитателей монастыря трое убиты. Священника Оганеса, настоятеля этого монастыря, заставили принять магометанство и взять двух жен...

Хизанский округ. В сорока селениях Хизанского округа было вырезано 400 армян. Бандитов возглавляли следующие вожаки: 1. Сеид Али, сын шейха Джелаледдина, 2. Али, уроженец Хорорса, 3. Бешир, 4. Мустафабей, 5. Мради, 6. Халил, факи из Харита, 7. Халид, 8. Шам.

Армяне, оставшиеся в живых, насильственно обращены в магометанство, так же как и духовенство церквей, из коих половина разрушена, другая же половина превращена в мечети. Все монастыри округа опустошены, разграблены и осквернены.

Священнику Сааку, настоятелю монастыря в Сурб-Хаче, бандиты вспороли и набили соломой живот.

Мамртанкский округ. В 20 селениях этого округа самым зверским образом вырезано 160 армян. Большинство уцелевших было вынуждено принять ислам.

Монастыри и церкви разрушены, разграблены и превращены в мечети.

Шатахский округ. Все селения, расположенные в Шатахском округе, за исключением окружного центра, были разгромлены ордами под начальством курдских вожаков: Шакира, Мехмеда и Курдо-бея.

Тот же Шакир, вместе со своими бандитами, разгромил селения на территории Нордузского округа, где в настоящее время жителям грозит насильственное обращение в магометанство...

В округе Айоц-дзор всевозможные зверства совершались бандами под начальством Шакира, Тейфура, а

также курдами из Востана и Артамета. Грабежи происходили повсеместно, бандиты не щадили даже монастыри.

Особенно пострадало селение Сурб-Вартан того же округа. Его безжалостно разграбили, и в результате жители остались нищими. Что касается селений Артамет, Цывыстан, Бердах и Кендранц, то и они испили свою чашу страданий.

Грабежи происходили по всему Карчканскому округу. Убийства совершались самыми варварскими способами. Так, например, тело архимандрита Петроса, настоятеля монастыря Сурб-Карапет в Сорбе, было изрублено на куски, ему вырезали язык и после жесточайших пыток прикончили...

Селения Мокского округа были также разорены и разграблены. Аналогичная судьба постигла густо населенные селения Возми и Дех, где окрестные курдские ага совершали невообразимые злодеяния. Мы не располагаем подробными сведениями относительно зверств, совершенных в Бохтанском округе и его окрестностях, но известно, что в этих округах на всей территории вилайета и в близлежащих провинциях нет ни одного уцелевшего города, ни одного селения, избежавшего этих бедствий. Немногочисленные сведения, приводимые нами здесь, были доставлены беженцами, которые со слезами на глазах рассказывали нам о зверствах.

Ежедневно в исторический Ахтамарский монастырь— местопребывание нашего пастыря — стекаются тысячи несчастных: голых и босых, голодных и нищих; они все еще во власти неописуемого ужаса, под впечатлением диких сцен, свидетелями которых они были. Бедствия настолько велики, что, несмотря на всю нашу добрую волю, мы часто бессильны облегчить страдания обращающихся к нам за помощью...

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3184.

41. Исполняющий должность епархиального начальника в Муше католикосу всех армян Хримяну

*Перевод с армянского**

Письмо *Муш, 26 декабря 1895 г.*

Из представленной у сего записки Вашему святейшеству благоугодно будет видеть, какой прискорбной

* Перевод сделан в Эчмиадзине в 1895 г. (Ред.).

участи подверглись и в каком ныне положении находятся проживающие в обширных уездах трех вилайетов—Харбердского, Диарбекирского и Битлисского — многочисленные армяне. Наши сведения составляют лишь одну сотую долю совершенных над ними жестокостей и варварств, ибо, вследствие существовавшего страха и боязни, сообщения совершенно прекращены, и невозможно было до сих пор узнать обо всем точно и подробно.

Во всех этих прискорбных происшествиях более всех страдало население 47 армянских деревень в Гендже, находящемся в нашей епархии, жители которых ныне, оставаясь без жилья и без всяких средств к пропитанию, рассеялись по пещерам и другим местам, терпя голод и холод. Обращения их к нам об оказании помощи остаются без всякого удовлетворения, ибо мы не имеем возможности это сделать и осушить горькие слезы этих несчастных. Обыкновенно мы их утешаем тем, что о злосчастной судьбе их написано кому следует и испрошено исцеление. Они же, со своей стороны, утешаясь этим, еле-еле переживают свои несчастные дни.

Немыслимо, чтобы они сами могли ходить куда-нибудь, ибо тотчас делаются жертвами оружия лютого; допустим, что они могли бы тайком перебраться, но куда? Диарбекира более нет, в Муш прийти не могут, так что если этим несчастным не будет оказана немедленная помощь, то в эту зиму все они сделаются жертвой голода.

Вследствие сего спешу, возлюбленный Хайрик армян, обратить Ваше прославленное милосердие и соболезнование на этих несчастных и просить, имея на то полную надежду, чтобы соблаговолили кратчайшим путем или через Эрзерум оказать помощь этим голодающим и тем спасти их жизнь.

Надежда их и утешение, как и нас всех, — Ваше святейшество. Хайрик! Умоляем, благоволите спасти жизнь жителей этих 47-и деревень с 15 000 населением.

Принимая смелость испрашивать благословение Вашего святейшества, остаюсь покорным слугой и сыном.

И. д. епархиального начальника в Муше и викарий в Гендже
Вартан Бартанет Акопян

*Перевод с армянского**
26 декабря 1895 г.

Верховному патриарху нашему Мкртичу, святейшему католикосу всех армян

Ваше святейшество, блаженный Хайрик,
со слезами на глазах и прискорбным сердцем собираюсь, богом умудренный отец, в сей записке представить Вашему блаженству те плачевные события, которые случились в последние два месяца, в октябре и ноябре, с проживающими в Турции родными сыновьями Вашего святейшества

Не осмелился бы я, святейший Хайрик, принять на себя исполнение сей записки или, вернее сказать, сообщение этих печальных событий, чтобы не прибавить в Вашем и без того наполненном бесчисленными прискорбиями израненном сердце еще новые страдания, но, будучи уверен, что известия о печальных событиях и мученических страданиях несчастных соотечественников уже дошли до сведения Вашего блаженства, счел необходимым сообщить верные и, по возможности, подробные об этих событиях сведения, в которых, Ваше блаженство, бессомненно, нуждаетесь.

В начале записки, как видно, мною вкратце упомянуто о тех вилайетах, откуда, из-за слишком далекого от нас расстояния, невозможно было получить подробные сведения о жертвах проживающих в них армян, бессомненно подвергнувшихся той же участи — безжалостному и варварскому избиению. Про армян же вилайетов Диарбекирского, Харбердского, Битлисского и Эрзрумского, сопредельных с Тароном — Мушом и Генчом, мы успели, по возможности, заручиться более подробными и точными сведениями через посланных в разные стороны людей и в особенности через соседних курдов и возвратившихся с ними из Харберда и Диарбекира армян, ушедших, по обыкновению, осенью в те места для торговли овцами.

Перечислим вилайеты, в которых несчастные армяне сделались жертвой турецкого безжалостного и варварского избиения.

I. В Алепском вилайете: 1. Алеппо, 2. Антакия с че-

* Перевод сделан в Эчмиадзине в 1895 г. (Ред.).

тырьмя большими деревнями, 3. Килис, 4. Виреджик, 5. Назиб с деревнею Мезар, 6. Мараш со своими деревнями, 7. Айнтап со своими деревнями, 8. Урфа со своими большими деревнями: Кармунджом, Бозовою и Буджагом и 9. деревня Джибин, недалеко от Ромклая. Все эти местности, большей частью, подверглись избиению и разграблению.

II. В вилайете Адана. 1. Хаджин с окрестностями подвергся избиению и разграблению.

III. Карахисар с деревнями Талаш и Эверек с окрестностями подвергся избиению и разграблению.

IV. Себастия с окрестностями; города Гурун, Тиврик, Зара, Шапин-Карахисар с деревнями Тамзара и Авшар-Ова с окрестностями, Евдокия, Амасия и Марзеван с окрестностями избиты и разграблены.

V. Трапизон с окрестностями и Самсун подверглись избиению и разграблению.

VI. Эрзрум подвергся избиению и разграблению. Эрзрумская равнина разграблена и местами совершены убийства. Байберд с окрестностями подвергся избиению и разграблению. Хасанкалинский монастырь св. Аствацацин разграблен и сожжен; монастырская прислуга убита, настоятель монастыря архимандрит Димотеос убит и сожжен Басен разграблен и местами совершались убийства. Хнус со своими деревнями разграблен и местами были избиения. Дерджан с деревнями разграблен, население вырезано, оставшиеся в живых вместе с тамошним викарием, архимандритом Нерсесом, силою обращены в магометанство. Ерзнка с деревнями подвергся избиению и разграблению. Кеги местами подвергся избиению и разграблению.

VII. В Харберде, кроме квартала Мезре, остальные все, а также протестантская знаменитая школа с учениками подверглись избиению, разграблению и сожжению. Деревни: Асор, Синамур, Хусейник, Хапусин, Кесерик, Мореник, Хагамб и Измэ, населенные многочисленными армянами, подверглись ужасным образом избиению и разгрому. Дома сожжены.

Город Балу жестокими действиями истреблен и разграблен вместе с окрестными деревнями: Булушкир, Ярмджа, Еникёй, Хабхаб, Жет, Хошмат, Соганлу, Мезре, Нехри, Теркан, Лахан, Ниджаран, Сарыкамыш, Вартенис, Капуачмаз и др.

В округах Харберда и Балу уничтожено всего 93 де-

ревни, все названия которых покуда не могли узнать.

Убитые жители вышеупомянутых деревень Харберда и Балу по настоящее время не похоронены, за отсутствием людей, и тела их отданы на съедение животным и птицам.

Самое ужасное избиение было в Байберде. Во время избиения жителей деревни Соганлу, Байбердского округа, были изнасилованы молодые армянки, убиты и затем голыми и обагренными кровью, вопреки стыдливости, были брошены повсюду; грудные дети их были умерщвлены отрезанием головы, руки и ноги; некоторые же из них, будучи еще живыми, уперлись об оледеневшие груди своих матерей, высасывая с ужасными криками их обагренные кровью и засохшие груди.

Многие из армянок Байберда, ради избавления себя от варварского обращения, вместе с грудными детьми бросались в реку Евфрат, протекающую мимо Байберда. Все это рассказали нам вернувшиеся с курдами из Харберда армяне, которые были очевидцами всех этих ужасных сцен.

Также Капан-меден, Арабкир, Акн, Чарсанджак, Чмшкацаг, Малатия, Бехесни, Хисн-Мансур и Адияман, города и деревни с окрестностями, подверглись избиению и разграблению.

VIII. Город Диарбекир подвергся избиению и разграблению. Дома и лавки сожжены. Так как в самом Диарбекире армян больше, чем мусульман, то начальство приглашало в город части гамидие... Истребив армян в Диарбекире, они бросились на находящуюся по ту сторону Тигра, близ Диарбекира, деревню Хетербош, жители которой после неудачного сопротивления заперлись в своей каменной церкви и защищались из окон, но войска, под конец, успели взобраться на террасу церкви и, сделав дырку, всыпали туда солому, облили керосином и, таким образом, подожгли церковь, которая сгорела вместе с защищавшимися. Затем бросились на дома и перебили находящихся в них женщин, девиц и детей самым варварским образом.

После всего этого они напали на широкую равнину Диарбекира, называемую «внутренней равниной», и неописуемыми варварскими действиями убивали всех армян, изнасиловали красивых женщин и девиц, разграбили все их имущество и сожгли все дома, обратив их в кучи развалин.

Уцелевших же местами жителей обратили силой в магометанство вместе со священниками, так что на всем обширном пространстве Диарбекирской равнины не осталось ни одного христианина.

По имеющимся достоверным сведениям во внутренней равнине подверглись избиению и разграблению следующие деревни: 1) Башха, 2) Киат, 3) Хуссейнан, 4) Або, 5) Миралян, 6) Черек, 7) Гурешан, 8) Хезел-хасар, 9) Салекан, 10) Наджижан, 11) Иноджак, 12) Гундеджано, 13) Балавала, 14) Дерик, 15) Хашаван, 16) Алебнци, 17) Трбесепи, 18) Хелен, 19) Адча, 20) Блбез, 21) Хавшан, 22) Баш-Беюк, 23) Ферак, 24) Зере, 25) Хашдар, 26) Зензен, 27) Халда, 28) Клихок, 29) Фарханд, 30) Бамейдан, 31) Диран, 32) Хасамдалу, 33) Дасна, 34) Фаяти, 35) Дзор, 36) Бишмет, 37) Хаджи Черкес, 38) Мхур, 39) Гартула, 40) Гундерашо, 41) Корит, 42) Берехашан, 43) Алдин, 44) Тахик, 45) Бадекане-Кеме, 46) Течмен, 47) Зако, 48) Алодина, 49) Баш-кей, 50) Сорикан, 51) Чатал, 52) Грабадж, 53) Поришан, 54) Трке, 55) Шерефикан, 56) Бошат, 57) Хазо, 58) Керек, 59) Личик, 60) Гундек, 61) Вердасути, 62) Бахезрех, 63) Неркин-Данут, 64) Ишкистек, 65) Башдари, 66) Исоин, 67) Синун, 68) Элмедин, 69) Илохан, 70) Греседан, 71) Зерджел, 72) Белейдир, 73) Базбуд, 74) Барез, 75) Верин Кеферджу, 76) Неркин-Кеферджу, 77) Крери, 78) Пасорг, 79) Мецинан, 80) Тлмердж, 81) Хлхамег, 82) Зох, 83) Бра, 84) Чвахез, 85) Чоманик, 86) Кохан, 87) Дмсерик, 88) Мелхен, 89) Палоник, 90) Хезхез, 91) Джефан, 92) Сеердан, 93) Големасан, 94) Брзандже-Жорин, 95) Брзандже-Жерин, 96) Мелефан, 97) Мамла, 98) Джезни, 99) Сбхиг, 100) Барендж, 101) Грехасан, 102) Кемир, 103) Хрефас, 104) Бадчефт, 105) Алпок, 106) Хопин, 107) Хзнамер, 108) Тхрек, 109) Даки, 110) Джейескер, 111) Хоп, 112) Дусадчик, 113) Чизарф, 114) Хидук, 115) Салас, 116) Ткох, 117) Аинкер, 118) Пекенд и 119) Аранджж.

Местечко Лидже с двумя большими деревнями Сарнис и Окум с 7-ю священниками силой обратили в магометанство, совершив над ними обряд обрезания. А следующие деревни Лидже: Малахта, Куме, Агкан, Айнгуз, Шемшем, Харбахен подверглись избиению, разграблению и сожжению. Пришедшие из окрестностей Лидже и защищавшиеся в монастыре Йагапайском более 2000 людей подверглись избиению. Настоятель монастыря

священник Бахан убит, монастырь разграблен и сожжен.

Также подвергся избиению и разграблению находящийся вблизи несторианский монастырь.

Принадлежащие к внутренней равнине следующие деревни: Джернохи, Пирамен, Гресалат, Хиджикан, Кферджин, Дарсел, Башнех, Хайдарикан, Марая, Гуламира, Шераш, Ванк, Ходнов, Шелеман, Шехан, Трджел, Тасделан и Дадал тоже подверглись избиению, разграблению и сожжению.

Совершенно то же самое в местечке Хайне и в деревнях его: Двне, Карачик, Джума и Сардеш.

Также уезды, находящиеся в Диарбекирском вилайете: Северек, Аргни с монастырем св. Богородицы, Эгиль, Джермук, Чингуш и Адиш подверглись избиению, разграблению и сожжению.

Город Мардин с католическим населением истреблен и разграблен.

IX. Битлисский вилайет. Город Битлис перебит и разграблен вместе с окрестными деревнями и уездами, которые суть: 1) Хултик, 2) Мучгони, 3) Гелнок, 4) Гехер, 5) Бас, 6) Восдин, 7) Цхгам, 8) Ваник, 9) Сасик, 10) Шен, 11) Сан, 12) Анд, 13) Доп, 14) Дашдом, 15) Ворцак, 16) Сак, 17) Ниш, 18) Гарп, 19) Хумс, 20) Гут, 21) Ходзет, 22) Харт, 23) Члкан, 24) Сидян, 25) Гомк, 26) Мезре, 27) Бабжен, 28) Бор, 29) Гамах, 30) Цвар, 31) Хахрев, 32) Аламек, 33) Джрхор, 34) Шамирам, 35) Парханд, 36) Амб, 37) Горву, 38) Хмелджур, 39) Верин-Маркорк, 40) Неркин-Маркорк, 41) Нормиз, 42) Харткот, 43) Хурдап, 44) Хицоркин, 45) Тух, 46) Прхус, 47) Кулик, 48) Чамалдин, 49) Аграк, 50) Маднаванк, 51) Цоргонк, 52) Цгак, 53) Херсонк, 54) Тегур, 55) Азах, 56) Дапаванк, 57) Мецк, 58) Гошдян, 59) Сохурт, 60) Джерок, 61) Гдзвак, 62) Цагке, 63) Гамбурдж, 64) Хараб-Шехир, 65) Сисадзор, 66) Назик, 67) Гарп, 68) Брудк, 69) Мегук, 70) Ворцинг, 71) Гзех, 72) Маритаг, 73) Хавутаг, 74) Хур, 75) Верин-Асбичер, 76) Неркин-Асбичер, 77) Гидзу, 78) Мцу, 79) Камах, 80) Мецдзор, 81) Мрцанк, 82) Богнуд, 83) Шон, 84) Арпи, 85) Нидж, 86) Грху, 87) Алберт. 88) Каруган, 89) Эрестаг, 90) Охнах, 91) Зеннер, 92) Саснут, 93) Баякан, 94) Годум, 95) Шикранис, 96) Хез, 97) Сарихач, 98) Хиартан, 99) Уснус, 100) Харзет, 101) Агкцор, 102) Авак-Тах.

В некоторых из деревень жители перебиты, а другие — только разграблены. Также значительное число людей вместе со священниками силой обращено в магометанство; церкви превращены в мечети.

Большинство деревень Хизана разграблено и подвергнуто избиению, изнасилованы девицы и женщины, и множество семейств обращено силой в магометанство. Церкви ограблены, святыни осквернены, настоятели монастырей Сурб-Хача и Камагиеля умерли в ужасных пытках, а монастыри ограблены.

Город Сгерд подвергся избиению; лавки и дома разграблены, женщины и девицы изнасилованы, двери здания епархиального начальника, церквей и школ разломаны и здания ограблены. Священник, учитель и слуга епархиального начальника убиты. И. д. епархиального начальника архимандрит Димотеос Дивриглиан смертельно ранен, а остальные силой обращены в магометанство, и все это совершено самым бесстыдным и варварским образом.

Следующие деревни нахии Эрун, Сгердской казы: Сарус, Авин, Авав, Номбаин, Сермет, Дерик, Генджик, Сизяк, Чумбух, Мезре и др. подвергнуты избиению, женщины и девицы изнасилованы; бежавшие в горы и ущелья вымерли от голода и холода, остальные же со священниками и церквами обращены силой в магометанство.

Ниже поименованные деревни нахии Ширван, Сгердской казы: Марен, Курина, Гунде-Хезан, Геган, Минар и пр. разграблены начисто, жители большей частью подверглись избиению, женщины и девицы изнасилованы, часть их разошлась в разные стороны и погибла от голода и холода, а другие обращены силой в магометанство.

Находящиеся в окрестности Сгерда жители деревень: Ханек, Султан, Греренц-Дусадик, Мзре-Халк, Канисорек, Хемдуна, Кузана, Васит, Силахар, Неркин-Сулан, Верин-Сулан, Хоп, Мезрерэш, Багем, Нир, Азик, Бер, Ачик, Джиназкер, Зеук, Нер, Дилан, Бери-Дилан, Плур, Халеви, Бинарен, Изнамир подверглись избиению, а селения — разграблению; оставшиеся в живых обращены силой в магометанство.

Деревни, находящиеся в нахии Нахибане: Гелхок, Техири, Таки, Хедхедк, Тербесе, Зерфас, Раджаба, Баджуд, Милика, Джелдика, Хулик, Рашек, Мирерик, Хафек, Чиговик, Бимер, Хашдар, Шешма, Башдерам, Млкеша, Бнуник и Дира подверглись избиению, ограбле-

нию и сожжению, жители частью обращены силой в магометанство.

Деревни, находящиеся в Генче, в Чапахджуре: Чевлик, Марак, Севсар, Дарбасан, Снак и Дек; в окрестностях Генча: Гриош, Дюшмалан, Валер, Диари-бок, Чмасни и Купар; а также в нахие Бечаре: Бечар, Риэ, Норашен, Мурдарек, Андив и Изак подверглись местами избиению, разграблению целыми деревнями; оставшиеся в живых, большей частью, обращены силой в магометанство, церкви — в мечети.

В Маназкерте: деревни Боклан, Харабе, Хасанбеки пор, Байраман, Ангак, Норек, Боги, Парху, Гдзу, Джавгнуд разграблены дотла, и население лишено всяких средств к жизни, угнан весь скот.

В казах Хулпе и Хиане: Кегеирван, Агаранк, Инцкар, Эюб, Гаске, Шогек, Хрудж, Тего, Неврек, Телтеф, Пасур, Машдак, Ингузнак, Мшхицор, Севит, Арангонк, Хегин, Сагдан, Парга, Арсек, Гремори, Бахамда, Джумара, Берм, Баци, Архонд, Данц и Грехохи всецело разграблены и лишены средств к жизни; местами совершены убийства, и некоторые деревни сожжены. Из них шесть, а именно: Сагдан, Парга, Арсек, Гремори, Грехохи и Бахамда, обращены в развалины, а население укрылось в пещерах. Как население этих шести деревень, так и остальные, будучи лишены всякого средства к жизни и не имея возможности уйти куда-либо, несомненно, в эту зиму должны погибнуть поголовно, если не будет оказана им помощь.

В городе Муше: живущие в Муше магометане простого сословия внезапно бросились на базар, на армян, убив шестерых и ранив 30 человек...

Из деревень равнины: Зиярет, Сордат, Мечты, Баглу, Боду, Гайбян, Хергерд, Комо, Авран, Хашхашдаг, Хопер, Дадрском, Рэхау и Дерик ограблены и местами совершены изнасилования.

Из деревень Буланыка: Коп, Харабашхер, Пиран, Какарлу, Лотар, Плур, Мирбар, Шехагуб-Меджерлу, Шерван-Шех, Хамза-Шех, Харагел, Лиз, Бркашен, Гогак, Акряк и Хошгялди угнали крупный и мелкий скот, и местами совершены убийства, в числе которых убит также Левон-эфенди Максудиан из Лиза...

Опасность угрожает каждый день и каждый час, и малейший предлог может обратить весь Муш с окрест-

ностями в кучу развалин, почему население ведет себя очень осторожно.

Здешнее начальство старается от нас и от всех взять силой благодарственные письма. Покуда мы не согласились на это и намерены не принимать его предложения, ибо за что мы должны благодарить — за избиения, грабежи, изнасилования, обращения силой в магометанство и за другие злодеяния; но едва ли придется нам выдержать это до конца, и боюсь, что за это придется пожертвовать жизнью не мне одному, а многим. Итак Мушский край находится тоже в самой опасности между жизнью и смертью...

Святейший Хайрик, вот наша судьба и участь; просим, умоляем со слезами, сжальтесь над оставшейся в живых горстью народа и, если возможно, то не откажите бросить горсть воды на огонь, сожигающий его.

Если же не будут приняты меры против сего угрожающего пожара, то Тарон с остальными частями падет жертвой варварства, и тогда Вашему святейшеству придется с высоты Арарата молить за их покой и пожелать им небесное блаженство...

Вартапет Акопян

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3184, л. 198—205.

42. Католикос Хримян министру иностранных дел России.

Из письма № 54 *Эчмиадзин, 13 января 1896 г.*

Препровождаю при сем полученный мною вместе с письмом константинопольского армянского патриарха от 20 декабря в копии поданный им В. Порте 4-го декабря такрир, представляющий свод донесений о беспримерных опустошениях, произведенных в населенных армянами провинциях турецкой империи в течение последних месяцев истекшего года...

Приложение

Перевод с французского*

Из отношения константинопольского армянского патриарха к турецкому министру от 4 декабря 1895 г.

Армянский народ, проживая в Анатолии, с давних пор не пользуется безопасностью ни жизни, ни имуще-

* Перевод сделан в МИД России в 1895 г. (Ред.).

ства, ни чести и лишен правосудия; постоянно заявлял он о своем бедственном положении и взывал к милосердию, как это видно из многочисленных такриров, представленных патриархатом Порте и оставленных ею без внимания. После обнародования в газетах о реформах для шести областей над армянами повсюду совершены беспримерные злодеяния и изуверства. Поступившие в патриархат письменные и телеграфные сведения изображают эти злодеяния в ужасных размерах, хотя, конечно, эти сведения далеко не полны. Затем следует описание, на основании вышеупомянутых сведений, злодеяний, совершенных над армянами, по городам и уездам, начиная от Трапезунда и Эрзерума через всю Анатолию до Киликии включительно (Мараш, Сис и пр.). На основании этих сведений, злодеяния эти были заранее организованы, местные власти бездействовали или поощряли избиение и грабежи армян, войска принимали участие в бесчинствах и грабежах. Церкви и несколько монастырей разграблены; в некоторых случаях священники и настоятели убиты; были случаи — сдирали с них кожу. В деревне Хорхос Битлисской области трех священников принуждали принять мусульманство. Насильно надели на них чалмы и до 800 семейств, оставшихся после избиения, принудили принять мусульманство. В Адане женщины и девушки были собраны в одно место для выбора из них лучших и избиения остальных; в этой же местности в присутствии совершающего литургию священника была изнасилована его жена: священник же вслед за сим был заключен в тюрьму за то, что позволил себе о случившемся довести до сведения епископа. Злодеяния эти везде были однообразны; нападали на лавки, грабили товары и убивали людей, затем нападали на дома и, если не могли туда проникнуть, то поджигали; в селениях все имущество подвергалось грабежу, скот угонялся, затем все запасы и жилища предавались огню, так что жители остались без убежища, без средств к пропитанию, и, если не будет оказана скорая помощь, они погибнут от голода и холода...

Уцелевшее от истребления население лишено крова, пропитания, одежды и необходимых для продолжения своих занятий инструментов, оно подвержено всем последствиям зимней стужи и потому нуждается в скорой помощи....

АВПР, Политархив, д. 3449, л. 62—63.

43. Португальский консул в Алеппо итальянскому послу в Константинополе

Перевод с французского

Из донесения *Алеппо, 29 января 1896 г.*

Имею честь изложить Вашему превосходительству устные показания о прискорбных событиях, происшедших 28 и 29 декабря прошлого года, спустя несколько дней после разоружения христианского населения. Показания даны мне несколькими лицами, прибывшими из Урфы.

В среду утром 28-го некоторые мусульмане посоветовали своим друзьям-христианам уйти с базара и оставаться дома, ибо в этот день замышлялась резня. Действительно, к полудню в Тельфедере, мусульманском квартале, господствующем над кварталом, населенным армянами, скопилась большая толпа народа.

По сигналу, данному кем-то из соседней крепости, многочисленные банды вооруженных мусульман и резервистов хлынули в армянский квартал через четыре различных пункта. Двери домов были выломаны ударами топоров, и население безжалостно вырезано. Осажденные, естественно, обратились в беспорядочное бегство, спрыгивали по уступам или бросались в колодцы в надежде избежать смерти. Погромщики рыскали по всем углам, бросали в подвалы воспламеняющиеся вещества для того, чтобы вместе с деревянными строениями сжечь и тех несчастных, которые там укрывались. Резня продолжалась до полудня следующего дня и прекратилась лишь тогда, когда уже не оставалось жертв...

Армянская церковь, где укрылось более 2500 человек, главным образом женщин, детей и стариков, была облита керосином и подожжена. За исключением пятидесяти лиц, которым удалось вовремя выбраться на крышу, все остальные погибли. В подвалах церкви задохнулось 400 человек.

Утверждают, Ваше превосходительство, что мулла Сеид Ахмед, шейх дервишей, сам начал резню. Он заставил лечь на землю одного армянина и собственными руками зарезал его, произнося при этом ритуальные стихи, которые мусульмане читают вслух при обряде принесения в жертву. Еще с четверга 26 декабря этот мулла Ахмед собрал на площади Кала Буаня видных

мусульман, призывая их к убийству армян, которых, по его словам, нужно истребить, как врагов государства, как неподчиняющихся власти султана.

Рассказывают, что группа погромщиков напала на один дом, в котором находилось 150 армян. Погромщики убили 120 человек и прекратили резню лишь при сигнале трубы, прозвучавшем на цитадели. Таким образом, тридцать человек спаслось. Дома и лавки армян были разграблены, а все имущество, которое не удалось увезти, уничтожено на месте.

В понедельник же оказалось достаточно разослать по мусульманским кварталам несколько пикетов солдат, чтобы воспрепятствовать новым погромам; а 13-ти жандармов, расставленных вблизи французских и американских зданий, вполне хватило, чтобы оградить их от каких-либо нападений.

Во вторник 31 декабря глашатай призывал мусульманское население [8] передать властям похищенных молодых армянок. Тридцать армянок были переданы властям, а две отреклись от своей веры и приняли магометанство...

Число убитых армян достигает, согласно армянской версии, от 10 до 12 тысяч человек, но следовало бы подождать новой переписи, чтобы установить точную цифру...

Из числа мусульман выказали чувства человечности во время этих печальных событий и заслуживают всякой похвалы Мустафа-ага Реджеп, Хайдар и Халил Реджеп. Они спасли около пятидесяти человек, оказавшихся на крыше горящей церкви, и, кроме того, укрывали христиан, проживающих у них в квартале, и тех, кто сумел до них добраться. Главными зачинщиками убийств, как сообщают, были мулла Сеид Ахмед, Мустафа-эфенди; Гуссейн-паша Эртади-заде; Гариф-паша, начальник редифов; Кюрдо-ага; Хаджи бекир Микяил-оглы; Али-ага Азал Исен Агаси; Хаджи Мамед Онасуан-оглы Ассад-эфенди; Хаджи Кара-ага; сыновья Хаджи Исса Абдуллы.

Ваше превосходительство! Виновники всех этих зверств по сегодняшний день не наказаны, а несчастные, уцелевшие от резни (их приблизительно 6800 человек), остались без всяких средств к существованию... Большинство пострадавших, оставшись без крова и без одежды, не вынесут суровой зимы.

Помимо армян-григорианцев, убито около сотни других христиан, среди которых человек пятьдесят армян-католиков. Официальные цифры, сообщенные здешними властями: 600 убитых христиан и 120 — мусульман. В действительности, судя по рассказам, слышанным мною лично от беглецов из Урфы, допрошенных отдельно и не имеющих никакой связи с армянами-григорианцами, мусульман погибло не более пяти: 3 при нападении на церковь и 2 — при разделе добычи.

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3182 2.

44. Российский вице-консул в Ризе послу в Константинополе Нелидову

Выдержки из донесения № 39 *18 февраля 1896 г.*

Я неоднократно имел честь высказывать в своих донесениях Вашему высокопревосходительству свою оценку утверждениям турецких властей о восстании армян или о приготовлениях армян к восстанию: кроме слов и писаний, подготовка восстания армянскими революционерами ни в чем, по крайней мере в Трапезундском вилайете, не выразилась. Оружия у армян нет, и все утверждения турецких властей об этом должны иметь заднюю мысль оправдать образ действий турецких властей по отношению к армянам.

Беспорядкам в Трапезунде 26 сентября 1895 года предшествовали симптомы: обвинения турецкими властями армян в хранении оружия, домовые обыски, политические процессы, наконец, покушения на жизнь турецких сановников. В действительности не было обнаружено ни одного склада оружия, и мало того, у армян не было обнаружено даже отдельных ружей и револьверов какой-нибудь одной общей системы, что указывало бы на общее руководство вооружением армян с определенной политической целью. Этого не могут не знать турецкие власти, и если, тем не менее, в официальном документе вновь появляется обвинение армянина в посредничестве при получении и раздаче оружия, то я осмелюсь высказать свою догадку, что такой факт служит тревожным симптомом готовящихся в санджаке Джаник Трапезундского вилайета событий. Некоторым (хотя при существующих в Турции порядках слабым) утешением служит общий отзыв о Самсунском мутесаррифе

как о порядочном человеке и энергичном администраторе...

В пятницу 16-го сего февраля в 10 часов вечера внезапно началась в Трапезунде, одновременно во всех кварталах, стрельба из ружей; пускались и ракеты. Никто из консулов, ни командир нашей канонерской лодки не были предупреждены об этой стрельбе. Трескотня выстрелов продолжалась полтора часа подряд. Нечего и говорить, в какое смятение привели эти ночные выстрелы, без малейшего стеснения производившиеся под самыми окнами домов, все христианское население, в особенности армян, не без основания боявшихся и дрожавших за свою жизнь. Лишь на следующий день разъяснилось, что ночной стрельбой 16 февраля турки «сгоняли тень с луны» (в это время было частное затмение луны).

Такая стрельба в городе, считающемся на осадном положении, не свидетельствует о заботах вали избегать поводов к нарушению общественного спокойствия...

Заключение из ночной стрельбы 16 февраля надо сделать следующее: мусульманское население вооружено. Это всеми утверждалось и раньше, и только в объявлениях генерал-губернатора, расклеенных на всех углах улиц, заявляется, что «закон строго запрещает частным лицам носить оружие, и кто будет в этом преступлении уличен, тот будет подвергнут строжайшему наказанию».

Нет основания полагать, что мусульманское население вооружено только в г. Трапезунде, а в других местах вилайета не вооружено. Таким образом, слова турецких властей, что армяне вооружены и вооружаются, расходятся с наблюдениями, свидетельствующими, что армяне совсем не вооружены и не вооружаются, а что вооружены мусульмане. Факт этот важен, в особенности в связи с тревожным симптомом, о котором я имел честь высказаться выше.

Гиппиус

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3184, л. 102.

45. Из донесения русского консула в Конии в посольство в Константинополе

Март, 1896 г.

При избиении армян в Кесарии [18 ноября 1895 г.] полиция и солдаты начали принимать участие к прекращению резни только по прошествии четырех часов.

Что в некоторых пунктах избиение армян было предначертано высшими центральными властями и повелено привести в исполнение, — это едва ли подлежит сомнению...

В общем же мусульмане избивали армян и греков клюками, серпами, палками, ножами и кинжалами — словом, холодным оружием. Говорят, со стороны армян (особенно в домах) были и выстрелы из ружей и револьверов. Впрочем, такие дома, где раздавались выстрелы, были не только разграбляемы, но и сжигаемы даже вместе с их обитателями.

По окончании резни, грабежа лавок и домов и похищения женщин и девиц — словом, после побоища, полиция пригласила греков подобрать трупы своих убитых на базаре и армян — взять своих жертв. Что же касается убитых (до 200 человек) в Памбукли-Хане, то арабщики свезли их и побросали в ограду древней крепости.

Относительно числа всех убитых и разграбленных я собрал следующие сведения.

По словам мутесаррифа армян-григориан и католиков

убито	235 чел.
греков	10 »
протестантов	7—8 »
похищено девиц	3.

из которых две возвращены и одна остается еще неразысканной.

По показаниям же армянского григорианского архимандрита Тиртата, всех армян (мужчин, женщин и детей)

убито	346 чел.
разграблено до	400 домов
сожжено	27
причем в двух домах сгорело до	13 чел.
женщин и девиц похищено	21 »

Возвращены все, кроме одной ненайденной девицы. Для похорон было передано архимандриту только 288 армян, мужчин, женщин и детей.

По записи же начальника школы Иезуитской в Кесарии

убитых	360 чел.
раненых	427 »
домов разграбленных	362 »
домов сожженных	27
лавок разграбленных	140—150

число бедных, оказавшихся разграбленными, доходит до 2500 чел.
католиков убито 12 »
протестантов 21 »
похищено девиц . 25 »

Согласно врученному мне армянским католическим епископом списку, убитых 359 армян
раненых около 400 »
девиц похищенных до 60 чел.
разграбленных домов 500
» лавок до 200
сожженных домов . . 27

Из страха армяне до сих пор не открывают лавок и не жалуются властям. Может быть, из ста человек не более пяти осмелились сидеть на базаре в лавках и обратиться с прошениями.

Видя безнаказанность за беспорядки в Кесарии 18 ноября, турки распространили грабежи и насилия над христианами, и по дорогам обирали проезжающих греков и армян и похищали товары их...

Страх и опасность армян и греков дошли до того, что ныне без жандармов они не решаются проехать из Ангоры в Кесарию и обратно, в чем я убедился лично. И действительно, как не бояться христианам, когда ни один из виновных погрома в Кесарии, убийств в Киршехире и грабежей по дорогам до сих пор не наказан...

Видя несправедливость властей, безнаказанность виновных мусульман и неблагонадежность войска, христиане, особенно армяне, живут в постоянном страхе за свою жизнь, за жизнь семьи и целость имущества, унижаются перед мусульманами и подобострастно заискивают их расположение.

Но, несмотря на все это, ненависть к ним мусульман не прекращается, и при всяком случае, помимо брани «гяур», ее проявление, особенно в деревнях, обнаруживается в их словах, что «белая или черная собака» — им все равно, т. е. что греки и армяне — одни и те же христиане.

Одним словом, настоящее положение армян и вообще христиан в посещенных мною городах и деревнях Ангорской провинции опасное, страдальческое и беззащитное...

Надворный сов. Ал. Левитский

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3184, л. 146.

46. Резня в Ванском вилайете.

Корреспондент «Арарата», бывший очевидцем и свидетелем многих из описываемых им событий в Турецкой Армении, сообщает подробности прошлогоднего (1896 г.) ванского разгрома...

Когда 3 июня началась резня в городе, официальные телеграммы известили об этом провинциальные власти, которые поэтому приказали начать разгром.

Хотя вследствие прекращения путей сообщения в Малой Азии вообще нельзя в точности в цифрах выразить число убитых, тем не менее по некоторым официальным сведениям, дошедшим до нас, можно предположить, что общее число убитых во всем вилайете не менее 20 000, а по мнению других—и 30 000.

Самая ужасная резня была произведена в Арчете, Гайоц-Дзоре, Киваше и Гарчгане. В первых двух убито 1650 чел. и 850 во вторых двух. Во всех деревнях Арчетской волости почти не осталось никакого населения. В деревне Нарек убито 200 чел., а в Бэлу и более того. Из всех этих деревень спаслось только десятеро. Два разбойника, Абдул-Гамид и его брат Абдул-Кафюр, убили более 200 чел. В Шахпазе убито 160 чел.

Деревня Арчак не подверглась прошлогоднему разгрому, и там порядок сохранялся отрядом войска в 130 чел. Когда же началась резня во всей области, то начальник этого отряда поклялся перед обществом, что не допустит к ним грабителей. Но это только обман. Вскоре сам же предает село грабежу и к нему на помощь приходит другой, больший количеством отряд. Здесь было убито 200 чел., 60—65 молодых женщин и девиц было обесчещено. Некоторые убегают в курдскую деревню Мезре и там принимают ислам, чтобы спастись от неминуемой гибели.

Во всех вышеназванных областях, кроме большого числа убитых, было и много обращенных в ислам. Причиной перехода в ислам было то обстоятельство, что многие области не имели таких природных убежищ, куда можно было бы скрыться, вследствие чего многие прямо бежали в мечети, в дома шейхов, мулл, дервишей, которые под угрозой смерти обращали их силой в ислам. Было и много таких курдских беков, которые спасали много армян. Махмуд-заде-Бейтуллахбей, отличаясь гуманностью и человеколюбием, защитил от разгрома

всю Мокскую область. Он хорошо знаком с армянским языком, много читает на нем. Во время резни он отсутствовал из своей области; но зная, что дикие курды воспользуются его отсутствием и произведут избиение армян, поспешно прибыл из Вана и, собрав вокруг себя 400 храбрых курдов, разогнал толпы курдов-аширетов, идущих с целью избиения в Мокскую область. Этот же бек в прошлом году, кроме оказанных армянам многих услуг, пожертвовал 300 лир в пользу армян. На Варакской горе укрылось 5000 чел., большая часть которых погибла от меча, пожара, голода, заразных болезней. Много укрылось также на судах и бежало на островки Лим и Кутуц. Число их простирается до 8 тыс.

Было много примеров самозащиты организованными наскоро и вооруженными отрядами, тем не менее нигде не пришлось до конца отстоять свою безопасность. Деревня Асраф в прошлую резню отстояла себя, теперь она совершенно уничтожена. Не менее храбро защищалась и деревня Банон; но в конце пала от зверств Эмина-паши. Деревня Гендотн сделалась жертвой обмана со стороны гамидие, потребовавших взамен безопасности жизни оружия. Жители поверили и были убиты все поголовно.

Более всего пострадала большая деревня Шах, Шатахской волости... Вообще в деревнях, вследствие малочисленности населения, отсутствия средств и оружий, было больше жертв, чем в городах. Да и избиения носили ужасно варварский характер. Так, арчешского священника привязали к *хвосту дикой лошади;* а в деревне Ганцак некто Али-бек и Надыр-оглу до 20 детей и 10 старух бросили в *глубокую яму,* в которой побивали камнями этих несчастных до тех пор, что яма не наполнилась камнями и два дня еще слышались оттуда стоны брошенных. В самом Ване женщин и детей щадили. Например, там Халиб-паша оберегал так детей и женщин, что приказывал давать им воды в то время, когда эти падали в обморок, видя страдания своих близких, причиняемые самим Халибом. Не то было в деревнях: здесь не разбирали ни пола, ни возраста; если и оставались в живых женщины или даже дети, то и их обесчещивали. Чтобы избегнуть этого позора, многие из бежавших в город женщин обрпвали себе голову, брови и вымазывали лицо глиной. Многие деревни подверглись двум,

трем, даже четырем разгромам, так что ничего там не оставалось, даже дверные и оконные рамы и те унесены.

Те из армян, которые по каким-либо соображениям спасались у магометан, были обращены в ислам. Таковы многие из жителей Арчеша, Арцкея, Каваша, Карчкана, Хошана и др. Известно, что еще в прошлую резню перешедшие в ислам почти все жители Хизана, Спаркерта, Каркара, Мамртана вот уже 8 месяцев как хлопочут о переходе снова в христианство, но правительство оттягивает. Число омагометанившихся в Ванском вилайете доходит до 30 000. В настоящее время они в знак перехода в ислам носят на голове белую чалму, а на поясе кинжал.

Кроме материальных убытков, нанесенных многим монастырям, уничтожена масса древностей: древней церковной утвари, очень много редких рукописей и т. д.

Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1897, с. 120, 122—124.

47. Из донесений военного агента России в Константинополе полковника Пешкова

А. Выдержка из донесения № 34 *16 августа 1896 г.*

14 августа с полудня и сегодня ночью происходили в Константинополе избиения армян. Паника среди населения тем большая, что нет доверия к мероприятиям властей. Полиция подстрекает и принимает участие в побоищах. Патрули намеренно не слушают или содействуют убийцам...

Б. Выдержка из донесения № 36 *19 августа 1896 г.*

В Константинополе убито в два дня более 5500 беззащитных армян, в том числе много других христиан; положительно выяснено, что избиения совершались заранее правительством организованными шайками под руководством чинов полиции. Благодаря решительным представлениям дипломатического корпуса, а особенно нашего посла, вчера и сегодня спокойнее, но паника продолжается...

АВПР, Политархив, д. 3449, л. 183—184.

28. Константинопольская резня

(Письмо О. Кайдановой из Константинололя)

14 и 15 августа (1896 г.) мы стояли в Константинополе; нам пришлось быть свидетелями избиения армян турками; виденные нами ужасные картины стоят и теперь перед глазами; едва веришь тому, что все *это* действительно *было,* что мы не во сне видели все эти ужасы. Мы пришли в Константинополь в среду, утром; пароход наш («Sidon» — француз. компании Messagerie Maritime) остановился у пристани. Мы вышли между 10 и 11-ю на берег, были в обеих частях города (Пера — европейская и Галата — азиатская), были на телеграфе и на почте; все было совершенно покойно; мы вернулись на пароход около часа. После я еще раз выходила отправлять письмо на русскую почту (в нескольких шагах от пристани) и тоже ничего не заметила. А между тем, как рассказывали после другие очевидцы, именно в это время (между 12 и 1 час.) началась резня: сигналом начала послужили убийство армянами кассира в банке и ссора на почте, как говорили; сейчас же началось преследование и убийство поголовно всех армян турками; магазины, лавки были быстро позаперты одни за другими; движение конок приостановлено; на 4 улицах сразу произошло в разных концах города страшное смятение; все бежали, не понимая ничего; поминутно посреди улиц на тротуарах падали убиваемые армяне под градом сыпавшихся на них ударов палками и саблями. Не довольствуясь убийством на улицах, толпы турок врывались в дома, и там продолжалось избиение. Замечательно в данном случае то, что избиение началось одновременно по всему городу, и потому объяснить его, как потом говорили, местью за убийство кассира в банке армянами было бы странно.

Мы до 2-х часов еще ничего не знали о начавшемся смятении; сидели на пароходе, мирно разговаривая. Вдруг... — этот момент особенно врезался у меня в памяти — на набережной раздался страшный, какой-то жалобный, молящий, протяжный, громкий крик, а вслед за ним сейчас же несколько выстрелов из револьверов, быстро промелькнуло несколько фигур, впереди бежал кто-то спотыкаясь обессиливая. За ним гналось человек десять, — все это произошло в какое-нибудь мгновение, и вслед за тем мы увидели на набережной распростер-

тым труп бежавшего. Это был один из поденщиков-армян, работавших на пристани около барок, его так и захватила смерть за работой — он успел пробежать, спасаясь от преследователей, всего какую-нибудь сотню шагов. «Что такое? Что такое?» — спрашиваем мы, ошеломленные виденной сценой. Нам ответили второпях: «Турки бьют армян!»

Все устремились к борту парохода, откуда можно было видеть следующую сцену. Как раз против того места набережной, где пристал наш пароход, находилось огромное старое почерневшее здание, склад угля, а за ним в переулке, удалявшемся вглубь от набережной, но так, что можно было все хорошо видеть, другое такое же здание, в котором жили рабочие-армяне, по большей части пришельцы из различных мест, занимавшиеся поденной работой на пристани: нагрузкой барок и пароходов, переноской вещей и пр. Многие из них работали в это время на пристани, другие, вероятно узнав о грозившей опасности, укрылись в доме, к которому и направилась толпа турок, вооруженных палками и саблями. Несколько армян, работавших на пристани, были убиты ими мгновенно, наповал, несколькими ударами палок по голове: перескочив через их трупы, оставив их валяться на пристани, преследователи бросились к дому рабочих; передовые вбегали по лестнице, влезали в окна, остальная же толпа стояла внизу, ожидая добычи, которую бросят ей на растерзание; на минуту крики затихли, слышался только какой-то вой; вот показались из окон турки, волочившие за собой армян, найденных ими в доме; трудно было решить, были ли те уже убитые или избитые до полусмерти, или потерявшие сознание от страха. Их бросили в толпу, которая добивала их, волокла по улице, топтала в пыли; зрелище было до такой степени отвратительное, ужасное, что невозможно было смотреть.

Хотелось бежать куда-нибудь от него, но вместе с тем и уйти от него было невозможно, так как ужас положительно леденил кровь и что-то заставляло следить за несчастными жертвами с какой-то надеждой... не спасутся ли они чудом? Вот один из них — поденщик в синей заплатанной рубахе, повязанный белым платком на голове, бежит по улице; один раз мелькнуло перед нами его смертно-бледное лицо; его настигли, сшибли с ног: уже по его неподвижной позе видно, что в нем

нет больше признаков жизни, — он лежит поперек улицы лицом вверх, с распростертыми руками. Проходящий мимо турок ударил его, мертвого, ногой прямо в лицо, а другой полоснул по нем саблей. Все это произошло необыкновенно быстро; не было слышно ни одного крика, ни одного вопля умиравших: их валили, как снопы, один за другим грудами. Когда мы немного опомнились, из переулка уже выехала огромная телега, верхом нагруженная телами убитых; некоторые из них, казалось, шевелились...

Телегу сопровождало несколько полицейских, важно выступавших по обеим сторонам: полиция в этот день, как мы заметили, появлялась на сцене лишь каждый раз, когда производилась очистка улиц от трупов после побоища. Переулок опустел. Толпа устремилась дальше вглубь, и нам не стало уже видно ее. Перед домом рабочих, где только что происходила страшная сцена, бродило несколько собак; на несколько минут водворилось молчание, и никого не было видно. Вдали раздавались выстрелы и страшный лай собак; мимо нас по набережной провезли еще три фуры мертвых тел, наваленных беспорядочно, неприкрытых. Судя по одежде, это все были рабочие-бедняки (так как это был именно квартал, где жили армяне-рабочие). Немного спустя, в переулке, который мы могли наблюдать, около все того же дома рабочих, снова стала понемногу собираться толпа турок; они входили в двери, влезали в окна и появлялись снова на улице, нагруженные различным домашним скарбом: тюфяками, одеждой, жалкой мебелью, одним словом, все жалкое имущество бедняка-поденщика, только что убитого, тащилось убийцами. Этот отвратительный грабеж среди белого дня у всех на глазах продолжался весь день. Когда было разграблено все имущество, стали выламывать оконные рамы, двери — награбленное добро тащили в разные стороны, большей частью в пивную, находившуюся как раз против нашего парохода, и тут устраивалась попойка... Развеселившаяся удачей компания усаживалась за столиками на тротуаре перед пивной, о чем-то (угадать не трудно о чем) с жаром разговаривала; иные потирали руки, размахивали ими; потом вдруг все снимались с места и устремлялись в один из соседних переулков, словно волки, почуявшие добычу.

Мы провели весь день до вечера неподвижно на

ном месте, следя с парохода за ужасными, разыгравшимися перед нами сценами убийства и грабежа. Мимо нас провезли еще и еще несколько фур мертвых тел; тут же перед самым нашим пароходом убили еще одного армянина, который выбежал из дома, намереваясь спастись в лодке, но его подстерегали уже, вероятно, и мигом покончили с ним... Некоторое время его труп пролежал на улице, и проходившие толкали и били его ногами; бдительная и аккуратная полиция, однако, не замедлила убрать его. Настал вечер; мрак быстро сгустился над городом, огней почти нигде не зажигали, наступила ночная тишина, нарушаемая лаем собак и выстрелами, раздававшимися в различных частях города. Мимо по пристани проходили беспрестанно одна за другой шайки турок с палками в руках, напоминавшие шакалов, выходивших на ночную охоту. Против нашего парохода, на бревнах, уселись несколько турок, которые, видимо, расположились здесь прочно на всю ночь; не трудно было угадать их намерения: они выслеживали добычу, которую чуяли на пароходе; действительно, на нашем пароходе удалось укрыться нескольким армянам, которых французы приняли, успокоили и обещали бесплатно провезти из Константинополя до одного из греческих портов.

Можно себе представить, в каком состоянии находились их семьи в городе; не зная, что они нашли себе убежище, они, конечно, считали их погибшими. Удостовериться в смерти пропавших не было никому из родственников никакой возможности; тела, которые, как мы видели, возили в фурах, сваливали потом в баркасы и *без счета топили* в том месте, где при входе из Босфора в Мраморное море существует довольно сильное течение. Говорили, что таких тяжело нагруженных баркасов с телами убитых было свалено в течение ночи в море 42. «Истинного же числа жертв даже приблизительно никто никогда не будет знать», заметил кто-то.

Страшно тяжелая, тревожная, гнетущая была эта ночь; все время на полубе велись тихие разговоры о случившемся, а на берегу смотрели устремленные на нас жадно глаза турок, ожидавших добычи, выли собаки, а внизу к спуску с парохода на берег несколько раз подходили турки и плескались подолгу, усевшись на мостики; при одном из выходов луны из-за туч мы разглядели, что они отмывали у себя на теле кровь.

С восходом солнца снова пошло то же самое; вероятно, не прекращавшиеся и ночью зверства, которые прикрыл на некоторое время мрак, опять стали видны повсюду. Утром несколько моряков отправились в город и принесли известия, что все решительно армянские магазины и лавки разграблены, что число убитых особенно велико в Стамбуле, где даже вывозить трупы не успевают и что сегодня побоище грозит принять еще большие размеры... В переулке против нашего парохода, где вчера мы наблюдали описанную выше сцену, перед тем самым домом снова собралась толпа. Они проведали, что в доме укрылось еще несколько армян, и отправились на розыски их. Прошло несколько мучительных минут неизвестности: найдут их или нет? Толпа, ожидавшая на улице, не могла дольше ждать; еще многие полезли брать дом словно приступом; остальные образовали плотно сомкнутую стену поперек улицы, чтобы не дать убежать ни одному армянину, которого найдут в доме. Немного погодя, из окон и на каком-то выступе дома показалось несколько турок, которые волочили новые жертвы...

Я больше не видела, что потом произошло... Говорят их бросали на мостовую вниз головой; навалив ими телегу, их увезли. А толпа снова разделилась: одних увлек дальше разыгравшийся инстинкт кровожадности, у других взяла верх жадность — они остались и долго еще продолжался грабеж... Мимо по набережной ехали кареты, открытые экипажи, в которых сидели, судя по одежде, видные лица города; прохаживалась полиция, небольшие отряды — человек по 10 солдат; жизнь шла своим порядком; никто как бы не хотел обращать внимания на происходившие у всех на глазах убийство и грабеж. И что особенно производило странное впечатление, так это то, что тут же, в виду этого повального истребления людей, стояли вдоль берега и дальше в проливе громадные суда — представители всех европейских держав. Вся эта резня не производила бы, кажется, такого вдвойне ужасного впечатления где-нибудь в глуши, в каком-нибудь захолустном турецком городишке, будь она не здесь, в столице, в присутствии всех властей, местных и иностранных. Это не была стычка, война, подавление восстания, а просто какое-то отвратительное, повальное, массовое убийство, *охота на человека;* по крайней мере, такой вид имело избиение в той

части города, которую мы могли наблюдать; но от других приходилось слышать, что и там было то же самое.

На другой день (в четверг) пришлось видеть (слава богу, хотя издалека) еще более раздирающие сцены: спасавшихся в безумном страхе на крыши армян настигли, и там преследователи бросали их с высоты 3—4-х этажных домов, на виду у их жен, детей.

Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1897, с. 78—79.

49. Письмо миссионера из США Барнема в Американскую миссию в Константинополе

Перевод с английского
29 сентября 1896 г.

Известия о событиях в Акне, которые я выслал Вам на прошлой неделе, были получены главным образом от двух беспристрастных турок, находившихся там во время резни. Они выехали оттуда до того, как определились размеры бедствия. Мне неизвестно, прибыл ли с тех пор кто-либо из Акна, но письма, полученные с сегодняшней почтой, более чем подтверждают правильность первых сообщений. На прошлой неделе с почтой не поступило почти никаких известий. Во всех письмах, которые я читал, количество убитых исчисляется в 2000 человек. По-видимому, количество женщин и детей, настигнутых на этот раз судьбой, относительно больше, чем в какой-либо прошлой резне, которая мне известна. Многие из убитых по нескольку дней оставались на улицах на съедение собакам. Большое количество тел было брошено в Евфрат. Эти тела видели плывущими по реке в 40—50 милях ниже Акна.

В некоторых случаях были уничтожены целые семьи.

Точного подсчета, конечно, сделать нельзя, но есть опасения, что цифра 2000 является преуменьшенной.

Это составляет значительную долю христианского населения, количество которого насчитывается от 5 до 6 тысяч человек.

Число домов в письмах определяется в 1100. Говорят, что из этого количества уцелело лишь 150. Эта вакханалия крови и огня началась во вторник 15 числа и продолжалась до четверга 17 числа...

Все свидетельские показания подтверждают, что

резня была организована официальными кругами и что она была начата без всякого повода. Мятежные элементы существовали лишь в воображении некоторых чиновников. Эти последние встревожили центральное правительство. Здешние вали и воинский начальник проводили большую часть времени от начала до конца резни на телеграфе, поддерживая связь с Акном и Константинополем. Насколько мне удалось узнать, жертвы не оказывали ни малейшего сопротивления, и не было убито ни одного турка, кроме тех, которые были убиты впоследствии, по всей вероятности, при дележе награбленного. Курдов в этих местах не было. Все было совершено горожанами и солдатами. Резня распространилась на многие деревни в окрестностях Акна...

Г. Н. Барнам

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3183, л. 12—13.

50. Русский генеральный консул в Эрзеруме послу в Константинополе

5 октября 1896 г.

Английский консул в Эрзеруме Гревс сообщил [передал] мне письмо на армянском языке от 4-го минувшего сентября о несправедливости, оказанной армянам после избиений в Байбурте 14-го октября 1895 г. Считаю долгом довести до сведения Вашего высокопревосходительства, что 27 армян Байбурта, присланных ныне в Эрзерум, и которые должны идти в разносрочные каторжные работы вследствие подтверждения решения байбуртского военного суда военным судом в Сераскерате и санкционирования его ирадэ султана, невинны по словам эрзерумского вали Реуфа-паши.

Это последнее обстоятельство я имею честь сообщить вполне доверительно, будучи уверен, что оно не будет известно туркам...

Максимов

Из письма байбердских армян английскому консулу в Эрзруме

Перевод с армянского
4 сентября 1896 г.

После бывших в Байберде 14-го октября прошлого года ужасных избиений начальством арестовано из нас более 200 человек.

Некоторых же из нас, подписавшихся здесь, подвергнув ночью в тюрьме разным пыткам и невыносимым истязаниям, чиновники, с помощью турецких арестантов, силой заставили подписать заранее подготовленные бумаги, содержащие в себе ложные обвинения против почетных жителей нашего города, что они будто [illegible] редили комитет против султанского правите[illegible] и привезли из России оружие, дабы совершить революцию в Байберде.

Пытки совершались главным образом жандармским чавушем, называемым Али, который ныне состоит при тюремном ведомстве в Эрзруме. Он, по инструкции председателя военного суда бея Салеха-паши, подвергал нас различным пыткам, как-то: щипал клещами, колол нас большой иглой и пр.

То, что мы невинны, признают с выражением сожаления даже соседи наши из турок.

Сообщая Вашему превосходительству о нашем плачевном положении, просим, во имя правосудия, быть посредником перед е. в. султаном и тем выручить нас из настоящего несправедливого заключения.

С глубоким почтением от заключенных в Байберде армян, которые, будучи подвергнуты пыткам, подписали против совести вредные и ложные бумаги.

[Следует шесть подписей]

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3197, л. 204—206.

51. Британское посольство в Константинополе Российскому посольству

Перевод с английского

Письмо *10 ноября 1896 г.*

Согласно телеграмме, полученной от британского вице-консула в Харберде, следующие обстоятельства по-

служили поводом для убийств в Акне... Большая часть армян-мужчин укрылась в квартале, где помещаются военные бараки. Им было приказано покинуть этот район и направиться в дом губернатора, но по дороге на них напали войска, которым помогали мусульмане. Всего было убито полторы тысячи человек, из них 200 женщин и детей. Армяне были совершенно неповинны: никакого революционного движения не было; армяне не сделали ни одного выстрела. Лишь несколько револьверов и пистолетов было найдено в развалинах сгоревших домов .В целях расследования предлагается создать европейскую комиссию.

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3183, л. 12—13.

52. Британское посольство в Константинополе Российскому посольству

Перевод с английского

Письмо *18 ноября 1896 г.*

Исполняющий обязанности консула ее величества в Ангоре сообщил в связи с резней в Эвереке, что местная армянская община передала властям Кесарии следующий официальный список убитых и раненых:

Эверек:
Убито—30 человек
Ранено— 30 человек
Разграблено домов—40
Разграблено лавок—37
Сожжено домов—38
Фенессе
Убито—23 человека
Ранено—43 человека
Разграблено домов—15
Разграблено лавок—15
Сожжено домов—3
Итого:
Убито—53 человека
Ранено—73 человека
Разграблено домов—55
Разграблено лавок—52
Сожжено домов—41

Фенессе—деревня на другой стороне долины, примерно в полутора милях от Эверека, однако она обычно включается в район Эверека.

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3183, л. 28.

53. Избиения армян в 1895—1896 гг.

(По документам французской «Желтой книги»)[9]

В конце 1895 г. и в начале 1896 г. в течение полугода происходили по всей Малой Азии, в городах и деревнях, населенных армянами, ужасающие организованные массовые избиения, пред которыми поблекли даже турецкие зверства в Сасуне. Исходным моментом послужила мера, обещавшая армянам начало умиротворения. После упорного сопротивления султан вынужден был утвердить в октябре 1895 г. проект реформ, выработанный для шести армянских вилайетов представителями России, Франции и Англии, и вслед за этим началась резня и грабеж армян. В двух томах *Желтой книги* приводится масса потрясающих подробностей, из которых мы заимствуем лишь небольшую часть.

А) Требизонд

Требизонд, куда раньше других пришли вести из столицы, первый подал пример избиения армян. Уже 5 октября французский консул телеграфировал о начале «резни и грабежа». В последующих донесениях он, между прочим, писал:

«Лица, видевшие город за несколько минут до начала убийств, —писал в своей депеше Камбон от 15 октября 1895 г.,—никак не могли предвидеть готовых свершиться так близко событий. Толпа народа, занятая своим обычным делом, наполняла улицы. Теперь вполне доказано, что мусульмане без всякого сигнала, дружно и одновременно бросились на армян. Рабочие-носильщики для внутренней разноски, принадлежащие большей частью к армянским артелям, находились по своим делам в большом количестве около таможни: они были убиты. Несколько несчастных, попытавшихся спастись, переправившись на лодках на суда, стоявшие в порту, были убиты лодочниками ударами весел; один был выброшен в море и побит каменьями. На всех улицах и площадях избивались встречавшиеся армяне, причем

их добивали с неслыханной жестокостью. Торговцев вытаскивали из их магазинов и отдавали в руки убийц.

В самое короткое время убийства были кончены. Тогда толпа ринулась грабить лавки. На улицах попадались носильщики, уносившие товары, и никто не мешал им в их грабеже.

Утверждают, что при этом солдаты и заптии не только не препятствовали этому, но даже поощряли к тому. Мне рассказывали, например, что в одном месте мятежники не могли взять армянский дом, так как их выстрелы (ружья) не достигали далеко; солдаты, увидав это, сняли с себя куртки и открыли огонь совместно с убийцами. Во всяком случае я могу засвидетельствовать de visu, что заптии, занимавшие полицейский пост, стояли с оружием в руках в оборонительном положении, не делая ни малейшей попытки остановить мятежников.

Точное число жертв еще не приведено в известность. Власти определяют его в 180 человек; но, судя по всему, число убитых в г. Требизонде наверно свыше 500. Почти никто из армян не вернулся домой. Фреры (французские монахи) дали приют 3300 лицам. По официальному объявлению, поводом к резне послужил выстрел из револьвера, сделанный армянином и ошибочно понятый мусульманами. Одновременное начало резни *во всех* частях города делает это объяснение совершенно неправдоподобным. Это был, не подлежит никакому сомнению, заговор, тщательно обдуманный (un complot soigneusement réglé)* Участие регулярного войска в преступлениях и допущение грабежа—говорят сами за себя».

Б) Диарбекир

В ноябре того же года произошла резня в Диарбекире. Подробное описание этого события мы находим в донесении французского вице-консула Мейриэ. Вот что он сообщал в депеше от 18 декабря 1895 г...

«В пятницу 1-го ноября, в праздник Всех святых, я отправился с своим семейством к обедне; за исключе-

---

* На это обстоятельство указывают также и другие консулы. Так, эрзерумский консул, извещая о резне 31 октября и 3 ноября, об истреблении большинства армянских деревень вокруг Эрзерума, добавляет: «Необходимо предать суду военных, принимавших участие в грабеже и избиении. Мои товарищи—консулы Англии, Италии, России—и я имеем в руках несомненное доказательство такого участия». (№№ 17, 18, 21).

нием нескольких вооруженных курдов, мы не заметили ничего особенного. Когда я возвратился домой, мне сказали, что какой-то мусульманин в это утро бегал по улицам и призывал своих единоверцев к избиению христиан. Армяно-григорианский епископ отправился к вали, чтоб заявить ему об этом факте, и после уверений этого последнего, что бояться нечего, он сам пошел на рынок, чтоб успокоить христиан, убедить их не бояться и продолжать работу. Несчастный епископ горько раскаивается с этого дня в своем поступке и обвиняет себя в тех последствиях, которые он вызвал. У католиков был праздник и, по счастью, они не отпирали своих лавок.

Около 11 ч. утра мой драгоман пришел мне сказать, что между христианами распространилась паника, что на улицах бегут и уже несколько человек убито. Я вышел на двор и увидел двух раненых, бежавших с базара; я стоял у двери, улица была совершенно пуста, но с крыши мне закричали, что они идут и чтобы я немедленно вернулся в дом. Я увидел в это время трех заптиев, случайно тут находившихся, и дал им приказ охранять Консульство. В эту минуту с противоположной стороны улицы, на расстоянии 20 шагов, я увидал ворвавшуюся на улицу толпу вооруженных с ног до головы людей, испускающих свирепые крики. Девять заптиев с одним офицером прибыли в это время для охраны Консульства.

Было без пяти минут двенадцать.

С этой минуты началась резня; на улице раздавались крики преследуемых и спасавшихся в домах. Она продолжалась безостановочно три дня и три ночи с таким остервенением, что те, которые уцелели, спрашивают себя и по сие время, каким чудом промысла божия они избегли общей участи. Убийства начались при криках Salavat Mahomed в назначенный час, *по сигналу, условленному заранее, без всякого вызова с чьей-либо стороны.*

Я счел своим первым долгом послать к вали заптия с требованием более надежной охраны для монастыря (так как я предполагал, что она у него уже есть). Заптий не вернулся, и я не получил никакого ответа на свое требование.

Пятница была посвящена исключительно базару. Сперва были убиты все христине, не успевшие скрыться, а затем началось разграбление...

Когда базар был опустошен, что заняло немного времени, он был подожжен. Было около 2-х часов дня; пожар продолжался до следующего дня. Все лавки христиан разорены; потери значительны.

В действительности настоящая резня началась только в субботу утром; до сих пор христиан убивали на улицах, их убивали на кровлях домов, стреляя по ним из окон и минаретов; в домах на них еще не нападали.

В этот же день вместе с восходом солнца началось кровопролитие и продолжалось до воскресенья вечера.

Они разделились отрядами и приступили к делу систематически, переходя *из дома в дом,* старательно обходя дома мусульман. Выламывали двери, разграбливали все и, если находили в нем живущих, их убивали, убивали всякого, попадавшего под руку,—мужчин, женщин и детей; девушек похищали.

Все стены Консульства были пробиты пулями, и два трупа лежали распростертыми почти под самыми нашими окнами на соседних кровлях. Племена курдов-кочевников не участвовали...

Между тем те из христиан, у которых нашлось оружие и которые могли собраться в достаточном количестве, пробовали защищаться; это им удалось в некоторых кварталах, на которые осаждающие не посмели напасть; таким образом им удалось их отстоять. Что касается других, они спасались, когда могли, бегством, укрываясь в церквах и консульствах. Монастырь Святых отцов принял их до 3000 ч.; число нашедших убежище у меня достигло 1500 ч. Улицы были непроходимы и потому эти несчастные принуждены были делать отверстия в стенах и спасаться через них; или же они скрывались по кровлям, перебираясь по доскам через улицы, и являлись полуживыми от страха в места убежища. Одна женщина упала на наших глазах в ту минуту, когда была у входа. Сколько таких несчастных убилось при этих ужасных переправах!

В воскресенье в три часа пополудни я видел из своего окна, как могли видеть все, солдат, заптиев, курдов и мусульман, стрелявших вместе с кровель и минаретов в армяно-григорианскую церковь. Я потребовал от офицера на карауле занести этот факт в протокол, и в то же время я попросил у одного духовного лица, жившего по соседству и очень почитаемого в городе, Абаса Ходжия, его вмешательства для прекращения этого кро-

вопролития. До сих пор мы еще могли думать, что войска постараются подавить восстание и могли надеяться, что они этого достигнут; но с этой минуты не было уже никакого сомнения. Ужас между укрывшимися был так велик, что я обратился в Вашему высокопревосходительству со своим воззванием, спасшим нас всех.

Меня обязывает совесть объявить с уверенностью,—пишет консул,—что убийства в Диарбекире были совершены мусульманами и ничем не были вызваны; что генерал-губернатор, командующий войсками, начальник жандармов оставались безучастны перед сценами ужаса и ничего не предпринимали, чтобы их остановить; что если они прямо не участвовали, их отношение к ним имело характер поощрения; что я видел своими глазами солдат и заптиев, присоединившихся к мусульманам и курдам и стрелявших вместе в христиан; что эти последние прибегли к оружию только ради самозащиты, когда они были к тому вынуждены. Полиция и войска вмешались лишь для того, чтобы ударить по жертвам.

Хотя я донес по телеграфу цифры потерь и не имею ничего в них изменить, нахожу не лишним привести их здесь:

Армян-григорианцев

Мертвых	1000
Раненых . . .	250
Разграбленных домов	1500
Разграбленных и сожженных лавок	2000

Армян-католиков

Убитых	10
Раненых .	1
Разграбленных домов	36
Разграбленных и сожженных лавок	65

Сириян-католиков

Убитых объявленных	36
» действительных	150
Раненых	11
Разграбленных домов .	35
Лавок разграбленных и сожженных	200

Сириян-схизматиков (якобитов)

Убитых	3
Раненых	1

Разграбленных домов	6
Лавок разграбленных и сожженных	30

Халдеев

Убитых	14
Раненых .	9
Разграбленных домов	58
Лавок разграбленных и сожженных	78

Греков

Убитых	3
Раненых	3
Разграбленных домов	15
Лавок разграбленных и сожженных	15

Протестантов

Убитых	11
Раненых . .	1
Разграбленных домов .	51
Лавок разграбленных и сожженных	60
Исчезнувших всех вероисповеданий	1000
Крестьян-христиан, работавших в городе, убитых и исчезнувших	1000

119 сел санджака Диарбекира было разграблено и сожжено; они состояли из 6000 семейств, насчитывавших 30 000 христиан убитыми и исчезнувшими.

В городе 50 женщин и девушек было похищено. В деревнях—число неисчислимо. Материальная потеря одного города исчисляется в 2 миллиона турецких фунтов.

Между мусульманами 195 убитых, в числе которых 70 человек были убиты своими же, при разделе награбленной добычи...

После трех дней убийств, когда погибло свыше 3000 христиан, разграблено все их имущество, можно было надеяться, что правительство примет христиан, хотя бы для вида, под свою защиту. Увы, ничуть не бывало! Их так же преследовали после того, как и до этого; они были жертвами самой вопиющей несправедливости. Их разоружили с величайшей строгостью, между тем как мусульманам оставлено было их оружие. Брошенные в тюрьмы за то, что были причиной восстания, они замучены были до смерти с целью добиться от них взаимных

доносов и доставить таким образом властям предлог к обвинению. Дошли до того, что отняли у армянского населения ту небольшую помощь, которую оно получало для прокормления оставшихся без всяких средств семей, из-за того, что епископ не согласился подписать бумаги, констатирующие виновность своих. В продолжение 46 дней, до прибытия Зиа-паши и особенно Абдулла-паши, страх царил в городе; правительство не сделало ничего, чтобы его рассеять. Напротив, мусульмане, уверенные в безнаказанности, не боялись открыто выражать христианам свою враждебность и совершали при дневном свете новые насилия. Можно сказать, что Аниз-паша задался задачею покровительствовать преступникам и *наказывать жертвы их*».

В) Сивас.

Почти одновременно с описанными событиями в Диарбекире вспыхнули беспорядки в Сивасе. Французский вице-консул Карнье передает о них следующее:

«Резня началась ровно в полдень во всех частях города одновременно». Так начинает сивасский консул Карнье свою депешу от 12 ноября 1895 г. Передав отдельные эпизоды грабежа и убийств, он продолжает изложение по пунктам:

«Базар. Все лавки и магазины армян были совершенно разорены и разграблены; даже вынуты окна; не оставлено ничего, хотя бы старых бумаг.

В аптеках грабители, боясь взять лекарства, разбили все пузырьки.

На базаре существует большое каменное здание, недавно выстроенное и называющееся «новый хан»; оно запирается двумя железными дверями, имеет просвет только в нижнем этаже и занято складами и магазинами самых богатых купцов. Около 400 армян заперлись в нем. В этом строении хранилось довольно значительное количество оружия (присланного когда-то комитетом) и много военных запасов.

Мусульмане по крайней мере целый час трудились над тем, чтобы проделать в двери отверстие в 1 метр, в чем им не мешали ни полиция, ни осажденные, и когда первый человек проник с трудом через брешь, армяне сдались и отворили свои магазины, которые тотчас же были совершенно разграблены.

Убийства. Резня должна была быть наверно подготовлена заранее, так как отличалась особенным едино-

душием. Что тут было потворство властей,—вещь очень возможная.

Секрет хорошо сохранялся, хотя накануне вечером несколько осторожных предостережений было сделано. Но предостережения были слишком темны. Тем не менее, 11-го ноября вечером я посоветовал нашим миссионерам секретно запастись на случай мятежа, близость которого я не подозревал, и дал им приказ не выходить ни под каким предлогом из дому в случае малейшей тревоги.

Излишне говорить, что заптии, солдаты, служащие управления и т. д. принимали личное участие в убийствах, так же, как и в грабежах. Только уже вечером они взялись за роль полиции. Два офицера гамидие эскортировали вместе с другими фуры, нагруженные добычей.

Власти определяли на другой день число убитых количеством от 200 до 300 человек, трупы которых собраны были в одном хане базара; на самом деле их было 500, несколько мусульман было убито армянами; двое убиты нечаянно своими единоверцами. Я узнал позднее, что в другом хане находилось столько же трупов убитых при въезде в город, большею частью поселян, привезших продукты на базар. Все это составляет для 12 ноября около 1000, не считая неизвестных.

Между убитыми очень мало застреленных; почти у всех черепа разбиты топорами, палками, железными ломами, хотя перестрелка в продолжение 2—3 часов была очень сильная. Эта странность объясняется пользованием почти исключительно револьверами и пистолетами, оружием очень опасным в опытных руках, но производящим больше шума, чем дела, в неумелых.

Раненые. Раненых сравнительно мало, так как их очень скоро доканчивали. Те, которые были приняты за мертвых или избегли смерти чудом, имеют мало надежды остаться в живых; я знаю одного, в которого сделано было 12 выстрелов и нанесены другие раны.

Один армянин, печник по ремеслу, убивший солдата, был убит и разорван на куски.

На другой день начальство прекратило резню, и один из них говорил: «Вчера долг мусульманина обязывал его убивать, и награбленное было наградой ему, сегодня все должно прекратиться».

Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1897, с. 101—102.

54. Письма турецких жертв из Малой Азии (1895—1896 гг.)

I

Недавно появившаяся книга под заглавием: Les Massacres d' Armenie[10] содержит в себе 34 письма малоазиатских армян... Мысль об издании этих писем принадлежит живущим в Европе армянам, желающим познакомить Европу с истинным положением вещей в Малой Азии во время бедствия, постигшего их собратий. Тон большинства писем производит впечатление страдания и запуганности. Автор письма из Эгины, написанного в присутствии мудира (мэра общины), боится даже называть убийц, говорит о событиях сдержанно, кое о чем вовсе умалчивает (стр. 167—169). Мы не можем, говорится в прошении байбуртских женщин, поданном турецким следственным комиссарам, называть имена (мусульманских зачинщиков) вследствие слышимых угроз и полного отсутствия безопасности (стр. 66). Самые письма, принадлежащие столь разным по положению и и по другим признакам личностям больше чем из 20 местностей и написанные главным образом для того, чтобы поделиться горем со своими родными и знакомыми, представляют достаточные и надежные данные для восстановления событий, по крайней мере, в главных чертах. Попытаемся на основании их дать читателю понятие о ходе и характере бедствий, постигших малоазиатских армян от октября 1895 г. до февраля 1896 г.

Катастрофе во многих местностях предшествует общее тревожное состояние, хорошо изображенное в письме из Муша 22-го ноября 1895 г. (по старому стилю). «В настоящее время,— говорится в нем,— армянское население в городе и в окрестностях находится в страхе, вследствие ежедневно слышимых страшных угроз. Жизнь, имущество и честь в опасности, и общее избиение кажется неминуемым. Рынок и общественные места закрыты; сообщения с деревнями, даже находящимися в долине Муш, прерваны (стр. 84—85). Здесь и там происходят отдельные или массовые насилия и грабежи, производимые туземцами по мотивам добычи, личной мести и другим; в воздухе чувствуется, что всякая расправа над армянами останется безнаказанной».

Так, в деревню Гавав является разбойник Кашик и требует с армянина М. 15 турецких лир... Несколько

дней спустя в ту же деревню является депутация беев из Палу и требует всего хлеба, собранного в этот год, угрожая в случае неповиновения привести турок и курдов и сжечь деревню (письмо из Палу, стр. 182—183) 15-го октября 1895 г. в воскресенье армянский банкир Погос получает пять ударов кинжалом от четырех турок, после чего умирает через четверть часа. Весь город приходит в волнение, везде крики, угрозы...

Утром в понедельник турки производят нападение на рынок, поощряемые полицией и солдатами, грабят лавки, крича: «Убьем армян! Слава Магомету!» (Урфа, стр. 239—241). И потом, когда уже за истребление армян принимается армия регулярная и иррегулярная, враждебные армянам туземцы продолжают свое дело, являясь деятельными соучастниками организованного избиения.

Предчувствуя свою неминуемую беду, жертвы бросаются к местным властям и тут-то встречают самые лживые и самые пышные уверения, чтобы армяне не беспокоились, шли домой и занимались своими делами, что они, т. е. начальство, отвечают за порядок. А между тем в это время, пока армяне под влиянием таких предательских речей успокаиваются и возвращаются к обычным занятиям, за кулисами производятся деятельные приготовления к избиению теми же уверявшими в безопасности властями, распространяются нелепые слухи между мусульманами, чтобы раздражить их против армян, раздается оружие для предстоящего нападения. Так, например, было в Эрзингиане, где вслед за уверениями властей происходит нападение на рынок, во многих местах являющийся по весьма понятным причинам местом первоначального разграбления (например, в Кесарее, стр. 227; в Урфе, стр. 240—241; в Сивасе, стр. 222) и избиения армян; то же было в Харпуте (стр. 138—140), в Арапгире (стр. 164), в Гусни-Манзуре (стр. 217—218) В Палу капитан Гуссейн-бей, член административного совета в казе, в одно и то же время успокаивает обратившихся к нему армян, представителей местного сельского общества, и тайно сносится с курдами, дает им инструкции насчет предстоящего разгрома; армян же уверяет, что он переговаривался с курдами о том, чтобы они были подальше от армянских деревень; он даже для вида арестовывает известных курдских разбойников, которых затем потихоньку отпускает на свободу (стр. 183—185). В

Трапезунте местный вали (начальник вилайета, губернатор) Кадри-бей клянется присланным от местного армянского епископа людям, что никто не осмелится сделать вреда армянам и даже прибавляет: на вас нападут, только перейдя через мой труп. А в то же время турки закупают на базаре револьверы, полиция обезоруживает армян, муллы и власти возбуждают толпу разными баснями и слухами, местное начальство разделяет турок на группы, распределяет между ними оружие, патроны и назначает день нападения (стр. 21—25). В Гуссейнике турецкие власти, склоняя армян выдать оружие, клянутся именем пророка, что никто их не тронет, а немного времени спустя начинается резня (стр. 132). Впрочем, тон властей меняется, раз только уверения достигли своей цели, и армяне попали в ловушку. Тогда власти начинают выговаривать армянским депутатам за преувеличение, арестовывают наиболее почтенных лиц (Эрзингиан, стр. 53—54; Урфа, стр. 246), требуют выдачи виновных (Трапезунт, стр. 24), выдачи оружия (Арапгир, стр. 142—143) — каковое обезоружение опять-таки делается ввиду приготовляющегося нападения (Арапгир, стр. 142—144), наконец, в довершение крайнего цинизма, вынуждают у жертв петицию благодарности султану (Арапгир, стр. 149). С этого начинает следственная комиссия в Муше, посланная туда после избиения, чтобы ввести реформы. Комиссия эта упрекает местные власти за то, что они не вынудили благодарственной петиции у армян, и тут же власти начинают принуждать армянских представителей подписать благодарственную телеграмму султану (Муш, стр. 88). Таким же образом в Палу за день до страшных избиений жертвы благодарят султана за восстановление порядка при содействии прибывших войск (Палу, стр. 181—185), в Мараше они в петиции, при таковых же обстоятельствах составленной, признают, что они хотели избить мусульман и что ответственность за беспорядки падает на них (Мараш, стр. 236).

Систематичность, с которой делаются приготовления к резне, поразительна. Все средства пущены в ход, предусмотрены малейшие детали. Мероприятия для истребления армян предательски облекаются в форму мер, принятых якобы для их защиты. В Урфе мутесарриф (инстанция, следующая за вали, начальник округа, санджака) говорит армянскому духовенству и представителям. «Идите, ничего не бойтесь, я пошлю в ваш квартал

войско для защиты», и действительно, посылает 3000 человек регулярного войска и 1500 гамидие (иррегулярная курдская кавалерия), которые и производят нападение на армянские жилища (Урфа, стр. 249—250). В Гусни-Манзуре власти раздают мусульманскому населению, 200 ружей системы Мартини якобы для защиты христиан, из коих многие на другой день были ранены патронами из этих самых ружей (Гусни-Манзур, стр. 212; Харпут, стр. 123). Такая же раздача оружия происходит в Трапезунте, в Арапгире... (стр. 244). Рядом с этим происходит обезоружение местного армянского населения, чтобы сделать его беззащитным, предпринимаемое опять-таки под разными благовидными предлогами, например, чтобы армяне этим доказали свою покорность, как это было в Гуссейнике (стр. 132—133), в Урфе, в Трапезунте. В Трапезунте заранее назначается день избиения. Турки с этой целью разделяются на группы, принимаются меры для распознания жертв от других национальностей, с этой целью учреждается особое шпионство, сам вали Кадри-бей, произносивший, как мы видели выше, предательские успокоения, в день резни, окруженный турецкими бандитами, дает лично указания, кого убивать, главным образом богачей. В Харпут переселяются войска, стоящие в Арапгире и, наоборот, для того, чтобы виновники злодеяний не могли быть узнаны местным населением, в Харпуте же призываются к оружию редифы под предлогом защиты местного населения; часть редифов переодевают крестьянами и посылают в деревни для грабежей, наоборот, деревенских жителей переодевают солдатами и дают инструкции насчет разгрома (стр. 123—124). В Арапгире постановляется, чтобы каждый турок начал избиение со своих армянских друзей (стр. 144). В Эрзингиане властям удается сложными успокоениями заставить армян выйти из домов на рынок, где и начинается истребление (стр. 51). В Харпуте армяне, успокоенные словами жандармов, которые обещаются защищать их, отпирают двери домов и подвергаются затем избиению и грабежу (стр. 124). В Палу, собственник деревни Сакрат, курд Ибрагим-бей заманивает в эту деревню массу спасающихся от истребления армян, чем заслуживает репутацию покровителя христиан. Впрочем он берет с беглецов плату за свое покровительство, выманивает у них скот и имущество под видом лучшей сохранности последнего, подвергает их всякого рода оскорблени-

ям и вымогательствам и, наконец, выдает на самое варварское истребление (стр. 205 и след.). Вместе с тем идут тщательные сношения властей с курдами, чтобы их подготовить к истреблению армян; с этой целью в Харпуте выпускаются курдские преступники из тюрем (стр. 122—123; в Палу, стр. 184—185).

Чтобы хоть несколько оправдать разгром, а равным образом лучше возбудить местное население против армян, властями делается целый ряд попыток до, во время и после избиения обвинить армян в ряде преступлений, преступных замыслов, а главным образом представить армян инсургентами. Обвинение в восстании было пущено в ход властями в Урфе (стр. 240, также стр. 246), в Трапезунте, где бегущим армянам турки кричали «сдавайтесь», как будто они были повстанцами (в Эрзингиане, в Муше, стр. 27). В Урфе же турки рассказывают, что армяне хотели напасть на мусульманский квартал, но только им это не удалось. Жандарм Габгар сознается, что выстрелы, которые были слышимы ночью в Урфе, принадлежали туркам, но что их хотят приписать армянам; в Порту посылается телеграмма с уведомлением, что армяне разрушили мечети и избили тысячу мусульман. В Трапезунте власти распространяли такой слух между туземцами: армяне хотят в союзе с англичанами разрушить династию Османа и уничтожить магометанство; в будущую пятницу здешние армяне с оружием в руках нападут на мечети и перережут мусульман; мы должны предупредить этих неверных собак, чтобы не быть ими истребленными. В призывах к избиению, делаемых по инициативе властей, иногда говорится, что настоящей целью разгрома было истребление армян, грабеж же играл роль второстепенную. В Муше, например, одно официальное лицо так высказалось в присутствии большого числа курдов и армян: курды действовали дурно. Мы им дали приказание уничтожить армян, они же скорее грабили, чем убивали (стр. 88—89). В Палу муфтий и вожаки движения кричат нападающим: «Главным образом убивайте и не теряйте времени на грабеж»; в Эрзингиане высшие чиновники кричат толпе: «Режьте гяуров, не бойтесь ничего». В Арабгире еще до избиения глашатаи прогуливаются по деревням, крича: «Дети Магомета должны исполнить свой долг—истребить всех армян, ограбить и сжечь их дома; ни один армянин не должен уйти живым»... В Урфе Гассан-паша кричит

толпе: «Идите, дети мои, у вас в распоряжении 48 часов времени, вырежьте всех гяуров, и их богатства будут принадлежать вам»; такие же приказы отдаются стоящим здесь капитаном войскам (стр. 241—242). Подобным же образом власти возбуждают толпу в Трапезунте (см. выше, стр. 29), в Сегерде (стр. 83), в Палу (стр. 186).

II

За этими адскими махинациями, систематичность которых заставляет думать, что мы находимся на бойне, а не в человеческом обществе, следует само избиение. В ужасном калейдоскопе последнего быстро сменяют друг друга убийство, грабеж, поджог, изнасилование, целая гамма истязаний, сложных и тоже систематических. Послушаем очевидцев. Вот что пишет свидетель резни в Урфе. Армяне не знали, что делать, у них не было даже перочинного ножа для защиты (все оружие было отобрано властями раньше), они плакали, прятались по углам домов, молили бога сжалиться над ними. Турки разбивали двери лопатами и входили в дома, убивая и изрезывая в куски всех, кого встречали, молодых, стариков, мужчин, женщин. Нельзя ни перечесть, ни описать их бесстыдства и чудовищные вещи, которые они совершали. Они опозорили большое количество женщин и девиц на глазах их отцов и мужей, отрывали у опозоренных груди, четвертовали и убивали их, продолжительно и страшно мучая. С утонченной жестокостью они зарезывали сначала детей, а потом уже родителей, тешась тем, что истязуемые молили поскорее покончить с собою. Были звери, которые удовлетворяли свою страсть над трупами девиц, наложивших на себя руки для избежания позора. Армяне пытаются сопротивляться, но их усилия слабы против потока неприятелей, со всех сторон нападавших на них. Сопротивление это только продолжило избиение, так как мусульманам, несмотря на их количество, понадобилось много времени для истребления массы армян. Бойня прекратилась только с наступлением ночи. Солдаты еще продолжали осаду домов, но толпа, утомленная и пресыщенная истреблением, отхлынула... Сотни армянских жен и девиц были опозорены в эту ночь в мусульманских жилищах. В воскресенье утром снова послышался звук трубы, и толпа, возвратившись в армянский квартал, снова принялась за резню. В этот

день кровь текла ручьями, окрашивая улицы и дома, и ниоткуда никакой помощи, никакой жалости. Матери бросались к ногам убийц, кидавшихся на их детей, сестер, братьев, мужей, отдавали убийцам все золото, которое имели, все свое имущество, прося пощадить жизнь близких; но звери топтали бедных женщин и, ходя по их телам, перерезывали их семейства.

В полдень толпа явилась перед собором, куда спаслось до 3000 армян. Через полчаса двери были разбиты, нападающие ворвались туда, но увидали, что пришлось бы им потратить много времени, если бы они захотели убивать армян поодиночке. Последние скопились в таком количестве в храме, что давили друг друга, что дети умирали от задушения. Тогда нападающим пришла страшная мысль. На дворе собора стояло до пятидесяти ящиков с керосином. Турки разливают керосин по церкви и поджигают его, и через немного времени сгорает до 3000 несчастных. Те, которые пытаются бежать, безжалостно зарезываются толпой. Из всей массы армян спасся только один человек, раненный в нескольких местах, пролежавший три дня под трупами. Армянский архиепископ Хорен Мхитариан видит все это ужасное зрелище с крыши своего дома. Он настолько потрясен, что в отчаянии с плачем уходит в свою комнату, перерезывает себе артерии и, обмакнув перо в свою кровь, пишет письмо мутесаррифу. Вы уничтожили мой народ, говорит он; мне, его пастырю, нельзя оставаться на этом свете, я пойду за ним. Ты причина этих насилий и этих строк, написанных кровью, и, так как никто не хочет на этом свете защитить мой народ, я его поручаю богу, заступнику невинных. Архиепископ очень любим и уважаем турками за честность и ученость. Мутесарриф, прочитав это письмо, приходит в смущение, и по совету влиятельных людей сейчас же отправляет врачей к архиепископу, которым удается прибыть вовремя и спасти его. Архиепископ жив до сих пор, хотя и слаб. Число убитых доходит до 10 000 чел. Ежедневно умирает от 25 до 30 человек, тяжело раненных и изувеченных. Ничего не осталось, ни народа, ни пастыря; из восьми священников уцелел только один, протестантский викарий изрезан в куски. Остающиеся в живых находятся в крайней нужде, а палачи еще не насытились (стр. 250—256).

В Трапезунте 26 сентября 1895 г. убивали всех «и кто сдавался, и кто умолял о пощаде, и кто бежал, стари-

ков, детей, молодых людей—все были безжалостно вырезаны, разорваны—около 300 человек в этот день, в том числе несколько женщин. Были турки, убивавшие своих соседей, собратий, друзей. Разъяренные ,они, как звери, крошили даже трупы. Печальное зрелище представляли собою армянские кварталы. Женщины, новобрачные, дети бегают по улицам растерянные, не зная куда. Одни кидаются с высоких стен, другие падают в обморок. Молодые женщины, одной рукой прижимая к груди детей, а другой держась за веревку, привязанную к окнам, спускаются на землю, ежеминутно рискуя разбиться. Старики прячутся в погребах. Ужас велик. Солдаты и разбойники сотнями входят в дома и требуют выдачи мужчин, солдаты стреляют в окна, башибузуки режут и разрывают мужчин на глазах их жен и детей» (стр. 27—28).

Об избиении в Арапгире сообщаются следующие подробности. «Начали убивать, жечь. Испуганные армяне бегут из домов в поле, в горы. Но большая часть попадается на дороге в руки турок и находит себе страшную смерть. Одних кидают в огонь, других вешают головой вниз, как баранов, и сдирают кожу, третьих рубят и режут на куски топорами и серпами, четвертых поливают керосином и сжигают, на последних кладут другие жертвы, которые задыхаются от дыма. Многих зарывают живыми в землю, других обезглавливают и головы их сажают на длинные шесты. Человек по пятидесяти армян турки связывают веревками в одну группу, расстреливают их и трупы их крошат топорами и саблями. Вырывают груди у женщин, четвертуют их, кладут им порох в волоса и воспламеняют его. Беременным женщинам распарывают животы, извлекают зародыш и уничтожают его. Подобные же сцены неизменно повторяются в других местах, например, в Палу, в Сивасе, в Эрзеруме (стр. 41—43), в Кесарее».

Как видно из этих сообщений, в разгроме принимали прямое участие войска, в Урфе 3000 регулярных и 1500 гамидие, в Арапгире 1600 регулярных и редифов, в Байбурде регулярные батальоны, посланные из Эрзингиана, в Харпуте—редифы, в Гуссейнике—полк регулярных солдат, в Сивасе—регулярные войска и жандармы, так же в Эрзруме, в Палу, в Трапезунте, в Сегреде.

Местные власти, светские, духовные, военные в некоторых местах открыто руководят побоищем или же принимают в нем прямое участие. Так, в трапезунтском из-

биении сам вали Кадри-бей лично дает инструкции, кого убивать и призывает к грабежу (стр. 26), в Палу в избиении участвуют каймакам, муфтий, полицейский комиссар, в Байбурде—начальник жандармов, в Урфе—Гасан-паша и начальник военного отряда, в Эрзингиане—чиновники, занимающие великие посты. И в других местах власти обнаружили свое участие именно в подготовке и подстрекательстве к резне, как, например, каймакам (начальник округа, по-турецки каза) в Ахтамаре, военный начальник и член административного совета казы Гуссейн-бей в Палу, там же полицейский комиссар, муллы в Трапезунте (стр.25), муфтий в Гусни-Манзуре (стр. 221). Войска и толпа призываются к избиению, как на войне, звуками военной трубы, так, в Харпуте, в Палу.

Подвергается истреблению главным образом армянское население мужского пола (Трапезунт, Гумухане, стр. 35; Эрзерум, стр. 44). С особенной охотой убивают и заключают в тюрьму людей богатых, наиболее интересных в целях грабежа, негоциантов (Гумухане, стр. 37; Арапгир, стр. 164; Эрзерум, стр. 42—43; Урфа, стр. 258), также людей влиятельных (Харпут, стр. 126; Палу, стр. 201; Гусни-Манзур, стр. 218; Мараш, стр. 236; Урфа, стр. 258). Среди павших насчитывается, как мы увидим, много лиц, принадлежащих к духовенству...

Об усердии убийц красноречиво свидетельствуют следующие рассказы из Харпута. Там Сулейман-бей с братом убили более 300 армян, а Хаджи Бего—около 100 человек (стр. 125—126, 129). Там же один булочник во всеуслышание говорил, что убил 97 армян и хвастался, что доведет эту цифру до ста. О результатах избиения и разгрома можно судить по следующим цифрам: в Мараше 850 убитых и более 500 раненых, более 300 арестованных, в Кесарее до 340 убитых, до 200 тяжелораненых, разграблено до 400 домов и 250 магазинов, в Сивасе было вывезено после избиения на кладбище 450 трупов, число разграбленных лавок доходит до 2000 (стр. 223—224), в Гусни-Манзуре 617 жертв. В Арапгире число убитых доходит до 3000 человек; из 3000 домов осталось только 150 полуразрушенных и разграбленных, в Биреджике убитых считается 3400 человек, в Урфе—до 10 000 человек. В округе Палу число обесчещенных турками женщин и девиц можно считать между 60-ю и 70-ю процентами, не

принимая в расчет тех, которые были похищены турками и насильно сделались их женами (стр. 191).

Дыбом становятся волосы от ужасов, совершенных во время избиений в Урфе, Арапгире и других местах... В Харпуте Хаджи Бего велел разрезать одну женщину на четыре части и выставить их на столбах, в Ахтамаре некто Джевер связал двух братьев веревками, прибил их кольями к земле и таким образом умертвил (стр. 109). В Байбурде чудовища забавлялись тем, что втыкали кинжал в грудь или шею раненых и вращали им там, как буравом (стр. 1). Истязание и истребление мужчин, насилование и издевательство над женщинами—неизменно повторяющиеся инциденты армянских избиений.

III

Руководителями или же подстрекателями движения в некоторых случаях являются, как видели, представители духовенства, муллы, муфтий. Смерть христианам! Слава Магомету!—вот крики, с которыми толпа идет на армян (в Сивасе, стр. 225; в Урфе, стр. 241—242, 250). В Гусни-Мансуре нападающие кричат: «Примите магометанство, не то всех перережем» (стр. 218). В Айнтабе турки говорят: «Увидите, не оставим в живых ни одного гяура» (стр. 257). В Урфе нападающие восклицают: «Если мы не уничтожим гяуров, мы никогда не получим рая», (стр. 246). В Арапгире еще до избиения глашатаи публично объявляли истребление армян, грабеж и сожжение их домов обязанностью детей Магомета (стр. 143—144). Везде, где только было избиение, турки с особенным ожесточением разрушали церковные здания и убивали духовных лиц. Отовсюду несутся вести о сожжении, разграблении и разрушении церквей и монастырей (Битлис, стр, 73, 74, 76; Ахтамар, стр. 105, 108, 110, 112, 113, 115, 116, 118; Харпут, стр. 137; Малация, стр. 177; Мараш, стр. 234—235). В письме из Вана насчитывается более ста двадцати разграбленных церквей и монастырей только в пределах 8 округов (District стр. 97—101). Рядом с этим идет профанация и глумление нападающих над церквами и священными предметами. В Мараше разрушается и оскверняется армянское кладбище (стр. 237). Нередко армянские церкви и монастыри превращаются мусульманами в мечети (в Байбурде, стр. 62; в Битлисе, стр. 74, в Сегреде, стр. 82, в Ахтамаре, стр. 106, 110; в

Гусни-Манзуре, стр. 221). С особенным ожесточением нападающие избивают лиц духовного звания, белое духовенство и монахов, сопровождая убийства истязаниями и глумлением (в Ване, стр. 91; в Ахтамаре, стр. 111—112; в Арапгире, стр. 163; в Мараше, стр. 235), сжигая жертвы живыми (Харпут, стр. 131), сдирая с живых кожу (Ахтамар, стр. 104). В округе Гарджган настоятель монастыря Петрос был разрезан по суставам, ему отрезали язык и покончили с ним после страшных истязаний (стр. 118).

Рядом с разрушением церквей и избиением духовенства идет насильственное обращение армянского населения в магометанство, единичное и массовое (Байбурд, Харпут, Битлис, Арапгир, Гусни-Манзур, стр. 221) Оставшиеся в живых жители целыми деревнями принуждены были принять магометанство и только этой ценой могли себе сохранить жизнь, как, например, жители четырнадцати деревень в Эгине, целые деревни в Ване (стр. 91; то же в Сегреде, стр. 82; в Битлисе, стр. 74; в Ахтамаре, стр. 106). В Арапгире армянское население получает от очень высокопоставленного лица предложение принять магометанство и тем купить себе безопасность. Армяне отвечают отказом и на другой день после этого подвергаются избиению (стр. 165). Отказывающиеся изменить религию немедленно предаются смерти, нередко с истязаниями. В Харпуте шейх предлагает сорока влиятельным лицам из армян, нашедшим себе убежище в церкви, перейти в ислам, и когда те отказались, приказывает перерезать их одного за другим на пороге этой церкви (стр. 126; такие же случаи описаны на стр. 134, 138). Подобные случаи происходили в Эгине (стр.168), в Ченкуге (стр. 210)...

IV

Печальны картины городов и селений, где произошло избиение. В Эрзеруме на другой день после избиения армянское кладбище представляло страшное и раздирающее душу зрелище: виднелись сотни окровавленных, изуродованных, обезображенных до неузнаваемости трупов, наваленных одни на другие, и около них большое количество армян, пришедших с риском быть убитыми по дороге, ищущих своих родных и близких, наклоняющихся над каждым убитым и все-таки не могущих признать

тех, кого искали (стр. 43). В Харпуте, в Палу проезжающие купцы из Алеппо видят по дорогам и по полям сотни женщин, совершенно обнаженных, обесчещенных, искалеченных, мертвых или находящихся в агонии; около некоторых—грудные дети, еще живые (стр. 82—83). Оставшиеся в домах после избиения трупы начинают разлагаться, нестерпимый запах заражает воздух (Палу, стр. 210). Наш город, пишут из Сиваса, теперь развалина. Рынка нет, никто не работает, у рабочих отняли даже инструменты; никто не продает, нет ничего. Все бедны, без дел, без хлеба, без денег, все с ужасом ожидают. Церкви и школы закрыты. Трудно достать какие-либо съестные припасы. Турки, которые отняли все, берут теперь 40 пиастров за то, что стоит десять. Мы в ужасном положении (стр. 226). Вследствие этих страшных несчастий (т. е. избиений и грабежей), сообщают из Малации, бедность и страшный голод дают себя знать; народ, лишенный крова и пищи, принужден нищенствовать ходить из лавки в лавку, из дома в дом, прося сжалиться над собой даже тех, кто вчера еще были его палачами. Улицы переполнены несчастными жертвами, между коими часто видны девушки и женщины, полураздетые, и старики, которые едва движутся. Вследствие суровой погоды много несчастных погибло от голода, и их трупы были находимы в городе и в окрестностях (стр.176—177). Подобные же картины наблюдаются в Ахтамаре, в Арапгире, в Ване, в Битлисе, где были случаи смерти от голода (стр. 79). Отовсюду несутся вопли о голоде и полной нищете армянского населения после разгрома: из Байбурда, из Муша, из Вана, из Ахтамара (стр. 105, 119—120), из Арапгира, из Эгины, из Гусни-Манзура, из Кесареи (стр. 232). Мы не имеем ни дома, ни постели, ни хлеба,—пишут из Трапезунта (стр. 32); в Сивасе те, которым удалось избежать смерти, не имеют ничего: ни денег, ни одежды, ни даже постели (стр.225). Не могу более писать тебе, дорогой сын, говорится в письме отца к сыну, моя рука дрожит от холода, к тому же мы почти три дня ничего не ели (стр. 165). «Большое количество детей,—пишет Хачатур, католикос Ахтамарский,—осталось сиротами; везде встречали неутешных родителей, отыскивающих следы сына или пропавшей дочери» (стр. 105). «У меня убили отца,—пишет женщина из Арапгира,— деда, дядей, дядю моей матери... убили нашего друга Б. и его жену, у них осталось четверо сирот, кото-

рые плачут, зовут мать; убили А. и его жену, после них осталось пятеро детей, двое грудные, но некому их кормить грудью» (стр. 160). Понятно поэтому, что некоторые письма оканчиваются призывом о материальной помощи.

Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1897, с. 48—61.

55. Британский вице-консул в Себастии послу в Константинополе Кэрри

Перевод с английского

Донесение *Токат, 19(31) марта 1897 г.*

19-го числа текущего месяца в Токате население было охвачено тревогой в связи с возможными беспорядками, вследствие чего многие армяне не открыли своих лавок. Это повлияло на тех, кто осмелился открыть торговлю, и они тоже начали закрывать лавки. Полагают, что именно это и послужило толчком к нападению: турки тотчас же начали грабить, не дожидаясь условленного часа, т. е. полудня. Было приблизительно 9 часов утра. Председатель муниципалитета заранее сообщил мутесаррифу об опасности нападения и просил у него солдат, в чем ему отказали. Патрули, обычно начинавшие обход ранним утром, в этот день были высланы позже. В составе одного из патрулей находился заптие-католик. Он разогнал несколько групп вооруженных людей и приказал солдатам разоружить их. На это один из солдат ответил: «У нас нет никаких приказов о разоружении и о вмешательстве вообще». Вслед за этим один из бандитов выстрелил в заптие-католика, ранив его, но не смертельно.

Между тем мутесаррифу несколько раз сообщали, что вспыхнул мятеж. Вместо того, чтобы принять меры, он отправился на базар, где приказал некоторым армянам, закрывшим свои лавки, открыть их вновь; между тем неподалеку шел грабеж лавок и убивали армян. Военный комендант также не принял никаких серьезных мер к восстановлению порядка. Более того, он приказал солдатам убить одного армянина, который, защищая свой дом, выстрелил из револьвера, никого не ранив при этом. По приказу военного коменданта был убит еще один армянин: спасаясь из того же дома, он выпрыгнул в окно и сломал себе ногу.

Большинство армян было убито между 9 и 11 часами утра, но поджоги и грабежи продолжались до вечера. 89 армян было убито, 36 ранено и приблизительно 250 домов разграблено. Сравнительная умеренность этих цифр объясняется тем, что армяне ждали беспорядков, и поэтому многие из них успели укрыться.

Бостанджик—большое армянское селение. Все жители, предупрежденные о неизбежности нападения, бежали. Оставшиеся три старика вместе с девятью другими армянами догнали остальных по дороге.

Дома были разграблены.

Бизерик—турецкое селение, где имеется армянский монастырь и с десяток армянских домов. В этом селении 16 человек было убито, а монастырь и дома разграблены. Среди убитых два священника. Я видел их трупы. Глаза у них выколоты, нос и уши отрезаны, череп у одного из них был рассечен.

Согласно имеющимся у меня сведениям, эти зверства, по-видимому, совершались над жертвами еще при их жизни.

Варай — преимущественно турецкое селение с 5—6 армянскими домами, которые были разграблены, причем 4 армянина убиты.

В турецком селении Курджи было разграблено два армянских дома и 3 армянина убито. Из различных мест этой провинции до меня доходят сведения, что турки там собирались толпами, чтобы напасть на армян, а затем рассеивались; этим доказывается наличие специального приказа.

Я сказал вали, который, понятно, желает преуменьшить факты, что резня, несомненно, была организована и что, принимая во внимание события двух последних лет, есть основания подозревать, что резня была устроена в соответствии с прямыми указаниями. Я добавил, что эти подозрения, несомненно, подтвердились бы, если бы комиссия не пыталась свести все к халатности местных властей или просто скрыть факты. Он ответил, что сделает все для облегчения расследования комиссии, и я не сомневаюсь в том, что некоторые из организаторов резня будут без труда обнаружены.

П. Бюльман

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3183.

56. Британский вице-консул в Себастии послу в Константинополе Кэрри

Перевод с английского
Себастия, 24 марта 1897 г.

Мутесаррифом Токата является Махмуд Назим-паша, военный комендант—Хаки-паша, начальник полиции—Якуб-эфенди, начальник жандармерии—Хусни-эфенди, глава муниципалитета—Латиф-оглу Кер Хаджи.

Тот факт, что резня продолжалась восемь часов, доказывает, что она была организована. В Токате расквартировано пятьсот солдат. По имеющимся у меня сведениям, дело не обошлось без их участия, но даже если бы эти сведения не соответствовали действительности, несомненно, что пятисот солдат было достаточно для пресечения беспорядков, если бы это входило в намерения властей.

Бюльман

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3183

57. Русский вице-консул в Самсуне послу в Константинополе Нелидову

Из донесения *Токат, 27 марта 1897 г.*

По сведениям, которые мне удалось собрать на месте, беспорядки в Токате начались в пятницу 7-го числа после 9 часов и продолжались немного за 11 ч. утра...

В Токате всего убито 98 душ, в числе которых две женщины и одна девочка, и ранено 40 человек. «Бейте их,—говорили злодеи,—их имущество принадлежит нам». Разграблено 18 лавок, 80 лавок поломали... Разграблено было также около сотни домов в более отдаленных окраинах города и принадлежащих людям незажиточным. Из окрестных деревень погибло 33 человека в Чипреке, близ которого находится армянский монастырь, который также был разграблен. В числе убитых находятся два монастырских священника и монастырский дьякон. В Инекинджике перебито 12, а в Бизери—8 человек. Все потерпевшие— армяне.

Это прискорбное происшествие вызвало повсюду сильное брожение в среде магометан, подстрекаемых бо-

лее зажиточными из их среды и магометанским духовенством к избиению армян, и произвело большую панику в среде христианского населения окружающих местностей. В Сивасе, после токатских беспорядков, по полученным мною от прибывших из этого города лиц сведениям, лавки были в течение более двух недель закрыты, и христиане боялись показываться на рынке. По полученным мною перед выездом в Токат известиям из Синопа, такая же паника существовала и там. В Амасии, как мне сообщали в последнем городе, местные софты и муллы в четверг 13 числа пришли на рынок точить ножи, топоры, кинжалы и проч., открыто заявляя, что это делается ими с целью перебить христиан, а местные беи дали приют, говорят, кто шести, кто десяти, а кто и большему числу головорезов с целью поделиться с ними добычею...

Но следует сказать к чести многих других магометан, что они спасли множество христиан, дав им у себя приют, а одна мусульманская девочка 13 лет, прорыв отверстие в стене, построенной из нежженного кирпича, дала возможность перебраться к ней из соседнего дома 15 армянам, при помощи которых снова закрыла отверстие и тем спасла их от грозившей им участи.

Переходя к причинам, вызвавшим беспорядки, осмеливаюсь обратить просвещенное внимание Вашего высокопревосходительства на мое донесение от 15-го минувшего февраля № 41. Критский вопрос и война с Грецией вызвали взрыв фанатизма, который не в малой степени послужил к подготовлению почвы к нынешнему положению края.

К этому следует присоединить и деятельность комитетов младотурецкой партии, работающих заодно с армянскими комитетами, имеющих общие с ними интересы. Они положительно наводнили край противоправительственными журналами и памфлетами и приобрели много поборников их идей в среде полуобразованного местного зажиточного класса. К ним равно присоединилось много таких же полуобразованных членов магометанского духовенства, возбуждающих своими проповедями фанатизм черни. Многие из первых являются прямыми зачинщиками и подготовителями беспорядков и главными их виновниками...

Циммерман

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3185, л. 4—4.

58. Русский посол в Константинополе товарищу министра иностранных дел Ламздорфу

Из депеши № 160 *5 июля 1897 г.*

Константинопольский армянский патриарх обратился ко мне с письмом, в котором излагает всю тяжесть лежащей на патриархии заботы об оставшихся в живых жертвах произведенных в ее пастве избиений.

По словам патриарха, одних сирот осталось около 50 тыс. и столько же приблизительно вдов безо всяких средств к существованию, не говоря уже об общем разорении населения в пострадавших местностях от прекращения торговли и уничтожения сельскохозяйственного инвентаря.

На патриархию, конечно, прежде всего падает задача по возможности облегчить своей пастве перенесение этого ужасного бедствия, спасти существование огромного числа беспомощных существ и затем восстановить разрушенные и пострадавшие церкви и школы. Средства патриархии ничтожны пред объемом принадлежащего ей дела.

Поэтому, основываясь на вековом покровительстве восточным христианам русских государей, патриарх умоляет о том, чтобы всемилостивейше разрешенный сбор в пользу армян, бежавших в пределы России, высочайшим повелением распространен был и в пользу без сравнения более многочисленного числа несчастных, оставшихся в пределах Турции...

Я полагал бы, что весьма уместно было бы нам, в ответ на прямо обращенную к императорскому правительству просьбу патриарха, оказать со своей стороны содействие, в той или другой форме...

Нелидов

АВПР, Политархив, д. 3450, л. 24.

59. Вице-консул в Ване послу в Константинополе Зиновьеву

Из донесения № 12 *24 января 1898 г.*

Имею честь представить при сем Вашему высокопревосходительству на отдельном листе «Сведения об изменении в составе и численности населения в селениях Ван-

ского вилайета вследствие бывшего в 1895—1896 годах избиения армян и последовавшей эмиграции армян в Россию» пока для двух каз: Адильджеваз и Арджиш.

По-видимому, это суть те две казы, в которых наиболее чувствительно изменился теперь состав населения по сравнению со временем, предшествовавшим беспорядкам 1895—1896 гг.

Хотя означенные сведения, полученные путем простых расспросов, здесь, в Ване, у разных лиц, и не могут претендовать на безусловную точность, однако, так как для расспросов выбирались такие лица, которые по своим обязанностям часто навещают селения и потому могут знать обстановку, то я, имея к этим лицам доверие, считаю, что, в смысле характеристики положения, сведения эти имеют ценность. Ездить мне теперь, зимою, самому по селениям для проверки этих сведений нет никакой возможности, а с другой стороны, для проверки этих сведений по прежним наблюдениям ванских вице-консулов у меня нет здесь, в ванском вице-консульстве, решительно никаких данных. Вопрос же об изменении состава населения, поскольку в таком изменении наблюдается общее течение турецкой внутренней политики, мало того, что весьма интересен, но имеет для нас практическую важность именно при заблаговременном его освещении, хотя бы и на основании не безусловно точных числовых данных...

Прилагаемые сведения показывают весьма убедительно как на разрежение армянского населения, так и на фильтрацию в него курдов. В этих цифрах видна система, т. е. проведение в жизнь определенной программы...

СВЕДЕНИЯ

изменении в составе и численности населения в селениях Ванско-
вилайета вследствие бывшего в 1895—1896 гг. избиения армян
оследовавшей эмиграции армян в Россию.
ния первая: казы Адильджеваз и Арджиш.

№№ п/п	Название селения	Было до событий 1895—1896 гг. Число дворов				Имеется в январе 1898 г. Число дворов				Примечание
		армян	несто-риан	курдов	турок	армян	несто-риан	курдов	турок	
2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Норшен	40	—	—	—	4	—	8	—	
2	Хекясор	15	—	—	—	6	—	4	—	
3	Пешнекемюр	45	—	—	—	—	—	—	—	
4	Казух	75	—	—	—	15	—	5	—	Разру-шено
5	Ашагы Сипан	15	—	—	—	4	—	10	—	
6	Иокары Сипан	40	—	—	—	10	—	10	—	
7	Норшенджик	30	—	—	—	5	—	10	—	
8	Анушахпюр	10	—	—	—	—	—	—	—	
9	Коджерен	20	—	—	—	20	—	4	—	
10	Гузель	8	—	—	—	6	—	2	—	
11	Хоранц	50	—	—	—	35	—	5	—	
12	Арен	100	—	—	—	80	—	10	—	
13	Паркат	12	—	—	—	12	—	2	—	
14	Аранчкус	50	—	—	—	40	—	5	—	
15	Арчра	50	—	—	—	45	—	5	—	
16	Каракешиш	35	—	—	—	28	—	5	—	
17	Вишкацрук	10	—	—	—	10	—	3	—	
18	Зареклу	40	—	—	—	15	—	20	—	
	Итого:	645	—	—	—	335	—	—	108	
1	Арджируниц ванк	15	—	—	—	—	—	5	—	
2	Джудгах	40	—	—	—	5	—	10	—	
3	Зайзак	40	—	—	—	2	—	20	—	
4	Аксерай	120	—	—	—	15	—	50	—	
5	Матаванк	40	—	—	—	—	—	10	—	
6	Канзак	60	—	—	—	—	—	20	—	
7	Армизанк	50	—	—	—	—	—	15	—	
8	Панов (Пани)	40	—	—	—	—	—	—	—	Разру-шено
9	Дилан	50	—	—	—	—	—	10	—	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
	10	Эспсинск	50	—	—	—	—	—	15	—	
ж	11	Кинапирвенк	15	—	—	—	—	—	5	—	
	12	Портах	40	—	—	—	—	—	10	—	
	13	Ороран	25	—	—	3	8	—	—	3	
	14	Пулурмак	60	—	—	13	30	—	—	13	
и	15	Харген	20	—	—	15	15	—	—	15	
	16	Кадраскар	15	—	3	—	15	—	3	—	
	17	Соскун	70	—	8	—	70	—	6	—	
ш	18	Сельман-ага-Киписа	15	—	—	5	12	—	—	5	
	19	Кертис	4	—	10	—	4	—	10	—	
	20	гор. Аганис (адм. центр казы) *	150	—	—	150	120	—	—	150	
		Итого:	919	—	21	186	291	—	189	196	

Означенные выше сведения получены путем расспросов у лиц, которые вследствие частых посещений селений имеют возможность знать положение. На безусловную точность сведения эти претендовать не могут.

Гиппиус

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 1584, л. 32—34.

60. Русский генеральный консул в Бейруте послу в Константинополе Зиновьеву

Выдержка из донесения № 149 *23 июля 1898 г.*

Несмотря на многократные обещания турок не преследовать армян за то лишь, что они армяне, преследования эти продолжаются на всем пространстве Оттоманской империи, и Высокая Порта продолжает одобрять действия местных властей, не перестающих, под разными предлогами, притеснять мирных армян, с целью добиться от них, путем вымогательства, побольше денег, или же, как утверждают некоторые лица, с целью заставить армян выселиться и очистить место новым поселенцам...

Лишин

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3197, л. 279.

---

* Здесь в 15 домах были обращения армян в мусульманство, в каждом доме по 1, по 2 или по 3 человека.

61. Генеральный консул в Бейруте послу в Константинополе Зиновьеву

Донесение *12 сентября 1898 г.*

С некоторого времени здесь распространяются слухи о вербовке мусульман для заселения земель, принадлежавших убитым или убежавшим от погрома армянам в Эрзерумском, Битлисском и Ванском вилайетах.

Несмотря на отрицательные уверения местных турецких властей, мне кажется, что приглашение мусульман переселиться в пограничные с Россией турецкие области действительно существует. Мера эта будто бы предписана из Константинополя.

Переселенцам обещают большие льготы: освобождение на десять лет от воинской повинности, даровой проезд, даровой земельный надел (из армянских, т. е. удобных и сравнительно хорошо обработанных земель) и денежное вспомоществование во время пути и в первые три месяца по водворению на месте, в размере 3-х пиастров для мужчин, 2-х пиастров для женщин и 1-го пиастра для детей ежедневно.

По слухам, проживающий в Бейруте влиятельный шейх Абдурахман Нахас вербует мусульман, желающих отправиться в Армению. Указывают несколько лиц, записавшихся в число переселенцев...

К. Лишин

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3182, л.144.

62. Русский посол в Константинополе министру иностранных дел

Выдержки из депеши № 251 *2(14) октября 1899 г.*

Армянское население Турции продолжает подвергаться систематическому гонению со стороны правительства, гонению, проявляющемуся преимущественно в исключительных полицейских мерах, принимаемых относительно армян.

В турецких тюрьмах томятся многочисленные армяне, заподозренные некогда в причастности к происках революционных комитетов, несмотря на то, что про-

тив большинства из них не существует никаких сколько-нибудь убедительных улик. Подозрения в таковых же происках служат нередко и в настоящее время поводом к арестам между армянами.

Всевозможные препятствия чинятся переездам армян в пределах Оттоманской империи.

Как только из провинции или из-за границы приезжает в Константинополь армянин, его немедленно забирают в полицию и держат там, пока он не заручится удостоверением константинопольского армяно-григорианского патриарха в своей благонадежности. Даже и такое удостоверение не всегда служит гарантией против обратной высылки армян на места их жительства.

Таковые же меры принимаются и в провинциях.

В Самсуне и Трапезунде арестовано было недавно до ста молодых армян, учащихся в различных константинопольских школах и которые, проведя вакационное время у своих родственников, живущих в Анатолии, намеревались вернуться в столицу...

Таковое положение дел, губя благосостояние армянского населения, отзывается не менее неблагоприятно и на интересах Турции, где армяне издавна составляют наиболее деятельный торговый элемент. Но, несмотря на это, султан упорно держится принятой им политики...

Зиновьев

АВПР, Политархив, д. 3452, л. 76.

63. Секретарь Генерального консульства России в Эрзруме послу в Константинополе Зиновьеву

Из донесения *19 июля 1900 г.*

В дополнение к секретной телеграмме моей от 17-го сего июля имею честь довести до сведения Вашего высокопревосходительства, что сообщенное мною в ней известие об избиении армян деревни Спаганк (Spaghank) в Сасуне вполне подтвердилось, хотя власти положительно и отрицают это, и я конфиденциально получил подтверждение этого из турецкого источника...

В. Н. Шаховской

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3197, л. 320.

64. Секретарь Генерального консульства в Эрзруме послу в Константинополе Зиновьеву

Донесение № 207 *29 августа 1980 г.*

В дополнение к донесению моему от 19-го июля сего года за № 183 по поводу избиения армян в селении Спаганк Сасунского округа имею честь довести до сведения Вашего высокопревосходительства, что на этих днях приехала сюда и уже выехала дальше в Битлис специальная комиссия...

Но, по полученным мной конфиденциальным сведениям, из Константинополя же секретно отправлено какое-то высокопоставленное лицо, которое тоже должно проехать в Сасун. Это лицо на днях будет в Эрзеруме, но мне еще не удалось узнать его имени и положения.

Что же касается вышеупомянутой комиссии, то нельзя ожидать каких-либо результатов от ее расследований, так как избиение в Спаганке, как это теперь выяснилось, произошло по непосредственному приказу из дворца непосредственно ферику Али-паше, коменданту Битлиса, который сам сказал: «Не я сделал это избиение, приказ сделал его».

Битлисские власти стараются теперь замять это дело и для этого насильно заставляли армянского мураххаса в Битлисе подписать мозбашу, которая гласит, что все слухи об избиении в Сасуне ложны или преувеличены и что только несколько разбойников убито в Спаганке. Армянский мураххас отказался подписать означенную мозбашу, и, так как подвергался угрозам со стороны местных властей, был вынужден уехать из Битлиса в Эрзерум, чтобы избежать преследований властей.

События в Спаганке, равно как и всяческие притеснения, которым подвергаются живущие в горах армяне, все более и более подтверждают составившееся мнение, что турецкое правительство хочет во чтобы то ни стало заставить горных армян Сасуна, в частности, покинуть свои места оседлости в горах и переселиться в долину Муша, вообще же заставить армян эмигрировать из Малой Азии и заселить покинутые армянами места курдами; оно надеется достигнуть этого, терроризуя армянское население и подвергая его всяческим

притеснениям. Хронически повторяющиеся за последние годы в районе армянской оседлости местные избиения, на которые обращалось мало внимания, ясно доказывают, что турки только ищут малейшего благовидного предлога, чтобы наброситься на армян какой-либо местности, и таким предлогом обыкновенно является донос о нахождении федаев в какой-либо деревне.

Шаховской

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3197, л. 318.

65. Из донесения русского консула в Трапезунде послу в Константинополе Зиновьеву

4 ноября 1900 г.

Меры по взысканию недоимок отличаются особенной строгостью в пределах Эрзерумского вилайета. При полном отсутствии всяких промыслов и заработков внутри страны, разоренные и лишенные последнего куска хлеба армянские семьи устремились для спасения от голодной смерти в Трапезунд и в окрестные селения. Особенно возмутительным представляется тот факт, что конфискации подвергается имущество не только семейств армян, убитых в 1895—1896 годах, но также и тех, отцы и сыновья коих находятся в России и не могут вернуться на родину вследствие разосланного в прошлом году всем валиям строжайшего предписания о безусловном недопущении обратного возвращения из наших пределов турецких армян без различия сословий и состояния.

Поддержка 100 семейств этой категории, прибывших в Трапезунд преимущественно из Байбуртского округа Эрзерумского вилайета, особенно пострадавшего в 1895 году, еще более увеличила крайне стесненное материальное положение здешней армянской общины, насчитывающей ныне в числе своих членов весьма незначительное число состоятельных людей...

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3197, л. 323.

68. Вице-консул в Самсуне послу в Константинополе Зиновьеву

Из письма № 374 *Самсун, 12 сентября 1901 г.*

...Самсунское армянское население крайне растревожено опять известиями, распространившимися на днях, о происходивших недавно— во внутрь страны, а именно в Халебском, Эрзерумском и Битлисском вилайетах— беспорядках и о будто бы резнях близ Сасуна и Вана.

В нашем санджаке, хотя и все обстоит, так сказать, благополучно, все-таки следует заметить, что со времени первых армянских неурядиц положение несчастных армянских поселян стало с каждым годом ухудшаться, и продолжающееся постоянно сурово-притеснительное обращение к ним турецких властей (при взимании в особенности бесчисленных налогов, лежащих на них тяжелым бременем) довершает их бедствие.

За последние 10 лет из этого санджака много армянских крестьян выбыло за границу и более не возвращалось. Большая часть их проследовала в нашу сторону, и поселились они вдоль кавказского прибрежья.

В 1890 году во всем санджаке считалось еще более 22 000 армян, тогда как в настоящее время их всего около 12 000 человек, которых распределяют следующим образом по городам:

В Самсуне	2500	чел.
В Чаршамбе и окрестных деревнях . .	7200	
В Терме, Уние, Фаше и окрестных деревнях	1500	
В Бафоре и окрестных деревнях .	800	
Итого	.12000	человек

Всего армянских деревень в санджаке ныне насчитывают 30, в каждой от 50 до 70 дворов.

Джиудичи

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2232.

67. Из депеши русского посла в Константинополе Зиновьева в Министерство иностранных дел России

Буюкдере, 20 сентября (3 октября) 1901 г.

Донесением от 31 августа (13 сентября) № 200 я имел честь довести до сведения императорского министерства, что, вследствие дошедших до меня слухов относительно вновь воздвигнутых на малоазиатских армян гонений, я счел необходимым предложить вице-консулу нашему в Ване посетить Муш и Сасун для проверки означенных слухов.

Из только что полученного мною от колл. сов. Туманского донесения от 29 августа, копия с коего будет непосредственно представлена им в Первый департамент вверенного Вашему сиятельству Министерства, оказывается, что дошедшие до меня сведения нисколько не были преувеличены.

Прибыв в селение Могунк, расположенное в Мушской долине, г. Туманский лично убедился, что оно было разорено и выжжено...; что до 60-ти человек местных армян было арестовано по распоряжению мушской администрации и что во всем селении осталось налицо всего 5 человек мужчин.

Помимо этого, из собранных г. Туманским сведений оказывается, что с января текущего года в мушских и сасунских селениях убито 64 человека армян, ранено 18 человек...

По прибытии в Муш, наш вице-консул застал город в тревожном состоянии, вследствие чего и решился поднять над своим помещением вице-консульский флаг. Мера эта подействовала внушительно на местное турецкое начальство...

Из совокупности собранных г. Туманским сведений должно заключить, что турецкое правительство сознательно стремится или избавиться от армян, или же поставить их в такое положение, в котором они обратились бы в безмолвных рабов. В этих видах предпринимаются, между прочим, меры с целью принудить армян выселиться из сасунских гор, где они имели возможность защищаться от разбойничьих набегов, в долину Муша. Я не замедлю обратить самое серьезное внимание султана и его правительства на положение дел в Мушском санджаке...

АВПР, Политархив, д. 3454, л. 36.

68. Из донесения русского вице-консульства в Ване в Посольство в Константинополе

27 ноября 1901 г.

Российский вице-консул в Ване, распоряжением императорского посла в Константинополе командированный в минувшем августе месяце в Муш и Сасун для проверки доходивших слухов о новых насилиях турок над тамошним армянским населением, воочию убедился, что положение христианского населения названной местности представляется крайне тяжелым.

Убийства, грабежи и насилия, коим подверглись армяне, начались с января текущего года и, повторяясь почти каждый месяц, закончились в июле полным погромом селения Могунк в Мушской долине, где по подозрению в убийстве одного мусульманина почти все мужское население было заключено в тюрьму, и турки, воспользовавшись этим, сожгли сложенный для молотьбы армянский хлеб и большую часть принадлежавших армянам домов. Тревога, овладевшая христианским населением Мушской долины вследствие указанных событий, была настолько велика, что колл. сов. Туманский счел необходимым, по прибытии своем в Муш, поднять российский флаг. Эта мера, а равно проявленная российским вице-консулом решимость не оставлять Муша впредь до окончательного восстановления порядка, несколько успокоили армян.

В оправдание своих злодеяний турки указывают обыкновенно на необходимость бороться с армянскими революционерами. Подобное утверждение неосновательно. Революционное движение в собственном смысле этого слова под влиянием жестокого урока 1894—1895 гг., по-видимому, затихло в Армении. Между тем ссылка на происки революционеров доселе служит основою преследований армян, и в глазах турецкой власти совершенно достаточная для оправдания заведомых насилий мусульман над христианами. Если из среды последних действительно выходят люди, готовые на борьбу с турками, то это вполне объясняется чувствами личной ненависти и мести, вызванными в армянах совершаемыми по отношению к ним преступлениями.

Положение армянского населения в крае совершенно

бесправно. Турецкие власти не только ничего не делают, дабы обеспечить их личную и имущественную неприкосновенность, но открыто поощряют нарушение таковой...

Состав местной турецкой военной администрации крайне плох. Особенно вредное влияние в делах вилайета оказывает командир расположенного в окрестностях Муша IV корпуса Зеки-паша, открыто поощряющий насилия над армянами и противящийся всякой попытке других органов власти хоть немного упорядочить местное управление.

АВПР, Политархив, д. 3454, л. 58.

69. Из речи Жана Жореса, произнесенной 15 февраля 1903 г. в Париже

Перевод с французского

Здесь собрались ораторы и представители всех партий, и это обстоятельство достаточно убедительно свидетельствует о том, что армянский и македонский вопросы в данный момент являются теми основными проблемами, в разрешении которых может и должно проявиться единодушие всего человечества, всех цивилизованных стран; настало время призвать мнение Европы сдвинуться наконец с мертвой точки!..

За позицию, принятую семь лет назад в армянском вопросе великими державами, и мы, и Европа расплачиваемся теперь теми трудностями, которыми чреват македонский вопрос. Это затянувшееся безразличие, эта длительная неосведомленность, поистине, оказались величайшим преступлением, которое замело следы чудовищных убийств...

Напрасно та или иная держава хвастает своей железнодорожной концессией в Малой Азии, а другая— эксплуатацией причалов Константинополя. Когда перед нами начинают похваляться подобными достижениями, чтобы заставить нас все предать забвению,— я невольно вспоминаю о том, как свыше века тому назад, в одном из споров о рабстве великий Вильберфорс истолковал стихи Шекспира: «Здесь запах крови, который не могли бы заглушить все благовония Аравии!»

Но если это безмолвное и пассивное сочувствие Ев-

ропы было великим преступлением, оно в то же время было и большой ошибкой, ибо, если мы сейчас стоим перед жгучей, преисполненной опасностей македонской проблемой, которая завтра может втянуть нас в пожар войны, то это потому, что наше поведение по отношению к Армении семь лет назад поощряло султана к тем преступлениям и беззакониям, которые всегда вызывают мятежи...

Посмотрите, как логично и с какой прозорливостью убийцы Македонии, уже стоящие наготове, делают свои выводы из безнаказанности виновников резни армян. В Армении избиения совершались не только регулярными войсками или разбойниками, спешно переодетыми в жандармов, но, что еще хуже, они явились следствием зверских инстинктов населения. Прочтите письмо нашего консула в Салониках г. Стеега от 28 октября 1902 г., и вы увидите, что в настоящее время в Македонии в ходу все те же разговоры: «Мы тоже можем освободить султана от тех, кто ему в тягость, сделав то, что было сделано в Армении». И то, что назревает сейчас в Македонии, аналогично тому, чему преступная и неблагоразумная Европа попустительствовала в Армении, — это подготовка к массовому убийству...

Необходимо быстрое вмешательство объединенной Европы, чтобы провести требуемые реформы и к тому же— реформы значительные. Для того, чтобы это вмешательство было эффективным, необходимо предотвратить недоразумения. Нет, мы не хотим войны против ислама, и если в Армении и Македонии мы хотим защитить христианские народности, то это отнюдь не потому, что они христиане... Тут и речи не может быть о религиозном крестовом походе: нам хорошо известно, что реформы и гарантии, которые мы требуем для порабощенных христианских народностей, должны постепенно вводиться и для самого турецкого народа. Он уже и сам страдает от совершаемого им угнетения так же, как и народы, которые он угнетает.

То, что мы имеем право требовать,— к этому вынуждают Европу право и ее долг,— это, чтобы турецкое правительство предоставило и полностью сохранило всем своим народностям, расам и их религиям элементарную безопасность, свободу и достоинство, которые обеспечили бы возможность одновременного

развития различных рас и религий без какого-либо притеснения и взаимного поглощения. Нельзя допустить, чтобы смертоносное кровавое варварство разрешило бы проблему путем уничтожения части народов...[11]

Pour l'Arménie et la Macédoine. Préface de Victor Bérard. Introduction de Pierre Quillard. Rapport de Francis de Pressensé. Paris, 1904, p. 43–46.

70. О резне армян в Унане 5 февраля 1904 г.

Перевод с французского
Муш, 28 февраля 1904 г.

Деревня Унан, расположенная на расстоянии полутора часов езды от Норашена, была полностью разрушена. Убийства совершались с утонченной жестокостью.

Что касается женщин, их похищали независимо от возраста...

Pour l'Arménie et la Macédoine. Paris, 1904, p. XXI–XXII.

71. О событиях в Муше—Сасуне в 1904 г.

(Корреспонденции, напечатанные в европейской прессе)

Перевод с французского

1. Муш (через Софию), 31 января 1904 г.

В течение зимы власти усилили жестокости и притеснения против армян. Чтобы придать своим действиям законный вид, чиновники всех рангов прибегают ко лжи. Так, в последнее время был пущен слух, будто армяне Мушской равнины продают все свое имущество, чтобы приобрести себе оружие. Правительство воспользовалось ложью, которую оно само распространило, и полицейский комиссар Хусни был направлен в равнину для расследования дела. Хусни побывал в главных деревнях и после длительного и бесплодного турне не нашел никаких доказательств и, тем не менее, по возвращении в Муш, он заявил в своем отчете, что армяне вооружились. Теперь правительство готовится произвести обыски в деревнях равнины, и это

дает основание предположить, что вскоре будут совершены новые зверства. Турецкая толпа и без того чрезмерно возбуждена из-за мирной победы фидаев Сасуна. В Константинополь неоднократно поступали телеграммы для получения разрешения применить *крайнее средство,* т. е. убивать. Приказ получен, но он предписывает ждать до наступления весны. Чтобы оправдать намечаемую резню, военный комендант распространил другую ложь: будто фидаи собираются спуститься на равнину, чтобы напасть на турецких солдат.

2. София, 12 марта 1904 г.

В округе Муша положение серьезное вследствие того, что взимание налогов сопровождается насилиями и страшными жестокостями. Приведенное в отчаяние население Унана вынуждено было оказать сопротивление. Паника распространилась до Муша, где магазины остаются закрытыми в течение шести дней. Правительство распорядилось послать одну дивизию 4-го армейского корпуса против армян, бежавших в горы Сасуна.

3. Вена (через Тифлис), 22 марта 1904 г.

5 февраля, в 4 ч. утра, вооруженная толпа мусульман, поддерживаемая регулярными войсками, ворвалась в деревню Унан. 120 домов было ограблено и сожжено. Маленькие девочки и женщины, в том числе роженица, были похищены; множество маленьких детей было закопано живыми в снег или брошено в колодцы, куда бросили также старика по имени Грант. Мужчины были убиты с неслыханной жестокостью. Число жертв пока не известно.

4. Битлис (через Константинополь), 30 апреля 1904 г.

Согласно официальным сообщениям, в районе Сасуна произошли серьезные сражения между войсками и армянскими повстанцами численностью 2000 человек, многие из которых пришли из России и Персии. Войска потеряли 20 человек убитыми и 23— ранеными. Потери повстанцев неизвестны. Нормальная жизнь приостановлена. Цены на продукты питания поднялись

вдвое. Армянскому населению угрожает голод. Несмотря на это, сборщики налогов занимаются вымогательством, а власти принуждают население подписывать адреса благодарности.

5. Тифлис, 15 мая 1904 г.

Все армянские деревни Мушской равнины заняты регулярными турецкими войсками, совершающими всяческого рода зверства и насилия. Христианское население, в поисках убежища, массами убегает в горы Сасуна, окруженные войсками и башибузуками. Отсюда началась целая серия кровопролитных боев между сасунцами и правительственными силами. 31 марта (13 апреля) сасунцы вместе с отрядами «Федерации армянских революционеров» силой отбили атаку осаждавших, причинив им большие потери. 10/23 апреля губернатор Битлиса прибыл вместе с несколькими тысячами регулярных войск и курдов, сопровождаемый мушским и битлисским армянскими епископами. Несмотря на присутствие епископов, деревня Шеник была захвачена и сожжена. Затем они направились в сторону Семала. Однако сасунцы, предводительствуемые Грайром, отбросили их, убив несколько десятков человек. Тогда 12/25 апреля, по приказанию губернатора, настоятель монастыря Сурб Аракелоц вместе с битлисским и мушским епископами, снабженные письмом армянского патриарха, вернулись в Семал, с целью обязать сасунцев покориться. Но это был лишь маневр, т. к. 13/26 апреля, в то время, когда предводители армян, покидая вершину, шли навстречу комиссии, чтобы вступить с ней в переговоры, в Гехашене губернатор отдал приказ о нападении на сасунцев, чтобы внезапно захватить их руководителей. План этот не увенчался успехом; руководителям и жителям удалось уйти за тот промежуток времени, когда Семал и Даштон были заняты, разрушены и преданы огню артиллерийской батареей. Преследуя жителей, войска пошли на Гелиегузан, где они натолкнулись на жителей-армян, прибежавших сюда отовсюду и успевших сгруппироваться. Завязалась кровопролитная битва. Турки были побеждены и отброшены, оставив на поле боя 136 убитых, множество раненых и большое количество вин-

товок. У армян было 7 убитых, в том числе их предводитель Грайр, и 8 раненых. 14/27 апреля губернатор получил подкрепление. Ожидаются новые сражения.

6. Муш (через Тифлис), 22 мая 1904 г.

Вот новые подробности о резне в Сасуне 22 апреля. После того, как Гелиегузан был занят и подвергнут резне, уцелевшие бежали в четырех направлениях: в сторону гор Андока, Кепина, Каджика и Мушской равнины, но, преследуемые войсками, они были застигнуты в своих убежищах и после героического сопротивления уничтожены, когда кончились все боеприпасы. Талворик, где собрались жители 12 деревень, осажденный с начала апреля месяца, сопротивлялся до 6 мая и пал после того, как подошло подкрепление. Резня была жестокая и страшная. Башибузуки совершили неслыханные зверства. Женщины были похищены, им вырезывали грудь, вспарывали животы, детей сажали на кол, стариков дробили на части. Молодых девушек уводили в бесчисленном множестве. Район Сасуна полностью разрушен и опустошен... Равнина Муша также является ареной избиений. Начиная с 5 мая, турецкие войска стерли с лица земли одно за другим селения в районах Бердаха, Мкрагома, Аликрпо, Авазахбюра, Арниста. Число убийств растет со дня на день. Ужас и отчаяние не поддаются описанию...

7. Муш (через Вену) 29 мая 1904 г.

В Сасуне и его окрестностях 45 деревень было разрушено. В течение восьми дней сасунцы на вершинах Талворика героически оборонялись против 14 батальонов регулярных войск и 7 тысяч курдов...

Вали Битлиса, который лично командовал солдатами и курдами с тем, чтобы сделать невозможным для европейских консулов констатировать на месте совершенные солдатами жестокости и установить число жертв, приказал разрезать трупы на куски и бросить их в реку. Идущие из Диарбекира путешественники рассказывают, что они видели на берегах Тигра много частей человеческих тел, выброшенных рекой на берег. До 14 мая в течение десяти дней 200 армянских повстанцев храбро защищались между Талвориком и Гелиегу-

заном против превосходящих сил. Им удалось навести мост, чтобы дать пройти 150 семьям. В это время из Муша прибыли турецкие подкрепления с артиллерией. Из 300 семейств, за исключением 22 человек, все остальные— женщины, дети и старики— были вырезаны. Вали вернулся в Муш. Он собрал всех старшин и нотаблей армянских деревень и заставил их подписать благодарственные адреса султану.

8. Муш (через Женеву), 8 июня 1904 г.

После многодневной бомбардировки и ожесточенного сопротивления армян турецкие войска завладели Гелиегузаном, где укрывалось армянское население сорока пяти сожженных деревень; восставшие, предводимые Андраником[12], отступили с боем к вершине Талворика. Тысячи женщин, детей и стариков, которые не смогли следовать за ними, были безжалостно вырезаны. В настоящее время Талворик бомбардируется османскими войсками. Восставшие, изолированные от остального мира, сопротивляются. Вся долина Муша терроризована, несмотря на присутствие консулов...

9. Константинополь, 9 июня 1904 г.

В отчетах французских, русских и английских консулов о событиях в Сасуне сообщается о том, что в результате последних волнений среди армян имеются три тысячи жертв.

Sassoun et les atrocités hamidiennes. Interpellation. Les atrocités. Rapport officiel. Genève, 1904, p. 27–32.

72. Письмо Жана Жореса председателю международной конференции в Лондоне, посвященной положению на Ближнем Востоке (июнь 1904 г.)

Перевод с английского

Дорогой сэр! Я очень сожалею, что в настоящее время не могу приехать в Лондон, но я снова уверяю Вас в том, что хочу присоединиться к чувствам людей цивилизованного мира и протестовать против того отвратительного режима, которому подвластны армяне, и

против продолжающейся безнаказанности тех, кто ответствен за это великое преступление.

Я надеюсь, что эти повторяющиеся протесты увенчаются успехом, если пробить толстую шкуру эгоистичных и бессердечных людей и принудить державы к активной гуманности, пробудив в них чувство стыда. Примите уверения в моем сочувствии Вам и всем тем, кто вместе с Вами поддерживает благородное дело, против которого, из-за дикого страха, сосредоточилось так много страстей[13].

Report of the International Conference on the Situation in the Near East Held in London on 29-th June, 1904, London, 1904, p. 28.

73. Армянский католикос Хримян Николаю II

Эчмиадзин, 1 июля 1904 г.

Сердце у меня надрывается при мысли о том, за что терпит столько мучений народ, мирный и верноподданный, который своим миролюбивым характером, трудолюбием и преданностью заслуживает покровительства и одобрения со стороны своего правительства, а не кары и все новых мучений.

Мольба моя относится к пастве моей в пределах Турции, доведенной ныне, под игом мусульманства, до крайне бедственного положения и отчаяния. Впервые в 1878 году, на Берлинском конгрессе, молящий глас несчастной паствы моей был обращен к великим державам Европы. Я, как старейший архиепископ и бывший патриарх константинопольский, близко знакомый с положением моего народа, взывал тогда к милосердию великих держав— Англии, Франции, Германии, Австрии и Италии, а товарищ мой архиепископ Хорен Нар-бей имел счастье представиться блаженной памяти царю-освободителю императору Александру II и повергнуть к стопам его мольбы многострадального армянского народа о заступничестве. Результатом этой просьбы явилась статья 61 Берлинского трактата, имеющая целью облегчение участи турецкоподданных армян.

Не смею беспокоить В. и. в. многословием, но и не могу скрыть истинное положение вещей, ибо за последнюю четверть столетия положение мирного армян-

ского населения в Турции не только не облегчилось, но значительно ухудшилось. Упомяну лишь о несчастных событиях 1895 и 1896 гг., подлинные сообщения о коих мною своевременно были препровождены министру иностранных дел Вашего и. в. К великому прискорбию моему, нечто подобное названным событиям повторяется теперь в Сасуне и Муше, в пределах Битлисского вилайета, и можно опасаться, что бедствие это примет обширные размеры и распространится на другие области, населенные армянами...

Ныне всеподданнейше вновь прошу о заступничестве Вашего величества, будучи глубоко убежден, что одного великодушного слова Вашего достаточно для того, чтобы положить конец всем грубым насилиям, всем бедствиям несчастной паствы моей в пределах Турции.

При этом считаю долгом всепокорнейше довести до сведения Вашего величества, что мною поручено архиепископу Иосифу, начальнику американской армянской епархии, и архиепископу Сааку, начальнику персидско-индийской армянской епархии, ходатайствовать от моего имени при дворах других держав, подписавших Берлинский трактат, о воздействии на турецкое правительство в видах обеспечения армянского населения...

ЦГИА Арм. ССР, ф. 56, д. 338, л. 27—28.

74. Сообщение о положении армян в Ванском вилайете

Перевод с французского
Женева, 19 января 1905 г.

Из Вана, через Тавриз, по телеграфу сообщают, что турецкие власти раздают оружие мусульманскому населению.

В районе Карчкана организована банда под командованием Муса-бея, прославившегося своими жестокостями. В Гаргаре турецкие солдаты применили насилия. В Ехегисе было похищено пять женщин. Взимание налогов стало невыносимым.

„Pro Armenia", 1 février 1905, № 103, p. 654, Paris.

75. Из письма европейского путешественника о положении армян в Киликии

Перевод с французского
Алеппо, 5 марта 1906 г.

Аресты армян продолжаются. Недавно были доставлены сюда лица, арестованные в Зейтуне, Мараше, Адане и Хаджине.

Положение армян, в особенности зейтунцев, плачевное. Военный комендант Зейтуна только что скончался. Он был причиной арестов...

Новый губернатор Алеппо Назым-паша настоящий палач: это он дает приказания арестовывать политических обвиняемых и доставлять их в Алеппо с тем, чтобы он сам судил их...

*Pro Armenia,, 5 mai 1906, № 183, p. 893.

76. Русский генеральный консул в Эрзруме послу в Константинополе Зиновьеву

Выписка из донесения № 315 *21 июля 1906 г.*

В начале июля близ Каракилисы было задержано турецкой пограничной стражей 11 армянских семейств, бежавших из Мушского санджака и пытавшихся перейти в Россию. По задержании все мужчины, в числе 16 чел., были зверски зарезаны солдатами, женщины и дети отправлены в тюрьму в г. Хасан-Кале.

Нет сомнения, что эрзерумским валием не будет ни начато расследование убийства, ни принято мер взыскания по отношению к совершившим преступление пограничным солдатам.

Вообще при настоящем управлении вилайетом можно ожидать и более вопиющих фактов насилия и произвола со стороны властей, т. к. Ата-бей не допускает никаких жалоб на своих подчиненных, строго преследуя всякую попытку в этом отношении.

Где дело идет о христианах, вместо самой элементарной справедливости Ата-беем проявляется лишь постоянное стремление беспощадно преследовать как самих христиан, так и всякого, выступающего в их защиту; и это, по-видимому, объясняется не столько его фана-

тизмом, сколько желанием упрочить свое положение по отношению к Йлдызу, в котором всей прежней деятельностью, нередко граничившей со шпионством, он создал себе репутацию ревностного исполнителя всех тайных намерений султана.

Скрябин.

АВПР, Политархив, д. 3456, л. 12.

77. Сообщение о насилиях турецких солдат в Баязете

Перевод с французского
Баязет, 5 февраля 1907 г.

Невозможно описать страдания армянина. Его избивают, и никто не приходит ему на помощь, а его жалобы остаются мертвой буквой.

Его дом грабят, красивую дочь его похищают. Поля разорены, превращены в пустыню. Если кто выходит из дому, не убежден, что вернется живым.

В январе месяце солдаты силой увели дочерей Вертояна, Ованеса Казаряна, Мартироса Авакяна, Мкртича Акопяна...

В Арцапе четыре солдата зашли ночью к Хачатуру Халатяну с целью похитить дочь и обесчестить жену. Хачатур оказал сопротивление и был убит ударом сабли, а сын его был тяжело ранен и умер на исходе пятого дня. Армянские семьи в состоянии тревоги.

Путешественники-армяне были арестованы и брошены в тюрьму и освобождены лишь после того, как заплатили большие выкупы. Заключенные умирают от голода.

„Pro Armenia", 1907, 20 mars, № 154, p. 1062.

78. Население Двника российскому генеральному консулу в Эрзруме Скрябину

Перевод с армянского
Письмо *21 февраля 1907 г.*

Мы, жители селения Двник Каринского (Эрзрумского) округа, обращаемся к Вам с просьбой принять нас в подданство великого русского государства. Все

христианское население нашего села единодушно стремится найти убежище и покровительство у Вашего благожелательного и могучего правительства с тем, чтобы обеспечить себе спокойную жизнь. Поэтому мы просим Ваше высокопревосходительство обратить внимание на нашу просьбу и в соответствии с обстоятельствами оказать необходимую нам помощь.

Вот несколько фактов из испытываемых нами невыносимых страданий для сведения Вашего справедливого и щедрого правительства.

1. Вам уже известно, что среди нас имеются люди, занимающиеся сельским хозяйством. Когда наши женщины выходят на полевые работы, они подвергаются насилию...

2. Вызывая к себе домой, один хватает за голову, а другой избивает палкой, приговаривая: «Это еще ничего, вы подождите и увидите, что с вами будет дальше».

3. Наш сельскохозяйственный инвентарь, оставленный во дворе, немедленно похищается. Так, например, недавно у нас украли несколько подвод и другой инвентарь. Взламывая двери, врываются в наши дома и уносят домашнюю мебель и утварь и поджигают наши стога сена.

4. Что же касается военного налога, то мы находимся в еще более бедственном положении. Раньше каждый платил только 2 серебряных меджидие, теперь же приходится платить 0,75 лиры. Нечего уж говорить о том, что начальник со своими полицейскими регулярно два раза в месяц появляется в нашем селе, безжалостно избивает и ругает нас, требуя выплаты денег сверх установленных налогов.

Описанные здесь мучения и издевательства не составляют и четвертой части того, что мы испытываем. Если бы мы написали подробно о всех перенесенных нами муках, то пришлось бы заполнить целый том.

Вот почему мы обращаемся к Вашему справедливому правительству с просьбой обратить внимание на наши мольбы и оказать нам немедленную помощь.

Остаемся в ожидании Вашего великодушия.

[Следуют 62 подписи от имени жителей села Двник]

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2675.

79. Население Гармасана генеральному консулу в Эрзруме Скрябину

Перевод с армянского

Письмо *1 апреля 1907 г.*

Ваши покорные слуги— жители селения Гармасан, расположенного около города Эрзрума (Карин), являются турецкоподданными армянами.

Несмотря на то, что мы в продолжение веков покорно служили нашему монарху, в настоящее время стало невозможно выносить муки, которые приходится терпеть всей нации, в результате которых мы стали несчастными и обездоленными. Под совершенно необоснованными предлогами нас подвергают угнетениям и преследованиям; наши семьи находятся в состоянии рабства, хотя наша бедность и беззащитность общеизвестны. И все это делается с целью стереть нас с лица земли.

Милостивый государь, как нам терпеть эти невыносимые мучения, продолжающиеся непрерывно?

Мы хотим поставить в известность Вашу милость, что вместо того, чтобы наш монарх проявил к нам участие и оказал защиту,— преследования и угнетения изо дня в день усиливаются.

Несколько месяцев тому назад у жителя нашего села Мано была похищена иноверцами малолетняя дочь Торник. Все наше общество подвергается ужасным репрессиям и до крайности обнищало...

Вот почему мы обращаемся к покровительству всемилостивой и великой России и, добровольно принимая Ваше подданство, просим внять нашим мольбам и оказать помощь.

[Следуют 72 подписи]

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2675.

80. Жители Кана российскому генеральному консулу в Эрзруме Скрябину

Перевод с армянского
2 апреля 1907 г.

Мы, Ваши покорные слуги, некоторое время тому назад направили Вам полные слез мольбы об избавлении нас от страданий. Это прошение по счету второе.

Как мы уже сообщали в нашем предыдущем письме, в продолжение 500—600 лет мы служим нашему монарху, но больше мы не в силах переносить приказаний и преследований, так как изо дня в день увеличиваются наши мучения и ухудшается наше положение.

Ниже приводим несколько характерных случаев.

а) У нас в селах есть ремесленники. Магометане дают им разные заказы, обещая уплатить стоимость. Когда у них требуют оплаты, они отвечают избиениями, руганью и даже убийствами, как это уже неоднократно имело место.

б) В любое время дня и ночи люди группами врываются в дома и требуют водки, тогда как хозяева этих домов не пьют и не торгуют водкой. В случае отказа угрожают захватить и увезти наших жен для водворения в публичные дома.

в) Узнав, что мы обратились к Вам с просьбой о помощи, они стали более жестоко обращаться с нами. Они избивают нас на дорогах и грабят. Насильно врываются к нам в дома, отвратительно ругаясь, с целью похищения наших жен.

г) Сборщик налогов— пьяница. Пьяный является в село, собирает должников и приказывает им: «Немедленно уплатите долги, а если не уплатите, возьмите своих жен в город для проституции, чтобы оплатить свои долги». И все это кончается побоями, привязыванием к столбу и обливанием холодной водой

Мы более не в силах терпеть эти мучения и издевательства. Мы обращаемся к Вашему высокопревосходительству и умоляем: не откажите в Вашем милосердии, будьте нашим посредником и освободите наш беззащитный народ от этих мучений.

[Следуют 4 подписи]

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2675, л. 142.

81. Русский вице-консул в Ване послу в Константинополе Зиновьеву

Из донесений № 38, 39 *9 апреля 1907 г.*

Сбор недоимок в Ванском вилайете продолжается с возрастающей строгостью. Взыскиваются налоги за 10 лет сразу, а с некоторых деревень даже за время до событий 1895—96 гг.

Усиливающиеся притеснения, по-видимому, имеют целью вынуждать армян к выселению в Россию, чтобы на отбираемых казною землях эмигрантов сажать мусульман-переселенцев и таким образом постепенно заселить край последними...

Внимательное изучение происходящих в вилайете событий приводит к убеждению, что турецкие власти, задавшись целью искоренить армян в крае, избрали вместо задуманного ими в 1895— 96 гг. избиения оружием путь экономического и административного угнетения. С одной стороны, доводя армян до полной нищеты, а с другой— запрещая им покидать родные места,— турки объявляют вынужденных уходить на заработки в Россию и Персию армян преступниками и запрещают им возвращение на родину.

Термен

АВПР, Политархив, д. 3456, л. 52.

82. Министр иностранных дел России послу в Константинополе Зиновьеву

Выдержка из письма № 425 *10 мая 1907 г.*

Последние донесения российских консульских представителей в Эрзеруме, Битлисе и Ване указывают на особенно тревожное настроение пограничного с Россией армянского населения. По-видимому, местные турецкие власти, по взаимному уговору, сами усиливают таковое настроение, принимая меры, способные вызвать повсеместную резню армян, последствием коей будет несомненно массовое бегство их в пределы России, подобно тому, как это имело место в 1895—96 гг.

Эмиграционное движение среди армян и ныне уже принимает весьма обширные размеры...

Извольский

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3706, л. 47.

83. Русский консул в Битлисе послу в Константинополе Зиновьеву

27 мая (9 июня) 1907 г.

Доведенные до крайности насилиями, злодеяниями и совершенным бездействием вали Ферида-паши, все армяне вилайета умоляют консульство о препровождении

их следующей телеграммы на имя его императорского величества: «Его императорскому величеству государю императору всея России, милосердному и единственному покровителю армян и православной церкви. Не будучи в состоянии выносить долее насилия, коим мы подвергаемся уже давно здесь, умоляем Ваше императорское величество от имени ста двадцати тысяч угнетенных и живущих в Буланыке, Мелазгерте, Муше и Ахлате армян благоволить из жалости и ради имени его императорского высочества и наследника цесаревича принять переселенцев нашего порабощенного народа в Россию...».

На хранящемся в консульстве турецком подлиннике приложено под сим текстом сто семь печатей и подписей армян. Донося вышеизложенное, имею честь просить Ваше высокопревосходительство представить сию телеграмму его императорскому величеству и, со своей стороны, убедительнейше ходатайствую перед Вами благоволить обратить внимание на положение армян вилайета и на деятельность Ферида-паши, вали, который довел население до полного разорения и истощения сил.

Ширков

АВПР, Политархив, д. 3156, л. 75.

84. Российский посол в Константинополе министру иностранных дел Извольскому

Из депеши № 216 *2(15) августа 1907 г.*

Донесением от 1 минувшего июля за № 166, представленным в копии в 1-й департамент, вице-консул наш в Самсуне довел до моего сведения, что турецкие власти Самсунского санджака подвергают местных армян жестоким преследованиям, вследствие коих последние массами выселяются. За последние три месяца, как сообщил г. Джиудичи, более 1500 турецких армян тайно покинули Самсунский санджак и на парусных судах, зафрахтованных проживающими на Кавказе их родственниками, отправились в наши пределы.

Принимая в соображение, что образ действий самсунских властей вполне аналогичен с тем, которого еще недавно держались власти Эрзерумского, Ванско-

го и Битлисского вилайета, я должен был заключить, что воздвигнутые в Самсуне на армян гонения равным образом обусловлены негласными распоряжениями Порты, имеющими целью совершенно очистить Малую Азию от армян, коих турки считают опасными для себя элементами...

Зиновьев

АВПР, Политархив, д. 3456, л. 147.

85. Католикос Хримян Николаю II

[1907 г.]

После тяжелого молчания и ожидания в продолжении долгих лет решаюсь, государь, еще раз, может быть в последний раз в моей преклонной жизни, обратить внимание Вашего величества на бесконечно тяжелое положение, в котором томится армянское население в Турции...

Паства моя в Турции, в особенности в исконных армянских провинциях, претерпевает небывалые страдания. Против армянского населения Малой Азии создана невиданная доселе система мирного уничтожения. Отсутствие правосудия, полное игнорирование администрацией справедливых нужд армянского народа предали его в полную власть недобросовестных чиновников, курдских беков и конницы гамидие. Непомерно тяжелые налоги и повинности, сбор недоимок за прошлые годы (иногда за 10, даже 20 лет) вместе с произвольной системой их взыскания довели армянское земледельческое население до крайней степени нищеты.

Некогда изобиловавшие хлебом и скотом селения лишены теперь не только рабочего скота, но и последней одежды, хлеба насущного.

Отсутствие средств к жизни обусловливает ужасы голода в областях, изобилующих хлебом. Доведенное до отчаяния население закладывает и продает за бесценок поля, окропленные кровью отцов, и превращается в нищих батраков. Тысячи безземельных увеличивают число половинщиков «мараба», работающих у курдов-беков. В начале XX столетия в земледельческой Армении воссоздается средневековое крепостничество. Правительство Турции не только не принимает

каких-либо мер против этого плачевного состояния, но даже наоборот. Поселяя мухаджиров-переселенцев, мусульман из других государств в армянских селениях, оно усугубляет тяжесть положения христианской райи. Запрещая армянам искание заработков вне Турции и одновременно не пропуская обратно к своим детям тех, кому удалось спастись от резни, оно искусственно и систематически способствует деморализованию, голоданию и вымиранию армянского народа, который всегда являлся примером терпения и трудолюбия.

Как отощавшее стадо, заброшенное в населенную хищником пустыню, христианское население в армянских областях Турции мечется из стороны в сторону, не находя выхода из своего трагического положения. Часть его, изверившись в плодотворности законных средств, становится на путь сопротивления властям, губя и себя и безвинных своих соседей.

Многие с опасностью для жизни ищут избавления в переселении в Россию, где десятки тысяч таковых же беженцев-земледельцев, не имея пашен, живут поденной работой, питаются нищенством, пополняя нередко собой ряды темных слоев местного населения.

Наконец, велико и число тех несчастных, которые, изверившись в поддержке, единственный выход из отчаянного своего положения видят в вероотступничестве, погибая как для церкви христианской, так и для нравственно здорового общества.

Агенты Вашего величества в Турции, государь, я уверен, дадут более точные и красноречивые данные обо всем этом, равно как и подтвердят, что в течение десяти последних лет число армян, убитых, арестованных, высланных, погибших от голода, насильственно обращенных в ислам, не уступает и даже превосходит число избиенных во время ужасных 1895—1896 гг.

АВПР, Политархив, д. 3456, л. 151.

86. Русский консул в Битлисе Ширков послу в Константинополе Зиновьеву

Из телеграммы *2 (15) марта 1908 г.*

Прощенный Константинополем разбойник Касим в конце февраля убил в селе Аликльпо армянина, в селе Ардонке— другого, в селе Вартенисе— третьего и

в селе Мушахтене Мушской долины— троих. Им отобраны силой там же 300 лир. Власти Муша пользуются Касим-беем для преследования федаи, а он, входя открыто всюду под сим предлогом с солдатами, совершает убийства и грабежи...

АВПР, Канцелярия МИД, д. 34, л. 475.

87. Русский вице-консул в Ване послу в Константинополе

Из телеграммы *12 (25) марта 1908 г.*

10-го марта один из террористов тяжело ранил предателя Давида и бежал. Возбужденные мусульмане, подстрекаемые полицией и жандармами и при их помощи, принялись убивать возвращавшихся с базара мирных и безоружных армян... Мои коллеги и я въехали тотчас в город для успокоения и возвращения армян с базара. Единичные убийства длились до ночи.

Ночью все трупы были зарыты или брошены в различные реки... Настроение крайне тревожное. Пока насчитывают 38 убитых, 6 раненых и 23 без вести пропавших..

Термен

АВПР, Канцелярия МИД, д. 34, л. 477.

88. Из депеши посла Зиновьева министру иностранных дел России

Пера, 22 марта (4 апреля) 1908 г.

Вследствие объяснения, которое я имел с великим визирем по делу об избиении армян в городе Ване и о подробностях коего я имел честь сообщить Вашему высокопревосходительству донесением от 15 (28) марта за № 62, Ферид-паша доставил выписку из телеграммы по тому же делу, полученной им от ванского вали.

В телеграмме этой вали, видимо, старается умалить значение смут и возложить ответственность за них исключительно на армянских революционеров[14]...

В лживости вали я еще более убедился по получении новой телеграммы г. Термена от 18 (31) марта, из

коей явствует, что положение дел в Ване нисколько не улучшилось со времени вручения великому визирю моей первой записки...

Вали, по словам нашего вице-консула, окружен лжецами и запуган агитаторами, желающими резни из мести. Все принимаемые им меры направлены исключительно против армян, и для привлечения к ответственности как подстрекателей беспорядков, так и убийц ничего не предпринимается. При таких условиях восстановление спокойствия немыслимо... Из телеграммы г. Термена явствует, что в числе подстрекателей находились лица, пользующиеся в Ване официальным положением, а именно: председатель Апелляционной палаты, жандармские офицеры Ахмед-бей и исправляющий должность судебного следователя Тевфик-бей.

В телеграмме перечислены имена главных убийц. Число убитых армян простирается до шестидесяти, а раненых и пропавших без вести — до пятидесяти...

АВПР, Политархив, д. 3456, л. 195.

89. Вице-консул в Ване послу в Константинополе Зиновьеву

Выписка из донесения № 45 *31 марта 1908 г.*

Вспыхнувшим в марте сего года в городе Ване антиармянским беспорядкам предшествовало покушение армянского революционера на жизнь другого члена той же организации Давида, выдавшего турецкому правительству места складов местного революционного комитета, благодаря чему властями было конфисковано весьма значительное количество оружия и боевых припасов.

Упомянутый Давид был ранен 15 марта с. г. во время прогулки подошедшим к нему 18-летним армянином, одним из главарей революционной организации, который, подойдя вплотную к Давиду, выстрелил в него в упор, отчего последний, обливаясь кровью, упал на мостовую.

Присутствовавшие при этой сцене мусульмане, среди которых находилось и несколько жандармских офицеров, настроенные уже ранее враждебно против армян предшествующей агитацией Давида и местных

гражданских властей, набросились, после неудачного преследования злодея, на находившихся на месте преступления армян, причем большинство из них было убито. Волнения быстро распространились по городу и всюду началась резня армян, продолжавшаяся до поздней ночи. Остановить возникшие волнения удалось лишь благодаря энергичному образу действий русского, французского и английского вице-консулов, побудивших командующего войсками принять меры к подавлению беспорядков, в то время как местный вали не только не озаботился защитой армянского населения города, но даже отказал в убежище искавшим у него защиты армянам.

По полученным нашим вице-консулом сведениям, в Ване после резни было найдено 42 трупа и 6 опасно раненых армян, 29 же человек пропало без вести. Кроме этих лиц— жителей города Вана, было убито еще много крестьян из соседних деревень, находившихся в городе во время резни.

Вызванная сказанными событиями паника среди армян города Вана заставила последних искать защиты у представителей иностранных держав и заявить им, что они лишь тогда смогут вернуться к своим прежним занятиям и, в частности, открыть базар, когда консулы признают, что опасность для армян миновала.

Между тем местные власти не озаботились в должной мере успокоением тревожного настроения среди армян, ограничившись отправлением военных патрулей в наиболее угрожаемые пункты города; правительство оставило безнаказанными всех подстрекателей и участников беспорядков...

Термен

АВПР, Политархив, д. 3456, л. 203.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МАССОВАЯ РЕЗНЯ АРМЯН МЛАДОТУРКАМИ

/ 1909 - 1918 /

90. Из донесения русского генерального консула в Эрзруме послу в Константинополе И. А. Зиновьеву

19 января 1909 г.

Увлечение армян провозглашенными свободами все более и более возбуждает против них ненависть мусульман. Даже среди наиболее прогрессивных младотурок, которые еще так недавно открыто провозглашали свою признательность армянам за инициаторство в освободительном движении в Турции, недоверие к ним растет не по дням, а по часам.

Подкомитет «Единения и прогресса» установил за армянскими деятелями негласное наблюдение и предписал своим агентам в провинции не останавливаться при случае ни перед какими энергическими мерами...

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2677, л. 17.

91. Генеральный консул в Эрзруме послу Зиновьеву

Выдержка из донесения *2 марта 1909 г.*

Младотурки стали спешно вооружать мусульман, в особенности городских дадашей, известных своей необузданностью и ненавистью к армянам.

Ни эти действия, ни причины их, разумеется, не могли быть сохранены в тайне, и глухое волнение среди мусульман уже поднялось, кроме Эрзерумского вилайета, еще во многих местах вилайетов Битлисского, Сивасского, Харпутского и Диарбекирского...

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2677, л. 29.

92. Посол в Константинополе товарищу министра иностранных дел России Чарыкову.

Из депеши № 86 *Пера, 18 апреля (1 мая) 1909 г.*

Как явствует из полученных мною от нашего вице-консула в Мерсине г. Мавромати телеграмм, неистовства мусульман в Аданском вилайете дошли до чудовищных размеров. Число погибших христиан, в особенности армян, доходит до 15 000 человек.

Прекратившиеся было на короткое время в городе Адане беспорядки возобновились по прибытии высланного туда по распоряжению турецкого правительства для восстановления спокойствия отряда румелийских войск. Солдаты перешли на сторону главарей местного мусульманского населения и стали избивать христиан, не различая ни пола, ни возраста, и грабить и поджигать их дома. Судя по телеграмме г. Мавромати от 15 (28) сего месяца, город Адана более не существует, а вследствие истребления всего имущества и запасов, избегшее избиения христианское население начинает терпеть от голода.

Примеру аданских мусульман последовали мусульмане в Тарсусе, где с 3 (16) сего месяца начались пожары, грабежи и убийства. За сим беспорядки распространились и на соседние местности, а именно на Александретту, в окрестностях коей выжжено несколько селений. В Кырк Хане перерезано было 50 семейств армян, а в Паясе выпущены были на свободу содержавшиеся в местной тюрьме 500 арестантов, которые не замедлили принять участие в неистовствах. Наконец, как сообщил мне наш консул в Алеппо телеграммами от 6 (19) и 7 (20) сего месяца, антихристианское движение проявилось и в Зейтуне, Мараше, Антиохии и Бираджике...

С прибытием в турецкие порты английских, французских и итальянских военных судов спокойствие в них восстановилось, но беспорядки в расстоянии от берегов, по-видимому, еще не вполне прекратились.

Наша канонерская лодка «Уралец» под командой капитана 2-го ранга Кузнецова прибыла в Александретту 15 (28) сего месяца...

Зиновьев

АВПР, Политархив, д. 3456, л. 206.

93. Русский посол в Константинополе товарищу министра иностранных дел Чарыкову

Из депеши № 94 *Пера, 2 (15) мая 1909 г.*

Из полученной мною от нашего вице-консула в Мерсине телеграммы от 28 апреля (11 мая) явствует, что как находящиеся в Адане турецкие войска, так и местные мусульманские нотабли продолжают держаться враждебного настроения относительно христиан, что правила введенного в означенном городе осадного положения применяются преимущественно к христианам и что местные власти оказывают явное потворство виновникам избиения христиан и стараются возложить на последних ответственность за минувшие смуты. Г Мавромати присовокупляет к этому, что утратившие все свое имущество христиане совершенно лишены крова и что смертность между ними весьма значительна, несмотря на присутствие пользующегося доверием санитарного врача.

Я не преминул обратить на эти обстоятельства внимание как великого визиря, так и министра внутренних дел.

Доставленные г-м Мавромати сведения представляются мне весьма вероятными, так как турецкое правительство, видимо, старается умалить значение аданских смут и, между прочим, распространяет о числе убитых во время смут сведения, находящиеся в резком противоречии с теми, которые получены как мною, так и некоторыми из моих иностранных сотоварищей от наших местных агентов...

Зиновьев

АВПР, Канцелярия МИД, д. 35, л. 107.

94. Российский посол в Константинополе министру иностранных дел Извольскому

Из телеграммы № 144 *18 (31) мая 1909 г.*

Князь Гагарин телеграфирует из Мерсины:

«В донесениях вице-консула Мавромати нет преувеличений. Три четверти недавно цветущего города Адана разрушены... Истинные виновники смут—мусульмане—

находятся на свободе. Я убежден в том, что преследованиям подвергнуты лишь невинные армяне. Из опасений вызвать смуты суд не решается тревожить мусульманских нотаблей. Заседания [суда] происходят при закрытых дверях, допрос свидетелей производится крайне пристрастно. Возобновление смут весьма вероятно, и пребывание здесь иностранных военных судов безусловно необходимо. На рейде стоят крейсера германский, французский, английский и американский и ждут прибытия итальянского крейсера». Ввиду вышеизложенного Гагарин ходатайствует о задержании в Мерсине канонерской лодки «Уралец»...

Зиновьев

АВПР, Канцелярия МИД, д. 38, л. 274.

65. Посол в Константинополе министру иностранных дел России Извольскому

Из депеши № 116 *Пера, 30 мая (12 июня) 1909 г.*

В дополнение к секретной телеграмме моей от 18 (31) мая, в коей я передал содержание полученных мною от генерального консула в Бейруте сведений о положении дел в Аданском вилайете, считаю долгом препроводить при сем копии с двух секретных телеграмм нашего вице-консула в Мерсине.

В телеграмме от 23 мая (5 июня) г. Мавромати передает подробности прискорбного происшествия, совершившегося в селении Дортйол и стоившего жизни нескольким христианам.

Как в этой телеграмме, так и в следующей, от 28 мая (10 июня), наш вице-консул указывает на пристрастие, обнаруживаемое учрежденной в Адане военно-судной комиссией[15], суду коей подлежат все заподозренные в подстрекательстве смут или в участии в них. 28 мая (10 июня) казнены были 9 мусульман и 6 армян. Казненные мусульмане принадлежали к простонародию, и ни один из нотаблей, истинных виновников смут, не был привлечен к ответственности. Между тем вся вина казненных армян в том, что они защищались от нападений.

То обстоятельство, что следствие и суд производятся при закрытых дверях, причем никто из посторонних не допускается к присутствию на заседаниях военно-судной

комиссии, служит, по моему мнению, подтверждением возведенных как князем Гагариным, так и г-м Мавромати на комиссию обвинений в крайнем пристрастии.

Я не преминул обратить на обстоятельства эти особое внимание великого визиря и сказал ему, что ввиду тяжелого впечатления, которое избиение христиан в в Аданском вилайете произвело в Европе, турецкому правительству следовало бы принять все меры к тому, чтобы отстранить как от себя, так и от Аданской военно-судной комиссии подозрение в неправосудии и, между прочим, предписать комиссии допускать по крайней мере местных агентов держав к присутствию на ее заседаниях.

Хусейн Хильми-паша ответил мне, что он вполне разделяет мое мнение, но ничего не сделал.

Со своей стороны английский посол сообщил мне, что великий визирь обратился к нему на днях с просьбой предписать английскому вице-консулу в Мерсине передать в распоряжение комиссии пятерых из укрывшихся в вице-консульстве армян. Сэр Джерард Лоутер объявил Хусейн Хильми-паше, что ходатайство его он может удовлетворить лишь в том случае, если ему будут предварительно сообщены обвинения, возводимые на помянутых армян, и английскому вице-консулу будет разрешено присутствовать на суде.

Великий визирь, по словам английского посла, не согласился на это.

Таково отношение преобразуемой младотурками современной Турции к вопросу о правосудии. Поощряемые льстивыми, но неискренними отзывами части европейской печати, младотурки перестали относиться с должным уважением к мнению Европы...

И. Зиновьев

АВПР, Канцелярия МИД, д. 35, л. 255—257.

96. Исполняющий должность начальника штаба Кавказского военного округа генерал-квартирмейстеру Генерального штаба

Из рапорта *Тифлис, 5 июня 1909 г.*

Сообщаю Вашему превосходительству полученные за последнее время из Азиатской Турции сведения политического характера...

Первая вспышка кровавых беспорядков в Аданском вилайете к 10 апреля затихла, но уже 14 апреля, как только прибыли первые мобилизованные части редифа, они возобновились с новой силой в самой Адане, несмотря на присутствие в Мерсине 7 европейских военных судов, занявших десантами Мерсину и Александретту, но не двинувших таковых внутрь страны. Несомненно, такое странное поведение европейцев придало еще более смелости убийцам и грабителям, и беспорядки не замедлили перекинуться и в пределы Алеппского вилайета: Кирик-хан, Бейлан, Кесаб, часть Антиохии, Хаджин, часть Мараша, Келис, Османие, Хамидие и много мелких армянских селений были буквально вырезаны и сожжены.

В Аданском вилайете та же участь постигла Сис, Мисис, Айас и Пайяс. Во всех случаях резни и грабежа солдаты принимали самое горячее участие: это факт, установленный сотнями свидетелей и самой ныне действующей в Адане следственной комиссией Мало того, первые прибывшие в Мерсину части низама III корпуса, вполне находившиеся в руках своих офицеров-младотурок, совершали такие же зверства, как и их товарищи здешнего корпуса: это опять факты, не отрицаемые и самими младотурками, но объясняемые ими провокацией реакционных элементов. Сначала младотурки приписывали вину в аданской резне козням султана Абдул-Гамида, желавшего этим отвлечь внимание с готовящегося им переворота в Константинополе, затем они взваливали ответственность на «одну европейскую державу, заинтересованную в создании предлога для вмешательства в дела Турции», так сказать, намек не то на Англию, не то на Россию...

За начальника штаба, генерал-майор Карпов

ЦГВИА, ф. 2000 (ГУГШ), оп. 1, д. 1004, л. 203а—203б.

97. Исполняющий должность начальника штаба Кавказского военного округа генерал-квартирмейстеру Генерального штаба

Из рапорта *Тифлис, 15 июля 1909 г.*

... Титулярный советник Шелковников, прибывший 9 июня в Адану, дает следующее описание:

«Утром 9 июня я прибыл в Адану. Вид разрушенных

кварталов не поддается описанию; трех четвертей города не существует, уцелели лишь мусульманские кварталы, примыкающие к реке Сейхуну. Остальная часть города (до 5—6 тысяч домов) представляет груду развалин щебня, кирпича, кое-где стоящих обгорелых стен с выбитыми окнами, провалившимися потолками и полами. В этой части города стоит мертвая тишина, видны лишь голодные кошки, собаки и вороны и изредка несчастный армянин, разбирающий развалины своего дома в надежде найти какие-либо остатки своего имущества...

Настоящие виновники и убийцы — власти и македонские [младотурецкие] войска — и не думают скрываться, им незачем, так как они же являются членами военных судов и следственных комиссий и они же ныне охраняют порядок в стране, где ими же перебито до 25—30 тысяч человек христиан. То, что совершается в военных судах, особенно в Адане, под именем правосудия, является злейшей над ним насмешкой. Из 15 человек, казненных в Адане, 6 было армян; ныне же из второй партии осужденных в 9 человек, 8 армян приговорено к 5 и 10 годам каторжных работ и 1 мусульманин — к шестимесячному тюремному заключению.

Получается такое впечатление, как будто бы армяне вырезали 30 тысяч безоружных мусульман и теперь их за это наказывают. Свидетелей-армян запугивают, им следственная комиссия не верит, мусульманин всегда остается правым на очной ставке с христианином. Младотурки сами сознаются, что не удалось установить причастность Абдул-Гамида к этой резне... На аданских событиях [они] хотели разом добиться двух результатов: во-первых, свалить всю за них ответственность на Абдул-Гамида, тем лишить его европейских симпатий и привлечь их на свою сторону и, во-вторых, ослабить беспокойный армянский элемент в Аданском вилайете. Теперь в Адане арестовано еще 362 человека, из них 149 мусульман и 213 христиан. Действительно, с июля прошлого года армянское население Турции, с восторгом встретившее новый режим и много способствовавшее его торжеству, подняло голову: уверовав в обещания младотурок, оно требовало равноправия и доступа на государственную службу. Комитет «Гнчак» может быть и добивался автономии, но о независимом армянском царстве и речи не было, не было в Адане и никакого

заговора против турецкого правительства, никакого вооруженного восстания, как это желает ныне выставить правительство, а просто во время первой резни 1 апреля армяне с кое-каким оружием (охотничьи ружья и прочее) защищали свою жизнь, но приход европейских войск 16 и 17 апреля положил начало новой, еще более сильной резне. Если бы военные суды хотели быть беспристрастными, им пришлось бы судить половину собственных солдат, многих членов аданского комитета «Единение и прогресс», мусульманских помещиков, ныне завладевших землей убитых и бежавших сельчан-христиан... Поэтому нет ничего удивительного, если истинные виновники останутся ненаказанными и что турецкие христиане еще лишний раз убедятся, что турок, назови его «старым» или «молодым», из религиозной ненависти или политических видов, останется все тем же фанатиком. Член присланной в Адану парламентской комиссии, армянский депутат, подал в отставку, видя намеренное искажение истины на судах.

Один из виновников резни, вали Джевад-паша, только смещен, но суду не предан, другие — санитарный инспектор Эшраф-паша и редактор газеты «Итидаль» Ихсан-эфенди — влиятельные члены комитета «Единение и прогресс»; газета эта продолжает выходить и печатать восстанавливающие против христиан статьи...

Вр. и. д. начальника штаба, генерал-майор Юденич

ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1004, л. 223—225.

98. Газетное сообщение о резне в Адане

Константинополь, 26 апреля 1909 г.

Вечерние газеты печатают описания избиений в Адане, окрестностях Антиохии и в других местах Сирии, поражающие ужасными подробностями. По исчислению газет, убито более 35 000 человек, сожжено несколько десятков деревень. Адана совершенно выгорела. Мерсину же спасло только прибытие иностранных крейсеров.

«Тифлисский листок», 1909 г., № 93.

99. Из книги «Аданские черные дни» (1909 г.)

На другой же день после знаменитой манифестации, организованной в Константинополе 31-го марта «истинными магометанами» и подкупленными солдатами, начались столкновения в Киликии, начиная с Аданы. Последний — центр администрации, ведет довольно оживленную торговлю хлопком и хлебом...

К вечеру этого дня [1-го апреля 1909 г.] христиане начинают замечать особый неприязненный и вызывающий тон мусульман. Прогуливающиеся группы... ходят с дубинами в руках. Несколько армян, случайно проходивших по турецкой части, убиваются там же. При распространении слуха об этом лавки и мастерские ремесленников закрываются, каждый спешит к себе и запирается. К утру начинаются нападения толпы на магазины, дома, избиение попадавшихся под руки. Разгром магазинов ведется правильно, собственность мусульман охраняется всеми. После магазинов толпа принимается за дома... дубинами, топорами, огнестрельным оружием избивая попадавшихся под руки.

Ошеломленные и обезумевшие армяне ищут защиты у надежных мусульман, редких европейцев, в школах и на фабриках иностранноподданных. Владеющие оружием, оставив базар на произвол грабителей, вокруг чисто армянского квартала возводят баррикады и организуют самооборону, на приступы нападающих отвечая стрельбой. Положение обороняющихся ухудшается разгромом соседних армянских селений и хуторов, откуда до 5—7 тысяч женщин и детей в последующие дни стекаются в город.

Пули, удары ножей и дубин сваливают сотни жителей... Пожар, грабеж довершает остающихся. Город полон воплей и стонов, низменные животные инстинкты дают себя чувствовать на каждом шагу. Три дня и три ночи продолжается погром и кровопролитие в городе. Местная администрация в лице вали, командира гарнизона и чинов полиции не принимает никаких мер. В их присутствии убиваются члены губернского административного совета, женщины, грабятся магазины. Для поддержания порядка созываются редифы, и им раздается оружие. Последние сливаются с башибузуками и еще более ухудшают положение. Единственно чем заняты власти — это собиранием перебитых армян, свалкой

трупов на подводы и сбрасыванием в реку. При таком образе действий власть имущих немудрено, что резня распространяется по всей области...

Проходит день, неделя, 10 дней. Многие из армян, вынесшие столько ужасов, переселяются в Египет, на остров Кипр. Тысячи раненых помещаются в наскоро оборудованные бараки, лечатся в школах. Остающиеся в живых начинают, хотя и с опаской, появляться на улицах...

Но вот неожиданно для всех в воскресенье, 14-го апреля, начинается пальба со всех сторон армянского квартала... За нападением начинается пожар. Город поджигается со всех сторон. Пожарные вместо того, чтобы тушить, по приказу начальствующих обливают керосином каменные постройки школ, церквей, и при стонах и воплях двадцатитысячного населения и непрекращающейся ружейной пальбе город предается разграблению и превращается в развалины.

Немногие защищающиеся и масса безвинных мужчин расстреливаются. Женщины вместе с детьми и спасшимися мужчинами пропускаются под «национальными триумфальными воротами» и перегоняются во дворы фабрик гг. Трипани и других иностранноподданных. Само собой, по пути у них отбирается все, что представляет кое-какую ценность, предаются разграблению остающиеся в целости дома.

В провинции. Избиения и разгром в Адане служат как бы сигналом для общего избиения христиан, в особенности армян. В первый же день избиений разгромляются многие из селений: Абдоглу, Христиан Кей, Инджирлик, Кайерлик, Тепри-верди, равно как и до 40 чифтликов армян и других христиан.

Волна погрома распространяется в последующие дни все далее от центра, в глубь провинции. Один за другим перебиваются армяне Мисиса, Тарсуса, Гамидие, Османие, Каратамы Бахче и др. административных центров с окружающими селениями и хуторами. В большинстве этих пунктов редифы, созываемые с целью якобы поддержания порядка, присоединяются к толпе башибузуков, местная администрация или поощряет, или ограничивается словесными увещеваниями, не ведущими ни к чему.

В городах и пунктах, прилегающих к большим дорогам, спустя день-два погром прекращается, и остав-

шиеся в живых находят приют или у знакомых мусульман, или в административных помещениях. Много хуже положение селений, расположенных в отдаленных районах, окруженных мусульманами. В округах Османие и Бахче, например, за укрывшимися в горах или хлебах местными христианами и пришлыми из Анатолии жнецами в течение двадцати дней продолжается форменная охота. Генеральный консул Франции, проехавший из Алеппо в Адану, рассказывал, что спустя 15 дней после погрома нивы Гамидие представляли из себя поле битвы. 28-го мая, т. е. спустя два месяца после избиений в Адане, на берегу Джигана, в имении Аврад Мазра, мне пришлось насчитать 14 трупов и скелетов, выброшенных рекой на песчаный берег. Собственник же чифтлика указывал на другой пункт, где была груда из 40 человеческих трупов. В Инджирлике, Кайрки, Бахче и других селах колодцы и сейчас наполнены трупами бывших собственников, и нет имения, где бы стоны женщин не напоминали об ужасах, происшедших тут месяца 2—3 тому назад...

Несмотря на все эти ужасы, было бы большой ошибкой подводить всех, без исключения, местных мусульман под одну категорию потерявших голову и совесть созданий...

В Османие простой торговец из Деренды вместе с несколькими другими спас более сотни жителей. Он отводил к себе всех обращавшихся к нему и вместе с женой и сыном в течение многих дней кормил до 50 женщин и детей, наполнявших его дом.

По истечении нескольких дней, когда страсти несколько улеглись, он отвел их поодиночке в Конак каймакама, но оставался с ними и после сдачи, не особенно доверяясь лояльности администрации.

Характерно, что немало человеколюбия было проявлено наиболее «дикими» элементами — курдами долины Африна, полукочевыми юрюками Чукуровы. Малокультурные скотоводы не могли, вероятно, проникнуться патриотическими и божескими наставлениями духовных наставников. Из остальных мусульманских элементов сравнительно хорошо держали себя черкесы, которые составляют значительную часть населения нагорных районов.

Мне известны имена видных черкесов и даже одной черкешенки, кои в Гамидие, Тарсе, Хаджине, Гёклуне,

Шардере, Азизие и других пунктах не только не принимали участия в грабежах, но спасли много христиан, иногда и с опасностью для себя...

Можно быть уверенным, что... без самообороны самих же армян события приняли бы гораздо более тяжелый оборот... Как в центре резни в Адане, так и во всех мелких административных центрах — Тарсусе, Мисисе, Антиохии, Османие, Гамидие, Бахче, Карадаше и Сорчите власти или прямо принимали участие, или потворствовали резне своим преступным бездействием... Башибузуков образумило и сопротивление, оказанное многими более или менее значительными поселениями армян, как Кесаб, Чок-Марсеван, Финдижах, Шейх-Мурад, Шардере, Сис, Тарс, Хаджин и др.

Шейх-Мурад или Шардере, хотя и незначительные поселения, но спаслись благодаря героическим усилиям отдельных личностей. Три вооруженных охотничьими ружьями смельчака, собрав все население в центре села, заняв главные пункты и устроив в стенах защитных домов бойницы, отстреливались с такой быстротой, что нападающие уверились в значительной силе осажденных и не осмелились идти в атаку. Спустя три дня у крестьян истощились боевые припасы. Им оставалось одно из двух: или сдаться толпе, или попробовать пробиться сквозь вражеский район к Адане, в трех часах от села. Остановились на последнем, и на третью ночь население села, оставив все свое достояние на произвол судьбы, двинулось в путь. По пути сновали банды грабителей, и необходимо было соблюдать крайнюю осторожность. Матерям приказано было, чтобы дети ни в коем случае не плакали... Путешествие удалось, но по прибытии в Адану некоторых из грудных детей, привязанных к грудям матерей с зажатыми ртами, пришлось похоронить.

Хотя Шейх-Мурад и был разграблен дотла, а скот распределили между нападавшими, спасение жителей было большим поражением для осаждающих, так как под стенами селения легло несколько десятков башибузуков.

История Шейх-Мурада с незначительными вариациями повторилась и в других пунктах... В городе Сисе, где армян больше мусульман, последние соединились с армянами и в течение целой недели заодно защищали город от башибузуков. Это не помешало, однако, тому,

чтобы все хутора и селения армян в окружности были разграблены и более 500 человек перебито...

Намного труднее была оборона Чок-Марсевана (Дорт-Йола). Это крупное селение расположено в 6 часах от Александретты, близ крепости Паяс. Селение это вместе с соседними занимается культурой апельсинов и шелководством. В особых, отдаленных от села хуторах многие из крестьян, как и выселок Падшарли, занимаются хлебопашеством.

Домики и мазанки более чем 1000 дворов армян заперты за тенью густых деревьев, окруженных каменными оградами. До четверга, 2-го апреля, в селении все шло по-нормальному. Но в этот и следующие дни были разгромлены все хутора, равно как и соседние селения Отдаклы и Озарлы, — в последних при этом было убито до 350 человек. Расположенное в 8 часах Наджарли, выдержав осаду в четверг днем, ночью принуждено было спастись в Чок-Марсеване. Последний, приютив до 5000 народу извне, организовал упорную самооборону против 20—30 тысяч редифов и башибузуков, стекшихся на поживу из Чукуровы, Мараша, Айнтаба и Кюрддага. Вокруг селения было устроено до 150 защитительных бойниц. Вся молодежь разделилась по последним. В устроенной на скорую руку мастерской работало более 100 человек. Готовился порох, наполнялись патроны, выделывались своеобразные пушки из толстых бревен, обмотанных проволокой.

После страха первых дней к мужчинам примкнуло до 100 девиц и молодых женщин, вооруженных пиками и косами.

Первые нападения башибузуков были отбиты с успехом...

Армяне уже готовились к последнему столкновению: было заготовлено до 3000 пик, коими в случае штурма предполагалось вооружить остальных женщин и подростков. Решено было сделать отчаянную вылазку для отбития воды или пробиться к Александретте.

И вот на 13-й день осады благодаря вмешательству консулов и миссионеров в Александретте на турецком судне явилась примирительная комиссия из миссионера и консулов в Александретте. Последним еле удалось уговорить и принудить башибузуков разойтись.

Небезынтересно отметить, что за весь период осады со стороны армян в Чок-Марсеване было убито всего

6 человек, тогда как за один первый день резни в соседних селах Отдаклы, Озарлы и других хуторах было перебито 350 человек, не считая 650 разграбленных и преданных огню построек. По слухам, под стенами Чок-Марсевана пало немало башибузуков из мусульман, что не могло поощрить их продолжать свой набег в других местах. Все эти факты служат лишь новым доказательством, что в момент внутренних религиозно-национальных волнений в Турции приходится надеяться больше на свою самооборону.

Лучшим этому доказательством служит судьба Зейтуна. Зейтун — единственный армянский округ Малой Азии, который в период полного порабощения армян сохранил равенство прав с мусульманами. Благодаря своему гористому расположению зейтунцы не только носят оружие, но неоднократно наносили удары турецким войскам. То же случилось и во время избиений 1895—96 гг., когда 30-тысячная армия Эдхема-паши была разбита горцами, располагавшими 4500 воинами, и когда, при посредстве европейских консулов, с ними был заключен сравнительно почетный для армян мир...

Избиение и резня в Адане, как это было в 1895—96 гг., сопровождались грабежами.

Все имущество армян: скот, орудия, посуда, постель, запасы хлеба, даже двери и оконные рамы — решительно все, что представляло какую-нубудь ценность,—все грабилось. Остальное же, что невозможно было унести, как дома, тяжелые орудия, деревья, предавалось огню или изрубалось.

Для уничтожения чужого добра при этом не жалелись ни труд, ни хитрые изощрения...[16]

С. З., Аданские черные дни, Баку, 1909.

100. Из донесения английского вице-консула в Монастыре послу в Константинополе Лоутеру

Перевод с английского
Монастырь, 28 августа 1910 г.

Имею честь сообщить Вашему превосходительству, что я раздобыл из секретных источников содержание речи, которую недавно произнес Талаат-бей на тайном совещании в Салониках перед членами местного коми-

тета «Единение и прогресс»... Я, конечно, не могу передать ее дословно, но у меня достаточно оснований верить, что нижеследующие строки в точности воспроизводят суть речи Талаата.

«... Вы знаете, что согласно конституции было подтверждено равенство мусульман и гяуров, но вы все вместе и каждый в отдельности знаете и чувствуете, что это неосуществимый идеал. Шариат, вся наша прошлая история, чувства сотен тысяч мусульман и даже чувства самих гяуров, упорно сопротивляющихся всякой попытке оттоманизировать их, представляют непроходимый барьер для установления действительного равенства. Мы сделали безуспешные попытки, чтобы обратить гяуров в лояльных османцев. Всякие подобные усилия неизменно будут терпеть неудачу до тех пор, пока маленькие независимые государства Балканского полуострова имеют возможность распространять сепаратистские идеи среди жителей Македонии. Поэтому не может быть и речи о равенстве до тех пор, пока мы не добьемся успеха в нашей задаче оттоманизации Империи — давнишней и трудной задаче, в которой, я осмеливаюсь предсказывать, мы добьемся успеха, когда положим конец агитации и пропаганде балканских государств...».

Артур Б. Герп

British Documents on the origins of the war. 1898–1914. Edited by G. P. Gooch and Harold Temperley. Vol. IX. The Balkan wars. Part I. The Prelude; The Tripoli war. London, 1933. p. 208–209.

101. Российский генеральный консул в Эрзруме советнику Посольства в Константинополе Свечину

Из донесения № 264 *29 сентября 1910 г.*

Несмотря на конституцию, введенную уже два года тому назад, и на кажущееся уравнение прав гражданства турок и армян, последние при столкновениях своих с турками всегда оказываются виновными и наказываются со всей строгостью по устаревшему принципу: армянин — значит виноват.

На днях в селении Кепрюкое Пассинской казы между армянами и магометанами произошло довольно большое столкновение из-за земли, причем один из армян был ранен.

Во времена старого режима много армянских земельных владений перешло во временное пользование мусульман; ныне же, когда при изменившемся строе государственной жизни владельцы-армяне стараются вернуть свои владения, всегда происходят столкновения, кончающиеся по большей части не в пользу армян. В цитируемом случае произошло то же самое: армяне, хотя и потерпевшие, были арестованы, а турок, поранивший армянина, был для видимости задержан и тотчас же выпущен...

Штриттер

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2678, л. 15.

102. Генеральный консул в Эрзруме послу в Константинополе Чарыкову

Из донесения № 377 *24 ноября 1910 г.*

Как и раньше я имел честь доносить Вашему превосходительству, отношение турецких властей к армянам оставляет желать много лучшего, во всех случаях, где армяне являются потерпевшими, их жалобы и заявления остаются гласом вопиющего в пустыне.

Сошлюсь на факты.

Разбойник Мир-Мхэ на днях убил самым зверским образом армянского чиновника Саака-эфенди Маркарьяна, ехавшего в калэ Сидник. Преступление осталось безнаказанным и армяне на свою жалобу в Константинополь ответа не получили.

Товарищ Мир-Мхэ — Кадри убил в селении Хумаре Ванского вилайета армянина Хачатура. Никаких мер к задержанию убийцы принято не было...

Продолжается посылка ружей и амуниции по разным городам; 18 ноября отправлены в Битлис 38 ящиков ружей. В Серте, Битлисского вилайета, ружья, маузеры старой системы переменены на новые, пятизарядные. Такой же системы ружья посланы в Алашкерт и Каракилису. Старые маузеры пойдут в замену ружей Мартини, которые перейдут в арсенал...

Штриттер

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2678, л. 29.

103. Избиения в Адане

(Из книги А. Адоссидеса[17] «Армяне и младотурки»)

Перевод с французского

Первая резня в Адане. С 9 по 14 апреля [1909 г.] среди мусульман Аданы происходят бесконечные собрания и тайные сборища. Они сговариваются и в лавках на базаре и даже на улице. Они явно ищут повода спровоцировать армян на беспорядки. Если проходит армянин, его оскорбляют, толкают, плюют ему вслед или встречают насмешками и издевательствами. 12 апреля, на второй день пасхи, на улице убивают двух армян, на следующий день, 13 апреля, убивают третьего. Сеют слухи, впрочем совершенно ложные, что кто-то из гяуров оскорбил турецкую женщину и убил ее мужа. Утверждают, что армяне готовятся к массовому истреблению турок, короче говоря, заботятся о том, чтобы умы продолжали оставаться возбужденными. Это — классическое начало всякой резни в Армении. Во второй половине дня 13 апреля передается известие о волнениях, вспыхнувших в Константинополе. Падишах, как говорят, подвергает наказанию всех противников религии и требует уважения к законам шариата. Вечером город Адана оказывается во власти башибузуков... Их созвали из окрестностей и даже из отдаленных сел... Они вооружены плетьми с утолщенными концами, утыканными гвоздями, топорами, кривыми саблями, вилами; лишь у немногих имеется огнестрельное оружие; многие идут в казармы за оружием.

Тем временем у Джевад-бея [губернатора Аданского вилайета] состоялось заседание совета под его личным председательством. Высшие чиновники, улемы и именитые граждане, сторонники того, чтобы завтра наказать армян. Один лишь Хаким, председатель суда, возражает против этого решения и предлагает, чтобы в случае, если начнутся серьезные волнения, в назидание другим, наказать смутьянов-мусульман. Но обратное мнение берет верх. Армяне даже утверждают, якобы муфтий вместо решения произнес привычное изречение: «Разрешается убивать неверующих и завладеть их имуществом».

Однако Джевад успокаивает иностранцев и армян, которые, обеспокоенные поведением жителей и башибузуков, приходят к нему за справками.

«Во вторник вечером, в 9 часов, — пишет один из руководителей американских миссионеров Уильям Чемберс, — я пошел к губернатору: он подтвердил, что все предосторожности были приняты, чтобы обеспечить порядок и безопасность...».

Почти все принимают на веру эти утверждения. И поэтому на следующий день, в среду 14 апреля, после трех дней пасхальных праздников, армянские, французские и американские школы отворяют свои двери для четырех тысяч посещавших их учеников. Виноградари, землепашцы уходят на поля, лавочники идут на базар.

* *
*

С раннего утра новые группы погромщиков, которые уже набили руку, убивая на окрестных фермах, ворвались в город. Деталь, достойная упоминания: все мусульмане — от высшего чиновника до последнего бродяги — выставляли напоказ белый тюрбан. Этот головной убор, убор ученых-теологов ислама, служит одновременно религиозной эмблемой и отличительным знаком, так как во время схватки помогает отличить правоверных от неверных. Была предпринята и другая предосторожность, чтобы избежать досадной путаницы: все лавки, принадлежащие магометанам, отмечены словом «ислам», которое должно их избавить от ограбления и пожаров. С 7-ми часов утра собираются группы, главным образом на базаре, где вскоре все должно начаться и где раньше, чем вспыхнет резня, будут грабить магазины армян и прежде всего ювелиров. Начинается паника, многие торговцы наспех собирают выставленные товары, закрывают лавки. Однако вали по-прежнему благосклонно, по-отечески ободряет [армян] и расточает лицемерные уверения... Он даже убеждает служителей армянской церкви пойти призвать народ вернуться к своим делам. Бояться нечего. Он отвечает за это, он клянется.

«К сожалению, я должен сказать, — пишет господин Чемберс, — что и сам, доверяя словам вали, убедил многих коммерсантов открыть свои лавки».

О событиях, разыгравшихся утром 14 апреля, у нас имеется много рассказов, из коих несколько очень обстоятельных. Мы ограничимся воспроизведением нескольких отрывков одного отчета, адресованного майору Доти-Ви-

ли, английскому консулу в Мерсине, и представленного преподобным Гербертом Адамсом Гиббонсом, преподавателем американской школы в Тарсоне и корреспондентом «Нью-Йорк Геральд». Господин Гиббонс, который, как и господин Чемберс, отличился своей отвагой и самоотверженностью в течение последующих ужасных дней, совершал в семь часов утра по улицам аданского базара «обход с целью осмотра».

«На крытом рынке я заметил, — пишет он, — что магазины армян не были открыты и что примыкающие к ним еще открытые магазины стремительно закрывались. Я остановился перед двумя лавками оружейников-турок, где мусульманские ходжи производили покупки. Потом я направился в армянский квартал...

Господин Чемберс и я еще не вышли из армянского квартала, когда навстречу нам попался окровавленный юноша. Он был избит турками, которых мы встретили немного дальше, на повороте одной улицы. Вся дорога была запружена турками, вооруженными палками с большими бантами на конце. Они не производили впечатления наспех подобранных палок, а было видно, что они запаслись ими заранее. Улицы находились во власти турок еще до того, как разразились беспорядки. На этом я особенно настаиваю. Напуганные армяне скрылись в своем квартале, за исключением группы юношей, вооруженных револьверами, которые собирались в середине базара, чтобы защищать свои магазины...

Мы направились в Серай*, желая послать депешу и повидать вали, вскоре мы оказались лицом к лицу с фериком в сопровождении заместителя армянского епископа; за ними следовала стража из солдат. Мы примкнули к ним. Когда мы свернули в одну из боковых улиц, которая ведет к открытому базару, мы заметили грабителей, взломавших одну лавку и расхищавших товары. Ферик ограничился тем, что взял у одного из грабителей палку и сделал вид, что хочет ударить его по голове. Мы подошли к входу в открытый рынок. В 150 ярдах от нас собралась плотная, яростная толпа...

К 11 часам во многих местах города раздались выстрелы сперва с промежутками, затем вдвое быстрее, и, наконец, посыпались, как град. Со всех сторон слыша-

* Серай, или Конак, правительственный дворец, где расположены Белединe—здание муниципалитета, казармы и телеграф.

лись крики: «Режьте, режьте гяуров», крики настолько зверские, что порой они заглушали ружейные выстрелы. По всему городу шла погоня за людьми, натиск на обезумевший от ужаса народ. Мужчины, женщины, дети бежали со всех сторон, растерянные, без всякой цели, ударялись о стены, падали, как пораженные молнией. Их убивали выстрелами из ружей, ударами ножей, дубинами, топорами, камнями. Вот толпа из 30—40 разбойников ожесточенно нападает на одну лишь жертву: на одном ребенке видны следы более 50-ти сабельных и ножевых ударов. Другие бандиты караулят у выходов из переулков, внезапно нападая на пробегающих армян. Воинские части действуют заодно с чернью. Находятся офицеры, пытающиеся остановить своих людей, но вмешиваются ходжи и быстро увлекают за собой тех, кто колеблется. Однако, — пишет английский консул, — «не все ходжи были единодушны. Мне встречались и такие, которые старались утихомирить толпу. Другие же, схватив ружья, сами стреляли».

Убивают на глазах у начальства, при содействии полицейских, которые, как загонщики, указывают убийцам на добычу, которая может ускользнуть от них. И повсюду после убийства начинается ограбление, после грабежа — пожар.

Одна католическая миссионерка, сестра Мария-София, пишет:

«Мы слышим треск дверей, которые выламываются, сейфов, которые взламывают, видим мебель, которую бросают на улицу...».

Под вечер в нескольких местах одновременно начинаются пожары. Дома поливают керосином и поджигают. Целые семьи в них погибают от удушья, превращаются в уголь. Тех несчастных, кому удается вырваться из пламени, укладывают на месте легионы убийц, которые гонятся за ними по пятам, охотясь на них.

Однако в трех своих кварталах армяне хорошо защищаются. Во многих местах им приходилось продержаться 24, 48 часов, отражая много раз натиски нападающих, нанося им даже крупные потери. В Тер-Капу они завладели мечетью и обратили в бегство турецкие банды. Местами пятерым удается победить целую шайку. Некоторые делают даже смелые вылазки, чтобы оказать помощь отдельным домам армян. Кое-где банды, участвующие в приступе, вынуждены отступить из-за того,

что нападающие, хотя и более многочисленные и лучше вооруженные, действуют на открытом месте, в то время как армяне, прочно укрепившиеся на некоторых улицах, сражаются с отвагой отчаяния. «Мусульмане, — пишет один консул в своем частном письме, — возмущенные и ожесточенные при виде того, как армяне защищаются, становятся еще более свирепыми».

На следующий день, в четверг 15 апреля, действия становятся более организованными и методичными...

Избиение продолжалось в течение всего дня и ночи 15 апреля и на следующий день, в пятницу 16-го числа. Это были тысячи картин резни, ужасов, сластолюбия, которые воображение не в силах представить себе. Город во власти людей, у которых нет больше ничего человеческого. Они прибегают, убивают, колют, режут на части и уходят, задыхаясь, покрытые потом и кровью, завывая, как дикие звери. Они врываются в дома, в церкви и школы, переполненные беженцами. Жертвы сотнями устремляются на улицы, маленькие и извилистые, ища выхода, и вдруг их останавливает пожар, куча трупов и раненых, настоящая баррикада из человеческих тел, или другая банда убийц. В некоторых местах армян убивают толпами, по 100—200 человек на маленьком клочке земли. И всегда после убийства наступает черед грабежа. Выносят мебель, которую нагружают на повозку и увозят... Потом поливают керосином дома и поджигают их один за другим. Они большей частью деревянные и пылают, как солома, взрываются, как фейерверк. И тем не менее, окруженные со всех сторон солдатней, сбродом, пламенем пожаров, на некоторых улицах несколько групп армян еще сопротивляются.

В Адане, как и по всей провинции, существует лозунг: бить только армян. В нескольких случаях этот запрет был нарушен и в конечном итоге в списках будет также несколько сот греков и сирийцев. Но они убиты как исключение или по ошибке. Движение направлено против ненавистной расы, против армян. А среди них особое озлобление турки питают к мужчинам. Совсем как у первобытных народов и у дикарей, в этих войнах ислама и в массовых убийствах, организуемых в мирное время, установилась традиция истреблять мужское население; что касается женщин и детей, их обрекают на рабство и обращают в веру пророка. Больше всего щадят девушек, которыми пополняют гаремы. Во время резни в

Адане и этот пункт был нарушен: много женщин, девственниц и детей юного возраста было умерщвлено с неслыханной жестокостью, чаще всего после нанесения им тягчайших оскорблений.

То, что вообще поражает в событиях, происходящих в Киликии, это та жестокость и тот невероятный цинизм, с каким уничтожается целый народ...

Мадам Дотн-Вили пишет:

«Турки сразу не убивают мужчин, и пока эти последние плавают в крови, их жены подвергаются насилию у них же на глазах»... Потому что им недостаточно убивать. Они калечат, они мучают: «Мы слышим, — пишет сестра Мария-София, — душераздирающие крики, вой несчастных, которым вспарывают животы, которых подвергают пыткам».

Многие свидетели рассказывают, что армян привязывали за обе ноги вниз головой и разрубали топором, как туши на бойне. Других привязывали к деревянной кровати и поджигали ее; многие бывали пригвождены живыми к полу, к дверям, к столам.

Совершаются и чудовищные шутки, зловещие забавы. Хватают армянина, связывают, и на его неподвижных коленях разрезают на куски или распиливают его детей. Отец Бенуа, из французских миссионеров, сообщает еще о другого вида поступках:

«Палачи жонглировали недавно отрезанными головами и даже на глазах у родителей подкидывали маленьких детей и ловили их на кончики своего тесака».

Пытки бывают то грубые, то искусно утонченные. Некоторые жертвы подвергаются целому ряду пыток, производящихся с таким безупречным искусством, чтобы дольше продлить жизнь мученика и тем самым продлить свое удовольствие: их калечат медленно, размеренно, выдергивая у них ногти, ломая им пальцы, татуируя тело раскаленным железом, снимают с черепа скальп, под конец его превращают в кашу, которую бросают на корм собакам. У других ломают понемногу кости, иных распинают или зажигают, как факел. Вокруг жертвы собираются толпы людей, которые развлекаются при виде этого зрелища и рукоплещут при каждом движении пытаемого.

Порой это жуткие мерзости, оргии садистов. У армянина отрезают конечности, затем его заставляют жевать куски собственной плоти. Удушают женщин, набивая им

в рот плоть их же детей. Другим вспарывают живот и в зияющую рану проталкивают четвертованное тельце ребенка, которого те недавно несли на руках.

Вторая резня в Адане. Запомним дату 24 апреля, субботу: это дата, когда младотурки заняли Константинополь[18]; это также день, когда в Адану прибыли конституционные батальоны румелийцев; завтра воскресенье, 25-е апреля, когда вспыхнет вторая, еще более страшная, чем первая, резня.

С четверга, 22 апреля, армяне были предупреждены. В этот день в газете «Итидаль» в язвительной статье, в которой младотурок Исмаил Сефа выступал как толкователь турецкого мнения, говорилось:

«То, что было выполнено, еще не все, этого недостаточно. Мы сделали только передышку. Но мы еще увидим, чем все это кончится...».

Это было коротко и ясно.

Тем временем местные власти бросили в тюрьму множество трудоспособных людей, разумеется, армян. Они тщательно обыскивают оставшиеся нетронутыми дома и конфискуют все оружие. Приказ категоричен: армянам надлежит сдать пистолеты и револьверы; это является условием сохранения спокойствия, заявляют должностные лица как гражданские, так и военные. Армяне, совершенно павшие духом, подавленные катастрофой, подчиняются приказу; впрочем, любая попытка воспротивиться была бы бесполезной.

Разумеется, мусульмане не были обезоружены. Наоборот, были заготовлены ружья, дубины, боеприпасы, все, вплоть до насосов и керосина, необходимых для разжигания пожаров. Было затребовано новое подкрепление убийц, мобилизовали пожарников, короче говоря, предусмотрели все, приготовили все, чтобы на сей раз провести операцию быстро, радикально, безошибочно.

Большая часть армянского населения города, лишенная своих очагов, скопилась в церквах, школах и миссиях. Там же приютились после 17-го апреля беженцы из соседних сел — в большинстве женщины и дети, так как мужчины были истреблены, спасаясь от банд, которые там свирепствовали. Ни один армянин не может покинуть город. Эту массу людей, сконцентрированную в нескольких местах, будет легко окружить и спалить, как насекомых.

В воскресенье, 25 апреля, прибывают воинские части младотурок. Утром и во второй половине дня армяне, отслужив службу в церквах, начинают на что-то надеяться, но не успел конституционный батальон расположиться в районе Кишла-Мейдана, у городских ворот, как раздались выстрелы. Это солдаты и люди Джевада стреляют из ружей; вскоре руководителям резни удалось убедить румелийцев, которые уже были недовольны тем, что им приходится защищать христиан против своих единоверцев, что армяне напали на них, что эти гяуры являются мятежниками, что они уничтожили мусульман, что они замышляют новое нападение.

Результат этих обвинений сказался молниеносно, и когда позже, к 5-ти часам вечера, банды разбойников бросаются на приступ зданий, приютивших беженцев, солдаты «освободительной» армии шагают во главе убийц и поджигателей. Вот крупное армянское учреждение, колледж и пансионат Абгаряна, где скопилось две тысячи человек, среди которых много больных, оставшихся в живых после прошлой недели. Воинские части окружают здание, пожарные поливают его керосином, и те и другие поджигают его большими дымящимися факелами или пылающими кипами хлопка. Вскоре школа превратилась в огромный пылающий костер, откуда слышатся душераздирающие крики жертв и поднимается едкий, удушающий запах горящих тел.

Один очевидец мне сказал: «Через большое зияющее отверстие на куче уже обуглившихся трупов я увидел людей, которые ползали с воем, бились, извиваясь в жестоких страданиях. Потом я больше ничего не видел; ужасное видение исчезло в вихре дыма, искр и пламени. Конституционные войска, стоя вокруг этого костра, решетили пулями каждого, кто пытался убежать».

Эта последняя деталь подтверждается рассказами всех свидетелей.

После школы Абгаряна наступает очередь других школ, церквей, армянской епархии, греческой церкви, пансионата сестер монастыря св. Иосифа, французского колледжа св. Павла; эти здания, давшие приют армянам, наводняются все новыми группами беженцев, за которыми гонятся по улицам шайки бандитов.

«На этот раз, — пишет сестра Мария-София, — бе-

женцы заходили не только через дверь: они поднимались на террасы, взбирались по столбам на балконы, которые походили на висящие гроздья людей. У нас на глазах пули настигали этих бедных людей. Они обезумели больше, чем в первый раз».

Однако хватит об этих событиях, где повторяются те же злодеяния и те же ужасы, о которых уже говорилось. Здания горят и рушатся одно за другим. Под конец стали пылать, как сухой лес, остатки этого армянского города — большая группа домов. В эту ночь и на следующий день, 26 апреля, над Аданой проносится как бы огненный ураган. А ограбление продолжается без перерыва все 24 часа; солдаты конституционного войска принимали в нем активное участие, а несколько дней спустя они проходили по улицам Мерсины под командой офицеров и погружались на транспорт, с награбленным имуществом в руках.

Во второй половине дня 26 апреля стали убирать трупы... Во вторник, 27 апреля, злодеяния пошли на убыль. Несколько позднее продолжительные ружейные залпы вызвали последнюю тревогу. Но это, как оказалось, был лишь салют в честь нового султана Мехмеда V. Вечером военные суда, стоявшие на якоре у Мерсины, сверкали огнями, празднуя это славное восшествие на престол. На поверхности воды уносимые течением медленно плыли вздувшиеся, искалеченные трупы, головы, туловища, бесформенные людские останки, принесенные рекой в море. Никогда в заливе Александретты не видели такого нашествия акул. В течение многих дней офицеры присутствовали при этом зрелище, и они сделали много документальных фотографических снимков*.

27 апреля эксцессы стали ослабевать, но совсем не прекратились: в этот день была предана огню большая протестантская церковь. Отдельные убийства и пожары продолжались еще целую неделю. До первых дней мая пожары и грабежи все еще имели место; 4-го мая солдаты разгромили одну крупную немецкую фабрику.

Так были сметены с лица земли все армянские кварталы города Аданы.

Резня в вилайете Адана. В провинции резня была не менее жестокой, чем в главном городе. Еще по настоящее время об этом выразительнее, чем людские голоса, сви-

* См.: «Illustration», 1909, 12 мая.

детельствуют развалины разоренных городов, местечек и деревень Киликии, которые, по выражению Уильяма Чемберса, «были погружены в раскаленное пекло».

С 14 апреля действовали согласно лозунгу, исходящему из Аданы.

Вали послал всем подведомственным ему органам власти знаменитый циркуляр, датированный этим же числом: «Армяне напали на нас: пошлите солдат запаса и примите меры, чтобы защитить мусульман вашей области». Во многих местностях турки были уже подготовлены; в санджаке Джебель-Берекет, наиболее пострадавшем, все были завербованы и вооружены благодаря личному усердию самого губернатора, Ассаф-бея, и натравлены на христиан по знаку, поданному его чиновниками. Там, как и везде, они действовали согласно одному и тому же правилу: убивали, грабили имущество, урожай, скот, разрушали дома, «похищали множество девушек и гнали их вперемежку с вьючными животными и скотом, их уводили далеко, чтобы спастись от поисков»* , обращали в ислам женщин, детей и даже мужчин, которым обещали пощаду лишь при условии, что они примут их веру. Во многих случаях после совершения всех формальностей и ритуалов, с обрезанием включительно, турки внезапно меняли решение в последний момент и просто-напросто убивали этих новообращенных или подвергали мучениям так же, как тех, которые противились принятию мусульманской веры.

В провинции, как и в Адане, убийства часто сопровождались пытками и гнусными приемами. Даже женщинам порой не удавалось их избежать.

Отец Иосиф, настоятель миссии Кармов, пишет:

«Женщины, дети, девочки были оскорблены, обесчещены, повешены на деревьях, размозжены о скалы... Если ожерелье женщины легко не снималось, ударами ножа отрубали голову. Чтобы получить серьги, отрывали уши, а чтобы взять браслеты — отрубали руки девочкам и приканчивали их на руках у матерей».

Лоусон Чемберс пишет:

«Армян со связанными руками бросали в реку и забавлялись, стреляя в голову несчастным, как в мишень; всякий раз, когда они показывались на поверхности».

Отец Ригаль из католической миссии пишет:

---

* Отчет немецкой комиссии.

«Одному тертеру [священнику], с целью заставить его стать вероотступником, выкололи глаза обоюдоострой черкесской саблей, которую поворачивали в окровавленных орбитах так, как буравят сверлом кусок дерева. Этой же саблей ему отрезали язык и выбили зубы».

Из одного американского отчета: «Одному человеку набили рот порохом и подожгли его спичкой»...

* * *

Здесь нельзя дать полную картину или пересказать те сцены, которые разыгрывались в каждом городе и в каждой деревне. Повсюду однообразно повторяются одинаковые злодеяния и ужасы, совершаемые столь сходчыми друг с другом методами.

В Миссисе осталось в живых только 80 человек женского и шесть — мужского пола, считая и грудных детей. В этом местечке, где имелись только два кузнеца, оба армяне, турки, не желая впоследствии лишиться их, позаботились о том, чтобы спрятать их в безопасном месте, не преминув, однако, заставить их принять ислам.

Множество девушек сожгли заживо. Когда дом, в котором они нашли убежище, запылал, они связались вместе своими волосами и дали друг другу обещание не расставаться и скорее умереть, чем попасть в руки к туркам. Одна из них, которая пыталась освободиться, так как один турок обещал ей сохранить жизнь, была брошена в пламя собственной матерью. Другие преследуемые на улицах женщины избегали бесчестья, бросившись в реку.

В Инджирлике имелось 145 армянских домов; их разрушили все. Из населения в 700 душ осталось в живых 60 человек, из них 28 мужчин.

После Инджирлика настала очередь села Христиан Кёй, где из 45 домов избежало резни только три, затем села Абди-Оглу (500 убитых) и окрестных деревушек.

В Тарсоне волнения продолжались с пятницы 16 апреля до субботы 17 апреля. Из доклада английского консула видно, что они начались тогда, когда к черни города присоединились 400 солдат запаса, приехавшие из Аданы специальным поездом после того, как резня там закончилась. Они начали с того, что уволили двух армян, служащих вокзала, затем соединились с турками города и приступили к делу...

Пожары, во время которых сгорело 797 предваритель-

но разгромленных домов, продолжались до утра. Так как еще три дома оставались нетронутыми, башибузуки подожгли их в воскресенье 18 апреля. Здесь, как и повсюду, в действиях принимали участие и воинские части.

По существу в Тарсоне число жертв было ограничено: 73 человека в самом городе; еще 242 армянина было истреблено в пригородах и 138—в близлежащей деревне Козолук, сожженной дотла.

На равнине Аданы имелось большое количество ферм, принадлежащих армянам. Все они были разорены.

В Амиде более 600 человек было убито на рынке в своих лавочках; 400 домов, 4 школы и две церкви были сожжены...

Событиям в Харны (15-го апреля) положила начало казнь всех членов мужского пола богатой семьи Экизоглу и похищение его жены и детей; потом принялись за армянские кварталы, захватывая дом за домом. Седой старик с трясущимися руками, сидя у городских ворот, давал инструкции и руководил резней. Около сотни людей, укрепившихся в одном доме, оказывали мужественное сопротивление наступающим. Так как с ними не удавалось покончить, турки прекратили стрельбу и стали делать им мирные предложения; доверчивые армяне вышли к своим врагам, но тут же были окружены, обезоружены, загнаны в овраг и заколоты все до одного...

В Харны из 190 армян, здоровых мужчин, осталось в живых только 9 человек. Спустя шесть дней после побоища семь юношей, доверчиво спустившиеся с гор, были немедленно арестованы и обезглавлены на плахе...

В некоторых деревнях, как, например, в Кенесе, ни одному человеку не удалось спастись. Ища убежища в Хиссаре, жители Кенесе попали в руки начальника Жужи-бея, который, пообещав предварительно, что доставит их целыми и невредимыми в Хиссар, велел всех ограбить и убить...

Теперь о Гасан-Бейлике.

Гасан-Бейлик был прекрасной цветущей деревней, раскинувшейся на склоне долины. Там насчитывалось около 2000 армян, людей умелых, предприимчивых, занимающихся преимущественно шелководством. 16 апреля жители Гасан-Бейлика, обеспокоенные тем, что происходит в соседних деревнях, послали делегацию к турецким ага, чтобы переговорить с ними. Те их всячески успокоили. Однако ага были заодно с бандами злодеев, которые

на следующий день окружили деревню и проникли в нее якобы по небесному знамению.

Несколько человек организовали оборону: вооруженные охотничьими ружьями, они сражались в течение двух дней под защитой импровизированных баррикад и отбивали все атаки. Но на третий день им пришлось выдержать натиск уже многих сотен турок. Отец Лабардэн, настоятель Траппа в Акбезе, пишет по поводу окружения Гасан-Бейлика следующее:

«Когда муфтий Бахче доставил оружие и военное снаряжение из складов Османие, всякое сопротивление стало невозможным».

Армяне решили отступить. В цитированном выше американском отчете далее говорится:

«...На холмах наблюдались душераздирающие зрелища. Мужья не решались покинуть своих жен... Женщинам и детям еще можно было рассчитывать на пощаду, тогда как единственной надеждой мужчин было бегство. Они группами уходили в горы в сторону Мараша и Ислахие. Женщины, в свою очередь, старались уйти как можно дальше от своей деревни. Этих несчастных обычно окружала детвора. Женщины и дети блуждали два дня и две ночи по холмам, испытывая особый страх за девушек. Последние мазали себе лицо грязью, чтобы иметь отталкивающий вид. Наконец, получив обещание быть пощаженными, женщины со своими детьми пришли в Бахче. Там их заперли в церкви, где было так тесно, что они стояли прижавшись друг к другу в течение нескольких дней. Они умирали от голода. Изредка им давали немного хлеба. Три раза пытались поджечь эту церковь; а по ночам солдаты бродили вокруг нее, стараясь похитить молодых девушек.

Что же касается мужчин, то более 300 из них были убиты на холмах, в лесах, в пещерах... В Гасан-Бейлике не осталось почти ни одного трудоспособного мужчины.

Так как дома в Гасан-Бейлике были разбросаны и окружены садами, их, грабя, сжигали поодиночке, дотла. Чтобы закончить это дело, потребовалось 12 дней. Здесь было: 416 домов, 56 лавок, 3 школы и 2 церкви.

Подобным же образом действовали в Бахче: 113 убитых, 115 сожженных домов из 127. Турецкий муфтий Ойкеш, сын Хакбабы, лично убил ударами топора 45 армян, которых связанными приводили к нему.

В другой деревне, недалеко от Бахче, в Лапажлы, 120

домов предали огню, 140 человек казнили. Двадцать других местечек и деревень в районе Джебель-Берекета и окрестные казы Ислахие, Хаса, Ярпуз, Гевчаир, Азерли (в котором 200 армян храбро защищались), несколько дальше — Карадаш, Айас и другие были преданы огню и мечу.

В Айасе, местечке, расположенном на побережье, действовали начиная с 15 апреля по заранее составленному списку, в котором ни один взрослый армянин не был забыт. Здесь резню провели особенно быстро: она продолжалась четыре часа; ей сопутствовали грабеж, насилие, пожары. Убитых: 77 христиан, из них 71 армянин и 6 греков...

Итоги резни. Чтобы установить приблизительный итог, нельзя ограничиться обзором только крупных городов и деревень, в которых имела место резня. В вилайете Адана имеется много близлежащих и отдаленных местностей, которых резня не коснулась и которые все же сильно пострадали. Весной со всех сторон Анатолии тысячи работников армян спускаются с гор на Киликийскую равнину, привлекаемые туда полевыми работами. В апреле этого года их было более 15-ти тысяч, занятых главным образом прополкой хлопка; среди них находились даже пришельцы из Себастии, Байберда и Эрзрума. Многих из них, застигнутых на фермах, на полях, в харчевнях, на дорогах, постигла участь местного оседлого населения. В области Харберда, где благодаря мерам, принятым местным вали, порядок не нарушался, все же недосчитывают тысячу человек. В области Мараша, где сравнительно мало убитых, — всего 700, большинство зарезано на равнине; в таком же положении находится район Хаджина, где насчитывают более 1500 убитых. Маленькие деревни, в которых не раздалось ни одного ружейного выстрела, остались без единого работоспособного мужчины. На много километров от места трагедии, между Кесарией и Себастией, погибло: 250 человек в Геремеке, 100—в Шефрине, 50—в Бурхане. На юге, в вилайете Алеппо, пять деревень, избежавших погрома и грабежа благодаря находившимся в бухте Суэдии европейским военным судам, потеряли 97 мужчин, зарубленных топорами в лесу; 61 мужчина пропал без вести. Можно перечислить много аналогичных случаев, которые приходится учитывать при подсчете количества скошенных человеческих жизней. Мы можем быть увере-

ны, что не преувеличим, если установим минимальную цифру 20 000 армян, убитых и сожженных с 14 по 30 апреля[19]. Но на этом скорбный перечень не кончается. В него следует вписать еще всех тех, которые, убежав от убийц и поджигателей, скончались позднее от ран, голода, а еще большее число их погибло от эпидемий, начавшихся в деревнях, зараженных зловонием трупов, в лагерях, где сосредоточены оставшиеся в живых люди.

В частном письме, датированном 11 августа, господин Доти-Вили пишет, что «в одном только городе Адана находилось 19 тысяч голодающих». В другом письме, датированном 5 августа, господин Чемберс говорит: «Семи тысячам армян угрожает смерть». Вот выдержка из отчета парижской католической миссии по делам Востока: «...Тысячи людей загнаны в лагеря без укрытия. Эти несчастные оставлены там без хлеба, без одежды. От 20 до 30 детей умирает ежедневно от кори, лихорадки, ветряной оспы, но больше всего от голода. Раненые находятся в агонии из-за отсутствия ухода...».

Вот выдержка из отчета американской миссии:

«Мы проходим по лагерю... Ночь. Женщины укрывают своих детей жалким тряпьем или травой. Другие, скрючившись, дрожа от холода, крепко обхватили руками своих детей. Один мужчина пробует уберечь от холода четырех сирот, наделяя каждого обрывком мешка. Вчера 15 детей умерло от кори, два грудных младенца— от голода...».

В число жертв следует включить еще и тех, которые вышли из этого ада немощными, искалеченными, неспособными к труду, ставших безумными, а также женщин и детей, обращенных в ислам, похищенных, оскорбленных девушек, заточенных в неволю для выполнения жестоких скотских обязанностей. Жатва девушек в Киликии была обильной. Многие были проданы или разыграны в лотерею. Через месяц после резни в Себастию, в девяти днях пути от Аданы, прибыл караван девушек, купленных в качестве рабынь. Многие транспорты, нагруженные живым товаром, направлялись в разные места Анатолии. Позднее; по требованию армянских церковных властей, похитители и торговцы были вынуждены вернуть часть своей добычи. Но в какое жалкое состояние были приведены эти, большей частью совсем юные дети! Почти все несли на себе следы бесчестья, которое им пришлось претерпеть. Были среди них и такие, кото-

рые покончили самоубийством; иных определили в больницы для лечения. В Константинополе дамы из армянского общества организовали благотворительное учреждение, где сиротки из Киликии, многие не старше 12 лет, ожидают своего разрешения от бремени.

* *
*

Во время резни часть прибрежных жителей уехала из страны. Едва ли кто-либо достоин большего сожаления, чем эти рассеянные по воле случая люди, подобранные кораблями. А также те, кто после мятежа, несмотря на запрещение покинуть страну, убежали на Кипр, в Ливан, Египет, Америку. В течение всего лета армянские церкви в Каире и Александрии были полны беженцев, из которых многие не могли даже сменить белье со времени событий, имевших место в апреле месяце*. Впоследствии многие решили вернуться в родную страну и начать заново строить свою жизнь. Вернувшись, они едва сумели найти приют.

«Плохая погода и холодные ночи не позволяют более жить в палатках, как летом. Все, кто остался от семейств, истребленных и рассеянных по свету, стали постепенно стекаться обратно в Адану, где остались только бесформенные груды развалин, неспособные принять и приютить своих жителей! Смрадные хижины полны этими несчастными.

На одном дворе, размером менее 20 кв. метров, я насчитал 60 человек; голая земля вместо пола, без циновок, которые можно найти везде, даже в самых бедных домах. Вместо крыши — обветшалая плоская земляная кровля, пропускающая воду, как решето. Бедные люди! Им было бы лучше в лагере; там было бы меньше плесени и больше свежего воздуха.

Если ради любопытства вы посетили бы сожженные кварталы, вас, как и меня, поразило бы зрелище, как из-под развалин появляются тени, нашедшие приют под чем-то вроде черного низкого покрытия, которое из-за своего расположения оказалось пощаженным пожаром и которое теперь служит убежищем и приютом для своих хозяев. В этом совином гнезде проведут они, продрогшие, эту зиму в ожидании теплых дней**.

* Отчет католической миссии («Euvre d'Orient», Paris).

**Отчет католической миссии.

В городе Адана 1190 домов, пять школ, шесть церквей и весь армянский рынок стали достоянием огня. Мы видели, что в Тарсоне сожгли 800, в Гасан-Бейлике—416, в Бахче—115, в Лапажлы—120, в Инджирлике—145, в Османие—200 домов, что во многих местечках, деревнях и деревушках не осталось ни одного уцелевшего дома. В одной только области Джебель Берекет 915 жилых домов, 6 церквей, 12 школ, не считая лавок и лавочек, были превращены в пепел.

В своем отчете депутат Юсуф Кемаль[20] упоминает 5189 домов в Киликии, подлежащих восстановлению. Эта цифра гораздо ниже реальной. Один из деятелей младотурок, производящий расследование в Адане, желая смягчить серьезность катастрофы, объяснял мне, что эти дома были лишь жалкими хижинами из кирпича и земли, не представлявшими никакой ценности. Какое это имеет значение, ведь они служили приютом целой семье! К тому же не только в таких городах, как Адана, Тарсон или Антиохия, но даже в деревнях, превращенных в развалины, возвышалось некогда много красивых домов крепкой каменной кладки. Нельзя забывать, наконец, и того, что разорены были не только очаги, но опустошены также поля, уничтожены сельскохозяйственные машины, скот, товары, расхищено недвижимое имущество, короче говоря, это было ужасное разрушение и опустошение...

A. *Adossidès,* Arméniens et Jeunes-Turcs. Les massacres de Cilicie, Paris, 1910, p. 21—79, 98—116.

104. Такрир Армянской патриархии в Константинополе министру юстиции Турции

Перевод с армянского
Константинополь, 14 февраля 1911 г.

Много лет назад (в 1827, 1876 гг. и после) нашей патриархией и уездной национальной епархией Высокой Порте, как и местным властям, систематически представлялись ведомости и памятные записки о бесчисленных притеснениях, безнаказанных преступлениях, похищениях, незаконно взимаемых податях и угнетении и т. п. со стороны извергов, покровительствуемых опороченными должностными лицами. В них содержалась лишь прось-

ба о справедливом применении закона, об обеспечении жизни, чести и имущества армян. К несчастью, эти справедливые жалобы, как и наши обоснованные требования, не только оставались без последствий и без внимания со стороны тогдашнего правительства, но положение армянского народа еще более ухудшилось: он подвергся новым притеснениям, хотя никогда не уклонялся от исполнения своего гражданского долга.

Вот эта негосударственная политика преследований и сознание того, что ты лишен права на защиту закона, толкнули беззащитный и отчаявшийся народ к крайним мерам. В некоторых местах он вынужден был, с одной стороны, бороться против угнетателей ради сохранения своего существования, а с другой, потеряв надежду и отчаявшись, — искать убежище в чужих странах.

Так всякого рода насильники-мютекалипы еще больше усилили бесчинства: с ободрения и при поддержке тогдашнего правительства они перешли к самым изощренным издевательствам, объявили себя собственниками домов, земли, садов, лугов и другого имущества армян, не только выселенных или рассеянных, но даже тех, кто оставался у своих очагов.

Местные же власти, поправ закон, освятили все эти хищения. С помощью мошеннических измышлений они захватили многие земли насильственно выселенных армян, заселив эти территории турками из других местностей и в то же время разрешив им присвоить еще земли и здания многочисленных церквей, монастырей, кладбищ и т. д.

В результате этих незаконных и несправедливых действий сегодня десятки тысяч несчастных армян лишены своей собственности, изгнаны из своих родных очагов.

Армянский народ постарался предать забвению все эти бедствия недавнего прошлого, принести их в жертву оттоманской конституции, надеясь, что новые порядки обеспечат безопасность его жизни и чести, положат конец его особому политическому положению и создадут условия мирного и культурного развития.

Народ армянский вправе был рассчитывать, что новый режим, сознавая эту действительность, сочтет одной из своих первых обязанностей заботу о благоустройстве областей, населенных армянами. Справедливость обязывает нас сказать, что в первые дни конституции центральное правительство попыталось сделать некоторые шаги,

которые обещали стать предвестниками более основательного социального и политического благоустройства в Анатолии, именно: государственная защита обездоленных, обеспечение быстрой, справедливой и беспристрастной деятельности судебных органов и административных учреждений, строгое запрещение ношения оружия и наказание деспотов, ярким проявлением чего явилось уничтожение власти тигранакертского Ибрагима-паши, создавшего, по примеру других племенных вождей, государство в государстве...

К несчастью, эти реформаторские шаги неожиданно приостановились. Более того, армянам пришлось перенести такие страшные бедствия, которые превзошли исторические кровопролития и мучения гамидского периода. Мы говорим об ужасающей и варварской резне в Киликии — страшной неожиданности, снова открывшей неисцелимую и глубочайшую рану в сердце народа. Резня эта опорочила страницы оттоманской конституции.

Вслед за этим чудовищным бедствием в провинциях было оказано противодействие конституционным порядкам, которые, наряду с колеблющейся, осторожной политикой правительства, вызвали печальные последствия, ухудшив положение областей, населенных армянами, и мигом уничтожив надежды и благие начинания, основанные на законности и справедливости. Продолжение такой равнодушной и нерешительной политики правительства было расценено как поощрение привилегированного положения деребеев и их преступных деяний, в особенности их разнузданного поведения в отношении имущества армян. Одновременно вошло в силу распоряжение Государственного совета от 1 сентября 1326 г. [1910 г.], которое узаконивает насильственные захваты, попирает права обездоленных и сводит на нет указы Совета министов от 27 и 31 августа 1325 г. [1909 г.], утвержденные султанским ирадэ. Это неожиданное вмешательство Государственного совета в высшей степени осложнило земельные споры. Разжигая вражду между угнетателями и обездоленными, оно стало причиной кровопролитий и таких мерзких актов, каковыми явились преступления в Темране и Хуте, растерзание несчастных армян и т. д. и т. п.

Упомянутое распоряжение стало также орудием в руках опороченных и недостойных должностных лиц из местных властей, основанием для возобновления запре-

щенных конституцией земельных захватов с целью их узаконения.

Этому немало помогли отделения провинциальных земельных банков, вследствие чего земли, цена которым сотни червонцев, были отняты у своих владельцев при помощи различных коварных средств и переданы за бесценок притеснителям-мютекалипам. Во многих местах земельные решения, вынесенные кассационным судом (темизом) в пользу армян, не приводились в исполнение.

В подобных невыносимых условиях общественная безопасность снова нарушается, инстинкты преступления и грабежа усиливаются среди курдов-аширетов. Эти осмелевшие вооруженные разбойничьи шайки по нескольку десятков человек совершают набеги, всячески притесняют армян. Уничтоженные конституцией деспотические налоги и разные подати снова взимаются, с исключительным бесстыдством насилуется честь армянских женщин и девушек. Дерзость преступников и бездействие правительства достигли такой степени, что в уезде Бюнян (Себастия) на суд Шариата был вынесен вопрос об исламизации армянской девушки, который мотивировался тем, что с колыбели она была обручена. В Муше открывается суд Тнета. Это делается там, где армяне понесли десятки тысяч жертв, и в то время, когда национальная солидарность более чем дорога для страны. Такой военный, как Осман-паша, сеет семена вражды и остается безнаказанным.

Чтобы дать Вашему высочеству приблизительное представление о преступлениях и притеснениях, совершенных за последний год только в отношении армян, считаем нелишним представить при этом краткий список их.

Мы, поверившие, что утверждение конституции положит конец нашим протестам, ставшими историческими, сегодня, к несчастью, разочарованы в ней, так как правительство конституционного режима проявляет беспечность, в особенности по отношению к Битлисскому, Ванскому, Диарбекирскому и Харбердскому вилайетам, где господствует полная необеспеченность жизни, имущества и чести армян.

По поводу печальных последствий возобновления притеснений, во имя пользы отечества и благополучия армянского народа, патриархат наш по обязанности своей систематически представлял такриры и мухтерены и устными обращениями постоянно умолял Высокую Порту

положить конец этому гибельному злу. В качестве примера приводим их в списке наших документов, представленных Высокой Порте, и вынуждены отметить, что ни один из них не удостоился серьезного внимания.

Это необъяснимое поведение центрального правительства создало такое невыносимое положение, что благонамеренные и деятельные вали в отчаянии оставили свои служебные посты в армянских уездах. Результатом явилось то, что и следовало ожидать, а именно:

1. К несчастью, нарушилось столь желаемое спокойствие Анатолии, гражданская необеспеченность приняла здесь более острый характер, преступления, лишающие народ его спокойствия, стали совершаться беспрепятственно и расти изо дня в день.

2. В этих же провинциях не получил своего разрешения земельный вопрос, являвшийся побудительной причиной раздоров, главным предлогом для кровопролития в прошлом и в настоящем. Более того, здесь были допущены новые захваты, узаконенные местными властями и судами в новых тапу, интигалах, исламах. Земли армян, лишенных юридической защиты, как и в прежние времена, объявляются собственностью захватчиков. На этих землях, отнятых у армян с помощью незаконных маглюлов и даже без них, стали заселять новых мухаджиров. Беззакония в земельном вопросе были санкционированы также неожиданными постановлениями Совета министров от 1 апреля 1326 г. [1910 г.] и 30 сентября 1327 г. [1911 г.].

3. Суд над известными и уже давно арестованными преступниками до сих пор затягивается, никто из них не понес наказания соответственно совершенному им преступлению (виновники убийств в Битлисе, Темране, Хуте, Алчавазе; в Ване—Кравл Шакир, Джафат, Гатир, Решид и др.), а многие из преступников освобождались, не понеся никакого наказания (в Битлисе—Сасил Папуре Кинчо, в Муше—Гаджи Феро и др., в Харзане—Пшаре Джемиль).

4. Не было возбуждено серьезное и энергичное преследование в отношении тех разбойников и убийц, которые с десятками вооруженных слуг совершали и совершают многочисленные преступления (в Ване—Саит, Срмео, Мир-Мхэ, Маме и др., в Битлисе—Пшаре Чато; из Хута—слуга Касим-бея Халил и др.). Не преследовались и те, которые, удостоившись помилования конститу-

цвонного правительства, снова совершили преступления (Сеиз Али, Гусейн-паша, Перварлы Тагар ага, Муса-бей из Кецана и др); некоторые не только не понесли наказания, но даже были поощрены назначением на правительственные должности (в Битлисе—Хияни мюдир, Кёр Ало, Печари мюдир, Али-бей, Кинчи Итаре Агаси, Терели Мехбед-бей, в Ване — Муса-бей из Кецана, Орман мюдир и др.).

5. Правительство разрешило, чтобы в Муше начал действовать незаконный и постыдный суд Тиета.

6. Вопреки конституции были узаконены многочисленные похищения и насильственное обращение в ислам, что вдохновило вооруженные банды на продолжение этих актов.

7. Феодалы, образовавшие государство в государстве, ободренные и усиленные, снова возложили на армянских крестьян унижающие человеческое достоинство подати вроде кяфирства.

8. Привилегия ношения оружия была предоставлена феодалам и их подчиненным, а закон о его запрещении приводится в исполнение только в отношении армян.

9. Местные государственные должности по-прежнему оставлены преимущественно в руках мютекалипов, которые всеми своими известными действиями порочат правительство и служат источником бед. Вместо того, чтобы привлечь к ответственности и наказать этих бездарных и преступных должностных лиц, центральное правительство довольствуется очень часто перемещением их на более высокие посты.

10. Уездные административные и судебные власти, подобранные из таких недобросовестных лиц, сделав основой своей деятельности несправедливость и неравное отношение, привели народ в отчаяние, лишили его всяких прав.

11. Кочевые племена, которые были главными действующими лицами в преступлениях, нарушивших спокойствие страны, вопреки закону и правам человеческим не призывались правительством к серьезной ответственности за совершенные ими вооруженные насильственные набеги, за захват земель и другие преступления. До сих пор даже не предприняты меры к возвращению их на прежнее постоянное местожительство, чтобы таким путем предотвратить их набеги в Ванском и Битлисском на-

горье, захват пашен и земель у мирного населения, уничтожение посевов и т. п.

Естественно, что перед лицом столь явной и серьезной опасности, грозящей существованию народа армянского, национальное собрание армян не могло оставаться бездеятельным и, вероятно, Вашему высочеству известно, что оно выразило свою озабоченность по поводу вышесказанного.

Поэтому, милостивейший государь, побуждаемые нашими обязанностями и чувствами, мы обращаемся к Вашему высочеству, прося возможно скорее исправить допущенные ошибки и устранить бедствие, грозящее стране и народу армянскому...

ЦГИА Арм. ССР, ф. 57, оп. 2, д. 666, л. 3—8

105. Русский генеральный консул в Эрзруме послу в Константинополе Чарыкову

11 марта 1911 г.

Армянское население селений Эрзерумского вилайета стонет под тяжестью налогов и жестокости.

По сведениям из Муша, армяне, выведенные из терпения жестоким взысканием податей и продажей с аукциона для уплаты недоимок их имущества, решили поголовно принять православие, надеясь тем избавиться от жестокостей турецкого режима. В некоторых селениях Муша произошли столкновения между жандармами и армянами, кончившиеся, конечно, не в пользу армян.

А. Штриттер

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2680, л. 38.

106. Русский посол в Константинополе Чарыков товарищу министра иностранных дел Нератову

Перевод с французского

Из депеши *8 октября 1911 г.*

В последнее время случаи убийств и покушений на жизнь, честь и собственность армян не только не стали реже, но, напротив, все более и более учащаются. Армяне особенно удручены тем, что виновные до сего време-

ни не только примерно не наказаны, но даже серьезно не преследуются юстицией...

Каждый день армянские газеты сообщают о новых инцидентах и новых преступлениях. И Битлисский вилайет больше всего страдает от них. Совсем недавно, 30 августа, архиепископ этого вилайета сообщил в патриархию: «...Вожаки курдского племени ободрены безразличным, или, вернее, доброжелательным отношением должностных лиц; они терроризируют население своих районов и готовятся повторять свои прежние «подвиги»... Нигде население не чувствует себя в безопасности, всюду циркулируют тревожные слухи...».

Покушения на жизнь и честь граждан и сопровождающие их грабежи, похищения и насильственное обращение в ислам стали хроническим явлением. Следует отметить, что среди организаторов этих скандальных актов фигурируют имена государственных чиновников: мюдира селения Кахта-Мирзе (Малатия)—Фехми-эфенди, который похитил армянку, именуемую Зарой, и мюдира Геленджика, от действия которого пострадали священник и армяне округа. Мирская община Малатии информировала патриархов о том, что правительство вместо того, чтобы наказать виновных, назначило их на другие, более высокие посты. В Самсуне два полицейских агента под предлогом обыска ворвались силой в дом армянской вдовы и учинили там бесчинства. В то же время викарий епископства в Фаркине сообщил патриархии 18 июня 1911 г. о том, что правительство в целях пресечения актов грабежа со стороны некоторых курдских племен, действующих в окрестностях, направило туда майора Мурад-бея с 66 кавалеристами, но майор Мурад-бей вместо того, чтобы преследовать разбойников, притесняет армян и требует у них оружия...

АВПР, Политархив, д. 3457, л. 68—70.

107. Из телеграмм, поступивших в Армянскую патриархию в Константинополе

Перевод с армянского
Июль—сентябрь 1912 г.

1. От ахтамарского католикосского викария, архимандрита Езника. 19 июля 1912 г.

В последние дни в Ахтамарской епархии в Геваше,

Хизане и Шатахе были убиты по два человека, всего убито 6 армян.

Вследствие отсутствия безопасности народ находится в отчаянии.

2. От ванского епархиального начальника епископа Сараджяна. 18 августа 1912 г.

Предводитель шайки Мир-Мхэ 16 августа убил четырех мужчин, двух женщин, жителей села Крменц, в Шатахе. Крестьяне, в ужасе покинув села и посевы, скрылись в Шатахе. Вследствие учащения убийств и грабежей в вилайете сообщения прерваны...

3. От ахтамарского католикосского викария, архимандрита Езника. 25 августа 1912 г.

Деревни Хизан, Спаркерт и Кецан подвержены грабежу и опасностям. Большая часть деревень ограблена. В Азларе и Спаркерте убито 6 человек, похищена одна женщина. Армянское население этих местечек, покинув свои дворы и посевы, разбежалось...

4. Из мушского епархиата. 1 сентября 1912 г.

Положение прежнее, случаи [убийств] повторяются, правительство никаких мер не приняло.

АВПР, Политархив, д. 3459, л. 68—69.

108. Патриарх западных армян католикосу Геворку V

*Перевод с армянского**

Из письма *4 сентября 1912 г.*

По объявлении оттоманской конституции, которая уничтожила обагренный армянской кровью прежний деспотический строй, мы в полной надежде ждали, что наступит конец неслыханным бедствиям; но теперь с болью в сердце принуждены констатировать, что положение вещей в отношении армян не подвергалось какому-либо благоприятному изменению. Ужасной резней в Адане начался новый период, полный всюду новых злодеяний, и ныне, в частности, ареной их стали епархии Ванская, Ахтамарская, Битлисская, Мушская и Сертская. Вновь полученные телеграммы извещают об убийствах, опустошениях, похищениях женщин и насильственном обращении в ислам даже малолетних; и все это соверша-

* Перевод сделан в Эчмиадзине в 1912 г. (Ред.).

ется если не по тайному наущению или соучастию, то, по крайней мере, пред очами представителей власти при их полной индифферентности; все это совершается вооруженными полчищами над нашими безоружными и беззащитными братьями, служащими объектом удовлетворения страстей этих варваров-фанатиков, которые стремятся продолжить зверства и опустошения и грозят совершенно стереть с лица земли армянский народ, если не будут непосредственно предприняты реальные меры для его защиты.

Неоднократно вниманию Высокой Порты было представлено нами печальное положение заселенных армянами провинций, неоднократно представлены ей такриры для распоряжения об экспроприированной земле земледельцев, лишенных этим средств к существованию, к которым присоединялась просьба прекратить различные притеснения. Мы получали обещания учредить комиссии, уполномоченные заняться рассмотрением преступлений на месте, применить правосудие, отправить воинскую силу для обуздания преступных шаек, но ни одно из сих обещаний не приведено в исполнение, и положение вещей дошло до нынешнего горестного состояния, под влиянием которого мы принуждены были обратиться совместно с представителями национального собрания (при Армянской патриархии в Константинополе) ко всем министрам Высокой Порты, чтобы выяснить положение вещей и на этот раз с сердцем, полным горечи и отчаяния, заявить энергичный протест против тех преступлений, которые практикуются даже во время конституционного режима против многострадального народа нашего, доля которого терпеть бедствия на родной земле, между тем как он явился одним из элементов в деле прогресса и культурного развития всего Оттоманского государства, исполняя все возложенные на него гражданские обязанности...

По обыкновению, опять воспоследовали обещания сделать внушительные указания провинциальному начальству, наказать и обуздать преступные элементы, о которых мы спешили известить наши епархии, однакож в ответ на это снова посыпались телеграфные известия из Муша, Битлиса и Серта о том, что власти ничего не предпринимают, что положение вещей остается тем же, что грозит опасность всеобщей резни.

Вот, Ваше святейшество, положение паствы Вашей

в Турции: постоянные угнетения, бесконечные и неописуемые бедства, тревожное настроение в армянском народе; со стороны наших братьев, обитающих в Европе, протесты и предложение обратиться куда следует, объяснить наше положение и дать внять нашим мольбам, чтобы найти средства.

Согласно повелению Вашего святейшества, выяснив положение вещей, мы считаем себя обязанными объявить Вашему святейшеству, что мы, по примеру наших предшественников, не избегая всей тяжести исполнения наших обязанностей, старались достичь обеспечения жизни, имущества и чести в населенных армянами провинциях. Но так как все принятые нами меры не гарантируют нам более достижения желанных результатов, т. е. спокойствия и обеспеченности, каковые требуются от нас Вашим святейшеством как духовным отцом народа нашего, и так как при Вашем положении, при возможности официальных переговоров и при знании положения вещей, надеемся, что Вы соизволите дать надлежащие указания, просим Вашего совета, на основании которого возможно будет определить то направление, коего держаться признано будет разумным и практичным и способным дать выход данному положению вещей, и этим избавить нас как перед лицом народа, так и перед Вашим святейшеством от тяжелой участи ответствовать, избавить также от укоров совести, каковые мы чувствуем постоянно, видя страдания паствы Вашей в Турции и осуществление проекта систематического уничтожения ее и безрезультатности нашей мольбы и протеста...[21].

Архиепископ **Ованес Аршаруни**

АВПР, Политархив, д. 3459, л. 70—73.

109. Русский вице-консул в Адане послу в Константинополе Гирсу

Перевод с французского

Из донесения *Мерсин, 8 (21) сентября 1912 г.*

Как бы ни казалось странным, однако, как я уже имел честь сообщать в моих докладах по этому поводу, есть все основания считать, что при прошлом режиме обстановка в этом вилайете внушала гораздо меньше опа-

сения, чем сейчас, и это несмотря на то, что тогда армянский вопрос стоял чрезвычайно остро. Комитет «Единение и прогресс», который должен был восстановить порядок и учредить права, свободы и справедливость, сумел лишь посеять здесь, как и в большинстве других вилайетов, величайшую анархию. Те самые солдаты, которых Комитет послал из Салоник в Адану во время апрельских событий 1909 года для наказания зачинщиков армянских погромов, причинили как раз наибольшее зло, довершив кровавый и варварский разгул, начатый их единоверцами-мусульманами. Эти солдаты убивали и расстреливали всех, кто оставался еще в живых из армян, безразлично мужчин, женщин и детей, поджигали дома, магазины и жилища и грабили все, что попадалось под руку.

Как верх правосудия, военный суд, созванный для разбора дел преступников, виновных в совершении зверств, повесил несколько невинных армян...

Что касается действительных преступников-мусульман, то их приговорили к ссылке на несколько месяцев в такие провинции, пребывание в которых вряд ли будет им неприятно: Александрия (в Египте), Каир, остров Родос.

Пусть теперь кто-нибудь попробует отрицать, что все члены этого суда, решения которого не подлежали обжалованию, уехали из Аданы не с набитыми золотом карманами. Во время резни золото это, конечно, было отобрано у армян, поскольку все сундуки, принадлежавшие армянам, были взломаны и опустошены. Простые солдаты также получили свою долю, ведь они совершили «благое дело», оказав помощь своим единоверцам в выполнении этой задачи. Тут пытались замять это и даже оправдать столь позорные действия солдат...

Так, очевидно, понимает принципы права, свободы и справедливости комитет «Единение и прогресс», организация, которая должна была сменить господство насилия, ссылок и убийств... Неудивительно, что вали и гражданские чиновники, сменяющие друг друга в этом вилайете, превратив эти события в источник насыщения своей алчности, свели на нет последние жалкие остатки правосудия. Таким образом, достаточно человеку быть христианином, чтобы его дело оказалось проигранным в суде и чтобы его признали достойным виселицы всякий раз, когда противной стороной является мусуль-

манин. Пытки, которые при прежних порядках были неизвестны в этих местах, применяются сегодня в тюрьмах по отношению к христианам... Но скажут: мусульманское население Аданы состояло в самых лучших отношениях с христианами; оно сумело противостоять всем подстрекательствам и влиянию тех, кто настроен против армян Чем же объяснить, что мусульмане превратились в фанатиков настолько, что оказались способны совершать самые варварские акты, какие только знает история?

Если мы восстановим факты в хронологическом порядке, то сможем констатировать, что и это является делом рук комитета «Единение и прогресс», а отнюдь не бывшего правительства... После того, как комитет «Единение и прогресс» взял власть в свои руки и его апостолы начали проповедовать во всех мечетях..., проснулись кровожадные инстинкты в этом невежественном, но мирном до тех пор населении, результатом чего явились трагические события 1909 года...

Мавроматн

АВПР. Политархив, д. 3459.

110. Обращение представителей благотворительных и культурно-просветительных учреждений Еревана к католикосу Геворку V

Перевод с армянского
Ереван, 25 сентября 1912 г.

Печальные вести из Турецкой Армении не прекращаются. Частные погромы возобновились, и армянский народ снова оказался перед опасной угрозой. Создалось положение, при котором могут повториться трагические события 1895—1896 гг. По-прежнему там нет гарантии жизни, имущества и чести, вследствие чего в различных городах Турции проходят митинги протеста. Волнующие вести из Вана, Багеша, Муша, Тигранакерта и Киликии здесь, в России, потрясли широкие круги армянской общественности. Возмущенные упомянутыми явлениями, в целях предотвращения надвигающейся опасности и ужасов, мы, представители армянских национальных благотворительных и культурно-просветительных учреждений, созвав епархиальный совет, решили обратиться к Вам,

Ваше преосвященство, к католикосу всех армян, к отцу нашему с глубочайшей сыновней почтительностью и попросить Вас обратиться к могущественному императору России, чтобы он своим вмешательством защитил турецких армян и поставил конец их мучениям.

[Следует 31 подпись]

ЦГИА Арм. ССР, ф. 57,оп. 2, д. 679, л. 1.

111. Письмо католикоса всех армян наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову

2 октября 1912 г.

Тяжелое горе постигло многострадальный армянский народ в пределах Турции. Стоны и вопли народа-мученика слышны отовсюду. Армянский константинопольский патриарх, обращаясь ко мне, описывает безвыходное положение свое и константинопольского армянского национального собрания и просит моего совета и содействия. В анатолийских вилайетах Турции и в Киликии армяне безнаказанно подвергаются неслыханным гонениям: их убивают, грабят, уводят в свои гаремы их жен и дочерей и многих насильственно обращают в ислам. Армянский патриарх многократно обращался к Высокой Порте за правосудием и защитой для своей паствы, но, получив только пустые обещания, взоры свои через меня обращает к великому русскому народу и державному государю нашему и от его величества ожидает защиты и покровительства...

Я решился отправить к Вашему сиятельству в Петербург члена Эчмиадзинского армяно-григорианского синода епископа Месропа, возложив на него обязанность представиться Вашему сиятельству, передать Вам перевод доклада и такрира (меморандума) константинопольского патриарха и устно ознакомить с обстоятельствами. Ваше сиятельство, под влиянием тяжелых слухов стали волноваться и армяне в пределах нашего государства и своими петициями, телеграммами просят меня ходатайствовать перед монархом нашим и умолять его величество взять под свое мощное покровительство армянский народ в Турции... В этот тяжелый исторический момент, когда балканские христианские народы, освобожденные

мощным покровительством и силою оружия России, сами вооруженные идут защищать своих единоверцев в Турции, я, избранник армянского народа, внимая гласу его и чувствам, обращаюсь через Вас к исконной защитнице христианских народов на Востоке и именем бога умоляю взять под свое покровительство многострадальный армянский народ, живущий в Турецкой Армении.

Католикос всех армян Геворк V

АВПР, Политархив, д. 3459, л. 59—60.

112. Письмо духовного предводителя армян Тарона католикосу Геворку V

Перевод с армянского
Муш, 13 октября 1912 г.

Провозглашение османской конституции было встречено с большим восторгом всеми армянами, но она не принесла тех результатов, которых ожидал угнетенный народ. Правда, года два царило некоторое спокойствие, но основные реформы и преобразования никогда не были осуществлены, а такие глухие уголки нашей епархии, как Сасун, Хут, Брнашен, Моткан и др., продолжали подвергаться насилию, которое стало еще невыносимее из-за того, что угнетенные, узнав о конституции, организовали движение, чтобы сбросить тяжелое иго; убийства, похищения, разбой и воровство продолжались, и преступники остались безнаказанными.

Для нашей области самым важным вопросом, причиняющим всем слоям народа глубокую боль и оделавшимся источником многих зол, является земельный вопрос; армяне в эпоху деспотизма не только были ограблены, потеряли не только тысячи почетных людей, но и свои имения, захваченные турецкими и курдскими беями и ага, которых воодушевляла политика истребления армян, проводимая султаном Гамидом. Нет ни одной деревни, которая не подверглась бы этим лишениям. Армяне по наивности своей думали, что благодаря конституции они снова станут хозяевами своих собственных земель; с такой надеждой люди стали выступать с протестами, следовавшими один за другим; насильники были охвачены ужасом, и среди них нашлись такие, которые под влия-

нием происходящего вернули земли владельцам. Однако вскоре была введена в действие старая коварная политика османского правительства, развеявшая все надежды; сколько раз на административных собраниях было решено отдать земли их владельцам, имеющим в своих руках законные купчие крепости! В связи с этим были изданы и высочайшие указы, но все это не смогло повлиять на недобросовестных должностных лиц, находящихся под влиянием беков и ага, и насильники остались хозяевами захваченных у армян земель. В этом отношении особенно тяжелым является положение тех армян, большая часть которых, бежавшая в свое время от меча и огня и утвердившаяся на русской земле, заслышав о конституции, вернулась на родину. Они и до настоящего времени не могут получить свои владения и остались без пристанища, без земли. Правительство, не удовлетворившись захватом земель армян-изгнанников и распределением их между турецкими и черкесскими переселенцами, отнимает у оседлых, никогда не покидавших своей родины армян земли и отдает их переселенцам-мусульманам. Жертвой таких беззаконий стали деревни Варденис, Арнист, Дрмерт и Бостакенд моего уезда; большая часть их земель распределена между черкесами, и постоянные протесты армян остаются без ответа. После провозглашения конституции также имело место незаконное присвоение земель армян. Так, например, обширное имение «Бостанкайа» Автал-аги из деревни Каракайак Маназкертского уезда каймакам того же уезда в 1910 году отдал черкесам. Армянские деревни Дзитенк и Дашт-патик Сасуна по незаконному решению суда того же уезда в упомянутом году были переданы курдам из Мусы и Бозука; три армянские семьи из деревни Гапелчох в Сасуне были выброшены из своих домов, а их дома и владения переданы разбойникам-курдам из Мусы...

Бежавших с Кавказа и Румелии мусульман также поселили на землях армян и тем самым пребывание на родине сделали невыносимым для армянина. Гамид низложен, но гамидовская политика истребления армян последовательно продолжается. Напрасно обвиняют курдов, черкесов или других: корень зла и коварства—турецкое правительство; нет никакой разницы от того, какая партия возглавляет его—иттихад или итиляф. Как не распоясаться курду, если вопреки содеянным преступ-

лениям он пользуется покровительством и защитой не только военных властей, но и полиции и жандармов и вместе с тем видит, что армян преследуют, что никто не внемлет их протестам, отбирают у них даже самое простое оружие и еще подвергают наказаниям, видит, что к ним относятся как к врагам, между тем как сами они, курды, ходят вооруженные с головы до ног, и никто не упрекает их за это.

Так турецкое правительство проводит свою политику двух мерок, и поэтому армянский народ, начиная от простого крестьянина до горожанина, от неуча и до ученого, в равной степени разочарован и потерял всякое доверие к турецкому правительству, обратив свой взор на север, ожидая спасения от великой христианской державы.

Как предводители, мы часто по долгу службы входим в общение с турецкими должностными лицами. И всегда наши сердца наполняются горечью и глубоко оскорбляются при виде незаконных действий и шовинистического пристрастия этих лиц, которое они по всякому поводу проявляют по отношению к армянам. Поистине, как говорят некоторые, армяне являются не пасынками этой страны, а, скорее, рабами, и, если турецкое правительство и впредь станет продолжать ту же политику, армянин будет осужден на вечное рабство, испытывая всяческое насилие, проливая пот и кровь, своим трудом кормя турка-насильника, курдского бея и ага.

Среди наших горестей нас очень занимает вопрос о насильственных действиях откупщиков, которые под предлогом десятины грабят армянских и курдских крестьян, неделями забрасывают поля, не отмеряют очищенную пшеницу, требуя дополнительных налогов, пока не получат свою долю. Ночью они тайком уничтожают следы от скирд, а на утро требуют штраф: они сами же являются и судьями, и прокурорами, кто же может им сопротивляться? Если даже найдется кто-нибудь, кто осмелится обратиться к правительству, то он не только вернется ни с чем, но и понесет еще большие убытки, ибо именно родственники и близкие люди этих откупщиков сидят в правительственных учреждениях. Если бы даже не это обстоятельство, достаточно того, что протестующие являются христианами, а обвиняемые—мусульманами. Исход ясен... За бахчи, сады и огороды взимаются налоги в четырехкратном размере. Хотя против этого

грабительского установления о десятине долгие годы со всех сторон слышатся голоса протеста, но все остается неизменным. В прошлом году министр финансов Джавид-бей на заседании османского парламента, признав негодность этого установления, в то же время отметил, что для выгоды государственной казны надо еще на некоторое время сохранить его. Налог за дорогу—12 курушей на одного человека, взимается каждый год, но состояние дорог Турции, в особенности в этих краях, довольно плачевное и предоставлено прихоти дождей и ливней. Другое нарушение этого установления: известно, что от этого налога освобождены инвалиды, слепые, старосты, учителя и люди, находящиеся на чужбине, но в этих местах со всех без исключения, и даже с покойников, взимается этот налог.

Турецкая жандармерия, в обязанность которой в основном входит обеспечение безопасности уезда—преследование и арест преступников,—по сути дела является не меньшим злом для крестьян, которых жандармы избивают, истязают, грабят и у которых бесплатно получают продукты для себя и корм для лошадей. Когда же жандармы идут набирать молодежь призывного возраста и не застают их в полной готовности, то с яростью обрушиваются на их родных. Сколько раз об их варварских и незаконных действиях мы посылали телеграммы протеста, даже начинали следствие в присутствии пострадавших, но следователи прилагали все усилия, чтобы скрыть истину и оправдать полицейских, и те, воодушевленные покровительством своих начальников и правительства, продолжают свои насилия и зверства по отношению к беззащитному народу.

До провозглашения конституции самым удобным поводом для преследования и ограбления армян было объявление их подозрительными элементами. Кажется, что и теперь турки снова стараются вступить на этот путь; хотя и армяне были самыми верными подданными Османской империи, особенно в период конституции, не останавливались перед всяческими жертвами и сегодня вместе с турецким и курдским солдатом проливают кровь за свое отечество, все это не имеет никакой цены... с армянскими солдатами обращаются настолько плохо, что казарма для них превратилась в ад. В предыдущую зиму из 80 армянских солдат вследствие неблагоприятных условий 25—30 человек умерло от тифа. По этому и по

другим поводам, внимая горестным жалобам армянских солдат, мы обращались и в патриаршество и к их командующим, взывая к справедливости, но не добились почти никакого результата.

А подробное описание убийств и грабежей считаю излишним, чтобы не наскучить Вашему преосвященству.

Однако, по моему скромному мнению, достойны глубокого внимания не эти события, которые турецкие чиновники, начиная от низших чинов и кончая высшими, стараются представить как частные случаи, а то вредное, враждебное армянам направление, дух черной ненависти и полное яда чувство к ним, которыми охвачены не только турецкие чиновники, но и богатая и развитая прослойка, за очень редким исключением. Все их речи о жалобах армян и их обещания лживы и неискренни, они обманывают тайком и в открытую, обманывают без стыда и совести и, наверное, про себя посмеиваются над легковерием армян. Их невежественный люд страшно фанатичен; устремили они свои жадные взоры на имущество армян и не хотят, чтобы даже луч солнца коснулся неверного. А образованные, или младотурки, — страшные шовинисты и потому более опасны[22].

Епископ Нерсес Хораханян

ЦГИА Арм. ССР, ф. 57, оп. 2, д. 666, л. 39—50.

113. Из записки секретаря Русского генерального консульства в Эрзруме, представленной в штаб Кавказского военного округа

Эрзрум, 23 ноября 1912 г.

С объявлением конституции в сущности ничего в Турции не изменилось — переменилась лишь самая власть, все же порядки остались прежние.

Можно сказать без преувеличений, что положение армянского населения восточных вилайетов Турции в настоящее время ничуть не лучше гамидовского времени, а напротив, даже хуже — прежде была хоть какая-нибудь власть, теперь же в провинции царит полная анархия. Газеты почти ежедневно приносят все новые и новые известия о насилиях, совершаемых над армянским населением...

Во время моих многочисленных поездок по Турции мне пришлось многое видеть, приходилось и много говорить с армянами всех слоев населения, начиная с простого крестьянина-земледельца и кончая лицами интеллигентными, и из всего виденного и слышанного я вынес только одно впечатление, что положение этого народа, заброшенного среди фанатичных и враждебных ему мусульман, действительно ужасно: ежечасно, ежеминутно им приходится дрожать не только за свое имущество, но и за свою жизнь, так как слухи о готовящихся погромах никогда, в сущности, в Турции не прекращаются. Естественно, что жить при таких условиях многим не под силу; кто может—выселяется из Турции, остаются лишь те, кто по тем или другим причинам не в состоянии выселиться...

Размеры армянских погромов нельзя исчислять лишь жертвами, павшими непосредственно от резни. Несравненно глубже захватывают и влияют на сокращение населения косвенные результаты их, выражающиеся в уменьшении рождаемости, и, вследствие этого, и прироста населения на многие годы вперед благодаря физическому, духовному и особенно материальному истощению и упадку, неизменно сопровождающим подобные погромы...

Надворный советник **Вышинский**

ЦГВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 1004, л. 433—436, 444.

114. Посол в Константинополе министру иностранных дел Сазонову

Из депеши № 117 *26 ноября 1912 г.*

Отношением от 5 ноября с. г. № 755 Ваше высокопревосходительство изволили препроводить ко мне подлинное письмо председателя Совета министров от 31-го октября с. г. за № 6125, с пятью приложениями, по вопросу о защите турецких армян, и просили моего заключения по настоящему делу. Получение мной этого доверительного сообщения Вашего высокопревосходительства почти совпало с посещением меня двумя видными армянскими деятелями, изложение беседы с которыми я считаю полезным предпослать моему заключению.

Вышеупомянутые лица — бывший депутат турецкого парламента Зограб и член смешанного совета армянского патриархата Мартикян. Заявив, что они говорят со мной от имени патриархата и всей армянской нации, они в крайне мрачных красках представили мне положение своего народа, ухудшающееся с каждым днем под влиянием все более развивающейся в Турецкой империи анархии...

«Требования наши, — говорили гг. Зограб и Мартикян, — очень скромны. Мы желаем только обеспечения нашей личной и имущественной неприкосновенности — права на жизнь в пределах закона. Но этого-то права турецкое правительство не хочет или не может нам обеспечить. Когда в Турции провозглашена была конституция, армяне искренне приветствовали ее, думая, что их вековым страданиям положен наконец предел. Даже ужасная Аданская резня 1909 года была прощена туркам и вменена в вину старому режиму. Но дальнейшие обстоятельства заставили армян горько раскаяться в своей доверчивости. Курды по-прежнему грабят, насилуют и убивают беззащитное армянское население, а турецкая администрация по-прежнему лицемерно присутствует при этих всех ужасах, не принимая никаких мер к их прекращению; захваченные курдами земли не возвращены армянам, которые разорены дотла. В самое последнее время усиливаются зловещие слухи о готовящихся новых погромах. Все эти факты довели турецких армян до полного отчаяния».

Переходя затем к цели своего посещения, армянские делегаты заявили категорически, что армянский народ не видит ныне никакого иного выхода, кроме обращения к России, которая одна может спасти его из ужасного положения. При этом названные армянские деятели указали, что армянский народ утратил всякую веру в действительность каких бы то ни было турецких реформ, хотя бы даже под европейским контролем; неудачный, по их мнению, исход македонских реформ свидетельствует о невозможности добиться каких-либо ощутительных для населения результатов при сохранении турецкой администрации. Поэтому гг. Зограб и Мартикян полагают, что армянский народ мог бы быть спасен только более радикальной мерой, а именно: русской оккупацией армянских вилайетов, притом оккупацией не временной, а постоянной, носящей характер австрийской оккупации

Боснии до 1908 г. В этом желании русской оккупации солидарны-де в настоящее время все армянские партии...

Считая, что далеко не в наших интересах отталкивать от нас армян, я ответил моим собеседникам, что русское правительство, следуя вековым традициям, с глубоким участием относится к страданиям армянского народа. К конкретным же предложениям армянских представителей я счел долгом отнестись с величайшей сдержанностью, обещая только довести о них до сведения императорского правительства и указав, что настоящий момент, когда еще не ликвидирована Балканская война, не является подходящим для какого-либо выступления по данному вопросу.

В том, что гг. Зограб и Мартикян действительно отражают воззрения и надежды большинства турецких армян, по-видимому, нет основания сомневаться. Беседа, которую я имел на днях с патриархом Аршарони в присутствии того же г. Мартикяна, вполне убедила меня в этом. Его блаженство, повторив все сетования армянских делегатов, горячо просил о заступничестве государя императора за несчастный армянский народ.

Ваше высокопревосходительство уже осведомлены о настоящем положении армянского вопроса в Турции как из донесений гофмейстера Чарыкова (от 12 (25) сентября 1909 г., 3 (16) октября 1909 г., 22 ноября (5 декабря) 1911 г., 17 (30) декабря 1911 г.), так и из моего от 16 июня сего года за № 18. Что же касается современного его фазиса, то я должен констатировать, что с памятных годов 1894—1896, когда армяне подвергались варварскому избиению в Малой Азии и в самом Константинополе, положение это нисколько не изменилось к лучшему. Декрет о реформах в армянских провинциях, изданный султаном Абдул Гамидом 20 октября 1895 г. под давлением России, Франции и Англии, остался мертвой буквой...

Такрир, представленный армянским патриархом в Константинополе Высокой Порте и министру юстиции и приложенный к письму председателя Совета министров от 31 октября с. г., к сожалению, рисует верную картину бедствий и притеснений, которым подвергаются армянские подданные султана.

Вышеизложенные обстоятельства сами по себе в достаточной мере объясняют все более усиливающееся тяготение армянских масс к России и дают полное основание верить в искренность этого направления. Но симпа-

тии к России проникли также и в армянскую буржуазию и интеллигенцию, среди которой, как я уже имел случай указать, революционные партии начинают терять авторитет, и образуются новые партии с консервативными программами. Запрошенные мной на днях консулы наши в Ване, Баязеде, Битлисе, Эрзруме и Трапезунде единодушно свидетельствуют, что ныне все армяне, без различия партий, на стороне России: например, вице-консул в Ване телеграфирует от 21-го ноября с. г., что «все армяне ныне на стороне России, искренне желают прихода наших войск или реформ под контролем России» Вице-консул в Баязеде телеграммой от 21-го ноября сообщает: «Армяне, все без различия партий, весьма враждебно относятся теперь к Турции и очень желают протектората России и оккупации ею Армении».

Ныне католикос всех армян, через наместника его императорского величества на Кавказе, взывает к России, как «к исконной защитнице христианских народов на Востоке и именем бога умоляет взять под свое покровительство многострадальный армянский народ, живущий в Турецкой Армении».

На основании всего вышеизложенного я должен признаться, что обращение католикоса вполне верно отражает современное настроение армянского населения турецкой империи по отношению к России. Официально возбужденный духовным главою армянского народа вопрос для России является вопросом первостепенной государственной важности, требующим всесторонней разработки, к которой я и намерен приступить в ближайшем будущем, по поступлении в посольство сведений, затребованных мной из патриархата и от наших консулов...

Гире

АВПР, Политархив, д. 3459, л. 48—50.

115. Из обращения 3000 васпураканцев к католикосу Геворку V

Перевод с армянского
Ван, 11 декабря 1912 г.

После нашествия тюркских племен на Малую Азию и Армению прошло более шести веков. За все это время Армения пребывала в условиях разрушительных и опу-

стоительных походов. Такие бедствия, как, например, войны, землетрясение, ураган, смерч, разрушения, со временем прекращаются и обычно наступает пора восстановления. Но страны, подпавшие под османское господство, продолжают оставаться в том же разрушенном и разоренном состоянии; здесь не только не было восстановлено разрушенное, но опустошающая деятельность продолжается и поныне. Поройтесь в шестивековой истории этой страны, обойдите все турецкие владения, и вы увидите города, разрушенные до основания, деревни, стертые с лица земли; некогда цветущие края ныне пустынны и безлюдны. В этой стране вы найдете превращенные в руины общественные здания, монастыри, дороги, мосты, кладбища и т. д., свидетельствующие о ее былой цивилизации...

Турецкое правительство по своей инициативе не предпринимало никаких мер по восстановлению разрушенных или постройке новых сооружений, не сделало ничего, чтобы обеспечить культурный прогресс и, если ваше внимание привлечет то или иное великолепное сооружение, то оно либо сохранилось от цивилизации прошлых времен, либо создано трудом исконных христианских народов страны, либо, наконец, воздвигнуто при посредстве иностранцев, с трудом добившихся этой привилегии.

Прошло больше века с тех пор, как христианские народы, стонущие под игом турецкого деспотизма, подняли голос протеста и с мольбой обратились к цивилизованному миру христианской Европы или, развернув мятежные знамена, окрасили всю страну своей кровью; по этой причине почти целый век, начиная с греческого восстания, на совести цивилизованных народов Европы оставался вопрос об освобождении христиан Турции, задача проведения реформ. Турецкое правительство под давлением Европы время от времени выступало с обещаниями претворить в жизнь ряд законодательств. К этим мероприятиям относятся Гюльханейский хаттишериф, Парижский и Берлинский договоры или создание различных комиссий по проведению реформ, что вызывало еще большую ненависть турок к христианским народам и явилось причиной чудовищной политики истребления их посредством массовых погромов. Живущие по соседству балканские народы благодаря своей сплоченности и поддерживаемые цивилизованным миром, в течение одного века постепенно смогли сбросить турецкое иго. За про-

шедшие 30 лет они добились большого прогресса в цивилизации и культуре и сегодня добиваются освобождения своих единокровных братьев. И лишь армяне пребывают в цепях рабства, и на них, как на козлов отпущения, с еще большей силой обрушится варварский турецкий гнет, если цивилизованный мир и, в частности, традиционная покровительница христиан Востока—Россия не защитит их от деспота.

Было время, когда армяне, как и другие народы, и даже дипломатический мир, наивно верили в то, что все эти бедствия являются следствием болезненного воображения Абдул-Гамида и что изменение режима и низвержение султана изменят судьбы страны, именно поэтому и дипломатический мир, и армянская нация с доверием отнеслись к конституционному режиму младотурок. Позабыв кровавое прошлое, армяне с чистым сердцем приняли конституцию, побратались со своими палачами, обменялись поцелуями, но, увы, это наивное принятие конституции стоило жизни 30 тысячам армянам в Адане, истребленным непосредственно руками младотурок. Снова начались грабежи, пожарища, похищения, снова сироты и вдовы и снова виселицы, на которых качались тела невинных армян... И после аданских событий младотурки продолжали гамидовскую политику истребления армян. Армянским беженцам, уповавшим на конституцию, не только не были возвращены земли, вопреки просьбам Национального патриаршества и многочисленным лживым обещаниям [турок], но систематическая резня в Армении продолжалась: убивали поодиночке, по пять—десять человек; за последние шесть месяцев только в Васпуракане таким же образом было убито 60 армян; и снова грабежи, похищения и т. п. После всего этого младотурки, разработав панисламистскую программу, заняли враждебную позицию к инородным элементам страны, в особенности к христианам, показав, что и они являются истинными последователями политики султана Гамида. Это вызвало полное разочарование в конституции не только внутри страны, но и в Европе, следствием которого явились арабское и албанское восстания и нынешняя Балканская война.

Наконец, святой отец, шестивековая история и последние четыре года конституционной жизни явно свидетельствуют, что на обещания провести реформы уже нельзя возлагать надежд, что турецкое правительство не толь-

ко бессильно и неспособно, но и не желает преобразовать страну и обеспечить безопасность жизни, чести и имущества армян — единственное и элементарное требование армянского народа на протяжении многих веков...

[Следует 3 тысячи подписей ванских армян]

ЦГИА Арм. ССР, ф. 57, оп. 2, д. 666, л. 64—66.

116. Католикос всех армян Николаю II

Из письма *24 декабря 1912 г.*

Развернувшиеся в последнее время на Балканском полуострове кровавые события вновь и со всей силой выдвигают давно наболевший вопрос об улучшении положения христианских народов, находящихся под владычеством Турции.

Настал момент, когда все с трепетом ожидают осуществления великой исторической миссии России—освобождения христианских народов в Турции от вековых страданий. В числе этих народов и моя паства — многострадальный армянский народ, мартирология которого общеизвестна. Печальные факты из жизни этого народа не только далекого прошлого, но даже последних десятилетий производят угнетающее впечатление.

Об улучшении положения армян в Турции европейские державы настоятельно заговорили впервые после освободительной войны России с Турцией 1877—1878 гг., когда, по настоянию могущественной России, в трактат 3 марта 1878 года, подписанный воюющими сторонами в Сан-Стефано, была введена в пользу армян 16 статья, гласящая: «Так как выход русских войск из местностей, которые они занимают в Армении и которые должны быть возвращены Турции, может послужить поводом к столкновению и осложнениям, могущим испортить хорошие отношения между обоими государствами, то Высокая Порта обязывается осуществить без дальнейшего замедления те улучшения и реформы, которые требуются местными нуждами провинций, населенных армянами, и обеспечить их безопасность против курдов и черкесов».

Обязательство, данное Турцией России, требование России немедленного введения реформ до вывода рус-

ских войск из местностей, населенных армянами, вполне убедили армян, что реформы будут введены и что за сим они получат в лице своей высокой покровительницы, великой России, действительную гарантию спокойной жизни и возможность предаться мирному, культурному развитию.

Однако на Берлинском конгрессе 16 статья Сан-Стефанского трактата была заменена 61 ст. в которой сказано:

«Высокая Порта обязуется ввести, без дальнейшего замедления, реформы и улучшения, требуемые местными нуждами в провинциях, населенных армянами, и обеспечить их безопасность против курдов и черкесов. Она будет периодически сообщать державам о мерах, принятых ею в этом направлении, которые будут следить за их исполнением».

Эта замена оказалась пагубной для турецких армян. Действительная, реальная гарантия, установленная 16 ст. Сан-Стефанского трактата в лице России, уступила место такой мере, которая не имела воздействия на Турцию.

Радость армян скоро сменилась прежней печалью, душевными волнениями и отчаянием, ввиду бесправного и беззащитного их положения...

Во всей Турции началось систематическое истребление армянского населения, по-видимому, с той целью, чтобы в корне уничтожить возможность возникновения армянского вопроса.

Послы великих держав доносили своим правительствам, что Порта не принимает никаких мер к осуществлению обещанных реформ и что положение армянского населения в Турции невыносимо.

Сила вещей, наконец, побудила великие державы выразить протест против Турции. 11 июня 1880 года послы европейских держав сделали Порте представление, в котором, настаивая на введении обещанных реформ, указали Порте, что если она не введет реформ в пользу армян, то неминуемо вызовет непосредственное вмешательство держав.

Под влиянием этого представления Порта лишь для успокоения европейских держав и возмущенного общественного мнения в европейских христианских государствах обещала ввести реформы и заявила, что она уже вырабатывает проект реформ.

7-го сентября того же 1880 года послы в Константинополе представили Порте новый меморандум, в котором еще раз делалось напоминание, чтобы Порта не медлила с введением реформ и чтобы таковые были согласованы с местными требованиями и введены под контролем европейских держав.

Но обещания и проекты реформ Высокой Порты остались мертвой буквой, и напоминания послов европейских держав никаких практических результатов в смысле хотя бы некоторого улучшения положения армян не дали.

Прошло целых 15 лет, и в течение этого периода времени Турция никаких реформ не вводила, а гонения на армян усилились.

Армяне, лишенные элементарных человеческих прав, не видя ни обеспеченности жизни и чести, ни обеспеченности своего материального достояния, чувствуя себя в крайне безвыходном положении, в некоторых местах попытались было прибегнуть к самообороне и личными силами защищаться против насильников...

В ответ на столь естественное проявление чувств самосохранения началась организованная резня армян. Особенные жестокости имели место в 1894 году в Сасуне.

Кровь многих тысяч невинных жертв напомнила европейским державам о 61 ст. Берлинского трактата. 11 мая 1895 года послы России, Англии и Франции сделали Порте представление о необходимости введения в скором времени обещанных реформ в армянских областях.

Вскоре, вслед за этим представлением послов, вместо ожидаемых реформ, в 1895 году последовала новая, неслыханная в истории человечества резня армян: в течение нескольких месяцев резали армян повсеместно в Турции, даже в Константинополе, на глазах представителей великих держав; резали мужчин и женщин, стариков и детей, пощады не было дано никому.

Эта кровавая бойня похитила до 300 000 армянских жизней.

Охваченные ужасом армяне, чтобы спасти свою жизнь, скрывались в посольствах и консульствах, скрывались в лесах и горах, где многие из них погибали от холода и голода, а до 100 000 армян, бросив свои пепелища, свою родину, бежало вовсе и навсегда из Турции, преимущественно в Россию, а частью в Египет, Болга-

рию и Америку. Немало было случаев, когда армян насильственно обращали в магометанство, а церкви и древние монастыри превращали в мечети. Экономическое положение оставшихся в Турции армян оказалось плачевным: движимое имущество их было разграблено и уничтожено, а земли, дома и прочие недвижимости в деревнях были предоставлены курдам и турецким переселенцам

После этого, до введения конституционного строя в Турции, хотя массовой резни не было, но учиняемые башибузуками единичные и групповые убийства армян, насильственное обращение в ислам, поджоги, похищения и обесчещение женщин и девиц и другие насилия не прекращались, и виновные наказанию со стороны правительственных властей не подвергались, что побуждало их к новым жестокостям против армян.

В июле 1908 года введен в Турции конституционный строй. Армянское население Турции с радостью приветствовало новый строй в надежде, что наконец установится в Турции правовой порядок, который обеспечит армянам элементарные человеческие права.

Вслед за утверждением конституции в турецкой области Адана имела место страшная массовая резня армян, жертвами коей пало до 30 000, а имущество их было совершенно разграблено.

Эта резня и последующие события окончательно убедили армян, что при всяком турецком режиме без действительного покровительства сильной христианской державы армяне останутся бесправными и вне защиты закона

Столь тяжкие испытания, выпадающие по сие время на долю армянского населения в Турции, явная опасность, грозящая его существованию, дают ему право взывать к помощи великой российской державы, исторической защитницы христианства на Востоке.

Создавшиеся ныне внешние события, вызванные войной Балканских государств с Турцией, естественно, выдвигают давно назревший вопрос об улучшении положения армян в Турции.

Мольбы и чаяния паствы моей: действительное обеспечение жизни, чести и имущества турецких армян и предоставление им возможности свободного духовного и культурного развития проведением необходимых ре-

форм в Турецкой Армении под мощным и высоким покровительством Вашего императорского величества.

В настоящее время происходит совещание послов великих держав в Лондоне, и в ближайшем будущем ожидается созыв конференции или конгресса для разрешения спорных между воюющими на Балканах сторонами вопросов, связанных с положением христиан на Востоке.

Армянский вопрос 34 года тому назад поставлен на разрешение европейской дипломатии, но до сего времени остается неудовлетворенным. Если армяне и теперь будут обойдены, то это будет равносильно преданию целого народа окончательному истреблению...

Геворк V

АВПР, Политархив, д. 3460, л. 32—35.

117. Из статьи «Турецкие события», напечатанной в газете «Правда» (1912 г.)

...Младотурки с первых же шагов, словно нарочно, стали отталкивать от себя симпатии народов Оттоманской империи. Они обнаружили все пороки и слабости либеральной буржуазии, а с другой стороны — весь деспотизм военно-офицерской касты, ставшей у власти. Либеральничая на словах, на деле они полны были черносотенным национализмом самой крепкой марки и чер-ствым буржуазным эгоизмом; к народу, о котором, казалось, они так пеклись, они питали страх. Всякая самодеятельность широких кругов населения встречала с их стороны недоверие и препятствия. Обещанные реформы, которые хоть сколько-нибудь облегчали положение обнищавшего населения, тормозились, а новые люди, ставшие во главе правления, занимались игрой в честолюбие и темными делишками, чем окончательно роняли себя во мнении народных масс...

Их стремление отуречить славян, армян, евреев, греков и т. д., населяющих Оттоманскую империю, приняло еще более грубый и настойчивый характер, чем при Абдул-Гамиде.

«Правда», 1912, 27 июня, № 76.

118. Из статьи «В Турции», напечатанной в газете «Правда» (1912 г.)

...Младотурки слишком скомпрометировали себя в глазах населения империи. Их власть покоилась исключительно на грубой физической силе. Беднота турецкая и подчиненные Турции народы угнетались и уничтожались по-прежнему, несмотря на существование «парламента». Зверства, подкупы, взяточничество нового режима ничем почти не отличались от таковых во времена «красного султана».

«Правда», 1912, 17 августа, № 93.

119. Из статьи профессора М. Ковалевского «Армянский вопрос»

...В XIX столетии наши попытки, направленные к тому, чтобы прийти на помощь единоверцам в передней Азии, имели для армян лишь самые тяжкие последствия. Чтобы избежать преследований, им приходилось выселяться массами в теперешнее Закавказье, так как турки и персы жестоко мстили за то содействие, какое они оказывали русским войскам. Так было в 1826 г. во время нашей войны с персами; так было в 1828—29 годы, в годы войны России с Турцией. А после заключения Туркманчайского мира с Персией до 40 тысяч армян переселилось в пределы нашей империи. Война с Турцией также повела к выселению целых десятков тысяч турецких армян. Сказанное применимо и к войнам 1854—55, 1877—78 годов. Русские войска непременно встречали радушный прием в Армении, разнообразную и существенную помощь. Турки мстили им за это. Армяне переселялись в пределы православной империи или жестоко расплачивались за свое сочувствие к нам.

На Сан-Стефанском мире выговорено было в их пользу 16-м параграфом, по настоянию армянского патриарха Нерсеса, обещание Высокой Порты «осуществить без дальнейшего замедления те реформы, которые требуются местными нуждами провинций, населенных армянами, и обеспечить их безопасность от курдов и черкесов». Этот параграф лег затем в основу 61 статьи Берлинского договора. После этого можно было надеяться, что для армян Турции настанет новая пора. Европа принимала

на себя заботу об их будущем и сумела заручиться формальным обещанием Турции. Она обязывалась даже сообщать периодически правительствам, заключившим с нею договор, о мерах, принятых ею в этом направлении, а державы обязывались следить за исполнением этих мер. Но на практике из всех этих обещаний ничего не вышло. Порта умела отписываться, а европейские державы не обнаруживали твердости в своих настояниях. Можно сказать даже, что Берлинский договор в конце концов повел к ухудшению участи армян. Предвидя необходимость вверить управление провинцией с преобладающим армянским населением в руки христианских губернаторов, турецкое правительство в правление Абдул-Гамида было не прочь разредить густоту армянских поселений с помощью погромов, отдавая каждый раз армян на расправу курдам и черкесам...

Можно было надеяться, что с водворением младотурецкого режима в Константинополе прекратится преследование армян. Расчет был ошибочен: младотурки оказались узкими националистами и неспособными осуществить те обещания, какие содержал в себе Берлинский договор по отношению к реформам в Армении. Продолжавшаяся вражда русского правительства к последним в пределах Закавказья за все время наместничества в нем кн. Голицына оставляла турецких армян беззащитными по отношению к их вековым угнетателям.

В 1894 и 1896 годах погромы приняли, как было нами указано, массовый характер и происходили на протяжении почти всей империи.

В 1908 году они были не менее жестоки, но более или менее локализированы. Наиболее известен погром в Адане, в который число жертв было более 20 тысяч...[23]

«Вестник Европы», 1915, июнь, с. 256—258.

120. Отрывки из книги Юрия Веселовского «Трагедия Турецкой Армении»

Даже пресловутая турецкая конституция, которая должна была, как предполагали, гарантировать равенство перед законом всем подданным Оттоманской империи, вообще утвердить царство законности, веротерпимости, начала культуры и прогресса, не изменила в корне застарелого порядка вещей. Уже один тот факт, что при новом режиме могли, хотя бы и изредка, происходить,

как и раньше, при Абдул-Гамиде, погромы, вроде Аданского — одного из самых кровопролитных, — красноречиво свидетельствует о том, какое бесплодное занятие— вливать новое вино в старые меха, как неосторожно возлагать надежду на отвлеченные принципы, когда общий дух и строй государственного организма остается неизменным. Слишком ясно также, что турецкая конституция, предоставляя известные права турецким гражданам, была в то же время проникнута стремлением нивелировать национальные особенности подвластных Турции народов, свести на нет те преимущества и особые узаконения, которых еще при старом режиме так или иначе добились если не провинциальные, то константинопольские христианские общины. Таким образом, и в XX веке Турция все еще является каким-то анахронизмом, пережитком варварского прошлого; уже почти изгнанная из Европы, утратив там постепенно почти все свои владения, она точно старалась все время отыграться на своих азиатских провинциях, показать, что там, по крайней мере, никто ей не указ, что она там может действовать как ей вздумается, прикрывая иногда свои поступки громкими фразами и торжественными заверениями, которые, как она знала по опыту, все равно ни к чему не обязывают...

То, что мы знаем о положении вещей в Турецкой Армении, представляет собой, к сожалению, нечто реальное, еще вполне современное, вдвойне ужасное именно потому, что оно оказалось возможным в наши дни, когда внешняя культура проникла даже в незатронутые ею раньше уголки, и даже Турция поневоле должна была заимствовать кое-что с Запада... Турецкие бесчинства и поборы, удержавшиеся и в наши дни, служат, однако, красноречивым доказательством того, что одна внешняя культура еще ничего не означает и что известные технические усовершенствования и благообразие внешнего облика могут уживаться с душевною грубостью и отсутствием истинной человечности!

Когда о бедствиях армянского населения Малой Азии мы узнаем из произведений романистов и поэтов, может, пожалуй, явиться подозрение, вполне ли точную картину дают нам эти писатели, нет ли в данном случае преувеличений, чрезмерной однотонности картин и характеристик, совершенно невольных, быть может, отступлений от подлинной, неприкрашенной действительности. Но, увы!

То, что мы находим в литературных произведениях, иногда поразительно совпадает с фактическими данными, приводимыми в дипломатических документах, в Синих книгах, донесениях консулов и послов, протоколах следственных комиссий... Иногда подлинные, голые, сухие факты действуют на нас не менее сильно, чем отголоски тех же зверств и притеснений в художественном творчестве. Все эти деловые, сдержанные отчеты о том, что именно творилось в известный момент в том или другом вилайете, какие там развертывались события, много ли было жертв, как отразилось все это на материальном положении народа, иногда потрясают до глубины души, при всей их внешней бесстрастности. «Раны Армении»—так был озаглавлен написанный еще в 40-х годах прошлого столетия патриотический роман Хачатура Абовяна, оказавший сильное влияние на идеологию армянской интеллигенции. О тяжелых мучительных р а н а х А р м е н и и узнаем мы и тогда, когда знакомимся с теми жалобами, петициями и протестами, какие исходили за последние десятилетия из армянской среды.

Но если бы нужно было указать одну из главных, основных причин всех этих бедствий и невзгод, несомненно, следовало бы назвать, в первую очередь, отсутствие законности и правосудия, фактическое господство и преобладание одних и бесправие, беззащитное положение других, никогда не чувствовавших, чтобы их жизнь, семья, собственность кем-либо охранялись... Вплоть до новейшего времени свидетельство христианина не принималось в соображение даже в той категории судов, которая по закону не имела права делать различий между показаниями магометан и «гяуров». Армяне, правда, могли показывать на суде, но их словам не придавалось значения, раз они не совпадали с тем, что заявляли свидетели-магометане. Многие преступления курдов и турок оставались безнаказанными, якобы за отсутствием улик; десятки армян могли при этом выступать в качестве свидетелей, но раз все магометане, наоборот, отрицали, по вполне понятным причинам, наличность преступного деяния, вопрос в таких случаях считался вполне выясненным и исчерпанным. Важность показаний свидетелей-магометан, кто бы они ни были, создали такую аномалию, как подкуп иногда совершенно непричастных к делу людей, которые за известную мзду соглашались фигурировать на суде в качестве «свидетелей»...

Экономическое положение турецких армян можно, в общем, назвать более чем незавидным, несмотря на свойственное им трудолюбие, предприимчивость и энергию*. Совершенно лишенное средств благодаря беспорядочному управлению финансами, государство, неспособное уплачивать свои огромные долги, иногда—даже жалование чиновникам, обременяло Турецкую Армению тяжелыми податями и налогами. Взыскивались подати с крайней жестокостью; в свое время были оглашены подробности тех истязаний, с необыкновенной изобретательностью и виртуозностью придуманных, которыми сборщики податей, или, вернее, сопровождающая их турецкая жандармерия, подвергали лиц, не имевших возможности уплатить то, что от них требовали... Иные сборщики, купив это звание с торгов, затем перепродавали его за более дорогую цену другим лицам, причем эта купля-продажа происходила вполне открыто и санкционировалась, если не законом, то обычаем, и забитое крестьянство должно было в иных случаях зависеть от каприза лиц, даже не занимавших никакого административного поста, — совершенно случайно, за известную сумму ставших, в иных отношениях, вершителями судеб деревенского люда. С другой стороны, богатые земельные собственники, так называемые ага, являлись безжалостными эксплуататорами армянского крестьянства, ставя своим рабочим и батракам самые тяжелые, невыгодные условия, изнуряя их барщиной, нередко обирая их до последней нитки...

Наконец, турецкий строй отражался и на умственной, духовной жизни армянского народа, на всем том, что носило отпечаток национальности и вместе с тем связано было с известными культурными задачами и традициями. Пусть это происходило не повсюду и не при всех султанах в одинаковой степени, — можно без труда привести длинный ряд фактов, характеризующих проявления фанатизма, нетерпимости, подозрительности по отношению к армянской церкви, школе, литературе, печати.

---

* В Ванском вилайете, как замечает Реклю, нет дома, который не был бы построен руками армян, нет куска туземной материи, который не был бы выткан их же руками, почти нет плода, который не был бы взращен в их садах» (*Диев*, Армянский вопрос и Турция, с. 45).

Само слово «Армения», даже как географическое или историческое название, подвергалось запрету, — можно было говорить только о Ванском, Эрзерумском, Битлисском вилайетах, или о «Курдистане», — как и в европейских дипломатических сферах ошибочно именовали иногда коренную историческую Армению[24].

Юрий Веселовский. Трагедия Турецкой Армении, М., 1918.

121. Генеральный консул Адамов послу в Константинополе Гирсу

Из донесения *Эрзрум, 7 апреля 1913 г.*

Для того, чтобы вообще судить о настроении турок относительно армян, нельзя не привести следующего характерного факта, имевшего место в селении Хасан Кала, отстоящем от Эрзерума в 35 верстах в северо-востоку по дороге к русской границе и составляющем административный центр Пасинской казы. 21-го марта, в местной харчевне, содержимой армянином Керопом, приезжий из Каракилиссы Пасинской пехотный капитан Хасан Ага, не стесняясь присутствием армян, открыто проповедовал нескольким собравшимся вокруг него курдам-офицерам аширетной курдской кавалерии о необходимости скорейшего избиения армян. «Все наши нынешние несчастья, — говорил хан, — от бывшей нашей христианской райи, с которой мы слишком много церемонились, пока она находилась в нашей власти. Ныне не следует повторять той же ошибки, пока не поздно, тем более что конституция уже сравняла армян и мусульман. Я, со своей стороны, принял необходимые меры и по всем курдским селениям Пасинской казы уговаривал курдов не медлить более с резней армян и ограблением их имущества и с тем же советом обращаюсь и к вам. Все беки, с которыми мне пришлось видеться, не могли не согласиться со мной, почему надеюсь, что и вы последуете их похвальному примеру». Подобная открытая проповедь армянской резни не может не принести своих плодов...

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2604, л. 36—37.

122. Посол Гирс в Министерство иностранных дел России

Константинополь, 24 апреля 1913 г.

Французский консул в Диарбекире телеграфирует посольству заявление местного армянского епископа Завена, что грабежи, убийства христиан продолжаются. Вали будет скорее потворствовать мусульманам в их ненависти к христианам. Консул, со своей стороны, свидетельствует, что слова епископа вполне соответствуют истине, и не исключается возможность новых избиений армян. Сегодня же сделаю по этому поводу представление министру иностранных дел.

АВПР, Политархив, д. 3460, л. 134.

123. Наместник на Кавказе министру иностранных дел Сазонову

Из депеши № 370 *2 мая 1913 г.*

27-го минувшего апреля, в Тифлисе, к помощнику моему по военной части, генералу от инфантерии Шатилову явилась депутация от армян Кавказа в составе: епископа тифлисской епархии Месропа, городского головы гор. Тифлиса г. Хатисова, председателя Армянского благотворительного общества г. Арутюнова, редактора армянской газеты «Мшак» г. Калантара и члена Государственной думы г. Пападжанова. Депутация доверительно сообщила генералу Шатилову следующее.

Надвигающиеся события в Турции невольно сильно озабочивают всех кавказских армян, не могущих оставаться равнодушными к судьбе их несчастных соплеменников в названном государстве. Будучи глубоко благодарны императорскому правительству за возвещенное письмом моим на имя католикоса обещание оказать помощь угнетаемым в Турции их собратьям, все русскоподданные армяне твердо верят, что Россия в свое время скажет свое властное слово и заставит Турцию ввести долгожданные реформы и улучшения в положении турецкоподданных армян, и последние получат, наконец, возможность спокойно жить и мирно заниматься своим делом...

К сожалению, ход событий в Турции невольно заставляет армян задумываться о тех испытаниях, которым в ближайшем будущем придется, вероятно, подвергнуться

их собратьям в Турции. Все чаще и чаще получаются известия о насилиях над армянами, и у нечастных безоружных армян, турецкоподданных, невольно вырывается крик о помощи. Этот крик о помощи вызывается чувством самосохранения в самом узком значении этого слова, ибо жизни каждого турецкоподданного армянина грозит в настоящую минуту непосредственная опасность... Только возможность упорной обороны может удержать насильников от зверств. Поэтому-то кавказские армяне, в лице своих выборных, и умоляют через меня императорское правительство не отказать их турецким собратьям в средствах для самообороны против открыто нападающего врага. Депутация просит императорское правительство не отказать в негласной выдаче армянам в Турции необходимого им для самозащиты оружия: хотя бы берданок с патронами. Члены депутации ручаются, что это оружие, выданное русским правительством безвозмездно или по казенной цене, будет через верных людей доставлено тем их соплеменникам в Турции, которые действительно в нем нуждаются, и что оно будет употреблено исключительно для самозащиты, в прямом смысле этого слова, и притом только в крайности, а не для каких бы то ни было других активных выступлений. Россия, обещавшая заступиться за турецких армян и требующая от них терпения, не должна была бы отказывать страдальцам — в ожидании того момента, когда, благодаря шагам России, прекратится у них постоянный страх за свою жизнь и имущество, — в возможности и средствах защищаться от торопящихся — под влиянием слухов о предстоящем чужом вмешательстве — покончить с ними их угнетателей.

В этом обращении депутации кавказских армян сказалась их нервность, снова усилившаяся под влиянием поступающих известий о волнениях в населенных армянами местностях Турции. Слишком тесны связи, племенные и религиозные, между нашими армянами и их соплеменниками в соседней Малой Азии, чтобы все события в жизни последних не вызывали жгучего интереса в среде наших армян и не влияли на их настроение.

Как наши, так и армяне, подданные других государств, всегда старались оказывать помощь своим собратьям в Турции в их непрерывной борьбе с турками, причем пользовались каждым моментом слабости Турции, чтобы хоть что-нибудь отвоевать для турецкопод-

данных армян. Хотя в 1878 году и была включена в Берлинский трактат ст. 61, обязывающая Турцию осуществить улучшения и реформы в областях, населенных армянами, и хотя в 1895 году был составлен державами проект этих реформ, однако сложность ближневосточного вопроса и боязнь держав затрагивать его без крайней необходимости привели к тому, что как ст. 61 Берлинского трактата, так и проект реформ 1895 г. остались мертвой буквой.

Вполне понятно, что в настоящий момент поражения Турции балканскими союзниками и вмешательства всех великих держав в дела Ближнего Востока армяне не могут оставаться спокойными. Они боятся, что, не добившись в настоящий момент существенных и реальных реформ, они опять будут надолго отданы на произвол турок. Беспокойство армян еще увеличивается потому, что одновременно с приближением решительного момента, когда должна будет решиться судьба их турецких собратий, наступило время года, благоприятное для враждебных против последних выступлений турок и курдов: турецкие армяне видят кругом себя поголовно вооруженное мусульманское население, в то время как им самим ставятся всевозможные препятствия к обзаведению оружием; наконец, турецкие армяне со страхом ждут поселения на их местах и за счет их земель выходцев-мусульман из Македонии. Положение турецких армян действительно становится критическим, и они, быть может, не без основания боятся, что им предстоит в ближайшем будущем пережить еще более тяжелое время, чем они пережили до сих пор...

Воронцов-Дашков

АВПР, Политархив, д. 3461, л. 1—4

124. Посол в Константинополе министру иностранных дел Сазонову

Из телеграммы № 381 *14 (27) мая 1913 г.*

Ширков телеграфирует 7-го мая, что убийства и грабежи становятся бесконечными. Он ссылается на 7 случаев убийств армян и сирийцев и на угон скота. По его сведениям, положение армян невыносимо, и они в окру-

гах Хизане, Еруне и Татике боятся выходить из домов для обработки полей. Армяне села Саруан ушли в числе 72-х домов в Татикский округ, чтобы эмигрировать в Россию, но каймакам округа удержал их...[25].

Гирс

АВПР, Полнтархив, д. 3461, л. 37.

125. Патриарх западных армян российскому послу Гирсу

Перевод с французского

Из письма *20 мая 1913 г.*

Армянский патриарх в Турции имеет честь препроводить при сем Вашему превосходительству перевод такрира, который он вручил в субботу его светлости великому визирю...

Вашему превосходительству известно, что положение армян резко ухудшилось в результате Балканской войны.

По всей Анатолии над головами армян нависла угроза массовой резни. Они стали заложниками в руках мусульман. Если массовой резни не произошло, то исключительно благодаря тому обстоятельству, что сами жертвы этих ужасающих преступлений отказались даже взывать к справедливости, опасаясь, что их обвинят в провокации. Правда, до сих пор им удавалось избежать гекатомб, но количество убийств не переставало возрастать, и с некоторых пор самый характер убийств свидетельствует о явном намерении терроризировать армян.

Ознакомившись с нашим такриром, Ваше превосходительство составит себе ясное представление о положении армян. Ваше превосходительство констатирует, что со времени вручения меморандума оттоманское правительство, несмотря на официальные уверения по этому поводу, не позаботилось принять даже самых элементарных мер предосторожности.

От Алеппо и до берегов озера Ван армянский народ живет в постоянном страхе за завтрашний день. Вновь длинные вереницы армянских семей тянутся к границе. Армяне вынуждены порвать те нити, которыми века истории и века упорного труда связали их с этой землей.

Ввиду того, что такое положение армян стало несносным, а также ввиду бесплодности наших демаршей,

патриарх, не теряя надежды на разрешение вопроса о реформах в Армении, вместе с тем просит Ваше превосходительство срочно принять меры, которые Вы сочтете уместными для того, чтобы устранить опасность неизбежной массовой резни в Анатолии...

Архиепископ **Ованес Аршаруни**

Такрир, врученный 18(31) мая армянским патриархом великому визирю Махмуду Шевкет-паше

Перевод с французского

Со времени передачи Вашей светлости меморандума относительно угрозы массовой резни армянского населения в вилайетах Восточной Анатолии и Киликии и вплоть до сего дня не было принято никаких мер, которые могли бы оградить наших соплеменников от этой угрозы; лица, занимающиеся подстрекательством к погромам, не были подвергнуты никакому преследованию; должностные лица продолжают оскорблять людей за то, что они армяне.

Более того, из заслуживающих доверия сообщений, полученных с мест, явствует, что опасность возросла и что убийства, насилия, похищения и грабежи носят, без преувеличения, характер массовых погромов.

Честь имею препроводить при сем Вашему превосходительству список новых зарегистрированных преступлений.

Из упомянутых выше сообщений в равной степени вытекает, что несчастное армянское население, которому угрожает истребление, в то же время подвергается тиранническому, невыносимому гнету со стороны чиновников. Люди находятся в состоянии неописуемой подавленности. Земледельцы не осмеливаются выходить за пределы своих деревень для обработки полей; прочее население также не может заниматься своими делами. К тому же многие армяне, не видя для себя иного выхода, кроме эмиграции, группами вступают на путь изгнания, как это имело место при старом режиме.

Это означает, что армяне не имеют больше права проживать в Оттоманской империи.

Поскольку такое положение вещей должно привести к уничтожению армянского населения в указанных выше районах, поскольку многочисленные заверения правительства о принятии мер, могущих гарантировать честь, жизнь и имущество наших соплеменников, не оправдались, и поскольку оказались исчерпанными все средства—мольбы, жалобы, протесты,—мне остается лишь обратиться к совести и сознанию ответственности императорского правительства и оттоманской нации, а также к чувству милосердия всего цивилизованного мира, который должен знать, что армянский народ ныне поставлен вне законов общества.

Патриарх западных армян

Приложение к такриру от 18(31) мая 1913 года

Перевод с французского

Список

грабежей, убийств, похищений и прочих преступлений, совершенных в различных вилайетах Анатолии с 29 апреля 1913 года, приложенный к меморандуму от 18(31) мая 1913 года, адресованному великому визирю.

1. Разбойники из казы Харзан (Битлис) 29 апреля 1329 [1913 г.] года совершили грабежи в деревнях Кианиколь и Бишер и ранили двух человек.

2. После того, как каймакам Чарсанджака Шукрибей выполнил распоряжение вали о возвращении армянам их собственности, которую захватили ага, эти последние с целью свести все санкции на нет приступили к разрушению жилищ армян и во главе группы в 300 человек осадили резиденцию властей. Последние вместо того, чтобы задержать и покарать главарей, сместили каймакама.

3. В результате бесчисленных грабежей известного бандита Сеида Али жители деревни Дад-бей бежали в Битлис, а жители Арони готовятся эмигрировать.

4. Притеснения, чинимые беями в деревне Авзут (Муш), стали носить такой характер, что жители этой деревни оказались вынужденными покинуть ее.

5. Известный здесь преступник, бандит Хассо Ибрагим, о котором имеется приказ об аресте, напал на деревню Эливо в казе Бешери (Диарбекир), где он обо-

крал и убил двух человек. Нам сообщают, что вследствие бездействия властей население разбегается, и обстановка с каждым днем становится все более удручающей.

6. Количество убийств и грабежей непрерывно возрастает в казе Геваш. Племя Гав увело из казы Шатах 2000 баранов и убило 2-х пастухов-армян. Небезызвестный Мир-Мхэ во главе 60 своих приспешников ворвался в казу Харзан и путем угроз принудил население выдать ему деньги. Он убил сборщика налогов. В этих местах не существует ни порядка, ни безопасности.

7. Сборщик налогов, армянин по имени Хосров, был зверски убит при исполнении своих обязанностей. Преступление было совершено на ферме Ибрагима-эфенди, начальника секретариата санджака, совершенно открыто, в присутствии жандармов—мусульман и немусульман, находившихся на улице. Действуя под нажимом, местные власти не предприняли никакого преследования преступников, которые продолжают разгуливать на свободе.

8. Некто Эльмас из нахии Эдинджик в казе Эрдек (Карасу) силой увез 14-летнюю дочь армянина Акопа Шекеряна. Несмотря на многочисленные жалобы, похититель не был ни арестован, ни подвергнут преследованию, а девушка не возвращена родителям. Ее хотят принудить принять ислам.

9. 12-го мая 1913 года из деревни Горгор (Битлис) было вывезено 5 человек и увезено в горы; здесь же был убит сирийский священник из деревни Арони.

10. Были убиты: 4 армянина в казе Хисан (Битлис), 1 армянин в деревне Баниджан и 54 армянина в деревне Харон, итого—59 армян. Кроме того, были ранены 4 армянина и уведено 1000 баранов.

11. Многочисленные жалобы на известного здесь бандита Мехмеда Эмина остались без последствий. Этот же злодей убил священника Геворка.

12. Армянин Акоп из казы Михалидж (Брусса) был застрелян неким Хасаном. Убийца не арестован.

13. 11 армян, возвращающихся из России в свою страну, где они проживают у озера Ван и в его окрестностях, были ранены и ограблены комендантом Ахмед-агой.

14. Двое жандармов по имени Нуман и Али чавуш прибыли в деревни Чухур и Килиндж под предлогом розыска дезертиров. Не найдя тех, кого они искали, они

избили их родных и подвергли пытке мухтара Акопа-эфенди, которого они затем повезли в Ялову, где он был посажен в тюрьму.

15. Убийства и грабежи продолжаются в Муше и Сгерде. Связь между армянскими деревнями прервана.

16. Дороги в районах Диарбекира, Битлиса и Вана закрыты и сельскохозяйственные работы полностью прекращены. Разбойничьи банды безнаказанно орудуют повсюду.

17. В деревне Гимар (Ван) 8 солдат изнасиловали беременную армянку.

18. В Битлисе знаменитый бандит Мехмед похитил 4 армян и увез в горы. Он напал на деревню Гелхок. Мехмед послал к родственникам похищенных армян курда и одну женщину для получения выкупа. Несчастные родственники должны были заложить свои земли, чтобы достать 23 ливра, которые губернатор Нехнэ передал бандиту через Халила-чавуша и другого жандарма.

19. Доведенные до полного отчаяния и немогущие дольше мириться с вымогательствами, армяне Ерзнка и его окрестностей эмигрируют в Америку.

20. В казах Сильван и Бешари (Диарбекир) курды лихорадочно вооружаются, продолжая убивать и грабить армян и угрожать им.

21. В депеше, полученной сегодня от нашего архиепископа в Битлисе, сообщается, что в казе Хизан только что убили 3 армян и что распоряжения местных властей остались безрезультатными.

АВПР, Политархив, д. 3465.

126. Из телеграммы посла в Константинополе в Министерство иностранных дел России

20 мая (2 июня) 1913 г.

18 мая патриарх вручил великому визирю новый такрир, заявляя в резких выражениях, что со времени подачи последнего меморандума положение ухудшилось и грозит полным уничтожением армянского элемента; многочисленные обещания правительства не исполнены, и патриарху остается только обратиться к чувству ответственности оттоманского правительства и народа и к состраданию цивилизованного мира. Подав такрир, патриарх немедленно удалился, отказавшись вступить в

беседу с великим визирем. Сегодня делегация от патриарха подала мне доверительное обращение следующего содержания. Подача нового гакрира Порте не имеет характера манифестации против правительства, а имеет целью побудить его к скорейшему введению реформ. Патриархат не ожидает от Порты реформ и указывает ей только на опасность резни, грозящей армянам. Число убийств постоянно возрастает, а правительство по-прежнему бездействует. Армянское население терроризовано и начинает эмигрировать. Ввиду сего патриарх просит посла принять спешно все меры, могущие предупредить резню в Армении. Вручив мне документ, делегаты заявили, что считают положение очень серьезным...

Гирс

АВПР, Политархив, д. 3461, л. 68.

127. Русский посол в Константинополе министру иностранных дел Сазонову

Из телеграммы № 578 *4 июня 1913 г.*

Депутация армянского патриарха посетила посольство с жалобой на резню армян турками при обратном взятии Родосто. Командир посланного на место английского стационара возвратился сюда вчера вечером и донес, что положение было критическим в первый день, но что с точностью не удалось определить число убитых: таковое колеблется между 26—60, включая сюда 5 или 6 болгарских жандармов...

Гирс

АВПР. Посольство в Константинополе, д. 3734, л. 398.

128. Генеральный консул в Эрзруме послу В Константинополе Гирсу

Выписка из донесения № 73 *26 октября 1913 г.*

Вновь избранный армянский патриарх Завен Егиян, ожидавшийся в Эрзеруме еще 6-го октября, прибыл сюда лишь 13-го числа, ввиду частых остановок в пути

во время его тридцатидвухдневного путешествия от Диарбекира до Эрзерума.

С момента прибытия патриарха среди мусульман сказалось значительное раздражение по поводу оказываемых ему почестей. Этим обстоятельством воспользовались агитаторы, в числе которых не последнюю роль играл секретный агент германского консула Карл Ленер. Последний, уже предъявивший свой паспорт в Генеральном консульстве для выезда через Россию в Константинополь и готовившийся покинуть Эрзерум 15-го октября, совершенно неожиданно остался здесь до самого отъезда патриарха, т. е. на целую неделю дольше, чем предполагал. Тем временем агитация среди мусульман постепенно разрасталась...

В различных кварталах города состоялись тайные собрания мусульман, на которых горячо осуждались чрезмерные почести, оказанные патриарху, так как этим сами турецкие власти поднимали самомнение армян и наносили незаслуженное унижение мусульманской вере. Одно из таких собраний происходило в квартале Хасан-Басри, в доме курда Хусама эд-дина, сына Гули-бека; другое — в квартале Эрзингян-Капу, в доме Ага Эфенди, где после долгих прений и ожесточенных споров решено было раз навсегда проучить армян, убить патриарха на пути его в Трапезунд или же — в случае неудачи — даже в самый момент вступления его на пароход, отходящий в Константинополь.

Для этой цели за 50 лир были подысканы два дадаша, или эрзерумских хулигана, по имени Ибрагим Хасан-оглы и Хакки Халил-оглы, которые обязались следить за патриархом с момента выезда его из Эрзерума, для того, чтобы произвести на него покушение при первом удобном случае. Получив об этом сведения еще до отъезда его блаженства из города, я поспешил через драгомана Генерального консульства предупредить его наедине о готовящемся покушении...

Пригласив к себе патриарха на завтрак, я постарался навести разговор на взаимоотношения курдов и армян, причем суть высказанных его блаженством мнений сводилась к следующему: если среди курдских аширетов, особенно в Битлисском вилайете, встречаются такие, которых следует считать врагами армян, то другие относятся к армянам дружелюбно и готовы с ними идти рука об руку. Турецкое правительство, из-

давна подозрительно относившееся к армяно-курдской дружбе и не переставшее принимать меры к возбуждению одной народности против другой, ныне, ввиду пробившегося наружу движения среди курдов, прилагает особенные усилия к тому, чтобы обратить острие этого движения против армян...

Адамов

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2684, л. 126—127.

129. Посол в Константинополе министру иностранных дел Сазонову

Телеграмма № 1063 *7 (20) декабря 1913 г.*

Адамов телеграфирует: В связи с армянскими выступлениями по поводу выборов в парламент в городе [Эрзруме] искусственно создается возбуждение мусульман против армян. В этих целях во многих домах иттихадов [иттихадистов] происходят тайные собрания. Иттихадский клуб под председательством столичного комиссара Ахмеда Хильми-бея ведет деятельную противоармянскую пропаганду. Местные хулиганы-дадаши, глава которых вызывался в германское консульство, деятельно вооружаются. Словом, все указывает на усиленную подготовку к смуте. Некоторые армяне высказывают опасение, что Германия нарочно стремится создать беспорядки, дабы тем погубить дело реформ. Другие считают, что агитация ведется с целью устройства беспорядков в момент применения на деле выработанных державами реформ.

Гирс

АВПР, Политархив, д. 3465, л. 66.

130. О положении армян

(Сообщение газеты «Новое время»)

Жестокости, учиняемые над армянами, несомненно поощряются или даже, может быть, организуются константинопольскими младотурками, т. е. центральным правительством. Это дополнительное обстоятельство дает картине армянских страданий такой совершенно

специальный колорит, с которым невозможно не считаться...

Итак, сущность армянского вопроса в настоящий момент заключается не в том, что за три недели произошло 70 изнасилований и убийств, а в том, что эти покушения на личную неприкосновенность единоверных нам христиан происходят с соизволения и ведома центрального младотурецкого правительства...

«Новое время», 1913, 22 мая, С.-Петербург.

131. Посол в Константинополе министру иностранных дел Сазонову

Телеграмма № 1134 *29 декабря 1913 г. (11 января 1914 г.)*

Адамов телеграфирует из Эрзерума: Тайные собрания в городе продолжаются вовсю, причем на них открыто начали говорить об армянской резне. По приказанию мулл мусульмане стали носить на голове белые чалмы. По слухам, все готово к резне, и ждут лишь сигнала из столицы. Иттихадисты открыто собирают подписи под протестом против контроля, заранее слагая на державы вину в резне, в случае их вмешательства в дело реформ. Настроение тревожное, и было бы желательно решительными мерами предотвратить резню, выгодную лишь нашим противникам для отвлечения от России симпатий армян.

Гирс

АВПР, Политархив, д. 3465, л. 125.

132. Русский генеральный консул послу в Константинополе

Эрзерум, 4 января 1914 г.

Здешние армяне пережили в пятницу настоящую панику. Утром большинство лавок было закрыто, и армяне с минуты на минуту ждали нападения. Несмотря на возбужденное состояние мусульман, подстрекаемых иттихадистами под руководством столичного эмиссара Хильми-бея, иттихадский клуб, по инициативе германского консула, устроил на окраине города призовую

стрельбу из револьверов. Собралось большинство местных хулиганов, или дадашей, со своим оружием, и сам консул принимал участие в стрельбе, на которую были приглашены лишь мусульмане, даже из ближайших к городу селений. Подобная несвоевременная и дотоле неизвестная забава породила среди армян уверенность в наступлении момента резни и вызвала опасение среди русских подданных, почему я протестовал перед вали через драгомана против забавы, сеющей панику. Армяне уверены, а дадаши открыто говорят, что резня лишь отложена.

Адамов

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3726, л. 94.

183. Генеральный консул Адамов в Посольство в Константинополе

Эрзрум, 15 февраля 1914 г.

Основанное местным иттихадским клубом общество «Тюрк гюджи», или «Сила турок», начинает мало-помалу развиваться и уже в первой половине отчетного месяца [январь] насчитывало до двухсот членов, большинство которых, за исключением служащих в вилайетском управлении, в Dette Publique [Управление оттоманского долга], и ремесленников, принадлежит к эрзерумским дадашам, или хулиганам. Председателем общества считается недавно уволенный от службы инспектор Эрзерумской цитадели и фортов Хамди-паша, который каждую пятницу совершает с членами «Тюрк гюджи» военные прогулки в окрестностях Эрзерума. О целях образования нового общества можно судить по речи, которую Хамди-паша держал к участникам этих прогулок и в которой, указав на Россию, как на исконного врага Турции, рекомендовал им не покладая рук работать над усвоением военного ремесла, дабы, в случае нападения извне, они могли явиться деятельными помощниками армии в отражении неприятеля. «В этих видах, продолжал паша, решено ввести обучение членов общества «Тюрк гюджи» военным упражнениям, маршировке, стрельбе, словом, всему, что необходимо знать солдату, едва только число записавшихся достигнет тысячи членов». Из разъяснений же деятелей

иттихадского клуба по поводу задач вышеназванного общества нельзя не прийти к заключению, что создаваемая ими «народная милиция» предназначается к противодействию врагам не только внешним, но и внутренним, под коими подразумеваются главным образом армяне. Озабочиваясь, как следует вооружить этих милиционеров, иттихадский клуб постановил взыскивать с каждого члена общества «Тюрк гюджи», состоящего на государственной или общественной службе, по два меджидие в месяц, а с ремесленников по 5 пиастров в неделю, чтобы постепенно собрать капитал, достаточный для выписки из Европы от 600 до 1000 ружей, при условии уплаты всей суммы исполнителям заказа не менее чем в четыре срока. Для ускорения сбора денег общество «Тюрк гюджи» готовится устроить платное представление на турецком языке пьесы «Султан Селим III», назначенное на первое марта сего года. Одновременно с тем председатель иттихадского клуба Ахмед Хильми-бей обратился к центральному комитету партии «Единение и прогресс» с просьбой списаться с заграничными оружейными фабриками о поставке 4000 револьверов, при условии рассрочки уплаты на три срока, для раздачи этого оружия эрзерумским иттихадам и их единомышленникам, которые, ввиду бедности, будут обязаны выплатить стоимость револьверов постепенными взносами. Таким образом, в Эрзеруме иттихадами намечено одновременно вооружение черни для противодействия армянам, которые считаются ныне хорошо вооруженными, и своих единомышленников для борьбы со своими политическими противниками...

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2685, л. 13—14.

134. Генеральный консул в Эрзруме Адамов в Посольство в Константинополе

Из донесения *15 марта 1914 г.*

Возбуждение против армян, поднятое в Эрзеруме младотурецкой партией, или, вернее, иттихадским клубом, далеко не улеглось, и хотя оно не грозит уже немедленной резней, как было в начале января текущего года, тем не менее от времени до времени успевает прорываться наружу в виде вооруженных столкновений

между армянами и мусульманами. Так, на масляной неделе в селении Ахдатцор, находящемся в получасовом расстоянии от города и населенном наполовину мусульманами а наполовину армянами, произошло вооруженное столкновение между теми и другими из-за того, что мусульмане не хотели допустить армян справить масляницу шествием по деревне с музыкой и плясками. При нападении на армян был убит один мусульманин по имени Хусейн, а другой — опасно ранен; из армян также пострадало несколько человек, более или менее тяжело раненных. Такие же столкновения и по тому же поводу, хотя и без смертных случаев, произошли в селении Тувандж и других местечках, расположенных в окрестностях города Эрзерума, что дало повод местному армяно-григорианскому епископу Семпату Саадетьяну обратиться к вали с жалобой на мусульман, выискивающих лишь предлога, чтобы напасть на армян. Вали, после производства дознания на месте при посредстве жандармского юзбаши Мустафы, ответил епископу резкой нотой, обвиняя во всем армян, которые думают лишь о том, чтобы вызвать беспорядки, дабы свалить затем всю вину на мусульман. Доказать на деле, что армяне задались целью так или иначе раздразнить мусульман, стараются ныне и турецкие правительственные агенты в самом Эрзеруме, где за вторую половину отчетного месяца участились случаи ареста армян, якобы за посягновение на честь турецких женщин. Так, цирюльник Акоп был обвинен в насильственном приводе к себе в лавку турчанки Гюльшан; пьяные армяне — содержатель кофейни Симон и Чилингар Хамаяк, проходившие мимо общественной бани Ики-Гёбек, в то время когда там находились турецкие женщины, были насильно втолкнуты в предбанник несколькими мусульманами, избиты там женщинами и арестованы затем полицией; вечером 14-го февраля несколько пьяных армян было арестовано полицейскими на улице Гюмрюк-Арка, по обвинению в нападении на двух проходивших мусульманок. Все эти слухи, с большими прикрасами распространяемые по городу, дают пищу все новому и новому озлоблению мусульман. На возобновившихся тайных собраниях, имевших место за отчетный месяц: 1) в квартале Мурад-паша, в доме Хаджи Кямиля-эфенди; 2) в квартале Хабиб-эфенди-Улья, в доме Хамид-бея; 3) в квартале Джедид, у Мустафы-эфенди и, наконец,

4) в квартале Топчи-оглы, у Дэдэ-бея Мумджизадэ, — всюду раздавались голоса о необходимости проучить армян...

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2685, л. 31—32.

135. Генеральный консул в Эрзруме послу в Константинополе Гирсу

Из донесения *6 мая 1914 г.*

Почти на полупути между русско-турецкой границей и Эрзерумом, у моста через реку Аракс, лежит селение Кёпри-Кёй, населенное исключительно армянами. В начале марта, по указанию жителей мусульманского селения Эмракам, расположенного по ту сторону моста, в версте приблизительно от Кёпри-Кёя, властями был найден под одной из арок моста труп турецкого жандарма по имени Кален-дери. Основываясь на том, что мертвое тело находилось ближе к армянскому селению, чем к мусульманскому, и что казенное ружье жандарма было унесено убийцами, турецкие власти сочли виновными армян — кёприкёйцев, и вернувшийся к тому времени из России пасинский каймакам Тахир-бей приступил с великим пристрастием к производству дознания и обыскам в указанном армянском селении. Турецкие следственные чиновники и жандармы позволили себе при этом не только издевательства над заподозренными армянами, но и насилия над их женами и детьми, несмотря на то, что привлеченные к ответственности кёприкёйцы утверждали, что жандарм был убит из ревности несколькими жителями селения Эмракам, а труп его для отвода глаз подброшен на лед близ армянского селения.

Турецкие издевательства над беззащитными сельчанами вызвали взрыв негодования среди армян, которые открыто говорили, что власти задались целью заставить армян покинуть селение, лежащее на пути движения русских войск к Эрзеруму, и потому считали все меры принуждения дозволенными. Армяно-григорианский епископ г. Эрзерума Семпат Саадетьян несколько раз обращался к вали с настойчивыми требованиями беспристрастного расследования кёприкёйского происшествия, но после того как посылка туда эрзерумского

полицмейстера Хулюси-бея и гражданского инспектора Фуад-бея не привела ни к каким результатам, обратился ко мне с просьбой переговорить обо всем с генерал-губернатором. Ввиду слухов о назначении пасинского каймакама Тахир-бея в награду за услуги его нынешнему правительству баязидским мутесаррифом, я, при личном свидании, имел по этому поводу продолжительный разговор с вали, который уверил меня, что в Баязид назначен чиновник, выехавший уже из Константинополя, и что Тахир-бея правительство решило перевести в другую казу...

А. Адамов

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 2685, л. 47—48.

186. Католикос Геворк V наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову

Письмо № 1131 *Эчмиадзин, 5 августа 1914 г.*

2 октября 1912 года я от имени всех армян обратился через посредство Вашего сиятельства со всеподданнейшей просьбой к всемилостивейшему государю нашему оказать высокую защиту армянскому народу в Турции для прочного улучшения его положения.

В ответ на это обращение получил заверение императорского правительства о намерении обратить серьезное внимание на положение армян в Турции и заняться урегулированием судьбы этого народа.

Действительно, Россия официально выступила с предложением проекта такой реформы, которая обещала в достаточной степени прочное и благотворное изменение турецкого режима в отношении армян.

Но, вследствие оппозиции Германии и ее союзниц и твердого желания России сохранить единство воли держав для успеха в будущем, предложенный ею проект реформ подвергся сильному изменению и умалению ее значения.

Когда же к этому прибавились инструкции Порты генерал-инспекторам, ее контракты с ними и предупредительные меры, ныне принимаемые ею в армянских вилайетах, то сомнение народа и константинопольского патриарха в практичности реформы еще больше усилилось.

Разразившаяся ныне великая война вновь подвергает судьбу турецких армян и судьбу реформ большим испытаниям

Теперь, когда каждый русский гражданин с тревогой следит за событиями, требующими от государства большого напряжения сил и воли, я счастлив заявить Вашему сиятельству, что армянский народ, заглушая в себе чувства боли от собственной раны, все помыслы свои сосредоточил на великом отечестве, для славы коего он с воодушевлением отозвался на призыв своего государя исполнить пред его величеством и родиной святой долг

Я счастлив заявить Вам, глубокочтимый граф, и то, что армянский народ, живущий по ту сторону границы, также остался непоколебимо твердым в своей преданности великой российской державе.

Но, как пастырь своего народа, я не могу не указать без волнения Вашему сиятельству, что армянскому населению в Турции предстоит пережить глубоко скорбные дни, если внимание России к армянскому вопросу даже временно ослабнет.

Я полагаю, что у императорского правительства не может более остаться сомнения в том, что все его попытки воздействовать на Турцию дружелюбием не приводят к положительным результатам.

Порта, негласно поощряемая Германией, сумела аннулировать соглашение 26 января сего года, а потому выработанная реформа не может удовлетворить никого.

Имея в виду многочисленные данные, получаемые от константинопольского патриархата и армянского национального собрания, я прихожу к печальному заключению, что не представляется возможности поверить, чтобы в Турции при существующем там правительственном режиме можно было вводить в жизнь какие-либо реформы для улучшения положения армян, если только осуществление их не будет обставлено особыми и прочными гарантиями.

Пока Турецкая Армения состоит в пределах Турции, до окончательного разрешения этого мучительного для всего армянского народа вопроса, мое личное и всей армянской нации мнение заключается в следующем:

а) образовать из армянских провинций в Анатолии одну нераздельную область;

б) во главе управления этой областью должно быть поставлено лицо христианского вероисповедания, независимо от Порты, с высоким титулом или чином и избранное Россией;

в) ввести в этой области внутреннее широкое самоуправление на выборных началах, с равным числом представителей от христиан и от мусульман;

г) для того, чтобы армянское население верило в прочность и жизненность новой организации и порядка управления, право контроля над введением и осуществлением всей реформы предоставить исключительно одной России.

Введение описанного порядка управления возможно лишь по окончании нынешней войны. Между тем, ввиду объявленной в Турции мобилизации, замечаются тревожные симптомы, вследствие чего армянское население опасается новых бедствий. Посему желательно, чтобы императорское правительство теперь же предъявило турецкому правительству энергичное требование:

а) о принятии надлежащих мер к охране жизни и имущества армян, и

б) о скорейшем водворении генерал-инспекторов на местах с предоставлением им возможности вводить пока реформу, принятую соглашением от 26 января 1914 года...

АВПР, Политархив, д. 3484, л. 1—9.

137. Русский посол в Константинополе министру иностранных дел Сазонову

Телеграмма № 1302 *20 сентября 1914 г.*

Генеральный консул в Эрзеруме телеграфирует: 18-го сентября начались большие маневры у русской границы. Мусульманам раздается оружие для предстоящей резни армян. Ввиду отмены капитуляций будут резать и в помещении консульства, куда они укроются.

Гире

АВПР, Политархив, д. 3484, л. 10.

138. Посол в Константинополе министру иностранных дел Сазонову

Телеграмма № 1564 *11 октября 1914 г.*

Вице-консул в Баязеде телеграфирует: Власти продолжают вооружать банды разбойников. Армяне в панике бегут в Россию, опасаясь резни, которую ждут со дня на день. А к и м о в и ч.

Гирс

АВПР, Политархив, д. 3504, л. 9.

139. Католикос Геворк V наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову

Из письма *Эчмиадзин, 8 ноября 1914 г.*

Со времени открытия военных действий на кавказской границе, вызванных коварным нападением турецкого флота на черноморское побережье наше, главным театром войны с Турцией является Турецкая Армения, и нет сомнения, что начавшиеся ужасы в дальнейшем развитии повлекут за собой неисчислимые и неслыханные бедствия для многострадального армянского народа.

Со стороны турецких властей, войск — особенно иррегулярных — и фанатизированных масс ожидают армян потрясения, которые едва ли может представить человеческое воображение...

Внимание и заботы армянского народа сосредоточены теперь на судьбе турецких армян.

Все, что было предпринято императорским правительством совместно с европейскими державами, начиная с последней русско-турецкой войны, не дало положительных результатов в смысле улучшения участи турецких армян...

В настоящее время, когда вместе со всей Россией и победоносным русским войском армяне должны напрячь крайние усилия в борьбе с общими врагами, я нахожу вполне соответствующим значению переживаемого исторического момента путем обнародования от имени государя императора обращения к турецким армянам — внушить армянскому народу, что теперь пробил час

окончательного и бесповоротного решения вопроса о положении армян в Турции и что армянскому народу в пределах, объединенных в одно органическое целое, шести вилайетов Турецкой Армении (Ванского, Эрзерумского, Битлисского, Сивасского, Диарбекирского и Харпутского) с нераздельной частью ее — Киликией будет дарована великой Россией автономия, чем завершится ее историческая миссия освобождения христианских народностей, веками томившихся под игом Турции...

Архив Института истории АН Арм. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 209, л. 3—5.

140. Резня в Башкале в декабре 1914 г.

Эта резня произошла на первой неделе декабря 1914 г. Ахмет-бей во главе ста шестидесяти жандармов и Шереф-бей, глава табора Шикар, со ста пятьюдесятью гамидиев делают набег на Башкале, после отступления русских.

Они грабят и сжигают армянские дома, убивают мужчин, трупы которых оставляют валяться на улицах, уводят с собой красивых девушек и бросают на произвол судьбы без хлеба и пристанища женщин и детей.

Соседние армянские селения постигает та же участь.

Армян из селений Паз, Арак, Писс, Алалиан, Алоз, Соран, Расулан и Авак собирают всех вместе, выводят на равнину и всех избивают.

По последним статистическим данным в Башкале и в названных выше селениях насчитывалось тысяча шестьсот армян (из которых незначительная часть несториан).

Анри Барбюс. В стране ужаса. Мученица Армения. Перевод с французского. Гифлис, 1919, с. 131—132.

141. Письмо заместителю командующего I-й армией Кавказского фронта

Дилман, 24 февраля 1915 г.

Вчера к 2 часам я с всадниками приехал в Дилман и сейчас же приступил к следствию. Из расспросов узнал, что убийства совершены в Гариве, Хосрове и Мех-

леме. Немедленно поспешил туда, где нашел сотни трупов.

В ночь с 14-го на 15-е настоящего месяца убито в точности 707 человек.

До 14-го наст. месяца армяне почти оставались невредимыми, благодаря местному персидскому населению, а в те же дни турецкое правительство через глашатаев угрожало карами тем персам, которые укрывают христиан, — армян и айсоров. Дилманские персы даже под этой угрозой не исполнили требования турецкого правительства, а озверелый представитель турецкого правительства каймакам Рустем бек приказал курдам и солдатам войти в персидские дома и вывести христиан и убить персов, укрывающих христиан. Приказание это тотчас же было исполнено, были вывезены 7 человек. Остальные 700 человек были таким же путем схвачены и отведены в Гафиван и Хосрофа, где у турок был второй штаб. Там по приказанию представителей штаба они были умерщвлены с мучениями, не поддающимися описанию и необъяснимыми и непростительными для двадцатого века.

Лично я своими глазами видел сотни заколотых трупов в ямах, смрад от которых заражал воздух этих городов, видел обезглавленные трупы, отрубленные топорами на камнях руки, голени, отрезанные пальцы, скальпированные черепа, трупы под обломками, десятки погибших под заборами, среди которых был и мехлемский священник Тер-Вардан.

Убийства были совершены и в других армянских селениях.

К. Матикян

Партархив КП Армении, ф. 47/2, п. 2, д. 2, л. 1

142. Драгоман Русского посольства в Константинополе в Министерство иностранных дел

Телеграмма № 164 *15 марта 1915 г.*

Положение армян в Турции значительно ухудшилось. Все служившие в войсках армяне разоружены. В Зейтуне, куда отправлен отряд войск для захвата укрывавшихся там дезертиров, произошли столкновения, приведшие к установлению военного суда и суро-

вой расправе с жителями. Все мужское население местечка Дертел выселено. Из 17-ти сел, находящихся в окрестностях Эрзерума, уцелели только три. Прочие разграблены и уничтожены. По всей стране производятся аресты армян. В самом Константинополе задержаны 14 гнчакистов, преданных военному суду. Армянская патриархия сильно обеспокоена создавшимся положением и опасается резни.

Серафимов

АВПР, Политархив, д. 3504, л. 19.

143. Католикос Геворк V министру иностранных дел Сазонову

Телеграмма *7 апреля 1915 г.*

По полученному телеграфному сообщению, подтверждаемому другими источниками, происходит резня беззащитных, обезоруженных армян — Эрзеруме, Держане, Зейтуне и окрестностях; кровавые столкновения — Битлисе, Ване, Муше; насилия, грабежи, убийства — Эгине Киликии, экономическое разорение всего армянского народонаселения. Паства моя волнуется. Убедительно прошу Ваше высокопревосходительство не отказать в дальнейшем гуманном покровительстве и защите моему народу в этот критический момент, спасти всеми зависящими мерами невинно погибающих христиан. Удрученный леденящими душу вестями, одновременно обращаюсь телеграфно к нейтральным державам: президенту Соединенных Штатов и королю Италии с просьбой о защите избиваемого мирного населения. Почтительно прошу, найдите возможным соблаговолить поручить Вашим послам в помянутых государствах воздействовать во имя христианства и гуманности на правительства последних в целях прекращения избиения армян и бесчинства в Турецкой Армении.

Верховный патриарх, католикос всех армян
Геворк V

АВПР, Политархив, д. 3508, л. 4.

144. Драгоман русского посольства в Константинополе в Министерство иностранных дел

Из телеграммы № 191 *10 апреля 1915 г.*

... Вымогательство властей достигло крайних размеров. Христианское население, в особенности армянское, подвергается всевозможным преследованиям, зачастую истязаниям. Под предлогом призыва на военную службу арестовывают людей без различия возраста, хватая их на улице, в церквах, магазинах, трамваях и тому подобное, не давая им времени ни устроить свои дела, ни предупредить родных.

Участились беспричинные аресты и наших подданных, высылаемых, зачастую пешком, в Малую Азию или задерживаемых здесь в тюрьмах.

В связи с изложенным положение становится все более тревожным и не обещает улучшиться, если только внешние обстоятельства не убедят Порту в неминуемости ожидающегося наказания.

Серафимов

АВПР, Политархив, д. 3804, л. 22.

145. Чиновник для дипломатических сношений при наместнике на Кавказе в Министерство иностранных дел

Телеграмма № 431 *10 апреля 1915 г.*

Из Диадина Армянским национальным бюро получена сегодня следующая телеграмма: Пришедшие утром в Диадин 23 мужчины, спасшиеся из Арчета и Сосомуна, рассказывают о поголовном расстреле и избиении полицией, распоряжением турецких властей, тамошних армян. Турки им сообщили о столкновениях мусульман с армянами в Ване, резне армян. Необходимо своевременно озаботиться о достаточной помощи предполагающимся массам беженцев из Ванского вилайета.

Столица

АВПР, Политархив, д. 3504, л. 23.

146. Министр иностранных дел России послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу

Телеграмма № 1876 *12 апреля 1915 г.*

Ссылаюсь на свою телеграмму № 1818

В Министерстве получены новые сведения об анархии в Азиатской Турции и резне армян турками и курдами. Благоволите предложить французскому (английскому) правительству опубликовать совместно с нами и с Англией (Францией) обращение к Порте, в котором личная ответственность за избиение армян возлагалась бы на всех членов турецкого Совета министров, а также всех гражданских и военных должностных лиц, прикосновенных к этим событиям.

В обращении можно было бы напомнить о репрессивных мерах, принятых Европой в 1860 году, после резни в Сирии. В случае согласия французского (английского) правительства, благоволите условиться относительно текста обращения, которое желательно было бы опубликовать как можно скорее и в один и тот же день в трех странах[28].

Сазонов

АВПР, Политархив, д. 3493.

147. Чиновник для дипломатических сношений при наместнике на Кавказе министру иностранных дел

Из телеграммы № 490 *23 апреля 1915 г.*

Березовский телеграфирует Хатисову: В азербайджанский штаб доставлены трое армян, посланных из Вана Арамом с извещением, что с 15 апреля нового стиля все армяне заперты в армянском квартале города. Джевдет-паша бомбардирует город, выпущено 1700 снарядов. Около 100 армянских сел в окрестностях вырезано, женщины увезены в горы... Силы запертых армян истощаются.

Столица

АВПР, Политархив, д. 3505, л. 2.

148. Чиновник для дипломатических сношений при наместнике на Кавказе в Министерство иностранных дел

Телеграмма № 518 *29 апреля 1915 г.*

Армянами получено письмо из Вана, вшитое в подкладку одежды посланца, следующего содержания: В провинции убито до шести тысяч человек. Ван и Шатах упорно сопротивляются, снаряды мало вредят городу Ван. Напрягаем последние силы. Ежедневно ждем русской помощи. Умоляем торопиться. Будет после поздно. Письмо это от 15-го апреля.

Столица

АВПР, Политархив, д. 3505, л. 4.

149. Телеграмма министра иностранных дел России послу в Лондоне

1 мая 1915 г.

Нет сомнения, что восстание армян в Ване вызвано резней, а не наоборот, потому что для армян не имело смысла начинать до прихода наших войск движение против превосходных сил турок.

Сазонов

ЦГИА Арм. ССР, ф. выписок, д. 45, л. 9.

150. Католикос Геворк V министру иностранных дел Сазонову

Выдержка из письма № 834 *Эчмиадзин, 14 мая 1915 г.*

Последние достоверные известия показывают, что паства моя в Турецкой Армении переживает страшные дни испытания. Все святое — религия, святыни и семейная честь армян возмутительно оскверняются турками, аскерами и курдами, и вся собственность их предается огню и мечу. Турецкие жандармы в Ванском вилайете под видом воинского набора или якобы общественных работ собирают армян мужчин и вдали от родных мест подвергают массовым расстрелам, а женщин и детей похищают...

Все вышеизложенное побудило меня обратиться к Вашему высокопревосходительству, содействию нейтральных государств и наших союзников.

Для успеха дела и с целью протеста против зверств, организованных турецким правительством назначил представителем моим и послал в Париж и Лондон уже известного Вам Погоса-пашу Нубара.

Почтительнейше прошу Ваше высокопревосходительство благоволить поручить Вашим послам в Лондоне и Париже своими мудрыми советами оказать содействие Погосу-паше Нубару...

АВПР, Политархив, д. 3508, л. 16.

151. Письмо католикосу Геворку V

Перевод с французского
Маназкерт, 28 мая 1915 г.

О бедствиях, постигших Хнус, Неркин Буланых, Арцке, Аканц, Бадноц и Айнтаб, я уже писал Вашему святейшеству в своей первой корреспонденции, теперь же хотел послать полные сведения, но, к великому сожалению, из указанных уездных городков никому не удалось пробраться к нам, чтобы мы имели возможность составить и прислать Вашему святейшеству исчерпывающую ведомость. Достоверно известно, что в этих местах вовсе не оставили армян, без пощады и жалости предали всех мечу; если бы оставались люди, избежавшие резни, они бы давно вместе с жителями других уездов устремились в эти края, принеся с собой весть о кровавой резне своих родных и любимых. До сих пор из 3322 армянских домов 27-и сел Хнуса спаслись 128 человек: 50 — из Гопала, 18 — из Ковантука, 50 — из Карачобана и 10 — из Гырымхайтая. Из 1000 домов 11-и армянских сел Неркин Буланыха спасся всего 21 человек: 10 — из Отгона, 1 — из Абри, 2 — из Кяполана и 8 — из Хошгелди; а из 2225 домов 15-и армянских сел Верин Буланыха спаслись: 40 человек из Копа, 1 — из Харабашахара, 2 — из Енджалу, 55 — из Гараглы и 325 — из Ширваншейха, всего — 423 человека. Из 1089 домов 27-и армянских сел Маназкерта (в некоторых из них население неоднородное, смешан-

ное с курдским) спаслись: 15 человек из Тюкнука, 5 — из Норатина, 12 — из Рустам-гедука и 2 — из Касе, всего — 34 человека. Из 2150 семейств 24-х армянских сел Хлата спаслись лишь 20 человек из Шамирама, 2— из Тегута, 10 — из Тапаванка, 10 — из Мецка, 5 — из Джезира, 15 — из Спрадзора, 7 — из Цагки, 1 — из Матнаванка, 2 — из Ерсонка, 10 — из Хулка, 6 человек из Хиартанка и 160 — из Прхуса, всего 248 человек.

Число спасшихся из Прхуса, вместе со вчерашними беженцами, доходит до 160; 130 женщин и детей пришли вчера. Боже мой, какую печальную картину представляли они, все голые и босые, едва прикрытые лохмотьями и власяными мешками. Более тридцати дней они не ели ни куска хлеба, питались травами и растениями и стали похожими на мертвецов; все они больные...

Такова печальная картина, представляющая положение беженцев.

Почти в подобном же состоянии находятся беженцы из Арцке, Аканца, Бадноца и Айнтаба. Специально посланный человек установил, что и в указанных уездных городах не осталось ни одного мужчины, всех предали мечу; красивых женщин увели с собой, остальные же, бежав в сторону Бадноца, скитаются. Статистика некоторых сел в районе Арцке и Аканца, близ Бадноца, также составлена. Представляю ее вашему преосвященству вместе со сведениями о Бадноце и Айнтабе.

Положение в Арцке. В Норшинджухе имеется 45 армянских домов; убито 123 человека.

В Кызылюсуфе имеется 5 армянских домов, число жертв 5 человек. А из самого города Арцке спаслись только двое.

Число жертв монастыря Сканчелагорц — 26; убит также настоятель монастыря архимандрит Егише, все священные ценности монастыря разграблены. Ввиду опустошений в других селах Арцке я туда до сих пор не смог кого-либо послать. Позже, когда мне удастся проверить, сообщу о бедствиях, постигших остальные села.

Положение Артиша (Аканц). В Гракоме—33 армянских дома, число жертв 61, пленных — 13.

В Зираклу — 25 армянских домов, убито 50 человек, увели в плен 15 женщин и девушек.

В Кочере — 50 армянских домов, число жертв — 107 человек, увели в плен — 22.

В Норшене — 24 армянских дома, убито 62 человека, увели в плен 5 человек; число жертв в местечке Аканц, по сведениям русских должностных лиц, доходит до 2300 человек.

Долина Бадноца. В Бадноце — 150 армянских домов, число жертв — 104, пленных — 17.

В Харабакоре — 6 армянских домов, убито 11 человек, увезено в плен — 4.

В Автна — 12 армянских домов, жертвами стали 9 человек, увели в плен — 5.

В Панзте — 35 армянских домов, убито 12 человек.

В Мармусе — 20 домов, убито 3 человека.

В Зиарете — 2 дома, убито — 2.

Айнтаб. В Харгалыке — 4 дома, жертв — 3.

В Пото — 10 армянских домов, убито 13 человек, в плену — 5.

В Кеошке — 2 дома армян, здесь убито 7 человек.

В Млане — 2 дома, убитых — 2.

В Шаме — домов 2, убитых — 7 человек.

В Дерике — домов 7, убитых 17 человек.

В Хараху — 4 дома, жертвами стали 14 человек, пленный — 1.

Армяне сел Бадноца и Айнтаба, еще до взятия Дутага турецкой армией 20 апреля, были уведены в Дутаг и убиты там, за исключением жителей сел Верин Буланых, Техут, Одинчор, Енджалу, Коп, Меджидлу, Хоранашен, Шехязун, Фыкфялу и Меранор; из маназкертских сел, за исключением Дерика, Акнера, Берда, Хангли, Вохджин, Толазбаш и Гарафайя, имущество армян полностью разграблено, до последней тряпки.

Возглавляло резню само правительство; если какой-нибудь курд защищал своего соседа-армянина, то правительство посылало жандармов и их руками убивало его; армяне Хулика, Шерваншейха и Амзашейха, укрывшиеся у черкесов сел Хулика и Симо, были убиты жандармами, присланными правительством.

Заместитель начальника Маназкертской епархии священник Ованес Тер-Аветисян

ЦГИА Арм. ССР, ф. 57, оп. 2, д. 692, л. 17—20.

152. Итальянский консульский агент в Ване итальянскому послу в Петрограде

Ван, 31 мая 1915 г.

Имею честь довести до Вашего сведения о событиях, происшедших в течение двух месяцев в Ване и в вилайете...

Положение Вана и вилайета до осады. В то время как Джевдет-бей — вали Вана, исполнявший также обязанности защитника турко-персидской границы, опустошал города Салмас, Хозраву и Башкале и избивал там христиан, временный вали Вана требовал возвращения в армию солдат-армян, покинувших ее, так как их обезоружили и отстранили. Требовал он возвращения их под предлогом образования из них команд рабочих-землекопов, но на самом деле, чтобы их перебить, как однажды Джевдет-бей уже сделал, приказав предательски расстрелять многочисленных солдат-армян, бывших под его начальством...

Три важные события надо отметить. Прежде всего, избиения по селениям, начавшиеся задолго до событий в Ване. Число жертв этих избиений насчитывают до 16 000 человек.

Армянские крестьяне, хотя и были вооружены, но, вместо того чтобы защищаться своим оружием, они его отдавали властям, позволяя душить себя. Все эти избиения были произведены с необычайным жестокосердием. Мальчикам вспарывали животы, раздевали донага женщин и девушек и голыми гнали, как диких зверей, в горы.

Число крестьян — мужчин, женщин и детей, искавших убежища в Ване, которых надо было кормить, хотя бы под угрозой голода, в городе доходило до пятнадцати тысяч.

Второе событие. Чтобы свободнее расправиться с армянами, Джевдет-бей считал необходимым раньше кончить с их тремя главными вождями: Врамяном, Арамом и Ишханом, людьми одаренными и преданными родному делу. Он начал с Ишхана. Это было во время переговоров моих и армянских комитетов с правительством.

Тогда еще надеялись прийти к соглашению. Меж тем в Шатахе произошли крупные беспорядки. Вали

под предлогом восстановления спокойствия послал туда комиссию, якобы для того, чтобы сделать приятное Армянскому комитету, а также чтобы почтить Ишхана за его преданность делу и влиятельность; он просил последнего принять в назначенной комиссии участие. Ишхан в сопровождении своих трех товарищей отправился и скоро был нагнан отрядом черкесов, посланным вали. Вечером, когда путники ужинали, эти черкесы расстреляли их почти в упор.

В тот же день Врамян и Арам были приглашены к вали, который хотел посоветоваться с ними.

Врамян, слишком рассчитывая на свое звание депутата, отправился к губернатору и тотчас же был арестован. К счастью для Вана Арам был предупрежден вовремя о том, что происходит, и вернулся к себе. Что же касается Врамяна, то он был посажен на парусник, уходивший в море, и дальнейшая его судьба неизвестна.

Третье событие. Накануне бомбардировки Вана правительственными войсками все чиновники-армяне и армянские нотабли во всех «казах»-уездах были перестреляны или передушены, причем, прежде чем расстрелять, их целый час гоняли взад и вперед под наведенными дулами ружей.

Осада Вана. В субботу, 1 апреля, армянские кварталы внезапно были окружены войсками с артиллерией. Воскресенье и понедельник проходят в моих безрезультатных переговорах с вали. Во вторник, вследствие убийства нескольких армян, заступившихся за поселянок-христианок, попавших в руки турецких солдат, волнение делается общим. Из всех казарм выходят солдаты, которые и открывают по населению огонь. Бомбардировка начинается.

Чтобы яснее стало последующее, я должен сказать, что Ван делится на две части, одну из которых называют «городом», а другую «садами».

«Город» расположен близ озера и в нем находятся правительственные учреждения: суд, казармы, многие управления гражданского ведомства, как банк, акцизное управление, почта, телеграф и базары. В «городе» же кучка армянских домов.

«Сады» состоят из армянского квартала и несколь-

ких турецких. Ядро мусульманского населения поселено на площади, разделяющей «город» от «садов». Когда началась бомбардировка, в распоряжении правительства было двенадцать орудий и огромное количество боевых припасов, шесть тысяч солдат (турки, курды, черкесы), пять казарм, порт на озере, небольшой пароход и все парусники.

Жители селения Искеле-Кёй, испугавшись угроз, изменили делу армян...

У армян не было пушек, а бойцов у них было от ста до ста двадцати в «городе» и полторы тысячи в «садах».

Организовались они с замечательной быстротой и проницательностью, установили главный штаб, организовали инженерный отряд, батальон стрелков, красный крест, перевязочные пункты, полицию. Прорыли траншеи, возвели баррикады и были настолько мудры, что приняли оборонительный образ действий, чтобы избежать бесполезных потерь, а также воспретили бесцельный огонь.

Для турок все осадные операции заключались в бомбардировке и днем и ночью «города» и «садов», да в том, чтобы жечь армянские дома, стараясь, но безуспешно, захватить армянские позиции и терроризировать армян несмолкаемой стрельбой. Орудия принесли сравнительно немного вреда (было выпущено около 10 тыс. снарядов в «город» и 6 тыс. — в «сады»), убив около сотни женщин и детей и несколько мужчин, проходивших садами. Что же касается вреда, причиненного армянским позициям, то всякое разрушение тотчас же исправлялось. Армяне оказались счастливее турок, им не только удалось отбить все атаки, но самим захватить турецкие позиции, предав их огню.

Английское консульство, в которое, несмотря на мои протесты, вали поместил под предлогом охраны здания тридцать жандармов, стрелявших без устали по населению, было атаковано армянами и после нескольких часов осады сожжено. В городе ими были сожжены: Оттоманский банк, акцизное управление, почта, телеграф и контора Dette Publique, которые были превращены турками в сильные позиции. Ночная атака турок, под руководством германского офицера, прибывшего из Эрзерума, была так победоносно отбита, что офицер на следующий же день после поражения уехал из Вана. Во время этой атаки турки только потеряли

от 60 до 70 человек. Осада продолжалась двадцать семь дней.

Несмотря, однако, на ежедневные успехи, армяне сознавали, что для дальнейшего сопротивления им нужна помощь со стороны. Русских ждали с нетерпением. И наконец, они пришли. При приближении их мусульмане обратились в бегство, как один. Это бегство было так поспешно, что не взяли с собой ни одной вещи. Джевдет-бей выехал из Вана накануне. Не успели еще мусульмане оставить город, как начались пожары их домов.

Оккупация русских. Армянские добровольцы вступили в город первыми. Им устроили триумфальную встречу. За ними шли непрерывно, сменяясь одна за другой, части русских регулярных войск. Было учреждено гражданское управление, которое русские передали в руки армян. Генерал-губернатором был назначен Арам. Он же, надо сказать, был душой сопротивления армян.

Г. Сбордон

Анри Барбю. В стране ужаса. Мученица Армения, с. 145—151.

153. Телеграмма немецкого консула Шойбнера в Посольство в Константинополе

Перевод с немецкого

Эрзрум, 2 июня 1915 г.

Мои переговоры с главнокомандующим относительно выселения армян не привели к положительным результатам. Армянское население из всех долин, по-видимому, и из Эрзрума, должно быть выслано в сторону Дейр эл-Зора. Эта депортация большого масштаба равносильна массовому уничтожению, т. к. из-за отсутствия каких-либо транспортных средств даже половина депортируемых едва ли достигнет живыми места назначения и, видимо, депортация эта повлечет за собой не только разорение армян, но и всей страны. Основания военного характера не могут быть подведены под эти акции, потому что возможность восстания местных армян исключена, ибо депортируемые — это старики, женщины и дети. Армяне, которые переходят в ислам,

не высылаются. Осмотренные мной покинутые армянские деревни были разграблены: разграблен также и монастырь Кизилванк, церковь которого опустошена.

Шейбнер

Deutschland und Armenien. 1914—1918. Sammlung Diplomatischer Aktenstucke. Herausgegeben und Eingeleitet von Dr. Johannes Lepsius. Potsdam, 1919, S. 80.

154. Драгоман Посольства в Константинополе министру иностранных дел Сазонову

Телеграмма № 343
(через Бухарест) *4 июня 1915 г.*

Второго июня казнены перед Сераскератом 22 армянина, в числе коих и русский подданный, кавказский уроженец Матеос Саркисян. По поводу последнего итальянское посольство посылает сегодня Порте словесную ноту. Ожидают еще казней.

Серафимов

АВПР, Политархив, д. 3504, л. 31.

155. Из донесения германского посла в Константинополе канцлеру Бетману-Гольвегу

Перевод с немецкого
Пера, 17 июня 1915 г.

Совершенно очевидно, что высылка армян является результатом не только военных мер. Министр внутренних дел Талаат-бей недавно откровенно заявил аккредитованному в настоящее время при императорском посольстве доктору Мордтманну, что «Порта хочет использовать мировую войну для того, чтобы окончательно расправиться с внутренними врагами (местными христианами), не будучи отвлекаема при этом дипломатическим вмешательством из-за границы».

Несколько дней спустя армянский патриарх сообщил вышеназванному сотруднику посольства, что акции Порты имели своей целью скорее изгнание армянского населения из Турции и, более того, его истребление, нежели временное обезвреживание. Высылка столь же тяжка, как и массовое уничтожение, и не будет удивш-

тельно, если армяне в конце концов начнут сопротивляться даже без надежды на успех, «подобно замученному животному, бросающемуся на своего мучителя». Он [патриарх], по-видимому, потерял надежду на то, что шаги, предпринимаемые им перед турецким правительством, повернут ход событий к лучшему. Все это время он, как и, по-видимому, все армяне, осведомленные об этих событиях, твердо уверен, что выступления, приписываемые правительством армянам, спровоцированы действиями органов власти.

Вангенгейм

Deutschland und Armenien..., S. 83—84.

156. Русский посланник в Каире министру иностранных дел Сазонову

Депеша № 58 *Каир, 25 июня 1915 г.*

Жестокости, совершаемые над армянами Сирии и соседних с нею провинций, достигают невероятных размеров. Грабежи, насилия, резня и нередко поголовное избиение населения целых армянских деревень повторяются постоянно; семейства разделяются безжалостно; жен отрывают от мужей, детей — от родителей, и всех отправляют в ссылку в различные стороны. Особенно жестоко преследуется армянское духовенство; священников мучают, пытают, вырывают их ногти.

Недавно 12 000 турецких войск заняли Зейтун, служивший оплотом армянства и не впускавший к себе турецких сил. Угрозами, обманами и обещаниями турки побудили армян к сдаче и, заняв город, самым жестоким образом разделались с его жителями и защитниками. Тысячи человек были зарезаны и избиты, несмотря на широкие обещания полной безнаказанности.

Жестокие избиения армян, говорят, произошли также и в Алегистане (в округе Мараша).

Немецкие влияния, очевидно, направлены к тому, чтобы возбуждать турок против армян. Жена богатого немецкого коммерсанта в Алеппо, госпожа Кох, много лет уже занимающаяся политикой и прикрывающаяся своим интересом к археологии, отправилась недавно в Урфу и Диарбекир, где у ней имеются связи с курдскими племенами. Цель ее поездки — возбуждение курдов

против России и против армян. Г-жа Кох, конечно, не является единственной на этом поприще; множество германских агитаторов деятельно работает против союзников в Сирии и Армении.

Смирнов

АВПР, Политархив, д. 3804, л. 34.

157. Католикос Геворк V министру иностранных дел Сазонову

Из телеграммы *Эчмиадзин, 5 июля 1915 г.*

Полученные мною достоверные сведения из Константинополя и Киликии констатируют, что по приказу турецкого правительства совершаются в Турции массовые избиения армян, неслыханные зверства, насильно выселяются армяне в Иконию и Месопотамию, где от неблагоприятных условий и климата окончательно погибают, что составляет цель турецкого правительства...

АВПР, Политархив, д. 3504, л. 38.

158. Посол Вангенгейм канцлеру Бетман-Гольвегу

Перевод с немецкого
Пера, 7 июля 1915 г.

Еще 14 дней тому назад изгнание армянского населения ограничивалось приблизительно провинциями, близко расположенными к восточному театру военных действий, а также некоторыми районами провинции Адана. После этого Порта приняла решение распространить эти действия на провинции Трапезунд, Мамурет ул-Азиз и Себастия и уже приступила к осуществлению вышесказанного, хотя эти части страны не находятся еще под угрозой какого-либо вражеского вторжения.

Эти действия и способы, которыми производится высылка, свидетельствуют о том, что правительство в самом деле имеет своей целью уничтожение армянской нации в турецком государстве.

Вангенгейм

Deutschland und Armenien.... S. 34.

159. О депортации эрзерумских армян

(Из отчета иностранного очевидца. 11 июля 1915 г.)

Перевод с английского

Было бы не так уж страшно, если бы это [депортация] было попросту вынужденным переселением из одного места в другое, но каждый знает, что в этом случае отправлялись только на смерть. Если и имелись какие-либо сомнения на этот счет, то они рассеялись после прибытия из Эрзрума в Ерзнка большого числа конвоируемых партий высланных. Я много раз посещал их стоянки и разговаривал с некоторыми из этих людей. Невозможно представить себе более жалкую картину. Все они, без исключения, были оборванные, грязные, голодные и больные. Это неудивительно, если иметь в виду, что они почти два месяца находились в пути, не меняя одежды, не имея возможности вымыться, лишенные убежища и хотя бы небольшого количества пищи. На этой стоянке им выдавали скудный правительственный рацион. Я наблюдал однажды, когда им принесли пищу. Дикие звери и то были бы лучше. Они бросились к стражникам, которые несли им пищу, и стражники отгоняли их плетками, нанося им иногда такие удары, которых было бы достаточно, чтобы убить человека. Наблюдая эту сцену, трудно было поверить, что эти люди — человеческие существа.

Когда кто-нибудь проходил через лагерь, матери протягивали к нему своих детей, умоляя взять их с собой. Действительно, турки выбирали для себя некоторых из этих детей и девушек, чтобы сделать их рабами или с еще худшими целями. Они даже приводили с собой докторов, чтобы те осмотрели наиболее подходящих девушек и таким образом обеспечили лучший выбор.

Среди них было очень мало мужчин, т. к. большинство из них было убито по дороге. Все они рассказывали одну и ту же историю о том, что на них напали по дороге... и ограбили. Многие из них подвергались этим нападениям неоднократно, и огромное число их, особенно мужчин, было перебито. Убивали также женщин и детей. Естественно, что многие умерли по дороге от болезней и истощения, и каждодневно, пока они были у нас, над ними также витала смерть. Прибывало не-

сколько различных партий и после остановки на один или два дня их торопили идти дальше, не говоря определенно о месте назначения. Те, кто прибывали сюда, составляли, однако, только небольшую часть начавших свое скитание людей. Непрерывно подвергая их таким гонениям, они избавились бы от них за сравнительно короткий промежуток времени. Среди тех, с кем я беседовал, были три сестры. Они получили образование в... и прекрасно говорили по-английски. Они рассказали, что их семья была одной из самых богатых в Эрзруме и в тот момент, когда они уходили оттуда, состояла из 25 человек; но сейчас в живых осталось только 14 человек. Остальные одиннадцать, в том числе муж одной из них и старая бабушка, убиты... Самому старшему мужчине из их семьи, оставшемуся в живых, всего 8 лет. Когда они оставляли Эрзрум, у них были деньги, лошади и личные вещи, но по дороге все разграбили, даже одежду. Они рассказывали, что некоторых из них оставили абсолютно голыми, а других — только в одном платье. Когда они дошли до селения, жандармы получили для них одежду от местных женщин. Другая девушка, с которой я говорил, была дочерью протестантского пастора Эрзрума. Она рассказала, что все члены ее семьи, бывшие с ней, убиты, и только она одна осталась в живых... Их содержали под стражей в заброшенном школьном здании за городом, и никому не разрешалось туда входить. Они говорили, что фактически находились в тюрьме, хотя им разрешалось ходить к роднику, близ здания школы. Именно там я и встретился с ними. Все другие содержатся в лагере в открытом поле, незащищенные от солнечных лучей.

Состояние этих людей ясно показывает, какая судьба ожидает всех, кто покинул или собирается покинуть эту стоянку. Я полагаю, что уже никто не услышит о ком-нибудь из них или, возможно, услышит очень немногое...

Кажется, что само передвижение наилучшим образом приспособлено для того, чтобы привести к невиданному даже в этой стране уничтожению армян.

За последние несколько недель было арестовано несколько тысяч армян-мужчин. Они были брошены в тюрьму. По мере того, как там собиралось несколько сот человек, их ночью уводили из тюрьмы. Первая партия была выведена в ночь на 23 июня. Среди них было

несколько профессоров колледжа и других видных армян, в том числе прелат армяно-григорианской церкви. Вскоре вслед за этим разнесся слух, что всех их перебили, и почти нет сомнений, что это правда. Аналогичными образом были высланы все солдаты-армяне. Они были арестованы и заключены в тюрьму на окраине города. Не делалось никакого различия между теми, кто уплатил налог за освобождение от военной службы, и теми, кто не уплатил. Деньги у них взяли, а затем они были арестованы и отосланы вместе с другими. Было сказано, что их должны направить куда-то на работу по строительству дорог, но, без сомнения, это было ложью, т. к. никто больше ничего не слышал о них.

О судьбе всех других с достаточной ясностью можно судить по достоверным рассказам о случае, который произошел в среду, 7 июля, с одной из таких групп. В понедельник как в Н., так и в Ж. было арестовано и брошено в тюрьму много мужчин. Во вторник утром на рассвете они были выведены из тюрьмы, и их заставили идти по направлению к горе, на которой почти никто не жил. Их было всего около 800 человек, связанных веревкой в группы по четырнадцать человек. К вечеру того же дня они прибыли в маленькое селение курдов, где остановились на ночлег в мечети и в других помещениях. Со времени ареста им не давали ни пищи, ни воды. У них отобрали все деньги и большую часть одежды. В среду утром их привели в долину, на расстоянии нескольких часов ходьбы, и заставили всех сесть на землю. Затем жандармы начали расстреливать их и убили почти всех. Тех, кто не погиб от пули, убивали ножом или штыком. Некоторым из них удалось разорвать веревку, которой они были привязаны к своим товарищам, и убежать, но они были настигнуты и убиты. Нескольким из них, возможно не более чем двум-трем, удалось уйти. Среди тех, кто был убит, находился казначей колледжа, а также и многие другие достойные уважения люди. Ни к одному из этих людей никогда не предъявлялось никакого обвинения.

Эти аресты и убийства — попросту часть общего плана уничтожения армянской нации.

Вчера ночью еще несколько сот мужчин, в число которых входили и арестованные гражданскими властями, и те, кто числился солдатами, были уведены в другом направлении и убиты таким же образом. Рассказы-

зают, что это произошло на расстоянии не более чем двух часов ходьбы отсюда. Я поеду туда через несколько дней, когда все немного успокоится, и сам попытаюсь проверить это.

Такие же случаи систематически происходят в селах. Несколько недель тому назад в АТ. и БЖ.. селах, находящихся соответственно в 4 и 5 часах ходьбы отсюда, собрали 300 мужчин, а затем отвели в горы и убили. Это, кажется, установлено точно. Многие женщины из этих селений были там и впоследствии рассказывали об этом. Распространились слухи о том, что подобные случаи происходили и в других местах... [27]

The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915–16, Documents presented to Viscount Grey of Fallodon by Viscount Bryce. With a preface of Viscount Bryce. London, 1916, p. 262–264.

160. Из донесения немецкого консула Шойбнера-Рихтера послу Вангенгейму

Перевод с немецкого
Эрзрум, 28 июля 1915 г.

Сторонники местного вали Тихсин-бея откровенно признаются, что конечной целью их деятельности является полное уничтожение армян в Турции. После войны «у нас в Турции армян больше не будет» — таково дословное высказывание одного авторитетного лица.

Поскольку этой цели нельзя достичь при помощи различного рода избиений, здесь надеются, что лишения за время длительного пути до Месопотамии и непривычный климат довершат все. Это «решение» армянского вопроса кажется идеальным всем сторонникам крайнего направления, к которым принадлежат почти все военные и правительственные чиновники. Сам турецкий народ ни в какой мере не согласен с таким решением армянского вопроса и уже сейчас тяжело ощущает хозяйственную нужду, возникающую в этой части страны в результате изгнания армян.

Шойбнер-Рихтер

Deutschland und Armenien..., S. 113.

161. Переводчик штаба Кавказской армии начальнику I кавказского армейского корпуса

Выписка из рапорта № 108 *3 августа 1915 г.*

Доношу, что сего числа мною был дополнительно допрошен военнопленный Гуссейн Сабри, старший писарь подвижного госпиталя сводного корпуса. Три месяца тому назад мушский жандармский батальон, находившийся в Лисе, собрал по городу всех мужчин-армян старше 10 лет. Собрав, таким образом, до 150 человек, их увели. На другой день всех этих армян нашли зарезанными под горой, в часе ходьбы от Лиса. То же самое было проделано со всеми армянами в окрестных деревнях. Через несколько дней после увода мужчин-армян Гуссейн Сабри был свидетелем изнасилования солдатами армянских девушек...

Максимов

АВПР, Политархив, д. 3504., л. 43.

162. Русский посланник в Софии министру иностранных дел Сазонову

Из телеграммы № 515 *5 августа 1915 г.*

Армянская колония в Софии по случаю нового жестокого избиения армян в Турции сообщила по телеграфу миссии свою резолюцию с новой мольбой к цивилизованным нациям всего мира сохранить хотя бы остатки мученического народа. Одновременно к военному агенту явилась депутация армян с просьбой о пропуске добровольцев в Россию для участия в борьбе против турок...

Савинский

АВПР, Политархив, д. 3504, л. 42.

163. Член Государственной думы Пападжанян министру иностранных дел Сазонову

Выдержка из письма *8 августа 1915 г.*

Я получаю ежедневно телеграммы и письма об ужасном положении армянского населения в Турецкой Армении и прибывших в наши пределы беженцев.

Нет слов для передачи действительности, и бесхитростный рассказ очевидца может выслушать до конца только обладающий крепкими нервами.

В Малазгертском и Мушском районах все мужское армянское население вырезано, в Лизе 800 мужчин, привязанных друг к другу, переколоты, по обширным полям Копа, Лиза и других мест валяются трупы женщин и детей.

Я мог бы продолжать без конца мартиролог последних дней.

В пределы России прибыло более 200 000 беженцев, голодных, больных, терроризованных. Шли они по ужасным дорогам, через труднопроходимые перевалы, устилая путь трупами. Все—женщины и дети.

Вместе с 60 000, прибывшими зимой, беженцев-армян более 260 000 по спешному подсчету.

Армянское общество не в силах содержать беженцев как ввиду необходимости громадных средств и недостаточности благотворительной помощи вообще, так и потому, что беспрестанными поборами крестьянские и городские классы изнурены.

На содержание беженцев затрачено до сего времени более полутора миллиона рублей (помимо небольшой помощи со стороны), дружины стоили около 700 000 руб., произведены значительные затраты на гражданское управление в Ване (вверено было армянам, взявшим Ван), на лазареты в ряде городов и на театре военных действий и пр.

Средства иссякли. Не знаю, какая народность в России вложилась в войну и принесла более жертв.

Необходима широкая помощь со стороны государства, нужны миллионы, чтобы не погибли обездоленные на наших глазах. Законопроект о мерах по обеспечению участи беженцев уже внесен в Думу, и я принимаю участие в обсуждении и скорейшем проведении его. Но на это нужно время. А беженцы остаются под открытым небом, разбитые, голые, голодные, умирающие от изнеможения.

Только на питательные пункты расходуется 30 000 руб. ежедневно.

Убедительно прошу Вас, глубокоуважаемый Сергей Дмитриевич, возьмите на себя инициативу и примите меры, чтобы немедленно из средств государства было отпущено не менее миллиона рублей в распоряжение армянских организаций помощи беженцам...

АВПР, Политархив, д. 3492, л. 5—6.

164. Переводчик штаба Кавказской армии начальнику I кавказского армейского корпуса

Выписка из рапорта № 137 *11 августа 1915 г.*

Доношу, что сего числа мною допрошен армянин-беженец Мушег Мамиконян, 17 лет, уроженец Муша, откуда бежал 12 дней тому назад. Месяц тому назад турецкие власти приказали всему армянскому населению Муша собраться для отправления в Урфу, но армяне, боясь, чтобы по дороге их не зарезали, что случилось уже в других селениях и городах, отказались исполнять этот приказ. Тогда начался армянский погром... Почти все армяне — мужчины, женщины и дети — были зарезаны, в том числе мать, отец, братья и сестра Мамиконяна. В окрестных селениях были такие же погромы. Только Сасун, окруженный со всех сторон турецкими войсками, оказал сопротивление и остался в руках армян... Молодые армяне, имевшие оружие, бежали в горы. Из Муша после погрома бежала группа армян в 80 человек. Все они остались в Дутахе и вступили в армянскую дружину. Мамиконян заболел в дороге и потому был отправлен в Сарыкамыш.

Максимов

АВПР, Политархив, д. 3504, л. 47.

165. Посланник в Афинах в Министерство иностранных дел России

Из телеграммы № 324 *11 августа 1915 г.*

Серафимов просит передать: Деудес сообщает 28 июля, что преследования армян в Турции все усиливаются. Армянское население ближайших к Константинополю городов и селений ссылается в глубь Малой Азии. Та же участь ожидает и остальных армян без различия подданства...

Демидов

АВПР, Политархив, д. 3504, л. 45.

166. Из обращения немцев, проживающих в Конии, в Посольство в Константинополе

Перевод с немецкого
Кония, 16 августа 1915 г.

Итак, все предпринятые меры, по-видимому, сводятся к полному уничтожению армян.

Это бесчеловечное отношение — неизгладимое позорное пятно в мировой истории не только для турок, но и для нас, немцев, если мы будем смотреть на это дело сложа руки и допустим уничтожение этого народа. Совершенно независимо от всего прочего подобный, весьма печальный образ действий противоречит интересам экономического положения страны, причем и немецкие предприятия пострадают, если погибнет этот трудолюбивый народ.

Если нижеподписавшиеся берут на себя смелость отправить императорскому посольству сообщение об этих фактах, то они делают это, полагая, что таковые не в полной мере известны германскому императорскому посольству

Мы, немцы, вынужденные каждодневно наблюдать эти возмутительные бесчинства, чувствуем себя обязанными протестовать против всего этого в качестве представителей культурного государства, находящихся среди полуцивилизованного народа.

Мы надеемся, что просьба наша будет уважена и что судьба тысяч и тысяч неповинных женщин и детей будет хотя бы смягчена.

С глубоким уважением

Вилли Зеегер, руководитель индустриально-торгового акционерного общества в Анатолии, филиал Кония;

Георг Бигель, учитель средней школы;

Генрих Янсон, заводской мастер;

Ю. Е. Маурер, дипломированный инженер.

Deutschland und Armenien.... S. 134–138.

167. Из доклада подполковника Штанге германской военной миссии в Константинополе

Перевод с немецкого
Эрзрум, 23 августа 1915 г.

...После всего случившегося можно с уверенностью признать нижеследующее.

Решение об изгнании и уничтожении армян принято младотурецким комитетом в Константинополе; им же, по-видимому, организовано и осуществлено это при помощи военных властей и различных банд. С этой целью, кроме местной администрации начальника полиции Хулуси-бея и главнокомандующего Махмуда Кямиль-паши, на местах находились члены Комитета Хильми-бей, Шакир-бей, депутат Эрзрума, Сейфулла-бей.

Подполковник Штанге

Deutschland und Armenien.... S. 142.

168. Русский посланник в Каире министру иностранных дел Сазонову

Телеграмма № 89 *2 сентября 1915 г.*

Американский консул в Алеппо через посредство доверенного лица доводит до сведения союзников, что сосланные в Урфу 2000 подданных союзных держав находятся в крайней опасности вследствие раздражения и отчаяния турецких войск, отступающих перед нашей Кавказской армией. На своем пути войска эти вырезывают всюду армян; число жертв достигает будто бы миллиона. Армяне прибережья при содействии начальника французской эскадры берутся за оружие, отправив жен и детей в Египет, куда их прибыло уже около 3000.

Смирнов

АВПР, Политархив, д. 3490, л. 107.

169. Из письма доктора Завриева министру иностранных дел Сазонову

Петроград, 3 сентября 1915 г.

Вашему высокопревосходительству известно в общих чертах о невыносимом положении, какое создалось для армян в Турции.

Получаемые постепенно подробности выясняют нам глубоко мрачную картину:

1. В течение весны и лета этого года почти во всей турецкой армии особыми приемами, частично, но без послабления, вырезаны почти все армяне, забранные в солдаты. Погибло таким образом много десятков тысяч мужчин в лучшем возрасте.

2. Почти из всей Киликии, Зейтуна и Сиваса изгнано поголовно все армянское население. Из него была выделена большая часть более молодых мужчин, которых куда-то угнали. О судьбе их нет сведений, и их, без сомнения, убили. Все остальные без исключения были погнаны пешком, без какого-либо имущества в Месопотамию. Огромная масса женщин и детей падала от изнурения, тонула, переходя реки, и погибала от голода и жажды. Отстающих безжалостно убивали. Молодых девушек куда-то уводили. В Месопотамии их хотят будто бы расселить между кочевниками.

Весьма большое число их уже приняло ислам.

3. Западная часть Эрзерумского вилайета и часть Харпутского и Диарбекирского пока еще мало пострадали, но очередь, вероятно, дойдет и до них.

4. Город Муш и вся роскошная Мушская долина превращены в развалины: сожжены большинство домов и все церкви и монастыри. Население вырезано, кроме тех, которые успели бежать в горы Сасуна.

Весь Сасун пока уцелел, но он окружен курдами и войсками. Люди мужественно держатся, но у них уже не хватает патронов. Провизия тоже на исходе. Таким образом, гордый Сасун скоро падет, если не подоспеет помощь.

5. Ушедшие с отступавшими от Вана русскими войсками около 200 тысяч армян хлынули в Закавказье и Эриванскую губернию.

Очевидцы, посылающие оттуда телеграммы, не могут без слез описывать всего, что творится в этой голодной,

нестройной человеческой массе, оставшейся без врачебной помощи и нуждающейся решительно во всем.

Холера и другие эпидемии уносят ежедневно более трехсот человек. Телеграфируют, что сотни трупов остаются непогребенными за неимением ни материальных средств, ни нужной организации. Гибель этих несчастных людей неизбежно рождает угрозу разноса эмидемии по всему Кавказу, по мере распределения беженцев по деревням...

Армянский народ в Турции обрекается на погибель.

Вашему высокопревосходительству известно, кто является вдохновителем и руководителем всего происходящего и за что против этого народа так разъярились германо-турки. По счастью, пока еще не всюду им удалось осуществить свой злой умысел.

У армянского народа нет иного защитника, который мог бы что-либо сделать, кроме России...

В тревожном сомнении и в положении человека, лишающегося последних душевных сил и веры в святость руководившей им идеи, я обращаюсь к Вам, ища опору в Вашей человечности и Вашем сознании государственного интереса России, связанного с сохранением армянского народа...[28].

АВПР, Политархив, д. 3479, л. 19—20.

170. Заявление двух сестер милосердия, служивших в германской военной миссии в Эрзруме

Перевод с английского

В марте 1915 г. мы узнали от одного врача-армянина, который позднее умер от тифа, что турецкое правительство готовится к проведению резни армян в широком масштабе. Он просил нас узнать у генерала Пасельта, правилен ли этот слух. После этого нам сообщили, что генерал (один из блестящих офицеров) также имел опасения по этому поводу и по этой причине просил освободить его от занимаемого поста... Мы заболели тифом и вследствие некоторых изменений в обслуживающем персонале госпиталя были вынуждены покинуть Эрзрум.

Благодаря любезной услуге германского консула в Эрзруме, который пользовался у армян уважением, мы

были приняты на работу в Красный Крест в Ерзнка и работали там семь недель.

В начале июня глава миссии Красного Креста в Ерзнка хирург А. рассказал нам, что в Ване восстали армяне и против них были приняты меры, которые могут вылиться во всеобщее истребление армян, а также, что все армянское население Ерзнка и окрестностей будет отправлено в Месопотамию, где они уже не составят большинства, как это было здесь. Однако никакой резни не предполагается, и должны быть приняты меры для питания высланных и обеспечения их личной безопасности с помощью военного эскорта. Он сказал, что, как сообщают, в Ерзнка были обнаружены вагоны, груженные оружием и бомбами, и что многие будут арестованы. Персоналу Красного Креста запрещено иметь какое-либо касательство к высланным, а также совершать любые экскурсии пешком или верхом за пределы определенного радиуса.

После этого населению Ерзнка была предоставлена отсрочка на несколько дней для продажи своего имущества. Как и следовало ожидать, продажа производилась по смехотворно низким ценам. В первую неделю июня отправилась первая партия; богатым людям разрешалось нанимать экипажи. Они должны были поехать в Харберд. В последующие три дня отправились другие партии высланных, у которых детей взяли на воспитание в мусульманские семьи; но позднее власти решили, что впредь дети также должны идти в изгнание.

Семьи армян, работавших в нашем госпитале, в том числе и больная женщина, должны были следовать вместе с остальными. Протест доктора Нейкирха, который лечил эту женщину, не оказал никакого воздействия. Ее отправка была отложена лишь на два дня. Солдат, прикрепленный к нашему госпиталю в качестве сапожника, сказал медицинской сестре Б. «Мне уже 45 лет, и все же я взят на военную службу, хотя я регулярно каждый год платил налог за освобождение от военной службы. Я никогда не делал ничего, что было бы направлено против правительства, а теперь они забирают от меня всю мою семью, мою семидесятилетнюю мать, жену и пятерых детей, причем я даже не знаю, куда их отправляют». Он особенно волновался при мысли о своей полуторагодовалой дочери: «Она такая ласковая. У нее такие прелестные глаза». Говоря это, он плакал, как ребенок.

На следующий день он пришел опять: «Я знаю правду. Они все погибли». И это было действительно так...

Впоследствии солдаты нам рассказали, как беззащитные армяне были убиты все до одного. Бойня продолжалась 4 часа. Женщины становились на колени, бросали своих детей в Евфрат.

«Это было ужасно, — сказал один моложавый солдат. — Я не мог стрелять, я только притворялся». Мы часто слышали, как турки выражали по этому поводу неодобрение и сожаление. Солдаты рассказывали нам, что были приготовлены повозки с волами, чтобы сбросить все трупы в реку и уничтожить следы резни.

На следующий день состоялась настоящая облава в пшеничном поле (пшеница осталась на поле и многие армяне прятались в ней).

Начиная с этого времени непрерывно прибывали партии высланных, направляемых на бойню; у нас не было сомнений относительно их дальнейшей судьбы после единодушных свидетельств, которые мы получали из разных мест. Позднее наш кучер-грек рассказал, что эти жертвы со связанными за спиной руками, были сброшены в реку с отвесных скал. Такой метод применялся в тех случаях, когда число жертв было слишком велико для того, чтобы можно было избавиться от них какими-либо другими способами. Кроме того, облегчалась работа убийц. Сестра Б. и я сразу начали, конечно, думать о том, что мы можем сделать, и решили поехать с одним из этих конвоев в Харберд. Мы еще не знали тогда, что по приказу правительства резня совершается в пути следования, и полагали, что сможем умерить жестокость жандармов, а также предотвратить нападение курдов, поскольку мы говорим на курдском языке и имеем некоторое влияние на них.

Затем мы телеграфировали консулу в Эрзрум о своем увольнении из госпиталя и настаивали на том, чтобы он в интересах Германии приехал в Ерзнка. В ответ он телеграфировал: «Мой пост невозможно покинуть. Жду австрийцев, которые должны проехать здесь 22 июня...».

Вечером 17 июня мы пошли на прогулку с г-ном К., аптекарем штаба Красного Креста. Он, как и мы, был потрясен совершавшимися жестокостями и очень ясно выражал свое мнение по этому поводу. Он также уволился с работы. Во время прогулки мы встретили [illegible]р-

ма, который рассказал, что в десяти минутах ходьбы сделала привал большая партия высланных из Байберда. Он рассказал нам с ужасающей правдивостью, как истребляли этих людей и одного за другим бросали в пропасть ущелья: «Kesin, kesin, geliorlar» («Убивайте, убивайте, идут»). Далее он сказал о том, что во всех селениях насиловали женщин и что сам он тоже хотел изнасиловать девушку... Он описывал, как раздробляют головы детям, когда они плачут или мешают идти. «Там лежали три обнаженных трупа девушек. Я похоронил их, чтобы сделать доброе дело», — так закончил он свой рассказ.

На следующий день рано утром перед нашим домом прошла колонна высланных, направляясь по шоссе, ведущему в Ерзнка. Мы последовали за ними, не отставая, до выхода из города, что заняло около часа. С нами шел г-н Ж. Это была большая партия, но в ней насчитывалось всего двое или трое мужчин, остальные были женщины и дети. Многие женщины походили на сумасшедших. Они кричали: «Пощадите нас, мы станем мусульманами, немцами или тем, чем вы желаете, только пощадите нас. Нас ведут в Камах-Богаз, чтобы перерезать нам горло», — и они делали выразительный жест. Другие молчали и терпеливо шли с несколькими узлами на спине и детьми на руках. Некоторые умоляли нас спасти их детей. Приходило много турок, чтобы взять детей и девушек с согласия их родителей или же не спросясь у них. Времени для раздумывания не было, т. к. конные жандармы, размахивая своими плетками, безостановочно гнали толпу. На окраине города дорога в Камах-Богаз ответвлялась от главного шоссе. В этом пункте произошло то, что обычно бывает на рынке для продажи рабов. Мы также взяли маленькую девочку и семью из шестерых детей в возрасте от трех до четырнадцати лет. Все они уцепились за нас. Девочку мы тут же отдали на попечение нашей поварихе-турчанке. Она хотела взять ребенка на кухню, в частный дом доктора А. и держать его там до тех пор, пока мы вернемся за нею, но ассистент доктора избила и вытолкала девочку на улицу. Тем временем толпа страдающих и агонизирующих людей с криками продолжала свой путь, а мы вернулись в госпиталь со своими шестью детьми. Доктор А. разрешил держать их в нашей комнате пока мы упаковывали свои пожитки; их покормили, и они стали успокаиваться. «Те-

перь мы спасены». — воскликнули они, когда мы взяли их. Они отказались сходить с наших рук. Самый младший из них, сын богатого жителя Байберда, лежал калачиком, завернутый в плащ матери; его лицо распухло от плача и, казалось, невозможно было успокоить его. Однажды он бросился к окну и, показывая на жандарма, закричал: «Вот человек, который убил моего отца». Дети отдали нам свои деньги—475 пиастров (около 4 фунтов стерлингов), которые им дали родители в надежде, что, быть может, хотя бы их дети не будут расстреляны.

Затем мы поехали в город, чтобы получить разрешение взять с собой этих детей. Нам сказали, что власти сейчас находятся на совещании и решают судьбу только что прибывшего конвоя. Тем не менее сестре Б. удалось поговорить с одним знакомым ей человеком, который разрешил ей взять детей с собой и посоветовал дать им фальшивые имена в паспорте. Этого нам было достаточно, и, возвратившись в госпиталь, мы в тот же вечер переехали с нашим багажом, детьми и всем, что у нас было, в гостиницу в Ерзнка. Санитары-турки в госпитале хорошо отнеслись к нам. «Вы сделали доброе дело, взяв этих детей»,— говорили они.

В гостинице на 8 человек мы смогли получить только одну маленькую комнату. Ночью раздался ужасный стук в нашу дверь. Кто-то спросил, здесь ли живут две немки. Затем все опять стихло к величайшей радости маленьких обитателей нашей комнаты. Первым вопросом детей было, согласимся ли мы с тем, чтобы их сделали магометанами. Является ли наш крест (красный крест сестры) таким же, как и их крест? После этого они успокоились. Мы оставили их в комнате, а сами пошли выпить чай в кафе гостиницы. Мы заметили, что несколько выписавшихся из нашего госпиталя больных, которые всегда старались показать свое расположение к нам, вели себя так, будто не узнают нас. Хозяин гостиницы начал разглагольствовать. «В Константинополе,— говорил он, — принято решение о том, что эти женщины и дети должны умереть». Вошел также турецкий ходжа из нашего госпиталя и, между прочим, сказал нам: «Если бог не имеет жалости к ним, почему же вы должны их жалеть? Армяне совершили зверства в Ване. Это произошло потому, что у них плохая религия. Мусульмане не должны были следовать их примеру, им надлежит осуществить резню с наибольшей гуманностью». Мы

каждый раз отвечали, что им следовало бы выявить преступников и совершить правосудие над ними, а уничтожение женщин и детей всегда было и останется преступлением.

Затем мы отправились к мутесаррифу, с которым раньше мы не могли добиться свидания. Этот человек был воплощением дьявола, его поведение соответствовало его внешности. Он заорал на нас: «Не дело женщин совать свой нос в политику, нужно уважать правительство». Мы ответили ему, что действовали бы точно таким же образом, если жертвами были мусульмане, и что политика не имеет никакого отношения к нашим поступкам. В ответ он сказал, что нас выгнали из госпиталя и что мы встретим такое же отношение с его стороны, ибо он не потерпит нашего пребывания здесь и, конечно, не разрешит нам поехать в Харберд за нашими пожитками, а отправит прямо в Себастию. Самое худшее заключалось в том, что он запретил взять с собой детей и сразу же послал жандарма забрать их из нашей комнаты.

Возвращаясь домой, мы действительно встретили детей, но их торопили, и они прошли мимо нас так быстро, что мы были лишены возможности даже возвратить им их деньги. Тогда мы попросили доктора Линденберга проследить, чтобы эти деньги были вручены детям, но для того, чтобы узнать, где они находятся, он должен был обратиться к турецкому офицеру. В момент нашего отъезда, когда нам сказали, что они убиты, а мы не имели уже возможности производить дальнейшие поиски, вышеупомянутый Риза-бей пришел к нам и попросил эти деньги якобы для того, чтобы вернуть их детям. Мы решили потратить их на освобождение других армян.

В Ерзнка теперь на нас смотрели с подозрением. Нам не разрешили остановиться в гостинице и поместили в доме, покинутом армянами. Вся эта обширная часть города казалась мертвой. Люди появлялись здесь только для того, чтобы грабить дома; в некоторые из них уже были вселены семьи перемещенных мусульман. У нас была крыша над головой, но никто не приносил нам пищи. Тем не менее, мы ухитрились послать записку доктору А., который любезно разрешил нам вернуться в госпиталь. На следующий день мутесарриф прислал безрессорный багажный экипаж, в котором мы должны были совершить семидневное путешествие в Себастию. Мы

дали ему понять, что не поедем в этом экипаже, и после того, как к ним обратился доктор А., они прислали пассажирский экипаж и пригрозили, что арестуют нас, если мы сразу же не уедем. Это было в понедельник, 21 июня, и нам хотелось подождать австрийцев, которые должны были прибыть во вторник утром, чтобы совершить переезд в их компании. Но доктор А. заявил, что он не сможет больше защитить нас, и нам пришлось уехать. Доктор Линденберг был настолько любезен, что проводил нас до Рифахии*. В первый день путешествия мы видели пять трупов: один из них—труп женщины, на ней была одежда; другие трупы были без одежды, а один — обезглавлен. Как нам рассказал сопровождавший нас жандарм, по одной с нами дороге ехали два турецких офицера, которые в действительности были армянами. Они сохраняли свое инкогнито и проявляли большую сдержанность по отношению к нам, но в то же время всячески старались не потерять нас из вида. На четвертый день они не появились. Когда мы начали расспрашивать о них, нам дали понять, что чем меньше мы будем интересоваться ими, тем это лучше будет для нас. Мы сделали остановку вблизи от греческого селения. Около дороги стоял человек свирепого вида. Он заговорил с нами и сказал, что расположился здесь, чтобы убивать проходящих армян и что он уже убил 250 человек. Он заявил, что армяне заслужили это, т. к. все они анархисты — не либералы или социалисты, — а анархисты. Он сказал жандармам, что получил по телефону приказ убить наших двух компаньонов по путешествию эти два человека и их кучер-армянин должны погибнуть здесь. Мы не могли удержаться от спора с убийцей, но когда он отошел от нас, наш кучер-грек предупредил: «Не говорите ни слова, если вы...»,— и он жестом показал, как прицеливаются при стрельбе. Действительно, уже прошла молва, что мы армянки, а этого было достаточно, чтобы счесть нас приговоренными к смерти.

Однажды мы встретили партию высланных, которые, распрощавшись со своими процветающими селениями, шли в сторону Камах-Богаза. Мы долгое время простояли на обочине дороги, пока они проходили мимо нас. Ни одна из нас никогда не забудет этой сцены: неболь-

* Партии высланных не шли по этой дороге.

шое число пожилых мужчин, очень много женщин — энергичные фигуры с выразительными чертами лица, толпа хорошеньких детей, некоторые из них белокурые и голубоглазые. Одна маленькая девочка улыбалась всему незнакомому, что встречала в пути, но на других лицах можно было увидеть предчувствие смерти. Не было слышно никакого шума; все было тихо, и они проходили мимо в строгом порядке; дети в основном ехали на телегах, запряженных волами; по мере того как они проходили, некоторые из них приветствовали нас. Одна старая женщина была вынуждена слезть со своего осла — она не могла больше сидеть в седле. Была ли она убита тут же? Наши сердца охватил ледяной холод.

Сопровождающий нас жандарм рассказал, что он эскортировал партию в 3000 женщин и детей в Мамахатун, недалеко от Эрзрума) и Камах-Богаз. «Все погибли, все мертвы»,— сказал он. Мы спросили его: «Зачем их обрекли на такие ужасные мучения? Почему их не убили в их селениях?» Он ответил: «То, что делается сейчас, — это наилучший способ. Их следовало заставить испытать страдания, и, кроме того, все эти трупы не оставили бы места для нас, мусульман. Они издавали бы зловоние!».

Мы провели ночь в Эндересе, откуда один день езды до Шапин-Карахисара. Как обычно, для ночлега нам предоставили покинутый армянами дом. На стене карандашом было написано по-турецки: «Наше убежище теперь в горах, нам больше не нужна крыша, прикрывающая нас; мы уже осушили горькую чашу смерти, мы больше не нуждаемся в судьях».

Большие подвалы дома все еще были заняты женщинами и детьми. Жандармы сказали нам, что их погонят в изгнание завтра утром, но они об этом еще не знают; они не знают, что случилось с мужчинами из этого дома. Они были беззащитны, но еще не испытали отчаяния.

Не успела я уснуть, как была разбужена выстрелами, раздавшимися в непосредственной близости от нас.

Выстрелы быстро следовали один за другим, и я отчетливо услышала слова команды. Я сразу поняла, что случилось, и даже испытывала чувство облегчения при мысли, что эти несчастные находятся теперь вне пределов досягаемости человеческой жестокости.

На следующее утро люди рассказывали нам, что было убито 10 армян — это были выстрелы, которые я

слышала — и что местные жители-турки пустились в погоню за убежавшими. Мы действительно видели их верхом с винтовками в руках. В стороне от дороги два вооруженных человека, стоя под деревом, делили одежду убитого армянина. Мы прошли мимо места, покрытого запекшейся кровью, хотя трупы уже были убраны. Это были те 250 солдат, которые строили дорогу и о которых рассказывал нам жандарм.

В другой раз мы встретили большое число тружеников, которым до сих пор разрешалось мирно работать. Они были разделены на 3 партии: мусульман, греков и армян. Среди последних было несколько офицеров. Наш юный Хасан воскликнул: «Их всех ведут на убой». Мы продолжали свой путь по дороге, ведущей на холм. Вскоре наш кучер хлыстом указал на долину, и у обочины дороги мы увидели партию армян. Их было около 400 человек, выстроенных по одному на краю обрыва. Мы знали, что затем произойдет.

За два дня до приезда в Себастию мы опять видели такую же картину. Штыки солдат блестели на солнце. Стоявшие в стороне 10 жандармов расстреливали армян, а другие приканчивали жертвы ножами и камнями. На этот раз 10 армянам удалось бежать. С одним из них позднее мы встретились в миссии госпиталя в Себастии. Он рассказал нам, что там было убито около 100 армян. Наш рассказчик сам получил ужасную рану в затылок и упал без сознания. Затем он пришел в себя и добрался за два дня до Себастии.

В 12 часах езды от Себастии мы остановились на ночь в правительственном здании. Целыми часами жандарм, сидя перед нашей дверью, беспрерывно и монотонно твердил: «Ermenileri hep kesdiler» («Все армяне убиты») В соседней комнате жандармы разговаривали по телефону. Мы поняли, что они инструктировали кого-то о том, как следует арестовывать армян. Они говорили главным образом о каком-то Оганесе, которого никак не могут поймать.

Однажды мы провели ночь в армянском доме, где женщины только узнали о том, что мужчины из их семей приговорены к смерти. Было ужасно слушать их душераздирающие крики. Наша попытка поговорить с ними оказалась бесполезной. «Не может ли ваш император помочь нам?» — кричали они. Жандарм увидел выражение отчаяния на наших лицах и сказал: «Их крики тре-

вожат вас; я запрещу им плакать». Однако нам удалось успокоить его. Он испытывал особенное удовольствие, когда указывал на ужасные картины, встречавшиеся нам, и говорил молодому Хасану: «Сначала мы перебьем всех армян, затем греков и курдов». Он, конечно, с большим наслаждением добавил бы: «А затем и иностранцев». Наш кучер-грек оказался жертвой его еще более ужасной шутки: «Посмотри туда в ров, там лежат и греки».

Наконец мы достигли Себастии. Нам пришлось ждать около часа у правительственного здания, пока изучали наши документы. Затем нам разрешили пойти к американцам. Здесь также все были в тревоге и печали.

Из Себастии мы уехали 1 июля и приехали в Кесарию 4-го июля. Когда в иезуитской школе мы сдали свой багаж, нам разрешили поехать в Талас, но как только мы решили двинуться из Кесарии в путь, нам это запретили и вернули обратно в иезуитскую школу, поставив у наших дверей жандарма. Однако американским миссионерам удалось добиться нашего освобождения.

Затем мы вернулись в Талас, где пережили несколько тревожных дней, т. к. здесь, как и в Кесарии, было много арестов. Бедные армяне никогда не знали, что им принесет завтрашнее утро; а вскоре пришло ужасное известие, предписывающее всем армянам покинуть Себастию. О том, что произошло там и в селениях прилегающих районов, расскажет американская миссия.

Когда мы поняли, что нас намерены задержать, чтобы помешать нам присоединиться к австрийцам для дальнейшего следования, мы телеграфировали в германское посольство и таким путем получили разрешение на отъезд...[29].

The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915 - 1916. London, 1916. p. 246 254.

171. Из показаний персов и турок о резне эрзрумских армян в июне 1915 г.

Перевод с армянского

1. Перс Мешади Гаджи Ибрагим рассказал следующее:

«В мае 1915 г. губернатор Тахсин-бей призвал к се-

бе четебаши Амрванли Эюб-оглы Гадыра и, показав ему приказ, полученный из Константинополя, сказал: «Здешних армян я поручаю тебе, доведешь их невредимыми до Кемаха, там на них нападут курды и другие. Ты для вида покажешь, что хочешь их защищать, применишь даже раз-другой оружие против нападающих, но, в конце концов, покажешь, что не можешь справиться с ними, оставишь и вернешься». Немного подумав, Гадыр сказал: «Ты мне приказываешь связанных по рукам и ногам овец и ягнят отвести на бойню; это — жестокость мне не подобающая; я солдат, пошли меня против врага, пусть либо он сразит меня пулей, и я храбро паду, либо я его поражу и спасу свою страну, а марать свои руки в крови невинных я никогда не соглашусь». Губернатор очень настаивал на том, чтобы он исполнил приказ, но великодушный Гадыр наотрез отказался. Тогда губернатор призвал Мирза-бека Вераншехерли и сделал ему вышеприведенное предложение. Этот тоже утверждал, что нет нужды убивать. Уже в такие условия, сказал он, ставите вы армян, что сами они по дороге помрут, и Месопотамия такая жаркая страна, что они не выдержат, погибнут. Но губернатор настоял на своем, и Мирза принял предложение.

Мирза полностью выполнил взятое на себя жестокое обязательство. Через четыре месяца он вернулся в Эрзерум с 360 тысячами лир: 90 тысяч он отдал Тахсину, 90 тысяч — корпусному командиру Махмуду Камилю, 90 тысяч — дефтердару, а остальное — мехердару, Сейфулле и сообщникам. Однако при дележе этой добычи между ними возник спор, и губернатор арестовал Мирзу. А Мирза пригрозил сделать такие разоблачения, что мир удивится; тогда его отпустили на свободу».

Эюб-оглы Гадыр и Мирза Вераншехерли лично рассказали эту историю персу Мешади Гаджи Ибрагиму.

2. Погонщик верблюдов перс Кербалай Али-Мемед рассказал следующее:

«Я перевозил боеприпасы из Эрзинджана в Эрзерум. Однажды в июне 1915 г., когда я подъехал к Хотурскому мосту, перед глазами моими предстало потрясающее зрелище. Несметное количество человеческих трупов заполнило 12 пролетов большого моста, запрудив реку так, что она изменила течение и бежала мимо моста. Ужасно было смотреть; я долго стоял со своим караваном, пока эти трупы проплыли, и я смог пройти через мост. Но

от моста до Джиниса вся дорога была завалена трупами стариков, женщин и детей, которые уже разложились, вздулись и смердили. Такое ужасное стояло зловоние, что пройти нельзя было по дороге; мои два погонщика верблюдов от этого зловония заболели и умерли, а я вынужден был переменить свою дорогу. Это были жертвы и следы неслыханного и ужасного злодеяния. И все это были трупы армян, несчастных армян».

3. Алафтар Ибрагим-эфенди рассказал следующее: «О выселении армян из Константинополя был получен весьма жесткий и срочный приказ следующего содержания: вырезать без пощады всех мужчин от 14 до 65-летнего возраста, детей, стариков и женщин не трогать, а оставить и обратить в магометанство».

ЦГИА Арм. ССР, ф. 57, оп. 1, д. 632, л. 17—18.

172. Из заявления немца—очевидца резни армян в Муше

Перевод с английского

В конце октября [1914 г.], когда для турок началась война, турецкие чиновники начали отбирать у армян все, в чем турки нуждались для ведения войны. Их имущество, их деньги — все было конфисковано. Позднее каждый турок мог войти в армянский магазин и взять то, в чем он нуждался или что хотел бы иметь. По всей вероятности, только десятая часть этого действительно была нужна для ведения войны, остальное было просто грабежом. Потребовалось доставить на фронт, к кавказской границе, продовольствие и т. п. Для этой цели правительство направило в трехнедельное путешествие из Муша к русской границе около 300 стариков-армян, среди которых было много инвалидов, а также детей не старше двенадцати лет. Так как у армян было разграблено все, что они когда-либо имели, эти бедные люди умирали по дороге от голода и холода. Одежды у них не было совсем, ее отбирали в пути. Если из этих 300 армян возвращалось 30 или 40 человек, то это считалось чудом; остальные либо избивались до смерти, либо умирали по указанным выше причинам.

Зима в Муше была очень холодная; для взимания высоких налогов присылались жандармы, но так как

армяне уже отдали туркам все, что имели, то они были не в состоянии платить эти огромные налоги, а за это их избивали до смерти. Армяне никогда не прибегали к самозащите за исключением тех случаев, когда жандармы плохо обращались с их женами и детьми. И целые деревни сжигались дотла лишь потому, что несколько армян попыталось защищать свои семьи.

Примерно к середине апреля до нас дошел слух о больших беспорядках в Ване. Мы слышали рассказы об этом как от турок, так и от армян, и так как эти рассказы во всех отношениях совпадали, было ясно, что в них есть немалая доля правды. Рассказывали, что правительство Оттоманской империи издало приказы о том, чтобы все армяне сдали свое оружие, но армяне отказались выполнять их, заявив, что оружие может пригодиться им в случае необходимости. Это послужило поводом для настоящей резни. Были сожжены все села, населенные армянами. Турки хвастались, что теперь они отделались от всех армян. Я сам слышал, как чиновники упивались мыслью о том, что с армянами покончено.

Так прошла зима. Каждый день приносил ужасы, настолько потрясающие, что их невозможно описать. Затем мы услышали о резне, которая началась в Битлисе. В Муше так же все было подготовлено для резни, когда русские вступили в Лиз, находящийся примерно в 14—16 часах езды от Муша. Это отвлекло внимание турок, и временно резня была отложена. Но как только русские оставили Лиз, все районы, населенные армянами, подверглись грабежам и опустошению.

Это было в мае. В начале июня мы узнали, что все армянское население Битлиса уничтожено.

В то же время мы получили сообщение, что американский миссионер д-р Напп был ранен в армянском доме и отправлен турецким правительством в Диарбекир, где в первую же ночь своего пребывания умер. Правительство пыталось объяснить его смерть тем, что он якобы объелся. Этому, конечно, никто не поверил.

Когда в Битлисе были перебиты все и больше никого не осталось, внимание турок переключилось на Муш. Убийства совершались и раньше, но тогда они не были массовыми; теперь же начали убивать людей без какой-либо причины и избивали их до смерти просто ради удовольствия.

В самом Муше, в этом большом городе, было 25 000

армян; по соседству имелось 300 селений. Во всех этих местах теперь не встретишь ни одного мужчины-армянина, лишь кое-где попадаются женщины.

В первых числах июля из Константинополя через Харберд прибыло 20 000 солдат с полным снаряжением и 11 пушками, которые осадили Муш. В действительности Муш был осажден еще с середины июня. В это время мутесарриф отдал приказ, предписывающий нам покинуть город и отправиться в Харберд. Мы умоляли его разрешить нам остаться, так как на нашем попечении находились все сироты и больные, но он был неумолим и угрожал удалить нас силой, если мы не подчинимся. Однако поскольку мы себя плохо чувствовали, нам позволили остаться в Муше. Я получил разрешение взять с собой армян из приюта для сирот в случае, если мы покинем Муш, но когда мы попросили обеспечить их безопасность, единственным ответом было: «Вы можете их взять с собой, но в пути головы армян могут быть и будут отрезаны».

10 июля Муш подвергся бомбардировке в течение нескольких часов под тем предлогом, что некоторые армяне якобы пытались бежать. Я пошел к мутесаррифу и попросил его пощадить наши здания, но он ответил: «Поделом вам, раз вы остались, вместо того, чтобы уехать, как было приказано. Пушки находятся здесь для того, чтобы покончить с Мушем. Ищите убежище у турок». Это было, конечно, невозможно, потому что мы не могли отказаться от своих обязанностей. На следующий день был обнародован новый приказ об изгнании армян и была дана трехдневная отсрочка для подготовки к отъезду. Им было приказано зарегистрироваться перед отъездом в правительственном здании. Их семьи могли оставаться, но собственность и деньги подлежали конфискации. Армяне не могли уехать, т. к. у них не было денег на переезд, и поэтому они предпочитали умереть в своих домах, чем, расставшись с семьей, умирать медленной смертью в дороге.

Как уже сказано, армянам была дана трехдневная отсрочка, но не прошло и двух часов, как солдаты стали врываться в дома, арестовывать их обитателей и отправлять в тюрьму. Начали стрелять пушки, и люди по существу были лишены возможности зарегистрироваться в правительственном здании. Мы укрылись в подвале из опасения, что загорится наш приют. Нельзя было

спокойно слушать душераздирающие крики взрослых и детей, заживо горевших в своих домах. Солдаты испытывали величайшее наслаждение, слушая их. Когда кто-либо из находившихся на улице людей падал мертвым от артиллерийского снаряда, солдаты только смеялись над этим.

Оставшиеся в живых были отправлены в Урфу (кроме больных, женщин и детей, никто не остался в живых). Я пошел к мутесаррифу и просил его пощадить, по крайней мере, детей, но напрасно. Он ответил, что дети армян должны погибнуть вместе со своей нацией. Все наши люди были забраны из госпиталя и приюта; они оставили нам трех женщин из прислуги. Муш был сожжен дотла при таких ужасных обстоятельствах. Каждый офицер хвастался числом лично им убитых, считая это своим вкладом в дело избавления Турции от армянской нации.

Мы уехали в Харберд, который стал кладбищем армян; со всех сторон их привозили сюда хоронить. Они лежали здесь, а собаки и грифы пожирали их тела. В Харберде и Мезре людям пришлось испытать ужасные пытки. У них были выдернуты брови, отрезаны груди, вырваны ногти, палачи отрубили им ступни или же вбивали гвозди в ступни, как это делают при подковке лошадей. Все это совершалось ночью, чтобы люди не могли слышать их криков и видеть их агонии; солдаты, располагаясь вокруг тюрьмы, били в барабаны и свистели. Нет необходимости говорить о том, что многие умерли от этих пыток. Солдаты кричали умирающим: «Пусть теперь ваш бог поможет вам».

Одного старого священника подвергли жестокой пытке, чтобы заставить его признаться. В отчаянии он кричал: «Мы революционеры», надеясь что после этого признания пытки прекратятся и его оставят в покое. Но тогда солдаты стали кричать: «Вот чего мы добивались. Мы слышали это из его собственных уст». После этого они перестали выбирать жертвы, как они делали до сих пор, а подвергли пыткам всех армян без разбора.

В начале июля 2000 солдат-армян получили приказ выехать в Алеппо для строительства дорог. Услышав это, население Харберда пришло в ужас, и в городе началась паника. Вали послал за немецким миссионером г-ном Эхеманном и просил его успокоить людей, убеждая, что этим солдатам не грозит никакая опасность.

Г-н Эхеманн поверил словам вали и успокоил народ. Но вскоре после их отъезда стало известно, что все они были убиты и сброшены в пропасть. Только некоторым из них удалось бежать, и мы узнали об этом событии от них. Было бесполезно обращаться к вали с протестом. Американский консул в Харберде несколько раз обращался к нему с протестом, но вали не посчитался с ним и пригрозил ему самым оскорбительным образом. Спустя несколько дней 2000 других солдат-армян были отправлены в Диарбекир. Чтобы у них не было сил бежать в пути, их заставили голодать...

Распоряжения об освобождении от высылки армян-протестантов и католиков поступали лишь после того, как они уже были высланы. Правительство хотело принудить немногих оставшихся в живых армян принять магометанскую веру. Несколько человек пошли на это, чтобы спасти своих жен и детей от ужасных страданий, свидетелями которых они были. Люди умоляли нас поехать в Константинополь и добиться какого-либо обеспечения безопасности для них. По дороге в Константинополь мы встречали только старых женщин. Не было видно ни одной молодой женщины или девушки.

Уже в ноябре 1914 г. мы узнали о подготовке резни. Мутесарриф Муша, являвшийся личным другом Энвер-паши, совершенно открыто заявил, что турки предпримут избиение армян при первом удобном случае и что они уничтожат всю эту нацию. Они намеревались сначала перерезать армян и только потом воевать с русскими. Примерно в начале апреля Экран-бей в присутствии майора Ланге и нескольких других высокопоставленных должностных лиц, включая американского и немецкого консулов, совершенно открыто заявил, что правительство намерено истребить всю армянскую нацию. Все эти подробности ясно показывают, что резня армян готовилась преднамеренно.

В нескольких селениях бедные женщины, беззащитные и слабые, приходили к нам, умоляя о милостыне и защите. Нам было запрещено давать им что-либо или брать их с собой, фактически нам было запрещено делать что бы то ни было для них, и они умирали на наших глазах...[30].

[30] The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915—1916. London 1916. p. 88—91.

173. Из путевых заметок немца — очевидца событий в Киликии

Перевод с французского

С 28 июля по 20 августа 1915 года я совершил поездку в Мараш...

6 августа армянская деревня Фындыджак, расположенная недалеко от Мараша, была полностью разрушена, и все ее жители (3 тыс. человек) вырезаны. За последние три месяца погонщики мулов перегнали большое число армян к Евфрату. Они видели своими глазами трупы в Евфрате и были свидетелями продажи женщин и девушек, а также насилий, совершаемых над ними.

В одной американской школе в Мараше я видел более ста искалеченных самым невероятным образом женщин и детей (без рук, без ног) и среди них детей 1—2 лет.

14 августа 34 армянина были расстреляны в Мараше, в их числе двое детей 12-ти лет. 15 августа расстреляли 24-х и позднее повесили 14 армян. Расстрелянные были тяжелой цепью скованы за шеи друг с другом и брошены в яму. В присутствии мусульманского населения их казнили за американским колледжем. Я видел, каким истязаниям варварское население подвергало тела, еще бившиеся в предсмертных судорогах: их дергали за руки, за ноги и, чтобы позабавить толпу мусульман, полицейские и жандармы стреляли из револьверов по неописуемо изуродованным трупам. Затем толпа ринулась к немецкому госпиталю с криками: «Jachasin Almania» («Да здравствует Германия»). Мусульмане без конца повторяли, что именно Германия повинна в том, что они так обращаются с армянами.

По дороге из города к нашей ферме я увидел около домов на куче мусора человеческую голову, которая служила мишенью для турецких детей! Даже во время моего пребывания в Мараше штатские ежедневно убивали армян, трупы которых валялись весь день в сточных канавах или где попало.

В Мараше Кадин-паша говорил мне: «Мне известно, что по приказу властей в районе, где располагается 4-й армейский корпус, все мужское население истреблено».

20 августа 1915 года в 6 ч. вечера населению Мараша стало известно, что, согласно приказу вали Аданы, все мужское население старше 15-ти лет, т. е. всего 5600 человек, в субботу, до полудня, должно собраться за стенами города, готовое к отправлению. Каждый, кто останется после полудня в городе, будет без всяких формальностей казнен. Все знали, что означает приказ властей, и нам пришлось пережить часы страшной паники. В последнее мгновение благодаря вмешательству весьма гуманного губернатора города Мараша приказ был изменен, и мужчинам разрешили уйти с семьями. 28 августа вали призвал духовенство и заверил его, что армяне переселяться не будут. Несчастным потом пришлось отправиться в путь неподготовленными.

В деревне Бёверен, около Албистана, все армянское население численностью в 82 человека было убито; лишь одному 12-летнему ребенку, кинувшемуся в воду, удалось спастись.

По соседству с Зейтуном жители одной из деревень, где свирепствовала эпидемия оспы, были насильно выселены. Больных оспой, в большинстве ослепших от гнойничков, поместили в Мараше в караван-сарай, где находились люди, высланные из других районов.

В Мараше я видел колонну из 200 человек. Почти все они были слепые. Женщина шестидесяти лет вела за руку свою парализованную дочь. Все шли пешком. После часа ходьбы один мужчина упал у моста Эркенес; его ограбили и убили. Спустя 4 дня его труп был еще в канаве.

Вчера вечером я посетил своего знакомого. У него гостила женщина с ребенком, высланная из Себастии; только эти двое остались в живых из семьи в двадцать шесть человек, изгнанной из Себастии 3 месяца тому назад; они прибыли сюда совсем недавно.

В Айнтабе я видел приказ, изданный губернатором, согласно которому мусульманам запрещалось продавать что бы то ни было высланным армянам, проходящим через город. Тот же губернатор предпринимал различные меры для нападения на колонны высланных. Две колонны были начисто ограблены.

2800 армян, высланных из Гюруна (в 12-ти часах пути от Мараша) в ущелье Инкузек-даг, были полностью ограблены. Во время этого нападения около 200 человек было убито, 70 тяжелораненых оставлены на месте, а

более 50 раненых уведены с колонной. Я встретил эт колонну из 2500 человек, она осталась в Карабёюке. Эт люди находились в неописуемо плачевном состоянии. Н расстоянии одного часа ходьбы от Карабёюка двое упал на дороге: один из них имел две, а другой — семь са бельных ран. Немного дальше упали две обессилевши женщины, еще дальше — четыре; среди них 17-летня девушка с двухдневным ребенком, завернутым в лохмо тья. Шестидесятилетний мужчина лежал на дороге с глу бокой раной на лице...

Обессиленных оставляли на дороге, по обе сторон которой виднелись трупы. В этой колонне из двух с половиной тысяч человек я насчитал только 30 или 40 муж чин. Мужчины старше 15-ти лет были угнаны раньше женщин и, вероятно, истреблены. Этих несчастных намеренно отправляли по опасным окольным путям; вместо того чтобы дойти до Мараша за 4 дня, они находились в пути около месяца. Шли без скота, без постели, без пищи, получая по одному разу в день тоненький ломтик хлеба, который не мог насытить их; из этой колонны 400 человек протестантов дошло до Алеппо; каждый день умирало по два-три человека.

Нападение в Айран-Пунаре совершилось с согласия каймакама Албистана... Во время этого нападения людей привязывали к деревьям и сжигали. Очевидец мне рассказывал, как в окрестностях Айран-Пунара двое каких-то типов — братья — оспаривали друг у друга добычу. Один говорил другому: «Чтобы получить эти четыре узла, я убил 40 женщин».

Мусульманин по имени Хаджи, с которым я был знаком в течение долгих лет в Мараше, рассказал следующее: «В Нисибине меня заперли с погонщиками мулов в караван-сарае; много молодых женщин было в ту ночь изнасиловано жандармами, сопровождавшими эту колонну, и штатскими...».

Из 18 тысяч армян, высланных из Харберда и Себастии, до Алеппо дошли 350 женщин и детей, а из 19 тысяч, высланных из Эрзрума, — всего 11 человек: один больной ребенок, четыре девушки и шесть женщин. Колонна женщин и девушек за 65 часов прошла пешком вдоль полотна железной дороги путь из Рас ул-Айна до Алеппо, несмотря на то, что все это время поезда, перевозящие войска, возвращались пустые. Путешественники-мусульмане, ехавшие по этой дороге, рассказыва-

ют, что этот путь непроходим из-за многочисленных трупов, которые там лежат и своим зловонием отравляют воздух. Из высланных, оставшихся в Алеппо, 100—200 человек умерли после трудной дороги. Когда женщины и дети, изголодавшиеся и исхудавшие настолько, что стали походить на скелеты, приходили в Алеппо, они набрасывались на пищу, как звери. Но у многих из них нарушены функции внутренних органов: проглотив один-два куска, они отбрасывают ложку в сторону...

Органы власти не только не заботятся об этих несчастных людях, но и позволяют отбирать то, что осталось у них. В Рас ул-Айн прибыла колонна высланных армян, состоящая из 200 женщин и девушек, совершенно голых; у них отобрали все, вплоть до обуви и рубах, и в течение четырех дней они шли нагими под жгучими лучами солнца (40° в тени), подвергаясь насмешкам и издевательствам сопровождавших их солдат. М. говорил, что он видел колонну высланных состоящую из 400 женщин и детей в таком именно состоянии. Если несчастные взывали к чувству милосердия чиновников, им отвечали: «Нам категорически приказано именно так обращаться с вами»

Вначале в Алеппо покойников несли на кладбище в гробах, изготовляемых на средства армянской церкви. Носильщики, выполнявшие эту обязанность, получали по два пиастра за каждого покойника. Когда они уже не смогли справиться с этим, женщины стали сами носить своих покойников на кладбище; маленьких детей на руках, детей постарше—уложив на мешок, который четыре женщины несли, держа каждая за один угол. Я видел покойников, которых отправляли на кладбище на спине у осла. Один из моих знакомых видел труп, привязанный к палке, которую несли двое мужчин. Другой знакомый видел запряженную быками повозку, полную покойников, направлявшуюся на кладбище. Двухколесная повозка не могла проехать через узкие двери кладбища. Возчик опрокинул свою повозку и опорожнил ее; затем он потащил покойников за руки и ноги к яме. Иногда пять-шесть повозок едва успевали отвозить трупы на кладбище. Однажды в воскресный день я увидел в одном караван-сарае 30 трупов на дворике шириной в 20 и длиной в 40 метров, а в этот день было уже захоронено около 20 трупов. Эти 30 трупов оставались там до вечера. Моя жена велела похоронить их, дав каждо-

му из трех носильщиков по одному меджидие (около четырех франков сорока сантимов). Трупы так сильно разложились, что кожа одного из них прилипла к руке носильщика. Среди покойников под жгучим солнцем лежали и умирающие; их было около 1000 человек. Это было ужасающее зрелище, подобного которому я не видел раньше, даже летом в Мараше, где мне пришлось быть очевидцем казни 24 армян... Умершего уносили, и его место тотчас же занимал другой. Случалось, что на кладбище уносили вместе с покойниками людей, подававших еще признаки жизни; таких укладывали в сторону до тех пор, пока не убеждались, что смерть завершила свое дело. К одной девушке очень скоро вернулось сознание, и ее понесли обратно в город, а мужчина, похороненный накануне, сидел наутро живой на своей могиле. В Тель-Абиаде М... видел открытые ямы с 20—30 трупами; когда они заполнялись, их засыпали всего несколькими лопатами земли. М... мне говорил, что запах разложения там так силен, что невозможно оставаться поблизости, высланные же должны были расположиться именно там. Из 35 сирот, помещенных в одной комнате, 30, лишенные всякого ухода, скончались в течение одной недели. М... рассказывал, что, возвращаясь из своей поездки, он видел трупы на всем протяжении дороги.

В воскресенье 12 августа 1915 года я был по делам на Дамасском вокзале в Алеппо, и мне привелось увидеть, как тысячи женщин и детей погружались в вагоны для перевозки скота...

13 сентября 1915 года стало известно о депеше командующего 4-й армией Джемаль-паши следующего содержания: «Все фотографические снимки с колонн высланных армян, сделанные инженерами и другими служащими компании, строящей Багдадскую железную дорогу, должны быть сданы в течение 48 часов военному комиссариату Багдадской железной дороги в Алеппо. Не выполнившие этот приказ будут отвечать перед военным трибуналом»[31].

Я видел иногда женщин и детей, ищущих в кучах нечистот объедки, которые они немедленно съедали. Я видел детей, грызущих кости...

Между Марашем и Айнтабом мусульманское население одной деревни хотело дать воды и хлеба колонне

высланных, состоящей из 100 семейств, но солдаты, сопровождавшие колонну, воспротивились этому...

М. Л., который месяц назад говорил при мне об этих «негодных армянах», сказал буквально следующее: «Я не принадлежу к числу людей, которых можно легко взволновать, но после того, что я видел в Рас ул-Айне, я не могу удержать слезы. Я считал, что в наше время не могут иметь место подобные зверства, подобное насилие, позорящее все человечество...».

В то время как я пишу эти строки, моя жена вернулась вся в слезах с прогулки по городу и рассказала, что встретила колонну высланных армян численностью свыше 800 человек, босых, в изорванной одежде, едва передвигающихся, несущих на своих плечах маленьких детей и то немногое, что у них осталось из вещей.

Из Бесне было изгнано все население (1800 человек), в большинстве женщины и дети: они якобы должны были переселиться в Урфу. У Гёк-су, притока Евфрата, их заставили раздеться; потом всех убили, а тела бросили в реку. Еще недавно можно было видеть, как по Евфрату плывут трупы; в один день—170, в другой раз—50—60. Во время одной из своих поездок инженер А. заметил 40 трупов. Тела, застрявшие у берега, пожирались псами; в реке на песчаных отмелях они становились добычей грифов.

800 армян, о которых упоминалось выше, шли из окрестностей Мараша. Им было сказано, что они переселяются в Айнтаб и что им следует запастись продовольствием на два дня. Когда они приближались к Айнтабу, им сказали: «Мы ошиблись, надо идти в Нисибин». Органы власти не заготовили для них продовольствия и лишали возможности его закупить. В Нисибине им было сказано: «Мы опять ошиблись, надо идти в Мамбидж», а там снова: «Произошла ошибка, надо идти в Баб» и т. д. Так они брели 17 дней, оставленные на произвол сопровождающих их солдат. За это время они не получили никакого продовольствия от властей и меняли на хлеб то немногое, что у них было. У одной женщины отняли силой ее старшую дочь. В отчаянии она бросилась с двумя другими детьми в Евфрат...

В Биреджике тюрьмы заполняются в течение дня, а за ночь они пустеют. Село Тель-Армен с 3000 жителей внезапно подверглось нападению; жителей вырезали, живых вместе с мертвыми бросили в колодцы, а в других

селах—сожгли. Майор фон Микуш был свидетелем этого истребления. Один командир немецкого эскадрона видел между Диарбекиром и Урфой по обе стороны дороги трупы с перерезанным горлом. М. С. тоже видел по пути множество трупов детей.

5 октября 1915 года М... вернулся из Нусс-Телла и рассказал следующее:

«Между Тель-Абиадом и Культепе я увидел в стороне от дороги в шести разных местах мертвых нагих женщин, недалеко—мертвую нагую женщину с изуродованными ногами, еще одну мертвую женщину в одежде, дальше—двух мертвых детей, еще дальше мертвую девушку, немного постарше, рядом с нею—мертвого ребенка и, наконец, мертвую женщину с кляпом во рту,—всего 18 трупов. Женщины, за исключением одной, были совсем нагие и многие из них, судя по выражению их лиц, являлись жертвами насилия. Все мертвые дети были в одежде».

Между Культепе и Хараб-Нассом М., увидел у телеграфного столба умирающего ребенка, дальше—шесть трупов совершенно голых женщин и детей.

В Тель-Абиаде после отправления колонны высланных у дороги осталось 17 мертвых и умирающих. Служащие железной дороги велели позднее похоронить эти 17 трупов. Уже много дней подряд в этот район приводят колонны высланных армян.

Заявление М... совпадает с тем, что мне говорил председатель Комиссии по высылке, когда я ему подал ходатайство о 4-х армянских детях: «Вы не понимаете, какую цель мы себе ставим. Мы хотим уничтожить само название «армянин». Как немцы не хотят, чтобы существовал кто-нибудь, кроме немцев, так и мы, турки, хотим, чтобы были одни только турки»[32].

Quelques documents sur le sort des Arméniens en 1915. Fascicule III. Genève. 1916, p. 162 1 3.

174. Из сообщения учителя немецкой школы в Алеппо доктора Мартина Нипаге

Перевод с французского

В сентябре 1915 года, вернувшись после трехмесячного отпуска из Бейрута в Алеппо, я с ужасом узнал, что начался новый период армянских избиений, гораздо

более страшных, чем во времена Абдул-Гамида, имевших целью полное истребление армянского народа,— народа умного, трудолюбивого, жаждущего прогресса.

Сначала я отказывался верить этому. Мне рассказали, что в различных частях Алеппо встречаются толпы людей, ослабевших от голода, — жалкие остатки тех, которые были известны как «караваны высланных» Чтобы скрыть уничтожение армянской нации под маской политики, стали утверждать, якобы военные соображения вынудили изгнать армян из родных мест, где они обитали 2500 лет, и выслать их в Аравийскую пустыню; эти меры оправдывались также тем, что некоторые армяне обвинялись в шпионаже.

Я навел справки относительно этих фактов и, получив разностороннюю информацию, пришел к заключению, что выдвинутые против армян обвинения касаются отдельных случаев малозажного значения, которые служат лишь поводом для уничтожения десятков тысяч невинных людей из-за одного виновного, совершения жесточайших действий против женщин и детей и для обречения высланных на голод, с целью их тотального истребления.

Чтобы укрепить свое мнение, составленное на основе полученной информации, я посетил все районы города, где находились те, кто остался из высланных армян. В разваливающихся караван-сараях я обнаружил груды разложившихся тел и среди них еще живые существа, находящиеся в состоянии агонии. В других местах я нашел массу больных и голодных людей, на которых никто не обращал внимания. Вокруг нашей школы было четыре таких караван-сарая, где обитало 700—800 голодающих. Преподаватели и учащиеся — все мы вынуждены были каждый день проходить мимо этих караван-сараев. Через их открытые окна были видны жалкие, истощенные создания в лохмотьях. Дети нашей школы каждый день проходили вдоль тропинок, проборонованных двухколесными арбами, запряженными волами, которые увозили свой груз—8—10 окостеневших тел, без гробов или какого-либо покрова, со свисающими руками и ногами.

В течение нескольких дней, будучи очевидцем подобных сцен, я счел своим долгом написать нижеследующий рапорт:

«Наше положение преподавателей немецкой реаль-

ной школы в Алеппо обязывает нас сообщить следующие сведения.

Мы считаем своим долгом заявить, что работа нашей школы будет лишена всякой моральной основы и не сможет вызвать уважение со стороны жителей этого города, если германское правительство не изыщет возможности положить конец жестокостям, которые испытывают на себе жены и дети убитых армян. В то время как караваны высланных в момент отправления из Армении насчитывали по две—три тысячи мужчин, женщин и детей, к прибытию на юг они сокращались до 200—300 человек. Мужчины были убиты в пути, женщины и молодые девушки— за исключением пожилых или некрасивых женщин и малолетних детей—были похищены турецкими солдатами и офицерами или исчезли в турецких и курдских деревнях, где их принудили принять ислам. Остальные скошены голодом и жаждой. Даже во время их прохождения мимо рек им не разрешалось пить. Единственной пищей этих людей является горсть муки, которую ссыпают им в руки, и они проглатывают ее тут же только для того, чтобы отсрочить свою смерть.

Напротив нашей школы, в одном из караван-сараев находятся остатки одного из этих караванов высланных—около четырехсот изможденных существ, среди которых сотня детей 5—7-летнего возраста. Большинство их болеет тифом или дизентерией. Когда входишь во двор, тебе кажется, что это сумасшедший дом. Когда им приносят еду, то видно, что они разучились есть. Желудок их, уменьшенный многомесячным голоданием, не принимает больше пищи. Когда им дают хлеб, они с безразличием швыряют его в сторону; они спокойно ждут своей смерти.

Как можем мы, учителя, читать нашим ученикам немецкие сказки, изучать в Библии историю доброго самаритянина, проходить склонения и спряжения, если рядом с ними их соотечественники умирают с голоду? Наша работа является оскорблением морали, отрицанием всех человеческих чувств. Что станет с этими несчастными, женщинами и детьми, которых тысячами гонят через город и его окрестности в пустыню? Их гонят с одного места на другое до тех пор, пока от тысяч остаются сотни, сотни превращаются в небольшие группы, а этих последних преследуют все время, пока не исчезнут все до единого. Ну так что же? Цель путешествия

достигнута, вот «новые местожительства, предназначенные для армян»—так выражаются газеты.

«Таалим эль алман» («это наставление немцев»),— говорит простой турок тем, которые хотят узнать, кто является подстрекателем этих злодеяний. Более просвещенные турки признают, что если даже немецкий народ осуждает жестокости, германское правительство, из уважения к своим союзникам-туркам, не предпринимает ничего, чтобы воспрепятствовать этому

Даже мусульмане—турки и арабы, которые чувствительны по своей натуре, качают головой и не в состоянии удерживать слезы, видя как проходят через город караваны высланных, конвоируемые турецкими солдатами, которые жестоко избивают беременных женщин, умирающих, тех, которые не в силах больше двигаться. Сами турки не убедились еще в том, что именно правительство предписало эти жестокости, и всю ответственность взваливают на немцев, рассматривая их как людей, руководящих политикой Турции в период войны. В мечетях муллы говорят о том, что приказ об истреблении армян и жестокости в отношении их исходят не от Порты, а от немецких офицеров...

Гораздо более ужасные факты, чем те, которые мы изложили, содержатся в многочисленных официальных отчетах немецких консульств Александретты, Алеппо и Мосула, переданных в посольство. По мнению консулов, за прошедшие месяцы был истреблен один миллион армян, половина которых—женщины и дети, и все они либо убиты, либо умерли от голода...

Один из этих господ [имеются в виду Талаат и Энвер] сказал репортеру: «Конечно, мы наказываем также многих невинных людей. Но надо ведь защититься от тех, которые могли бы стать виновными».

Таковы аргументы, которыми турецкие государственные деятели оправдывают массовое истребление женщин и детей.

Один немецкий католический служитель утверждает, что Энвер-паша говорил посланцу папы в Константинополе, монсеньору Дольчи, что он не остановится до тех пор, пока хоть один-единственный армянин останется в живых.

Целью депортации является поголовное уничтожение всего армянского народа. Это намерение отчетливо явствует из того факта, что правительство систематически

противодействует тем миссионерам, сестрам милосердия и другим европейцам, находящимся в стране, которые пытаются оказать помощь армянам. Один швейцарский инженер был предан военному суду за распределение хлеба среди каравана высланных армян...[33].

Quelques documents sur le sort des Arméniens en 1915. Fascicule III. Genève, 1916, p. 147–148, 187–161.

175. Воззвание общественных и научных деятелей Швейцарии

Перевод с французского
Женева, [сентябрь-октябрь] 1915 г.

В то время как война, поглощая все силы великих народов Европы, приковывает к себе внимание мира, Турция стала ареной событий, сопровождающихся зверствами, перед которыми бледнеют злодеяния, совершаемые ныне в других местах или совершенные ранее в этой стране.

Речь идет о систематическом истреблении всего армянского народа с твердым намерением установить в турецкой империи исключительное владычество ислама.

Сотни тысяч армян вырезаны или же подверглись массовой высылке из своих городов и сел. Перевезенные в пустыни Месопотамии и в другие края, они гибнут в нужде и нищете. Очень многие, особенно женщины и дети, вынуждены принять магометанство. Эти факты установлены показаниями беспристрастных очевидцев, в силу своего характера и положения заслуживающих полного доверия.

Мы, нижеподписавшиеся, обращаясь к швейцарскому правительству с призывом оказать материальную помощь оставшейся части несчастного армянского народа, хотим привлечь внимание всего мира к этим фактам и призываем общественное мнение всех стран принять соответствующие меры, чтобы со стороны тех, кто мог бы оказать влияние на Константинополь, была немедленно осуществлена защита уцелевших армян.

[Следуют 100 подписей]

АВПР. Политархив, д. 3492, л. 15.

176. Патриарх западных армян Погосу Нубар-паше

Перевод с французского

Из письма *[Октябрь 1915 г.]*

Мы только что получили новые сообщения из армянских провинций Турции. Сведения были представлены очевидцами и самими жертвами. Около миллиона армян выслано со своей родины на юг Высылки систематически проводились местными властями с апреля месяца. Все началось с разоружения населения всех селений и городов; с этой целью были использованы жандармы и преступники, выпущенные из тюрем; под предлогом разоружения они совершали убийства и подвергали людей чудовищным пыткам. Затем произошли массовые аресты армян; предлогом к этому послужили якобы найденные у них оружие или книги. Просто богатые или занимающие приличное положение люди часто арестовывались без каких-либо предлогов. Вслед за этим последовало выселение. Высылка понадобилась для изгнания из провинций тех армян, которые либо еще не попали в тюрьму, либо же за неимением улик были отпущены на свободу; впоследствии все они были убиты. Никто не избежал смерти. Перед высылкой они подвергались обыску со стороны властей, при котором у них отбирали все деньги и ценности. Обычно их связывали отдельно или группами, по 5—10 человек. Остальных— стариков, женщин и детей—насильники считали своей добычей: их отдавали в распоряжение мусульман. Высокопоставленные чиновники и простые крестьяне выбирали женщин или девочек, которые приходились им по вкусу, и делали их своими женами, силой обращая в магометанскую веру; что касается маленьких детей, то часть их отдали мусульманам, а оставшихся пустили по миру, голодных и без средств к существованию; дети были обречены на голод или становились жертвами банд. В провинции Диарбекир также была устроена резня, в частности в Мардине, где население испытало такие же ужасы.

В Эрзруме, Битлисе, Себастии и Диарбекире местные власти предоставили льготы высылаемым: им дали срок от 5 до 10 дней и разрешение продать часть имущества и нанять телегу—одну на несколько семейств. Но несколько дней спустя люди возвращались в город, бро-

сив телеги на дороге. Караваны на следующий день, а иногда через несколько дней, натыкались на бандитов или крестьян-мусульман, которые грабили их до нитки. Бандиты объединялись с жандармами и убивали немногих находящихся в караванах взрослых мужчин или юношей. Насильники похищали женщин, девушек и детей; старух жандармы погоняли хлыстами, оставляя их умирать от голода на дорогах. Один из очевидцев рассказывает, что женщины, высланные из провинции Эрзрум, брошенные в Харбердской равнине, через несколько дней все поголовно умерли от голода (ежедневно умирало по 50—60 человек); власти ограничились посылкой людей для погребения жертв, чтобы предотвратить опасность, угрожающую здоровью мусульманского населения. Одна маленькая девочка рассказывает, что, когда жители Марзвана, Амасии и Токата прибыли в Сарыкишла (между Себастией и Кесарией), на глазах у местных властей детей силой отобрали у матерей, спрятали в различных помещениях и только после этого заставили караваны продолжать путь. Затем известили жителей соседних деревень, что каждый может взять детей по своему выбору. Девочка и ее подруга были похищены и увезены одним турецким офицером. В каждом городе и в каждой деревне прибывшие караваны из женщин и детей выстраивали перед зданием губернатора, чтобы мусульмане могли выбрать для себя кого захотят. Так рассеялся караван, отправившийся из Байберда; оставшиеся женщины и дети были брошены в Евфрат, близ Ерзнка, в местечке Камах-Богаз. Две сестры милосердия из немецкого Красного Креста, возмущенные этими и аналогичными фактами варварства, отказались работать; они отправились в Константинополь и лично посетили некоторые посольства, чтобы рассказать об этих зверствах. Злодеяния совершались всюду; и поныне путешественники встречают на дорогах этих провинций тысячи трупов погибших армян. Один путешественник-мусульманин на всем протяжении 9-часового пути из Малатии в Себастию видел трупы мужчин и женщин. Все мужчины-армяне из Малатии были вывезены оттуда и умерщвлены, все женщины и дети силой обращены в мусульманскую веру. Ни один армянин не может появиться в этих местах, так как каждый мусульманин, особенно же бандиты и жандармы, считает своим долгом убить его на месте.

Недавно Зограб и Вардкес — депутаты оттоманского парламента — армяне, отправленные в Диарбекир, чтобы предстать перед военным судом, были убиты по дороге близ Алеппо. В этих провинциях армянин может путешествовать лишь под мусульманским именем или инкогнито.

Что касается положения женщин, то об этом мы уже говорили достаточно подробно; человеческая жизнь здесь вообще ни в грош не ставится.

Та же судьба постигла солдат-армян. Все они были разоружены и теперь работают на строительстве дорог. Нам известно из источников, заслуживающих доверия, что солдаты-армяне из провинции Эрзрум, работавшие на дороге Эрзрум—Ерзнка, были все перебиты; солдаты-армяне из провинции Диарбекир были убиты на дорогах Диарбекир—Урфа и Диарбекир—Харберд. Только из Харберда 1800 солдат — армянских юношей было послано для работы в Диарбекире; все они были убиты в окрестностях Аргана. У нас нет сведений из других районов, но несомненно, что и там солдат постигла та же судьба. Во многих городах повесили армян, находящихся в тюрьмах, о которых вначале просто забыли. Только в одной Кесарии в прошлом месяце было повешено несколько десятков армян.

Во многих местностях армянское население, чтобы сохранить жизнь, выразило желание принять магометанство. Так было и во время прошлой резни, но на этот раз им чинили всякие препятствия. В Себастии пожелавшим принять мусульманскую веру предложили передать своих детей до 12 лет правительству, обещав разместить их в сиротских приютах; от взрослых потребовали согласия на выезд в места, указанные правительством.

В Харберде мужчинам не разрешили переменить веру; что касается женщин, то от них потребовали, чтобы при обряде обращения присутствовал мусульманин, готовый вступить в брак с обращенной. Многие женщины-армянки предпочли броситься в Евфрат вместе с грудными детьми или лишали себя жизни другими способами. Евфрат и Тигр стали могилой тысяч армян.

Армяне из черноморских городов: Трапезунд, Самсун, Керасунд и др., принявшие мусульманскую веру, были высланы в глубь страны, в города, населенные одними мусульманами. Город Шапин-Карахисар, население которого оказало сопротивление разоружению и высылке,

подвергся обстрелу; все жители города и окружных селений, в том числе епископ, были безжалостно вырезаны.

Достаточно сказать, что на всем пространстве от Самсуна до Сгерда и Диарбекира ныне не осталось ни одного армянина. Большинство погибло во время резни, часть увезена, часть обращена в магометанскую веру.

В летописях истории нет и не было подобных гекатомб; армяне периода царствования султана Абдул-Гамида ныне кажутся счастливцами.

Его преосвященство Анания Азарапетян, байбердский епископ, был повешен. Преосвященный Тер-Хоренян, харбердский епископ, был изгнан в мае месяце из города; не успел он отъехать, как был зверски убит. Излишне говорить о замученных священниках. После высылки населения церкви подверглись разграблению и были превращены в мечети и конюшни. В Константинополе началась продажа предметов культа и утвари из армянских церквей; туда же, в Константинополь, турки стали привозить детей, отнятых у несчастных матерей-армянок.

Население Киликии было выслано в провинции Алеппо, Дейр Зор или Дамаск, где оно обречено на гибель от голода.

Замысел правительства заключается, очевидно, в том, чтобы раз и навсегда покончить с армянским вопросом, истребив все армянское население во всей Турции. И этот замысел осуществляется даже в окрестностях Константинополя.

АВПР, Посольство в Константинополе, д. 3504, л. 99—101.

177. События в Сасуне и Муше

(Из докладной записки, поступившей в Министерство иностранных дел России 11 ноября 1915 г.)

В августе 1914 года в Эрзерум приехали представители Иттихада Бехаэтдин Шакир, Наджи-бей и Хильми-бей для переговоров с армянами. Целью их приезда было выяснить позицию армян в случае русско-турецкого столкновения; им была также поставлена задача скло-

нить армян на сторону Турции. Они говорили: «Россия и ее союзницы не в силах противостоять центральным империям; весь магометанский мир, от Марокко до Белуджистана и Афганистана, сплотился вокруг Турции для борьбы против России, Франции и Англии; на Кавказе примкнут к нам грузины и мусульманские племена, которых Турция сорганизует и снабдит оружием. Но удача наших действий на Кавказе находится всецело в ваших руках, и в случае вашего согласия стать во главе кавказского антирусского движения достаточно будет двинуть на Кавказ войско в 200—300 тысяч человек, чтобы отбросить русских за Кавказский хребет; по изгнании русских на северо-западе мы организуем автономную Грузию в пределах Кутаисской, Тифлисской, Батумской и части Трапезундской губерний, в северо-восточной части выделим автономную мусульманскую область в составе Дагестана, Бакинской и части Елизаветпольской губернии и, наконец, в центральной части образуем автономную Армению из Эриванской, Карсской и западной части Елизаветпольской губерний, с присоединением к ним прилегающих частей Эрзрумского, Ванского и Битлисского вилайетов».

Уполномоченные армян, многие из которых впоследствии были повешены и убиты, отвергли предложение младотурок и заявили, что, в случае русско-турецкой войны, во все ее течение не будут преследовать политических целей и, как в России, так и в Турции будут держаться лояльной политики по отношению к своим правительствам; желание Турции объявить войну России ими было названо авантюрой, угрожающей существованию Турции; спасение Турции армяне находили в соблюдении ею строгого нейтралитета. Бехаэтдин Шакир такое отношение армян к выступлению Турции квалифицировал как измену интересам и идеалам Турецкой империи...

В конце ноября 1914 года младотурки возобновили свои попытки склонить армян к активному выступлению на стороне Турции...

Армяне категорически отклонили все предложения турок.

Уходя с совещания, турецкие делегаты заявили армянам: «На Кавказе армяне явно выступили на стороне России и являются помехой стремлениям Турции; от-

ветственность за турецкие неуспехи всецело ляжет на вас, армян».

В своей декабрьской неудаче, когда русскими войсками были уничтожены IX, X и XI корпуса, турки винили христиан, главным образом армян, и в конце декабря 1914 года стали обезоруживать армян-солдат и полицейских, а затем начались массовые убийства и аресты среди армянского населения. В феврале преследования превратились в избиение способного носить оружие населения в деревнях, например, в Цронке, Варденисе, Айледжане и т. д. Делались также попытки захватить главарей армянских организаций, разоружить население и уничтожить армянскую твердыню, Сасунскую горную область. Армянам оставалось или добровольно предоставить себя вырезать или взяться за оружие для защиты своего физического существования. Для Мушской долины и Сасуна наступили черные дни самообороны. После двукратной неудачной попытки уничтожить население, причем были пущены в дело регулярные войска, турецкие власти, опасаясь повсеместного восстания, вновь вступили в переговоры с армянами. Армянами на этот раз было предъявлено требование:

1) не разоружать армян,

2) прекратить массовые избиения,

3) отказаться от проекта выселения армянского населения,

4) не трогать Сасуна.

Власти, предполагая, что число вооруженных армян не менее 20 000 человек, хотя в действительности их было вдвое-втрое меньше, приняли условия армян, и гонения временно прекратились...

Турецкое правительство с фронта стягивало в Муш все новые войска, число которых временами доходило до 20 000 штыков... В мае были переброшены из Битлиса в Муш еще новые войска, а из Вана прибыли жандармские полки под командой Казим-бея. В середине мая началась правильная осада окраинных волостей Сасуна, а именно Псанка, Хулпа, Хианга и Шатаха. Непрерывные наступления регулярных и иррегулярных войск с конца мая по 12-е июня были отбиты армянами с большим уроном для турок; но в вопросе проведения плана уничтожения армянского населения г. Муша и долины турецкими властями, по-видимому, было решено не оста-

навливаться ни перед какими жертвами. Армяне, спустившись с гор, окопались в расстоянии 2500—7000 метров от турецких войск, на высотах, господствующих над городом. Турки вывезли из Муша архив, ценности, провиант и амуницию и укрепились в самом городе и в окрестных деревнях. В конце июня турецкие власти предложили армянам прекратить сопротивление и переселиться в Урфу, причем заявили, что мужчины будут отделены от женщин. В это же время были умерщвлены армяне-арестанты и 500 армян-солдат, до того обезоруженных и переведенных на положение двуногой перевозочной силы. Население ни минуты не сомневалось, что в случае согласия на условия властей, его ожидает поголовное уничтожение, и отказалось выполнить требование правительства. Вся область восстала. В долине немыслимо было бороться против пушек и пулеметов. В течение 4 дней войсками были разрушены и сожжены город Муш и селения долины; ими не были пощажены дети, женщины и старики. Спасшаяся незначительная часть населения укрылась в сасунских горах. Сасунцы несколько раз пытались прорвать цепь турецких войск и спасти население от резни, но за неимением орудий и пулеметов, эти попытки не могли иметь успеха. К середине июля прибыла в Мушскую долину дивизия войск, кажется, под командой Бекир-Сами, и 19-го июля турки прорвались в Сасун, а 22-го, после ожесточенных боев, заняли горы Кепин и Андок. Дальнейшее сопротивление для армян стало немыслимым, тем более, что патроны и провизия у них были на исходе; и армяне были вынуждены разбиться на мелкие группы и начать партизанскую войну, продолжающуюся, вероятно, и до сих пор.

Между 12 июня и 19 июля мушские и сасунские армяне отвлекли на себя свыше 25 000 регулярных турецких войск и еще большее количество курдских аширетов; благодаря этому обстоятельству турецкий фронт был настолько ослаблен, что русские войска без особого со стороны турок сопротивления дошли до сел Варденис и Мкрагом, на расстоянии 4-х часов ходьбы от которых находились позиции армян-повстанцев...[34].

Предводитель армянской обороны Сасуна и Муша **Тер-Минасян**

[34] АВПР, Политархив, д. 3484, л. 139—141.

178. Сотрудник генерального консульства США в Константинополе американскому послу в Турции Моргентау

Перевод с английского
Константинополь, 11 ноября 1915 г.

Имею честь довести до Вашего сведения, что г-н Степан Семухин, управляющий зданием Императорского российского посольства в Константинополе, возвратившись из Ангоры, куда он был выслан вместе с группой из 129 русскоподданных армян, арестованных в ночь с 9 на 10 сентября 1915 г., сообщил следующее:

«В ночь с 9-го на 10-е сентября 1915 г. 129 русскоподданных армян были арестованы и заключены в центральную тюрьму Стамбула. Аресты были произведены без предварительного уведомления, под предлогом необходимости небольшой проверки армян. Поэтому они были вынуждены предстать перед турецкими властями, не захватив с собой никакой одежды и предметов повседневного обихода. Некоторые из них были арестованы даже в одном ночном белье и успели лишь захватить с собой пальто.

В течение двух с половиной суток, которые арестованным пришлось провести в центральной тюрьме, им не давали никакой пищи. Те, кто имел деньги, покупал хлеб через тюремщиков по цене 5 пиастров за буханку.

В пятницу ночью им было сказано, что на следующий день рано утром их отправляют в Ангору и что они должны уплатить по 173 пиастра в возмещение расходов по перевозке их поездом. Те из заключенных, которые заявили, что не имеют при себе такой суммы, были обысканы, и у них было отобрано то, что они имели. Представители властей конфисковали 16 бумажных рублей, которые нашли у одного из арестованных. Сумма, собранная таким образом, оказалась достаточной для покрытия расходов по перевозке всех арестованных, за исключением пятерых, которых заставили идти пешком. Среди них был старик 75 или 80 лет, который не смог вынести изнурительного пути и по дороге умер.

В субботу утром, перед отправлением заключенных на железнодорожную станцию, им было приказано бросить шапки и одеть фески. Те, кто не смогли раздобыть феску, шли с непокрытой головой. Жандармы, конвоировавшие их до станции Гайдар-паша, не

позволяли им покупать хлеб. Но когда поезд тронулся, сами жандармы стали продавать им хлеб по пяти пиастров за буханку.

По прибытии в Ангору арестованных заперли в грязном помещении, где они спали вповалку, в большой тесноте. Они были совершенно заброшены в этой дыре, и им с величайшим трудом удавалось добывать немного хлеба по той же цене, что и до этого. Наконец, после 16 дней пребывания в таких нездоровых условиях, их выпустили и весьма строго приказали в городе вести себя прилично.

Из этих 129 высланных российских подданных едва ли двадцать человек могут обеспечить себе пропитание. Все остальные находятся в бедственном положении и часто остаются без пищи в течение многих дней.

Их несчастья, однако, этим не ограничились. Эти высланные видели, как преследуют армян в Ангоре, а армяне составляют 4/5 населения этого города.

Турецкие возчики, отвозившие армян к месту резни, сами говорили русскоподданным высланным, что всех армян убивали дубиной или расстреливали из револьвера, как только возчики выезжали за город. Самые закаленные люди не могли без содрогания видеть эту ужасную картину. Двое из турецких возчиков, не в силах перенести этих ужасов, умерли. Находясь в окружении людей с жестокими и кровожадными инстинктами, эти несчастные изгнанники страдают не только от своего теперешнего тяжелого положения, но главным образом от страха и предчувствия мучительной смерти, которая неизбежно ожидает их.

Женщины и дети были отданы другой группе мучителей, в руках которых они страдали больше, чем их отцы, братья и мужья. Перед смертью женщины и девушки были обесчещены этими человекоподобными зверьми.

Сейчас Ангора— мертвый город. Все магазины закрыты. Все товары, принадлежащие армянам, продаются с аукциона. В шесть часов вечера все становится мрачным и печальным, и даже турецкие семьи охвачены страхом.

Таково зрелище, представшее перед глазами р ских высланных, обреченных на столь жестокую судьбу».

Дж. Деудес

АВПР, Политархив, д. 3504.

179. Патриарх западных армян архиепископ Завен начальнику епархии в Америке архимандриту Вегуни

Перевод с армянского
Константинополь, 28 декабря 1915 г.

Мы поручили начальнику епархии в Болгарии информировать Вас о содержании нашего письма, чтобы сообщить американским армянам вести о той потрясающей резне, которая происходит в Турции с целью уничтожения целой нации. Я думаю, что история не знала подобной резни. Какие бы слухи ни дошли до Вас, я не представляю, чтобы нашелся кто-либо, способный описать ужасные избиения, происшедшие за последние 8—9 месяцев в Турции, от края до края, во время которых не пощадили даже самую маленькую деревушку, глубокого старца или новорожденного. Избиения, происходившие при гамидовском режиме или раньше, армянские или греческие, болгарские или ливанские,— ничто по сравнению с этими. То, что предпринято на этот раз, является программой поголовного истребления, и сегодня, когда она осуществлена, можно сказать, что армянин на своей родине стал исторической редкостью. Некоторые губернаторы (Решид— диарбекирский, Абдулхалик— битлисский, Тахсин— каринский и др.) хвастливо телеграфировали центральному правительству, что в управляемых ими округах не осталось уже ни одного армянина. На этот раз на мирный народ обрушилась не чернь, а само правительство, проводившее свою программу через солдат, жандармерию, полицию и, особенно, через разбойничьи шайки. Приказ был дан из центра и повсеместно безжалостным образом приводился в исполнение. Прежде всего была арестована интеллигенция. Тех, кого можно было оклеветать в поспешных решениях воинских присутствий, повесили. Даже самое безобидное оружие было отобрано, многих осудили за наличие у них несуществующего оружия. Народ был прогнан от родных очагов, покинул все и по пути был разграблен и истреблен. От Самсуна до Тигранакерта не спасся почти ни один армянин. Молодые женщины и девушки были похищены, а дети вырезаны. Резня была потрясающей в Муше, Багеше, Тигранакерте, Едесии, Трапезунде, Шапин-Карахисаре, Кеги, Балу и Ерзнка-

Камахе, где почти ни один армянин не уцелел, не были пощажены ни старики, ни дети. В других провинциях Армении некоторым удалось спастись, но таких— не более пяти процентов. Во многих городах и селениях вряд ли можно найти сегодня одну или двух женщин. Горы и бойкие дороги покрылись трупами. Волны рек днями несли трупы. Особо пострадали Малатия и Харберд: вблизи этих городов были истреблены местные армяне; та же судьба постигла все караваны беженцев, прибывшие из других провинций и проходившие через эти места. Армянское население Муша и его долины вместе с армянами Буланыха и Хнуса заперли в домах и сараях и предали огню. Из Багеша и окрестностей все еще нет вестей о спасении хотя бы одного армянина; в Тигранакертском вилайете вырезаны не только армяне, но даже айсоры и халден, а за неисполнение приказа губернатора о проведении резни три турецких каймакама смещены с должности и убиты. В Трапезунде и его окрестностях почти все армяне вырезаны или утоплены. Из Балу и Кеги мы до сих пор не имеем сведений о спасении хотя бы одного армянина. В Ерзнка и Камахе местные армяне, как и армяне из Байберда, Дерджана и Карина утоплены в Арацани, заживо похоронены или вырезаны. В Шапин-Карахисаре и Едесии народ не захотел добровольно умирать и отважился на какое-то сопротивление. Армяне-мужчины из Ангоры, вместе с ранее высланными сюда константинопольскими армянами, были уведены в Йозгат и в пути истреблены. О подробностях не буду говорить, очевидцы рассказывают о таких зверствах, которые никогда не были вписаны в историю человечества, даже в дохристианские времена

Армяне, изгнанные из своей вековой отчизны, были угнаны на юг; днями и месяцами армяне шли и шли, подвергаясь грабежу и насилию со стороны отрядов «чете». Подобно пленникам древних времен, караваны армян, по прибытии в каждый город, выставлялись на площадях, куда приглашались мусульмане, чтобы выбирать понравившихся. Большинство мужчин уже было убито у себя на родине, остальных убили в пути отряды «чете» и жандармы, дети были отобраны у матерей и как товар, не имеющий хозяина, переданы мусульманам (в этом отношении отличился центр уезда Шар-Гышла в Себастии, где у всех проходивших здесь

беженцев дети отбирались у матерей). Молодых женщин и девушек почти всех изнасиловали; и из этого несметного числа людей только жалкие остатки добрались до Месопотамии.

Джихад был полностью применен в этой стране, армяне поставлены вне закона и признаны врагами ислама, их жизнь, честь и имущество отныне по праву принадлежали туркам; убийства, насилия и грабежи стали религиозным долгом даже для официальных лиц. Вначале не разрешалось обращение армян в магометанскую веру или ставились различные условия. Принявший ислам, например, должен был жить за пределами своей родины, в угодном для правительства месте, без промедления отдать своих детей на обучение и воспитание в мусульманском духе, сразу же установить брачные связи с мусульманскими семьями и т. д.

Таким путем, а чаще всего насильственно, во многих местах многочисленные армянские семьи сменили свою веру и остались мусульманами до сего дня. Например, в уезде Кесария число таких семейств превышает 1000, в вилайете Себастия (Евдокия, Кангал, Шар-Гышла, Амасия и т. д.)— около 800, в Харбердском вилайете (Харберд, Арабкир, Акн, Малатия) около 1000 семейств. Неофициальная исламизация вскоре стала официальной. Начиная с августа, турки приступили к открытым действиям, и даже со стороны официальных лиц проводились пропаганда и насилие. Семьи солдат, которые почти отовсюду были выселены, отправлены в мусульманские села и там принудительно обращаются в магометанство. Армянские солдаты подверглись более строгим притеснениям, и тысячи из них под угрозой смерти уже приняли ислам. По армейским корпусам разосланы даже официальные распоряжения об исламизации солдат и офицеров. В Себастии, Малатии, Харберде, Евдокии и других местах открыты сиротские дома, якобы «для воспитания детей павших солдат», но в большинстве своем это армянские дети. В любом селе или городе, и даже в Константинополе, в домах мусульман полным-полно армянских девушек.

Монастыри и церкви большей частью разрушены или осквернены: церковь Сурб Карапет в Муше разрушена ружейным огнем до основания, также Кармир

Ванк в Карине, Сурб Пркич и Сурб Саркис в Себастии и другие. Духовенство почти целиком перебито, и до сих пор не получено сведений ни об одном уцелевшем священнике. Из епархиальных начальников епископ Смбат Саадетян из Карина, угнанный со своей паствой в сторону Месопотамии, убит разбойниками недалеко от Камаха.

Трапезундский архимандрит Геворк Турян, сосланный военным судом Карина, убит в пути; архимандрит Шапин-Карахисара Вагинак Торекян пал жертвой во время бомбардировки города; архимандрит Байберда Анания Азарапетян был повешен по решению местных властей; архимандрит Муша Вартан Акопян умер в тюрьме, избитый палками; архимандрит Тигранакерта Мкртич Члхатян умер в тюрьме от пыток; архимандрит Евдокии Шаварш Саакян, арестованный и высланный в Себастию, убит в пути; архимандрит Харберда Псак Тер-Хоренян, закованный в цепи, был зарезан вместе с другими по пути в Тигранакерт; Йозгатский епископ Нерсес Даниелян убит вместе с другими 450 йозгатцами недалеко от Себастии, у берегов Алиси; архимандрит Едесии Артавазд Галентерян убит перед резней вместе с 60—70 другими армянами в центре города. Гибель епископа Балу Езника Галпакчяна; архимандрита Багеша Сурена Гамеляна, архимандрита Сгерда Егише Чанояна, архимандрита Чарсанджака Геворга Налбандяна, архимандрита Ерзнка и Камаха Мелкиседека Овивяна, архимандрита Самсуна Амазаспа Егисеяна и епископа Гюруна Хорена Димаксяна достоверна, но обстоятельства их смерти пока неизвестны. Присуждены к тюремному заключению: епископ Кесарии Хосров Пехрекян— пожизненно и архимандрит Брусы Паргев Даниелян— на пять лет, но их местонахождение неизвестно. Епископ Никомедии Степанос Овакимян, архимандрит Конии Гарегин Хачатурян и епископ Пандырмы Карапет Мачлымян высланы вместе с паствой, первый— в Алеппо, второй— в Мамбидж и третий— в село Азизие в районе Килиса. Кроме них, из епархиальных начальников в живых остались: епископ Гнел Галемкерян, находящийся в Себастии под домашним арестом, епископ Измира Маттеос Инджеян и епископ Хаджина Петрос Сараджян. Не был пощажен даже св. католикос Киликии Саак, который сначала был сослан в

Баб, близ Алеппо, а затем в Ерусалим, где и пребывает ныне.

В этой всеобщей звериной бойне число наших жертв не менее миллиона; все оставшиеся армяне, кроме армян Константинополя, Измира, Кютахии и некоторых солдатских семей из протестантов и католиков, высланы и угнаны в пустыни.

Выселенные почти ничего не могли взять с собой, а то, что имели при себе, вскоре отдали официальчым и неофициальным разбойникам. В константинопольских газетах Вы прочли, наверно, об указе, изданном 14 сентября, согласно которому конфискация поместий и имуществ армян узаконивается. Закон уже проводится в жизнь специально созданными комиссиями.

Горсточка армян из внутренних уездов, которая достигла Мосула и Алеппо, а оттуда добралась до Шама и Керека, рассеялась по разным селам. Армяне же, высланные из окрестностей Константинополя и Киликии, находясь несколько месяцев в пути, тысячами погибали от голода и болезней на дорогах, в горах и вдоль линии железной дороги; собрав в Алеппо, их также выслали вместе с другими в чуждый для них по своему климату, языку, вере, национальности и быту край.

Гонения все еще не прекращаются. Из константинопольских армян по настоящее время выслано до 5000 человек— холостых или родом из провинций, а из Измира— около 100 человек. Высылка армян продолжается. Около 2000 семей, все еще оставшихся в районе Конии, разбрелись по окрестным деревням по 5—10 человек, так же поступили и в других местах— в Тарсоне, Адане, и т. д. Народ все еще скитается, нигде не чувствуя себя в безопасности; армян из Алеппо гонят дальше, тех, кто в Мамбидже и Срудже, перебрасывают в другие места, и все эти гонения преследуют цель— обречь народ на вымирание, либо заставить его в отчаянии принять ислам. Вести из пустынь заставили бы заплакать даже каменные сердца; трупы сынов Армении стали добычей собак и зверей, некому их похоронить. В этих пустынях, где... даже араб и курд не имеют пропитания, естественный конец для армянина— голодная смерть. Образованные армянские женщины и девушки, подобно невольницам, стали предметом купли-продажи. Тиф и другие болезни ко-

сят людей, и пока что никто не жалеет нас. Дикие звери и хищные птицы насытились нашими телами, горы окрасились нашей кровью и ущелья наполнились нашими костями, но наши палачи все еще не насытились и, подобно тиграм, наслаждаются, мучая свои жертвы. Слезы стольких невинных не смогли растрогать очерствелое небо и вызвать дождь милосердия.

Под предлогом ванских событий, наших перемещений на кавказской границе, а также под тем предлогом, якобы армяне намеревались поднять восстание во внутренних провинциях... эта давно намечаемая программа истребления армян была приведена в исполнение. Османские государственные деятели заявили, что не допустят, чтобы Армения, подобно европейским областям, ушла из-под их власти. Отменой капитуляций османское правительство развязало себе руки и начало действовать смело и безоговорочно. Угрозы союзных держав не только не возымели никакого действия, но явились причиной более суровых гонений. Их неудачи в нынешней войне придали смелость османским правителям для доведения до конца программы истребления нашей нации.

Для османских должностных и неофициальных лиц все наши мольбы и слезы ничего не значат. Неофициальные и полуофициальные указания нейтральных иностранных государств не возымели никакого воздействия. Неоднократные обращения американского посла и болгарского посланника не оказали никакого влияния и не смогли приостановить гонения, ибо османское правительство считало армянский вопрос своим внутренним делом и отменой капитуляций не разрешило ни одному государству вмешиваться в эти дела. По стечению обстоятельств, в протестах ни одного из правительств не было и нотки угрозы.

ЦГИА Арм. ССР, ф. 57, оп. 2, д. 672, л. 72—75.

180. Резня в Муше и Сасуне в 1915 году

(Из воспоминаний очевидца)

Перевод с армянского

Сасунские армяне, из опасения резни, давно уже перестали поддерживать связь с городом и укрылись в своих неприступных горах.

После 20 июня [1915] городские ворота закрылись для всех армян Мушской долины, и переходить из села в село средь бела дня стало невозможным, вследствие чего мы лишились точной информации о происходящих событиях...

23 июня 10 курдских всадников явились в нашу деревню и потребовали от сельских властей десять овец, десять мер муки и десять штук войлока.

После того как требование курдов было безвозмездно удовлетворено, один из них, по имени Тамо-Али, сказал: «Армяне! Я должен сказать вам правду. Получен приказ султана о том, что все армяне, проживающие в стране османов, должны быть безжалостно истреблены. Сильванские армяне уже вырезаны... Через четыре-пять дней и здесь начнется резня, все до едина будут истреблены, в живых не останется ни одного человека...».

Ночью 26 июня из Хасгюха нам прислали письмо, в котором говорилось: «Мрачные, черные тучи нависли над нами. Хаджи Муса-бек с 2500 всадниками и пехотой уже два дня как расположился в нашем селе...».

27 июня в село Арах ворвался ванский сотник Кямиль-эфенди во главе 200 жандармов и курдов. Всех мужчин, за исключением стариков, связали и заперли в большом хлеву. При попытке к бегству были убиты Тигран, Воскан и Каро, а Степана тяжело ранили. Жандармы разогнали женщин, собравшихся ехать в Муш для выражения своего протеста правительству. Утром 28 июня, еще до восхода солнца, Кямиль-эфенди вместе со своим отрядом направился в сторону монастыря Аракелоц, захватив с собою 55 связанных по рукам арахских мужчин. О происшедших там фактах эрзрумский жандарм Ахианд впоследствии рассказал мне следующее.

«Как только мы пришли к монастырю, Кямиль-эфенди, опершись ногой на высокий камень, приказал расстрелять армян. Мы тотчас направили дула 200 винтовок на закованных в цепи армян и открыли огонь.

Когда мы подошли, чтобы проверить, все ли убиты, один из них вскочил и, освободившись от веревок, пустился бежать в сторону Мэринского ущелья. Весь отряд, стреляя, погнался за ним. Только после долгой погони мы смогли в тесном ущелье застрелить его».

Я лично посетил место описанного преступления и

собственными глазами увидел высохшие под солнцем 55 скелетов убитых.

В то время как Кямиль-эфенди вел 55 невинных молодых крестьян для принесения их в жертву на земле исторического монастыря, из Хасгюха в сторону Бердака, Араха, Деркевана и Аликрана мчались всадники, вздымая столбы дыма и пыли. Наше селение находится в 4-х километрах от Бердака и Араха и расположено на склоне высокой горы. С этой высоты мы видели все, что происходило на равнине.

Убивая жнецов, пастухов и поливальщиков полей, всадники Хаджи Муса-бека ворвались в деревню и, выгнав людей из домов, вместе со стадами скота и овец, погнали в поле, забрав с собою все их добро и имущество, вплоть до метлы.

Имея в виду неприступность гор, Хаджи Муса-бек спешил покончить с находящимися на равнине армянами, чтобы на следующий день напасть на село Аваторик.

С нами на крыше дома стоял и смотрел на все эти гнусные зрелища постоянный сборщик податей Юсуф вместе с двумя жандармами, три дня тому назад прибывшими в деревню, а также знакомый нам курд Тондо.

Юсуф испугался и попросил отправить его. Он получил собранные заблаговременно подати в сумме 3000 курушей и тотчас же уехал.

Мы попросили Тондо лично сходить в Бердак и Арах и доставить нам точные сведения о происходивших событиях. Он добрался до Бердака и, вернувшись, сообщил: «Армяне! Я не могу скрыть от вас правду, так как мы с вами часто делили хлеб и соль; найдите выход: либо вознеситесь в небо, либо скройтесь под землей,— ведь скоро не останется ни одного армянина. Если вы сейчас пойдете в село Бердак, то вам покажется, что в этой деревне наверное лет 50 никто не жил. Не уцелели даже собаки и кошки.

Увидев на улицах несколько трупов, я спросил у всадников Муса-бека о причине этого убийства. Они ответили: «Есть приказ о том, что впредь всякий, кто на земле османов произнесет имя Инсуса Христа, не должен оставаться в живых». Они также сообщили, что всех крестьян гонят в нижние села и, запирая в амбарах, сжигают».

Таким образом, верхние села разграблены, а ниж-

ние, как, например, Норшен, Сохгом, Охунк, Унап, Крдагом и другие, превращены в пепелище.

В ночь на 29 июня в амбарах Крдагома и Унана сгорело около одной тысячи армян: женщин, детей, молодых и стариков.

В течение одной ночи подобные события происходили в разных селах... Таким образом, Мушская равнина, где в течение многих веков жил и трудился армянин-землепашец, за один только день 28 июня (10 июля), по велению правителей Энвера и Талаата, превратилась в пустыню. В результате страшного побоища погибли 75 000 безоружных и невинных армян из 105 деревень.

Об этой резне городские армяне не имели понятия. Что же происходило в городе Муше?

Через начальника полиции Безета-эфенди Серват-паша позвал к себе городских купцов, ремесленников, чиновников-армян, в том числе и главу церкви Вардана-вардапета, всего до 350 человек, и заявил:

«По неизвестным мне причинам получен приказ, что вы все должны оставить Муш и переехать в Диарбекир до окончания войны». После этих слов он передал всех их в руки жандармов. В эту ночь среди армян—жителей города началась паника. 27 июня ничего нового не было сообщено, и армяне остались запертыми в своих домах. Утром 28 июня чауш, пройдя по улицам, оглашал: «Армяне! Согласно приказу мутесаррифа-паши вы обязаны явиться в 10 ч. к канцелярии правительства вместе со своими фургонами, лошадьми, скотом, всем вашим добром и семьями для следования в Диарбекир; кто не подчинится этому приказу, будет выслан из города и имущество его будет конфисковано».

Армяне не подчинились приказу и остались в своих домах. Но несмотря на то, что сопротивление армян Мушской равнины было столь незначительным, Серват-паша приказал установить четыре пушки на городских высотах и направить их жерла в сторону армянского квартала. Во всех концах города окопались вооруженные пулеметами и винтовками войска и ждали приказа.

Утром 29 июня городские полицейские в сопровождении вооруженных жандармов двинулись в сторону верхнего квартала с целью насильственной вы-

сылки армян в неизвестном направлении. Укрывшаяся в доме Асатура-аги группа вооруженных молодых армян организовала самозащиту. Узнав об этом, Серват приказал открыть артиллерийский огонь. 12 000 армян были поставлены перед фактом роковой гибели, и под градом пуль, все, как один, стали защищаться, решив умереть с честью.

Из окрестностей города двинулись войска, по пути поджигая дома. Ведя неравную борьбу, армяне отступили и сосредоточились в ущелье города. Турецким войскам помогали также городские жители-турки и только что прибывшие отряды.

Положение армян становилось все хуже и хуже. Многие из защитников погибли. Не хватало патронов. Под ядрами пушек день и ночь горели и превращались в пепел армянские дома.

Перепуганные женщины и дети, топча друг друга, бегали и прятались в подвалах домов, в ущельях. В ночь на четвертый день измученная и отчаявшаяся армянская молодежь, простившись со своими родными, попыталась выйти из окружения. Многие из них, встретившись с погромщиками, погибли, и только незначительной части удалось вырваться из кольца и скрыться за пределами города.

Ранним утром 3 июля кровожадная банда с яростью ворвалась в ущелье, где были вырезаны и сожжены десятки тысяч женщин, детей и стариков.

В городе и долине Муша не осталось ни одного живого армянина, и только среди развалин и пепелищ виднелись их почерневшие трупы.

В честь этой «победы» правительство отдало распоряжение об «отдыхе» и разрешило поделить награбленное имущество армян.

Правительство самым строжайшим образом заранее предупредило всех жителей-мусульман, что «если кто посмеет приютить у себя дома детей, женщин и девушек из армян, то при обнаружении их укрыватель будет считаться армянином и поплатится головой».

Этот приказ, проводимый под контролем сыскной полиции города, возымел свое действие. Никто из турок не посмел приютить в своем доме ни детей, ни девушек, между тем в селах курды помогали спастись бегством. От спасшихся таким путем и добравшихся до наших гор беглецов мы и услышали страшные, ду-

шераздирающие рассказы о всех тех злодеяниях, которые они видели своими глазами...

А армяне, которые каким-то чудом еще оставались в живых, бежали из отдаленных и ближайших местностей и прибывали на гору Андок (Сасун) или в Ханасар (недалеко от долины Муша). В середине июля на Андоке скопилось 45 тысяч народа, а в Ханасаре— 15 тысяч. Многочисленные курдские племена из Хианка, Баткана, Сарме, Шекудана и Быдара с начала мая ежедневно совершали нападения на Андок, но под ударами храбрых сасунцев обращались в бегство; без войск и пушек они не могли подавить сопротивление армян.

Кямиль-эфенди, после истребления армян в Арахе, приказал убить также находившихся в монастыре Аракелоц 30 сирот, старика— настоятеля монастыря, 70 человек экономок и рабочих...

1 августа на заре Кямиль-эфенди с 300 солдатами с высот Цирнкатара напал на скопившихся в горах Аваторика безоружных армян, вступил в деревню Ханасар и предал пожару 60 домов. Уцелевшие армяне разбрелись в разные стороны.

5 августа мы получили известие о том, что Казум-бек, завершив сасунскую резню, продвинулся оттуда в сторону Кана и со своими войсками переночевал в горах у села Крнка.

В тот же день со стороны долины по направлению к Ханасару выступило войско Хаджи Мусы; снялся с места и Казум-бек. В 11 ч. дня они напали на аваторикцев и еще до заката солнца в этом овраге истребили 500 человек...

С целью проведения систематических обысков для ловли и уничтожения укрывшихся в убежищах последних оставшихся армян Мурад-бек с войском в 500 человек остался в селении Семал; Кямиль-эфенди с 300 солдатами обосновался в монастыре Аракелоц, а Хаджи Муса и другие действовали там, где была надобность.

Однажды, когда Кямиля-эфенди посетил Мурад-бек, один из наших сообщил, что он вызывает меня. Когда я явился к нему, он мне сказал: «Мастер, знаешь в чем дело? Мурад-бек говорит, что женщин и детей, не имеющих мужей и отцов и осиротевших, следует отправить в сторону Диарбекира, там места теп-

лые, пусть живут себе; те же, которые имеют мужей, останутся здесь; мастер, ты с нашими чаушами отправляйся в село и зарегистрируй таких». Приказ был немедленно выполнен; и в тот же день жандармы вывели из Араха 300 женщин и детей и увели их по дороге к Мушу.

На четвертый день в 12 часов ночи дверь нашего дома открылась, и к нам в комнату вошла какая-то женщина с испуганным лицом, распущенными по плечам волосами, в разорванной одежде и, окаменевши, удивленно уставилась на нас. Вначале я не узнал ее, но когда моя мать обратилась к ней с вопросом: «Манишак, это ты?»— я сейчас же вспомнил ее. Манишак была в числе тех женщин, которых отправили в Диарбекир. Она села и рассказала следующее:

«Нас увели 20 жандармов и доставили на берег реки Мурад; уже вечерело, когда нас остановили и начали обыскивать. Отняли все, что нашли. Затем, заставив отойти назад, стали в нас стрелять. Объятые ужасом, поднимая крики и вопли, мы искали спасения в волнах реки Мурад.

Стоящие на берегу жандармы беспрестанно стреляли в нас. Я тоже отдалась течению и поплыла вперед, но когда стало темно, схватилась за прибрежные травы и оставалась в таком положении, пока не наступила ночь и не прекратилась стрельба. Кое-как я выбралась на берег и еле добралась сюда».

27 октября мутесарриф Шевки-паша с 22 всадниками приехал в Арах и потребовал, чтобы находившиеся там армяне немедленно зарегистрировались и отправились в Муш для принятия магометанства. Когда все собрались у дверей канцелярии местных властей, вооруженные милиционеры штыками погнали 600 пленников по дороге в Муш По прибытии в Муш из массы пленных отобрали всех мужчин— 150 человек и увели к востоку, в Битлис, а женщин и детей угнали на запад. О дальнейшей судьбе этих шестисот пленников мы не получили никаких известий и только позже узнали, что все они были убиты. Во всех тех местностях, где армяне сдавались в плен, повторилось то же, что и в Арахе.

В январе 1916 г в Муше не осталось в живых почти ни одного армянина, только призраки одиноких женщин и детей, голых и бездомных, тайно бродили по

улицам города и курдским селам. Армянские села Сасуна были сожжены и совершенно обезлюдели. Осталось только незначительное число портных, сапожников, плотников, каменщиков, ковалей и кузнецов, которые, укрываясь в разных местах, кое-как поддерживали свое существование.

Мой сосед, 60-летний Али-ага, был очень добрый турок. В эту зиму он укрыл у себя дома и спас семь армян. Однажды я спросил у Али-аги о судьбе моих 350 соотечественников, которых Серват-паша отправил в Диарбекир. Он рассказал мне следующее: «Мастер, как раз в это самое утро я, Хаджи Халим-эфенди и Багул-эфенди сели на лошадей и поехали в село Алишхан для перегона в Муш скота, сданного Багулом-эфенди армянам для ухода. Село было переполнено жандармами, которые сообщили нам, что 350 армян со своим предводителем заперты в саманнике. Заинтересованные этим сообщением, мы поднялись на кровлю одного домика и стали выжидать, чем все это кончится. Через полчаса сертебиб (военный врач) в сопровождении 150 жандармов подошел к саманнику, открыл дверь и приказал вывести оттуда армян. Все они были закованы и привязаны друг к другу, и все оказались нашими знакомыми. Их привели и выстроили в середине гумна. У переднего края стоял закованный сапожник Карапет-эфенди. Страшно бледные, с помертвевшими лицами смотрели они то на землю, то на ружья жандармов. В этот момент сертебиб подошел к Карапету-эфенди, вытащил револьвер и, направив дуло прямо ему в лоб, нажал курок; однако выстрела не последовало. Тогда сертебиб вторично прицелился, но и на этот раз осечка повторилась. Воспользовавшись этой заминкой, Карапет-эфенди с отчаянной мольбой обратился к сертебибу: «Доктор-эфенди, как видишь, бог бережет меня, давай и ты сохрани мне жизнь, не убивай меня». Но несчастный не успел закончить свою просьбу, как раздался выстрел, пуля пробила ему лоб, и он повалился наземь. Это послужило первым сигналом: стоявшие наготове жандармы тут же открыли огонь и убили всех. Эта печальная картина вызвала у нас слезы и так расстроила, что мы не могли уже присматривать за скотом и вообще заняться каким-либо делом и вернулись прямо в город».

После 15 января турки впали в уныние и о чем-то тайно перешептывались; мы узнали, что русские подошли к Хнусу и туркам грозит опасность. 27 и 28 января город переживал тревожные дни. Улицы кишели аскерами и жандармами. Люди были в трауре, из всех домов слышались проклятия и плач. Турецкие женщины с проклятиями обвиняли свое правительство и говорили: «Это— наказание за невинно пролитую армянскую кровь...».

Спустя несколько дней, когда разбредшиеся по разным уголкам беглецы собрались в Муше, я подсчитал и пришел к заключению, что из 1200 жителей, населявших несколько месяцев назад Аваторик, осталось только 8 мужчин и 12 женщин и детей, всего 20 душ.

В те дни нашей единственной надеждой было то, что Ван, Битлис, Эрзрум будут присоединены к России, что не напрасно была пролита наша кровь. Рассеянные по всему свету армяне соберутся, приедут сюда, и через несколько лет страна вновь заселится армянами, а наши потери и лишения забудутся...

Егиазар Карапетян

крестьянин из селения Аваторик Мушского уезда

Архив Института истории АН Арм. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 219, л. 24—36

181. Из дневника турецкого врача

(Из корреспонденции, напечатанной в газете «День»)

После бурного морского прилива, когда море снова входит в прежние берега, на обнаженном песке, между скал, в колдобинах и ямах остаются обыкновенно рыбы, не успевшие уплыть, морские животные, раковинки, груды водорослей. Так и здесь, в Турецкой Армении, после неудавшегося натиска армии Халил-бея, организованного, по-видимому, по германской системе «коротких ударов», наши войска, идущие следом за отступающими турками, то и дело натыкаются на группы отсталых аскеров, брошенных раненых и больных, обозы, груды оружия, снарядов, патронов. Между этой добычей, крупной и мелкой, оказался, между прочим, турецкий врач, левантинец по происхождению, христианин, получивший образование в Париже, словом, интеллигентный человек, сдавшийся нам

добровольно в г. Ахлате (на северном берегу Ванского озера).

У него среди немногих уцелевших вещей сохранилась записная книжка-дневник, в котором он записал историю всего пути своей дивизии, сделавшей поход из Сирии (из г. Хама близ Алеппо) в Битлис. Между данными, имеющими военное значение и потому не подлежащими опубликованию, в дневнике встречается немало любопытных бытовых штрихов и еще больше,— картин поголовного истребления армян, истребления, вначале спорадического, но потом введенного в систему рядом приказов из Константинополя.

Дивизия, назначенная вначале для борьбы с англичанами, была потом брошена на север... Выйдя из Сирии в составе 7—8-ми тыс. штыков, дивизия к концу июня растаяла до 3-х тысяч; да и не могла она не растаять, потому что войска кормились почти исключительно мародерством... Ели аскеры не чаще одного раза в день: или мясо, если находили скот в окрестностях, или лепешки из муки, которые раздавались солдатам в сыром виде, и солдаты сами пекли из нее лепешки. Пили воду иногда такую, от которой отказывалась скотина; отсюда множество больных тифом, дизентерией, лихорадкой, которых как и многих тяжелораненых, за недостатком перевозочных средств, часто бросали на дороге.

Эти голодные, истомленные люди объединились лишь общей идеей «газавата»— священной войны против христиан, которая здесь, в малоазиатских дебрях, еще способна туманить головы и зажигать сердца религиозно настроенных мусульман. Отсюда те невероятные картины зверств и насилий над беззащитными армянами, на которые автор дневника натыкался с первого дня пути и до последнего. Эти зверства, естественно, приводили ко взаимному ожесточению; армяне иногда готовы были мстить врагам, даже ценой своей гибели. В дневнике врача-сирийца под 30-м мая записан такой случай: в одном селении, между несколькими десятками мусульман, посаженных в тюрьму за какие-то провинности, оказался случайно один армянин. Он достал тайком баллон с керосином, облил ночью помещение тюрьмы и сжег себя со всеми заключенными. Другой, обвиненный в хранении бомб, долго обманывал полицию, показывал разные места, где он

будто бы их спрятал; наконец ему удалось взобраться на плоскую крышу довольно высокого дома, с которой он бросился вниз, рассчитывая попасть на офицера, стоявшего на мостовой, но промахнулся и разбился насмерть. По дороге автор дневника встречал десятки рек, долин, оврагов, разрушенных деревень, наполненных трупами перебитых мужчин, женщин, детей, иногда с кольями, вбитыми в живот. В селении Севарик он натолкнулся на такую сцену: в тюрьму были посажены армяне-мужчины. Один подкупил жандарма, и тот позволил жене заключенного осторожно просунуть головку ребенка через тесный переплет решетки, чтобы отец мог его поцеловать. В этот момент явился командир стражи. Он изругал подчиненных, схватил ребенка за ноги и выдернул его из решетки помертвелого и окровавленного. Мать взвыла; он поколотил ее нагайкой, а ребенка, валявшегося на земле, отшвырнул сапогом.

Диарбекир при вступлении дивизии оказался наполовину сожженным и заваленным трупами. За несколько дней до прибытия войск, в день какого-то султанского праздника, загорелась турецкая гостиница. Огонь перекинулся на мусульманский квартал, вследствие чего обвинили христиан в поджоге и вырезали всех, кто не убежал.

Но самые ужасные картины этот редкий очевидец наблюдал в Битлисе. Еще не доходя до Битлиса, в лесу он увидел группу недавно зарезанных мужчин и возле них— трех женщин, совершенно голых, повешенных за ноги. Около одной из женщин ползал годовалый ребенок и тянулся ручонками к матери, а мать с налитым кровью лицом, еще живая, протягивала руки к ребенку, но они не могли дотянуться друг до друга. Немного подальше лежали три окровавленных женских трупа и младенец, облитый материнской кровью, копошился на груди одной из них.

Один аскер-курд сжалился над ребенком и взял его с собой, чтобы воспитать из него доброго мусульманина. У самого Битлиса, на пустынной равнине, сидело до 2000 армян, окруженных стражей: они ждали своей очереди, так как перебить всех сразу наличные силы местной полиции не могли.

В Битлисской резне приняли участие и аскеры 36-й дивизии. Но подкупность турецких властей дала воз-

можность наиболее богатым армянам спасти свою жизнь. Узнав про это, каймакам приказал сжечь дома уцелевших.

Автор дневника видел, как наискосок от сераля каймакама поджигали богатый двухэтажный дом. Во втором этаже показалась женщина с ребенком на руках. Она металась от окна к окну, кричала «аман», но повсюду встречала направленные на нее дула ружей. Постепенно огонь охватывал верхний этаж, дым обволакивал окна одно за другим, и эта женщина сгорела у него на глазах.

Присутствовавшие при разговоре русские врачи добавили к рассказу сирийца кое-что из своих впечатлений. В городе Лизе они нашли девочек-армянок с прямой кишкой, выдернутой наружу... Когда пленных аскеров спрашивали, как им не стыдно так истязать неповинных детей, они отвечали: «Таков приказ султана» (некоторые говорили даже про Вильгельма). Врач-сириец видел эти приказы: при нем избивали женщин, взятых в заложницы, так как новый приказ из Константинополя запретил туркам сохранять таким способом жизнь армянкам.

Недавно здесь получена телеграмма от генерала Ч..., отряд которого остановился возле Вана, но в город не мог войти вследствие трупного смрада. В телеграмме между прочим сказано: «Город Ван весь в развалинах. Лучшие постройки сожжены, а глинобитные разрушены. Улицы и дворы усеяны трупами армян и животных. Имущество разграблено и растаскано»

Это небывалое по размерам уничтожение Турецкой Армении, удостоверенное очевидцами, лицами официальными, возведенное в систему за последнее время турецким правительством, происходит параллельно с системой «коротких ударов», иначе говоря, внезапных натисков турецкой армии на наш фронт. Но так вредоносные со стратегической точки зрения, эти натиски, как видно из изложенного, крайне гибельны для армянского народа: они имеют целью стереть его с лица земли. Теперь руководители армян уговаривают беженцев вернуться на родину, вновь завоеванную русскими.

Н. Огановский

Кагызман.

«День», 1915, 6 сентября.

182. Истребление целого народа

(Передовая статья «Журналь де Женев»)

Перевод с французского

В настоящее время совершается деяние столь ужасное, в сравнении с которым бледнеет все, что человечество наблюдает вот уже в течение года: происходит грубое и систематическое истребление целого народа. Это событие, быть может, беспрецедентно в мировой истории. Когда ассирийцы обратили евреев в рабство, они все же сохранили им жизнь, причем Кир разрешил евреям впоследствии возвратиться в Иерусалим и восстановить там свой храм. При Абдул-Гамиде (он еще жив и из своего белого Босфорского дворца содействует триумфальному возрождению своей программы) резня армян ограничивалась несколькими местностями. Сегодня речь идет об уничтожении целого народа на всей территории Оттоманской империи, повсюду, где бы ни проживали его представители.

Сам Энвер-паша заявил об этом с циничной улыбкой. Первые сведения, пришедшие из Армении, были нами восприняты с большой осторожностью и крайне сдержанно. Нам известно, с какой легкостью распространяются в наше смутное время воображаемые новости. Но, к сожалению, информация, имеющаяся в нашем распоряжении и частично опубликованная, не оставляет места для сомнений.

Злодеяние совершается и в настоящее время. В соответствии с решением, принятым младотурецким комитетом, военный министр Энвер-паша издал приказ о высылке всего армянского населения из всех провинций Анатолии и Киликии в аравийские пустыни к югу от Багдадской железной дороги. Провинции (вилайеты) Трапезунд, Эрзрум, Себастия, Битлис, Харберд, Диарбекир, Адана были полностью очищены от армян. В провинции Измид операция по очищению от армян успешно осуществляется. До сих пор пощажены армяне только Константинополя и Смирны...

Из неопровержимых показаний явствует также, что со времени провозглашения священной войны сотни тысяч армян были вырезаны, а сотни тысяч— насиль-

ственно обращены в магометанство. Пригодные для военной службы мужчины мобилизованы в армию и не могут даже защитить свой домашний очаг. Многие из них, обезоруженные и используемые на дорожном строительстве, были застреляны, по слухам, своими вооруженными товарищами. Армяне, высылаемые в пустыню, представляют собой лишь жалкое стадо, состоящее из стариков, женщин и детей, подгоняемое кнутом жандармов. Эта высылка по существу является замаскированным истреблением.

Стремясь помешать армянам заставить общественное мнение прислушаться к их воплям отчаяния, в Константинополе в ночь с 28-го на 29-е апреля[35] были арестованы руководители армянского народа, представители интеллигенции: депутаты, писатели, врачи, профессора. Их отправили в глубь страны— в Ангору, Конию, Диарбекир. Такие же меры были приняты в других больших городах.

Массовая высылка и резня в армянских провинциях начались 20 мая. Армянским семьям едва давали лишь несколько часов на сборы перед тем, как покинуть свои дома. Есть основания считать, что до места назначения прибыла только четвертая часть этих несчастных. Остальные умерли или были замучены в пути.

Между тем речь идет здесь о народе высокого культурного уровня, о народе, державшем в своих руках почти всю торговлю и большую часть ремесел в Малой Азии. Тысячи молодых девушек и женщин, подвергающихся тягчайшим оскорблениям, посещали наши европейские школы в Швейцарии, Франции, Германии или европейские и американские колледжи в Малой Азии.

Оттоманское правительство не преминет, по примеру Абдул-Гамида, сослаться на мнимые заговоры, чтобы найти оправдание своим действиям. В действительности же речь идет о том, чтобы вырвать с корнем любой немусульманский элемент из Турецкой империи. Это программа кровавого султана, осуществляемая теперь другими.

„Journal de Genève", 9.IX 1915.

183. Письмо в редакцию «Журналь де Женев»

Перевод с французского
Париж, 10 сентября 1915 г.

Господин редактор! Не разрешите ли Вы мне в добавление к красноречивой статье, появившейся 9-го сего месяца в Вашей весьма уважаемой газете, выразить свое личное возмущение методами, применяемыми кровожадным комитетом «Единение и прогресс» («Union et Progrès»), который в XX веке, воскрешая печальной памяти подвиги, оказавшиеся возможными в прошлом только благодаря невежеству и варварству, превзошел своей дикостью Чингис-Хана и Тимурленга.

Правда, настроения унионистов [членов комитета «Единение и прогресс»] предстали перед цивилизованным миром в истинном свете только с того момента, когда они явно стали на сторону Германии; в течение шести лет с лишним я беспрестанно разоблачал этих людей в «Мешрутиет» и других газетах и журналах, предупреждая Францию и Англию о заговоре, замышлявшемся против них, а также против оттоманских национальностей, а именно против армян.

Если существует народ, оказавший большие услуги Турции благодаря государственным деятелям и талантливым чиновникам, которые вышли из его среды, в силу своих умственных способностей, проявляющихся во всех областях— в торговле, промышленности, науке и искусствах,— то это армянский народ.

Именно армяне ввели в Турции книгопечатание и были пионерами драматического искусства.

Трудно перечислить армянских поэтов, литераторов и крупных финансовых деятелей; многие из великих людей этой нации сделали бы честь любой стране Запада, как некогда Мовсес Хоренаци, историк и поэт, или Аристакес Ластивертци, которого сравнивают с Иеремией; из выдающихся деятелей современной нам эпохи назовем Раффи, Сундукяна, Ширванзаде, Чаланяна и десятки других. Разве не армянин Отян эфенди был сотрудником Мидхат-паши, автора оттоманской конституции? Армянин Ефрем-хан, «Гарибальди Востока», был великим героем персидской революции, подготовленной также армянином,—Мальхольмом Ха-

ном. В интересах справедливости следует признать, что как в Турции, так и в Персии не было более яростных противников деспотизма, чем армяне, в значительной мере содействовавшие установлению конституционного строя.

Нет ни одного просвещенного турка, который не подписался бы под следующим заявлением, сделанным тринадцать лет назад моим покойным другом Линчем, депутатом английского парламента: «Армяне исключительно приспособлены к тому, чтобы быть носителями новой цивилизации; им стали близки наши самые высокие идеалы. Они усваивают новые достижения европейской культуры с большой жадностью и овладевают ими в таком совершенстве, которого никогда не могла достигнуть ни одна нация».

И при мысли, что столь богато одаренный народ, который, как живительный бальзам, мог бы помочь делу обновления Оттоманской империи, исчезает на наших глазах из истории, причем он не порабощается, как был когда-то порабощен еврейский народ ассирийцами, но истребляется; при этой мысли самое зачерствелое сердце обливается кровью. Я хотел бы, со своей стороны, обратиться через посредство Вашей уважаемой газеты к этой погибающей под ножом убийц расе и выразить свой гнев, который я испытываю по отношению к палачам, и свою безграничную жалость к жертвам.

Выполнив этот благочестивый долг, осмелюсь сделать несколько оговорок не в отношении многострадальной армянской нации, но по адресу нескольких армянских деятелей и нескольких пропагандистских групп, которые в течение шести лет столь некстати выступали защитниками и апологетами комитета «Единение и прогресс», виновника всех нынешних бед.

Я неоднократно предостерегал их, указывая на недобросовестность унионистов, развращенность и коварство которых мне были хорошо известны. Впрочем Аданская резня, спровоцированная по приказу унионистов, пробудила в них, по всей вероятности, чувство реальности...

Генерал Шериф-паша

„Journal de Genève", 18.IX 1915.

184. Истребление целого народа

(Корреспонденция, напечатанная в газете «Базлер Нахрихтен»)

Перевод с немецкого

Еще у всех в памяти избиения армян при Абдул-Гамиде, еще с болью в сердце мы вспоминаем кровавую бойню в Адане, которой запятнала себя молодая Турция. А уже мы снова должны заступиться за несчастную Армению, ставшую в третий раз в течение одного поколения жертвой неслыханной жестокости. Эта жестокость приведет к полному *истреблению армянского народа в Турции,* если, конечно, оно не будет приостановлено.

Что же произошло?

С 20 мая, согласно постановлению младотурецкого комитета, военный министр Энвер-паша приказал *выселить все армянское население из всех анатолийских вилайетов и из Киликии* в аравийские пустыни южнее Багдадской железной дороги.

Трапезундский, Эрзрумский, Сивасский, Битлисский, Харбердский, Диарбекирский вилайеты очищены от армян. В Измиде выселение еще не закончено. Пока что уцелели лишь армяне Константинополя, Смирны, Аданы и некоторых областей, лежащих вне армянских провинций (Мараш, Айнтаб, Урфа, Алеппо), а также двести пятьдесят тысяч жителей вилайета Ван, бежавших через турецкую границу на Кавказ. Бесчеловечные репрессии по отношению к выселяемым— конфискация всего движимого и недвижимого имущества и полное ограбление населения— превратили трудолюбивый, инициативный и культурнейший народ Азиатской Турции, который держал почти все ремесла и всю торговлю в своих руках, в народ нищих. Более того, с начала объявления священной войны истреблены сотни тысяч армян, сотни тысяч были вынуждены принять ислам, а оставшаяся кучка жалких, полуголых, больных и умирающих женщин, детей и стариков загнана в пустыню и обречена на голодную смерть.

Сама высылка была завуалированной резней неслыханных масштабов с самыми ужасающими последст-

виями. Младотурецкая клика, которая обещала с восстановлением конституции уничтожить господство страшнейшей автократии и которая выступала перед всей Европой как опора свободы и человечности, сбросила с себя маску веротерпимости и стыда перед цивилизованной Европой и придумала подлейшую и жесточайшую систему уничтожения целого христианского народа, систему, перед которой бледнеют самые позорные злодеяния Абдул-Гамида. Армяне, способные нести военную службу, были якобы мобилизованы, но на самом деле их обезоружили и послали в качестве дорожных рабочих и каменщиков в горные долины Анатолии, где они были в одиночку и массами расстреляны вооруженными отрядами. Беззащитные же женщины и дети были выселены, а это по существу явилось утонченным способом их истребления

Для того, чтобы заставить армянский народ молчать прежде, чем приступить к его истреблению и разорению, в ночь с 28 на 29 апреля в Константинополе были арестованы все идейные руководители армян: депутаты, политики, врачи, художники, профессора и другие, без различия партийной принадлежности и вероисповедания, и на рассвете уже высланы в Ангору, Конию, Диарбекир. Той же участи подверглись все образованные люди в городах. Их убили или выслали без суда и следствия, только потому, что они армяне. Предварительно все армянское население было обезоружено, а все магометанское— вооружено. Были организованы турецкие и курдские банды из лиц, выпущенных из тюрем. С начала войны, с марта по апрель, этими бандами было разграблено свыше пятисот армянских деревень в вилайетах Ван и Эрзрум и убито свыше 26 тысяч человек.

Выселение началось двадцатого мая. Официальные глашатаи в городах и деревнях потребовали, чтобы все армянское население в течение нескольких часов покинуло свои дома. Армяне, высланные под конвоем вооруженных аскеров в далекие неизвестные края, следовали туда в течение многих месяцев. Дома, усадьбы и имущество армян были конфискованы и розданы магометанам. Богатым разрешалось нанимать за высокую плату повозку или лошадь, которые в большинстве случаев отбирали непосредственно по выезде из города. Как бедным, так и богатым оставлялось лишь то,

что они могли взять с собой. Магометанскому населению было запрещено продавать армянам продукты питания или покупать у них вещи, вследствие чего во время всего путешествия армяне не могли даже обеспечить себя пропитанием. В первую очередь отделили мужчин от женщин, родителей от детей и членов семей друг от друга. Перед высылкой были отобраны самые красивые молодые женщины и девушки преимущественно из зажиточных семей и угнаны в магометанские гаремы; многие дети были оставлены магометанским семьям с согласия и без согласия их родителей. Через горные ущелья Анатолии, под палящими лучами солнца с помощью кнута и палки, как скотину, гнали грубые аскеры массы голодных, босых, истощенных женщин и детей. Того, кто отставал или падал, закалывали. На отдельных этапах пути, например, при Камах-Богазе у Евфрата, между Ерзнка и Харбердом, было произведено массовое уничтожение. В области Дерсим жертвой заранее подготовленного нападения пали почти все оставшиеся еще в живых мужчины, многие женщины и дети. Путь высланных стал дорогой смерти. До места назначения дошло менее *одной четверти высланных*...

Возле городов устраивали рынки работорговли, где дети и молодые девушки продавались магометанам за баснословно дешевую цену. Семьям, взявшим христианских детей для того, чтобы воспитать их магометанами, со стороны властей была обещана поддержка. Нечего говорить о том, что тем десяткам тысяч женщин, девушек и детей, которые попали в гаремы и магометанские семьи, ничего не оставалось делать, как принять ислам. К принятию ислама принуждали и тем, что освобождали от выселения семьи, которые соглашались изменить вероисповедание.

Не следует забывать, что все эти действия: выселение, ограбление, заключение в магометанские гаремы и продажа детей— касались тысяч семей, жены и дочери которых воспитывались во Франции, Англии, Германии и Швейцарии, дети которых получали образование в американских, французских и немецких школах и колледжах, которые по уровню образованности стояли гораздо выше даже зажиточных турок; семей, по своему нраву и интеллекту находящихся на высоте нашего европейского образования.

Турецкое правительство в своих официальных коммюнике и выступлениях своих европейских представителей пыталось до последнего времени, и довольно успешно, скрыть факт всеобщего выселения армян и их систематического уничтожения.

В оправдание этого приводились стратегические соображения, а также отдельные выступления армян, которые, спровоцированные коварными убийствами и планомерной подготовкой резни (как это, например, было в Ване и Шапин-Карахисаре), были вынуждены прибегнуть к самозащите. Эти выступления квалифицировались как революционные вспышки и как тайное сотрудничество с врагом. Несмотря на ложные документы и подписи, собранные при помощи пыток, никто не мог доказать, что какая-либо политическая или религиозная организация армян планировала или хотя бы замышляла революционное восстание или враждебные акции против родины. Эти ложные обвинения не могут запятнать чистую совесть армянского народа и его вождей. С самого начала существования конституции политические вожди армян и депутаты непреклонно стояли за комитет «Единение и прогресс». Они были личными друзьями младотурецких вождей, которых во времена реакции скрывали в своих домах, подвергая опасности свою жизнь, спасали их. И вот теперь они получили вознаграждение за свою лояльность и преданность. Они томятся в тюрьмах или лежат в земле.

Ни военные, ни стратегические соображения не могут послужить оправданием истребления армянского народа. Массовое, хищническое уничтожение, начавшееся с уничтожения армянского народа, является следствием системы отуречивания и исламизации в османском государстве, частичными отголосками которой были, между прочим, еврейские погромы в Палестине в феврале этого года и преследование греков в окрестностях Смирны в прошлом году. Система Абдул-Гамида осталась, сменились лишь лица: немусульманские народы должны быть уничтожены, нетурецкие расы должны быть порабощены.

От имени цивилизованного человечества мы требуем от правительств, послов и консулов держав, представленных еще в Турции, используя весь авторитет цивилизованных и христианских государств, выступить

перед турецким правительством для того, чтобы приостановить планомерное истребление армянского народа и обеспечить сохранность населения, пережившего это выселение.

Если с чьей-либо стороны будет подвергнута сомнению истинность фактов, установленных на основании показаний европейских свидетелей, то мы требуем, чтобы державы, представленные в Турции, опровергли эти факты путем консульских донесений.

„Basler Nachrichten", 16.IX 1915.

185. Массовые убийства в Армении

(Сообщение корреспондента газеты «Таймс»)

Перевод с английского
Каир, 27 сентября 1915 г.

Здесь было получено подтверждение распространяемых слухов относительно зверств отвратительного и ужасного характера, учиненных над армянами. Несомненно, что как и в предыдущих случаях, эти преступления были инспирированы Стамбулом. Есть основание предполагать, что вопрос о нападении на армян был решен после возвращения Энвер-паши с Кавказа, где он был разбит и доведен до бешенства фактом вероятной помощи русским со стороны армян. Талаат-бей, по-видимому, воспользовался этим, чтобы отомстить беззащитным армянским колониям в Малой Азии. Формулой, принятой в качестве предлога, был приказ о высылке армян в глубокий тыл. Сопротивление или задержка исполнения этого приказа правительства служили предлогом для убийства, изнасилования и других зверств...

Провинциальные власти, как правило, выполняли порученную им задачу тщательнейшим образом. В отличие от исторически предшествовавших убийств, теперешние зверства не ограничиваются одной определенной областью. Из Самсуна и Трапезунда, из Орду и Айнтаба, из Мараша и Эрзрума поступают одни и те же сообщения о зверствах: о мужчинах, безжалостно расстрелянных, распятых, изувеченных или уведенных в трудовые батальоны, о детях, похищенных и на-

сильно обращенных в магометанскую веру, о женщинах, изнасилованных и проданных в рабство в глубокий тыл, расстрелянных на месте или высланных вместе с детьми в пустыню на запад от Мосула, где нет ни пищи, ни воды, или высланных в Дейр эл-Зор, между Алеппо и Багдадом, где нет продовольствия. И в том и в другом случае их ждет ужасная смерть. Многие из этих несчастных жертв не дошли до места назначения, потому что конвой так их гнал, что они падали, и поскольку избиениями и пинками нельзя было заставить их двигаться дальше, то их оставляли умирать на дорогах, и их трупы точно указывали путь, по которому они следовали. Многих связывали попарно, спина к спине, и живыми бросали в реки. В Зейтуне армяне были обмануты Факри-пашой, известным по Адане. Некоторые немецкие консулы вдохновляли эти события. Так, немецкий консул в Алеппо Рёслер, личность, достойная своего коллеги в Хайфе, отправился в Айнтаб для личного обозрения, а пользующийся дурной славой барон Оппенгейм предложил организовать перевод женщин и детей союзников в Урфу, где они не могли не стать свидетелями варварств, учиненных войсками на улицах, буквально залитых кровью.

Храброе сопротивление. Оказывается, что беженцы из Суэдии, находящиеся в данное время в Порт-Саиде, очень храбро сражались. Когда был получен приказ о высылке, 4300 человек ушли в горы, где в течение семи недель оказывали сопротивление, причем одна из турецких атак длилась непрерывно 26 часов. Удивителен тот факт, что среди них было лишь 600 здоровых мужчин, и только четверть их была вооружена винтовками; остальные имели охотничьи ружья, заряжающиеся с дула.

Полагают, что армяне повсеместно оказывают сопротивление, но положение внутренних провинций безнадежно. Армяне Суэдии избежали печальной судьбы своих соотечественников благодаря тому, что находились на побережье.

Систематическая резня, похищения и высылки в пустыню, которые все еще продолжаются, говорят о потере людей, вероятно превышающей общее количество жертв гамидовского режима. Зверства в Бельгии или при Абдул-Гамиде кажутся умеренными по сравнению с зверствами современных правителей Турции,

которые, конечно, могут превзойти своих тевтонских учителей в области насилия. То, что Талаат-бей несет за это ответственность,— бесспорно. В доказательство может быть приведен тот факт, что, отдавая приказ о высылке, он сказал: «После этого в течение 50 лет не будет армянского вопроса». И это сказал человек, являющийся главой комитета «Единение и прогресс», который был одним из главных членов парламентской депутации в Англии в 1909 г., где его приветствовали как одного из преобразователей Турции.

«The Times», 29.IX. 1915.

186. Дебаты в Палате лордов 6 октября 1915 г.

(Из отчета газеты «Таймс»)

Перевод с английского

Граф Кромер поднялся и спросил: 1) получило ли правительство его величества какую-либо информацию, подтверждающую сделанные в прессе заявления о том, что возобновившаяся резня армян происходила в широком масштабе; 2) соответствует ли действительности заявление о том, что лица из германского консульства были посвящены в эти убийства; 3) были ли сделаны Порте в последнее время какие-либо дальнейшие представления в связи с этим вопросом. Он сказал: Наша страна была потрясена сообщениями о возобновившихся армянских избиениях, которые, как выяснилось, начались на значительно более широкой основе, чем те, которые ужаснули весь цивилизованный мир несколько лет тому назад. Я прочел в одной из газет о том, что число жертв доходит до 800 000 человек. Эти цифры представляются невероятными и, я надеюсь, очень сильно преувеличены. В газетах было сделано заявление, что некоторые лица из германского консульства одобряли эти жестокости настолько, что принимали участие в организации и в подстрекательстве к резне. В этом случае также представляется невероятным, чтобы какое-либо правительство, называющее себя цивилизованным, или его агенты могли бы принять участие в подобных мероприятиях. С другой стороны, мы знаем из доклада лорда Брайса, ка-

ково было поведение германской армии в Бельгии, и нам также известно из сурового обвинительного акта французского правительства, каково было поведение немцев во Франции. Независимо от того, каково могло бы быть мнение германского правительства, мы располагаем некоторыми данными и мнением выдающегося журналиста.

Незадолго до моего прихода в палату я прочел в вечерней газете выдержку из письма, адресованного известным графом Ревентловым германской газете, и это письмо настолько характерно для германской точки зрения на этот вопрос, что я зачитаю несколько строк из него.

«Если турецкие власти принимают решительные меры против ненадежных, кровожадных и буйных армян— это не только их право, но поступить таким образом их прямой долг. Турция может быть и впредь уверена в том, что германская империя всегда будет придерживаться того мнения, что этот вопрос касается лишь одной Турции».

Я не склонен полагать, что имеется какое-либо свидетельство, достойное доверия, могущее служить доказательством участия германского правительства или его агентов в этой резне. Но когда мы принимаем во внимание решающее влияние, которым пользуется германское правительство в Константинополе, то всякий, знающий Восток, станет придерживаться того мнения, что германское правительство не сможет счесть себя свободным от серьезной моральной ответственности, если выяснится, что оно, зная о подобных явлениях, не примет решительнейших и энергичных шагов к прекращению этих действий...

Я верю в то, что если бы турки были предоставлены самим себе, они пожелали бы жить в мире с остальным населением земного шара и особенно с Англией. К несчастью, турки попали в руки узкой, ограниченной клики, которая подорвала подлинную независимость Оттоманской империи. Но если что-либо можно сказать в защиту турецкой нации, ни слова не может быть сказано в защиту турецкого правительства.

Выходит, что нынешнее турецкое правительство, продолжая линию своих предшественников, сделало резню частью своей политической системы. Если это

так и если ничего нельзя предпринять другого, мы можем осудить их поведение перед всем цивилизованным миром и предупредить все остальные народы, будь это христиане, магометане или индусы, что, выказывая симпатию Турции, они в глазах потомства наложат на себя пятно, которое не сможет быть никогда смыто.

Ответ лорда Грея: Я целиком согласен с благородным графом в том, что, поскольку мы располагаем официально подтвержденными фактами, мы должны довести их до сведения всего мира.

В тифлисской газете, где, само собой разумеется, имеются все возможности убедиться в том, каково действительное положение дел, были опубликованы отчеты о событиях. Факты очень печального характера. Консул его величества в Батуме, приводя выдержки из тифлисской прессы, описывает ужасные зверства, имевшие место в Сасуне, где население было абсолютно уничтожено и лишь нескольким удалось спастись. Весь край был полностью разорен. Некоторым видным жителям удалось бежать в горы, но все, кому не удалось скрыться таким путем, были перерезаны. Затем наблюдался огромный приток армян, сирийцев и других беженцев в Урмию и в кавказские провинции. Большое количество беженцев прибыло в Эчмиадзин и в другие пункты Эриванской провинции. Они пришли главным образом из горных районов Маназкерта и из Вана. Консул сообщает, что около 160 000 беженцев из указанных районов прошли через Игдыр в Эчмиадзин. Они, по словам консула, представляли собой печальное зрелище истощенных людей, многие из которых умирают от голода. В среднем не менее 100 человек умирает ежедневно.

Невозможно переоценить усилия, предпринятые местными властями для того, чтобы справиться с этим ужасным бедствием, но для существенного изменения в лучшую сторону положения беженцев необходимо усилить снабжение медикаментами и продовольствием.

В Еленовке и Ахте находятся 9000 беженцев, положение которых не лучше. В одном из докладов говорится, что если бы не подоспевшая помощь, были опасения, что половина беженцев умрет. Имеется также отчет об ужасном положении беженцев в Урмии. Я не получил точных цифровых данных об их коли-

честве, но одно несомненно— их очень много. Русский консул в Урмии делает все, что может, чтобы помочь им.

Таковы ужасающие факты, и я абсолютно согласен с заявлением благородного графа о том, что эти ужасные эксцессы немало волнуют мусульман, подданных его величества в Индии, и о том, что необходимо поставить в курс мусульманское общественное мнение, так, как это мы делаем у себя. Они, конечно, ни в коем случае не руководствуются наставлениями ислама, и они не будут прощены исламом. Я также согласен с тем, что эти события могли бы быть доведены до сердца любого европейского народа или части народа, склонной связать свою судьбу с Турцией. Правительство не располагает фактами, официально подтверждающими заявления о том, что германские консульские представители в Азии не только не препятствовали, но и вдохновляли эти зверства.

Это сообщение, однако, было сделано наблюдателями Соединенных Штатов, которые в состоянии составить себе мнение, и мы вынуждены заявить, что нам это не представляется невероятным. Заявление о том, что когда придет день расплаты, лица, принявшие участие в убийствах, не будут забыты, все еще сохраняет силу, но правительство не считало, что попытка прямой или косвенной связи с турецким правительством могла бы принести какую-либо пользу. Турецкое правительство в курсе нашей точки зрения, и повторять нам ее, думается, бесцельно.

Виконт Брайс. Полученные мною из различных источников сведения говорят о том, что те данные, которые благородный граф считает невероятными, а именно то, что 800 000 человек было уничтожено с мая месяца, к сожалению, являются вполне реальной цифрой. Убийства являются результатом политики, которая, насколько это можно утверждать, была заранее обдумана бандитами, ныне находящимися во главе правительства Турецкой империи. Они колебались в ее осуществлении до тех пор, пока не подошел момент, и таким подходящим моментом оказался май месяц. В это время были отданы приказания, и все они шли из Константинополя. В некоторых случаях губернаторы, будучи гуманными и набожными людьми, отказались выполнить эти приказы и попытались защитить злопо-

лучных армян всеми средствами, имевшимися у них в распоряжении. Я слышал о двух случаях увольнения губернаторов, отказавшихся выполнить приказы. Резня, тем не менее, была проведена.

Избиение носило в высшей степени систематический характер. Все население города было изгнано. Мужчины были брошены в тюрьму, а оставшаяся их часть, женщины и дети были построены в колонны и выведены из города. Когда они удалились от города на небольшую дистанцию, они были разъединены, мужчин отвели в места, где все они выстрелами из винтовок и ударами штыков были убиты турецкими солдатами. Женщины, дети и старики были отправлены под конвоем наиболее развращенных солдат к месту высылки, часто в нездоровые районы, но чаще всего в огромный район, простирающийся до восточной части Алеппо, в направлении к Евфрату. День за днем двигались они, подгоняемые солдатами. Многие падали по дороге, другие умирали с голода. Турецкое правительство не выдало им никакого продовольствия, а солдаты отняли у них все, чем они владели; очень часто женщины, раздетые догола солдатами, шли в таком виде. Многие женщины сходили с ума, бросали своих детей, будучи не в состоянии нести их дальше. Путь этого каравана был отмечен трупами, и, кажется, сравнительно небольшое число их дошло до места назначения.

Факты о резне в Трапезунде подтверждаются итальянским консулом, находившимся в это время в городе. Согласно поступившим из Константинополя приказам, все христиане-армяне в Трапезунде должны были быть убиты. Многие из мусульман пытались спасти своих соседей-христиан, предложив им убежище в своих собственных домах, но турецкие власти были безжалостны. Подчинившись полученным приказам, они выгнали всех христиан из домов, собрали их вместе и погнали по улицам, к морю. Они были посажены на парусные суда, отвезены на некоторое расстояние от берега и выброшены за борт. Все армянское население от 8 до 10 тысяч человек было таким путем ликвидировано в один день. После этого рассказы становятся обоснованными, и я сожалею о том, что все они содержат один и тот же элемент ужаса и потрясающих мучений. Почти что целая нация была уничтожена, и

я думаю, что истории неизвестны подобные случаи со времен Тамерлана.

Я хотел бы добавить, что те немногочисленные данные, которыми я располагаю, подтверждают высказанное здесь благородным графом утверждение, что нет оснований полагать, что в этом случае мы имеем дело с мусульманским фанатизмом. Насколько я могу понять, мусульмане восприняли эти события скорее с ужасом, нежели с симпатией; во всяком случае они не высказали одобрения поведению турецкого правительства. Представляется очень важным, имея в виду политику оправданий, которую начало проводить германское правительство в отношении своих друзей и союзников, заявить здесь, что нет никаких оснований для предположений о восстаниях, поднятых армянами. Нет и не может быть никакого оправдания действиям турецкого правительства. Эти действия являются попросту попыткой провести политику Абдул-Гамида, заявившего однажды, что «путь избавления от армянского вопроса лежит в избавлении от армян». Эта политика проводится руководителями нынешнего турецкого правительства значительно более полно, с большей кровожадностью, чем во времена Абдул-Гамида.

„The Times". 7.X 1915.

187. Зверства над армянами продолжаются

(Сообщение корреспондента газеты «Таймс»)

Перевод с английского

Бухарест, 18 декабря 1915 г.

Я получил сообщение о полном истреблении армянского населения в Адрианополе. 10 октября турецкая полиция арестовала 45 жителей Адрианополя — армян, принявших болгарское подданство. Все задержанные были отправлены в Константинополь и даже в Малую Азию, за исключением 10 человек, которым удалось бежать и найти убежище в болгарской миссии на улице Пера. Вмешательство болгарского правительства дало возможность этим лицам свободно вернуться в Караагач. Что касается судьбы остальных тридцати пяти армян, то Порта отделывается незнанием.

Спустя короткое время после этого инцидента все армяне в Адрианополе, числом около 1600 человек, были арестованы, мужчины немедленно высланы в Малую Азию, а женщины и дети содержались двое суток в тюрьме, являясь объектом грубых нападок со стороны тюремщиков. Некоторых из них впоследствии посадили в парусные лодки, чтобы переправить в Малую Азию. Две лодки пошли ко дну в районе Родосто, и большинство бывших на борту утонуло. Часть высланных семей была продана за смехотворно малую цену, главным образом евреям. Делегация из Караагача направилась в Софию с целью добиться вмешательства правительства, но не получила никакого ответа на свою петицию. Докладная записка, адресованная до этого болгарскому правительству другой делегацией, дает полную картину страданий, испытываемых армянами-пленниками в Малой Азии в руках турецких властей.

В документе дан перечень 29 районов, в которых все армянское население, доходящее до 835 000 человек, было либо убито, либо выслано, либо силой обращено в мусульманскую веру. Один священник был заживо сожжен, пятеро — повешены или убиты иным путем и 10—арестованы.

„The Times" 21. XII 1915.

188. Басканская драма

(Корреспонденция, напечатанная в газете «Кавказское слово»)

11-го июня 1915 года на высотах Чапанского плоскогорья, господствующего над некогда прекрасной и цветущей долиной, которая носит название Вардо, разыгралась кровавая драма, долженствующая быть занесенной в летопись этой войны как страница, окрашенная в особенно ярко-пурпурный цвет и без которой книга воинских доблестей Вильгельма Гогенцоллерна и кронпринца, этих коронованных союзников и друзей Турции, была бы, пожалуй, неполной и бледной.

У подножья Чапанского плоскогорья лежит небольшая деревушка Баскан, которая с Гюндамиром и Хула-

ном образует треугольник. Баскан и Гюндамир населены были армянами, Хулан—курдами. Баскан—деревушка обычного типа деревень Турецкой Анатолии, с плоскокрышими домами из камня, каменными оградами вокруг огородов и уходящими в землю помещениями для домашнего скота. Быстрая и чистая горная река, изобилующая рыбой, и чахлые кущи ивы. В полуверсте из земли бьет теплый источник, которому жители приписывают целебные свойства и в котором сейчас наши солдаты купаются и стирают свое белье.

Июньской драме, свидетелем которой было молчаливое небо и серые, мрачные скалы Чапана, предшествовали события, о которых необходимо сказать два слова.

20 мая 1915 года всем армянам—жителям Хныса и хныссного района, включавшего в себя до 27 селений, было приказано сняться со своих мест и направиться в район Вардо. При этом требовалось захватить с собой все свое движимое имущество. Самый Хныс был торговым центром и заселен был наиболее зажиточным классом и ремесленниками. Приказ этот, поставивший в тупик хныссних армян, мотивировался желанием «сердобольного» турецкого правительства поставить армян вне сферы военных действий и оградить их жизнь и имущество от опасностей, сопряженных с войной.

Казалось бы, хнысцы должны были за мягкосердечием этих попечений распознать алчную сущность... но хнысцы поверили.

И в количестве 1700 домов они двинулись в направлении Вардо, везя за собой все свое имущество на арбах... В Кюм-Кюме местные армяне предостерегли хнысцев от опасности дальнейшего передвижения в глубь страны, так как им стало известно, что со стороны Чапанских высот прибывшим грозит резня. Встревоженные этим сообщением хнысцы дали телеграмму султану, прося защиты, но ответа на телеграмму получено не было, а сопровождавшие хнысцев турецкие жандармы продолжали их успокаивать уверениями, что турецкое правительство, заботясь об их безопасности, проводит их всех в Диарбекир, где им уже не может грозить никакая опасность.

Но хнысские армяне, уже чувствуя в воздухе что-то недоброе, телеграфировали в Муш, откуда им прислали сотню аскеров.

Это было уже все-таки некоторой гарантией безопасности, и путь на Огнот и до Диарбекира, казалось, был армянам обеспечен. Если принять во внимание еще и ежедневную золотую подмазку, которою пришлось хнысцам применять во все время пути,— станет понятным то сравнительное спокойствие, с которым армяне покинули Кюм-Кюм и двинулись дальше.

Но уже в Гюндамире ими вновь овладело беспокойство... После небольшого совещания они решили не идти дальше, что заставило жандармов и аскеров вновь пустить в ход уверения в полной безопасности. А начальник милиции курд Ахмед-Ага прислал к ним сказать, что он «гарантирует им безопасный путь до Огнота», если, однако, ему будут присланы 2 тысячи турецких лир.

Увы, такой суммы хнысцы, при всем трагизме их положения, собрать уже не смогли: так основательно успели их обчистить по дороге до Гюндамира сопровождавшие их «доброжелатели».

Это было 10 июня.

Прошла еще одна тревожная ночь.

Последняя ночь.

Во вторник, 11 июня, в 12 часов дня всех хнысцев погнали, уже силой, к Баскану. Тут, на краю села, через реку перекинут старинный каменный мост, от которого начинается путь в гору, к высотам Чапана, и все время идет среди дико разбросанных камней, среди рытвин и ущелий, носящих тут название х у ч. Дорога здесь суживается, и поэтому хнысцам пришлось идти в гору длинной колонной, голова которой скоро затерялась среди извивов этого пути.

Тут были старики, зрелые мужчины, юноши, дети, старухи, молодые женщины с грудными младенцами, девушки, подростки. Тут было пять армянских священников, армянский архиепископ из Урфы и 3 вероучителя других вероисповеданий,— каких, мне объяснить не сумели. Как только последний человек перешел мост, сопровождавшей охраной был дан, как потом оказа-

лось, условленный сигнал — выстрел из ружья. Это было знаком, что задуманное и решенное дело может быть приведено в исполнение... И тут совершилось дело, которое вплело, несомненно, еще один терновый колючий шип страданий в судьбу турецких армян, влило еще одну каплю в и без того наполненную чашу мытарств этого народа.

Мне удалось не только побывать в этом месте, где смерть справила один из своих кровавых праздников, но и разыскать среди немногих, оставшихся в живых жителей Баскана, свидетеля всех ужасов того дня.

Я приехал в Баскан 8-го текущего сентября и тут нашел человека, изъявившего готовность проводить меня на вершины Чапана.

Это — крестьянин Хачик Аветисян. В кровавый день 11 июня прошлого года ему удалось с одиннадцатью деревенскими парнями бежать в горы. И отсюда, скрытые среди скал и кустарников, о н и в и д е л и в с е.

Избиение началось наверху, но по мере того, как люди-звери еще более зверели, волна этого озверения передавалась по всей линии движения колонны.

«Мы видели,— рассказывает Хачик,— как с несчастных сначала срывали все ценное, затем раздевали, и иных тут же на месте убивали, а иных уводили в сторону от дороги, в глухие углы, и тут приканчивали. Мы видели группу из трех женщин, которые в смертельном страхе обнялись. И их невозможно было уже разъединить, разлучить. Всех троих убили. Мы видели, как одну женщину, раздетую, привязали к дереву вверх ногами, а под нею оставили ее маленьких детей. Ни мать, ни малютки не могли дотянуться друг до друга. Хнысского архиепископа и двух-трех из самых крупных купцов Хныса повлекли на самый верх Чапана. Крик и вопль стояли невообразимые, волосы становились у нас дыбом, кровь леденела в жилах,— но что могли бы мы сделать. Чем могли мы помочь братьям?» И что, действительно, могла сделать горсточка невооруженных сельчан с сотнями озверелых грабителей и убийц?!

И эта бойня продолжалась с 12 часов дня до 6 часов вечера на всем протяжении Чапанского плато, среди дико разбросанных скал, среди маленьких овражков и поросших прекрасной и сочной травой горных лужаек. Трудно точно установить, скольким удалось во время общей бойни бежать, если только возможно было из этой каменной западни вообще б е ж а т ь. Быть может, двум-трем как-нибудь в дороге и удалось обмануть бдительность стражей.

Жители прилегающих селений— Гюндамира и Баскана— утверждают, что благодаря заросшим густо кустарником оврагам, глубоким и темным, 300 женщинам удалось остаться в живых. Но это еще не вполне установленный факт. И об этих 300 женщинах речь будет ниже.

Сам Хачик рассказывает, что поздно ночью, когда все стихло, и люди, совершившие свое ужасное дело, сошли с высот и разбрелись по своим селениям, он прокрался с товарищами туда и среди трупов нашел 27 живых грудных детей, прижавшихся к убитым матерям. Удалось под грудами трупов найти двух парней, очевидно, притаившихся и этим себя спасших. Эти два парня— Айказ Аветисов из Хныса и Осеп Мнацакан из деревни Сарлу. Детей Хачик доставил в Баскан. Через три дня нашел еще трех ребят живыми.

Весть об этом массовом убийстве, конечно, быстро распространилась среди окрестных турецких армян. И многие (говорят жители трех селений) приходили сюда, к Чапанским высотам, и тут находили тоже смерть, так как Ахмед-Ага время от времени посылал сюда своих людей для «наведения порядка».

Правда, эти люди старались все-таки скрыть следы совершенного преступления и оттаскивали трупы с большой дороги и сбрасывали их в овраги, в канавы и лощины. Характерный факт передали мне в Баскане. Вскоре после басканской бойни сюда приехал германский военный агент. Увидя дорогу, ведущую от моста к высотам, сплошь покрытую изувеченными трупами, он, из желания ли скрыть от взоров проезжих следы изуверства своих союзников или просто из европейской брезгливости, приказал убрать трупы куда-нибудь подальше. Этим, вероятно, объясняется отсутствие в на-

чале басканской горной дороги следов совершившегося летом 1915 года преступления.

За мостом, саженях в двухстах еще попались два человеческих черепа и берцовые кости. Но по мере того, как дорога идет в гору, все чаще и чаще среди уже выгоревшей травы мы натыкались на высохшие трупы.

Мой проводник свернул с горной тропы в сторону— и тут группами, в одиночку, попарно, скрытые бурьяном и камнями, лежат останки хнысцев. По десятку, по тридцати и больше свалены они в рытвины.

Никогда такого ужаса я не испытывал, как здесь, среди этой безмолвной, дикой природы, среди этих серых скал и сотен искалеченных трупов...

И так, переходя от одной груды к другой, прошли и проехали мы верст 5—6. Вероятно, благодаря тому, что лето и осень 1915 года были сухи, а зима сурова, а может быть и благодаря особым свойствам почвы, климата и ветров, дующих здесь, почти все трупы сохранили кожу, которая, конечно, высохла и слегка пожелтела. Но легко можно установить по лицам и вполне сохранившимся волосам головы возраст.

Особенно хорошо сохранились руки и ноги. Но как красноречиво говорят они, их положение, форма судорожно сжатых и застывших пальцев о той драме, которая произошла тут 14 месяцев тому назад. Как красноречиво свидетельствуют разбросанные ноги женских трупов и форма сжатых пальцев на руках о тех гнусностях, которые тут имели место. Следы ран холодным и огнестрельным оружием зияют на трупах.

Проводник привел меня на самый верх горного плато. Тут нашли смерть все три богатых купца из Хныса и архиепископ, о которых я говорил выше. По черепам и обрывкам почерневшей кожи трудно установить, впрочем, чьи это трупы.

Едем дальше, где в лощине, скрытой камнями, лежат останки девушки. Череп, отделенный совершенно от туловища, валяется тут же. Около черепа— хорошо сохранившаяся девичья коса, тщательно заплетенная и перевязанная шерстинкой. Остатки нижнего белья видны на уже оголенных костях. Череп необыкновенно красивой и идеально правильной формы с громадными впадинами глаз, откуда, так и кажется, глядит сам

ужас. Размеры черепа и костей говорят о совершенно юном возрасте этой неизвестной девушки.

За зиму голодные собаки и волки успели растащить много трупов. На это указывают разбросанные части трупов, кисти рук, ступни— по всему далекому пространству Чапана. На хозяйничание одичалых собак и волков указывают обглоданные руки и ноги множества трупов.

А сколько их унесло целиком куда-нибудь в недосягаемые овраги— неизвестно.

Я спросил о судьбе спасшихся 300 женщин. И мне рассказали историю, невероятную во всякой иной стране, но возможную в стране священного полумесяца. Поздно ночью эти женщины выбрались из ям и оврагов Чапана и прибежали в Баскан, где наткнулись на аскеров из Муша. Всех женщин заперли в местную церковь, а утром направили через Гюндамир в кизилбашскую деревню Татан, где и сдали на руки начальнику отряда милиционеров Мирза-Али, который распорядился с ними будто бы слишком по-восточному: утопил всех в озере Амарак.

Так гласит молва...

Сам Мирза-Али сейчас здесь считается в числе «мирных жителей» и очень любит говорить о высоком боге.

Я со спутником из Кюм-Кюма и с проводником, молчаливые и подавленные всем виденным, медленно съезжали с Чапанского плоскогорья в долину Вардо.

Вправо, в золотом облаке лучей заходящего солнца, розовел Диадин. А там, за цепью сине-синих гор, лежит Муш. А дальше— таинственный, влекущий к себе неудержимо Диарбекир.

За нами остались мрачные скалы Чапана.

И снегка белела в каменистых извилинах дорога, по которой шли на верную и мученическую смерть сотни несчастных хнысцев.

Лев, [illegible]

«Кавказское слово», 5. X 1916, № 219.

189. Из книги «На пути от Харберта до Урфы»*

Первого числа мая 1915 г. у нас в Харберте арестовали внезапно и заключили в тюрьму всех наиболее влиятельных, наиболее состоятельных армян. В тюрьме их били и пытали, говорили: у вас есть склады оружия, укажите, где они?

Никто ничего не сказал. Да никаких складов и не было. У отдельных лиц, очень немногих, были припрятаны винтовки и револьверы, но те признаваться не хотели.

Не добившись признания от мужчин, взялись за женщин. Арестовали, на кого имели подозрение или от кого рассчитывали получить богатый выкуп. Но и женщины не сказали ничего,— многие потому, что не знали, а другие потому, что не хотели выдавать мужей.

Епархиальный начальник, другие духовные лица и немногие оставшиеся на свободе нотабли, посоветовавшись между собой, решили собрать и выдать оружие, какое имелось, чтобы избавить заключенных от истязаний.

Когда мы собрали и выдали оружие, пытки на время были прекращены. Но вскоре возобновили их с еще большей жестокостью. Говорили: это не то оружие, откройте нам ваши склады.

Пытали страшно, бесчеловечно. У мужчин отрывали ногти на ногах, клали окровавленные ноги в горячую воду, потом били по ранам ивовыми прутьями. У женщин брили головы, одевали на них раскаленные медные чаши или жгли огнем груди...

Многие не выдержали мучений, умерли в тюрьме; некоторые помешались.

Но мы уже отдали все, что имели, и ничего больше дать не могли.

Тогда объявили, что все армяне должны быть высланы из края, что на это есть приказ из Константинополя...

Выселение началось.

---

* Рассказ записан со слов г-жи П. Ф-янц, молодой дамы из состоятельной семьи, получившей образование в школе германской миссии в Харберте.

Войска оцепили наши кварталы, полицейские отряды пошли по домам ловить и арестовывать всех, кого только находили (на первых порах—одних только мужчин). Арестованных отвели в тюрьму, там перевязали им руки веревками, затем сковали цепями по несколько человек вместе и ночью большой партией в 1000 с лишком человек вывели из города.

Мы об этом узнали только на следующий день.

Утром, когда матери и жены пришли, чтоб передать своим пищу или одежду, они нашли тюрьму пустой. Тогда они подняли страшный вопль, стали в отчаянии бить себя в грудь, рвать одежду и волосы. Им приказали разойтись. Но они не расходились, кричали: «Верните нам наших мужей! Верните братьев и отцов!».

Их разогнали ударами ружейных прикладов и плетей.

Это повторялось несколько дней, пока все мужчины в городе были арестованы и высланы. Затем принялись за женщин и детей. Их тоже собирали партиями по 1000—1500 человек и под конвоем жандармов выводили из города.

В тюрьме осталось с небольшим 200 человек мужчин, из числа наиболее состоятельных. Эти дали выкуп— по 10 золотых на человека— и получили разрешение выселиться из города не отдельно от своих семейств, а вместе с ними.

В числе откупившихся был и мой муж.

Мы собрались и в субботу 14 июня, вместе с другими, вышли по дороге в Урфу.

Наша партия состояла из наиболее имущих, наиболее образованных и уважаемых в городе семейств. Мы имели с собой повозки и лошадей, но передвигались очень медленно, т. к. мужчины шли пешком.

На пятый день пришли в селение Изоли и стали на отдых. Из Харберта мы взяли с собой большие запасы провизии, но в Изоли ее отобрали, оставили ни с чем.

Близ, мимо селения, протекает река Евфрат. Мы видели, как уносятся течением обезображенные, распухшие трупы, связанные по два вместе. Их было так много и зрелище было такое ужасное, что мы старались не глядеть в сторону реки.

Когда настал вечер, мужчин отделили от нас. Их

повели в одиночку или по несколько человек вместе на берег реки и сказали: дайте золота, или мы убьем вас. При этом ругались и били. Кто мог откупиться, откупился и вернулся в лагерь; кто не мог, того убили, и трупы выбросили в реку.

В Изоли остались несколько дней; потом поднялись и пошли в Малатию.

До Малатии шли тоже пять дней и измучились страшно. У нас еще оставались наши повозки и лошади; но ни мужчинам, ни детям старше 10—11 лет не позволяли садиться в повозки. Многие шли босыми, т. к. у них отняли обувь. Голодные, усталые, с опухшими, разбитыми в кровь ногами шли наши мужья, отцы, братья и дети. Если кто выбивался из сил и падал, того уже не подымали, а добивали ударом камня в голову или оставляли умирать на дороге... Путь от Изоли до Малатии мы усеяли многими трупами.

Но самое страшное, самое невыносимое было то, что на этом пути начались уже насилия над женщинами. Насиловали с гнусным цинизмом, со зверскими издевательствами, на глазах у мужей, отцов и матерей...

В Малатии отделили мужчин и мальчиков старше 10 лет; а нас, женщин, девушек и малолетних детей, разбили на партии и разместили по постоялым дворам.

В Харберте наши мужья и отцы купили за золото право остаться при своих семействах. Это право оказалось действительным только до Малатии. Тут нужно было откупиться вновь; но так как денег уже не оставалось ни у кого—все деньги были отобраны по дороге,— то нас лишили последней привилегии, последнего утешения.

Я была три года замужем, но детей не имела. И это было великим счастьем для меня. Но я горячо любила своего мужа... Когда его, вместе с другими, уводили от нас, я потеряла сознание. Очнувшись, нашла возле себя, всю в слезах, 14-летнюю сестру. Отныне из всех близких мне людей, она одна только и оставалась со мной, так как мать вместе с малолетними братьями и сестрами выделили в другую партию.

Ночь провели в слезах и воплях. Молили бога сжалиться над нами... Не понимаю, как мог он не услы-

шать криков отчаяния стольких матерей, стольких невинных детей.

Утром рано мутесарриф с чиновниками пришли сказать, что мужчин отправили ночью в Урфу и что туда же отправят вскоре и нас. Потом сказали, что должны обыскать нас, ибо есть такой приказ.

Мы были как одурелые, ничего не понимали, позволяли делать над собой все, что им было угодно.

Стали подводить по одной к мутесаррифу и раздевать для обыска. У многих снимали даже исподнее белье, приказывали поворачиваться, нагибаться, шарили руками по голому телу, говорили бесстыдные слова, смеялись и тешились.

Потом собрали, чтоб вести в Урфу.

Повозки и лошадей отобрали. Не оставили даже осликов, чтоб можно было посадить на них детей. Матери взяли малышей на спину, а тех, которые могли ходить,— за руки и пошли.

Своей провизии у нас уже не было. На еду давали один только хлеб. Дети, которые не могли есть черствого хлеба, капризничали, плакали, кричали. Если кому-либо из жандармов слишком надоедал детский крик, он вырывал крикуна у матери и убивал, размозжая головку о придорожный камень.

На первой же ночевке возобновились насилия над женщинами. Их даже не отводили в сторону. Эти люди были хуже, чем скоты,— те имеют хоть какое-нибудь чувство стыда, а этим требовалось возможно больше гнусности и мерзости... Установили нечто вроде нормы и очереди: на каждые 10 солдат назначали одну женщину, тешились ею часа 2—3 подряд, затем бросали истерзанную, полумертвую, часто без сознания...

Не оставили неосквернёнными даже 10-и, 8-летних девочек.

Это повторялось на каждой стоянке.

Были между ними беременные женщины, которые от насилий и побоев разрешались преждевременно, истекали кровью и умирали на наших глазах.

Чтоб спастись от преследований, многие обезображивали себе лицо и тело ранами, пачкались грязью, делали себя отвратительными. Да и без этих искус-

ственных мер,— голодные, оборванные, грязные, обезумевшие от горя и страданий, мы имели такой вид, что, казалось, самый гнусный развратник не мог бы взглянуть на нас с вожделением... Но это были люди, лишенные всякого человеческого чувства, даже чувства простой физической брезгливости.

Так шли мы около двух месяцев. Одежда, какая еще была оставлена нам после повторных грабежей, истрепалась вовсе. Все были в страшных лохмотьях, а многие—почти голые. Чтоб прикрыть чем-нибудь наготу, мы плели из листьев и трав пояса, как это делают дикари...

Когда мы пришли наконец в Урфу, нас оставалось не более двухсот; а между тем из Харберта мы вышли в числе около 2000 человек, а из Малатии, после отделения мужчин, в числе свыше одной тысячи. Из тысячи женщин и детей уцелело едва лишь двести; остальные или умерли в пути, или были убиты, или увезены.

Истерзанных, полумертвых, обезумевших от пережитых ужасов и страданий, загнали нас в Урфе в какой-то постоялый двор, сказав, что здесь оставят нас отдохнуть несколько дней, а потом уведут дальше.

Я узнала, что в Урфе есть германская миссия, и упросила одну добрую женщину отнести тайно миссионерам записку. То, что я училась у немцев и хорошо знала их язык, спасло меня. Из миссии пришли дама и доктор. Они переговорили с нашими палачами и получили разрешение взять на излечение меня, мою сестру и еще двух женщин.

В германской больнице мы остались несколько дней, немного отдохнули, поправились. Затем перевели нас в другое здание, тоже принадлежавшее миссии.

Незадолго перед тем была в Урфе ужасная резня армян; многих перебили, многих выгнали в пустыню на голодную смерть. Но некоторые успели укрыться в кварталах и взялись за оружие. Все попытки турок добраться до них оканчивались до сих пор неудачей: армяне сидели крепко и отчаянно защищались.

Дом, в котором я жила, выходил одной стороной в армянский квартал, другой— в турецкий.

Ах, с каким восторгом я слышала, как стреляют

армянские ружья! С каким восторгом видела, как турки убегают от этих выстрелов, унося своих раненых и убитых!...

Но вскоре пришло из Алеппо много войск с германским офицером и хорошими пушками. Пушки поставили на высотах и стали палить.

Через три дня все укрепления армян были разрушены, и турки ворвались в кварталы.

Армяне — сколько их уцелело еще — укрылись в зданиях американцев.

Германский офицер объявил, что тем, кто сдастся, ничего худого сделано не будет. Тогда армяне сдались германскому офицеру. Но офицер не сдержал слова: многих перевязал, отправил в тюрьму, а остальных изгнал из города неизвестно куда.

Потом стали обыскивать дома турок, сирийцев и европейцев, чтоб открыть скрывавшихся там армян. Кого находили, заключали в тюрьму. При этих обысках арестовали и нас— меня и бывших со мною.

Потом поставили виселицы и стали вешать тех, кого они называли вожаками бунтовщиков...

Я решила бежать во что бы то ни стало. Сговорилась с некоторыми другими и, когда настала ночь, мы вышли тихонько из лагеря и побежали... Я бежала изо всех сил, успела убежать и скрыться меж камнями. Вечером меня нашла здесь одна женщина, которая, к счастью моему, оказалась армянкой, наложницей араба в этом селе. От нее я узнала, что всех подруг моих заполонили, а сестру кто-то увел в Урфу.

Эта женщина дала мне приют у себя и тайком переправила мое письмо в Урфу, сестрам-миссионеркам. Те прислали за мной человека, и я ночью пробралась вместе с ним в город.

В Урфе я много расспрашивала о сестре, но ничего узнать не могла. Горько мне было за себя, еще горше за молодую сестру, которая осталась теперь совершенно одна, бог знает в чьих руках...

Я скрывалась у моей приятельницы-немки. Прошло несколько дней; никто меня не тревожил. Но вот однажды утром оцепили наш дом полицейские. Я поняла, что хотят сделать обыск. Надела тотчас же шляпу моей знакомой (платье я сменила, как только пришла в Урфу) и вышла из дому. У дверей стоял полицей-

ский офицер. Я спокойно прошла мимо него. Тот принял меня за немку и пропустил, ничего не сказав. Я пошла в сторону садов, где была у меня другая знакомая немка. Осталась здесь до вечера, а вечером вернулась опять к приятельнице, дом которой утром был обыскан сверху донизу, но, конечно, безрезультатно.

Весною узнала, что матери моей с оставшимися при ней детьми удалось, при помощи курдов, убежать из Малатии и что теперь она скрывается в Мезре, под Харбертом...

Каким-то чудом, под видом европеянки, удалось мне доехать беспрепятственно до Мезре, где я нашла свою мать, меньших сестер и братьев.

От них я узнала, что муж мой был убит через день или два после нашей разлуки в Малатии. Когда его стал обыскивать жандармский офицер, он выхватил скрытый под одеждой кинжал, одним ударом убил турка и бросился бежать; турки открыли вслед стрельбу и убили наповал. Узнав эти подробности, я больше обрадовалась, чем огорчилась. Пусть он убит! Он все же успел отомстить перед смертью и за себя, и за меня, и за тысячи других мужчин и женщин.

Едва мы прожили в Мезре несколько дней, как опять должны были бежать, ибо турки напали на наш след.

На этот раз мы бежали в соседний Дерсим, к тамошним курдам. А когда узнали, что русские войска заняли Эрзингян, пришли к русским. Из Эрзингяна, вместе с другими беженцами, были переотправлены сюда, в Россию.

В семействе моего мужа было 48 душ; из них осталось в живых всего три человека: я да двое мальчиков.

«На пути от Харберта до Урфы», М., 1917.

190. Выдержки из книги Арнольда Тойнби «Армянские ужасы» (1915 г.)

Перевод с английского

...Весь этот ужас, все эти преступления были совершены над армянами невзирая на отсутствие даже малей-

него вызова с их стороны. «Мы находимся в состоянии войны»— вероятно, возразит турецкое правительство. «Мы боремся за свое существование. Армяне питали надежду на победу нашего врага; они замышляли план помощи для осуществления этой победы. Они были предателями на свободе— в прифронтовой зоне, и мы вынуждены были действовать против них со всей строгостью военного времени». Но такие оправдания полностью противоречат фактам. Эти армяне не были жителями прифронтовой зоны. Ни один город или селение, откуда их систематически гнали на смерть, не находился вблизи театра военных действий. Они все были в глубине Анатолии, одинаково далеко расположенные от кавказской границы и Дарданелл. У них не было никакой возможности сотрудничать с войсками Антанты, равно как они не могли предпринять попытки поднять восстание, так как не составляли компактной общины. Они были разбросаны небольшими колониями по обширной стране и составляли меньшинство по сравнению со своими соседями-турками. Гражданскую и военную власть турки прочно держали в своих руках, и попытки поднять мятеж ничего доброго не сулили армянам.

Я должен повторить, что эти армяне, жители городов, были в основном мирно настроенные и трудолюбивые люди, неумелые в обращении с оружием. Им, так же как городскому населению Западной Европы, чужда идея мести.

Оттоманское правительство не в состоянии скрыть свое преступление под видом предупредительных мер, ибо армяне были далеки от дурных умыслов... В самом деле, до настоящего времени зарегистрировано лишь два случая, когда программа депортации встретила активное противодействие. Это — успешное сопротивление в районе Антиохии, где армянские крестьяне поднялись в горы и, имея прикрытие со стороны моря, боролись там в течение семи недель, пока не были почти чудом спасены французским флотом... И еще— отчаянный героизм Шапин-Карахисара, города, расположенного далеко от Трапезунда, где 4 тысячи армян, в ответ на требование о высылке, взялись за оружие и держались против турецких войск с середины

мая до начала июля. Тогда турки перебросили подкрепление и артиллерию и с легкостью разгромили город. «Карахисар,— говорилось в письме, адресованном армянскому священнику,— был подвергнут бомбардировке, и все население окрестных районов, так же как и города, было безжалостно вырезано, не исключая самого епископа». Ничто другое не может лучше этого показать, как мало турецкое правительство боялось армян и как энергично оно ухватилось за быстрые меры для их уничтожения, как только появилась возможность для этого.

Таков был образ действий правительства по отношению к беззащитным, не подозреваемым ни в чем армянам в городах. Когда же дело дошло до менее послушных крестьянских общин, обосновавшихся в горах, оно отказалось от всякого притворства: не утаивая своих намерений и не ожидая, пока они сами подчинятся приказу о депортации, сразу же с обнаженным мечом напало на них.

Оно [правительство] так же обошлось с Зейтуном, армянской областью, которая в течение восьмисот лет жила и процветала фактически независимая среди гор, возвышающихся над Киликийской равниной.

Зейтунцы отличались от остальных армян— жителей Киликии тем, что они владели оружием, и, кажется, своевременно приготовились к приближающейся развязке. Но они сдали оружие после того, как им обещали, в случае повиновения, пощадить их беззащитных собратьев, обитающих в деревнях равнины. Турки, как только достигли цели, конечно, не сдержали своего обещания. Поставленные в такое невыгодное положение, мужественные горцы неминуемо должны были быть побеждены...[86]

Arnold J. Toynbee, Armenian Atrocities. The Murder of a Nation. New York—London, 1915, p. 69—72.

191. Д-р Лепсиус о депортации и резне армян в 1915 г.

Перевод с немецкого

Депортация армян имела место в трех различных районах и проходила три следующих друг за другом этапа. Тремя густонаселенными районами, где армяне

составляли значительную часть населения (от 10 до 40 процентов), являются:

1. Киликия и Северная Сирия
2. Восточная Анатолия
3. Западная Анатолия

Район в Киликии, где они жили, включает в себя вилайет Адана и наиболее возвышенные части вилайета Алеппо, расположенные на Тавре и Аманусе (санд жак Мараша). В Северной Сирии и Месопотамии они заселяли районы Алеппо, Антиохии, Суэдии, Кесаба, Александретты, Килиса, Айнтаба и Урфы.

Семью вилайетами Восточной Анатолии являются: 1. Трапезунд, 2. Эрзрум, 3. Себастия, 4. Харберд (Мамурет ул-Азиз), 5. Диарбекир, 6. Ван, 7. Битлис.

В Западной Анатолии следует упомянуть мутесаррифлик Измида и вилайеты Брусса, Кастамону, Ангора и Кония.

Депортация армянского населения Киликии начинается в конце марта и продолжается последовательно в течение апреля и мая месяцев. Депортация из восточных вилайетов (за исключением Ванского вилайета) начинается в конце мая и систематически продолжается до 1 июля.

Депортация из областей Западной Анатолии, начавшаяся в августе, продолжается в течение сентября.

В Северной Сирии и Месопотамии вначале меры были ограничены арестом влиятельных людей. Высылки начинаются в конце мая и продолжаются до октября месяца...

Депортация армянского населения из восточных вилайетов Анатолии осуществляется двумя этапами.

За три дня до ареста интеллигенции Константинополя, имевшего место в ночь на 25 апреля, власти приступили к аресту большого числа именитых граждан-армян во многих городах внутренних областей. Аресты систематически происходили в течение четырех недель— с 21 апреля до 19 мая. Так, начиная с 21 апреля, было арестовано и выслано именитых граждан: в Измиде— 100, Партизаке— 80, Бруссе— 40, Пандырме— 40, Балыкесире— 30, Адабазаре— 80. В последующие дни, в конце апреля— начале мая: в Марзване — 20 и 20 именитых граждан в Диарбекире. В первые недели мая было схвачено и выслано 600 влия-

тельных лиц из Эрзерума, из Себастии— 500, Кеги— 50, Шапин-Карахисара — 50 и Хнуса — 25.

Во второй половине мая настала очередь Диарбекира, где вначале было арестовано 500, а затем еще 300 человек и Кесарии (200 именитых граждан). То же самое случилось в Байберде и Йозгате. Было арестовано также несколько влиятельных людей в Мараше и Урфе...

Так как упомянутые выше города находятся в областях, обитаемых армянами, следует предположить, что речь шла *о всеобщей мере, имеющей целью лишить армянский народ своих вождей и ораторов с тем, чтобы высылки можно было производить без шума и сопротивления.* Хотели также помешать тому, чтобы вести о том, что происходит внутри страны, не стали раньше времени достоянием общественности и Европы. *С начала июня все армяне, занимавшие административные должности в государстве, были смещены со своих постов, а все врачи, с начала же войны верно исполнявшие свои обязанности в турецких военных госпиталях, были заключены в тюрьмы.*

Все эти аресты тысяч армян, уважаемых и образованных людей: депутатов, публицистов, писателей, поэтов. юристов, адвокатов, нотариусов, служащих, врачей, коммерсантов, банкиров и всех зажиточных и влиятельных элементов, были произведены без *какого-либо судебного разбирательства.* Ни разу ни в одном случае против них не выдвигалось обвинения в соучастии в каком-либо враждебном акте, направленном против государства, или в замышлении такового. Просто *они* [турки] *хотели обезглавить армянский народ, прежде чем приступить к раздроблению отдельных его частей.* Мы подробно остановимся еще в другом месте на происхождении этих мер и на мотивах, которыми руководствовались правительственные круги. Приказы, адресованные высшим должностным лицам, шли из Стамбула и, несмотря на сопротивление, оказанное отдельными государственными служащими, а в некоторых случаях даже самим турецким населением, они непреклонно и неумолимо выполнялись.

Второй этап мер, предшествующих всеобщей высылке, касается мужской части населения, которая была призвана в армию или уже служила там во время

этих событий. Находящиеся на военной службе армяне, по свидетельству военного министра храбро сражавшиеся не только в Дарданеллах, но и на Кавказском фронте против России, большей частью были обезоружены и использованы для нужд армии — как *грузчики или на восстановлении дорог.* Почти из всех провинций были получены вести о том, что не только армяне, находящиеся на принудительных работах, были уведены в уединенные места и убиты своими товарищами-мусульманами, *но и целые группы, состоящие из 80, 100 и более людей, расстреливались солдатами и военной жандармерией по команде своих офицеров.* Вероятно никогда, во всяком случае до окончания войны, не будет установлено, какие размеры приняло убийство призванных в армию армян.

Под предлогом несения воинской повинности оставшихся во многих городах и деревнях мужчин в возрасте от *16 до 70 лет, невзирая на то, что они заплатили налог за освобождение или были непригодны к службе в армии, увели колоннами в горы и расстреляли без какого-либо предварительного следствия,* которое, впрочем, ни время, ни обстоятельства не позволяли произвести...

Мы уже отметили, что нельзя признать вескими доводы, приводимые для обоснования высылки. За исключением района Вана, который избег депортации, т. к. он был занят русскими войсками, двух-трех мест, где армяне оказали сопротивление (Зейтун и Шапин-Карахисар), остальные так далеки от прифронтовой зоны, что высылку полутора миллионов жителей, рассыпанных по всем частям империи, тем более самых отдаленных от театра военных действий, ни в коей степени нельзя оправдать военными соображениями.

Единственным объяснением, которое не дает основания видеть в этом мероприятии правительства акт безумия, является то, что оно действовало согласно внутриполитическому плану и с хладнокровным расчетом и заранее обдуманным намерением поставило перед собой задачу уничтожить армянский этнический элемент...[37]

Dr. Johannes Lepsius, Bericht über die Lage des Armenischen Volkes in der Türkei. Potsdam. 1916. S. 3—4, 21—23.

192. Число армян, депортированных или убитых в 1915 г. (данные И. Лепсиуса)

Название вилайета	Число населения	Название округа	Григориане	Католики	Протестанты	Общее число	Были пощажены во время резни	Бежало	Депортировано или убито
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Киликия и Северная Сирия									
Адана	79600	Сис	9000		500	9500			9500
		Адана	35000	2000	900	37900			37900
		Хаджин	20000	1000	200	21200			21200
		Пайас	11000			11000			11000
Алеппо	163350	Алеппо	15000	5000	2000	22000			22000
		Мараш	30000	4000	3500	37500			37500
		Фурнуз	7000			7000			7000
		Зейтун	20000	500	550	21050			21050
		Айнтаб	30000	1000	4000	35000			35000
		Урфа	24000	1000	800	25800			25800
		Антиохия	12000	2000	1000	15000		4000	11000
	242950		213000	16500	13450	242950		4000	238950
2. Восточная Анатолия									
Трапезунд	53500	Трапезунд	30000	2000	700	32700			32700
		Самсун	20000	500	300	20800			20800
Эрзрум	203400	Эрзрум	75000	8000	2000	85000		25000	60000
		Ерзнка	25000		500	25500			25500
		Байберд	17000			17000			17000
		Хасанкале	10000	500		10500			10500
		Дерджан	15000			15000			15000

		Камах	10000		200	10200			10200
		Кортыджан	24000	1000		25000			25000
		Баязет	14000	1000	200	15200		15200	
Себастия	200000	Себастия	80000	5000	1000	86000			86000
		Токат	21000	2000	500	23500			23500
		Амасия	25000	500	3000	28500			28500
		Некополис	25000		200	25200			25200
		Дивриги	11000		300	11300			11300
		Гюрун	17000	500	1000	18500			18500
		Даренде	7000			7000			7000
Харберд (Мамурет-ул-Азиз)	131200	Харберд	45000	2000	4000	51000			51000
		Акн	10000		200	10200			10200
		Арабкир	18000	500	1000	19500			19500
		Чимишкацаг	9000			9000			9000
		Чарсанджак	18000	500		18500			18500
		Малатия	20000	2000	1000	23000			23000
Диарбекир	81700	Диарбекир	45000	1000	1000	47000			47000
		Балу	22000		300	22300			22300
		Аргана	6000	500	200	6700			6700
		Чынкуш	5000		700	5700			5700
Ван	192200	Ван	100000	500	200	100700		100700	
		Лим и Ктуц	11000			11000		11000	
		Башкале	10000			10000		10000	
		Ахтамар	70000		500	70500		70500	
Битлис	196000	Битлис	50000	500	1000	51500		8000	43500
		Муш	90000	3000	1000	94000			94000
		Сгерд	25000	500		25500			25500
		Хизан	25000			25000			25000
	1058000		1005000	31500	21500	1058000		240400	817600

3. Западная Анатолия								
Измид	71100	Никомедия	65000	500	600	66100		66100
		Армаш	5000			5000		5000
Бруса (Ходавендикяр)	91200	Бруса	35000	3000	500	38500		38500
		Биледжик	17000	1000		18000		18000
		Пандырма	15000	500		15500		15500
		Кютахия	18000	1000	200	19200		19200
Смирна (Айдын)	27200	Смирна	25000	2000	200	27200	27200	
Кастамону	14000	Кастамону	14000			14000		14000
Ангора	108500	Ангора	16000	7000	500	23500		23500
		Кесария	40000	2000	2000	44000		44000
		Йозгат	40000		1000	41000		41000
Конию	25000	Конию	25000			25000		25000
	337000		315000	17000	5000	337000	27200	309800
4. Европейская Турция								
Константинополь	161000	Константинополь	150000	10000	1000	161000	151000	10000
Адрианополь	33000	Адрианополь	8000			8000	4000	4000
		Родосто	25000			25000	9000	16000
	194000		183000	10000	1000	194000	164000	30000
5. Сирия, Палестина, Багдад								
Иерусалим	4200	Иерусалим	3000	200		3200	3200	
		Яффа	1000			1000	1000	
Сирию	2000	Дамаск	2000			2000	2000	
Бейрут	1300	Бейрут	1000	300		1300	1300	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Багдад	6000	Багдад	5000	1000		6000	6000		
	13500		12000	1500		13500	13500		
			Общий итог						
1. Киликия и Северная Сирия	242950		213000	16500	13450	242950		4000	238950
2. Восточная Анатолия	1058000		1005000	31500	21500	1058000		240400	817600
3. Западная Анатолия	337000		315000	17000	5000	337000	27200		309800
4. Константинополь и Адрианополь	194000		183000	10000	1000	194000	164000		30000
5. Сирия, Палестина, Багдад	13500		12000	1500		135000	13500		
	1845450		1728000	76500	40950	1845450	204700	244400	1396350

В число бежавших (предпоследняя графа) из Эрзрумского, Ванского и Битлисского вилайетов включены также убитые курдами и погибшие во время бегства. В числе депортированных или убитых (последняя графа) не указаны те, которые были исламизированы.

Dr. Johannes Lepsius, Bericht über die Lage des Armenischen Volkes in der Türkei. Potsdam, 1916. S. 298—308

193. Сообщение американского миссионера В. Джекса

Моя поездка из провинции в Константинополь совершилась при адских условиях; то, что я видел и слышал, никогда не забуду.

Я был свидетелем истребления целого народа, и то, что я пишу теперь, — это резюме, схематическое изображение происшедшего, и оно не может представить и тысячной доли всего виденного и пережитого мною.

Кроме моих путевых воспоминаний, при составлении данной статьи-сообщения я воспользовался сведениями, сообщенными мне одной женщиной, обращенной в мусульманство и привезенной в Константинополь, одной 10-летней девочкой, похищенной турецким офицером и отвезенной в Константинополь, одним мусульманином, приехавшим из Харпута, иностранцами-путешественниками, приехавшими из Эрзинджана.

Когда я выезжал в Константинополь, армянские избиения уже начались. Адский план выселения армян проводился систематически ужасными мерами. Прежде всего, всюду, в городах и деревнях, армянское население было разоружено жандармами при ужасающих зверствах и многочисленных убийствах, совершенных четами, которые составлялись из преступников, выпущенных из тюрем.

Там, где находили оружие, книги или что-нибудь, относящееся к партиям, производились повальные обыски, что терроризировало мирное население.

После этого началось принудительное выселение еще неарестованных мужчин и тех из арестованных, против которых не было улик; под предлогом выселения партиями отправляли их в разные стороны и всех до одного убивали. До отправки местные власти обыскали их, деньги и все ценное, что было при них, отобрали. Я видел караваны, в которых по 5—10 человек шли связанными между собой, в других местах—трупы, связанные между собой по 2 или по 5.

Когда я прибыл в Харпут, выселение мужчин уже закончилось, а остальное население — женщины, старики, дети, *как брошенная вещь, были предоставлены усмотрению мусульман.* Начиная от высшего чиновника кончая простым крестьянином, все могли любую женщину или девушку взять в жены и насильственно обратить в мусульманство. Маленьких детей раздавали всякому

желавшему; но в конце, когда больше не захотели их содержать, многих вывели на дорогу, чтобы они, голые и голодные, сделались жертвами зверских чет или чтобы погибли от голода.

В Харпуте я узнал, что в Диарбекирском вилайете, главным образом в Мертине, была резня, уцелевшие же подверглись ужасным насилиям. При выселении армянского населения из Эрзерумского, Битлисского, Сивазского и Трапезундского вилайетов правительство предоставляло известные льготы: десятидневный срок для выезда, разрешение на продажу имущества, некоторым семействам были предоставлены подводы, но которые были через 2—3 дня на дороге отобраны, а четы и мусульманские крестьяне их беспощадно истребили.

Раньше щадили женщин, девушек и детей. На этот раз они не избегли зверского отношения: первые сделались жертвами низменных страстей, вторые отдавались в мусульманские семьи в качестве пешкеша.

Очевидец рассказывал, что в Эрзерумском вилайете группа женщин, прибывшая на Харпутское поле, была оставлена там на произвол судьбы, где постепенно все они погибли (давая в день 50—60 жертв), и правительство послало только несколько человек для погребения трупов, чтобы здоровье мусульманских элементов не пострадало по вине гяуров.

Маленькая девочка из Зила мне сообщила, что когда выселяемые из Марзуана, Амасии, Токата отправились в путь, в так называемом Сар Хшлу (между Сивазом и Кесарией) дети были отобраны у матерей и заперты в отдельном помещении, а матерей заставили идти дальше. А затем в соседних деревнях было объявлено, что желающие могут получить любого из детей. А сама эта девочка с ее подругой Нвард из Амасии была привезена в Константинополь одним турецким офицером. Караваны женщин и детей в каждом городе и деревне выставлялись напоказ перед правительственными учреждениями, чтобы мусульмане совершили среди них выбор. После того как выселенные из Байбурта были вырезаны, остальные женщины и дети близ Эрзинджана были сброшены в Евфрат в том месте, которое носит название Кемах-Погази. Возмущенные этими зверствами, две сестры милосердия из эрзинджанского лазарета Красного Креста — норвежка м-ль Флора А. Ветель Ярсенберг, девушка из благородной семьи, и ее по-

друга-немка[38], оставив свою службу, приехали в Константинополь и лично сообщили в некоторых посольствах об этих ужасных делах.

Этим варварствам армяне подверглись везде, и теперь на всех дорогах путешественники встречают трупы армян; от Малатии до Сиваза, на всем пути в течение 9 часов *я встречал густые ряды трупов,* связанных между собой по 2, по 5 или по 10. Все мужчины из Малатии приведены сюда и убиты, а из женщин и детей—часть вырезана, часть обращена в мусульманство. В этих округах ни один армянский мужчина не может путешествовать—каждый мусульманин, каждый четник или жандарм считают своим долгом убить его. В последние дни на этой же дороге, за Алеппо, убиты депутаты турецкого парламента Зограб и Вардкес, которые были отправлены в Диарбекир, чтобы предстать перед тамошним военным судом. В этих вилайетах теперь можно путешествовать, только выдавая себя за мусульманина.

Во время своего путешествия я часто встречался с мужчинами, строившими дорогу, которые на мой вопрос, кто они, отвечали, что они — разоруженные солдаты-армяне и что им поручены строительные работы. По достоверным известиям, большая их часть вырезана. Так, солдаты-армяне из Эрзерумского вилайета, которые работали на дороге Эрзинджан—Эрзерум, вырезаны. Солдаты из Диарбекирского вилайета убиты на дорогах Диарбекир—Урфа, Диарбекир—Харпут. Из Харпута были отправлены сразу 1800 молодых людей в Диарбекир в качестве солдат, чтобы работать на дорогах, близ армии; все они вырезаны. Многие из мужчин, заключенных в тюрьмы, повешены. Так, повешены известные гнчакисты из Кесарии: Минас Минасян, Аджи Акоп Четемян, д-р Карапет вместе с другими товарищами.

В Сивазе, Харпуте, Эрзеруме и Адане в течение одного последнего месяца повешено несколько десятков армян.

Во многих местах армянский народ, чтобы спасти свою жизнь, выражал готовность перейти в ислам, но, как и во время прошлой небольшой резни, этот раз также такие обращения нелегко удовлетворялись.

В Сивазе всем пожелавшим перейти в магометанство было предложено отдать всех своих детей до 12 лет правительству и переселиться на жительство на места, которые укажет правительство.

Только при этом условии они были приняты в мусульманство.

В Харпутском вилайете переход в ислам мужчин не допускался, а женщинам при обращении в мусульманство ставилось на вид, что они должны быть готовы выйти замуж за мусульманина.

Много армянских женщин со своими грудными младенцами бросилось в Евфрат или покончило другим способом с собой. Евфрат и Тигр сделались могилой для многих тысяч армян.

Из черноморских прибрежных городов — Трапезунда, Самсуна — перешедшие в мусульманство удалялись во внутренние чисто мусульманские районы.

Карахисар за сопротивление при разоружении и выселении был уничтожен артиллерийским огнем, а население города и деревень вырезано, повешен епархиальный начальник.

Наконец, на пространстве, начиная от Самсуна, кончая Сигертом и Диарбекиром, большая часть народа вырезана, часть подверглась насилиям и лишь незначительная часть обращена в мусульманство. При виде этого всеобщего несчастья армяне грустно говорили, что времена Абдул-Гамида могут считаться наиболее счастливым периодом их истории.

Нужно предположить, что эта программа правительства преследовала цель — навсегда покончить с армянским вопросом, оставить 6 вилайетов без армян и рассеять армянство из Киликии... Даже один процент армянского населения 7-ми вилайетов, в которых должны были быть проведены реформы, не уцелел. До сих пор еще неизвестно, добрался ли хоть один армянин до Мосула или его окрестностей.

История не видела и не знает никогда подобного преступления. Вести из Киликии скудны и противоречивы, до моего приезда в Константинополь я ничего не знал о погромах или избиениях в этих округах, но мне говорили, что все население рассеялось или выселено в южную часть Алеппского вилайета, в сторону Дер-Зора, Дамаска. Правительство даже не пощадило маленьких колоний Алеппо и Урфы. Когда я прибыл в Константинополь, началось выселение из окрестностей столицы; большинство армян Смирнского и Брусского вилайетов, оставив все свое добро, вынуждено было переселиться в Месопотамию. Настоятель армянского монастыря с

братией и со всеми учениками, бросив монастырь с его богатствами и библиотекой, удалились.

Уезжая из Константинополя, я узнал, что очередь пришла за Константинополем, где уже в последние дни происходили обыски, в особенности среди провинциалов.

«Армянский Вестник», М., 1916, № 3, с. 7—10.

194. Из рассказа очевидца-араба Файез аль-Хосейна

(О резне армян в 1915 г.)

Перевод с французского

Я—бедуин, сын одного из вождей племени Сулут, населяющего Илиджу. Я учился в школе племени (Ашаир) в Константинополе, затем поступил в государственный колледж. После окончания учебы меня направили на работу к генерал-губернатору (вали) Дамаска. Спустя некоторое время я был произведен в каймакамы Мамурет ул-Азиза (Харберд) и находился на этой должности около трех с половиной лет. Затем я работал адвокатом в Дамаске. После того как началась мировая война, я был отозван правительством, чтобы снова занять должность каймакама, но я отказался оставить свою свободную профессию.

Один предатель донес на меня, что якобы я—посланник тайного общества, организованного в Ливане с целью освобождения арабов посредством восстания племен против турецкого правительства и провозглашения независимости под протекторатом Англии и Франции. На основании этого доноса я был арестован, брошен в тюрьму, а затем доставлен в Аалийа (Ливан) и предан военному суду. Меня оправдали, но правительство, решив удалить «молодых арабов», велело сослать меня в Эрзрум. Джемаль-паша приказал доставить меня туда под надзором одного офицера и пяти солдат. Когда мы достигли Диарбекира, Гасан-Кале был занят русскими, и вали Диарбекира распорядился, чтобы меня не отправляли дальше.

После 22-дневного пребывания в тюрьме этого города меня выпустили на свободу. Я прожил в Диарбекире шесть с половиной месяцев. Здесь я видел сам или узнал из достовернейших источников все то, что произошло с армянами. Меня информировали офицеры, вы-

сокопоставленные чиновники, знатные люди из Диарбекира, а также из Вана, Битлиса, Мамурет ул-Азиза, Алеппо и Эрзрума... Когда война кончится, читатели этой книги убедятся, что я писал правду и что это повествование излагает лишь незначительную часть злодеяний, совершенных против несчастного армянского народа...

После недолгого пребывания в Алеппо я был отправлен в Сер-Араб-Бонари, где к нам присоединили пять человек армян, которые должны были быть доставлены в Диарбекир. Оттуда мы пошли пешком по направлению к Серуджу, где остановились в караван-сарае, битком набитом армянскими женщинами и маленькими детьми. Эти несчастные были в плачевном состоянии, т. к. весь путь от Эрзрума до Серуджа они прошли пешком. Я заговорил с ними по-турецки, и некоторые из них рассказали мне, что жандармы вели их по пустынным местностям, оставляя без воды. Женщины, разрешившиеся от бремени, вынуждены были оставить новорожденных в необитаемой местности на произвол судьбы. Некоторым материнская любовь не позволяла расстаться со своими детьми, и они вместе погибали в пустыне...

Из Серуджа меня отправили дальше—в Урфу. В пути я увидел толпы людей, шедших пешком. Издали я принял их за воинские части, но когда мы приблизились, я увидел, что это армянские женщины, которые шли сомкнутыми рядами, босые и истощенные, а спереди и за ними шли жандармы. Если какая-нибудь из женщин, изнемогая, отставала, то жандармы били ее прикладом, заставляя догонять своих спутниц. Тех же, кто обессиливал от болезни, оставляли одних посреди дороги на растерзание диких зверей, или же жандармы их пристреливали...

По прибытии в Урфу мы узнали, что власти послали отряд жандармов и солдат в армянские кварталы, чтобы отнять у армян оружие и поступить с ними так же, как и с их собратьями в других местах. Но когда армяне узнали от проходящих через Урфу караванов женщин и детей о судьбе своих собратьев, они отказались сдать оружие, оказали вооруженное сопротивление и убили

одного жандарма и трех солдат. Тогда власти попросили выслать воинские части из Алеппо, и по приказу Джемаль-паши, палача Сирии, карать мятежных прибыл Фахри-паша. Артиллерийским огнем он превратил армянские кварталы в развалины, перебил мужчин, детей и женщин, кроме тех, которые сдались солдатам и были сосланы в Дейр Зор.

Покинув Урфу, мы встретили группы женщин в лохмотьях, умирающих от голода и истощения, видели много трупов, лежащих по краям дороги.

Мы сделали остановку в местечке близ деревни Кара-Джурн, в шести часах от Урфы. Я отошел немного в сторону по направлению к роднику и здесь перед моими глазами открылась ужасная, возмутительная картина: на земле лежала полураздетая женщина, связанная пропитанной кровью рубахой, с четырьмя пулями в груди. Я был до того потрясен этой картиной, что начал рыдать. Когда я стал доставать из кармана платок, чтобы вытереть слезы, и повернулся, чтобы убедиться, не заметил ли этого кто-либо из моих спутников, я увидел приблизительно восьмилетнего мальчика с черепом, рассеченным топором. Эта картина еще более усилила боль... Мы продолжали свой путь в Кара-Джурн. Наш кучер, турок по национальности, указал на груду камней, вдали около одного холма, и объяснил, что в этом месте были убиты Зограб и Вардкес, два знаменитых армянских депутата.

Зограб был армянским депутатом Константинополя в Оттоманском парламенте. Его заслуги, красноречие и либеральные взгляды не могли понравиться младотуркам, не имеющим никакого понятия об истинной политике и конституционных принципах. Поэтому они и постарались разделаться с ним, чтобы вернуться к опустошительным методам своих предков.

Что касается Вардкеса, один курд говорил мне, что он был смелым и мужественным человеком. Еще во времена правления султана Абдул-Гамида он стоял во главе армянских повстанцев и был ранен взрывом снаряда; его посадили в тюрьму, где ему давали лживые обещания с тем, чтобы он раскаялся. «Я не продам своей совести ни за какие должности,— ответил он.— Я никогда не скажу, что правительство Абдул-Гамида — это справедливое правительство, ибо я собственными глазами вижу и постоянно ощущаю его несправедливость!».

Младотурки не могли терпеть таких людей. Потому они и выслали Зограба и Вардкеса из Константинополя вместе с многочисленными представителями [армянской] интеллигенции, дав приказание уничтожить всех их в пути. Потом был пущен слух будто они убиты разбойниками.

Вечером мы приехали в Кара-Джурн и там переночевали. С восходом солнца мы отправились в Северек. По пути нам предстала ужасная картина. По обеим сторонам дороги лежало большое количество трупов. Тут лежала женщина, длинные волосы которой покрывали половину тела, там лежала другая лицом к земле. Трупы мужчин, иссохшие под солнцем, были черны, как уголь. Чем ближе мы приближались к Северекy, тем больше становилось количество трупов, в особенности детей...

Мы переночевали в Северекe и на следующее утро отправились дальше. До прибытия в Диарбекир по дороге мы встретили караван армянских женщин, которых под конвоем жандармов гнали в Северек. У них был такой отчаявшийся и жалкий вид, что зрелище это тронуло бы камни и вызвало бы сострадание даже у диких зверей. За что их обрекли на такую участь? Какое преступление совершили эти женщины? Разве они вели войну против турок или убили хоть одного из них? В чем же заключалось преступление этих беззащитных существ? Единственной виной их было то, что они армянки, которые знали лишь свое дело и хозяйство, воспитывали своих детей, и никогда не интересовались ничем, кроме создания домашнего уюта для мужей и сыновей и исполнения своего долга... Вечером мы достигли постоялого двора, расположенного на расстоянии нескольких часов от Диарбекира. Здесь мы провели ночь, а утром вновь отправились в путь. Всюду трупы: тут—мужчина с простреленной грудью, там—женщина с растерзанным телом; рядом—ребенок, заснувший вечным сном; чуть дальше—молодая девушка, прикрывшая руками свою наготу. Так продолжался наш путь, пока мы доехали до небольшого канала Кара Пунар близ Диарбекира. Здесь мы столкнулись с другим методом убийства и зверств.

Мы увидели трупы, сгоревшие дотла. Одному лишь всевидящему господу известно, сколько молодых людей и красивых девушек, которые могли бы соединить свои жизни, были заживо сожжены на этом месте. Мы не

предполагали, что найдем трупы даже у стен Диарбекира. Однако вся дорога до самых городских ворот была покрыта ими. Как я узнал позже у европейцев, только после того, как европейские газеты заговорили об этом, правительство издало распоряжение захоронить трупы убитых.

По прибытии в Диарбекир меня передали местным властям и посадили в тюрьму, где я пробыл 22 дня. В тюрьме я узнал от одного заключенного вместе со мной мусульманина из Диарбекира все подробности о резне армян в городе.

Я спросил, убивали ли армяне в Диарбекире правительственного чиновника или хотя бы какого-либо турка или курда? Он ответил, что армяне никого не убивали, но что после прибытия нового вали Рашид-бея и начальника [жандармерии] Рушди-бея было найдено много запрещенного оружия в домах и в церкви. Это послужило поводом к тому, чтобы власти арестовали и бросили в тюрьму знатных армян города. Духовные главари, заступившиеся за них, также были арестованы и заключены в тюрьму. Число арестованных достигло 700 человек. Однажды к ним явился начальник и заявил, что согласно императорскому указу они должны быть высланы в Мосул, где останутся до окончания войны. Они обрадовались и стали готовиться к путешествию. Их погрузили в т. н. «келеки» — плоты на бурдюках, наполненных воздухом, которыми пользуются жители для переправы через Тигр и Евфрат. Однако вскоре стало известно, что все они были утоплены в Тигре и ни один из них не добрался до Мосула. Власти продолжали применять этот способ, топя целые семьи: мужчин, женщин и детей. Из армян, высланных из Диарбекира, такой смертью погибли семьи Казазяна, Торпагяна, Минасяна, Кешишяна и др. Среди первых 700 заключенных находился один армянский прелат—почтенный, образованный старец 80-ти лет, которого турки вместе с другими утопили в волнах Тигра...

Отправление армян на смерть было возмутительной, ужасной жестокостью. Один военный в Диарбекире рассказал мне, как это обычно делалось: как только получали приказ об истреблении армянской семьи, к ним домой являлся чиновник, подсчитывал членов семьи и передавал их жандармскому офицеру. Этот последний

оставлял несколько своих солдат охранять дом до 8 часов вечера. Несчастных людей предупреждали, что они должны готовиться к смерти. Женщины кричали от страха, мужчины были охвачены мрачным унынием, дети плакали, видя состояние своих родителей или же весело играли, не подозревая о том, что их ждет через несколько часов. После 8-ми часов подавали подводу, которая доставляла жертвы в отдаленное место, где их пристреливали, часто же убивали ударами топора.

После уничтожения армян, все: утварь, белье, вещи и инструменты всякого рода, как и все содержимое магазинов, лавок собиралось и доставлялось в церкви или иные большие помещения. Правительство создало специальные комитеты, которые сбывали товары по самым ничтожным ценам, как обычно бывает после смерти владельца с той лишь разницей, что выручка доставалась не наследникам, а поступала в турецкую казну. Ковры стоимостью в 30 фунтов продавались за 4—5 фунтов. Произведения искусства отдавались за бесценок. Что касается денег и драгоценностей, то они собирались у начальника жандармерии Рушди-бея и губернатора Рашид-бея. Последний отвез все это в Константинополь, чтобы вручить лично Талаат-бею...

Кто сможет описать чувства, сжимающие сердце очевидца, когда он думает об этой несчастной и героической нации, которая удивила мир своей храбростью и отвагой, которая еще вчера была самой живучей и передовой из всех народов, населяющих Оттоманскую империю, а ныне стала воспоминанием прошлого? Ее школы, когда-то наполненные учениками, сейчас пустуют; самые драгоценные книги используются лавочниками для того, чтобы завертывать сыр; тридцать томов литературы на французском языке было продано за каких-нибудь пятьдесят пиастров...

Методы истребления армян были различны.

Один офицер рассказывал мне, что в Битлисе власти заключали армян в большие, наполненные соломой саманники, двери укрывали соломой и поджигали, так что бедные задыхались в дыму и погибали от удушья. Часто таким способом уничтожали сразу несколько сот человек. Я был потрясен, когда он мне рассказал, что видел одну молодую девушку, которая не выпускала из объятий своего жениха и бесстрашно пошла на смерть вместе с ним, войдя в охваченный огнем саманник.

В Муше армян также умерщвляли в гумнах с соломой. Большинство, однако, погибло от пуль, ножей и кинжалов. Власти нанимали мясников, которые за ремесло убийцы получали 1 фунт в день...

Жандармы применяли и другой метод. Они связывали женщин и детей друг с другом и бросали с большой высоты вниз. Это место, как указали мне, находится между Диарбекиром и Мардином, и сегодня человеческие кости образуют там небольшой холм.

В Диарбекире власти умерщвляли армян то огнем, то мечом. Часто их группами бросали в колодцы или в ямы и закапывали. Много армян было утоплено также в Тигре и Евфрате. Более 2000 армян было перебито за стенами Диарбекира в получасовом расстоянии от города, между дворцом султана Мурада и Тигром...

Один молодой турецкий учитель школы в Диарбекире рассказал мне:

«Власти Бруссы сообщили тамошним армянам, что правительство решило отправить всех в Мосул и Дейр Зор и что отправка состоится через три дня. Они продали все, что могли из своего имущества, наняли подводы и грузовые лафеты для транспортировки семей и багажа и в указанный срок отправились в путь. Когда они отъехали далеко от населенной местности, то кучера, по данному им приказанию отпрягли лошадей и бросили несчастных высланных в пустыне. Ночью они вернулись и ограбили их. Многие из них умерли от голода и страха. Другие были вырезаны в пути, и лишь небольшое число из этих людей достигло Дейр Зора».

Шевкет-бей, один из государственных служащих, которому было поручено дело истребления армян, рассказал мне при свидетелях следующее:

«Я сопровождал колонну высланных армян. Когда мы были за пределами Диарбекира и начали расстреливать их, передо мной предстал один курд. Покрыв мои руки поцелуями, он стал умолять, чтобы я отдал ему одну примеченную им десятилетнюю девочку. Я остановил стрельбу и велел одному из жандармов привести ее. Я велел ей сесть и сказал: «Мы передадим тебя этому человеку, и твоя жизнь будет спасена». Через мгновенье я увидел, как она бросилась в сторону обреченных на смерть. Я опять велел прекратить огонь и привести девочку. «Я ведь тебя жалею,—сказал я,—и хочу спасти тебе жизнь. Почему ты смешалась с ними? Иди с этим

человеком, он будет относиться к тебе как к своей дочери». Она ответила: «Я дочь армянина; мои родители и близкие находятся среди тех, которых скоро убьют. Я не желаю иметь других родителей и не хочу пережить своих даже на один час. Она начала рыдать. Я долго пытался уговорить ее пойти с курдом, но она и слышать не хотела об этом, и я отпустил ее. Я увидел, как она, очень довольная, подбежала к отцу и матери и была вместе с ними расстреляна». После этого рассказа он заключил: «Если их дети ведут себя таким образом, что же сказать о мужчинах!».

Турки мобилизовали всех военнообязанных армян и распределили их в различные полки. Когда правительство вынесло решение о высылке и истреблении армян, было приказано сформировать отдельные армянские батальоны и направить их на строительство дорог и на внутригородские работы. Эти батальоны были использованы на тяжелых работах 8 месяцев. Когда начались сильные дожди и снегопады и уже нельзя было найти им дальнейшего применения, по приказанию правительства эти батальоны из Эрзрума, Трапезунда и других отдаленных мест были направлены в Диарбекир. Еще до их прибытия городские власти были поставлены в известность об этом. Они послали им навстречу хорошо вооруженных жандармов, которые встретили их ружейным огнем. Последняя колонна, состоявшая из 840 молодых людей, нашла таким образом свой конец у стен Диарбекира...

Некий араб из племени Укаидат рассказывал мне, что на берегу Евфрата близ Дейр Зора он видел, как чернь срывала платье с армянских женщин, оставляя их совершенно голыми. Он потребовал у них отчета об их действиях и велел вернуть одежду Но они не послушались. Женщины молили о пощаде и, убедившись в тщетности своей мольбы, предпочли смерть позору и бросились в реку. Этот же самый араб рассказал, что одна женщина с ребенком на руках просила хлеба у прохожих, но никто не осмеливался дать ей милостыню из-за страха перед властями. Когда она через два дня почувствовала приближение голодной смерти, то оставила ребенка на базарной площади города, а сама бросилась в Евфрат. Женщины проявляли такое мужество и величие характера, каким не наделены многие мужчины.

Турецкое правительство понимало, что европейские

державы не преминут узнать об истреблении армян и что новость эта распространится во всем мире, настроив общественное мнение против турок. Поэтому, после убийства большого числа армян, правительство приказало своим агентам переодеть их в курдов, надеть на головы трупов тюрбаны, после чего пришли курдские женщины и, окружив трупы, стали плакать и кричать, что армяне убили их мужей. Вся эта сцена была сфотографирована с расчетом, чтобы позже «доказать», что именно армяне напали на курдов и убили их и что курдские племена поднялись, чтобы отомстить, что правительство не принимало никакого участия во всем этом деле. Но сообразительные люди разгадали эту игру, и об этом скоро стало известно в Диарбекире...

Когда власти Диарбекира отдали приказ об уничтожении армян, каймакамом Эль-Бешира был один араб из Багдада, каймакамом Илиджи—албанец. Получив приказ, они тотчас телеграфировали вали, что их совесть не позволяет им действовать подобным образом, и потому они подают в отставку. Их отставка была принята, но оба они были тайно умерщвлены. Я тщательно расследовал этот факт и установил, что имя убитого араба из Багдада Сабет-бей Эль Суэйди. Имени албанца мне не удалось установить, о чем я очень сожалею. Оба они своим благородным поступком заслужили добрую память.

Во время моего заключения некий турецкий комиссар полиции часто посещал одного из своих друзей, который сидел в камере вместе со мной. Однажды я присутствовал при разговоре об армянах, об их ужасной судьбе; комиссар стал описывать методы, которыми он пользовался при убийстве несчастных. Некоторые армяне нашли убежище в пещере за городом. Он обнаружил их, заставил выйти и двоих убил собственными руками. Услышав это, его друг воскликнул: «А бога ты не боишься? Кто тебе дал право убивать вопреки заветам господа?». Он ответил: «Таков приказ султана. Приказ султана есть приказ господа бога, и его выполнение является долгом».

В конце августа 1915 года меня посетил в тюрьме один из моих коллег, близкий друг чиновника, которому было поручено руководить резней армян. В ходе разговора я от него узнал, что к этому времени в Диарбекире и других вилайетах было убито 570 000 армян.

Если мы к этому прибавим 50 000 человек, убитых в

последующие месяцы, 230 000 убитых в вилайетах Ван, Битлис и Муш, и 350 000 армян, которые были вырезаны в Эрзруме, Харберде, Себастии, Трапезунде, Адане, Бруссе, Урфе, Зейтуне и Айнтабе, то получим цифру, равную 1 200 000—убитых или умерших от голода, жажды и болезней.

Если спросить у турецкого правительства о мотивах истребления армян—мужчин, женщин и детей, осквернения их чести, захвата и разграбления их имущества, оно ответит, что армяне в Ване перебили мусульман, что они держали запрещенное оружие и бомбы, что были найдены такие символы армянской государственности, как знамена и др. Все это, мол, служит доказательством того, что армяне не отказались от своих интриг и ждут удобного случая, чтобы разжечь смуты и убивать мусульман, опираясь на помощь России, врага Турции.

Таковы ссылки турецкого правительства.

Я изучил этот вопрос на основе самых авторитетных источников. Я осведомлялся у жителей и чиновников Вана, посещавших Диарбекир, убивали ли армяне мусульман в Ване или в пределах вилайета. Все отрицали это и говорили, что правительство приказало жителям покинуть город задолго до того, как русские вошли туда или был убит хоть один человек. Власти также потребовали, чтобы армяне сдали оружие, но последние отказались, боясь нападения курдов и самих же властей. Они также отказались выдать наиболее видных людей в качестве заложников.

Все это произошло во время вступления русских в Ван. В других местах власти собрали и угнали армян в глубь страны, где их уничтожали, несмотря на то, что ни один служащий турок или курд не был убит ими. Что же касается событий в Диарбекире, читатель этой брошюры уже знает об этом. Там не было ни одного инцидента, ни одного убийства или нарушения спокойствия, которое могло бы турецкому правительству послужить поводом для зверств против армян...

Публикуя эту брошюру, я прежде всего преследовал цель опровергнуть все обвинения, которые будут выдвинуты против ислама, и доказать, что ответственность за

совершенные против армян жестокости ложится на членов комитета «Единение и прогресс», которые держат власть в своих руках и которые руководствовались не чем иным, как расовым фанатизмом и завистью к армянам. Мусульманская религия отвергает их!

В заключение я обращаюсь к европейским державам и заявляю им, что это они вдохновляли турецкое правительство на преступления, ибо, зная о дурной турецкой администрации и преступлениях, совершенных турками неоднократно, эти державы не помешали им и дальше продолжать наносить вред людям[39].

Falez el Ghoedin. Témoignage d'un Arabe musulman sur l'Innocence et le massacre des Arméniens. Trad. de l'arabe par A. El-G. [Bombay], 1917, p. 8–4, 20–22, 39–44.

195. Отрывки из воспоминаний младотурецкого деятеля Мевлан-заде Рифата[40]

Перевод с турецкого

Резня и выселение армян явились величайшим варварством и тяжелым политическим преступлением.

Партия «Иттихад ве тераки» созвала в центре тайное совещание, на котором было решено истребить всех армян без различия пола и возраста, не оставив в живых ни одного человека. Исполнение этого решения было поручено специальной группе, состоявшей из преступников и бандитов, а руководство ими—«действующей тройке», куда вошли доктор Назым, доктор Бехаэтдин Шакир и министр просвещения Шюкри.

Поверхностное описание не может дать представления об этом страшном злодеянии.

Если мне удастся хоть приблизительно описать это преступное историческое совещание, осветить выдвинутые действующими лицами предложения и споры, раскрыть диктовавшие их политические и общественные соображения и их «научные» способности, то тем самым я, несомненно, окажу услугу истории, выявив причины и истинных виновников этого злодеяния.

События, происшедшие в действительности, записаны мною на основании сообщений компетентных и сведущих лиц и соответствующей литературы. Чтобы лучше ознакомить с теми, кто ответствен за армянские события,

с организаторами и виновниками кровавой резни армян, считаю целесообразным в точности воспроизвести вышеуказанное совещание.

Тайное совещание под председательством Талаата предоставило первое слово доктору Назыму. Доктор Назым дребезжащим голосом стал излагать свой взгляд на вопрос...

Доктор Назым. Надо действовать быстро и решительно. Армяне опасны, как гнойный нарыв: вначале эта ядовитая рана кажется безопасной, но если она не будет вовремя оперирована опытным хирургом, то непременно приведет к смерти. Необходимо действовать и действовать быстро. Если довольствоваться частичной резней, как было в 1909 году в Адане и других районах, то это вместо пользы принесет вред, так как мы рискуем пробудить элементы, которых также собираемся смести с дороги—арабов и курдов; опасность увеличится втрое и затруднится осуществление нашего намерения. Я несколько раз говорил вам на этом собрании и сейчас повторяю: если чистка не будет всеобщей и окончательной, то вред вместо пользы неизбежен. Армянский народ надо уничтожить в корне, чтобы ни одного армянина не осталось на нашей земле и забылось само это имя. Сейчас идет война, такого удобного случая больше не будет. Вмешательство великих держав и шумные протесты мировой прессы останутся незамеченными, а если они узнают, то будут поставлены перед совершившимся фактом, и тем самым вопрос будет исчерпан. На этот раз наши действия должны принять характер тотального истребления армян; необходимо уничтожить всех до единого.

Возможно, что некоторые из вас сочтут это зверством, скажут: какой вред могут причинить старики, дети и немощные, чтобы нужно было их уничтожать? Пусть будет наказан лишь тот, кто виноват; нападать же на сидящих дома женщин, стариков и грудных детей является варварством и дикостью и противоречит законам цивилизации и человеколюбия. Дескать, доктор Назым преувеличивает и рассуждает неразумно.

Прошу вас, господа, не будьте такими мягкосердеч-

ными и милосердными, это опасная болезнь. Сейчас идет война. Я спрашиваю вас, разве война не варварство? Чем виноват земледелец, ушедший из родной деревни и убитый на фронте, или торговец, оставивший свою лавку с тем, чтобы погибнуть от взрыва снаряда? Какое преступление совершили они, что гибнут такой ужасной смертью? Жестокость—закон природы, принять или отклонить его можно только в рассуждениях. Разве живые существа, даже растения, не живут, поедая и уничтожая друг друга? Может быть вы скажете: «Запретите им это, ведь это варварство!».

Гасан Фехми. Да, сударь, я также знаком с этой теорией пожирания слабого сильным, известной в биологии.

Доктор Назым (продолжая) Подумаем как следует: зачем мы совершили революцию, какую цель преследовали? Я не хочу думать, что целью нашей было убрать людей султана Гамида и занять их места. Я стал вашим товарищем, соратником и братом для того, чтобы возродить туркизм. Я хочу, чтобы на этой земле турок и только турок жил и безраздельно господствовал. Пусть исчезнут все нетурецкие элементы, к какой бы национальности и религии они не принадлежали. Нашу страну надо очистить от нетурецких элементов. Религия для меня не имеет значения и смысла. Моя религия—туран.

Доктор Бехаэтдин Шакир (произносит слова раздельно и с ударением). Если такой бедняга, как Моисей, такой изгнанник, как Иисус, и такой сирота, как Магомет, смогли создать на земле отдельные величайшие религии, почему же мы, люди сильной воли и ума, не можем создать и распространить религию и идею турана.

Гасан Фехми. Да простит бог за эти слова (боязливо оглядывается по сторонам). Как бы черти не набросились на нас.

Кара Кемаль (заметив его испуг, говорит с насмешкой). Ходжа-эфенди, что вы бормочете, молитесь? Помолитесь над моей головой, чтобы прошла головная боль.

Доктор Назым (продолжая). Горе нам, если эта чистка не будет окончательной, если мы не уничтожим их полностью: тогда завтра мы не сможем занять наши места: они возьмут нас за руки и вышвырнут отсюда и, не довольствуясь этим, убьют нас всех. Революция не знает жалости. Она преследует свою цель и разрушает все препятствия на своем пути.

Доктор Бехаэтдин Шакир. Мы, революционеры, по-

строив во имя турецкой нации Османское государство на принципах национализма, установили настоящую власть Иттихада. В своей национальной культуре мы можем допустить лишь процветание турецкого семени. Мы обязаны очистить нашу родину от оставшихся неродственных народов, искоренить их, как сорные травы. Это—цель и девиз нашей революции. Именно поэтому власти Иттихада мы дали название «правительства новой Турции», низведя к нулю название «османец». В самом деле, какую ценность оно могло иметь? Что может прибавиться в культуре государства, основанного на имени Османа? Представители различных национальностей под единым именем османца создали удивительную смесь, которую, если подойти к этому строго научно, даже нельзя назвать государством. В лучшем случае можно сказать, что это вотчина, оставленная Османом в наследство своим сыновьям. Состоящая из разных элементов, османская смесь не имеет своего национального лица, она похожа на скопление различных домашних животных в одном хозяйстве. Армяне, греки, болгары, босняки, помаки, сербы, албанцы, курды, черкесы, арабы, грузины, лазы—все эти элементы как будто составляли единое целое под названием османца. Надо отказаться от таких понятий. Как в усадьбе гусь, утка, курица, овца, корова, бык и теленок живут рядом, не видоизменяясь, точно так же эти народности остались на нашей земле, не меняя своей национальности и языка. При благоприятных обстоятельствах они даже притесняли турок и отделялись, захватывая у них земли, как это сделали, например, румыны, сербы, болгары и совсем недавно албанцы.

Кара Кемаль. Пусть пропадут!..

Гасан Фехми. С вашего высокого соизволения и с помощью божьей, я также, подобно моим товарищам докторам, хотел бы сказать несколько слов, но не с точки зрения западной науки, а опираясь на восточную науку и на святой закон—Шариат, согласно которому все вредное должно погибнуть. С точностью доказано, что армяне приносят вред. Раз они восстали против нашей партии «Иттихад ве тераки», вынудили к постыдному бегству зятя героя свободы Энвер-паши, то следует без колебаний истребить всех их до единого. Даже я готов дать желанное решение—фетву. Не думайте, что перед вами невежда. Во мне говорит признательность; благо-

даря свободе, я сделался ктитором, являюсь духовным наставником 50 тысяч учащихся медресе. Я делаю заключение: так как вред всеобщий, то во избежание его позволительно совершить частичный вред. Согласно юридическому принципу, не принимаются во внимание старики, дети или женщины, инвалиды или немощные — всех убивают и истребляют. Мне пришла в голову мысль о легком способе уничтожения. С вашего разрешения я сейчас представлю ее. Сейчас мы воюем; всех армян, способных носить оружие, пошлем на передовую линию огня сражаться против русских, а сзади откроем огонь специально посланными для этого силами и всех истребим. Оставшихся дома немощных, женщин и детей, согласно приказам, мигом уберут наши правоверные, они разграбят их имущество и заберут девушек. Это мое соображение кажется приемлемым.

Кара Кемаль. Молодец, ходжа-эфенди. Вот достойный нас духовный отец.

Энвер (серьезно). Разработка способов уничтожения является делом специального органа.

Джавид. Сделаем заключение. Объяснения доктора Назыма, Бехаэтдина Шакира и даже ходжи Гасана Фехми достаточно осветили вопрос... Уничтожение армян всех до единого насколько необходимо для нашей национальной политики, настолько же важно для создания экономического господства турок. Перейдем к голосованию.

По предложению Талаата голоса были собраны и подсчитаны. Результаты показали, что все присутствующие единогласно голосовали за полное уничтожение всех армян, не исключая ни одного человека.

Mevlan Zade Rifat, Türkiye inkilabmin ic yüzü. Halep, 1929, S. 89–93 (арабск. алф.)

196. Министр иностранных дел России послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу

Телеграмма № 300 *17 января 1916 г.*

Считаю с точки зрения наших общих политических интересов важным, чтобы союзники взяли на себя почин оказания материальной помощи турецким армянам, выселенным Портой в район дороги Алеппо—Мосул и далее к Багдаду. Благоволите осведомиться у правитель-

ства, при коем вы аккредитованы, не согласится ли оно участвовать в отпуске в равных долях единовременного пособия армянам в размере 1 миллиона франков. Сумма эта могла бы быть переведена американскому послу в Константинополе для предоставления в распоряжение армянского патриарха и сисского католикоса или, если этот способ окажется неудобным, для распределения между армянами через американских агентов. Разумеется, источник предполагаемого пожертвования должен оставаться в тайне, в целях ограждения армян от новых насилий турок.

Сазонов

АВПР, Политархив, д. 3493, л. 14.

197. Посол в Париже министру иностранных дел Сазонову

Телеграмма № 83 *26 января (8 февраля) 1916 г.*
Копия в Лондон

Телеграмма за № 300 получена.

Бриан сообщил мне, что французское правительство в принципе изъявило согласие принять на себя одну треть одновременного пособия в один миллион франков на помощь армянам под условием, что английское правительство также на это согласится. Французское правительство полагает, что раздачу пособий предпочтительно поручить американскому послу в Турции, доверительно поставив в известность ко времени раздачи оных представителей армянского населения в России, Франции и Англии о том, от кого исходит это пособие.

Извольский

АВПР, Политархив, д. 3493, л. 15.

198. Посол в Лондоне министру иностранных дел Сазонову

Телеграмма № 96 *22 февраля (6 марта) 1916 г.*

Ваша телеграмма № 300 получена.

Английское правительство сожалеет, что, ввиду многочисленных срочных обращений к английскому казначейству для оказания помощи подданным Англии и со-

южных держав, оно лишено возможности распространить эту помощь и на турецких армян. Оно считало бы поэтому наиболее целесообразным для оказания материальной помощи армянам обращение к частным жертвователям через посредство благотворительных фондов, существующих на этот предмет.

Бенкендорф

АВПР, Политархив, д. 8498, л. 28.

199. Из доклада начальнику 2-й кавказской стрелковой дивизии

Муш, 14 февраля 1916 г.

Из опроса местных жителей как мусульман, так и уцелевших армян удалось выяснить пока вкратце положение Битлисского вилайета в период с начала войны до настоящих дней, причем мною излагаются *только те факты, которые сходятся в показании и турок и армян*, опрошенных в разное время и не сносившихся между собой...

Мобилизация была встречена населением с большим неудовольствием и хотя еще не было известно, что война будет с Россией, но все на это указывало, и народ выражал опасение за исход этой войны.

Местными армянами была послана в Константинополь к патриарху телеграмма, в которой излагалась просьба указать, как быть христианам в случае войны с Россией, на что был получен ответ от патриарха, что подданные султана без различия вероисповедания должны подчиниться воле своего монарха, после чего армяне пошли в ряды турецкой армии, хотя были без всякой военной подготовки... Когда в Эрзеруме производили смотр войскам, германские офицеры от армян отобрали оружие. После этого армян начали назначать в рабочие, обозные и другие вспомогательные ряды войск и одновременно началось массовое дезертирство армян из войск.

Армяне отбывали повинность, и неся службу и платя натурой военный налог, причем в строй брались все без исключения от 20-ти до 45-летнего возраста, а налог вносился ими в размере 1/3 всего имевшегося у них запаса продовольствия, причем эта 1/3 бралась несколько раз

в течение самого короткого промежутка времени; кончалось тем, что поселение обиралось буквально до последнего. Через месяц после обложения военным налогом христиан этим же налогом было обложено и остальное нехристианское население страны. Взятие Вана подало сигнал к началу резни, причем по Турции пошли слухи о том, что Ван взят армянами, что русские и турецкие армяне дерутся в рядах русских войск и поэтому христиан следует уничтожать. Слухи эти шли неизвестно откуда, но думаю, что их распространяло одно лишь правительство. Представитель партии «Единение и прогресс» в Муше Решид-бек, впоследствии начальник военной тайной разведки, явился деятельным организатором начавшейся резни, и когда к нему присоединились Азо Мисто-бек, Мемед Кадым-бек и прибывший из Вана специально для этой цели Кязым-бек, командир жандармского ванского табора, весь вилайет был разделен на районы, и в каждом хозяйничал один из вышеназванных представителей власти, объединенные под общим руководством мушского мутесаррифа Сарват-бека. Обыкновенно делалось так: вырывалась большая яма, к ее краям сгонялись женщины с детьми, и матерей заставляли сталкивать в эту яму детей, после этого яма засыпалась немного землей, далее на глазах связанных мужчин-армян насиловались женщины и убивались, после всего этого убивались наконец мужчины, трупы заполняли яму почти доверху. Часть христиан сгонялась к реке и сбрасывалась с мостов в воду, причем выплывавшие ловились и сбрасывались вторично. В Евфрате и ближайшей к Мушу реке сейчас будет не менее 25 000 трупов армян (показание армян).

Против этого зверства запротестовало местное мусульманское духовенство, причем имам города Шейх Авис Кадыр обратился лично к мутесаррифу Сарват-беку, прося последнего уважать закон Магомета, разрешающего убивать только лиц мужского пола, способного носить оружие и сопротивляться, т. е. в возрасте от 15—60 лет, на что в ответ получил угрозу быть арестованным и был обруган площадной бранью. После этого между городским духовенством и светскими властями началась вражда, и духовенство отступилось от общественной жизни. В то же время духовенство начало укрывать у себя армян, подвергаясь штрафам и оскорблениям от губернатора и полиции. Среди оказавших покровитель-

ство были следующие лица: 1) имам города Муша Шейх Авис Кадыр, 2) Шейх Абдул Гамид, 3) богачи и знатные лица Джафар-ага с братом Надыр Ханом, Сиджар-ага Мулла-оглы с Гаджи Мамед-агой и родными Бсуф-агой и Кярим-агой, Али-ага Байрамдар-заде и 4) Шейх Таги-оглы, курд племени бадчи из Сасуна, где он жил с армянами-повстанцами и работал с ними и за них в благодарность за помощь, когда-то ему оказанную армянами. Все перечисленные выше лица остались в городе до настоящего времени, кроме имама Шейх-Кадыра. Из числа армянских семейств некоторые были пощажены, но в каждую такую семью поселялся один турок, являвшийся полным хозяином и господином и людей и имущества.

Все изложенное выше и касающееся резни относится к летнему периоду 1915 года, когда резня достигла особой интенсивности в связи с телеграммой, присланной из Константинополя шифром, куда она была продиктована из Берлина; в этом показании особенно сходятся и турки и армяне. Эта телеграмма сняла последние штрихи образа человеческого с правительства падишаха, и в Армении воскресли времена султана Абдул-Гамида. Резня то затихала, то вспыхивала вновь и не угасала до последних дней пребывания турок в Муше. Исполнителями воли правительства являлись войска, отчасти и курды, но главными руководителями были всегда перечисленные мною выше лица...

В Муше при германской миссионерской общине были три сестры милосердия, из них две были свидетельницами резни, протестовали, но без успеха, но писать или телеграфировать они не имели возможности, так как вся их переписка цензуровалась самим Сарват-беком и все нежелательное уничтожалось. Фамилии этих сестер Бодиле (из Норвегии) и Алемон (из Швейцарии), обе увезены по приказанию мутесаррифа в Хорнут, куда уехал Сарват-бек (умер там же). После Сарват-бека губернатором был Шавки-бек, уехавший год назад в Битлис и далее в Мосул, а в последнее время место и должность губернатора исполнял командующий 34 дивизией Велс-паша. Все они продолжали дело, начатое Сарват-беком. Когда был взят Кара-Чобан, началась эвакуация Муша, причем правители города приказали всем жителям уходить; с падением же Хныса были приняты насильственные меры, выразившиеся в том, что по-

лиция разбивала окна и выламывала двери в этих домах, где обитатели не хотели подчиниться губернаторскому приказу. В последние моменты пребывания турок в городе были подожжены склады сукон, обуви, хлеба и продовольствия, но поспешность, с которой совершалось бегство, не дала возможности уничтожить всего, между прочим был забыт древний армянский монастырь, где Сарват-бек устроил склад риса, мыла и кож. Монастырь найден мною в разграбленном виде... 7 февраля, прибыв по приказанию Вашего превосходительства в г. Муш, я нашел последний в ужасном виде. Решительно все было исковеркано, разбито и загажено...

Штабс-капитан **Крым Шамхалч**

Архив Института истории АН Арм. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 226, л. 1—4.

200. Рапорт штабс-капитану Крым Шамхалчу

Кавказский фронт, 6 марта 1916 г.

16-го марта сего года я ездил на фуражировку в селение Дейрюк. По пути заехал в село Ахган, при осмотре которого обнаружено в 3-х сгоревших сараях не менее 200 истлевших человеческих трупов. Единственный уцелевший армянин, находящийся с семьей в селении Дейрюк, рассказал мне, что это кости армян, которых турки сгоняли в сараи и затем сараи поджигали.

Зауряд-прапорщик **Удовиц**

Архив Института истории АН Арм. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 226, л. 5—6 об.

201. Русский посланник в Берне министру иностранных дел Сазонову

Из телеграммы № 265 *2 мая 1916 г.*

Мандельштам просит передать: из различных источников, в том числе от лица, несколько недель тому назад проехавшего через Малую Азию, получил сведения, рисующие внутреннее положение в Турции в следующем виде: армян в Малой Азии почти нет, они или истреблены, или выселены, и только остатки скрылись у кызылбашей... Уходя по приказанию турецких властей перед нашими наступающими войсками, мусульмане увозят армянское добро и гонят армянский скот...

АВПР, Политархив, д. 3504. 93

202. Сообщение о резне армян в Трапезунде

Перевод с французского

В телеграмме, посланной из Петрограда английским газетам, даются ужасные подробности о резне армян в Трапезунде, перед тем, как русские захватили этот город. Русские нашли там лишь 50 армянских сирот, 15 женщин и приблизительно 1000 мужчин, которые прятались в соседних деревнях.

Американский консул заявляет, что он долго прожил в Трапезунде и никогда бы не подумал, что турки способны на такие зверства.

Армянские дети были брошены в море, как щенки, взрослые армяне выведены за пределы города и расстреляны пачками, молодые девушки были проданы для гаремов, а имущество богатых армян выставили для продажи на аукционе в соборе города Трапезунда. А так как греки отказались покупать эти товары, продажа их с молотка не состоялась.

Греки подтвердили, что турки их терроризировали, угрожая расстрелом в случае, если будет обнаружено, что хоть один армянский ребенок, оставленный в Трапезунде, нашел у них убежище. Турецкие женщины заламывали руки, заявляя при этом, что аллах покинул османов из-за их жестокого обращения с армянами.

„Le Temps", 7. V 1916.

203. Германский посол в Константинополе канцлеру Бетману-Гольвегу

Перевод с немецкого

Из донесения *10 июля 1916 г.*

Преследование армян в восточных провинциях вступило в свою последнюю стадию.

В проведении своей программы по ликвидации армянского вопроса путем уничтожения армянской расы турецкое правительство не реагировало ни на наши представления и представления американского посольства и делегата Ватикана, ни на угрозы держав Антанты и меньше всего посчиталось с мнением Западной Европы; теперь оно намеревается расчленить и разогнать последние группы армян, оставшихся в живых после первой высылки...

Меттерних

Deutschland und Armenien.., S. 280.

204. Письмо католикосу всех армян Геворку V

Перевод с армянского

Карин, 28 ноября 1916 г.

Предрешенная за несколько лет политика всеобщего истребления армян была осуществлена в Харберде так же, как и во всех других районах Турецкой Армении. Невообразимая жестокость, смешанная с варварством и свирепостью, — вот те средства, которые были применены в Харберде для уничтожения ни в чем неповинных армян, лишения их имущества и чести, жизни и свободы, религии и языка.

Первый шаг выразился в том, что были разрушены воспитательные учреждения и закрыты все национальные школы... Правительство приказало закрыть колледжи и школы под ложным предлогом «эпидемических заболеваний» и разогнало всех учащихся, превратив школьные здания в больницы и казармы. Учебные заведения были закрыты 28 марта 1915 года... В апреле были произведены обыски с целью изъятия литературы у жителей, обвиненных в принадлежности к партии, а также аресты видных деятелей-армян. Эти аресты пока еще не сопровождались избиениями и жестокостями. 1 мая начали арестовывать преподавателей колледжа «Евфрат», деятелей воспитательных учреждений, богачей, видных писателей и духовных лиц, как людей наиболее известных. 10 мая начались избиения и жестокие пытки. Арестованных сначала избивали, а затем подковывали, т. е. вбивали им гвозди в ступни, головы сжимали тисками. Этой пытке подвергались преимущественно преподаватели колледжа и видные представители армянской интеллигенции. Забыл добавить, что им вырывали клещами ногти, выворачивали пальцы, обливали руки смолой и поджигали, увеличивая таким образом их страдания.

В этот тяжелый период, когда народ дошел до полного отчаяния, бессердечные власти начали коварную игру, распространив слух, будто «получена телеграмма о том, что невиновные скоро будут освобождены, а принадлежащие к партии получат легкое наказание за подстрекательство народа». Начальник округа, позвав к себе предводителя армян, священника Исаака, немецкого миссионера Эймана и пастыря армян-евангелистов Вар-

дана Амирханяна, сообщил им о полученной телеграмме и приказал повелительным тоном: «Если народ хочет, чтобы невиновные скоро были выпущены из тюрьмы, он должен сдать нам все имеющееся у него оружие и боеприпасы, после чего, возможно, все будут освобождены», намекая при этом, что под «всеми» следует понимать и всех принадлежащих к партии.

Духовное начальство, поверив вместе с немецким миссионером этим лживым уверениям, стало с воодушевлением уговаривать армян сдать оружие правительству. Немецкий миссионер и армянский священник в своих проповедях смогли убедить бедный народ, что «спасение наших заключенных братьев зависит от сдачи оружия». Тем самым внушили народу, что благоразумнее сдать оружие. Пастырь евангелистов, следуя их примеру и веря обещаниям правительства, стал проповедовать то же самое...

Проповеди эти привели к тому, что обманутый народ стал сдавать оружие...

Сейчас же после сдачи оружия началась высылка заключенных, число которых доходило до 1500—1600 человек, и осада окрестностей. От Харберда до Мезры на расстоянии получаса езды было запрещено хождение. Всех встречавшихся мужчин немедленно арестовывали и избивали, вырывали им волосы, усы, а духовным лицам—бороды. Зверства сделались неописуемыми. Даже ходить из дома в дом стало невозможным. Мы слышали, что арестованных высылают по ночам... (вот как турки выполняли свое обещание!). Священник Исаак обратился с жалобой к правительству, но, вернувшись, был немедленно арестован.

Проведя 15 дней в тюрьме без воды и пищи, он, совершенно обессиленный, был выслан в числе 800 других заключенных интеллигентов...

Пока шли аресты мужчин в Харберде, мужское население окрестных деревень было полностью уничтожено. Женщины пожаловались немецкому миссионеру, что окровавленная одежда их близких намеренно подбрасывается к их порогам, но сочувствия миссионера Эймана не добились. «Не верю вашим словам,—говорил он им,—правительство обещало нам, что будет выселение, но не резня...».

15 июня началась высылка всего населения. Некоторые из заключенных путем крупных подкупов были ос-

вобождены из тюрьмы, чтобы присоединиться к своим семьям.

Высылаемых квартал за кварталом гнали к горам и рекам по дороге между Диарбекиром и Малатией, чтобы уничтожить их... Пусть теперь американский консул мистер Дейвис, американские и немецкие миссионеры, если у них есть совесть, засвидетельствуют то, что они видели своими глазами, признаются в своих действиях против беженцев, пусть расскажут миру подлинную правду о том, как ни в чем неповинные жители, группа за группой, караван за караваном, сгонялись к берегам озера Гёльджик, расположенного среди гор, как их убивали и грабили по дороге в Малатию, в местности, называемой Ичола, как бросали трупы в реку Евфрат, которая в эти страшные дни покраснела от крови, как похищали армянских девушек; перо мое не в силах описать это. Предоставляю другим дополнить мои слова.

Очевидцы резни, оставшиеся в живых и спасшиеся, рассказывали мне, как жестоко жандармы и конвойные, сопровождавшие высылаемых, каждый день обманывали народ; уверяя его, что получена телеграмма с приказом в сохранности доставить оставшееся население в Урфу, и с этими уверениями гнали его с места на место с тем, чтобы по возможности уменьшить их число... Матери своими руками срезали косы у дочерей и обмазывали им лица грязью, чтобы они выглядели уродливыми. Армянские женщины и девушки по своей воле бросались в реку, чтобы не попасть в руки турок. Многих из них насильно превращали в наложниц. В Харберде и Малатии находится около 5—6 тысяч красивых армянок, взятых в жены турецкими начальниками, ходжами и жандармами. В Диарбекирском и Харбердском округах в курдских и турецких домах живет более 3 тысяч мальчиков от 8 до 12 лет, подобранных по дорогам...

Арсен Хачикян

ЦГИА Арм. ССР, ф. 57, д. 622, л. 13—15.

1	Гасапа	650	3900	18	250
2	Хубс	260	1980	13	325
3	Темран	385	2650	38	350
4	Асег	225	1570	16	200
5	Чанахчи	200	1400	7	200
6	Чермак	165	1155	14	120
7	Астхаберд	180	1250	14	125
8	Хоснак	95	850	22	70
9	Серкевил	85	650	7	75
10	Ошас	55	450	7	55
11	Апохнак	70	450	6	40
12	Чыпс-гюх	61	480	—	60
13	Хаджи	25	180	—	25
14	Кар-буйс	60	450	—	55
15	Чан	60	450	—	40
16	Сагадзор	65	450	92	55
17	Хачадур	10	60	1	4
18	Эртыч	100	775	176	85
19	Апеванк	21	870	1	23
20	Алтун-Усейн	12	80	43	10
21	Аграк	55	450	—	25
22	Ангстун	55	400	72	54
23	Хупек	13	115	3	20
24	Хас-гюх	5	30	1	4
25	Хол-Хол	6	66	1	7
26	Авдник	18	120	—	15
27	Ахиджур	7	45	—	5
28	Челеби-Мезре	8	56	—	7
29	Лик	8	65	—	10
30	Хош-кар	22	160	—	20
31	Орор	68	460	10	70
32	Чайри Паш	30	400	2	15
33	Саганк	25	200	1	20
34	Инах	5	45	—	6
35	Эолмеч	10	70	5	6
36	Чумах	7	67	10	7
37	Тинек	26	320	13	18
38	Амарыч	10	140	5	6
39	Азинк	35	300	8	25

* Сведения были составлены армянской патриархией стантинополе и сообщены католикосу всех армян Геворку V.

1	2	3	4	5	6	7
40	Меликан	60	450	30	11	409
41	Шен	10	70	11	5	54
42	Черман		156			156
43	Шару	24	187	20	18	149
44	Харапек	35	260	2	18	240
45	Личик	46	385	30	42	313
46	Чифлик	42	480	61	10	409
47	Хылытчптух	28	278	15	6	257
			26 375			23 149

ЦГИА Арм. ССР, ф. 57, оп. 2, д.786, л. 8—10.

206. Выселение армянского населения из ряда вилайетов Турции

(Из доклада Национальному армянскому бюро в Тифлисе)

*Перевод с армянского**

В наш доклад не включена Северо-восточная Армения, так как этот район оставался вне общения с нами и у нас не было возможности установить с ним связь.

Наши данные охватывают районы: Трапезунд—Ерзнка, Диарбекир, Месопотамия и Запад.

Выселение из армянских вилайетов повсеместно производилось с чрезвычайной осторожностью, систематичностью и по единому образцу...

Всюду на местах циничным, обманным образом, по заранее составленным спискам, были вызваны в полицию на несколько минут представители передовой интеллигенции—профессора, учителя, адвокаты, общественные деятели — и все заключены в тюрьмы.

Таким образом лишив общество руководящих элементов, они [турецкие власти] облегчили себе в дальнейшем успешное осуществление своих дьявольских планов.

Изолировав всю интеллигенцию, они собрали в городах и селениях всех, кого можно было использовать как физическую силу; их также изолировали, а затем

* Документ не датирован. Вероятно, составлен в 1916 г. (Ред.).

высылали по ночам, группами, со связанными руками, в сопровождении вооруженных жандармов и солдат.

Повсеместно были организованы шайки погромщиков из добровольцев-турок, которые по распоряжению свыше отправлялись в определенные места, чтобы исполнить свой «патриотический долг» — вырезать по группам безоружных и связанных по рукам армянских изгнанников. Для этого из осторожности поначалу выбирались глухие уголки и пустынные места, но затем погромщики обнаглели до того, что уже не стали соблюдать никакой осторожности и убивали всюду.

Покончив с изолированными, они принялись за оставшихся, едва живых армян мужского пола, старше десяти лет, которых, отделив от женщин и детей, угоняли в различных направлениях. К погромщикам присоединялись особые делегаты от правительства, избранные из местных видных турок, обязанность которых заключалась в том, чтобы, отведя изгнанников на несколько десятков километров, отобрать все их имущество и сдать казне, после чего расстрелять их или потопить в реке. А женщины и дети, босые и полуобнаженные, погоняемые кнутом безжалостных жандармов, также отправлялись по разным направлениям. На протяжении всего пути до Месопотамии населению было предоставлено право взять себе, кто сколько захочет, женщин и детей.

Выселение из армянских вилайетов впервые началось с Эрзрума и Ерзнка по вышеизложенной системе. Об этом свидетельствуют две немецкие девушки, состоявшие при германской миссии в Турции и служившие во время войны в военных госпиталях в качестве сестер милосердия, сначала в Эрзруме у доктора Талчяна, а потом в Ерзнка у немецкого врача. Не мирясь с несправедливостями по отношению к армянам, они протестовали, за что немецкий врач выбросил их на улицу как изменниц. Девушки рассказывают, что выселенных из Эрзрума женщин и детей турки расхватывали, как волки ягнят. Больные и слабосильные, они падали в пути и умирали, а мальчики беспощадно истреблялись. Выселенные из Ерзнка были загнаны в ущелье Камах-Дереси, где Евфрат имеет быстрое течение, и, по их мнению, немногие остались в живых.

Той же участи подверглись армяне побережья Черного моря, начиная от Трапезунда до Самсуна, и рассказ об этом был бы только повторением описанного. Итель-

янский консул в Трапезунде проездом сообщил нам, что здесь миссионеры собрали довольно большое число детей обоего пола и взрослых девушек. По окончании выселения, когда о них стало известно, из местных турок и иностранцев была образована комиссия, которая открыла сиротский дом и поместила туда детей, а также взрослых девушек для ухода за ними. Центральный комитет Иттихада, узнав об этом начинании, сильно вознегодовал, якобы по каким-то военным соображениям, и под угрозой военного суда разогнал сиротский дом, а взрослых девушек поместил в специальный дом, где они должны были служить гнусной похоти военнослужащих.

Сведения, полученные нами о Диарбекире, крайне разноречивы: одни сообщали, что армяне оказали сильное сопротивление, другие утверждали обратное, что никакого противодействия не было; факты, однако, удостоверяют, что в конце концов их постигла та же участь.

Вам уже известно о сопротивлении, оказанном в Марзване и Шапин-Карахисаре: в первом—слабое и неорганизованное, а во втором—организованное, сильное, славное сопротивление.

Харбердский очевидец сообщил ужасающие подробности. Там тоже была изолирована вся интеллигенция и лица, которые представляли собой физическую силу. Каждую ночь их по 50 человек выводили со связанными руками и умерщвляли. Последняя группа в пятьдесят человек, заключенных в одной из камер тюрьмы, состоящая из наиболее самоотверженных и смелых интеллигентных деятелей, вместо того, чтобы умереть такой смертью, проявив невиданный героизм, подожгла камеру и сгорела в ней.

Все ученики центрального училища, американских и французских колледжей, которые были взяты в армию и использовались на безоружной службе и строительстве дорог, числом до 1500 человек, тоже были изолированы в одном здании. По истечении нескольких дней, ночью, под сильным конвоем они были выведены якобы для отправки в Урфу, но на расстоянии 40—50 километров, в местности, называемой Кейзин, расстреляны и погребены. С остальной частью населения поступили так же, как и в других местах.

Дети из Ерзнка и Эрзрума, в большинстве своем добравшиеся до Харберда, голодные, голые, изнуренные, бродили по улицам, прося у прохожих хлеба. Многие из них

не выдерживали и падали то здесь, то там, не имея сил идти дальше; повозки градоначальства забирали их еще живыми вместе с мусором и вывозили на свалку, где они и погибали под кучами мусора.

Во всех армянских вилайетах в общем была одна и та же картина.

Выселение из Киликии. Киликийцы, предвидя, что правительство собирается начать гонения против армян, решили при первом же случае объединиться для самозащиты. Киликийский католикос Саак, узнав об этом и предполагая, что самозащита может вызвать печальные последствия для народа, вместе с марашским архиереем и айнтабским протестантским священником старался убедить народ не прибегать к самозащите, и сам от имени правительства делал успокоительные заверения. Героический Марзван, оказавший во время событий 1895 и 1908 гг. мужественное сопротивление, сдался и подвергся выселению.

Зейтун, который на протяжении веков благодаря своему непокорному и смелому нраву оставался полунезависимым и много раз победоносно воевал с сотнями тысяч врагов, на этот раз, вследствие внутренних разногласий, поднял белый флаг в знак готовности сдаться. Большая часть молодежи, не согласившись с этим и разделившись на несколько групп, присоединилась к укрывшимся в горах «беглым» солдатам. Они напали на специально посланный правительством отряд, целиком уничтожили его, захватив оружие и боеприпасы. Правительство послало солдат в еще большем количестве. Население же, которое сдалось, было переброшено в болотистую, нездоровую местность близ Конии, где начались различные эпидемии, так как не было ни еды, ни жилищ, ни врачей, ни лекарств. Те, кто чувствовал в себе силы, несмотря на сильный воинский караул, в безумии пытались вырваться из этого ада, но падали под пулями солдат.

По свидетельству директора американской больницы в Айнтабе, армяне несколько раз спускались с гор, чтобы отбить караваны высланных, и два-три раза им это удавалось. Среди них была и кюринская молодежь, в значительном числе присоединившаяся к ним.

Относительно Хаджина мы никаких сведений не получили. Среди горцев Суэдии тоже возникли разногласия по указанной причине, и жители нескольких селений,

которые сдались, были выселены и перебиты. Жители некоторых других селений, узнав об этом, поднялись на гору и 50 дней воевали против многих тысяч регулярных и нерегулярных войск, вооруженных пушками.

Выселение армян из Западной Анатолии и Фракии. Раньше всех началось выселение из Ангоры. Сперва было собрано армяно-григорианское мужское население числом до 800 человек и выслано по направлению к Кесарии. В сорока километрах, в ущелье, на них напала засевшая в засаде шайка четников и перебила их всех топорами, шашками и дубинами. Затем были собраны армяне-католики мужского пола и тоже высланы в Кесарию, а оттуда — в Конию; они не были перебиты.

Через несколько дней после этого собрали всех женщин и детей, которых загнали в товарные вагоны, и, продержав неделю на станции без пищи и питья, отправили в Конию. Очевидец из Конии сообщил, что все они прибыли туда, равно как и армяне-католики, отправленные пешком.

Все районы подверглись выселению, кроме Измира и Константинополя. Из Константинополя были высланы те приезжие армяне, у которых не было семей; они тоже прибыли в Конию. В этом районе к самозащите прибегли Ченкилир и Пандырма, где после героических боев все мужчины были перебиты.

Остальное население размещено в Афьон-Карахисаре, Эскишехире, Эрегли, Конии, Бозантии, Кютахии. Поступившие сведения в мрачных красках рисуют их положение: они живут либо под открытым небом, либо в палатках; предполагают, что зимой их положение будет ужасно.

Туда же переброшенно население Фракии, Родосто и Болгарии.

Конфискация движимого и недвижимого имущества высланных. По временному закону от 13-го сентября 1915 г. все движимое и недвижимое имущество высланных подлежало конфискации. В Константинополе были образованы четыре комиссии—одна для Никомедии, другая для Киликии и еще две для западных и восточных вилайетов, чтобы на месте совершить акты конфискации.

Предполагаемая численность оставшегося турецкоподданного армянского населения. По нашему мнению, основанному на вышеуказанных данных, только незначи-

тельная часть армянского населения армянских вилайетов Турции дошла до Месопотамии, причем положение их настолько скверно, что, надо полагать, мы там найдем не очень много армян, если только и они не будут перебиты при отступлении турок. Остаются, следовательно, уцелевшие из Киликии, выселенцы из Никомедии и Фракии, обосновавшиеся в районах Конии и Кютахии, и армяне Константинополя и Измира.

Предположительно можно составить следующую таблицу достигших Месопотамии:

из армянских вилайетов	100 000
уцелевшие из Киликии	100 000
выселенцы из Никомедии и Фракии	150 000
армяне из Константинополя и Измира, не выселенные	180 000
Итого	530 000

Аматуни

Архив Института истории АН Арм. ССР, ф. 1, оп. 1, д. 219, л. 25—31.

207. Из рассказа очевидца о резне в Болукском районе

Перевод с армянского

Я сын Мкртича Яртымяна, уроженца села Чагмард, Богазлянской казы, Йозгатского санджака. Прежнее мое имя—Саркис Яртымян. Стыжусь сказать, что новое мое имя—Али Фуад.

Сколько раз я избавлялся от верной смерти! Теперь же, после горестной утраты отца и матери, восьмидесятилетнего, убеленного сединой деда, двух моих сестер и всех моих родственников, я хочу рассказать то, что видел своими глазами. Рассказ мой могут подтвердить многочисленные свидетели, армяне и турки.

Болук—укромный, забытый уголок в Йозгатском санджаке. Плодородная почва, холодный, но здоровый климат выковали тут трудолюбивых земледельцев.

Особенно отличалось местное население многодетностью. Почти в каждом доме было по два десятка детей. В Болуке было до сорока армянских селений, отчасти смешанных с турками.

Почти все население состояло из крепких, работящих

земледельцев, особенно преданных родной церкви и национальным традициям. В последних числах июня 1915 г. чудовищный заговор Иттихада кое-где уже был осуществлен. В нашем же крае день ото дня атмосфера сгущалась новыми слухами о резне. Неожиданное увольнение богазлянского начальника, исполнявшего приказания центра, предвещало близкое наступление бедствия.

Его преемнику, пресловутому Кемалю, молодому иттихадисту, с первых же дней удалось разжечь страсти среди населения. Это человекоподобное чудовище вместе со своим молочным братом Мухлисом вскорости подготовили чете для резни армян...

Было воскресенье 5-го июля 1915 г. Фанатичная толпа, заранее настроенная, рука об руку с властями приступила к делу. Около 240 армян, собранных из окрестных селений в Богазлян, были перебиты дубинами на мельнице, отстоящей от города на расстоянии одного часа ходьбы. Весть об этом принесли четверо раненых.

В тот же день и коренные богазлянцы-мужчины были уведены куда-то за черту города, на расстояние четверти часа ходьбы и изрублены топорами на куски. Я сам видел место бойни в тот момент, когда бежал.

Наступала наша очередь мученичества...

8 июля, еще только рассветало, когда Кемаль и Мухлис окружили селение сотнями жандармов и четников. Ржание коней, рев спускающихся с гор шаек башибузуков, возгласы жандармов, кричавших: «Во имя аллаха, не щадите, убивайте, благословен этот день», несшиеся издали крики детей, отчаянный вопль и плач взрослых— все невозможно описать словами. От этого страшного шума я внезапно проснулся. Смертельный ужас объял меня. Послышались быстрые шаги. Мой отец и моя дорогая мать вбежали в мою комнату. Они обняли меня и зарыдали.

— Беги, спасайся... За тебя мы умрем...

Пока я молча в оцепенении глядел, пришел мой старый дед, взял за руку моего брата и воскликнул:

— Бог да защитит жизнь этих невинных!

Тут мои несовершеннолетние сестры, распростершись на земле, стали кричать, предчувствуя грозную опасность.

Ружейные выстрелы заглушили шум на улице.

Вопли как будто прекратились; каждый думал о том, как бы спастись. Начался погром на улице, в домах, раненые бежали кто куда...

Часть мужчин селения отвели в церковь и заперли. Были последние дни рамазана. Утром, в половине одиннадцатого, вывели из церкви вереницу мучеников. Впереди, связанные по рукам и привязанные друг к другу, шли два священника, за ними и другие в таком же порядке.

Позади всех вели моего седовласого деда и били его. Их повели в ущелье Ягны Гисари, что в десяти минутах ходьбы. Я наблюдал из окна дома. Там, на бойне, мучеников поставили на колени, лицом к востоку, и над их головами взвились шашки, лопаты, заступы, камни и палки.

Растерзанные на куски тела валились на землю, и наступившая ночь прикрыла своим черным покровом это неслыханное злодеяние.

Толпа вернулась в селение. Очередь была за женщинами. Красивые молодые женщины и девушки уродовали свои лица. Не могу забыть дочь цирюльника, Сирануш, которая пыталась сжечь себе волосы, сама вспыхнула и, заметавшись, пала жертвой огня. То была ночь беспросветного горя. Армянская честь была безжалостно поругана. Ограбление имущества и похищение женщин стало обычным явлением. Через несколько дней те, кто остались, разбрелись по турецким селам. Уплатив крупную сумму денег, я укрылся в доме знакомого агитурка, где и пробыл продолжительное время. Таким было наше насильственное выселение, и так оно происходило во всех других армянских селениях Болука.

Наши богатства ограбили, торговали честью наших сестер, продавая их за серебряную монету или за полтора фунта табаку.

Ужасная трагедия повторилась 8-го февраля 1916 г., несмотря на то, что мы все переменили религию. Мужчин, оставшихся в небольшом числе, опять увели на богазлянскую бойню, а детей со связанными ртами, в полумертвом состоянии, вместе с женщинами закопали в землю живыми.

Память о наших мучениках-сподвижниках еще свежа. Мы не должны забывать их...

Мир праху их.

Наши покойники, однако, не имеют могил, не имеют гробниц. Они не хотят панихид...

Они хотят справедливости во имя справедливости.

Мы, спасшиеся от великого злодейства, громко взываем ко всему миру:

— Мы требуем справедливости во имя справедливости.

«Жоговурд», 11 (24). XI 1918, Ереван.

208. Из статьи «Младотурки и их жертвы»

Д-р Е. И. Минасянц, только что вернувшийся из командировки в Сарыкамышский и Эрзерумский районы, где он принимал участие в разработке вопросов по новым организациям союза городов, с исчерпывающей полнотой ознакомился в Эрзеруме с положением армян в Армении, гонениями против них и зверствами, чинившимися и до сих пор еще чинимыми по «предложениям» представителей «обновленной» Турции — младотурок. Собранным материалом д-р Минасянц любезно поделился с нашим сотрудником, причем указал на главные источники, из коих он черпал необходимые сведения.

«Все, что я слышал об отношениях турок, вернее— турецких властей к армянам, можно было бы считать невероятным, если бы об этом не говорили люди, с одной стороны — свидетели всей трагедии армянского народа, с другой—лица, или сами на своих плечах перенесшие весь гнет турецкого бесправия и зверств, или же имевшие счастливую возможность по тем или иным причинам находиться под веским покровительством того или иного турецкого представителя «власти предержащей».

Прежде всего и больше всего мне поведали о злосчастии армян американский консул в Эрзеруме м-р Степельтон с супругой и д-р Кейс, заведующий больницей при американской миссии. Лица эти, проживающие в Армении свыше 9 лет, частью путем личных наблюдений, частью сообщениями представителей своих в Сивазе, Харпуте, Битлисе, Трапезунде и Мосуле, всегда широко были осведомлены о турецких «настроениях», вожделениях, а главное, с момента войны о политике по отношению к армянам, турецкоподданным. На глазах этих представителей нейтральной державы протекала вся система управления Арменией, все козни и зверства, в результате которых в течение полутора лет были истреблены сотни тысяч людей...

Зверь просыпается. «Кампания» против всего армянства началась по всей Армении. Открытое возмущение

против армян тогда же нашло сильное отражение в Эрзеруме. Власти оповестили правоверных, что в стране русских в качестве дружинника находится депутат Эрзерума, армянин Каро Бастормаджан. Результатом этого сообщения явилось прежде всего убийство брата депутата.

Власти немедленно распорядились среди эрзерумского гарнизона у всех солдат-армян отнять оружие и послать их на черные работы. Открытого истребления армян в Эрзеруме не было, но сейчас же начались преследования и издевательства над ними... Десяти богатейшим семействам армян было приказано очистить свои дома. Пришлось откупиться, и армяне дали властям 1500 лир, но не надолго успокоились несчастные. Прошла неделя, их выселили и, кроме того, реквизировали все имущество, вплоть до пищевых продуктов. Для всех стало ясно, что тучи сгущаются, атмосфера становится все тяжелее, и гроза—бесконечные страдания неизбежны.

Карты открылись. Такое положение, томительные дни, полные тревоги, продолжались для несчастных вплоть до мая месяца. Наступили ванские события, а с ними и резня армян. Когда в Европе и Америке заговорили о зверствах турок, когда действительные страдания армян превысили самую чудовищную фантазию, когда, наконец, в них стали открыто винить не «Стамбул», а немцев из Берлина, был прислан проект гласного выселения, фактически секретного истребления армян во всей Армении...

Система выселения. Само выселение носило довольно характерные формы. Приступить сразу к массовому изгнанию армян власти не решались, учитывая настроение широкого мусульманского населения. Они знали, что война, не популярная в самом начале ее возникновения, после первых турецких неудач на Кавказском фронте стала ненавистной для всей страны.

Широковещательные обещания младотурок, а главное немцев, о материальной и боевой поддержке оказались пуфом. Население, особенно сельское, в своем целом далекое от всяких шовинистических стремлений, целый ряд лет жившее вместе с армянами, явилось для власти сфинксом; власть боялась, что поголовное изгнание армян из Армении может вызвать протест со стороны мусульман, у которых было слишком много общности с ними, а потому решалась действовать осторожно и маскировать истинные свои планы. В первую очередь стали выселять крестьянское армянское население...

Подонки общества стали открыто пропагандировать среди населения необходимость поголовного уничтожения армян. Настроение масс стало настолько угрожающим, что эрзерумский вали Тисим [Тахсин]-бей, сравнительно мирно настроенный к армянам, счел нужным созвать всех нотаблей и поставить перед ними вопрос, что делать с армянами.

Это историческое собрание в начале июня прошлого года было созвано в пригородном к Эрзеруму местечке Вашпе-кешке. Здесь открыто было заявлено о необходимости теперь же вырезать всех армян в Армении и, в частности, в Эрзеруме. В результате этот «невинный» вопрос был отдан на заключительное решение особой комиссии, которая, благодаря участию в ней вали, определила с деловитостью, достойной лучшего применения, армян п о к а не трогать, а поголовно всех эвакуировать в Месопотамию...

О тяжких мытарствах, которые претерпели армяне во время переселения из Армении в Месопотамию, д-р Минасянц передает:

— Нет слов, нет красок, которые могли бы нарисовать путь страданий, который претерпели армяне от «благожелательных» забот и попечения турецкого правительства при переселении его в новую «обетованную землю». Говорили мне об этом, кроме мистера Степельтона и д-ра Кейса, которых нельзя заподозрить в желании внести что-либо субъективное в данном вопросе, еще и лица, вынесшие на себе все ужасы этого переселения. Так, армянка, старуха 70 лет, Хайкануш из Байбурта, дошедшая с беженцами до самого Кемаха и спасшаяся чудом после того, как была брошена турками в реку, передала «технику» истребления близких ей людей и всех беженцев. Об этом подробно и уж более связно говорит Ерванд Ергутян, армянин-солдат, конвоировавший беженцев до некоторых этапов. Ергутян был зачислен в полк и попал денщиком к полковнику, который, приблизив его к себе и полюбив его, не был уверен, что сумеет сохранить его от общей злобы к армянам в армии вообще и в своем полку в частности. Бессилие полковника — показатель деморализации турецкой армии. Он видел единственный путь защиты своего денщика — это уговорить его принять мусульманство, о чем и откровенно стал просить Ергутяна. Последний исполнил волю своего командира, принял мусульман-

ство и остался при нем. Когда полковника отозвали куда-то из Эрзерума, Ергутян остался здесь, а затем был назначен для конвоирования первых партий переселенцев-армян.

Как свидетель их мучений он дал немало материала для будущего описателя турецких зверств.

Много интересных указаний дала некая г-жа Ш., хозяйка квартиры одного немецкого офицера в Эрзеруме, который, с одной стороны, явился ее хранителем в городе, с другой—сам рассказывал о подвигах подчиненных ему солдат, конвоировавших переселенцев.

Выселяемых заставили идти пешком, не делали исключения для стариков, женщин и детей. Свой жалкий скарб первое время несчастные несли на себе, но затем, обессилев от длинной дороги и недоедания, все побросали. Для охраны переселенцев «заботливая» власть отрядила конвой из подонков общества, выпущенных из тюрем преступников и других темных лиц, вошедших в четнические дружины. На первом же этапе после Эрзинджана были отобраны у армян продовольственные припасы для нужд конвоя. Затем конвоиры открыто стали требовать денег, угрожая в случае отказа поголовным уничтожением. Система отбирания повторялась каждым новым конвоем. Таким образом, переселенцы вскоре отдали все, что имели, шли голодные, не будучи в состоянии в проходимых ими селениях купить себе хоть хлеба. Когда у изгнанников не стало денег, конвоиры стали требовать себе красивых женщин, девушек и подростков, не щадя даже 5—10 летних. При первой попытке сопротивления начиналось избиение без разбора, избиение насмерть.

Первые партии переселенцев состояли из стариков, женщин и детей, и только после ванских событий среди них стали появляться армяне, бывшие солдаты, а затем просто рабочие на фронте. Большинство их было перерезано в разных гюрьмах, а дошедшие сюда были буквально голыми, и женщины одели их в свои юбки и тряпки. Грабеж, издевательство и насилия далеко не довершали план переселения; задача, как оказывается, сводилась к поголовному истреблению армян. Когда все ужасы проникли в европейскую печать, турецкие власти объяснили их как отдельные печальные случаи. Каков по существу характер этих «печальных случаев», можно судить по следующим фактам. На всем пути следова-

ния переселенцев во всех селениях образовались дружины турецких четников, представители которых на историческом совещании в Эрзеруме открыто требовали поголовного истребления армян. Они занимали заранее определенные места по пути следования переселенцев и отсюда открывали по ним огонь или же просто нападали и вырезали. Такая засада была устроена, например, у местечка Задах, недалеко от Эрзинджана. На беззащитных здесь набросились четники, и очень немногим удалось спастись. Та же кровавая «баня» ждала армян в ущелье около города Кемаха. Уцелевших ждала смерть в самом Кемахе. Здесь побросали в реку всех, кто искал спасения в городе, не пощадили и детей. Живой свидетель, о котором сказано выше, старуха Хайкануш, тоже брошенная в реку, уцелела чудом, зацепившись платьем за камень. Под этим камнем она просидела до глубокой ночи, видела все ужасы своих сородичей и теперь, добравшись до Эрзерума, повествует о пережитом.

«Были моменты, что мы сознательно хотели бунтовать,—говорила старуха,— полагая, что уцелевших нас немногих перебьют и этим прекратят наши страдания».

Система истребления в результате привела к тому, что в Эрзинджане уцелело всего трое мужчин, которые, можно предположить, остались живыми только потому, что не были узнаны, будучи одеты в женское рубище.

Истребление армян было организовано широко. Пропаганда о нем велась по всей Армении, докатилась до Мосула. Здесь богатый армянин, купец Диктанян, спасая семью, принял мусульманство и отдал за мусульман двух своих дочерей. Армяне преследовались без различия подданства. Много американских подданных армян испытали, несмотря на протест американских консулов, общую с остальными армянами участь. Не помогло вначале и представление немецкого консула в Эрзеруме о смягчении участи несчастных. Ему было предписано из Константинополя не вмешиваться во «внутреннюю политику» Турции. В результате весь учительский персонал (мужчины и женщины) армян-американцев был посажен в тюрьму и там истреблен. Об этом заявляет консул м-р Степельтон. Избиение продолжалось с июня по сентябрь прошлого года. Когда уже спрятать концы «системы благожелательной охраны» — выселения от якобы нашествия русских—оказалось невозможным, из Берли-

на последовало распоряжение о защите армян от «разбойничьих» шаек.

В заключение несколько слов о поведении немцев-офицеров. Большинство из них поощряли политику власти и сами принимали участие в истреблении. Так, некто капитан Шибнер явился организатором четников, которые вместе с ним направились в Мосул для избиения армян. Еще далеко до конечного пути следования он перерезал массу армян и лично увел с собой трех армянских девушек. Уходя из Эрзерума, Карл Верт, офицер из Берлина, насильственно увел с собой дочь богатого местного армянина Чирингиняна. Майор Сташевский и начальник эрзерумских фортов полковник Штангер с ведома местных властей среди бела дня, уходя из Эрзерума, увезли с собой, как они выразились, «на память» несколько девушек, несмотря на слезы и мольбы их несчастных родителей.

П. Т — ко.

«Кавказское слово», 6, 9 и 17 марта 1916 г., №№ 53, 55, 62.

209. Из статьи П. А. Бурышкина «В Эрзеруме»

Вернувшись из Тифлиса, я считаю небезынтересным поделиться с читателями теми сведениями о положении Эрзерума и прилегающего к нему района, которые мне удалось получить от лиц, собравших их на местах.

Город ныне [в 1916 г.] разделен на участки, и под руководством врачей и офицеров производят очистку. Работают по дезинфекции и три дезинфекционных отряда Всероссийского союза городов, по 15 человек каждый, и работа их в высокой мере нужная. Эрзеруму угрожает большая опасность эпидемических заболеваний, тем более, что в прошлом году эпидемия сыпного тифа, по-видимому, была ужасающей.

Жителей в городе осталось немного; из 120 000, которые составляли обычное его население, едва уцелело тысяч двадцать: большей частью турок и притом — неимущих. Все мало-мальски состоятельные бежали.

Армян не осталось почти совсем; из 25 тысяч, которые жили в Эрзеруме, может быть, уцелело человек двести. В июле и августе прошлого года все мало-мальски зажиточное и интеллигентное население получило приказ ликвидировать свое имущество и выселиться внутрь

страны. Имущество должно было быть продано, а вырученные деньги положены в Оттоманский банк в Эрзеруме под квитанции. Помимо этого, большая часть имущества была снесена армянами в тюках в армянский собор, который в значительной своей части ныне полон этим скарбом. После ликвидации имущества армяне двинулись в путь. Им была гарантирована личная безопасность и дана охрана от могущих быть на них покушений со стороны туземного населения. Путь начался благополучно, но благополучие длилось недолго. Скоро обращение изменилось. Турки начали грабить, насиловать женщин, умерщвлять детей, и, наконец, несчастные подверглись поголовному истреблению. Трупы бросали в реки и, как передают очевидцы, от массы трупов останавливалась вода. Все происшедшее не поддается описанию и принадлежит к самым ужасным по своему трагизму моментам современной войны. Можно предполагать, что все было организовано по строгому плану, и есть данные думать, что этот план был подсказан немцами. У немцев был расчет вызвать известную национальную рознь и истреблением армян заранее лишить поддержки русские войска. Ведь недаром в Германии раздавались подобные голоса Рорбаха и других.

Немногие уцелевшие возвращаются ныне из окрестных деревень, уже занятых нами. Помимо них в отдельных турецких домах Эрзерума, как говорят, есть армянские пленницы, обращенные в ислам. Возможно, что они боятся показаться, подавленные стыдом за измену родной вере. Может быть, чтобы разыскать все жертвы турок, придется делать поголовный осмотр турецких домов.

«Армянский Вестник», 1916, № 7, с. 4—5.

210. Преступления ряда турецких врачей в 1915—1916 гг.

Перевод с французского

Среди организаторов высылки и резни армян отличилось большое число турецких врачей, многие из которых прямо ответственны за жестокие деяния. Одни оказались убийцами своих коллег, захватившими их имущество, и апостолами исламизма. Другие заинтересуют последующие поколения тем, что прививали вирус сыпного тифа армянским солдатам...

Турецкие врачи и бактериологи воспользовались благоприятным случаем для того, чтобы испытать над больными свою фантастическую вакцину против сыпного тифа.

Приказ «произвести опыты на приговоренных к смерти» и разрешение на это исходили от санитарного управления. Как подопытные были выбраны армяне. Прежде чем убить, по крайней мере, можно было использовать их.

К опытам приступили в Армении без промедления... Большинство подопытных умирало в течение нескольких дней. Прививки продолжались в больших масштабах. Молодых, крепких армянских солдат собрали в рабочих батальонах и насильственно сделали им прививки. Константинопольские газеты поговаривали о чуде и о великом научном открытии. Телеграммы с поздравлениями шли без конца.

В статьях, напечатанных в политических журналах и медицинских бюллетенях, сообщалось, что статистические данные превосходны. Однако этот энтузиазм длился недолго, постепенно сменившись разочарованием и многозначительным молчанием. Если некоторые турецкие врачи действительно преследовали научные цели, для других в данном случае это было верное и быстрое средство уничтожения «нежелательных».

И действительно, шепотом передавали подробности опытов. Опыту подлежали не морские свинки или кролики, а армяне, молодые, отличного телосложения, не совершившие никаких преступлений или проступков. Этим нового вида подопытным животным вспрыскивали тифозную дефибринированную кровь, не прокипяченную до 56° и стало быть не «инактивированную».

Эти печальные опыты производились в течение зимы 1915—1916 гг. в Ерзнка профессором патологической анатомии Хамди-беем и его помощниками по распоряжению главного врача 3-го армейского корпуса Тевфика Салима.

Многие штатские и военные, в том числе и врачи-армяне, присутствовали при этих знаменитых инъекциях, вакцина для которых, как мы только что указывали, была приготовлена примитивно и вопреки всякой научной теории.

Мы оставляем в стороне свидетельства как уцелевших, так и врачей-армян, присутствовавших на этих опы-

тах, с тем, чтобы выслушать заявления наших турецких коллег.

Вот открытое письмо министру внутренних дел, опубликованное в газете «Turkdje Stambul» от 23 декабря 1918 г. № 45, за подписью врача-хирурга Хайдара Джемаля.

«Ваше превосходительство, господин министр.

В момент, когда собираются расследовать вопрос о депортации армян, я замечаю тенденцию обвинить главным образом генерал-губернаторов и начальников..

Со своей стороны, имею честь сообщить Вашему превосходительству о зверствах, совершенных под видом науки...

В 1915 году, в декабре месяце, в Ерзнка по распоряжению главного врача 3-го армейского корпуса Тевфика Салима, кровь взятая у больных сыпным тифом, без «инактивирования» была использована в качестве вакцины для невинных армян, обреченных на высылку. Такие опыты обычно производились над определенными лабораторными животными.

В результате этих действий многие из подопытных лиц заболевали и умирали. Прежде чем сделать им прививки, их обманывали, заявляя, что эти прививки делаются как предупредительное средство против сыпного тифа.

Организатор этих опытов Хамди Суад, профессор патологической анатомии Оттоманской медицинской школы, публикуя результаты своих изысканий в «Gazette Médicale militaire de Constantinople», заявил, что они были осуществлены над приговоренными к смерти, между тем как Ваш покорный слуга был свидетелем и может подтвердить, что объекты смертоносных экспериментов профессора не имели иных грехов, кроме того, что они были армяне. Эти факты могут быть подтверждены доктором Рефет-беем, главным врачом центральной больницы в Ерзнка, двумя армянскими врачами, которые работали с ним, а также доктором Селяхетдин-беем, главным врачом Красного Креста в Ерзнка. Итак, Ваш покорный слуга заявляет, что наряду с политическими преступлениями были совершены и преступления научные, о чем я готов дать любые разъяснения».

Вот другое письмо, адресованное доктором Селяхетдином турецкой газете «Turkdje Stambul» и напечатанное в № 46 этой газеты от 24 декабря 1918 г.: «В откры-

том письме, адресованном хирургом Хайдаром Джемалем министру внутренних дел, я был упомянут вчера как непосредственный очевидец некоторых фактов. Будучи в курсе того, что происходило в центральной больнице Ерзнка, я считаю долгом совести разъяснить это дело...

В 1915 г. многих из армян, с трудом укрывшихся в Ерзнка, отобрали и в качестве подопытных поместили в центральную больницу города, чтобы произвести над ними бактериологические опыты, которые обычно производились над морскими свинками и кроликами. Так погибли многие армяне...».

Вот и третье письмо, написанное тем же самым врачом на эту же тему, напечатанное в турецкой газете «Alemdar» от 8 января 1919 г.

«Если допустить, что правительство «Единения и прогресса» (прибавьте также Германию) никогда не придавало значения совести, морали, чести и всем священным обычаям, можно легко понять ту руководящую идею, которая побудила его причинить армянам так много страданий. В то время никто не требовал отчета за совершенные дикости, и люди думали, что все это останется безнаказанным.

Именно такое умонастроение побудило осуществить в Ерзнка опыты с вакциной сыпного тифа... Для подтверждения обвинений, которые мы выдвигаем, у нас имеется достаточно доказательств. Любопытно, что ввиду многочисленных выступлений, уже имевших место, я отказался обнародовать что-либо касающееся этого предмета, между тем как врачи, вовсе не компетентные в данном вопросе, выступили в печати с опровержением правильных обвинений. Это и заставило меня взяться за перо. Надо иметь в виду, что эти люди, которые любят показать себя, взывают к толпе и прибегают к сенсационным средствам.

Если компетентные и авторитетные лица возьмутся за это дело, истина всплывет наружу. И в этом деле, так же как в вопросе о депортации, избиениях и грабежах, есть виновные.

Наши врачи не должны тревожиться. Виновные известны.

Если есть кто-либо, желающий покровительствовать преступникам, пусть подождет до тех пор, когда снова

придет к власти правительство партии «Единение и прогресс».

Правда будет установлена не путем публикации газетных статей, а на суде»[41].

Les persécutions contre les médecins arméniens. Pendant la guerre générale en Turquie. Constantinople. 1919, p. 7, 20—25.

211. Из речи Эмиля Думерга, произнесенной в Париже 16 января 1916 г.

Перевод с французского

Когда младотурки появились в Стамбуле, они привезли с собой свободомыслие и, говорят, даже Марсельезу. Но комедия эта длилась столько, сколько понадобилось для того, чтобы очаровать... нескольких дипломатов. Спустя некоторое время панисламизм был заменен пантюркизмом, т. е. самым лютым национализмом, какой мир когда-либо мог вообразить. «Ни одного христианина в Турции!»,—заявил Энвер-паша. По мнению лорда Брайса, высказанному в его речи в Палате лордов, это—банда бессовестных авантюристов, именуемых «правительством Турции»...

В тот самый момент, когда младотурки свергли Абдул-Гамида, разыгралась резня в Адане, в Киликии: полностью разрушенные города, 25 тысяч убитых армян. Было ли это прощанием уходящего режима? Нет, это было приветствием режима, который наступал!

Начиная с этого времени, в полной тайне подготавливался план тотального истребления армянской нации, и резня была организована старательно, расчетливо и методично...

В ночь с 28 на 29 апреля 1915 г. в Стамбуле все руководители армян, а вскоре и многие другие—писатели, врачи, профессора—были арестованы. Этому предшествовало разоружение армянского населения и вооружение мусульман. 30 тысяч преступников были освобождены из тюрем. Было даже запланировано, причем очень тщательно, что на место христианского населения будет водворено определенное число турецких жителей, соответственно их положению. И, наконец, Энвер-паша послал своего двоюродного брата Джевдет-бея, чтобы тот действовал в самом сердце древней Армении; уже в марте

в апреле было разграблено более 500 сел и вырезано более чем 25 000 армян в Ванском и Эрзрумском вилайетах.

Затем, 20 мая, появился приказ младотурецкого комитета и Энвер-паши о всеобщей депортации. А депортация означала уничтожение при помощи трех последовательных актов: это — *резня, караван и пустыня*...

Сегодня ни одна из нейтральных стран не прервала своих дипломатических отношений с младотурецким правительством, и все они 1 января обменялись с ним новогодними поздравлениями...

А мы, что сделали мы сами, когда Абдул-Гамид проложил кровавый путь, по которому шагают младотурки? За страшные избиения в прошлом и, стало быть, за страшную резню в настоящее время ответственны все без исключения народы Европы. Каждый из них ответствен, конечно, не в равной степени, но даже самая незначительная доля ответственности является слишком большой...[42].

Emile Doumergue. L'Arménie, les massacres et la question d'Orient. Conferences, études, documents. Paris. 1917, p. 23—25. 33—34

212. Статья С. М. Кирова «Народ страдающий»

В речи министра иностранных дел С. Д. Сазонова, произнесенной в Государственной думе, было одно место, которое нельзя не подчеркнуть.

Остановившись на падении Эрзерума, министр указал, что за время, последовавшее за отступлением нашим из Вана, турки удесятерили свои жестокости по отношению к армянам.

Под благосклонным оком союзной Германии, сказал С. Д. Сазонов, турки, по-видимому, намереваются осуществить свою давнишнюю мечту о полном истреблении армянского населения, не поддающегося слиянию с мусульманской массой и, таким образом, служащего помехой германским планам экономического и политического подчинения себе Турецкой империи.

Турки лелеют чудовищную мечту об истреблении всего армянского населения в Турции!

Об этом мы слышим вполне компетентное заявление.

И делается страшно, что эта невероятная, на первый взгляд, мысль имеет за собою фактическое основание.

С первых же дней войны с Турцией мы знаем, что турки совершенно недвусмысленно оправдывали приведенное подозрение. Изо дня в день из Турецкой Армении шли одни и те же кошмарные вести. Что делали там турки, об этом не расскажут слезы армянских женщин и детей, а варварски пролитая кровь мирного армянского населения, переживающего невыразимый ужас и страдания, дает только некоторое, весьма отдаленное представление о голгофе армянского народа.

Быть может, только потом, когда остановятся реки человеческой крови, новый Данте нарисует картину страшных мучений миллионов людей.

И внесут эту картину в историю великой войны, и не у каждого хватит сил остановиться на ней внимательно, ибо вся она будет сплошным кошмаром.

И об этом нужно помнить всегда нам, сидящим здесь, в тылу.

Ведь нам первым нужно протянуть руку помощи оставшимся в живых, покинувшим свои пепелища беженцам-армянам.

Их много, и тем печальнее их положение.

Оскорбленные, поруганные, обращенные в нищих, они бредут по нашему краю, ища пристанища. И, конечно, не всегда его находят. Потому что их очень много.

Много и нас, но беженцы часто не имеют самого необходимого—пристанища и хлеба.

Там на родине они потеряли все, сумели уберечь только свою жизнь, и здесь у нас они должны найти остальное.

Ведь они идут к нам из тех мест, где их хотят истребить, и мы должны их встретить и согреть[43].

Серми

«Терек», 1916, 14 февраля, № 5417, Владикавказ.

213. Из речи Анатоля Франса, произнесенной в Париже 9 апреля 1916 г.

Перевод с французского

Господа, дамы.

Когда двадцать лет тому назад избиения, устроенные султаном Абдул-Гамидом, залили кровью Армению, в Европе только несколько голосов, несколько возму-

щенных голосов протестовало против удушения целого народа. Во Франции незначительное число людей, принадлежащих к крайне оппозиционным партиям, объединилось, чтобы отстаивать права в высшей степени оскорбленного человечества. Вы их знаете: Жорес, Дени Кошен, Габриель Сеай, Эрнест Лависс, Жак Фино, Виктор Берар, Франсис де Пресансе, отец Шарметан, Пьер Кийар, Клемансо, Альбер Вандаль и еще несколько человек, имена которых, простите, я не припомню. Остальные были немы. Многие почувствовали глубокую к армянам жалость, но так как от несчастных обычно большинство людей отворачивается, многие сумели найти основания, чтобы обвинить жертвы, упрекая их в слабости. Некоторые, встав на защиту палачей, изображали их как людей, карающих мятежников или мстящих за турецких жителей, разоренных христианскими ростовщиками...

Однако, несмотря на протесты армянофилов и робкие представления некоторых держав, вопреки заверениям турецкого правительства, гонения, иногда приглушенные и завуалированные, не прекращались. Напрасно дворцовая революция сменила руководителей Империи. Младотурки, достигнув власти, превзошли Абдул-Гамида по своей жестокости в организации резни в Адане. С течением времени несчастья этих христиан Востока наскучили людям, армяне оставались чуждыми цивилизованной Европе. Армянский народ мы знали не иначе, как по ударам, которые ему наносили. Мы не имели представления ни о его прошлом, ни о его духе и верованиях, ни о его чаяниях. Оставалось непонятным, за что его истребляли.

Так было еще года два тому назад. Разразилась мировая война. Турция вступила в нее как вассал Германии. И вдруг Армения и причины ее мученичества предстали перед Францией в ином свете. Мы поняли, что долгая неравная борьба турка-угнетателя и армянина—это борьба деспотизма, борьба варварства против духа справедливости и свободы. И когда мы увидели эту жертву Турции с обращенными на нас угасшими глазами, в которых мелькнул луч надежды, мы поняли наконец, что это наша сестра умирает на Востоке и умирает именно за то, то она наша сестра, чье преступление заключается в том, что она разделяла наши чувства, любила то, что любим мы, думала так, как думаем мы, ве-

рила в то, во что верим мы, и, подобно нам, ценила мудрость, справедливость, поэзию, искусство. Таково было ее неискупимое преступление.

Следовательно, дамы и господа, надо, чтобы собрание французов воздало должное этому народу в его огромном несчастье. Мы выполняем свой священный долг, воздаем Армении достойные ее почести, не столько за всем известные страдания, сколько за то постоянство, с каким она их переносит...

Впрочем, решение об уничтожении этого народа, который любит нас, было принято на совещаниях турецкого правительства. Все армяне, сколько их ни было, от Самсуна до Диарбекира: молодые люди, старики, женщины, дети—все они погибли, убитые по приказу султана, при соучастии Германии.

Армения испускает дух, но она возродится.

Та небольшая доля крови, которую она еще сохранила—драгоценная кровь, из которой родится героическое потомство. Народ, который не хочет умереть, не умрет никогда!.. [44]

La Revue des „Amitiés franco-étrangères", № 4, 1916, mai—juin, p. 83—85

214. Из высказываний Карла Либкнехта (июль 1916 г.)

Германия... союзница Турции, обагрившей свои руки кровью армян и во время этой войны безмерно увеличившей свой грех, учинив жесточайшую резню несчастного армянского народа...[45]

Карл Либкнехт Мой процесс по документам, Петроград, 1918, 54.

215. Джеймс Брайс об ответственности младотурецкого правительства

Перевод с английского

Резня [армян] является результатом политики, которая, насколько это можно установить, была принята на определенном этапе бандой беспринципных авантюристов, в чьих руках ныне находится власть в Турецкой империи. Они колебались в ее осуществлении на практике до тех пор, пока не настал благоприятный момент,

Такой момент, казалось, наступил повсеместно в апреле [1915 г.], когда были изданы приказы, во всех случаях исходящие из Константинополя и которые должностные лица были обязаны выполнять под страхом увольнения.

Это не было вспышкой гнева мусульман против христиан-армян. Все было совершено в согласии с волей правительства и было следствием не религиозного фанатизма, а политических соображений: правительство хотело избавиться от немусульманских народов, которые нарушали однородность Империи, составляя элемент, не всегда готовый покоряться гнету...

Центральное правительство имело своих представителей на местах: руководителей местных отделений комитета «Единение и прогресс», местных начальников жандармерии или даже отдельных низших чиновников из административного аппарата губернаторов. Если эти милосердные губернаторы проявляли нерадивость в исполнении инструкций, ими пренебрегали, вынуждали подчиниться; если же они отказывались повиноваться, их смещали, заменяя более податливыми преемниками. Так или иначе, центральное правительство оказывало давление и контролировало выполнение программы, которая исходила только от него; младотурецкие министры и их константинопольские коллеги непосредственно и лично несут полную ответственность за то гигантское преступление, которое разорило Ближний Восток в 1915 году[46].

A speach delivered by Lord Bryce in the House of Lords. Arnold J. Toynbee. Armenian Atrocities, p. 6. The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915–1916, p. 653.

216. Из книги Г. А. Гиббонса «Последние избиения в Армении»

Ближе всего и с самого начала моего пребывания в Турции мне удалось познакомиться с армянским населением и понять их отношение к младотуркам и новому режиму. В апреле 1909 г. в Адане я лично был свидетелем, как полная восторженности преданность армян была вознаграждена избиением 30 000 их населения в Киликии и Северной Сирии. Я наблюдал за их настроением до этой резни; на моих глазах была пролита их кровь,

а когда ярость избиения улеглась, мне снова пришлось жить среди них в разных местах.

С большой неохотой приходится мне упоминать о себе лично, но я сознательно делаю это, ввиду избежания возражений, основанных на моей якобы «неосведомленности» в этих вопросах или на том, что «нельзя со стороны составить себе по этому поводу правильного мнения». Я много раз убеждался, что турки и их друзья, говоря об армянском вопросе, просто отрицают все факты и ссылаются на вашу некомпетентность и неосведомленность. Вследствие этого я считаю своим долгом заявить, что не имею ни малейшего сомнения в полной достоверности всех приводимых мною в этой книге фактов и что мнение, высказываемое мною по поводу этих фактов, явилось результатом многолетних наблюдений и тщательного изучения всех данных.

С апреля 1915 года оттоманское правительство по всей Турции систематически начало проводить в жизнь тщательно обдуманный план истребления армянского народа. В течение шести месяцев убито миллион армян. Количество жертв и способ их избиения беспримерны в новейшей истории.

Осенью 1914 года турки для нужд армии начали, наравне с мусульманами, мобилизовать и христиан. По всей Турции армяне в течение шести месяцев призывались к оружию. Те, которые могли дать за себя выкуп, освобождались от призыва. Однако уже несколько недель спустя на выданные об освобождении документы перестали обращать внимание, и освобожденные забирались на службу. Более молодые из живущих недалеко от Константинополя армян назначались, как и во время Балканской войны, в действующую армию. Более старые классы и жители отдаленных провинций применялись при постройках укреплений и железных и шоссейных дорог...

В апреле 1915 года из Константинополя был послан приказ местным властям Малой Азии—принять все меры, чтобы «заранее» предупредить и подавить возможное восстание армян. В приказе было сказано, что армяне угрожают безопасности Империи и потому, в целях государственной обороны, необходимо применять самую неуклонную строгость для обезвреживания врага.

Некоторые из должностных лиц ответили, что они ничего подозрительного за армянами не замечали и на-

помнили правительству, что армяне тем более безопасны, что они безоружны, а наиболее здоровый и сильный элемент взят в армию. У некоторых турок, как видно еще не совсем исчезли совесть и чувство сострадания. Однако протестовавшие были в скором времени сменены, большинство же из чиновников с радостью откликнулось на желание, выраженное из Константинополя.

Началась новая эра избиения армян.

Вначале, в целях исполнения приказаний с возможно меньшим риском, оставшееся еще в городах и селениях армянское мужское население сзывалось в специально намеченные удобные места, большей частью за городом, причем полиция следила за тем, чтобы никто не уклонялся от приглашения. Никто не был забыт. Когда известное количество мужчин-армян собиралось в таких местах, их закалывали... Это делалось обыкновенно в маленьких городах и селениях. В более крупных центрах не всегда оказывалось удобным так легко и просто исполнять приказания, полученные из Константинополя. Армянская знать убивалась на улицах и в собственных домах. Если дело происходило во внутренних губерниях, то мужчины-армяне посылались под конвоем в какой-нибудь другой город. Через несколько часов конвой возвращался—без своих пленников. В прибрежных городах армяне на лодках отсылались в другой порт. Лодки возвращались изумительно быстро—без пассажиров.

Для предупреждения восстания армян, мобилизованных для построек путей сообщения, призванные армяне разделялись на дружины по 300—500 человек в каждой, и группы эти работали на расстоянии нескольких верст друг от друга. Целые регулярные турецкие полки, назначенные для «усмирения армянской революции», неожиданно наезжали на эти дружины, мирно работавшие кирками, ломами и лопатами и, не давая им опомниться, расстреливали их. Если кто-нибудь пытался бежать, за ним в погоню бросались конные турки и закалывали или расстреливали его.

Разделавшись таким образом с мужской половиной армянской расы, турецкое правительство не успокоилось. Старики, женщины и дети все же являлись опасностью для Оттоманской империи. Армян надо было совершенно уничтожить во всей Турции. Но каким образом сделать это так, чтобы турецкий посол в Вашингтоне и гер-

манские газеты могли сказать то же, что говорили и продолжают говорить: «Убиты только мятежники, пойманные на месте преступления с еще красными от крови руками или же уличенные в измене турецкому правительству: женщин же и детей никто не трогал»... Талаат-бей, однако, быстро нашелся с составлением нового плана действий...

С мая месяца по октябрь оттоманское правительство систематически проводило в жизнь план более адский, чем самая ужасная резня. По всей Малой Азии были разосланы приказы о выселении в Месопотамию всего армянского населения. Приказы были вполне определенные и очень подробные. Ни одна деревушка не была забыта. Глашатаи выкрикивали приказания всем армянам: к такому-то часу быть готовыми к отбытию по неизвестному назначению. Исключения не делалось ни больным, ни старым, ни беременным женщинам. Только богатые купцы, красивые женщины и девушки могли избегнуть общей участи, присоединившись к исламу: к чести их надо сказать, что очень немногие пошли на это. Времени для подготовки к пути давалось от двух дней до шести часов. Запрещалось брать с собой какое-либо имущество, домашних животных или даже лишнюю одежду. Пищи и постельных принадлежностей можно было брать столько, сколько каждый мог нести. И им пришлось «пешком» сделать переход от трех до шести недель, и под палящим солнцем, по сожженной пустыне, и через снежные горные проходы.

Когда они проходили через христианские селения, где еще не был получен приказ о выселении, им не позволялось принимать ни пищи, ни какой-либо помощи от жителей. Больные, старики и дети падали на краю дороги, чтобы больше уже не встать. Женщин, находящихся в муках родов, подгоняли вперед штыками или ударами кнута, пока не наступал момент разрешения от бремени, после чего их оставляли умирать на дороге без помощи, истекающими кровью! Более или менее привлекательные девушки забирались в гаремы... Кто мог—лишал себя жизни. Обезумевшие матери бросали своих детей в реку, чтобы прекратить их страдания. Сотни тысяч женщин и детей умирали от голода, жажды, изнеможения и стыда.

В начале пути число несчастных путников таяло с каждым днем, в конце—с каждым часом. Самым горя-

чим желанием этих страдальцев была смерть. Какая же могла оставаться надежда, какая оставаться сила, даже у самых выносливых, когда пути не предвиделось конца? И если кто-нибудь пытался свернуть с этой адской дороги, он тотчас же безжалостно закалывался или пристреливался...

Вот меры, которыми продолжают искоренять «армянскую революцию» в Малой Азии. Я только что написал все вышесказанное, как меня посетила одна англичанка, которую я знаю уже много лет. Она только месяц как вернулась из Аданы. Ее рассказы подтверждают многие другие. Тождественные факты, засвидетельствованные очевидцами, я имею из американских, английских, германских и швейцарских источников. Вот что мне рассказала моя знакомая англичанка: «Выселение армян продолжается. Из внутренних провинций эти несчастные отправляются по Багдадской железной дороге, через Адану, по пути смерти! Там, где есть железные дороги, ими пользуются, чтобы ускорить дело истребления. Обычный способ передвижения из отдаленных провинций, не имеющих железных дорог, безжалостным палачам уже не кажется достаточно скорым. О! Насколько было бы лучше, если бы они продолжали просто их убивать, как в дни Абдул-Гамида. Я была на железнодорожной станции в Адане и видела, как женщины протягивали своих детей из окон вагона и со слезами умоляли дать им воды. О хлебе они уже не просили — только воды—глотка воды! На станции имелся водопровод, и я на коленях умоляла турецкого жандарма разрешить мне дать им напиться. Но поезд тронулся, и еще долго слышались душераздирающие крики этих несчастных. И это отнюдь не является единичным фактом. Ежедневно повторялось то же самое. Лорд Брайс насчитывал 800 000 жертв. Теперь уже дошло до миллиона. Возможно ли представить себе, чтобы люди были способны обрекать на такую смерть даже диких животных!».

Но турецкий посол в Вашингтоне заявляет, что все это сплошная выдумка и что турки никогда не убивали ни женщин, ни детей!

Обсуждая отчет Американского комитета о резне армян, Джелаль Мюниф-бей, турецкий инженерный консул в Нью Йорке, заявил: «Как ни печальны эти события, мы все же можем сказать, что виновниками их являются сами армяне». Затем Джелаль Мюниф-бей рас-

сказал, что армяне задумали произвести революцию и были убиваемы турецкими солдатами только в случае сопротивления законным властям, когда их ловили с еще невысохшей кровью на руках.

Вот постоянное объяснение, даваемое по поводу резни армян в Турции. Мы его слышали в 1895—1896 и 1909 гг. Слышали его снова и в 1915 году. Но никто никогда не приводил фактов, подтверждающих истинность этих слов. С другой же стороны, совершенно очевидно, что подобное объяснение не выдерживает никакой критики и на него ссылаться никоим образом нельзя...

Если во время последних избиений и насильственного выселения, так же как и в 1909 году в Адане, армяне в некоторых случаях и защищали свой дом и семью с оружием в руках, то они пошли на это только тогда, когда вполне убедились, что оттоманское правительство их обмануло и что вопрос об их уничтожении решен. Впрочем, когда, как это было в Адане, правительство из Стамбула снова обещало им свое покровительство и защиту от мусульман-фанатиков, они вновь готовы были верить. И всякий раз их обманывали: пусть читатель не забудет, что я говорю это на основании свидетельских показаний. Представители оттоманского правительства нарушали данное слово и убивали армян, как только те складывали оружие.

...Итак, всецело убедившись, что все случаи резни и выселения армян, одновременно имевшие место по всей Турции, можно считать результатом планомерного проведения в жизнь предписаний, выработанных в Константинополе, нам приходится возложить всю ответственность за случившееся на членов турецкого правительства в Стамбуле. Очевидно, что избиение и выселение армян, непрерывно совершавшееся с апреля по ноябрь 1915 г., производились по строго обдуманному кем-то плану, исполняемому по чьему-то приказу, в каких-то целях.

Но кто же выдумал этот план? Кто приказал его исполнить? Для каких целей?

Идея этого плана была уже не новая. Мы выше говорили, как армяне возбудили к себе ненависть и недоверие младотурок тем, что поверили в искренность последних и вообразили, что предполагаемая конституция и будет настоящей конституцией. Резня в Адане была первой попыткой уничтожения армян со стороны тех

кто, захватив власть Абдул-Гамида, унаследовал также и его способ действия. В это время мне приходилось не раз слышать, как выдающиеся по своему уму и положению младотурки убежденно повторяли ходячую фразу: «Единственный способ отделаться от армянского вопроса—это отделаться от самих армян!». Мысль закончить избиение армян, начатое в Адане, была руководящей политической идеей в течение шести лет. Случай ее осуществить наконец представился. Им, конечно, немедленно воспользовались.

При начале осады Дарданелл союзниками в Константинополе все знали, что настало время, когда смертный приговор армянской нации, давно уже утвержденный и только до поры до времени спрятанный в архивы Блистательной Порты и Сераскерата, будет наконец исполнен. Разве возможно допустить, что германское посольство об этом не знало и что Талаат-бей давал свои приказания, не уведомив о них барона Вангенгейма? Разве можно поверить, что германское правительство в Берлине не было осведомлено о турецком плане, даже в том случае, если представители его в Константинополе упустили уведомить его о нем? Приводим факты.

Избиение полутора миллионов невинных христиан, верноподданных турецкого султана, было предрешено и предписано из Константинополя.

Единственным человеком в Константинополе, который, при поддержке своего правительства, мог одним словом воспрепятствовать тому, чтобы разослали приказ об избиении и выселении армян, был германский посол.

Допустим даже, что в течение первых недель резни германский посол не сразу это понял, но на его нравственной обязанности лежало использовать все влияние Германии, пока не было еще слишком поздно, чтобы остановить события, являющиеся самой черной страницей новейшей истории.

Тем самым фактом, что Германия отказалась вступиться за армян еще до начала их истребления, не стала ли она соучастницей преступления и убийства оружием, голодом, жаждой, насилием и другими зверствами, чинимыми над миллионом людей, единственная вина которых заключалась в том, что они мешали ее планам и которые оказались тем более бесправными и беззащитными, что были христианами.

Раз Германия отказалась выступить на защиту армян и во время самого избиения, разве она не является particeps criminis?

В одном из больших городов Азиатской Турции американский миссионер, с которым я лично знаком и слову которого безусловно можно верить, видел, как германский офицер лично направлял огонь турецкой артиллерии на армянское мирное население. Еще по крайней мере в двух других пунктах германские консулы всячески поддерживали турецкую политику избиения и выселения армян...[47].

Герберт Адамс Гиббонс. Последние избиения в Армении. Факты и ответственности. Перевод с английского. Петроград. 1916.

217. Выдержки из книги Ренэ Пинона «Уничтожение армян»

Перевод с французского

Младотурки ждали лишь удобного случая для осуществления своих зловещих намерений. События на границе явились достаточным предлогом для этого; после неудачных атак союзников в Дарданеллах момент оказался благоприятным. Декрет от 20 мая (2 июня по нашему стилю) предписывал массовую высылку армян в Месопотамию...

Депортация армян—женщин, детей и стариков—была лишь коварно замаскированным смертным приговором. Резня на месте была бы более человечной: она избавила бы людей от ужасных страданий.

Повсюду наблюдалась почти одна и та же картина. Прежде всего — это избиение безоружных армянских солдат их вооруженными товарищами; сотнями, тысячами этих несчастных уводили в пустынные места и там расстреливали. Тех, кого пощадили, принуждали делать самые тяжелые работы, отчего они все постепенно погибали. В городах и селах был получен приказ о депортации; обычно никакой отсрочки не предоставляется. Армяне не могут захватить с собой свое имущество, оно продается очень редко и по дешевой цене. У тех, кому удается выручить некоторую сумму, долго она не остается. Солдаты, турецкие жандармы, курды нападают на жалкие обозы, как стая волков на свою добычу; они грабят все, что представляет хоть некоторую ценность.

Стариков убивают, или они погибают от голода и утомления. Молодых женщин и девушек насильно уводят в турецкие гаремы или отдают солдатам на развлечение. Малолетних детей отрывают от матерей и отдают мусульманам...

Все самые дикие, мерзкие человеческие страсти утоляются за счет жалкой, постепенно тающей и уничтожающейся толпы. Если отдельные люди добираются до Месопотамии, они остаются там без крова и пищи в пустынных или болотистых местностях: жара, влажность окончательно губят несчастных, привыкших к суровому, но здоровому горному климату... Последние остатки караванов армян кончают тем, что умирают от лихорадки и нищеты...

Мы могли бы увеличить число этих рассказов, собрать свидетельство за свидетельством, рассказать, например, о том, как во многих местах турецкие палачи, перед тем как отправить караваны, разбивали палками подошвы ног людей, как бы уверяя, что они далеко не уйдут, но этим мы прибавили бы лишь детали к общей картине.

То, что поражает во всех этих рассказах, это организация регулярной и систематической резни. Это не тот случай, когда местные жители разной национальности набрасываются друг на друга в приступе дикой анархии. Нет. Операция начинается с правительственного декрета, вывешенного в деревнях; инструкции идут из Константинополя чиновникам высших рангов, а от них—к исполнителям. Телефон играет огромную роль в этой мрачной драме... Все проходит в образцовом порядке, не убивают в городах, чтобы избежать инфекции...

Ошибиться тут невозможно: преследуемая цель — тотальное уничтожение армянского народа путем истребления или насильственного обращения в ислам. Вслед за ними подвергнутся нападению и другие христианские народы. Их очередь настанет, когда момент окажется удобным для турецкого правительства. Это—система правительства, твердое решение, это крайнее следствие «либеральной» революции 1908 года. Младотурецкое правительство полностью ответственно за «армянские ужасы». Если бы даже было доказано — хотя не было такого случая, — что в Армении имели место заговоры и мятежи, эта ответственность не уменьшилась бы: ничто не может оправдать ни истребления мо-

билизованных в армию армян их братьями по оружию, ни резни детей и стариков, ни насильственного обращения в ислам оставшихся в живых, ни организованного грабежа, ни тех бесчисленных мерзостей, которые перо отказывается описать...[48].

René Pinon. La suppression des Arméniens. Méthode allemande—travail turc. Paris. 1916, p. 27—29, 59—61.

218. Валерий Брюсов о трагедии западных армян

В начале войны часть армянских земель (до области Вана) была занята русскими войсками, в других же турки продолжали свою прежнюю политику, не останавливаясь перед такими грандиозными избиениями, на которые не отваживался и Ленгтимур.

...Мы уже не имели возможности использовать «Синюю книгу» 1915 г. по армянскому вопросу, где собраны факты, поистине ужасающие по своей невероятной жестокости. Что бы ни говорили защитники турок, как бы ни ссылались на доводы «государственной необходимости», ничто не может оправдать массовых избиений, опустошения целых провинций, обрекания на голодную смерть изгоняемого населения деревень и городов и т. п. Вовсе не фантастичен подсчет, указывающий, что в начале современной войны в турецких областях от казней, от убийств, от голода, от истощения, в пожарах, на пути в ссылку, в пустынях, назначенных для жительства, и т. п. погибло свыше миллиона душ армянского населения...[49].

Валерий Брюсов. Летопись исторических судеб армянского народа. М., 1918, с. 100, 115.

219. Из книги Анри Барби «В стране ужаса»

Апрель 1916 г.

Четырнадцать тысяч убитых Трапезунда. Даже в зловещее время массовых избиений (1894—96) по приказу Абдул-Гамида, даже в эпоху гекатомб Аданы (1909) при младотурках—никогда армянский народ не знал тех страданий, какие он перенес, какие он переносит еще и теперь. Взятие Трапезунда русскими дало мне

возможность узнать, что произошло в этом городе в конце июня 1915 г., когда турки хладнокровно и решительно начали свое дело истребления...

Я получал возможность пополнить свои материалы об избиениях.

Главная гавань для всех судов, плавающих по Черному морю, сосед Батума, находившийся в постоянных сношениях с Одессой, Новороссийском и всеми крупными средиземными портами, начало пути для караванов, отправляющихся в глубь Турции и в Персию, в Эрзерум, Хой, Тавриз и Тегеран,—Трапезунд казался цивилизованным городом. На улицах можно было встретить не только турок, греков, армян, персов и спустившихся с гор лазов, но и многочисленных европейцев... После поражения под Сарыкамышем, как я говорил уже, все солдаты: христиане, греки или армяне—были обезоружены и отправлены на работы по устройству дороги от Трапезунда на Гюмиш-Хане, где они почти все погибли от лишений и суровости климата. 28 июня 1915 г. был отдан приказ армянскому населению быть готовым оставить Трапезунд через пять дней. Одновременно с этим приказом турецкие власти арестовали армянских нотаблей и представителей интеллигенции—всего около шестисот человек. Арестованные эти были посажены на транспортные суда для перевозки якобы в Самсун. Однако несколько часов спустя все суда вернулись пустыми. Оказалось, что в открытом море их поджидали другие транспорты с жандармами и *«все армяне были убиты и выброшены в море ...»*. Когда назначенный пятидневный срок прошел, армянское население небольшими партиями в сопровождении курдов и разбойников (т. е. жандармов) стали выводить за город, где на первом же перекрестке дорог их избивали или продавали в рабство.

У городских ворот, близ селения Джевезлик, разыгрываются сцены невыразимого ужаса. Начинается с того, что мужчин отделяют от их жен и детей, испуганные крики которых наполняют окрестности. Затем ударами сабель, ножей или выстрелами из ружей, всячески изощряясь в жестокости, мужчин избивают. Земля, трава насыщаются кровью. Дети, с широко раскрытыми от ужаса глазами, не переставая, громко кричат и плачут; женщины, ломая руки, молят о пощаде, теряют сознание, падают. Пряный запах свежепролитой крови слышен на несколько сот метров вокруг Но вот злове-

щая работа подходит к концу... Покончив с мужчинами, палачи направляются к дрожащей толпе женщин, молодых девушек и детей. Полубезумные от ужаса, прижимая к груди своих малюток, матери следят за приближением турок, из которых некоторые в крови с головы до ног... Вот они подошли. Глаза их блестят... они смеются... они издеваются... Муки женщин, только что видевших смерть своих мужей, отцов или сыновей, еще не кончены! Вот варвары уже схватили нескольких детей, донесли до ближних утесов и оттуда сбросили в море. С яростью стараются вырвать они из рук матерей малюток, которых те прижимают к себе,—матери, с сухими уже глазами, сами собственными руками душат своих детей, чтобы избавить их от турецких пыток. Душу раздирающие крики, крики ужаса и мук несутся к небесам... Слышатся горячие мольбы, безумные вопли, стоны агонии... Ребенка за ребенком вырывают из материнских объятий. Держа малюток за ноги, палачи разбивают им головки об утесы или схватывают их обеими руками и одним ударом переламывают о колено позвоночник... Когда все дети перебиты, орда берется за женщин. Большинство их лежат с перерезанным горлом или со вспоротым сабельным ударом животом. Вопли несчастных так ужасны, что слышны в Трапезунде.

Один грек, доктор Метакса, бывший свидетелем этих ужасных сцен, сошел на месте с ума...

Ни один трапезундский армянин не избег общей участи. Все, даже нашедшие приют в дружеских греческих или турецких семьях, были вырваны оттуда и умерщвлены. Ста пятидесяти молодым девушкам удалось спрятаться в городе благодаря покровительству и участию греческого митрополита. Турецкие власти узнали об этом, и девушек, вырвав «manu militari» (при помощи вооруженной силы) из их убежищ, всех или изнасиловали, или задушили,—некоторых открыто, на улице, как раз перед подъездом митрополита. В заключение я отмечаю убийство армянского архиепископа Туриана, который, приглашенный в Эрзерум, чтобы предстать перед судом, был убит по дороге туда.

Страшный «крестный» путь изгнанников. Ужасное преступление Турции—систематическое истребление целого христианского народа—это преступление *турецкого правительства и Германии.*

Действительно, почти повсюду по мере того, как на-

ступление русских позволяло познавать бедствие во всей его полноте и истине, — почти повсюду, говорю, наблюдалось, что часть мусульманского населения как в Трапезунде, так и в Эрзеруме жила в полном согласии с армянами и хотела жить так всегда. Находились даже чиновники, к несчастью, таких было немного, которые из человеколюбия делали все от них зависящее, чтобы смягчить беспощадную строгость приказов турецкого правительства, которым они подчинялись скрепя сердце.

Таким образом, вся ответственность за злодеяние падает на правительство. Однако при этом не надо забывать и надо во всеуслышание заявлять и повторять, что для предупреждения этого злодеяния, чтобы остановить его в самом начале, было достаточно одного движения со стороны Германии, одного полуслова ее представителя Энвер-паше, тому самому Энверу, который хладнокровно заявлял: «Я не намерен дальше терпеть христиан в Турции». Но Германия не только не сказала ни слова, не только не пошевелила даже пальцем—нет, она сама еще помогла палачам, давая им добрые советы и опытные указания.

В Константинополе в ночь с 28 на 29 апреля 1915 г. все известные представители армянской интеллигенции, которых так или иначе нужно было заставить молчать: депутаты, профессора, врачи, артисты, писатели и т. д., все, без различия религии и партии, были арестованы, высланы в провинцию и в большинстве случаев по пути в ссылку прирезаны.

Такая же судьба постигла интеллигенцию и в провинции. Без предъявления каких-либо обвинительных актов, без всякого суда, без малейшего повода, если не считать поводом их армянское происхождение, все они были или брошены в тюрьмы, или сосланы, или убиты. Одновременно с этим армянское население разоружили и вооружали мусульман. Собирали в банды курдов. Выпускали из тюрем преступников, чтобы из них формировать «четы», которые затем и служили для изгнанников эскортом. Чудовищный декрет 20 мая 1915 г., которым военный министр Энвер-паша от имени младотурецкого комитета приказал выслать всех армян из вилайетов Армении, Анатолии и Киликии в аравийские пустыни, к югу от железнодорожной линии на Багдад,— прозвучал для армянского народа как похоронный звон. И

действительно, высылка эта была не чем иным, как все той же резней, только в трех, следующих один за другим действиях: караван—пустыня—избиение! Истребление целого народа этапным порядком!

Дело началось приказом из столицы, расклеенным на стене во всех городах и селениях. Высшие турецкие чины получили при этом еще некоторые «полезные» указания. Телеграф и телефон ускорили рассылку приказов. В приказах же объявлялось, что все армянское население должно быть готово в чрезвычайно короткий срок к высылке в отдаленные провинции, достичь которых можно было не в дни, не в недели, а только в долгие месяцы. К этой бесчеловечной мере, как мы видели, добавили еще конфискацию всего движимого и недвижимого имущества, что превращало один из наиболее деятельных, трудолюбивых и культурных народов Востока в нищих.

В некоторых городах разрешалось тем, у кого были средства, добывать себе на вес золота или повозки, или вьючных животных. Но всякий раз или почти всякий раз, как караваны выходили за городские пределы, эти повозки и животные сейчас же отбирались. Таким образом, и богатые и бедные оставались в конце концов с тем, что имели на себе. Кроме того, и мусульманскому населению было особенно строго запрещено как покупать что-либо у ссыльных, так и продавать им. Впрочем, все равно: и при купле, и при продаже все сейчас же отбиралось и, таким образом, ни перед отправлением в свое ужасное и далекое изгнание, ни в пути никаких продуктов доставать себе несчастные не могли.

Везде первым делом старались разлучить мужей и жен, удалить мужчин и отнять детей у родителей. Везде во время пути, а иногда сейчас же после выступления и даже до него, самых красивых женщин и девушек, особенно из состоятельных семейств, схватывали и запирали в особые дома, часто просто публичные.

А затем несчастные отправлялись в путь через безводные горы и пустынные равнины Анатолии. В невыносимую летнюю жару, под смертельными лучами солнца шли они, изголодавшиеся, обессиленные, босые, в лохмотьях—шли толпой в безвестное изгнание, в котором, они знали, что надежды на спасение у них нет. Жандармы эскорта плетьми и палками подгоняли несчастных, приканчивая падавших от усталости или истощения штыками или ударами сабель...

Наконец, во многих местах, как например, это было в ущелье Кемах-Богаз[50] в двенадцати часах пути от Эрзинджана, где Евфрат, сжатый крутыми утесами, прорывается вперед узкой лентой, прибегали к более скорой расправе, к массовому истреблению, к резне «гуртом».

И до места назначения доходила едва ли четверть всех сосланных...

Одно сплошное кладбище, одну огромную могилу— вот что младотурки, поощряемые официальной Германией, сделали из Армении, утопающей в потоках крови...

Июль 1916 г.

Края ужаса. Кто ни проезжает сейчас по опустошенной Армении, не может не содрогаться, так необычайно много говорят эти бесконечные дали развалин и смерти. Нет ни одного дерева, ни одного утеса, ни одного клочка мха, который не был бы свидетелем избиений человека, который не был бы осквернен потоками пролитой крови. Нет ни одного протока, реки или речки, которая не несла бы к вечному забвению сотни, тысячи мертвых тел. Нет ни одной пропасти, ни одного ущелья, которые не были бы могилами под открытым небом, в глубине которых не белели бы открытые груды скелетов, так как почти нигде убийцы не дали себе ни времени, ни труда хоронить свои жертвы.

В этих обширных областях, когда-то оживленных цветущими армянскими поселениями, царствуют сегодня разорение и безлюдье.

В областях, остающихся еще турецкими, истребление армянского населения было, кажется, еще полнее и велось еще систематичнее, чем в районах, прилегающих к кавказской границе,—там у палачей было время действовать на свободе. Харпут — пример этому.

«В Харпуте,—пишет названный уже мною американский консул этого города,—высылка началась арестом нескольких тысяч мужчин. Ночью они были отведены в соседние горы. В их числе были: один армянский прелат, профессора армянского института и городские нотабли, а также все солдаты-армяне и все мужчины, подлежавшие призыву, но уплатившие налог за освобождение... Ни один из них не вернулся.

15 июля утром задержали еще восемьсот человек. А на следующий день они также были отправлены в безлюдные горные районы. Там, связанные партиями по

четырнадцать человек—столько позволяла длина веревки,—они были расстреляны.

В одном из соседних селений другая партия армян была заперта в мечети и окружающих домах. Там они оставались три дня без питья и пищи, после чего их отвели в ближнюю долину, поставили там около гряды скал и расстреляли. Дышавших еще после расстрела прикололи штыками или прирезали кинжалами»...

Эти варварские казни сопровождались обыкновенно бесчеловечными изощрениями в жестокости. Так, по дороге из Сиваса в Харпут—этой дорогой прошло в ссылку около полумиллиона армян—турецкие офицеры приказали отделить женщин от мужчин. Пораженные ужасом женщины были сведены в одну группу, а в нескольких шагах от них построили в шеренгу мужчин, связанных друг с другом веревками. Делалось все это не спеша, методично, в то время как офицеры курили спокойно папиросы, болтали с женщинами, обнимая наиболее красивых из этих несчастных... Вдруг один из офицеров отдал приказ. Один жандарм из эскорта—всего один—зарядил ружье, стал в конце мужской шеренги, прицелился и выстрелил... Один армянин упал... Жандарм зарядил снова и снова выстрелил.. Женщины в страхе начали голосить, а пораженные ужасом мужчины считали выстрелы, которые убивали их один за одним. Когда упал последний, жандармы ударами плетей собрали женщин и погнали их дальше. Тех, которые отказывались идти, убивали на месте... А караван шел дальше, оставив на дороге ряд жертв, из которых некоторые трепетали еще в предсмертных судорогах.

Эта дорога от Сиваса до Харпута была ареной таких гекатомб, что путешественники, проезжавшие по ней последним летом, называли ее «адом разложения». Не было возможности остановиться, чтобы напоить лошадей. Невыразимое зловоние шло от тысяч непогребенных трупов. Все было заражено: и вода в реках, и даже колодцы. В настоящее время во всем этом районе человеческих черепов много...

В Битлисском, Мушском, Сасунском округах, где жило около 150 тысяч армян, теперь их нет и десяти тысяч, да и то это главным образом женщины и дети, нищенское положение которых плачевно.

В Битлисе избиение началось только в июле 1915 г., после временного отступления русских войск от Вана.

В этом городе убийства носили периодический характер. Армян, бежавших в курдские или турецкие селения или в горы, партиями приводили в город, чтобы здесь перебить. Сначала ремесленники: каретники, кузнецы, портные и сапожники, в которых нуждалась турецкая армия,—были пощажены, но за несколько дней до взятия Битлиса армянскими добровольцами и русскими солдатами все они были задушены.

И в этом районе, так же как во всех селениях, как и в самом Битлисе, находят множество человеческих костей и скелеты несчастных армянских жертв.

Почти все зерновые колодцы (в этих странах зерно сохраняется в глубоких ямах, вырытых в земле) полны до краев наваленными во множестве человеческими костяками. Из 18 000 армян, живших в Битлисе, осталось в живых около 300—400 женщин и детей, и все они обращены в ислам.

Август 1916 г.

В Эрзинджане. Взятие Эрзинджана нашими русскими союзниками позволило мне проверить еще раз все трагические подробности, о которых я говорил в предыдущих главах.

В этом городе, расположенном в зеленеющей долине длиной в 20—25 верст, окруженной высокими горами, насчитывалось три тысячи армянских домов, шесть тысяч турецких и двадцать пять греческих. Между тем русские, вступив в Эрзинджан, нашли там не больше дюжины армянок, которые, воспользовавшись паникой, царившей среди турок, бежали из гаремов, где их держали взаперти.

Все, что рассказали они о своих собственных мучениях и о бойне, в которой погибли все их родственники, подтвердило то, о чем я уже говорил, но одно ужасное зрелище еще более всех трагических рассказов дало возможность судить о беспредельности жестокостей, совершенных турецкими властями.

Это зрелище—те человеческие костяки, теперь уже побелевшие от времени, тысячи которых можно еще видеть в долине и по склонам окружающих ее гор. Это останки тех несчастных изгнанников из Эрзерума, Харпута, Байбурта и других мест, которые в июне 1915 г. под предлогом высылки в Месопотамию были перебиты в огромном количестве в окрестностях Эрзинджана. Здесь

же был убит и армянский епископ Эрзерума Смбат Саватиан, о судьбе которого, во время моих расследований в самом Эрзеруме, я ничего не мог узнать.

Префект полиции города Мемдух-бей так чисто обобрал армян перед тем как приказать их перебить, что разбогател сразу на 50 000 турецких фунтов (около 1 250 000 франков).

Чтобы наградить этого префекта за усердие, турецкое правительство назначило его губернатором Кастемони.

Оказавшие сопротивление душегубам. Восстание обреченных. ... После недавних избиений и даже до них, как только стали известны варварские меры правительства, многие армянские общины пытались организовать сопротивление, но все их попытки, заранее и почти всюду обреченные на неуспех, ускоряли только в большинстве случаев гибель участников.

Так именно случилось в Марзване, где на сопротивление был один лишь намек, в Шапин-Гараисаре, где более энергичные усилия повстанцев были сломлены регулярными войсками, вызванными на помощь турецкому населению, в Урфе, где армяне вступили с погромщиками в настоящий бой и уступили только благодаря многочисленности посланных против них правительством войск. В Киликии повстанческое движение развернулось шире, несмотря на оппозицию со стороны епископа Сака, который, опасаясь за судьбу своей паствы, старался вместе с епископом Айнтапа успокоить волнение, давая при этом от имени правительства разные обещания, которые, само собой разумеется, никогда исполнены не были. Так, например, неустрашимое население Чок-Марзвана, показавшее в 1895 г. истинную доблесть, теперь, поверив таким обещаниям, сопротивления не оказало и было все целиком отправлено в ссылку.

В Зейтуне восстание организовали молодые люди, которые, укрывшись в горах, победоносно отбили нападение целого турецкого полка, захватив при этом значительное количество оружия и боевых припасов. Беспрестанно нападая на своих угнетателей, они наносили им немалый урон. Им удавалось даже нападать на эскорты, сопровождающие ссыльных, разбивать их и освобождать последних. За что все соотечественники их, не взявшиеся за оружие, были отправлены в ссылку в гибельные болота Конии, на их же места поселили турок, и

даже самый край утратил свое имя и стал называться впредь «Сулеймание»...

Повстанцы горы Моисея. Особенно героическое и упорное сопротивление оказали душегубам в Киликии армяне, жившие близ Антиохийского залива.

Эпилогом этого сопротивления было спасение французским флотом в сентябре 1915 г. четырех тысяч восставших, нашедших себе убежище на горе Джебель-Муса, или Моисея, в сердцах которых—вечная благодарность за это Франции.

Для армян Антиохийского залива присоединение Турции к центральным державам явилось началом целого ряда незаконных поборов всякого рода, завершившихся официальным извещением властей, расклеенным 13 июля 1915 г. по стенам во всех шести армянских селениях, призывающим жителей быть готовыми через 8 дней отправиться в изгнание в Месопотамию. Исполнение этого приказа для всех явилось бы разорением, а для большинства—смертью.

Ужас охватил несчастных. Но, несмотря на то, что надежды на возможность успешного сопротивления властям ни у кого решительно не было, большинство решило не подчиниться варварскому приказу.

Меж тем сопротивляться в самом селении, расположенном на равнине, нечего было и думать. Тогда, собрав все продукты, какие только нашлись, восставшие — около пяти тысяч мужчин, женщин и детей,—уводя с собой стада, ушли на широкую скалистую вершину Джебель-Мусы—горы Моисея.

У них было в то время всего 120 винтовок нового образца и приблизительно трижды больше старых кремневых ружей и пистолетов.

Вот, со слов одного из них, пастора Тиграна Андреасиана[51], рассказ о героическом сопротивлении и о спасении их на борту «Guichen»-а в последнюю минуту, когда положение стало отчаянным.

Как только беглецы достигли вершины горы, тотчас

же начали они работы по укреплению: прорыли, где позволяла почва, траншеи, а где нет, там настроили сильные баррикады, наваливая для этого обломки скал друг на друга. Эти работы заняли у них как раз те восемь дней, которые из милости дали им на приготовление к ссылке турецкие власти, узнавшие о решении и мятежных действиях их только 21 июня, когда и было начато на восставших первое наступление.

Но войска, думавшие покончить с мятежниками легко, были отброшены назад, понеся при этом чувствительные потери.

Тогда турецкие власти, призвав к оружию мусульман из окрестных селений, собрали настоящую армию силой в три тысячи солдат регулярных войск и четыре тысячи добровольцев, жаждавших резни. И вся эта внушительная сила появилась в одно прекрасное утро одновременно во всех горных проходах. Повстанцы защищались отчаянно, но разница в их вооружении и вооружении нападающих была слишком велика.

Мало-помалу турки продвинулись вперед, захватили высоты, и к закату солнца сражавшихся разделял один только овраг. Уверенные в победе, турки решили подождать рассвета, чтобы покончить с восставшими.

Казалось, всякая надежда на спасение для восставших потеряна. Тогда на последнем совете их вожди решили сделать отчаянный шаг: под покровом ночи ползком окружить позиции турок и захватить врага врасплох, открыв огонь со всех сторон и бросившись в общую атаку. Знание повстанцами местности, лесных тропинок, утесов и скал горы сделало возможным осуществление этого отчаянного плана. Без шума ползли они в темноте и, когда почти совсем окружили турок, бросились все на неприятельский стан.

Турки, среди глубокого сна захваченные врасплох этим неожиданным натиском, обратились в повальное бегство: наталкиваясь друг на друга в темноте и натыкаясь на скалы, они окончательно потеряли голову от противоречивых приказаний, выкрикиваемых офицерами, старавшимися собрать своих людей. Когда взошла заря, армяне насчитали на поле боя двести убитых турок и собрали значительную добычу—ружья и боевые припасы,

что помогло им пополнить недостатки своего вооружения.

Между тем турецкие власти, не желая оставаться побежденными, призвали под ружье в течение последующих дней все мусульманское население окрестностей за несколько миль. Им удалось набрать таким образом орду в 15 000 человек, которой они и обложили с суши Джебель-Мусу, чтобы взять мятежников измором.

Со стороны моря гора не была обложена, так как крутизна склонов и отсутствие порта делали это невозможным.

Действительно, у осажденных вскоре осталось съестных припасов едва на двенадцать дней. Тогда они начали искать путь спасения со стороны моря.

Трем лучшим пловцам было приказано быть постоянно на чеку и следить, не приближается ли к горе какой-нибудь корабль; при виде приближающегося корабля они должны были броситься в море и стараться доставить на борт письмо, написанное в трех экземплярах, в котором восставшие герои «умоляли, именем бога и во имя братства всего человечества, всякого англичанина, американца, француза, итальянца или русского—будь он адмирал, капитан или какой-нибудь другой начальник, до которого дойдет их письмо,—спасти их и перевезти на Кипр или другую свободную землю».

Далее, объяснив, какая варварская пытка вынудила их восстать, и указав, что общее число их четыре тысячи, осажденные кончали свою просьбу так: «Если это слишком — просить вас спасти нас всех,— то перевезите, по крайней мере наших женщин, детей и стариков; а нам дайте оружие, боевые припасы и продовольствие, и мы изо всех наших сил будем биться вместе с вами против турок.

Умоляем вас, не теряйте времени, чтобы не стало поздно».

Но дни шли, а на горизонте все не было ни дыма, ни паруса.

Между тем женщины смастерили два огромных белых флага. На одном из них написали:

«Христиане терпят бедствие. Спасите нас!».

Другой имел посредине большой красный крест.

Оба флага прикрепили к вершинам двух самых высоких деревьев и поручили часовым от утренней зари до ночи не спускать с моря глаз.

Между тем турки продолжали осаду Джебель-Мусы, производя атаку за атакой, но положение осажденных никогда уже не становилось таким отчаянным, каким было при первом столкновении, так как теперь со своих господствующих позиций они могли скатывать на врага вниз по склонам горы глыбы скал, причиняя этим ему существенный вред.

Однако боевые припасы все уменьшались, истощалось также и продовольствие, несмотря на сокращение рациона до minimum'а.

Это были дни и долгие ночи тревог.

Наконец, в воскресенье утром, на пятьдесят третий день сопротивления, осажденные увидели одного из дозорных, бегущего со всех ног и кричащего что есть силы:

«Корабль!.. Подходит военный корабль!.. Он заметил наш сигнал и отвечает нам».

Это и был французский корабль «Guichen». Пока с него спускали шлюпку, несколько повстанцев бросились в море и достигли судна вплавь.

Капитан попросил прислать к нему делегацию, чтобы точно установить число и действительное положение восставших, после чего по беспроволочному телеграфу он донес обо всем адмиралу, и спустя некоторое время к «Guichen»-у в сопровождении других французских судов и английского крейсера подошла «Жанна д'Арк». После посадки уцелевших повстанцев на суда—их оказалось 4058 человек,—отнявшей некоторое время, через два дня все армяне были уже спасены и высажены в Порт-Саиде[52].

Героическое сопротивление Вана. Еще более серьезным, чем в Киликии, оказалось сопротивление в Великой Армении, в Ване—городе с 30—40-тысячным населением, преимущественно армянским...[53]

Армянские дети. Бродячие дети. Колеся по горам и долам страдалицы Армении, которую теперь освобождают русские войска, я не только собрал множество рас-

оказов об ужасах и смерти, не только нашел следы множеств кровавых драм,—я видел еще здесь, в этой стране, как бы отброшенной назад в глубь средних веков, мучительно-странное зрелище, которое приводит на память и воскрешает самые необычайные, самые трагические легенды средних веков, когда крохотные созданьица на слабеньких еще ножках, едва начинавшие лепетать, шли одни в этот мир разочарования и мук!

Армянские дети!.. Я уже говорил, какова была судьба тех, которые, избежав смерти, остались—бедные крошки, бездомники—в руках палачей их родителей: турки раздали их по мусульманским семьям, где все было чуждо и враждебно им, а курды увели их с собой в глухие горы.

Из числа этих последних детей довольно многим удалось убежать от своих похитителей, и они, не отдавая себе отчета в опасностях и непреодолимых трудностях пути, старались вернуться в свои родные селения, туда, где некогда был их отчий дом...

Сколько заблудилось их!? Сколько, истощив свои слабые силы, погибло на пути от усталости, голода, холода и страха!? А те, которые каким-то чудом добрались до своих мест, не нашли ни селений, ни домов, а только пустынные развалины, груды холодного пепла тут и там и кости...

И все же они остались жить среди этих куч мусора и обломков, бывших когда-то их родным домом. Они, прячась, голые и одичалые, жили там недели и месяцы, жили, оторванные ото всех, питаясь разными отбросами, травой, корнями и насекомыми!

Я видел нескольких из них, подобранных русскими войсками и армянами-добровольцами.

Во время вступления русских войск в Вартенис, соседнее с Мушем селение, казаки, бывшие на разведке, увидели вдруг страшное зрелище: четыре ребенка, истощенные и исхудалые, совершенно голые, сидели на корточках вокруг разлагавшегося трупа лошади и, вырывая клочья гнилья, жадно пожирали их. При виде казаков трое из них убежали с необычайной быстротой в поля, и найти их не удалось. Только одна маленькая девочка, лет около десяти, осталась, продолжая свой отвратительный пир, и была взята...

В Дзегхазе среди развалин селения был найден также маленький мальчик лет восьми. Умирая от голода,

обессиленный, скелетоподобный, он двигался едва-едва. Три месяца, как он жил там один, покинутый всеми...

Агония сосланных в Месопотамию. Становища пыток и смерти. Вдоль знойных берегов далекого Евфрата, между огненно жаркой Месопотамией и Бадиет-эль-Шамом, в голой пустыне Сирии, в проклятой местности, которая — сам ад, лежат становища ссыльных армян, избежавших общей бойни. По единогласным показаниям редких путешественников, которым удавалось приближаться к этим становищам, существование несчастных таково, что описать ужас его нет слов: от Алеппо до Багдада они медленно умирают.

Перенося ужасающие страдания, без крова, без достаточной пищи, всегда на ветру, и в смертельные холода зимы, и в страшную жару неумолимого лета,—они гибнут в большом числе ежедневно, и тех, которых уносит смерть, не так жаль, как остающихся в живых...

Трагический документ. Относительно ужасной судьбы всех этих несчастных ссыльных, медленно погибавших от мук голода, истощения и болезней, в мое распоряжение поступил впоследствии новый документ—неопровержимый и точный.

Документ этот из архива «Американского комитета по оказанию помощи армянам и сирийцам». Это последний рапорт, посланный Комитету осенью 1916 г. хотя и не американцем, но лицом, принадлежащим к одной из нейтральных держав.

«Мне невозможно передать, — говорится в рапорте—то впечатление ужаса, которое осталось у меня после посещения армянских становищ, особенно расположенных на восток от Евфрата, между Мескене и Дейр-эл-Зором. В этом районе даже и становищами нельзя назвать те места, где ссыльные, в большинстве голые, остающиеся почти без пищи, согнаны вместе, как скот, и живут под открытым небом, без всякого крова, в ужасных условиях чрезмерно сурового климата пустыни, с палящим летом и вселеденящей зимой.

Только немногим, еще не совсем обессиленным удалось устроить себе убежища под землей, на берегу реки; да еще некоторые другие, сохранившие от погрома кое-какие лохмотья, построили жалкое подобие палаток.

Все изголодались. Все с их испитыми, бледными, угрюмыми лицами, иссохшим, исхудалым телом кажутся ходячими скелетами, подтачиваемыми самыми ужас-

ными болезнями. Впечатление таково, что правительство хочет уморить их всех голодом».

Затем автор рапорта напоминает, что эти остатки армянского населения Турецкой Армении, выброшенные на берег Евфрата, состоят исключительно из женщин, детей и стариков. Мужчины средних лет и молодые люди были в большинстве перебиты, а остающиеся в живых рассеяны по всем дорогам Империи, где они бьют щебень. Молодые девушки, даже совсем еще подростки, стали добычей мусульман—если только и они не были перебиты в пути.

Дальше в рапорте говорится:

«Верховые жандармы маячат вокруг концентрационных лагерей, чтобы препятствовать побегам в пустыню, где смерть неминуема

Я встретил несколько таких беглецов, предоставленных жандармами их собственной судьбе, окруженных целой стаей голодных псов, только и ждущих, когда кто-нибудь из несчастных испустит последний вздох...».

Голоса детей, обвинявшие палачей. Чтобы закончить мой очерк о мученичестве несчастной Армении, я должен еще описать ряд ужасающих сцен, быть может, более ужасающих, чем все другие, так как жертвами палачей являются дети...

И рассказывали мне о них сами же дети

Близ Тифлиса, над городом, на окружающих высотах разбросано около дюжины ферм и дач, обращенных в настоящее время в приюты, где армянским национальным бюро при помощи частной благотворительности содержатся армянские дети, родители которых или умерли, или пропали без вести в бурю, опустошившую их родину.

Тифлисские армянки или сами же беженки из Турецкой Армении ухаживают за этими детьми, возраст которых колеблется от нескольких месяцев до юношеских лет, и стараются заменить им тех дорогих близких, которых большинство не увидит уже больше никогда.

Почти все дети из Ванской, Битлисской и Шатахской провинций попали на Кавказ вместе с толпой турецких армян-беженцев.

Я был у этих детей и расспрашивал их. Большинство находится еще в каком-то оцепенении от пережитых ужасов и боится говорить: при одном напоминании о

том, что они видели и что перенесли, их охватывает дрожь и ужас.

Например, одна девочка семи лет мне сказала: «О, я видела много ужасных вещей, но рассказывать о них не хочу... опять меня будут мучить кошмары». Другая, десяти лет, по имени Пайлун (Блестящая), ответила только: «Когда убили у меня на руках моего малютку-брата—я онемела... Я еще могла кричать, когда убивали маму, но больше никогда...». Ее язык стал заплетаться, и она замолчала. Такой полунемой осталась она несколько недель, да и в настоящее время чуть небольшое волнение, и она немеет...[54].

Анри Барби В стране ужаса. Тифлис, 1919.

220. Из воспоминаний турецкого чиновника Наим-бея[55].

(Высылка и резня в Рас ул-Айне и Дейр Зоре в 1916 г.)

Перевод с английского

Я полагаю, что история высылки и резни армян... не имеет ничего себе равного в написанных по сей день повествованиях о бесчеловечных поступках. В какой бы уголок обширной территории Турции ни бросить взгляд, в какое бы глубокое ущелье ни взглянуть — везде можно найти тысячи трупов и скелетов армян, зарезанных и изуродованных самым жестоким образом.

Мне тогда еще не приходилось иметь дело с высланными; я состоял секретарем на службе Табачной монополии в Рас ул-Айне. За деревней, у берега реки, я видел караван из сотен несчастных женщин и детей, которые приходили в деревню каждое утро, чтобы просить милостыню. Некоторые из них носили воду, пытаясь просуществовать крохами хлеба, заработанными таким путем.

Но тогда еще было лето, и они могли найти убежище в расселинах скал или холмов. Когда же настала зима, в тишине ночи раздавались стоны умирающих от холода и голода...

Я никогда не забуду этой ночи. Я находился в доме каймакама. На дворе бушевала буря. На расстоянии десяти минут ходьбы от того места, где мы находились, слышны были стоны и плач этих несчастных людей, предоставленных произволу стихии. Каймакам Юсуф

Зия-бей был добрым, сердечным человеком Мы вместе с ним вышли из дома и направились в дом одного аги, еще к некоторым другим и с трудом добыли две-три палатки. При помощи десяти или пятнадцати жандармов и других людей нам удалось разбить палатки, которые могли служить убежищем несчастным жертвам. Смерть их являла печальное зрелище, но еще ужаснее было видеть, как собаки пожирали трупы людей.

Это были остатки несчастного армянского населения Себастии, Диарбекира и Харберда. Из пяти или шести провинций было выселено около одного миллиона жителей. К моменту прибытия на место высылки в каждом караване оставалось едва 100—150 женщин и детей. Это говорит о том, что большинство было вырезано в пути.

Я прибыл в Алеппо. Случилось так, что Абдуллахад Нури-бей, прибывший тремя-четырьмя днями раньше в качестве представителя Главного комитета по делам высылки, назначил меня своим главным секретарем.

Несмотря на то, что я был очевидцем преступлений в Рас ул-Айне, я все же не мог понять их цели. Только впоследствии я постиг их смысл. Я содрогался каждый раз, когда приходилось регистрировать зашифрованные секретные приказы На смерть была обречена целая нация, в том числе женщины и малолетние дети.

Правительство сначала решило направить высланных армян в Маару, Баб и другие отдаленные районы Алеппо. Затем, однако, последовал приказ о назначении местом высылки долину реки Хан-Зор (близ Дейр Зора).

Однажды поступила следующая телеграмма от министра внутренних дел: «Цель высылки известного народа[56] состоит в том, чтобы обеспечить благополучие нашего отечества в будущем, ибо, где бы они ни жили, они никогда не откажутся от мятежных идей. Мы поэтому должны стремиться, насколько возможно, уменьшить их число»

Эта телеграмма поступила в ноябре 1915 года. Восемь дней спустя она была передана Абдуллахаду Нури-бею даже без утверждения генерал-губернатором. В тот вечер, в 11 ч. 30 мин., начальник высланных Эйюб-бей и начальник жандармерии Эмин-бей поспешили в управление губернатора, чтобы встретиться с Нури-беем. Нури-бей тут же показал им полученную

телеграмму, и они беседовали еще в продолжение часа. Темой их беседы был вопрос о способах уничтожения армян. Эйюб-бей стоял за открытую резню, но Абдуллахад Нури-бей, человек очень хитрый, с этим планом не согласился. Его идея состояла в том, что целесообразнее подвергнуть их тяжелым испытаниям нужды и суровой зимы. Убивая их таким образом, можно было для будущего заручиться доказательством, будто они умерли естественной смертью.

До этого момента жандармы не вмешивались в дела высланных в Алеппо. Теперь жандармы стали действовать совместно с полицией.

Вскоре в Алеппо приступили к активным действиям. Высланных сосредоточили в районах Гармы и Килиса, а также вокруг Алеппо. Их направляли группами в Актерим, а оттуда — в Баб. Последовало то, на что рассчитывали представители власти. Ежедневно поступали донесения о сотнях умерших от голода, холода и болезней. Эйюб-бей отправился в Азаз. По возвращении он явился в управление губернатора и с радостью сообщил, что сжег палатки. Баб оказался переполненным людьми. Всюду свирепствовал тиф. Каймакам и чиновники, ведающие делами высылки, ежедневно посылали донесения о смертности. Смерть разила не только армян, она косила также местное население.

Однажды я сказал Абдуллахаду Нури-бею: «Бей-эфенди, давайте сделаем ссылку армян менее строгой, иначе смерть будет грозить всей Месопотамии. В этих обширных областях никто, кроме чертей, не останется. Каймакам в Расул-Айне сообщает тревожные сведения».

Нури-бей засмеялся. «Мой мальчик, — сказал он, — таким образом мы сразу избавимся от двух опасных элементов. Вместе с армянами ведь умирают арабы! Разве это плохо? Ведь расчищается дорога для туркизма!».

Этот ужасный ответ заставил меня содрогнуться.

Что заставляло этого человека так смело и безбоязненно проводить этот жестокий и дьявольский план? Об этом можно сказать многое, но копия одного приказа, найденная среди бумаг Комитета по делам высылки, сама по себе достаточна, чтобы объяснить ту смелость и уверенность, с которыми Нури-бей выполнял порученную ему задачу,— истребить всех армян. Вот этот приказ:

«Хотя вопрос об истреблении армянского элемента, который в течение веков стремился разрушить прочный фундамент нашей Империи, а в настоящее время стал реальной опасностью, был решен ранее, обстоятельства не позволяли осуществить это священное дело. Теперь, когда все препятствия устранены и настало время избавления нашего отечества от этого опасного элемента, настоятельно рекомендуется не поддаваться чувству сострадания при виде их жалкого положения, а покончить со всеми и всячески стараться уничтожить само название «Армения» в Турции. Следите за тем, чтобы те, кому будет доверено выполнение этой задачи, были патриотами и надежными людьми».

Ни дата этого приказа и ни лицо, которому он был адресован, неизвестны, так как это была копия. Однако все указывает на то, что приказ был послан от имени Талаат-паши — министра внутренних дел — прямо генерал-губернатору и передан им Комитету по делам высылки. Этот приказ должен был прибыть в Алеппо до приезда Абдуллахада Нури-бея, вероятно, еще при управлении Джеляль-бея. Быть может, по этому именно поводу Джеляль-бей телеграфировал в Константинополь: «Я являюсь губернатором этой провинции, и не могу быть ее палачом». Он был немедленно уволен, и на его место был послан Бакир Сами-бей, который также был противником резни.

Главный надсмотрщик Шукри-бей был уже на протяжении нескольких месяцев в Алеппо, составляя планы высылок и резни. Однако он не мог найти достаточно надежных людей для выполнения ужасного плана. Генерал-губернатор Джеляль-бей еще не был уволен, и нельзя было рассчитывать на его помощь. Начальник полиции Фикри-бей находился под влиянием Джеляль-бея и также не одобрял резни, так что и на его помощь нельзя было надеяться. Единственный, на кого Шукри-бей рассчитывал, это Джемаль-бей, специально посланный для руководства резней армян. Оба работали совместно для осуществления злодеяния, но они ничего не могли сделать...

Только после того, как генерал-губернатором Алеппо назначили Мустафу Абдулхалик-бея, произошла эта ужасная резня.

Вначале высылка армян в пустынные районы производилась исполнительной комиссией при Комитете по

делам высылки в Алеппо. Пока этим делом занималась исполнительная комиссия, высланные были относительно ограждены от насилия и грубого обращения. Правительство ясно понимало, что при этих обстоятельствах оно не могло добиться своей конечной цели и поэтому уволило губернатора (Бекир Сами-бея) и назначило на его место Мустафу Абдулхалик-бея, которого сумело привлечь на свою сторону. Этот человек был врагом армян и стремился якобы во имя Турции уничтожить весь армянский народ. Приказы, которые он издавал для Комитета по делам высылки, были настолько безжалостны, что трудно объяснить...

Правительство назначило Абдуллахада Нури-бея помощником этого человека. Представитель Главного комитета по делам высылки Нури-бей был очень умным, но жестоким от природы человеком. Одержимый ненавистью к армянам, он был воплощением утонченной жестокости. Страдания и несчастия армян, так же как и частые донесения о случаях смерти среди них, наполняли его таким восторгом, что он чуть не плясал от радости, ибо все это было результатом его распоряжений. «Правительство не желает, чтобы этот народ существовал», — говорил он обычно. Он это повторил, когда его позвали в канцелярию правительства перед отъездом в Алеппо. Советник при Министерстве внутренних дел предложил ему повидаться с Талаат-пашой. Нури отправился в Высокую Порту. У паши было несколько посетителей.

«Когда вы уезжаете?» — спросил Талаат и, отведя его к окну, добавил тихим голосом: «Вы, конечно, знаете возложенную на вас задачу? Мы должны увидеть Турцию, избавленную от этого проклятого народа [армян]»...

Главным пособником Абдуллахада Нури-бея был его непосредственный подчиненный Эйюб Сабри-бей, кровожадный человек и взяточник. Убийства, а еще больше ограбления были целью его жизни. В период службы в этой должности он накопил большое состояние...

В соответствии с декретом губернатора Алеппо Абдулхалик-бея представитель Главного комитета по делам высылки Абдуллахад Нури-бей приступил к организации высылок, и когда они начались, преступления последовали одно за другим.

Из Министерства внутренних дел прибыл новый ужасающий приказ, предоставляющий им полную свободу действий, хотя они и не нуждались в этом.

Приказ этот гласил:

«Губернатору Алеппо.

9 сентября 1915 года. Право армян жить и трудиться на турецкой земле полностью отменено. В соответствии с этим правительство берет на себя всю ответственность и приказывает не щадить даже детей в колыбели. Выполнение этого приказа в некоторых провинциях уже дало свои результаты. Несмотря на это, по неизвестным нам причинам были сделаны исключения в отношении известных людей: вместо того чтобы быть отправленными прямо на место высылки, они оставлены в Алеппо. Это ставит правительство в еще более затруднительное положение. Не принимая во внимание их возражения, удалите оттуда всех, как женщин, так и детей, кто бы они ни были, даже тех, кто не в состоянии двигаться. Не позволяйте людям защищать их, ибо вследствие своей несознательности они ставят материальные выгоды выше патриотических чувств и не могут понять большой политики правительства, настаивающего на этих мерах. Вместо косвенных мер по истреблению, применяемых в других местах, как, например, строгость, поспешность высылки, трудности перемещений и разные невзгоды, — можно без риска прибегать к непосредственным мерам. Действуйте лишь с усердием.

Военное министерство сделало общее распоряжение командирам армии, чтобы они не вмешивались в дело высылки.

Передайте ответственным лицам, назначенным для выполнения этого задания, что они обязаны проводить в жизнь наше истинное намерение, не боясь ответственности. Благоволите представлять еженедельно цифровые отчеты о Вашей деятельности.

Министр внутренних дел Талаат»[57]

Когда был получен этот приказ, Комитет по делам высылки в Алеппо уже имел право по прямому указанию генерал-губернатора совершать любые действия.

Все дело по высылке было сосредоточено в одних руках для того, чтобы приказания по осуществлению варварских мероприятий сохранились по возможности

в тайне, с тем, чтобы широкая публика не узнала о происходящем и слухи о преступлениях не просачивались за границу.

Лагерь, где были собраны высланные, находился на злополучном холме Карлик, на расстоянии 20 минут от Алеппо. Оттуда высылаемые отправлялись в пустыню. Жизнь армян здесь зависела от произвола полицейского сержанта или чиновника по высылке.

Во всяком случае, здесь было мало надежды остаться в живых для всякого, кто попадал за пределы Алеппо. Весь путь от Карлика до Дейр Зора представлял собой дорогу мучений — кладбище. Ответственным чиновникам было приказано не бояться прибегать к жестокостям, приводящим к смерти.

Это подтверждается двумя следующими телеграммами, посланными министром внутренних дел Талаат-пашой

«До нашего сведения дошло, что некоторые чиновники были преданы военному суду по обвинению в вымогательстве и жестокости в отношении известного народа [армян] Даже если это явится лишь простой формальностью, энергия прочих чиновников может ослабеть. По этой причине я приказываю не допускать подобных расследований.

Министр внутренних дел Талаат».

«Если обращать внимание на жалобы, подаваемые известными лицами [армянами] по всякого рода личным делам, то не только задержится их отправка в пустыню, но также создастся основание для ряда действий, которые в будущем могут вызвать политические затруднения. Необходимо отдать соответствующие приказы чиновникам.

Министр внутренних дел Талаат».

Позже были получены инструкции от министра внутренних дел о том, что письма и телеграммы, адресованные высшим правительственным чиновникам с жалобами, должны приниматься, но не доставляться.

Резня в Рас ул-Айне. В то время как высылки осуществлялись по железной дороге, каймакам Юсуф Зиябей доносил, что в Рас ул-Айне нет больше места для армян. Кроме того, он сообщил, что ежедневно умирает пятьсот-шестьсот человек и что невозможно ни хоронить мертвых и ни отправлять живых дальше на юг.

Он получил ответ следующего содержания: «Ускорьте высылку, тогда те, которые не в состоянии двигаться, упадут и умрут на расстоянии нескольких часов от города, и город освободится как от живых, так и от мертвых».

Как видно из последних докладов местных чиновников по высылке и из отчета каймакама, за четыре месяца от голода и болезней умерло от 13 000 до 14 000 человек.

Таково было положение армян в Рас ул-Айне, а между тем в Алеппо турки подумывали о новых методах их полного уничтожения. Все говорило за то, что Юсуф Зия-бей не согласится стать орудием для выполнения этого преступления. Однако еще большее препятствие представлял собой губернатор Дейр Зора Али Суад-бей, который сделал все, что мог, чтобы облегчить страдания армян...

Однажды Суад-бей обратился к каймакаму со следующими словами: «Не будем спрашивать, почему армяне высылаются. Это нас не касается. Мы можем обращаться с ними так, как нам заблагорассудится. Если мы хотим, мы можем защищать их, сохранить им жизнь и использовать их ремесла. Если мы захотим, мы можем их уничтожить. Мы не можем устранить несчастье, которое над ними тяготеет, но мы можем смягчить его. Я полагаю, что благодаря их труду эти пустыни могут быть превращены в цветущие поля и вместо этих хижин — воздвигнуты прекрасные здания».

В это же время в Алеппо вырабатывался план истребления этих людей.

Приказания, отданные чиновникам, ведающим высылкой в Рас ул-Айне, не были приведены в исполнение. Абдуллахад Нури-бей, прибыв в Рас ул-Айн и припугнув Арел-бея — чиновника, ведающего высылкой, установил, что сам губернатор Дейр Зора Суад-бей не выполнил приказа о выселении армян в пустыню.

По возвращении в Алеппо Нури-бей донес генерал-губернатору (вали) Абдулхалик-бею об истинном положении вещей. Генерал-губернатор послал немедленно следующий шифрованный приказ Али Суад-бею:

«То, что тысячи армян остаются в Рас ул-Айне, противоречит священным намерениям правительства. Гоните их в пустыню».

Суад-бей ответил: «Нет средств для отправки этих

людей. Если Ваша цель убить их, то я не могу сделать этого сам или заставить других».

Мустафа Абдулхалик-бей направил эту телеграмму в Константинополь министру внутренних дел, добавляя к ней следующее донесение относительно Суад-бея:

«Министру внутренних дел.

23 декабря 1915 г.

Мы узнали от представителя главного надзирателя Комитета по делам высылки, что армяне, высланные в Рас ул-Айн, все еще находятся там... Лицом, покровительствующим им и позволявшим им поселиться, является губернатор Дейр Зора Али Суад-бей.

Несмотря на то, что мы неоднократно писали, что скопление армян, оправдываемое отсутствием транспортных средств, в небольшом, но столь важном по своему расположению городе, как Рас ул-Айн, налагает на нас большую ответственность, — мы все же не добились никаких результатов.

Пристрастие, проявляемое в отношении их, и покровительство со стороны Али Суад-бея достигли невероятных пределов. Согласно имеющимся сведениям, он одевает и присматривает сам за некоторыми армянскими детьми, он оплакивает вместе с ними страдания их родителей...

Так как сохранение подобного положения вещей вызывает ненужную задержку в деле дальнейшего перемещения высланных из Алеппо, то мы обращаемся к Вашему превосходительству с просьбой сделать необходимые распоряжения.

Мустафа Абдулхалик, генерал-губернатор (вали)».

Именно вследствие этого рапорта Али Суад-бей был впоследствии уволен.

Таково было положение до февраля 1916 года. Затем в Рас ул-Айн прибыл пользующийся дурной славой один из самых жестоких организаторов резни армян, бывший генерал-губернатор Вана Джевдет-бей, шурин военного министра Энвер-паши. Покончив с резней в Ване, он прибыл в Муш, где он также руководил резней. Оттуда он направился в Битлис, чтобы закончить резню, начатую Мустафой Абдулхалик-беем. Назначенный губернатором Аданы, он по пути туда в феврале 1916 г. прибыл в Рас ул-Айн, где в это время скопилось около

50 000 высланных армян. Каймакам вышел встретить его со свитой.

Среди высланных случайно находился один армянский врач — доктор Грештакян, состоявший в штате Исполнительной комиссии Багдадской железной дороги. Этот доктор впоследствии рассказывал, что Джевдет-бей прежде всего обратил внимание на гору, у подножья которой были разбиты тысячи палаток высланных армян.

Джевдет-бей решил, что это военный лагерь и спросил, куда направляются эти солдаты. Каймакам объяснил, что это не солдаты, а высланные армяне. Услышав это, Джевдет-бей, не подозревая, что среди присутствующих есть армянин, воскликнул: «Разве эти собаки все еще существуют? Я приказываю вам всех их перерезать».

Каймакам отказался выполнить это приказание, говоря, что он не может пролить кровь такого большого числа ни в чем не повинных людей, никогда не причинявших ему никакого зла.

«Значит вам неизвестна политика, которой придерживается правительство?»,— сказал Джевдет бей, пригрозив ему увольнением.

За словом последовало действие: он вызвал начальника телеграфной конторы и немедленно донес в Константинополь о происшедшем. Следствием этого могло быть только увольнение каймакама, что и последовало. Юсуф Зия-бей был удален из Рас ул-Айна, и через десять дней прибыл новый каймакам — молодой человек из Кочаны (в Румелии), Керим Рефи-бей. Он был приверженцем Джевдет-бея.

Приказ о преступных действиях в Рас ул-Айне исходил непосредственно из Алеппо. Этот приказ был дан начальникам конвоя. Некоторые из них прибыли в Алеппо и имели свидание с Мустафой Абдулхалик-беем. Через четыре или пять дней после их возвращения каймакам сообщил шифрованной телеграммой, что они прибыли и получили его приказания. Резня последовала почти немедленно после высылки, так как она была совершена неподалеку от города, в основном на берегу реки Джурджиб и на дороге в Шаддад. Армян уводили группами и убивали самым жестоким образом. Некоторым из них удалось бежать в Рас ул-Айн, ибо бежать в другое место не было возможности, где они расска-

зали об этих ужасах. Можно себе представить страх, который охватил этих беспомощных людей, когда к ним приходили с револьверами, кнутами и дубинами, чтобы гнать на бойню. Не жалели ни больных, ни детей, ни стариков.

«Не оставляйте никого в живых, в частности детей до пяти-семи лет. Иначе они вырастут и будут стремиться отомстить».

На место Али Суад-бея губернатором в Дейр Зор прибыл Зеки-бей. Так как резня уже началась, то ему нужны были люди для осуществления этой дьявольской работы. Зарезать 200 000 человек — не легкое дело.

Большинство людей, работавших на строительстве железной дороги, были армяне. Правительство под тем предлогом, что они непригодны для данной работы, издало следующий приказ:

«№ 801. 26 декабря 1915 г. Губернатору Алеппо.

Решено, чтобы все армяне, работающие на железной дороге или на другом строительстве, были высланы на места высылки. Военное министерство об этом сообщило начальникам лагерей высланных.

Министр внутренних дел Талаат».

На этом основании через военные комиссариаты железных дорог были запрошены их списки. Оба железнодорожных комиссара — Хайри-бей и Джеляль-паша — проявили в этом вопросе большую мягкосердечность...

Вскоре после этого вопрос был снова поднят, и тогда пришла следующая телеграмма:

№ 840. 16 января 1916 г. Губернатору Алеппо.

До нашего сведения дошло, что вдоль линии между Интилли, Айраном и Алеппо находятся около сорока или пятидесяти тысяч армян, преимущественно женщин и детей. Те лица, которые вызывают затруднения, создавая скопления высланных в местностях, имеющих важное значение для перевозки войск, будут наказаны со всей строгостью. Ввиду этого свяжитесь с губернатором Аданы и отправьте этих армян немедленно в Алеппо, не позволяя им продвигаться дальше. Я с нетерпением жду сведения о результатах в недельный срок.

Министр внутренних дел Талаат».

В тот же день в дополнение к первой телеграмме была получена другая телеграмма:

«Губернатору Алеппо.

В добавление к телеграмме от 16 января № 840.

Не высылайте армянских рабочих, оставленных в Интилли и Айране, пока не будет закончено строительство железной дороги. Но так как им не разрешается проживать со своими семьями, то расквартируйте их временно в окрестностях Алеппо. Остальных, женщин и детей, отправьте немедленно в пустыню, согласно предыдущей телеграмме.

Министр внутренних дел Талаат».

Вследствие выполнения этого приказа, малолетние дети были брошены тут же под деревьями, голодными и голыми.

Господин Коппель[56] собрал этих детей, уместил в ящики от динамита и отвез их в Интилли, где их воспитывали в его сиротском доме. Несколько дней спустя немецкий директор Багдадской железной дороги упрекал его за такую благотворительность.

Группы, отправленные через Айнтаб и Мараш, были поголовно вырезаны в пути, так что никто из них не прибыл в Мардин. 500 человек из этой группы были доставлены в Рас ул-Айн...

В то время как резня в Рас ул-Айне и Интилли приходила к концу, стали готовиться к еще более ужасной резне; на этот раз Зеки-бей должен был истребить 200 000 армян, сосланных в Дейр Зор.

Зеки-бей нетерпеливо отправлял телеграммы губернатору в Алеппо, требуя, чтобы армяне, находящиеся по соседству с этим городом, были как можно скорее отправлены к нему.

Но настоящий террор начался, когда стали гнать людей из Алеппо и окрестностей в сторону Мескене. Караванам не было конца. Баб, Маара и Мамбидж были полностью эвакуированы. Несмотря на суровую погоду, армян гнали в сторону Мескене, часто пешком, изредка на ослах или верблюдах. Но даже там им нельзя было оставаться; приказ требовал, чтобы они прибыли в Дейр Зор.

Большая часть высланных на берега Евфрата была из окрестностей Константинополя, а также из Родосто, Никомедии, Партизака, Адабазара, Джизре и Конии,

одним словом, это были армяне, высланные из мест, расположенных вдоль Анатолийской железной дороги, и из Кесарии.

Эти новые высылки вызвали всеобщее удивление. Непонятно было, почему людей гнали по направлению Дейр Зора. Но была еще более основательная причина для тревоги. Вести о резне в Рас ул-Айне, кроме других мест, проникли также и в Мескене. Резня, которая продолжалась несколько лет, не могла оставаться тайной даже в пустыне.

Стало известно, что высланных больше не будут отправлять правым берегом Тигра, а будут отправлять только левым. Это было равносильно смертному приговору для отправляемых караванов, так как этим караванам пришлось бы двигаться от берега Тигра до Ракка по безводной пустыне, где им грозила неизбежная смерть от голода и жажды. Эль-Джезире — так назывался левый берег реки — был дорогой к могиле.

Прибывшие из Баба выселенцы усилили панику, сообщив о следующем приказе генерал-губернатора Алеппо и мэра этого города на имя каймакама Баба:

«Весьма срочно и секретно.

Не задерживайте даже приговоренных армян и армян, обвиняемых или арестованных полицией. Отправьте их немедленно в Дейр Зор...».

Во всех приказах правительства говорилось. «Присоединяйте к караванам и отправляйте их». Эти двусмысленные слова означали: «Отправляйте их в пустыню». Но даже в пустыне высланные армяне не имели определенного места. Их постоянно заставляли передвигаться с места на место — неизвестно куда. Достаточно было, чтобы они не оставались долго на одном месте: ходьба должна была истощить их силы.

Правительство послало следующую телеграмму в Алеппо:

« № 723. Шифрованная телеграмма от министра внутренних дел на имя губернатора Алеппо.

3 декабря 1915 г. Отправьте без промедления армян и прежде всего тех, кто находится в окрестностях Алеппо, на место их высылки и донесите об исполнении.

Министр внутренних дел Талаат».

В начале высылок деревни вокруг Алеппо предназначались для жительства армян. В этих селениях было

размещено большое число армян. По получении указанной телеграммы в окрестности Алеппо были посланы конные жандармы, которые самым жестоким образом выгоняли людей из селений и гнали их по направлению Мескене, где большинство погибло...

Из Алеппо были получены указания не давать высланным ни есть, ни пить в пути, чтобы таким образом, по мере возможности, уменьшить их число.

20 января 1916 г Абдуллахад Нури-бей писал чиновнику Комитета по делам высылки в Бабе Мухаррем-бею:

«№ 344. 20 января 1916 г. Вы, несомненно, цените доверие, выказанное Вам правительством, и даете себе отчет в важности доверенного Вам дела. Вы не должны разрешить оставаться ни одному армянину в Бабе. Только Ваша строгость и быстрота действия в отношении высылок могут обеспечить выполнение намеченного нами плана. Вы должны только следить за тем, чтобы трупы не оставались на дорогах. Сообщите нам почтой максимальную сумму вознаграждения, которое Вы предполагаете заплатить людям за выполнение этой работы.

Не беспокойтесь в отношении транспортных средств— высланные могут идти пешком.

Недельная сводка о смертности, сообщенная нам за последние несколько дней, неудовлетворительна...

Отправка высланных не должна носить характера путешествия. Не обращайте внимания на протесты и плач. Правительство дало необходимые указания также каймакаму.

Абдуллахад Нури».

Абдуллахад Нури-бей издал затем следующий приказ:

«Ни один чиновник не будет нести никакой ответственности за суровое отношение к высланным армянам».

В соответствии с предыдущими указаниями все высланные, находящиеся в Бабе, должны были быть изгнаны в двадцать четыре часа. О числе умерших докладывалось в Константинополь шифрованными телеграммами раз в две недели.

Правительство требовало, чтобы все армяне были уничтожены; они больше не имели права на существование...

В то время как ликование турок достигло своего апогея, высылки в Алеппо стали настолько жестоки, что жандармы и полиция врывались в дома, связывали

несчастных армян и выгоняли тех, кто, не имея никакой защиты, кроме бога, прятался в смертельном страхе.

Как-то раз несчастный человек подал заявление, в котором говорилось, что всех членов его семьи, заболевших тифом, вышвырнули на улицу, бросили в повозки для мусора и отвезли в Карлик. Несчастный человек со стонами и плачем умолял, чтобы ему дали хотя бы десятидневную отсрочку. Он не знал, что приговорен к смерти. Никто его не жалел. В течение моего срока службы высланными армянами было подано 10 000 прошений в нашу канцелярию. Я не видел, чтобы хоть десять из них привлекли чье-либо внимание.

Как-то видели женщину из Диарбекира, которая несла блюдо с гербом Армении. Ее повели в Главный комитет по делам высылки и спросили, где она взяла это блюдо. Женщина ответила, что оно у нее дома уже давно и что она не знает, откуда его принесли. Ее повели в камеру жандармерии, где пытали восемь или десять дней с целью выяснить, откуда у нее это блюдо. Однако бедная женщина этого не знала. Она умерла во время пыток, усугубляемых голодом.

Итак, из Алеппо, где я был свидетелем сотен и тысяч таких драм, меня отправили в Мескене в качестве чиновника Комитета по делам высылок. Когда я собирался уезжать, меня позвал Эйюб-бей и сказал: «Мы не удовлетворены работой ни одного из посланных в Мескене чиновников. Вы знаете это дело и знакомы с поступившими приказами. Следите, чтобы никто из этих людей [армян] не остался в живых. Если нужно, убивайте их собственноручно. Убивать их — одно удовольствие».

Я отправился в Мескене. Я слышал о совершенных преступлениях. Я там пробыл два месяца и только один раз выслал одну группу, которая едва достигала тридцати человек.

Когда я был еще в Алеппо, там получили следующую зашифрованную телеграмму из Константинополя:

«Шифрованная телеграмма от министра внутренних дел, адресованная губернатору Алеппо.

1 декабря 1915 г. До нашего сведения дошло, что некоторые духовные лица отправлены в такие сомнительные пункты, как Сирия и Иерусалим, несмотря на то, что армянское духовенство должно быть истреблено в первую очередь. Подобное разрешение является не-

простительным упущением. Место высылки этих мятежных людей—уничтожение. Я рекомендую Вам действовать в соответствии с этим.

Министр внутренних дел Талаат».

Когда я прибыл в Мескене, там находился старый епископ Никомедии (Измида). Он сидел в маленькой палатке и размышлял о своей судьбе. Неизвестно, каким образом этот человек, неспособный причинить кому-либо вред, привлек внимание руководителя Комитета по делам высылки.

Я получил записку с указанием, что здесь находится епископ Измида. Почему его здесь задержали? Он должен быть так выслан, чтобы на каком-либо повороте дороги свалиться и умереть. Я не мог сказать, что я этого не сделаю, или отказаться выслать его. Все же мы его не отправили.

В другом случае два священника были отправлены в Мескене. Приказ, данный в отношении их, был чрезвычайно строг: он прямо требовал их смерти. Я не выслал этих двух священников и оставил их там, где они были. Я не помню их имен, но думаю что оба находятся в настоящее время в Алеппо.

Мескене из конца в конец был завален скелетами... Он походил на долину, наполненную высохшими костями

Только из Алеппо было отправлено двести тысяч армян в сторону Мескене и Рас ул-Айна, и лишь пятьшесть тысяч человек из этой огромной массы остались в живых... Новорожденных бросали в Евфрат. Женщин убивали штыками или револьверами в разных местах дороги жестокие жандармы...

Резня в Дейр Зоре. Уволенный начальник почтовой конторы в Дейр Зоре описывал начало резни в Дейр Зоре следующим образом. В Дейр Зор пришла шифрованная телеграмма министра внутренних дел, в которой говорилось: «Пришел конец высылкам. Начинайте действовать согласно прежним приказам, и сделайте это как можно скорее».

Резня началась через два дня после получения шифрованной телеграммы.

Людей гнали из Дейр Зора партиями, под предлогом отправки их в Мосул. Однако они были не в состоянии идти дальше Шаддада. Зеки-бей выбрал местом резни

пустыни Марата и Сувара по дороге в Шаддад. И так как было невозможно вырезать такое большое число людей, то он вызвал искусственный голод, во время которого люди съели сперва ослов, собак и кошек, а затем, когда нечего было больше есть, начали пожирать человеческие трупы, в особенности трупы малолетних детей.

Чтобы не дать остыть энтузиазму турок в проведении резни, Зеки-бей часто, сидя на лошади, хватал малолетнего ребенка за руку и, покружив его над головой, швырял на землю, разрывая на куски. Он при этом обыкновенно говорил: «Не думайте, что я убил невинное существо. Даже новорожденные дети этого народа [армян] являются преступниками, так как они носят в себе семена мести. Если вы хотите обеспечить завтрашний день, то убивайте даже их детей».

И они никого не щадили.

Только несколько привлекательных девушек спаслись от резни. Через одну или две недели эти девушки были отправлены на верблюдах в Рас ул-Айн по направлению Мардина, где их продавали обычно по пять пиастров (один шиллинг). Таким образом закончилась резня в Дейр Зоре, во время которой почти все высланные в пустыню армяне—более 200 000 человек— были уничтожены...

The Memoirs of Naim Bey. Turkish official documents relating to the Deportations and Massacres of Armenians. Complied by Aram Andonian. London, 1920, p. 1–47.

221. Из письма католикосу всех армян Геворку V

Перевод с армянского
Ерзнка, 21 января 1917 г.

Насильственное выселение из Кегинского уезда было начато и окончено 28 мая 1915 г. без всякого промедления.

Народ погнали в сторону Гуручая и Мескене, и по дороге в некоторых местах подвергли ужасной резне. Камахская молодежь, спрятавшая, по увещанию архимандрита, свое оружие и патроны, тоже пала жертвой.

Главными ответственными лицами за резню являются Галид-бед (сын Тагир-паши) и все государственные служащие...

Правитель Ерзнка Мемдун-бек и его приспешники не остановились ни перед какими средствами, чтобы вырезать всех армян от Мамахатуна до окраин Камаха. Таким образом, камахцы тоже отдали свою долю крови вместе с закланной Арменией. Немногие только спаслись, укрывшись у дерсимских курдов, и теперь живут в городе Ерзнка.

Г. Тарйкян
ЦГИА Арм. ССР. ф. 57, д. 683, л. 17.

222. Из письма немца, жившего в 1915—1917 гг. в Турции

Перевод с немецкого
Малатия, 26 марта 1917 г.

Я убежден, что если бы наш народ знал правду, то раздался бы вопль негодования. Нет сомнения: все, что чинится армянскому народу и что ему еще предстоит, является величайшим преступлением в мировой истории...

Эрнст Ж. Христофель
Deutschland und Armenien..; S. 855.

223. Из телеграммы министру иностранных дел Терещенко

Перевод с французского
Париж, 31 мая 1917 г.

Было бы унизительно протянуть руку какому-нибудь Талаату — организатору неслыханных официальных погромов или туркам, устраивавшим погромы христиан на протяжении семи веков.

Все армяне надеются, что Россия явится освободительницей турецких армян и удовлетворит их национальные чаяния.

Генерал-лейтенант Камсаракан
АВПР. Политархив, д. 3484.

224. Католикосу всех армян Геворку V

Перевод с армянского
Из докладной записки *Эрзрум, 27 июня 1917 г.*

Объехав почти все селения Дерджанского уезда, я нашел большинство их разрушенными. Уцелели лишь

четыре стены церквей Пркича, Цахкавора и Апрунка. Все движимое имущество этих церквей вместе со священными сосудами и книгами расхищено. Из рукописных книг старик Казар, крестьянин из Хачаха, доставил мне всего лишь одно Евангелие, приобретенное им у курдов.

Армянская церковь как во всех других местах, так и в этом уезде потерпела огромный ущерб. Остались только ее земли.

Дерджанское армянское население, насчитывавшее от 10 до 11 тысяч душ, проживало в центре Дерджанского плоскогорья, примерно в тридцати селениях, либо чисто армянских, либо смешанных с курдами и турками. Оно было окружено курдами-кызылбашами...

Из дерджанцев более тысячи человек находится в эмиграции, главным образом в Румынии, Болгарии и небольшое число — в России и Америке. Выселение и резня начались 1-го мая 1915 г и закончились 17-го мая.

Большую часть дерджанского населения вырезали и бросили в воду около Камахского моста, а остальных — по всему течению Евфрата вплоть до Камахского ущелья, к западу от города Ерзнка.

Очевидцы свидетельствуют, что часть населения Байберда, для перевозки которой озверевшее правительство предоставило сорок повозок, возле Котерского моста подверглась нападению со стороны заранее подосланной разбойничьей шайки и до последнего человека была беспощадно истреблена.

Некоторые дерджанцы рассказывают, что на их глазах и одновременно с дерджанцами была вырезана большая часть армянского населения Эрзерумской равнины и Басена, начиная от Мамахатуна до Камахского ущелья.

В погромах главную роль играли: мутесарриф города Ерзнка Мемдун-бек, глава аширета Бабалан Кюлоага и камахец Галед-бек, член оттоманского парламента; это они составили дьявольский план избиений и ужасающих злодейств, совершенных от Мамахатуна до самого Камаха, они подстрекали изуверов на то, чтобы зверств стало вдвое, вчетверо больше...

Эти сведения сообщил апрунский крестьянин Мартирос Тероян, бывший до падения Мамахатуна хлебопеком. Он своими глазами видел все это и только за 48 часов до падения Мамахатуна бежал в горы и вер-

нулся вместе с приходом победоносной русской армии.

Дерджанцы, таким образом, видели и испытали те же бедствия и страдания, что эрзрумцы и басенцы; тысячи их были вырезаны, тысячи женщин и детей сами бросились в воду, чтобы не попасть в руки к озверелым туркам и башибузукам, пользующимся покровительством бесстыдных правителей и поощряемым ими, в руки организованных чете и правительственных войск.

Воды Евфрата, начиная от старого моста, что возле селения Гохек, обагренные кровью возлюбленных братьев, мужей и отцов, несли тысячи безжизненных тел детей и невинных молодых женщин...

Г. Тарикян

ЦГИА Арм. ССР, ф. 57, д. 623, л.20—23.

225. Из докладной записки католикосу всех армян

(О зверствах, совершенных над армянским духовенством в Харберде)*

Перевод с армянского

'Я слышал от очевидцев, видел сам и узнавал, как безжалостно обращалось турецкое правительство, в частности, с лицами духовного звания. Их мучали, прибегая к следующим различным средствам:

1. Жгли, выдергивали, сбривали бороды.

2. Стискивали головы машиной так, что люди падали в обморок.

3. Вешали и в полумертвом состоянии вынимали из петли, требуя, чтобы находящиеся в бессознательном состоянии жертвы выдали свои тайны и подписали все, что им велят.

4. Без всякой жалости вбивали в ступни гвозди, подковывали, распинали.

Двух священников преднамеренно замучили, и те скончались. Это произошло так:

Священника Тер-Асатура из селения Кармир, находящегося в трех с половиной часах пути от Харберда, в полуудавленном состоянии повесили, потом вынули из петли и потребовали, чтобы он указал место, где хранится оружие. Он стойко держался, и за это был жесто-

* Документ не датирован. Вероятно, составлен в начале 1917 г. в Харберде. (Ред.).

ко избит. Достопочтенного священника утром отпустили, чтобы он указал место, где хранится оружие. Несчастный убежал в селение Хойлу и бросился в колодец, откуда жандармы его тотчас же извлекли и после продолжительных истязаний размозжили ему голову топором.

Одного из палуйских священников, Тер-Атовма, оседлали, как лошадь, сели на него верхом и полтора часа гоняли. Его довели до изнеможения и затем потребовали, чтобы он выдал тайны и указал место, где хранится оружие. Он стойко и твердо отпирался, тогда его подковали и распяли... Под тяжестью этих мук он испустил дух.

Арсен Хачикян

ЦГИА Арм. ССР, ф. 57, д. 622, л. 16.

226. Декрет Совета Народных Комиссаров о «Турецкой Армении»*

29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.)

Совет Народных Комиссаров объявляет армянскому народу, что Рабочее и Крестьянское Правительство России поддерживает право армян оккупированной Россией «Турецкой Армении» на свободное самоопределение вплоть до полной независимости.

Совет Народных Комиссаров считает, что осуществление этого права возможно лишь при условии ряда предварительных гарантий, абсолютно необходимых для свободного референдума армянского народа.

Такими гарантиями Совет Народных Комиссаров считает:

1) Вывод войск из пределов «Турецкой Армении» и немедленное образование армянской народной милиции в целях обеспечения личной и имущественной безопасности жителей «Турецкой Армении»;

2) Беспрепятственное возвращение беженцев-армян, а также эмигрантов-армян, рассеянных в различных странах, в пределы «Турецкой Армении»;

3) Беспрепятственное возвращение в пределы «Турецкой Армении» насильственно выселенных во время

---

* Декрет утвержден III Всероссийским Съездом Советов 15(28) января 1918 г.

войны турецкими властями в глубь Турции армян, на чем Совет Народных Комиссаров будет настаивать при мирных переговорах с турецкими властями;

4) Образование Временного Народного Правления «Турецкой Армении» в виде Совета Депутатов армянского народа, избранного на демократических началах.

Чрезвычайному Временному Комиссару по делам Кавказа Степану Шаумяну поручается оказать населению «Турецкой Армении» всяческое содействие в деле осуществления пунктов 2-го и 3-го, а также приступить к созданию смешанной комиссии для установления срока и способа вывода войск из пределов «Турецкой Армении» (пункт 1-й).

Примечание: Географические границы «Турецкой Армении» определяются демократически избранными представителями армянского народа по соглашению с демократически избранными представителями смежных и спорных (мусульманских и иных) округов совместно с Чрезвычайным Временным Комиссаром по делам Кавказа[59].

Председатель Совета Народных Комиссаров *В. Ульянов (Ленин)*
Народный Комиссар по Делам Национальностей *И. Джугашвили (Сталин)*
Управляющий делами Совета Народных Комиссаров *В. Бонч-Бруевич*
Секретарь Совета *Н. Горбунов.*

«Декреты Октябрьской революции», т. 1, Партиздат, М., 1933, с. 393—394.

227. Из беседы с полковником З., напечатанной в газете «Кавказское слово»

В наши великие и страшные дни цена крови невелика.

За три почти года беспощадной, отчаянной борьбы мы привыкли к смерти.

Почти равнодушно пробегаем мы газетные сообщения о новых кровавых боях, принесших новые смерти и новые страдания, о новых беспощадных и кровавых глумлениях сильного над слабым, о новых и неизменно кровавых безумствах этого небывалого торжествующего разгула разнузданных страстей, каким явилась современная война...

Не знаю, как Вы, читатель, но я все еще не могу оставаться равнодушным, когда мне рассказывают— рассказывают очевидцы,— как вот только вчера командир одного из кавказских саперных батальонов полковник З..., вырвавшийся на несколько кратких дней с фронта, о тех кровавых ужасах, о тех гнусных зверствах, о которых уже говорили, быть может, холодные, глухие, нас не трогающие газетные цифры.

Да, слова видевших пока имеют удивительную неодолимую силу. А полковник З... при этом не только видел. Он сам со своим младшим офицером принимал участие в одной из бесчисленных сцен извечной, неизбывной трагедии несчастного армянского народа, предавая земле уже полуистлевшие кости нескольких сот замученных армянских женщин, девочек-подростков и грудных детей.

Но я постараюсь лучше передать рассказ самого полковника З..., и читатель увидит, что он жестоко ясен и без комментариев.

«Около селения О., в районе города Муша, на самом берегу Евфрата,— начал рассказывать полковник,— я проезжал случайно еще прошлой весной и совсем не думал, что когда-нибудь снова попаду в эти края.

Близ большого, массивного, вероятно, векового уже моста через Евфрат, который мы собирались переезжать... встретился нам сгорбленный, совсем седой старик-армянин, одетый в какие-то жалкие цветные лохмотья, если только можно сказать, что он был одет... Старик низко поклонился мне... Через ординарца — он у меня армянин—я заговорил с ним. Мне хотелось узнать, куда делось все население С., большого и когда-то, видимо, зажиточного селения, так как проезжая, я не встретил там ни души. Даже обычных собак— и тех не было. Одни уродливые оскалы полуразрушенных домов, изрытые улицы, грязь и запустение.

И жуткая, могильная тишина.

Как я Вам сказал, я решился расспросить встречного старика, куда бежали жители.

Мой ординарец так его и спросил. В это время мы как раз въезжали на мост.

«Куда бежали жители?»— точно не понимая, переспросил старик...

«Куда бежали»— и он горько и злобно улыбнулся. «Вот туда,— ответил он,— туда»,— и дрожащей рукой показал вниз на реку... «Только тогда другая вода была,— добавил он, помолчав,— много воды было. Глубокий Евфрат тогда был, и бурный был. Разливался... Все туда ушли. Я один остался. Не было меня в селе; по делу в соседнем селе был...»

И я узнал жуткую быль о том, как занявшие селение турки окружили его, согнали все, решительно все мужское население, до маленьких мальчиков включительно, на мост, на самую середину, а затем ударами прикладов и штыков начали сбрасывать этих несчастных в полноводный Евфрат. При этом по обеим сторонам моста выставили дозорных, чтобы не допускать сброшенных на берег. Тех, которые упорствовали, без всяких разговоров расстреливали, как диких зверей.

«А что сталось с женщинами, с детьми?»—спросил я.

«С женщинами, с детьми?»— опять переспросил старик. «Как нам знать. Мы не знаем. Может быть, дальше угнали, может быть, их также где-нибудь погубили». И теперь старик точно перестал скрывать свои чувства, он дышал такой ненавистью, такой злобой к туркам, что весь дрожал мелкой дрожью, как от долгого холода, хотя было жарко.

Таким образом, т о г д а о женщинах и детях в С. я так ничего и не узнал. Узнал я о их судьбе четыре месяца спустя, в августе. И вот как: в С. попал в это время я уже не случайно. Было приказано произвести в этом селении некоторые инженерные работы. Мы и приступили к ним. В числе других работ нам надо было укрепить и приспособить для разных целей несколько сараев. От первого, с которого мы начали, уцелели только стены из нетесаного камня, проложенного известкой; ни окон, ни дверей, ни крыши не было. Стены были шагов 20 в длину и 10— в ширину.

Только что мои солдаты приступили, как их сразу поразило, что пол в сарае необычно рыхл, точно вспахан, между тем обыкновенно в таких сараях, как тот, о котором я говорю, пол бывает прекрасно утрамбован и тверд, как глиняный. Решили мы, что в сарае почему-то настлан наносный земляной слой. Стали рыть... и один череп, затем другой... Я приказал, когда мне обо всем этом доложили, рыть возможно осто-

рожней, и через день-два мы весь наносный слой сняли. То, что мы увидели, было так ужасно, что ко всему привыкшие солдаты и те с долгую минуту стояли молча.

Мы увидели, что по обеим стенам в длину близко, близко один к другому лежат человеческие скелеты, прикрытые полуистлевшей, но все же достаточно сохранившейся одеждой, настолько сохранившейся, чтобы производить жуткое впечатление одетых в цветные платья скелетов в разных позах, от покойных, как бы спящих, до судорожно изломанных от страданий.

Как оказалось, эти ужасные оскаленные черепа и скелеты были все женские и детские. При этом, если судить по цветам одежды, по цвету и длине кос, а главным образом по прекрасным жемчужным здоровым зубам, жертвами турок стали или совсем молодые женщины, или девочки-подростки, или дети. Большинство черепов было в платках, повязанных, как повязывают обыкновенно армянки. Вы представляете себе голый череп, улыбающийся всем оскалом зубов и в платке. Но особенно тяжелое впечатление на всех произвел один скелет молодой матери, в костяных руках которой, прижавшись к грудной клетке, покоилось дитя месяцев 4—5-ти. Я эту несчастную сфотографировал отдельно. К сожалению, после, когда мы хоронили все эти жертвы, маленький скелетик не удержался в объятиях матери и рассыпался на множество истлевших костяных обломков, а маленький череп, так тот обратился совсем в прах. Перед этой жертвой я с моими солдатами долго стоял в тяжелом молчании.

Большинство черепов и вообще костяков никаким оружием тронуто не было, но некоторые черепа мы нашли разрубленными острым холодным оружием, вероятно, тесаками, которые у турок действительно очень остры.

Тут же, в сарае, была разбросана разная домашняя утварь, бывшая в употреблении. Видимо, турки кормили несчастных, пока держали их для чего-то в сарае. Гибель этих жертв варварства и дикости турецкой армии представляется мне в следующем виде: вероятно, когда мы начали наступать и турки решили бросить селение, сарай с женщинами, забив наглухо узкие оконца и дверь, они подожгли. Деревянные столбы и деревянная же крыша, подгорев, рухнули и похо-

ронили всех находившихся в сарае. Что же касается тех женщин, у которых черепа были рассечены, то это, вероятно, те, которые делали попытки спастись.

Когда все скелеты, которых оказалось 112, были откопаны, мы похоронили их в одной общей могиле, обложив ее внутри травой и дерном, а снаружи насыпав большой холм, во главе которого водрузили большой деревянный крест с доской и надписью: «Покоится 112 скелетов армянских женщин и детей—жертв деяния турецкой армии, полуобгорелых, задавленных крышей подожженного сарая, что вправо от креста. Отрыты при производстве инженерных работ в селении С. и погребены заботами командира кавказского саперного батальона полковника З... и младшего офицера того же батальона прапорщика Р-а». Так как священника с нами не было, то совершал похоронный обряд я сам: прочел несколько молитв, какие помнил, пропел с саперами «вечную память» и все.

Таким же образом, месяц спустя, мы хоронили в другом армянском селении около 100 женских и детских скелетов, также найденных нами в сарае при работах, как и в С.

Я сделал снимки со всех найденных нами костей. К сожалению, вот эти скелеты (при этом полковник З... показал мне фотографический снимок) до меня были вырезаны и разложены каким-то извращенным эстетом «в картинном порядке». Я этой «картинностью» был сильно возмущен.

Само селение, я говорил уже Вам, нашли мы полуразрушенным. Армянская церковь, по-видимому, довольно художественной архитектуры, обращена в мусор и в отдельные глыбы спаявшихся от времени кирпичей и цемента— некоторые с художественной облицовкой. Вообще к армянским храмам турки относятся особенно варварски, с особой дикостью. Мне пришлось производить, между прочим, работы в армянском монастыре Шанки-Килиси, или св. Карапета. Раскинулся он на склоне Багланского перевала. Природа здесь чарует глаз. Монастырь, как мне говорили, очень древний. Монастырь до войны процветал. Имел свои мельницы, свой маслобойный завод, виноградники, винодельную и другие хозяйственные «послушания». Теперь же все это в развалинах. Только водопровод— без которого и варвары не обходятся— остался цел.

Монастырские кельи очень оригинальной архитектуры также в развалинах и, кроме того, загажены и загрязнены ужасно. Загажен и главный храм. У алтаря храма сохранились каким-то случаем плиты из белого-белого, точно снежного, мрамора с удивительной, тончайшей резьбой. Одну из таких плит, а также колокол, отлитый 117 лет тому назад, весь простреленный пулями и побитый снарядами, привез с собой, и вот мне хотелось бы сохранить эти памятники о древнем монастыре — пока его не восстановят...

Я Вам рассказывал, что турки особенно упорно и по-варварски разрушают армянские церкви. И так везде. В Муше уцелела всего одна церковь и то потому, что в ней помещался турецкий мучной склад. Иконы везде и всегда загажены и осквернены самым гнусным, самым варварским образом. Турок точно хочет стереть с лица земли все армянское. Надо же, например, доходить до такой злобы, чтобы нарочно ставить артиллерию на позиции для расстрела армянских домов, как это было в Муше, где турецкие орудия громили армянский квартал чуть ли не круглые сутки. И за эту злобу, за все это зло, причиненное и чинимое турками страдальцу-народу, армяне платят одной, чем только и можно платить, глубокой всепоглощающей, стихийной ненавистью, заглушающей все другие мысли».

Таковы страшные были, о которых рассказал мне полковник З..., и я уверен, читатель, что несмотря на всю привычку к смерти и крови, несмотря на все равнодушие к страданию, были эти все же прожгут мозг и заставят мучительно сжаться сердце...

Ф. Шишмарев

«Кавказское слово», 1917, 22 января, № 18.

228. Отрывки из книги А. Мандельштама «Судьба Оттоманской империи»

Перевод с французского

Предвестники резни. Осенью 1914 года были призваны в армию все оттоманские подданные в возрасте от 18 до 50 лет, в том числе и те армяне, кто заплатил налог за освобождение от несения воинской службы. Но в начале 1915 года, после первых поражений турок, все армянские солдаты были удалены из турец-

ких рядов и собраны в «рабочие батальоны» для использования их на строительстве дорог и укреплений. В то же время декретом было предписано разоружение всего армянского гражданского населения Империи. Этот декрет положил начало режиму террора во всех армянских провинциях. В тех случаях, когда армяне сдавали оружие, в Константинополь докладывали о раскрытии заговора. Если же обыски не давали желаемых результатов, то применяли пытки, и многие мирно настроенные армяне вынуждены были покупать оружие у мусульман, чтобы сдать его властям. Но иные, предвидя, что разоружение армян это лишь предвестие резни, сохраняли средства защиты, решив продать свою жизнь дороже, чем их соотечественники в 1895 году.

Резня на месте. Вопреки лживым заявлениям турецкого правительства, не было никакого армянского бунта или революции. Армяне взялись за оружие лишь тогда, когда увидели угрозу резни, подчиняясь естественному желанию продать свою жизнь как можно дороже.

В Ване они прибегли к оружию после избиения большей части населения окружающих деревень и после предательского убийства многих их именитых граждан по приказу вали Джевдет-бея, который к тому же окружил их кварталы траншеями. Военные действия были начаты турками, которые не смогли, однако, взять армянские позиции и сняли осаду 20 мая 1915 г. при приближении русских. Прогнанный из Вана Джевдет-бей вначале двинулся со своими «батальонами мясников» (kasap taburu), как их называли, на Сорб, где он вырезал (в конце мая) большую часть жителей.

Достопочтенный зять Энвер-паши вернулся затем в Битлис, где он вырезал (в конце июля) 15 000 армян, которые оказали лишь слабое сопротивление. Тем временем турки и курды Диарбекира вырезали армян Сильвана, Бешери и обширной равнины, которая простирается от Диарбекира до подножья Сасунских гор. Но горцы Сасуна, поддержанные беженцами, решили защищаться. В начале июля турки, подкрепленные армией в 20 000 человек, под командованием Кязим-бея, несмотря на отчаянное сопротивление, вырезали всех крестьян Мушской равнины. 10 июля сам город Муш

был бомбардирован; мужчины были убиты после четырехдневного сопротивления, женщины и дети были заживо сожжены в лагерях, куда их загнали. Но сопротивление сасунцев было сломлено лишь 5 августа, после долгих и ужасных боев, в которых погибла большая часть из них. К концу июля туркам удалось временно вернуться в Ван и уничтожить тех жителей города, которые не последовали за русской армией при ее временном отступлении.

Следует признать, таким образом, что армяне районов Вана, Битлиса, Муша и Сасуна оставались лояльными вплоть до момента, когда они оказали сопротивление, не допустив, чтобы их вырезали как элемент «вредный и опасный», ради блага и безопасности дорогого оттоманского отечества. Следует также отметить, что, несмотря на все пытки и обыски, проведенные в первый период войны, они смогли сохранить кое-какое оружие и осмелились воспользоваться им против своих палачей, в определенном числе продолжавших сопровождать их в последнем путешествии. Но надо особо подчеркнуть, что армяне только защищались и никогда не нападали первыми на турецкие войска.

Тем более было бы неверно говорить об армянском мятеже в других частях Оттоманской империи.

В Зейтуне «мятеж» ограничился защитой одного монастыря двумя десятками армян, выведенных из себя жестокостями, совершаемыми жандармами; действие, изолированное и нисколько не поддержанное населением, которое, тем не менее, было выслано.

Армяне некоторых городов Сивасского вилайета, как, например, Амасии и Шапин-Карахисара, приложили вначале все усилия, чтобы избежать столкновения с турками, но, предвидя резню, предпочли погибнуть с оружием в руках. Таким же образом погибли армянские жители Урфы. Армяне, находившиеся в таком же положении на горе Муса, были спасены французским флотом.

Итак, во всех случаях вооруженного сопротивления мы видим не революционеров, а несчастных, которые сохранили кое-какое оружие и предпочли бороться до самой смерти, нежели переносить медленные муки или невзгоды высылки. Впрочем, к чему приводили отказ от всякого сопротивления и сдача оружия видно на примере города Г где вали, заставив сдать оружие,

поспешил доложить в Константинополь о вспышке армянской революции, которую он был вынужден, следовательно, подавить.

Таким образом, армян нельзя порицать за то, что они защищали свою жизнь. Однако не следует забывать, что только незначительное меньшинство могло это сделать. Большая часть армян уже в начале войны сдала свое оружие властям, и в силу этого должна была принять без малейшего сопротивления жестокую участь, которую правительство уготовило им.

Отправка высылаемых. Депортация не осуществлялась одинаково по всей Империи. Вначале высылке подверглось трудоспособное мужское население. В некоторых местах молодые армяне, не зачисленные в армию, еще весной были заключены в тюрьмы. В других местах на приготовления давалась отсрочка обычно в несколько дней или часов и даже всего на один час*. Очень часто армян просто сзывали с помощью глашатая к правительственному зданию и арестовывали; иногда их задерживали на улице или в своих домах. Затем арестовывали женщин и детей, применяя те же жестокие способы.

В условиях, когда мужчины были внезапно оторваны от своей работы и вынуждены оставить свои мастерские и лавки, не имея возможности даже закрыть их, когда им приходилось бросать свой скот в горах и свои плуги на пашнях, когда женщин хватали в постели или во время стирки,— очевидно, не могло быть и речи о том, чтобы они успели привести в порядок свои дела. Но даже в тех случаях, где на это было отпущено несколько жалких дней, высылаемые могли извлечь из этого лишь незначительную пользу. Потому что, если в нескольких городах, вопреки положениям декрета, власти и разрешали распродажу имущества, она проводилась по ничтожной цене, к тому же вырученная сумма часто конфисковывалась полицией. В местах, где продажа была запрещена, имущество армян частью сваливалось в кучу в магазинах, без какого-либо учета, частью же расхищалось населением; а недвижимость систематически отдавалась в наем мусульманским мухаджирам. Что касается правительствен-

* Было несколько исключений, как, например, в Эрзруме, где вали согласился дать отсрочку на две недели.

ных комиссий, созданных для присмотра за имуществом высылаемых, то они не довольствовались тем, чтобы остаться на обычном уровне и без того достаточно бесславной репутации оттоманских властей: отмеченные злоупотребления превосходили все подобное, что было известно до настоящего времени даже в Турции.

Таким образом, несчастные высылаемые имели в начале своей голгофы только одну возможность— захватить с собой кое-какое имущество, насколько это можно было сделать при нехватке и дороговизне средств передвижения.

Резня в пути. Караваны высланных армян, состоявшие исключительно из здоровых мужчин, полностью уничтожались в пути, обычно недалеко от места отправления. Это зловещее деяние выполнялось либо курдскими бандитами, либо турецкими крестьянами, либо турецкими жандармами или регулярными солдатами. В смешанных караванах обычно убивали только мужчин, а молодых женщин похищали или насиловали. Однако были случаи, когда вырезали всех без различия— мужчин, женщин, детей. Немецкий профессор Нипаге сообщает о резне в Рас ул- Айне каравана, состоявшего исключительно из женщин и детей. Резне обычно предшествовали ужасные жестокости.

Следует особенно заклеймить убийство тысяч армянских солдат, занятых на строительстве дорог и расстрелянных или вырезанных своими «товарищами»-турками.

Дурное обращение с высланными во время перемещения. Караваны высланных, состоящие главным образом из стариков, женщин и детей, начиная с момента их отправления становились объектом самой постыдной эксплуатации со стороны властей, которые должны были их опекать. На большом расстоянии от города возчики при участии жандармов высаживали их и возвращались назад со своими повозками, оплаченными на вес золота, оставляя несчастных продолжать путь пешком... Разбойники нападали на караваны и грабили их по ночам, убивали мужчин, насиловали или похищали молодых женщин, крали детей. Жандармы помогали разбойникам в этом деле, вымогая у своих жертв деньги за их «охрану». Каймакамы (начальники уездов), чтобы гарантировать безопасность армян, заставляли их платить им деньги, а затем поз-

воляли нападать на них. Власти почти не производили раздачи продовольствия; часто они даже препятствовали тому, чтобы высланные обеспечивали себя продовольствием во время перемещения. Поэтому высланные тысячами погибали от голода и жажды.

Жестокость жандармов и разбойников не имела границ. В некоторых случаях они снимали с высланных всю одежду и заставляли шагать целыми днями, шагать совершенно голыми под палящим солнцем пустыни, когда же приходили к колодцам, право пить жандармы продавали. Только что разрешившиеся женщины должны были сразу же продолжать путь; тысячи людей падали на дорогах, убитые голодом, жаждой и усталостью. Трупы, особенно маленьких детей, нередко с отрубленными ручками, устилали дороги. Время от времени палачи, словно выведенные из себя выносливостью оставшихся в живых, топили женщин и детей в реках, сжигали их живыми или убивали с утонченной жестокостью. Евфрат нес тысячи трупов. Множество других, к радости ястребов и собак оставленных без погребения, отравляли зловонием большие дороги.

В таких условиях, как свидетельствуют немцы, караваны высланных, которые при своем отправлении из Великой Армении насчитывали тысячи человек, к моменту прибытия на юг сокращались до сотни и меньше человек. Из 18 000, изгнанных из Харберда, Акна, Токата и Себастии, только 350 человек достигли Алеппо, а из 19 000, высланных из Эрзрума, осталось 11 человек. Очевидно, что высылка никогда не привела бы к таким «результатам» без участия и даже подстрекательства турецких властей, которые не только не приняли необходимых мер для снабжения продовольствием и обеспечения безопасности караванов, но и поощряли и организовывали нападения бандитов на высланных, используя жандармов и регулярные войска для узаконенной резни. И если, несмотря на это сообщничество, часть высланных все же достигла места назначения, то это только потому, что нужно было доказать европейскому [общественному] мнению, что на место назначения прибыло по меньшей мере хоть некоторое число армян, и также потому, что гибель оставшихся в живых на новом месте не вызывала сомнений.

Обращение с высланными во временных концентрационных лагерях и местах назначения. Армяне, которых транспортировали по Анатолийской железной дороге, избежали, правда, преследований разбойников, поскольку они были в поездах, но их положение было не более завидным. Загнанные в вагоны для скота, в большей тесноте, чем животные, они задыхались там, умирали от голода и жажды; часто матери бросали своих детей через окна в реки, чтобы положить конец страданиям этих изголодавшихся маленьких созданий. Движение войск и количество высланных делали это путешествие очень медленным, и во многих пунктах людей загоняли в концентрационные лагеря, где они пребывали в течение многих недель или месяцев в ожидании новой погрузки. Санитарные условия этих открытых лагерей, где высланные жили в палатках, ими самими сооруженных из своего отрепья, не поддаются никакому описанию. Власти не раздавали продовольствия, а если что и давали, то совершенно в недостаточном количестве. Ужасные эпидемии тифозной лихорадки, малярии и дизентерии также опустошали лагеря. Что касается властей, то они эксплуатировали высланных самым постыдным образом, заставляли их платить за все, вплоть до разрешения хоронить мертвых.

Не менее ужасным было положение армян по прибытии в места назначения, где они надеялись найти хоть некоторое облегчение своим страданиям. Было ли это в Султание, вредной для здоровья пустыне в вилайете Конии, в районах Алеппо, Хама, Хомса и Дамаска или в наиболее крупном сборном пункте— Дейр эл-Зоре— они продолжали подвергаться такому обхождению, которое не оставляло ни малейшего сомнения в том, что власти намерены их истребить. Изнуренные страданиями своего ужасного путешествия, они умирали в бесчисленном множестве, а правительство, не помышлявшее о том, чтобы обеспечить их продовольствием, достаточным для поддержания жизни, препятствовало всякой помощи, которая могла прийти к ним из-за границы.

Религиозная сторона. Решение о гонениях на армян было принято правительством по мотивам политическим, а не религиозным, и именно потому турецкие власти так неблагосклонно относились к обраще-

нию их в иную веру, которое освободило бы новообращенных от действия декрета о высылке. Таким образом, лишь в одном или двух городах более или менее большое число семей смогло спастись благодаря отступничеству. В большинстве же случаев новообращенные, как и другие, спустя некоторое время были высланы. Многие женщины, действительно, приняли ислам, но после брака, заключенного с турком: одного принятия магометанства было недостаточно для того, чтобы избежать высылки. Дети армян, взятые турками, естественно, также воспитывались в мусульманской вере.

В некоторых местах приказы из Константинополя делали исключение при высылке для армян-протестантов или католиков, т. к. эти две общины не вмешивались в политические дела григориан, и посольства Австрии и Америки выступили в их поддержку. Но эти приказы редко выполнялись, и большая часть католиков и протестантов разделила участь григориан.

Несмотря на, так сказать, светский характер преследований— поскольку они были направлены против расы, а не против религии,— во время этих событий у турок не раз пробуждался инстинкт религиозного фанатизма. Он выражался в жестоких казнях многих армянских священников, в грабеже церквей и в превращении их в мечети.

Можно, таким образом, смело утверждать, что в ужасных муках, перенесенных армянскими христианами, не только их раса, но также и религия их была поругана, оскорблена и осквернена.

Жестокости и пытки. Пытки и жестокости, жертвами которых стали армяне в 1915 г., с точки зрения утонченности и разнообразия нисколько не уступали тем, которым подверглись они в 1895 и 1909 гг.

Жестокое избиение палками, вырванные глаза, ногти и волосы; отпиленные или отрубленные носы, руки, ноги и другие части тела; прижигание каленым железом, подвешивание к потолку— ничто не отсутствовало в списке. Было бы, однако, обидно не упомянуть здесь об ужасном обвинении, публично вынесенном армянами против зятя Энвер-паши, губернатора Вана Джевдет-бея, начальника «батальонов мясников». Именно его превосходительству принадлежит честь изобретения двух пыток: одна из них— это подковывание а-

мянам ступней, как вьючным животным,— новость, из-за которой ее изобретатель удостоился клички «подковщик из Башкале»; другая— это пытка кошками, заключающаяся в том, что кошек вводили под одежду пытаемых и затем избивали животных, чтобы заставить их погружать свои зубы и когти во внутренности жертвы.

Ответственность центрального правительства, его органов и турецкого народа. ... Как с точностью установлено в «Синей книге», уничтожение в таких громадных масштабах человеческих жизней, сопровождаемое такими муками, не было проявлением религиозного фанатизма. Это была резня по приказу, проводимая или несознательными солдатами, или лицами, жестокие инстинкты которых не было нужды стимулировать.

«Синяя книга» и мы вместе с ней констатируем, что если городское население использовало высылку для грабежа, именитые мусульманские граждане нередко протестовали против совершаемых злодеяний, а иногда даже пытались препятствовать им, без особого, впрочем, успеха. Некоторые турки были даже наказаны за это гуманное вмешательство. Тот, кому знаком восточный характер, вместе с «Синей книгой» признает, что мусульманские крестьяне никогда не осмелились бы действовать без подстрекательства официальных властей.

Поведение турецких жандармов, опьяненных властью, данной им над тысячами человеческих жизней, вызывает еще большее отвращение, ужас и презрение, чем поведение курдов или крестьян...

Справедливости ради нужно признать, что находились турецкие чиновники, отказавшиеся выполнять кровавые приказы из Константинополя и даже старавшиеся им противодействовать. Так, Рахми-бею, вали Смирны, Сулейману Назиф-бею, вали Багдада, Фаик-Али, губернатору Кютахии, удалось воспрепятствовать какой бы то ни было резне. Но подобная оппозиция, насколько мы знаем, увенчалась успехом лишь в этих трех случаях. Вали Эрзрума Тахсин-бей, вали Трапезунда, Ангоры, Алеппо и Аданы также пытались противодействовать бесчеловечным приказам, поступавшим из Константинополя. Но их сопротивление было быстро сломлено, и приказы из Константинополя были выполнены чиновниками, более послушными воле младоту-

рецкого правительства, решившего истребить весь армянский род в Империи. Страшную правду высказал иностранный очевидец, заявив, что «высылка была лишь вежливой формой резни». Провинциальные чиновники, преданные правительству и бывшие в курсе его намерений, нисколько это не скрывали. Об этом они кричали в лицо американцам и немцам. Мутесаррифф Муша открыто заявил, что при первой же возможности турки уничтожат всю нацию. «Истребление— единственное средство»,— заявил его коллега Г «Вы не понимаете, какую цель мы ставим себе,— сказал председатель одной из комиссий по высылке некоему немцу,— мы хотим уничтожить само название «армянин». *Как немцы не хотят, чтобы существовал кто-нибудь кроме немцев, так и мы, турки, хотим, чтобы были одни турки».*

Такова ужасная правда. Именно младотурецкое правительство с заранее обдуманным намерением хладнокровно декретировало уничтожение армянского народа. Мы не знаем, входило ли в программу верховных правителей также то, чтобы отрубали руки маленьким детям, чтобы раздетые женщины скитались по пустыне, насиловались в присутствии изувеченных мужей или родителей, или все это было дополнено самими исполнителями для собственного развлечения. У американцев сложилось впечатление, что даже жестокости были хорошо организованы. Но мы знаем наверное, что резня на местах и в пути была совершена по приказу. Эпидемии в концлагерях, предоставленных произволу, без снабжения продовольствием, были желательны. Уничтожение караванов в пути голодом, жаждой и болезнями было предусмотрено. Предусмотрена была также медленная смерть армян, добравшихся до вредных для здоровья мест высылки, так как турецкое правительство и члены комитета «Единение и прогресс» бдительно следили за тем, чтобы строгости их «системы» ни в какой мере не были смягчены. С безжалостной твердостью турецкое правительство запрещало и отклоняло всякое милосердное вмешательство как находящихся в стране европейцев, так и американского правительства, которому оно не разрешило даже вывезти армян в Америку. С большей жестокостью, чем при Абдул-Гамиде, оно казнило тех турок, которые осмеливались помогать армянам. И чле-

ны местных комитетов «Единение и прогресс» находились на местах, чтобы стимулировать рвение властей, изобличать и смещать чиновников, поддающихся жалости. Некоторые, как, например, известный Джемаль-эфенди, лично вмешивались, с тем, чтобы организовать хотя бы небольшую резню на месте или оказать полезную помощь убийцам, не забывая о праведном «отдыхе» в объятиях обращенных в «истинную» веру дочерей вырезанных. И за всеми этими мерзостями, заклеймившими самым позорным бесчестием окровавленный век, раздавались циничные и торжествующие голоса «великих убийц», сменивших Абдул-Гамида: Энвер-паши, «героя свободы», Талаат-бея, «воплощения» «Единения и прогресса»...

Да, Энвер и Талаат, два диктатора Империи, являются главными виновниками бойни армян. Очень вероятно, что они были подталкиваемы к преступлению зловещими докторами Бехаэтдином Шакиром и Назым-беем. Но возможное соучастие двух чудовищ не снимает обвинения с этих хозяев Турции. Говоря это, мы, конечно, не хотим снять ответственность с других членов кабинета Саида Халим-паши. Они все вместе ответственны за ужасное убийство несчастной армянской нации. Ни великому визирю Саиду Халим-паше, пустому и напыщенному, ни «великому юристу» Хали-бею, ни коварному Джемаль-паше не удастся смыть со своих имен ужасную грязь. Они не протестовали против резни, они ее допустили, поскольку все они остались в красном кабинете[60].

•

A. Mandelstam. Le sort de l'Empire Ottoman. Lausanne—Paris, 1917, p. 248—278.

229. Из статьи В. А. Гордлевского «Армяне и война» (1917 г.)

...Не один раз обагрялась земля кровью армян, но война сообщила резне гигантский масштаб, как будто с человека сметены задерживающие покровы; и, презрев законы божеские и человеческие, дал человек волю зверю, притаившемуся в глубине души. Страсти разгулялись вовсю.

Не отставали во время резни от турок и их политические друзья— германский империализм. По край-

ней мере в Муше немка, заведовавшая приютом, выдавала властям армян, которые простодушно искали у нее как у христианки защиты...

Резня производилась по определенному шаблону. Население уводилось из городов в пустынные места, чаще всего в уединенные ущелья, и там избивалось или оставлялось на голодную смерть.

Будучи проездом в Битлисе, захватил я отголоски резни, происшедшей там. Как мне рассказывали местные жители, улицы, дома, где проживали армяне, церкви и монастыри были завалены трупами; женщины лежали убитые после изнасилования, трупы валялись нередко обугленные, «как поджаренный поросенок»,—говорили очевидцы. Нередко полость живота была набита песком, косы пообрезаны; в полуистлевшей обуви и брюках скрывалась нога, а подальше валялся череп, рука. В ущелье за Битлисом лежали горы трупов, у некоторых на шее были веревки с металлическими наконечниками, как будто сперва мучители прободали жертвы. То была бойня, беспримерное избиение народное. Люди потеряли как будто совесть. Но устыдился Евфрат и всплакнул кровавыми слезами— мост у Муша все еще сохраняет на себе полосы, следы, когда вздулась река от крови. Так погибло более одного миллиона армян.

«Теперь армян можно встретить разве только в музеях»,— горько улыбались иногда армяне.

Резня резней, а война войной, и армян берут на военную службу, но, видно, не посылают на передовые позиции, а оставляют в тылу на работах. Изредка попадаются армяне и в войсках. Как-то перебежал к нам армянин, до войны живший в России. Он рассказывал, что армяне, спасая свою жизнь, иногда при призыве в армию принимали ислам, или, точнее, насильственно обращались в мусульманство. Когда во время переклички в строю такой новообращенный мусульманин назвался христианским именем, он немедленно был расстрелян...

И так без конца— зверства, резня, порабощение, расстрелы. Только сравнительно небольшой части армян, проживавших в Турции, удалось спастись. И вспоминаю я горестную картину, когда армяне, перепуганные неожиданным отходом русского войска, побросали только что восстановленные дома и потянулись в

Алашкертскую долину. Вот, вол медленно тащит скрипучую повозку, на которой сложен весь домашний скарб. А рядом идет женщина, в одной руке она держит зеркало, в другой — кинжал. Решайте, что в ней сильнее— инстинкт кокетства или самозащиты...

Когда спрашиваешь пленных, они отмалчиваются; стыдно им, или они опасаются, что рассказом они ухудшают свое положение, — не знаю. Впрочем, на этапе Латер я повстречался с военнопленным турком; и он много рассказывал мне про Измир и говорил, что у него был друг армянин...

Но стихнут ли разбушевавшиеся страсти, когда замолкнет гром пушек? И кто по истинной правде рассудит и примирит турок и курдов с армянами? И верю я, пройдет это тяжелое, как кошмар, время, и стыдно станет человеку...

Сотни тысяч безвинных армян пали в Турции жертвами зверств. С огромным мужеством шли на смерть сыны Армении; они знали, что через смерть армянский народ возродится к жизни, к лучшей жизни. И будет жить Армения!

Наш воскрешенный край,
Несокрушимый край,—

как пел восторженно в свое время О. Туманян, патриарх армянской поэзии[61].

Академик В. А. Гордлевский. Избранные сочинения, т. III, М., 1962, с. 128—130.

230. Из докладной записки В. Теряна о Турецкой Армении (1917 г.)

...Армяне, которые на своей родной земле, в Армении, еще в XVII столетии составляли 98% населения, при 2% мусульманского населения, в 1914 году составили уже только 42% всего населения Армении, остальные 58% были греки, курды, езиды, кизилбаши и турки, причем все мусульманское население составляло 38% всего населения Армении. Но все же перед началом войны армяне составляли самую многочисленную группу населения Армении. При этом нужно принять во внимание также и то обстоятельство, что процент армянского населения значительно повысился бы, ес-

ли бы в Турецкой Армении создались хотя бы самые элементарные гарантии личной и имущественной безопасности, что дало бы возможность вернуться сотням тысяч армян, в самые последние годы эмигрировавшим из Армении в разные страны, но не порвавшим с родиной и готовым вернуться на родные пепелища при первой возможности.

Итак, несмотря на периодические погромы, еще в начале войны армяне на своей родине все же составляли весьма значительное большинство сравнительно с каждой национальной группой, взятой в отдельности, а в случае возможности обратного водворения еще недавно эмигрировавших (или, вернее, бежавших от резни) сотен тысяч рассеянных по разным странам армян, армяне составили бы в Армении больше половины всего разноплеменного населения...

Правительство младотурок, всецело проникнутое идеями панисламизма, во главе с империалистическими мечтателями-патриотами вроде Энвера и Талаата, искавшими повода, чтобы раз навсегда развязаться со злополучным армянским вопросом, воспользовалось всемирным пожаром, дабы самым радикальным образом разрешить армянский вопрос. Это правительство решило подвергнуть армян физическому истреблению, чтобы тем самым раз навсегда покончить с вопросом об Армении...

Началось, с одной стороны, беспощадное истребление мирного и безоружного армянского населения Турецкой Армении и, с другой стороны, насильственное выселение армян в Месопотамию, причем выселение сопровождалось не только ограблением всего имущества армян, не только жестокостями, но очень часто кровавой расправой, так что больше половины выселяемых погибло от рук убийц, не дойдя до места ссылки.

Из всей этой массы истребляемых и изгоняемых армян уцелело очень немного. По свидетельству американских миссионеров, в различных пунктах Месопотамии сосредоточено до $^1/_2$ миллиона армян, которые еле влачат свое жалкое существование. Уцелело кое-какое количество армян (главным образом ремесленников, специалистов-техников и некоторые категории рабочих, которых турки оставили в живых для своих надобностей) в Конии и других пунктах Турции, но

точно число их может быть установлено лишь по окончании войны.

В Россию успело бежать лишь триста с лишним тысяч армян, которые распределены по различным пунктам Закавказья, в ожидании, когда им дана будет возможность вернуться на родные пепелища и восстановить свое разоренное хозяйство. Таким образом, из двух с четвертью миллионов турецких армян уцелела приблизительно половина. Но эта половина населения Турецкой Армении, как было упомянуто выше, рассеяна более или менее значительными группами по различным углам Турции (Месопотамии, Конии и пр.) и России. Кроме того, сотни тысяч армян под страхом резни эмигрировали только за последние годы в Европу и Америку, но не порвали связи с родиной и готовы вернуться в Армению, лишь только будут созданы там хотя бы элементарные гарантии личной и имущественной безопасности...[82]

«Жизнь национальностей», М., 1920, № 18, 15 июня.

231. Сообщение о зверствах турецких войск в Трапезунде

Перевод с французского

24 февраля [1918 г.] турецкие войска вновь оккупировали Трапезунд, который с 18 апреля 1916 года принадлежал русским. Та часть греческого и армянского населения города, которой не удалось бежать, сильно пострадала во время этой реоккупации... Турки расстреляли, утопили или заживо сожгли не только отставших русских солдат, которых захватили в ходе своего продвижения, но они также пытали тех армян, которые попались им в руки.

В Трапезунде армянские дети были зашиты в мешки и брошены в море.

„L'Asie française", Janvier—avril 1918, № 172, p. 23, Paris.

232. Помощник министра иностранных дел Германии министру иностранных дел Кюльману

Перевод с немецкого

Из телеграммы *Берлин, 22 марта 1918 г.*

Лионское радио 17-го марта сообщает: «Армянское бюро информаций извещает, что возвращение турок в Трапезунд сопровождалось новыми актами жестокостей. Тысячи оставшихся русских были расстреляны или сожжены живыми. Армяне подвергаются неописуемым мучениям. Детей завязывают в мешки и бросают в море. Стариков и старух распинают и калечат...

Бусше
Deutschland und Armenien.., S. 877.

233. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству иностранных дел Германии

Передано по радио *12 апреля 1918 г., № 71.*

Наступление турецких войск и курдов на Кавказском фронте сопровождается массовым истреблением армянского населения; мирное население, женщины и дети вырезываются тысячами, имущество их предается разграблению и огню. Договор, который мы принуждены были подписать в Бресте, предоставлял судьбу населения Ардаганского, Карсского и Батумского округов волеизъявлению самого населения. Происходящее в этих округах свидетельствует, что десятками лет применявшаяся политика истребления армянского народа продолжается и ныне. На турецком фронте перевес был на стороне России, которая принуждена была отдать Ардаган, Карс и Батум только потому, что союзником Турции была Германия.

Ответственность за ужасы, которым подвергается армянское население в занимаемых ныне турецкими войсками областях, ложится на Германское Правительство, при прямой помощи которого Турция выговорила себе эти области.

Народный Комиссариат по Иностранным Делам решительно протестует против того употребления, которое было сделано из права самоопределения населения Ардагана, Карса и Батума, и выражает уверенность

и настаивает на необходимости быстрого и решительного вмешательства со стороны Германии в происходящее на Кавказе с целью предотвращения дальнейшего уничтожения и вырезания мирного населения, как это имело место в Ардагане.

Народный Комиссариат по Иностранным Делам
Чичерин, Карахан.

Документы внешней политики СССР, 1957, с. 240—241.

234. Германский консул в Алеппо рейхсканцлеру Гертлингу

Перевод с немецкого

Из телеграммы

Алеппо, 15 мая 1918 г.

Как мне только теперь стало известно, в середине марта по приказу командира 4-го корпуса Али Ихсан-паши вновь стали принимать меры против остатков армян на находящейся под его начальством территории, особенно в вилайете Мамурет ул-Азиз. Из местечек Бердах и Пери были доставлены в Мамурет Азиз около 3000 женщин и детей. Подростки были закованы в цепи и приведены отдельно. Вали Мамурет ул-Азиза отпустил на свободу женщин и детей, подростки же посажены в тюрьму...

Рёслер

Deutschland und Armenien.., S. 333.

235. Сражение у Караклиса

<Конец мая 1918 г.>

Армянскому Национальному Совету сообщают, что в последние дни телеграфное сообщение между Караклисом и Эриванью было прервано, почему с означенного направления никаких сведений не поступило. Ныне из Батуми получено сообщение из турецких источников, что у Караклиса между армянскими частями и турками шло кровопролитное сражение, продолжавшееся 4 дня. По турецким данным, со стороны армян в сражении участвовало 7000 солдат, а со стороны турок 10000. Армянские части сражались доблестно, но им пришлось сдать Караклис лишь под давлением численно превосходившего их врага. Со стороны ар-

мян 1500 убитых и раненых и 1000 пленных, потери турок тоже значительны. Часть армян отошла к Дилижану, часть к Санаину.

«Кавказское слово», 1918, 4-го июня, № 112.

236. Бои под Сардарапатом и Башабараном

<Конец мая 1918 г.>

Генерал Силиков 10 июня телеграфирует из Эчмиадзина армянскому национальному совету: «После трехдневных упорных боев на Сардарабадском направлении, 27 мая, турки, обойденные с фланга и сбитые с фронта, в беспорядке отступили, преследуемые нашими войсками. Преследование велось до линии ст. Каранлу и сел. Согутлы. Потери турок значительны[63]. В то же время на Башабаранском направлении противник силою около 2 полков с артиллерией, оттеснивши наши передовые конные части на линии сел. Казанфар-Караклис, после 2-дневных упорных боев, к вечеру 29 мая, был разбит наголову и отброшен на линию Карагельских высот, оставив на месте боя более 200 трупов, 2 пулемета, более 100 ружей и много военной добычи. Наши потери в этих боях незначительны. Дух войска превосходный. На данное время войска занимают сильные позиции и устанавливают демаркационную линию».

«Кавказское слово», 1918, 12 июня, № 112.

237. Вехиб-паша о самообороне армян

<Июнь 1918 г.>

По словам членов армянской мирной делегации, Вехиб-паша перед подписанием турецко-армянского мирного договора сделал обзор военных действий турецких войск на армянском фронте. По словам турецкого главнокомандующего, стойкость и выдержка армянских частей проявилась в боях: под Бегли-Ахметом, Карсом, Александрополем, Караклисом и Сардарабадом. Упорное сопротивление армян под Бегли-Ахметом было сломлено благодаря тому, что 2 армянских пол-

ка самовольно оставили позицию, обнажив правый фланг армян и заставив весь фронт поддаться назад. Под Карсом турки имели 19000 штыков против 7000 солдат Карсского гарнизона и полевой армии армян. И все-таки турецкий главнокомандующий рассчитывал взять Карс в три недели. Немногочисленные армянские части, застигнутые врасплох под Александрополем, дрались отлично. Под Сардарабадом отряд ген. Силикова разбил турок наголову (это подтверждается запоздавшей телеграммой ген. Силикова...).

«Правда, — поспешил прибавить Вехиб-паша, — под Сардарабадом мы допустили ошибку, спустившись в долину в то время, когда наши занимали высоты. За это мы и поплатились».

Но больше всего подействовали на турецкого главнокомандующего 4-дневные бои под Караклисом, где против наскоро собранных и даже не сведенных в батальоны и полки 7000 армян при 10 орудиях и 20 пулеметах турки имели 10000 отборных войск, 70 орудий и 40 пулеметов. И все же конечный успех дался туркам ценой огромных жертв. Первые два дня армяне отбивали все турецкие атаки, сами переходя в контратаки, и лишь истощение патронов и снарядов заставило прекратить эту геройскую борьбу и отойти назад.

«У вас все данные для того, чтобы стать вторыми болгарами. Ваши крестьяне такие же честные, суровые и храбрые воины, как и болгары»,— закончил Вехиб-паша.

«Кавказское слово», 1918, 12 июня, № 119.

238. Турецкое зверство в Караклисе

25 июня из Караклиса прибыл в Тифлис служащий полевой почты, бывший свидетелем ужасов, творившихся турками над населением Караклиса и окрестных селений, после занятия ими последних в конце прошлого мая.

По словам его, Караклис и Кишлаг три дня были предоставлены грабежу и всевозможным насилиям как со стороны регулярных турецких частей, так и мусульманских банд: расстреливались в лесу группами из 50—60 человек мужчины селений, расстреливались они

и у речки, причем расстреливаемых предварительно заставляли рыть для себя могилы. Насиловались женщины, девушки и даже подростки; шел открытый и разрешенный высшим командованием грабеж имущества сельчан... Через 3 дня приказом командующего турецкими частями грабежи и насилие были объявлены прекратившимися и за таковые были назначены строгие кары, что, однако, не удерживало аскеров забирать для себя под видом реквизиции все необходимое или что приглянется. У населения отбирали масло, муку, молоко, яйца, птицу, фураж и пр., выбрасывая за это гроши или ничего не платя. Доходило до того, что нередко с крестьян снимали одежду и обувь.

Такие же ужасы перенесло население селений Налбанд, Амамлы, Авдибек и пр., причем уцелевшее мужское население этих селений в настоящее время турками днем сгоняется на работы по рытью окопов, а вечером возвращается домой. В настоящее время турки укрепились между станциями Шагали и Калагеран и ими закрыт с восточной стороны Калагеранский тоннель.

«Кавказское слово», 1918, 28 июня, № 131.

239. Постановление Совнаркома РСФСР о вторичном оказании помощи армянским беженцам

26 июня 1918 г.

Совет Народных Комиссаров на заседании от 26 июня 1918 г., заслушав заявление т. Аванесова о необходимости немедленной помощи армянским беженцам, постановил: ввиду того, что деньги в сумме 3 490 000 руб., ассигнованные в пользу армян-беженцев от 15/1-18, и в сумме 2 704 789 руб., ассигнованные Комиссариатом внутренних дел (отделом по делам беженцев), были в пути следования захвачены бандами Каледина и Корнилова, СНК, принимая во внимание крайнюю нужду беженцев, постановил повторно ассигновать вышеуказанные суммы (всего 6 194 784 руб.) шесть миллионов сто девяносто четыре тысячи семьсот восемьдесят четыре рубля Комиссии по делам армян для оказания немедленной помощи армянам-беженцам. Означенную сумму перевести немедленно в кассу ВЦИК для Комиссариата по делам армян.

Поручить тт. Аванесову и Розину немедленно разыскать доклад Шаумяна по вопросу о захвате денег, ассигнованных армянам, бандами Каледина и Корнилова и передать официально в Комиссариат по национальным делам, которому поручить со своей стороны передать его в Комиссариат государственного контроля.

Секретарь Совета (подпись)

ЦГАОР СССР, ф. 1235, оп. 93, д. 163а, л. 76; Великая Октябрьская социалистическая революция и установление Советской власти в Армении. Сборник документов. Ереван, 1957, с. 221—222.

240. Телеграмма главы Германской военной миссии на Кавказе генерала Фон-Кресса в Министерство иностранных дел Германии

Тифлис, 10 июля 1918 г.

Епископ Месроп приехал из Эривани, подвергая жизнь опасности, чтобы вымолить у немцев помощь. По его словам почти полмиллиона армян умрут от голода, если сейчас же не будет разрешено возвращение армян в области Сардарабад-Игдирь и Давалу, чтобы собрать созревший урожай.

Описание уважаемого епископа потрясающе. Намерение турок заставить голодать всю армянскую нацию— очевидно. Эссад отказал в моей просьбе разрешить армянам-беженцам и армянскому нацсовету возвращение на родину по незначительным причинам.

Сильный нажим центральных держав на турок является настоятельным требованием гуманности и политики.

Deutschland und Armenien..., док. 404.

241. Представление уполномоченных Армянского правительства в Берлине болгарскому королевскому поверенному в делах доктору Никифорову

Берлин, 20 июля 1918 г.
Перевод с немецкого

На аудиенции, которую Ваше высокоблагородие сегодня нам соблаговолили предоставить, нам было позволе-

но сделать Вам устные сообщения о крайне критическом положении, созданном в Кавказской Армении турецким наступлением

Брестский договор предусматривает для отторгнутых от России провинций Карса, Ардагана и Батума права плебисцита населения и не разрешает отправить туда войско. Несмотря на это, в эти провинции не только были двинуты турецкие войска, но и перешли за пределы, установленные Брестским договором, и проникли в глубь Кавказской Армении. В настоящее время почти половина Кавказской Армении занята ими.

После страшных испытаний, постигших наш народ в Турции, понятно, что где бы не появились турки, армяне, покинув все на произвол судьбы, обращаются в поспешное бегство, лишь бы спасти свою жизнь. Таким образом, теперь свыше 600000 армян-беженцев без крова скрываются в горах и лесах, подверженные опасностям, лишениям, непогоде и эпидемическим болезням.

Поток армянских беженцев и смертность среди них со дня на день увеличиваются...

Убийства и ограбления армян участились в страшном количестве, и нашей национальности в Кавказской Армении грозит та же самая судьба совершенного уничтожения, как было и в Турции, если не будет оказана им скорая помощь.

Кавказская Армения, после распада Кавказской республики, следуя примеру Грузии, объявила свою государственную самостоятельность и образовала собственное правительство, которое нас делегировало сюда для протеста против нарушения турками Брестского договора и требования немедленного очищения нашей территории до Брестских границ.

Будучи убеждены, что болгарский народ, на основании своего исторического прошлого, может лучше всех понять наши страдания и желания, мы с полным доверием обращаемся к Болгарскому правительству, подписавшему Брестский договор, и покорнейше просим оказать свое влияние в интересах справедливости и нашей государственной будущности, а в особенности, для урегулирования назревших Кавказских вопросов на предстоящей конференции, дабы скорой эвакуацией нашей территории вновь восстановить Брестский договор и новому государству, Кавказской Арме-

ции, дать возможность беспрепятственно приняться за строительство...

Уполномоченные Армянского правительства
А. Оганджанян и А. Зурабов

ЦГИА Арм. ССР, ф. 200, оп. 1, д. 80, л. 229—231.

242. Из доклада начальника Армянского информационного бюро о насилиях, учиненных турецкими войсками над мирным армянским населением и военнопленными

<Июль 1918 г.>

Для ознакомления с событиями, последовавшими вслед за Караклисским боем, были допрошены очевидцы этих событий, возвратившиеся с фронта, и бежавшие из турецкого плена воины. Были командированы также особые уполномоченные для сбора сведений по тем районам, по которым отступали отклонившиеся от своих частей воины, застигнутые отрядами турецкой конницы.

Показания означенных лиц и обзор доставленных сведений раскрывают картину бесшабашного глумления, насилий, зверств, учиненных турками над армянскими воинами и армянским населением.

В Караклисе, спустя два дня по взятии села, т. е. 30 мая, очевидно по отданному секретному приказу, началось поголовное избиение военнопленных армян и мирных жителей. Началось избиение в 4 часа дня. Сигналом к нему явилась усиленная стрельба и залпы: пленных армян, связанных друг с другом веревками, уводили партиями в ближайший лес. Десятками и сотнями расстреливали офицеров и солдат. Одновременно и в самом селе шла поголовная резня местных жителей армян. Многие семьи вырезаны совершенно. Мужчин в селе почти не осталось. Женщины подвергались изнасилованию ежедневно; изнасилования эти продолжаются по показаниям и по сие время. За два-три дня все село вымерло. Так длилось 4 дня, т. е. по 2-ое июня включительно, когда был отдан приказ турецким властям прекратить резню; и это было очевидной насмешкой, ибо убивать было некого, разве лишь уцелевших женщин и детей. Уцелели лишь те, кои лежали в лечебных заведениях, и врачебный персонал этих заве-

дений. Но и они влачили полуголодное существование, ибо продукты отпускались в очень ограниченном количестве. Оставшиеся в живых дети и женщины были обречены на голодную смерть, ибо скотина была отобрана и посевы потравлены, имущество же все разграблено. Такова картина кровавой расправы с армянами в Караклисе.

После отступления отряд воинов-армян в количестве около 2 тысяч чел., среди коих были полковники— Осипянц, Владимиров, Корганов, полковник Кобылевский и др., прибыл на станцию Санаин. Ввиду того, что дороги к Тифлису и Эривани были закрыты турками, командиры решают распустить отряд, предоставив каждому самостоятельно решать свою судьбу. Отряд разбивается на группы: одна группа во главе с полковником Коргановым направляется на Дилижан по горам; другая во главе с полковником Осипянцем и подполковником Кобылевским держит путь по направлению к селу Шулаверы; третья группа во главе с полковником Владимировым направляется в село Алаверди.

Судьба первой группы в точности неизвестна; вторая группа была вся перебита турецким отрядом конницы в селе Чанахчи при следующих обстоятельствах. Отряд под командой полковника Кобылевского, командира Отдельной конно-горной батареи, в количестве 150 чел. прибыл в ненастную погоду в село Чанахчи. Село в ожидании турок было эвакуировано и оставались только старики. Пока местные жители-армяне убеждали воинов уйти в лес, т. к. ожидались турки, со стороны Ахкерпы (село) появился отряд турецких сувари в количестве 105 человек. Отряд вел с собой человек 30 армян-воинов, плененных в Ахкерпы.

Кобылевский устроил совещание для разрешения вопроса о сдаче или сопротивлении...

Отряд сдался, и по обезоружении все пленные были загнаны в конюшню...

Поздно ночью в конюшню явились турки и частью выводя, частью же на месте начали холодным оружием истреблять пленников. Таким образом все пленные были перебиты. У некоторых турки сняли новое обмундирование и оделись сами, уходя в два часа ночи, они подожгли конюшню. После их ухода жители села Чанахчи потушили огонь и открыли двери. В живых остались два раненых солдата, переживших эти ужасы...

Третья группа с полковником Владимировым скрывалась в селе Алаверди, не решаясь куда-либо двинуться. На пятый день пребывания их там в Алаверди прибыл турецкий паша с офицерами и аскерами. Паша обещал никого не трогать и всех отрезанных от Тифлиса беспрепятственно пропустить туда. Полковник Владимиров обратился от имени солдат, офицеров, женщин и детей содействовать беспрепятственному проезду их в Тифлис.

Паша предварительно произвел у всех обыск, отобрав деньги, золотые и серебряные вещи и пр. На следующий день, собрав 32 офицера, много солдат, 18 барышень и около 600 детей, отправился на ст. Манес, где посадил всех в вагоны и отправил в сопровождении турецких аскеров по направлению ст. Садахло, где все поголовно были перебиты.

Недалеко от ст. Ашага-Сараль уполномоченный информационного бюро Дарбинян обнаружил старый засохший колодец глубиной около 5 саж., где было найдено 36—40 трупов. Служащие на ст. грузины рассказывали, с какой жестокостью перебивали турки в особенности офицеров, без различия национальности. Предварительно обобрав и сняв одежду, турки изрубили трупы на куски и бросили всю массу человеческих тел в колодец.

Таковы картины безнаказанных насилий и зверств турецких войск над беззащитным населением и военнопленными воинами, в большинстве случаев добровольно и с доверием предававших свою жизнь на попечение турецких военных властей, а последние вместо охраны предавали огню и мечу жизнь и имущество ни в чем неповинных и беззащитных военнопленных армян и мирных жителей.

Начальник информационного бюро
Штабс-капитан **(подпись)**

ЦГИА Арм. ССР, ф. 68(200), д. 609, л. 20—21.

243. Из телеграмм Фон-Кресса германскому канцлеру Фон-Гертлингу

Тифлис, 4 августа 1918 г.

Турки и здесь не сдержали условия Батумского мира и держат в оккупации области по ту сторону Ба-

тумской границы Армения будет жизнеспособна, сохраняя границы Брест-Литовского перемирия, без турецких исправлений, которые отводят Турции особо важные хозяйственные районы. В свое время почти все самые промышленные области были оккупированы Турцией, которая их планомерно ограбила. Несмотря на договор, они вывезли большие запасы хлопка. Урожай частично собрали турки, а частично гибнет. До Нахичевани железная дорога должна обязательно быть армянской, которая в едва сносном состоянии. Армяне утверждают, что между двумя государствами произойдут бои, если турки отойдут от батумской границы.

Противоречивые утверждения Энвера являются только ширмой, чтобы выиграть время для опустошения и разорения оккупированной страны. Турки хотят через Азербайджан проникнуть в исконно армянскую провинцию Карабах и разорить ее. Неминуемы новые бои вооруженных горцев с магометанами, если мы не будем этому препятствовать.

Deutschland und Armenien... док. № 424.

244. Генерал Фон-Кресс канцлеру Германии Гертлингу

Выдержки из доклада *Тифлис, 5 августа 1918 г.*

Здесь я даю описание настоящего положения Армении, каково оно есть на основании собственных наблюдений и бесед с авторитетными людьми. В настоящее время Армения окружена турками, кроме Эривани и предместий, и ограничена маленькой высокогорной местностью, совершенно не пригодной к жизни.

Турки не сдержали по отношению армян составленных ими самими условий Батумского мира. Они оккупировали ряд областей по ту сторону границы, потери которых очень болезненны для Армении, так как этим они отняли у нее последние пригодные плодородные области.

В настоящее время Турция хочет начать наступление из Азербайджана на населенный армянами Карабах, разорить тамошнее население под предлогом, что тамошние армяне агрессивно настроены против мусульман. Турецкая политика ясна. У турков есть намерение уничтожить армян. Армян преследуют где только воз-

можно, их провоцируют и получают поводы к новым нападениям. Если же это не удается, то их заставляют голодать и нищенствовать. С этой целью они грабят оккупированные области, увозят все вопреки Батумскому договору. Добыча, захваченная турками в Александрополе, очень велика. О том, что они увезли весь хлопок, я уже докладывал Вам.

Сопротивление, которое оказывают турки в деле очищения оккупированных областей, сводится к тому, что им еще не удалось вывезти всю добычу. Армения находится в очень тяжелом положении. Правительство твердо решило избежать всего, что могло бы дать новые поводы нападения, но у него нет возможности препятствовать образованию новых банд. Это происходит менее всего из-за политических мотивов. А скорее от голода, который заставляет людей прибегать к грабежу.

Армянское правительство сознает опасность, в которой находится страна уже продолжительное время. Оно решило избежать борьбы и препятствовать ей. Оно твердо решило и согласно со всем армянским народом защищать до последней капли крови, если турки снова нападут на страну. Турки в этом случае будут втянуты в горные бои, которые на долгое время свяжут их силы, если, конечно, армяне не будут побеждены голодом.

Утверждения Энвера, что Турция должна захватить области Александрополь, Караклис и другие, чтобы препятствовать стычкам между грузинами и армянами, рассчитаны на то, чтобы выиграть столько времени, чтобы вывезти урожай из этих областей и смочь полностью ограбить их.

Что касается внутреннего положения Армении, то оно чрезвычайно тяжело благодаря огромному количеству беженцев, которые в настоящее время собраны на небольшой территории, а именно в окрестностях Эривани. Оседлое население республики составляет 750 тысяч человек. В области, которая не сможет прокормить этих людей, находятся еще 500 тысяч беженцев. Эти люди бежали от турок сломя голову и бросили все свое имущество. Небольшие запасы, которые у них были, давно кончились. Они постепенно резали свой скот, и этим лишили себя последней возможности существования.

Оседлое население теряет часть своего урожая С завязанными руками армяне должны смотреть, как турки увозят урожай из оккупированных областей...

Deutschland und Armenien.... док. № 426.

245. Врач-очевидец о турецких зверствах в Баку

Выдержки из письма *30 сентября 1918 г.*

В 9 час. утра в воскресенье, 15 сентября, турки с нагорной части ворвались к нам.

Начиная с Шамахинки по Воронцовской и другим главным артериям города, Торговой, Телефонной— массовый грабеж всего до нитки, варварское уничтожение имущества, лабораторий, врачебных кабинетов, аптек, магазинов, квартир...

Уносилось все белье, одежда, мебель, деньги, разбивалось все громоздкое и устойчивое, насиловались женщины и дети, без различия национальности. Но убивали почти только армян. Случалось, что головы армян показывались в толпе громил, и это еще больше усиливало погром. Всего армян погибло до 30 тысяч человек!

Такие картины, как ребенок, сосущий в течение двух дней грудь убитой матери, или играющий в крови родителей— были обыкновенными явлениями.

В нашем лазарете при первом своем появлении турки отобрали у больных всю обувь и сапоги, изнасиловали 6 сиделок, чуть не убили смотрителя за то, что он не сразу отдал им кассу и т. д.

Привозя в лазарет на грузовиках изувеченных армян, они сбрасывали их на тротуары и плетьми загоняли их к нам. У нас в лазарете имеется старуха лет 70, которой рассекли мягкие седалищные части; дети 5—8 лет, у одного из них вывихнута рука, ободраны покровы, мышцы все обнажены, зияет грудь; у другого — то же с ногой, у третьего рана и пуля в голове,— масса мужчин с обрубленными руками, ногами, повреждениями в черепе, тяжелыми ранами и увечиями.

А город весь усеян трупами армян, которые разлагались несколько дней, пока их убрали. Михайловская больница переполнена изнасилованными девушками и женщинами. Все лазареты переполнены ранеными армянами...

Три дня продолжалось хозяйничание дикарей, миссия коих была: армян ограбить и убивать, а остальных грабить и насиловать. Пять дней мы не выходили из нашего дома. Дежурили, не раздеваясь денно и нощно. Из 11 семейств бежало накануне 5 семейств на пароходе. Сидели мы в темноте (наружные комнаты не освещены), в страхе и голоде. Пережить подобное вторично—совершенно невозможно.

Затем наступило относительное успокоение, жизнь стала медленно входить в колею. Но какая жизнь? Магазины закрыты, ибо нечего их и открывать. Публика подавлена, кругом шныряют аскеры. После 7 час. веч. выходить на улицу воспрещено. Кругом темнота. Женщин на улицах не видно...

«Кавказское слово» 1918, 8 октября № 215.

246. Нота Народного комиссара иностранных дел РСФСР Министерству иностранных дел Турции

20 сентября 1918 г.

Мирным договором, заключенным в Брест-Литовске 3-го марта 1918 года, установлены были новые территориально-политические отношения между Россией и Турцией.

Статья 4-я Брест-Литовского договора предоставляла населению округов Карса, Ардагана и Батума, входивших ранее в состав Российской Республики, право «установить новый строй в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией».

Судьба указанных округов, их международноправовое положение должно было быть установлено волеизъявлением населения этих округов. Между тем сейчас же после заключения договора округа эти были заняты турецкими военными силами и к ним был применен режим военной оккупации, сопровождавшийся недопустимыми грабежами и насилиями над мирным населением. Одновременно с введением турецкой администрации был произведен принудительный набор мужского населения свыше 19-ти лет.

Население, свободным выражением воли которого должен был быть установлен новый строй, было заранее терроризировано и поставлено в условия, при ко-

торых право, предоставленное населению трех округов, превращалось в открытые издевательства над ним. Накануне голосования почетные граждане, влияние которых могло бы быть не в пользу Турции, высылались, арестовывались, а во многих случаях даже расстреливались. Голосование происходило явно под контролем турецких властей, намечавших при этом жертвы для своей мстительности и своих предстоявших репрессий. Результаты голосования при таких условиях не могли быть не предрешены.

Считая такое насилие над населением отторгнутых от России округов существенным нарушением статьи 4 Договора, Советское Правительство настоящим заявляет, что оно не может согласиться с результатом так называемого волеизъявления населения округов Карса, Ардагана и Батума и считает право этого населения установить новый строй своих областей неиспользованным и вопрос о новом строе указанных округов открытым.

Мирным договором прекращались военные действия между Россией и Турцией, между тем сейчас же после заключения договора военные действия со стороны Турции были возобновлены и продолжаются до настоящего момента. Турецкие регулярные войска в союзе с разбойничьими бандами занимают территорию Советской Республики, подвергая города и деревни разгрому и разграблению, расстреливая или подвергая всевозможным насилиям христианское население, не исключая женщин и детей.

Советское Правительство неоднократно протестовало против продолжавшихся военных действий со стороны Турции, но все эти протесты оставались без результата. Наконец, в июле сего года турецкая армия предприняла поход на Баку и после геройского сопротивления советских войск против превосходных сил противника открыла себе путь к этому городу, одному из важнейших городов Российской Республики. На все протесты Советского Правительства представители Оттоманского Правительства отвечали простым отрицанием самого факта турецкого наступления или же ссылались на то, [что] якобы около Баку действуют только иррегулярные банды из местных жителей, в то время как на самом деле нападение на Баку было совершено регулярной турецкой армией, и 30 июля с тре-

бованием о сдаче города обратился к жителям Баку Шефкет-паша.

Теперь, когда город Баку уже взят и турецкие войска находятся в самом городе, когда беззащитное население и весь город в продолжение дней подвергаются всем ужасам разгрома и разграбления со стороны турецких войск вместе с примкнувшими к ним татарскими бандами, ссылка турецких представителей на то, [что] якобы в наступлении на Баку принимали участие лишь местные разбойники, является несогласным с фактами прикрытием насильственных действий Турции, под покровом которого произошли и происходят систематическое нарушение Брест-Литовского договора и прямой захват и грабеж территорий Российской Республики.

Оттоманское Правительство в течение истекшего полугодия непрерывно нарушало Брест-Литовский договор, несмотря на все протесты Советского Правительства. Теперь, наконец, в довершение всего, оно захватило и подвергло ужасающему разгрому один из важнейших городов Российской Республики. Оттоманское Правительство этим показало, что Брест-Литовский договор между Россией и Турцией уже не существует. Правительство Российской Федеративной Советской Республики принуждено признать, что действия Оттоманского Правительства фактически отменили устанавливавший мирные отношения между Россией и Турцией Брест-Литовский договор между этими двумя государствами.

Народный Комиссар по Иностранным Делам **Чичерин**

«Известия», № 205 (469), 1918, 21 сентября.

247. 1918 г. октября 12. — Из телеграммы С. Орджоникидзе Г. В. Чичерину

12 октября 1918 г.

Положение Армении трагическое. На небольшом клочке двух уездов Эриванской губернии сконцентрировано более 600000 беженцев, которые гибнут массами от голода и холеры. В завоеванных уездах турки вырезали половину населения. В Карабахе Шушинский и

Зангезурский уезды завоеваны турками, население оказывает упорное сопротивление.

Орджоникидзе

МИД, фонд Чичерина, д. 56822, л. 14.

248. Письмо в редакцию газеты «Мшак»

Перевод с армянского

<ноябрь 1918 г.>

Следственная комиссия по установлению потерь, понесенных армянским народом за время мировой войны, просит Вас напечатать в Вашей газете следующую выписку из показания присяжного поверенного Левона Шавердяна, данного им члену следственной подкомиссии А. Лонгинову (бывшему товарищу прокурора Тифлисского Окружного Суда).

«Когда караклисские бои имели неблагополучный исход для наших войск, то бежавшие оттуда шестьсот человек постепенно собрались в селении Хачалу (Больнис Хаче), около немецкой колонии Екатериненфельд. Там к ним пришли: один из местных богачей по фамилии Арутюнян и пользующийся большим влиянием среди местного тюркского населения Исрафил-бек Аджалов, которые уговорили собравшихся тут армян солдат принять «таслим», заверив их, что они останутся невредимыми. Солдаты приняли это предложение и сдали свое оружие туркам, после чего они под охраной аскеров были отправлены в Екатериненфельд к тамошнему паше. По дороге в одном ущелье, недалеко от екатериненфельдских садов... тюрки открыли по ним (пленным) огонь, многих убили и забрали, а 75 человек из них сумели убежать в немецкие сады. Тут их изловили аскеры и связанных повели в Джалал-Оглы, к командиру 5-ой турецкой дивизии Мурсалу-паше, который приказал избрать для них такую казнь, чтобы перед смертью они испытали самые ужасные мучения. Этих пленных предварительно заключили в старую русскую церковь в Джалал-оглах, где по случаю ветхости здания давно уже богослужения не совершались.

Отсюда пленных под охраной турецких аскеров послали к месту слияния двух рек Чибухлу-чая и Каменки (Дебетчая или Палах-чая). Их видел, когда их вели,

живущий в Джелал-Оглах мельник Ованнес Сеферян. Пленных, связанных попарно и по четыре, повели к мельнице, находящейся около слияния этих рек. Один из пленных, предчувствуя беду, пытался бежать, но аскеры тут же его пристрелили, до этого другой пленный был расстрелян при выходе из церкви.

На расстоянии полутора вереты от мельницы была большая яма. Аскеры остановили пленных около мельницы и стали понемногу, небольшими группами по два, по четыре человека уводить в сторону этой ямы...

Бывший в последней группе Саркис Амирханян говорил, что когда он стоял около мельницы, до слуха его донеслись какие-то неестественные человеческие стоны, которые неслись через ущелье со стороны упомянутой ямы. Когда Амирханяна вместе с тремя другими пленными подвели к яме, то ударами ружейных прикладов свалили их ничком на землю и над каждым из них стали по два аскера и стали колоть штыками их ягодицы, а затем наносить удары ружейными прикладами по их плечам и локтям, ломая эти части тела. Затем их сбросили в яму, откуда неслись нечеловеческие стоны ранее брошенных туда жертв, и насыпали на них несколько лопат земли.

По наступлении темноты турки ушли, после чего Саркис Амирханян, встав, кое-как выкарабкался из ямы и спрятался в пещере, находящейся в 50 саженях.

Когда он вставал, лежавший рядом с ним солдат стоная сказал: «Товарищ, я еще жив, возьми и меня с собой». И затем такие же стоны послышались из кучи лежавших в яме других живых трупов.

Амирханян четыре дня слышал эти стоны и видел, как лежавшая в яме куча тел шевелилась, то поднималась, то опускалась. Так в мучениях умирали несчастные, не имея силы выйти из ямы, а раненый и изувеченный Амирханян не имел физической возможности помочь им.

Через четыре дня стоны прекратились. Амирханян в пещере оставался до нашего прихода, 13 дней, питаясь, как он говорил, исключительно травой. Когда мы нашли Амирханяна, от него оставались кости и кожа, к которым так прилипла его рубашка, что невозможно было отодрать. Мы Амирханяна повезли в Джалал-Оглы и оттуда, так как турки приказали очистить это се-

ление, отвезли на следующий день в Гюл-Агарак, где он через два дня умер.

Заведующий уголовным отделом Следственной Комиссии:

(подпись)

249. Правление армянского Александропольского землячества центральному совету землячества

Тифлис, 1 декабря 1918 г.
Перевод с армянского

В ответ на Ваше письмо от 30 ноября за № 59 и в дополнение моих докладов за №№ 34 и 41, настоящим считаю долгом представить Вам краткий перечень тяжких потерь и разрушений, причиненных г. Александрополю и селениям района.

Турки в период своего наступления и хозяйничания совершили зверства и избиения в следующих селениях:

1. В селениях Артик, Кипчак, Архвали, Башгюх учинили неописуемый грабеж, до последней нитки. В селении Артик, имеющем 400—500 домов, во время погрома перебили и захватили в плен самую здоровую, молодую часть мужского населения, изнасиловали и захватили в плен огромное количество женщин и девушек, начиная с восьми и десятилетнего возраста.

2. Разграблены и подвергнуты резне благоустроенные, многолюдные и богатые селения Члохан, Млхиаби, Тамарташ, Хором и Мечидлу; имели место избиение, изнасилование, пленение женщин и мужчин.

3. При нападении на Александрополь бомбардировали и наполовину разрушили селение Хилли-Каракилиса, 1500 человек мужской молодежи которого взяли в плен и перебили. Карақилиса была одним из выдающихся, крупных сел района, имела 900 домов населения, состоявшего из крупных патриархальных семейств. Являясь предместьем города, она была одним из богатых, цветущих торговых поселений Ширака. В настоящее время она представляет собою полуразрушенную, бедную, жалкую деревню с населением, состоящим из женщин и стариков...

4. Разграблены и вырезаны селения Дахарли и Агин на железнодорожной линии Александрополь-Ереван.

Агинцы при наступлении турок все бежали из села. Но турецкое командование обманным образом вернуло назад агинцев и почти всех перебило. Уцелевших от резни можно пересчитать по пальцам.

5. Разграблено и разрушено селение Дзитиханцов: все мужское население без различия возраста, около 400—500 человек, было загнано в саманники и сожжено самым беспощадным образом. Ужасные, раздирающие душу вопли горевших оглашали всю окрестность.

6. Совершенно разрушены до основания и стерты с лица земли большие, богатые и цветущие селения Согютли и Махмуджук. Население вырезано до последнего человека. От этих селений не осталось ни одного человека, который бы напомнил об их былом существовании.

Эти селения пали жертвой низкой, бесчестной и злостной провокации турок: якобы они пытались оказать сопротивление туркам.

7. Такой же резне подверглось селение Киличятаг, из которого ни одна живая душа не спаслась.

8. Вырезаны и разрушены селения Каса, Большая и Малая Каплича, большая часть населения которых была взята в плен, а 200 человек мужчин были зарезаны и заколоты, подобно животным.

9. Разрушены и разграблены до последней нитки следующие цветущие и богатые селения: Тороси-Гюх, Орта-Килиса, Салут, Гюли-булах, Кизил-Килиса, Дух-Хараба, Зифтали, Бозеохуш, Кизилкоч, Шиштапа, самое богатое в районе центральное торговое селение Казанчи, Титио-хараба, Кор-ахбюр и другие. Во многих из этих сел до основания разрушены строения, мельницы, ограблены и унесены годами сколоченные богатства, достатки, многочисленные сельскохозяйственные орудия, принадлежности, крупный скот, овцы и все такое. Захвачены, изнасилованы и обращены в магометанство тысячи девушек, молодых женщин, девочек, начиная с восьмилетнего возраста.

Обезумевшее от страха население этих сел бежало в Лори, но турки обманным образом вернули его обратно и самым подлым, самым гнусным образом перебили и истребили. Большая часть молодежи вместе с молодежью других сел была угнана в сторону Карса и дальше в глубь страны, и из них никто не вернулся обратно.

10. Разрушены и ограблены селения Чрахли, Дускенд, Большой и малый Капанак, Гаджи-Назар, частично Джаджур, Ахкилиса, Дарбанд, Самерли, Кармасони, Архвали и другие. Молодежь этих селений отвели на противоположную гору и партиями расстреляли. Вся цветущая молодежь армянских сел, подобно осенним листьям, покрыла своими трупами вершины, склоны и подножья гор. Во всех этих селениях турки проявили жестокосердие и свирепость ассирийцев древних, первобытных времен.

11. Под предлогом отомщения были ограблены до последней нитки селения Карабоя, Калтахчи, Авдебек, Ахбулах, Геок-еохуш, Амамлу, Ортнав, Георан, Кишлак, Варданлу, Дарбаз, Бзовдал, разрушен до основания и Налбанд Вместе с ними и многие другие селения.

12. Большой Караклис со своим районом после памятного сражения подвергся жесточайшему избиению, разрушению и ограблению Только в караклисских ущельях и лесах было зарезано и расстреляно около 20000 мужчин периодически, беспощадно. Обезображенные трупы в ущельях, ямах и горах до сих пор свидетельствуют об этих бесчеловечных и гнусных зверствах.

Вообще из более чем 120 армянских сел Александропольского района, благоустроенных и многолюдных, богатых и цветущих, обильных, гостеприимных, ни одно не избежало разрушительного и сокрушительного действия турецкого меча и ятагана.

О многих селениях я до сих пор не мог собрать сведений, потому что район был отрезан от внешнего мира и закрыт для внешних сношений, даже для города Александрополя.

Вместе с этими селениями разрушено и уничтожено более 10—15 езидских селений, которые бесследно исчезли вместе с их мирным и богобоязненным населением...

Председатель правления Александропольского Землячества
(подпись)

Архив Института истории АН Арм. ССР, ф. проф. Лео.

250. Правление армянского ахалкалакского землячества центральному совету землячеств

Тифлис, 2 декабря 1918 г.
Перевод с армянского

В ответ на Ваше отношение от 30 ноября 1918 г. за № 56, Правление при сем имеет честь представить список всех потерпевших армянских селений Ахалкалакского уезда, подвергшихся разрушению и избиению, имевшим место в конце мая настоящего года при вторжении турецких войск...

1. Ахалкалаки, город
2. Абул, селение
3. Арагова »
4. Бзавет »
5. Корх »
6. Куликам »
7. Маджатия »
8. Олаверт »
9. Орча »
10. Хоспия »
11. Аджана »
12. Алатуман »
13. Балхо »
14. Баларет »
15. Бежано » (Джанкугаз)
16. Бугашен »
17. Турнашен »
18. Католар »
19. Гоман, селение
20. Зак »
21. Ихтила »
22. Каджо »
23. Ломатуро »
24. Мерения »
25. Самсот Большой, сел.
26. Самсот Малый »
27. Сарк или Малое Каджо, сел.
28. Теркена, селение
29. Азаврет »
30. Аластан »
31. Вареван, сел.
32. Турс
33. Хандо
34. Гюмбюрда
35. Дилиска
36. Чамдура
37. Вачян
38. Кури Датеш »
39. Телиф
40. Большая Геондура
41. Малая Геондура »
42. Рулалис
43. Намзара
44. Мурджихет
45. Султан »
46. Большой Ханчалли »
47. Малый Ханчалли »
48. Карцох »
49. Мрановал »
50. Араджял Большой »
51. Араджял Малый »
52. Гандза »
53. Орочала »
54. Фоку »
55. Матха »
56. Ходжабек »
57. Джиграшен »
58. Каурма »
59. Тахча »
60. Хорения »
61. Мотикум »
62. Тотхам »

Как город Ахалкалаки, так и вышеназванные селения побросали все свое движимое и недвижимое имущество и, захватив только ничтожную часть, укрылись в негостеприимных бакурианских лесах, в Цалке и других местах, а селения Тахча и Хорения были вырезаны целиком.

В уезде остались следующие армяно-католические селения: 1. Баврa 4. Тория
2. Кардикам 5. Учмана
3. Хулгума 6. Эштия

Об этих селениях Правление точных сведений не имеет.

Вице-председатель (подпись)

Архив Института истории АН Арм. ССР, фонд Лео.

251. Правление Памбакского землячества центральному совету землячества

3 декабря 1918 г.
Перевод с армянского

От турецкого нашествия в Памбакском районе физически, экономически и материально пострадали следующие селения:

1. Большой Караклис 2. Кишлак 3. Егаблу 4. Варданлу (население наполовину армянское, наполовину тюркское) 5. Сарумсахлу 6. Дарбаз 7. Бзовдал 8. Гаджи-Кара 9. Парнигех 10. Амамлу 11. Спитак 12. Авдибек 13. Зигдамалу 14. Ортнав 15. Тапанлу 16. Налбанд 17. Калтахчи 18. Карал 19. Ахбулах 20. Геокгохуш 21. Георан 22. Карадарзи 23. Эфенди.

Секретарь Ст. Зорян

Архив Института истории АН Арм. ССР, фонд Лео

252. Центральный Совет армянских земляческих союзов представителям союзных государств на Кавказе

Из обращения <*Декабрь 1918 г.*>

Находясь в дальней периферии военных действий Союзных держав, Армянский народ своими сравнительно небольшими силами очутился лицом к лицу с много раз превосходящим его численностью и военной

мощью врагом— Турцией, мало считающейся, притом, с элементарными правилами человеческого общества.

Турецкие регулярные войска, возбужденные фанатизмом, планомерно и методично выполняли поставленную ими преступную задачу уничтожения армянского народа...

Вырезано и уничтожено не менее миллиона армян. Вся Турецкая Армения и большая часть Кавказской Армении превращены в пустыню. Выжжены города и села, предано грабежу все имущество армян тех районов, куда вступали турки, и в настоящее время... родина наша представляет собой печальную картину разрушения и смерти, а именно.

Карсская область. Ко времени прорыва турецкими войсками Сарыкамышского фронта местными [бандами] под руководством турецких офицеров был отрезан путь отступления для армянского населения и последнее, оставшись на месте, перебито поголовно, за исключением одной тысячи детей и женщин, выпущенных впоследствии из Ардагана, избитыми, изнасилованными, растленными, в соседний Ахалкалакский уезд. Армяне же Карсского и Кагызманского округов большей частью успели бежать в гор. Карс, оставив на месте все свое имущество — хлеб, зерно и муку, скот, инвентарь и домашние вещи. По сдаче Карса население в панике кинулось в направлении к Александрополю, но около станции Караяс организованными бандами мусульман ограблено до последней нитки. Бежав далее от Александрополя, большая часть этих несчастных перебита в дороге и в селении Б. Караклис.

Александрополь и уезд. Невзирая на условия Брест-Литовского мирного договора, турки внезапной бомбардировкой города Александрополя навели панику на население последнего, перешли в наступление по всей линии, предали огню и грабежу села и погнали население, обезумевшее от учиненных над ним зверств, в горные проходы и овраги Караклиса. Здесь турецкие регулярные части... совершили неописуемые ужасы: изнасилование женщин и растление детей, массовое методическое истребление мужчин с подразделением их на категории, расстрел привязанных друг к другу сотнями мирных обывателей — ужасы, кои не подлежат описанию. Из очевидцев сотни людей потеряли рассудок, не будучи в силах переносить эти зверства. Колодцы, ямы,

овраги, реки полны и по сей день разложившимися трупами убитых. Из оставшегося на местах в Александропольском уезде населения, не успевшего бежать, свыше 10000 молодых людей угнано в глубь Турецкой Армении, к Эрзеруму, где погибли они под пулями и ударами аскеров, от голода, холода и болезней. Из этих несчастных только несколько сот человек вернулись на родину. В какой степени в селениях Александропольского уезда и близлежащих районов царил произвол и разгул—можно видеть из следующего: в селении Хили-Караклис из населения в 1500 человек осталось в живых лишь 200 человек. В этом районе изнасиловано и похищено не менее 5000 женщин и девушек, многие из которых отравились, не будучи в силах переносить позора и зверств, учиненных над ними, многие приняли ислам. Здесь же расстреляны тысячи мирных жителей, не принимавших никакого участия в военных действиях. Угнано более 50 тыс. голов крупного рогатого, 100 тыс. голов мелкого скота, 5 тыс. лошадей, увезено около 2½ миллиона пуд. пшеницы, 1 миллион пуд. ячменя, ограблена вся мануфактура, орудия, обстановка, домашний скарб, украшения, золото, серебро, деньги, преданы огню общественные и государственные строения, уничтожены сады, огороды, мельницы, вывезены оконные и дверные рамы и даже балки с крестьянских хат.

Ахалкалакский уезд. Захватив Ахалкалакский уезд, турки перебили все оставшееся армянское население за исключением католиков армян. Так, поголовно вырезано двухтысячное крестьянство селений Тагча и Хорения, не успевшее бежать. Бежавшее же стотысячное население уезда оставило на месте свое имущество за малым исключением, угнав с собой лишь часть скота, и нашло приют в соседних районах— Бакуриани и Цалке, скоро превратившихся в сплошные кладбища для этих несчастных. Из 85 тыс. беженцев-армян этого уезда погибло в течение 5 месяцев более 40 тысяч человек. От болезней, холода и голода умирало ежедневно в среднем 300 человек. По официальным данным в августе м-це 1918 г. в Бакурианах обслуживалось беженскими организациями 32 тыс. человек, а в ноябре — всего лишь 14 тыс., остальные 18 тыс. погибли. Из 2060 душ жителей селения Кандза за это же время на Цалке погибло 720 человек, из 1700 душ селения Ханчаллы погибло 1150 чел., из 3250 душ селения Сатка погибло 2500 чел.

Между тем, эта голодная масса оставила в уезде более 2½ миллиона пудов хлеба в зерне, около 8 миллионов пудов урожая, 15 тысяч ульев, большое количество фуража, земледельческих орудий, сельскохозяйственных продуктов, мануфактуры и других товаров, общественного и военного имущества, церковной утвари, старинных рукописей. Оставшееся у беженцев движимое имущество распродано спекулянтам разных национальностей за бесценок, а скот почти весь угнан организованными турками в Ахалкалакском уезде бандами, совершавшими под руководством турецких офицеров и с участием аскеров систематические набеги на беженцев, причем угнанный скот, как это установлено очевидцами, поступал в распоряжение турецкого высшего командования в Ахалкалаках и Ахалцыхе, как это имело место 12 июня, 19 июля и т. д.

Памбакский район. Из 28 армянских селений этого района уцелело только селение Амзачиман, куда турки не вступили, а другие 27 селений подверглись всем ужасам турецких войск и банд. Формы и виды зверств — известные: перебиты люди массами — привязанные друг к другу расстреляны сотнями, изнасилованы женщины, дети; турки своих жертв заставляли рыть могилы для себя и зарывали их живыми.

В селении Кишлак перебито около 250 человек, в Парны — 150 человек, Безобдал — 200 и т. д. Уведены тысячи женщин и девушек в плен, ограблено все имущество Памбакских сел: скот, зерно, домашняя утварь, орудия, ковры, паласы, деньги, украшения, снята с женщин и мужчин более или менее сносная одежда, — словом, район разгромлен дотла. Книги из библиотеки употреблены на топливо. Убийства, грабежи, насилование, пленение, принуждение к тяжким работам продолжались систематически, и за все время пребывания турок в Памбакском районе материальные убытки — миллионные.

Лорийский район. Разграблен и разгромлен Лорийский район. Здесь тоже имели место убийства, изнасилования и увод женщин, растление детей, но массового характера эти преступления не принимали. Однако в имущественном отношении потери этого района также огромны: угнали скот, увезено зерно, картофель, капуста, уничтожены хозяйства, вывезено все, что может представлять какую-либо ценность: двери, оконные

рамы и т. д. Все это на арбах местных армян, которые так и пропали бесследно со своими арбами и рабочим скотом.

По взятии Баку пятитысячный турецкий отряд двинулся на Карабах, по пути разгромил целый ряд армянских селений, подвергнув население обычным ужасам и заняв центр области — гор. Шуши, потребовал разоружения армянского населения. Армяне, искушенные опытом своих сородичей других уездов, принуждены взяться за оружие, дабы не стать жертвой дикого разгула... Осажденные со всех сторон карабахские армяне во многих местах дали уже массы жертв. Турецкие войска стремятся ворваться внутрь этого края через Зангезурский уезд, защищаемый отрядами генерала Андраника, ведущими с самого начала войны неравную борьбу с турками.

Шемаха и Гекча. Часть армян успела скрыться в соседних молоканских селениях, население которых вместе с армянами бежало в Баку. По пути большая часть беженцев перебита, имущество их похищено и лишь жалкие остатки их успели прибыть в Баку. Эти несчастные не избегли смерти и здесь: по взятии Баку турками они большей частью вырезаны. Все армянские селения в Шамахинском и Геокчайском уездах разгромлены и сравнены с землей, в том числе и большие, богатые села: Мадраса, Салиан, Керкич и др. Та же участь постигла армян Геокчайского уезда: все женщины изнасилованы, а мужчины вырезаны. Все 11 армянских селений сравнены с землей. Незначительная часть армян скрылась в лесу близ селения Рушан, где охотятся за ними, как за зверьми, вылавливают и убивают; те же, которым удается избегнуть судьбы затравленного зверя, погибают в лесу от голода, холода и эпидемических болезней.

Нухинский и Арешский уезды. Под руководством турецких офицеров в этих уездах началось избиение армян. В феврале 1918 г. разгромлено 16 селений, в конце июня того же года резня охватила более широкий район, и из 52 селений Арешского и Нухинского уездов временно уцелели в первом лишь селения Боюк-Согютлы, Бала-Согютлы, Хошкашен, Дзирик и Тосик, а во втором — Варташен, Ниж, Джалут, Джарлу и Мирзабеклы. Все эти якобы уцелевшие селения были обезоружены турецким командованием, причем им обещана неприкос-

новенность жизни и имущества. Однако по окончании уборки хлеба в сентябре месяце все их имущество было отобрано, не успевшие бежать мужчины старше 12 лет вырезаны поголовно, а женщины и дети уведены в местность Агдан и более красивые из них отправлены в дар разным бекам и влиятельным лицам... Часть армян, около 20 тысяч, успела скрыться в соседних лесах и горах, а часть достигла даже Дагестанской области, где доживает свои последние дни без всякой помощи. В этих уездах число погибших достигает 40 тысяч человек. Материальные убытки достигают сотен миллионов.

Ордубато-Акулисский район. После нахичеванских событий, сопровождавшихся резней и разрушением и последовавших 5—6 июля 1918 года, турецкие воинские части двинулись в направлении Джульфы, а отсюда часть их направилась на Ордубат. Расположенное на этом пути большое армянское селение Аза подверглось нападению, оказалось разрушенным дотла. Перебиты более 150 человек, похищены женщины и девушки. Часть населения, чудом избегшая смерти, удалилась в горы. Селение Кахакик, населенное армянами, потерпело ту же участь. Предварительно разгромив селение, ограбив дочиста армянское имущество, турки занялись здесь кровавым, но обычным для себя делом: вырезали мирных жителей, а женщин и девушек в числе 35 увезли. Из последних удалось спасти лишь нескольких, а остальная часть и поныне состоит в плену. Здесь было вырезано не менее 100 человек. А те, которым удалось спасти себя бегством, частью погибли, частью же гибнут от голода, холода и эпидемических болезней.

Совершенно разгромлено богатое и благоустроенное армянское село Тапакерт. Население, состоящее из 120 домов, удрало в горы, где погибает в ужасных условиях холода, голода и болезней. Вырезано все население Дисата. Бегством спаслись лишь 4—5, взято в плен 9 человек.

Остальные армянские села данного района, находясь под владычеством турок, испытывают все ужасы рабства и влачат жалкое существование. Здесь бывают случаи, когда для турецких офицеров или пашей уводят армянок. Согласно последним сведениям, Халил-бей осадил армянские села Парака, Бист, Ухна и Рамис, предъявил требование сдать оружие, угрожая в случае неис-

полнения подвергнуть их участи Аза. Понесенные этими районами материальные убытки миллионные...

И ныне, в минуту победного торжества союзников и установления мира на новых началах, мы, Армянские Земляческие Союзы, обращаемся к союзникам с нижеследующим:

Первое. Мы просим немедленно же освободить нашу родину от воинских частей Оттоманского правительства и явных и тайных агентов последнего, продолжающих свое злое дело сеяния раздоров и смуты между нами и вековыми нашими соседями — трудовыми мусульманскими массами.

Второе. Принять действенные меры к срочному и безболезненному возвращению беженцев в родные места.

Третье. Принять экстренные меры к тому, чтобы отходящие турецкие войска не увозили бы с собой и не уничтожали наше уцелевшее имущество.

Четвертое. Принять меры к тому, чтобы немедленно же был наложен арест на имущество наше, уже вывезенное, где бы оно ни находилось — на станциях ли железных дорог, пристанях ли и других путях в Турцию, и в частности — установить охрану по Эрзерумскому шоссе и на Батумской линии для прекращения открытого разбоя.

Пятое. Предложить турецкому командованию снять осаду Карабаха, если таковая еще продолжается (Елизаветпольской губ.), освободить беженцев Геокчайского уезда и Шамахинского уезда, запертых в лесах, и беженцев Нухинского и Арешского уездов, осажденных в горах и лесных дебрях...

ЦГИА Арм. ССР, ф. 227, д. 4, л. 1—12

253. Из воспоминаний американского посла в Турции Генри Моргентау

Перевод с английского

Уничтожение армянской нации в 1915 г. вызвало определенные трудности, которых не было во время избиений, устраиваемых турками в 1895 г. и в другие годы. В тот ранний период армяне не располагали доста-

точной мощью или средствами сопротивления. В те дни армянам не разрешалось проходить военное обучение, служить в турецкой армии или носить оружие... В начале 1915 г. в каждом турецком городе были тысячи армян, которые прошли военное обучение в качестве солдат, имели ружья, пистолеты и другое оружие для самозащиты. События в Ване еще раз показали, что эти люди могут с успехом применять свое оружие... Для того, чтобы план уничтожения нации мог иметь успех, должны были быть предварительно сделаны два шага: необходимо было во всех крупных и небольших городах лишить всех армянских солдат средств защиты и изъять у них уже имевшееся оружие. Прежде чем уничтожить армян, нужно было их обезоружить.

В начале 1915 года армянские солдаты в турецкой армии получили новый статус. До этого времени большинство из них было строевиками, но теперь у них отобрали оружие, и они были превращены в рабочих. Эти бывшие солдаты теперь обнаружили, что вместо того, чтобы служить... в качестве артиллеристов и кавалеристов, они стали дорожными рабочими и вьючными животными.

На их спины наваливались поставки всех видов для армии, и, шатаясь от тяжести груза, подгоняемые плетками и штыками турок, они должны были, превозмогая усталость, с трудом тащиться в горы Кавказа. Иногда им, обремененным своей ношей, приходилось прокладывать свой путь через снег, который с головой закрывал их Фактически они были вынуждены все время быть на открытом воздухе и спать на голой земле, если их надсмотрщики, непрерывно будившие их уколами штыка, не лишали их этой возможности. Им давали только отбросы пищи; если они от слабости не могли подняться, то их оставляли там, где они лежали, а их турецкие притеснители задерживались, конечно, только для того, чтобы украсть принадлежащие им вещи — даже их одежду. Если кому-либо из отставших в пути солдат удавалось добраться до места назначения, то их не убивали только в редких случаях. Чаще всего армянских солдат убивали значительно раньше, ибо стало обычной практикой хладнокровно расстреливать их. Почти во всех случаях придерживались одной и той же процедуры. То здесь, то там собирали партии в 50—100 чел., связывали их вместе по 4 человека и затем уводили в уединен-

ное место неподалеку от селения. Внезапно воздух сотрясался от звуков ружейных выстрелов, и турецкие солдаты, сопровождавшие их, вскоре возвращались в лагерь. Те, кого посылали хоронить трупы убитых, находили их почти всегда совершенно голыми, так как турки, как правило, снимали с них всю одежду. В некоторых известных мне случаях убийцы усугубляли страдания своих жертв тем, что заставляли их перед расстрелом рыть себе могилы.

Разрешите мне сослаться на один эпизод, который содержится в одном из докладов наших консулов и который теперь вошел в отчеты Государственного департамента США. В начале июля 2000 армянских «amele»— так турки называют солдат, которые были превращены в рабочих, — были направлены из Харберда на строительство дорог. Армяне, жители этого города, поняли, что это означает, и обратились к губернатору с просьбой пощадить солдат. Но этот чиновник заявил, что они могут не беспокоиться; он даже попросил германского миссионера г-на Эхеманна рассеять панику, дав ему честное слово, что бывшие солдаты будут иметь защиту. Господин Эхеманн поверил губернатору и рассеял опасения народа. Но в действительности все эти 2000 человек были убиты, а их тела брошены в пропасть. Убежало только несколько человек, и благодаря им весть об этой резне стала известна миру. Через несколько дней после этого в Диарбекир были отправлены еще 2000 солдат. Единственной целью отправки этих людей за пределы населенных пунктов было их убийство. Для того, чтобы у них не оставалось сил для сопротивления или для бегства, этих бедных людей подвергали систематическому голоду. Агенты правительства опережали эти партии, извещая курдов о том, что караван приближается, и приказывая им выполнить возложенную на них задачу... По всей Турецкой империи была сделана попытка планомерно истребить всех здоровых мужчин не только для того, чтобы уничтожить все мужское население, способное воспроизвести новое поколение армян, но также и для того, чтобы сделать более слабую часть населения легкой добычей.

Как бы ужасны ни были эти убийства безоружных солдат, они были гораздо милосерднее жестокого обращения с армянами, подозреваемыми в укрытии оружия. Естественно, что христиане были встревожены,

когда в селениях и городах вывесили приказы с требованием сдать властям по месту жительства все имевшееся оружие. Хотя этот приказ и распространялся на всех жителей, армяне прекрасно понимали, что может произойти, если они останутся безоружными в соседстве с мусульманами, которым разрешат оставить при себе оружие. Во многих случаях, однако, преследуемые гонениями люди послушно выполнили приказ, а затем турецкие власти почти радостно демонстрировали эти ружья как доказательство того, что готовилась «революция», и бросили своих жертвы в тюрьму по обвинению в государственной измене. Тысячи людей не смогли принести оружия просто потому, что у них его не было; в то же время еще большее число людей упорно отказалось сдать оружие не потому, что они замышляли бунт, а потому, что они намеревались защищать свою жизнь, а также честь своих жен от посягательств, которые, как им было известно, уже подготавливались. Описание наказаний, которым подверглись эти непокорные, составляет одну из наиболее отвратительных глав современной истории. Большинство из нас полагает, что пытка давно уже перестала быть административной или судебной мерой, но я не думаю, чтобы в самые мрачные эпохи наблюдались более ужасные сцены, чем те, которые теперь имели место во всей Турции. Для турецких жандармов не существовало ничего святого; под предлогом поисков спрятанного оружия они врывались в церкви, крайне пренебрежительно обращались с алтарями и священной утварью и даже устраивали пародийные церемонии с имитацией христианских таинств. Они избивали священников до бесчувствия, обвиняя их в том, что те являются зачинщиками мятежа. Когда жандармам не удавалось обнаружить оружие в церквах, они иногда вооружали епископов и священников ружьями, пистолетами и саблями, а затем предавали их военному суду якобы за незаконное хранение оружия, причем они в таком виде водили этих людей по улицам с явной целью вызвать фанатический гнев толпы. С женщинами жандармы обращались так же жестоко и непристойно, как и с мужчинами. Описываются случаи, когда женщин, обвиняемых в укрытии оружия, раздевали догола и били только что срезанными с дерева прутьями, причем этому наказанию подвергались даже беременные женщины. Эти поиски оружия так часто сопро-

вождались надругательствами над женщинами, что армянские женщины и девушки при приближении жандармов обычно убегали в леса, прятались на холмах или в горных пещерах.

Как прелюдия к этим поискам, во всех селениях и городах подвергались аресту и заключались в тюрьму все здоровые мужчины. Их мучители проявляли дьявольскую изобретательность, пытаясь заставить своих жертвы объявить себя «революционерами» и указать место, где спрятано оружие. Обычно пленника помещали в комнату, где по обе стороны от него становилось по два турка. Истязания начинались с ударов по пяткам. Эта форма истязаний до сих пор была неизвестна на Востоке; она заключается в ударах тонким прутом по подошвам ног. Сначала боль незаметна, но так как процесс избиения методично продолжается, то боль переходит в ужаснейшее страдание, ступни распухают и горят, как от огня, и нередки случаи, когда после такой пытки их приходится ампутировать. Жандармы бьют свою жертву-армянина по пяткам до тех пор, пока он не потеряет сознание; затем, прыская водой в лицо, они приводят его в чувство и снова продолжают пытку. Если им не удавалось таким образом заставить свою жертву сознаться, то они применяли другие многочисленные методы истязаний. Они выдергивали брови и бороду почти по одному волоску, выдергивали ногти, жгли грудь докрасна раскаленным железом, вырывали куски мяса раскаленными щипцами, а затем поливали раны горячим маслом. В некоторых случаях жандармы прибивали гвоздями руки и ноги к кускам дерева, очевидно, имитируя распятие Христа, и в то время, когда их жертвы корчились в муках агонии, они кричали им: «Пусть теперь твой Христос придет и поможет тебе».

Эти и другие жестокости, от описания которых я воздерживаюсь, обычно совершались в ночное время. Турки располагались вокруг тюрем, били в барабаны и свистели, чтобы до жителей селений не доходили вопли страдающих людей.

В тысячах случаев армяне выдерживали эти мучения и отказывались сдать свое оружие просто потому, что им нечего было сдавать. Однако они не могли убедить в этом своих мучителей. Поэтому для армян стало обычаем накануне обысков покупать оружие у своих сосе-

дей-турок с тем, чтобы сдать его властям и избежать таким образом этих страшных наказаний.

Однажды по поводу происходящего я имел беседу с одним ответственным чиновником-турком, который рассказал мне о применяемых пытках. Он не скрывал, что правительство одобряет их, и, как и все турки из правящего класса, сам горячо одобрял такое обращение с ненавистной ему нацией. Этот чиновник сказал, что все эти подробности пыток обсуждались на ночном заседании в штаб-квартире комитета «Единение и прогресс». Каждый новый метод причинения боли расценивается как превосходное открытие, и чиновники постоянно ломают голову над тем, чтобы изобрести какую-нибудь новую пытку. Он рассказал мне, что они даже обращались к отчетам испанской инквизиции и других исторических учреждений, касающимся применения истязаний, и переняли все, что находили там. Он не сказал мне, кому достался приз в этом ужасном состязании, но прочная репутация, которую завоевал себе повсюду в Армении Джевдет-бей, вали Вана, о деятельности которого в этом районе я уже рассказывал, дает ему право на превосходство в невиданной подлости. По всей стране Джевдет был известен как «подковщик из Башкале», т. к. этот знаток по части пыток изобрел то, что, конечно, было шедевром, лучшим из всего, известного ранее: именно он подбивал лошадиные подковы к ступням своих жертв армян.

Но все же эти случаи были лишь частью того, что газеты обычно называли армянскими ужасами; они являлись только подготовительными шагами в деле уничтожения нации.

Младотурки проявили большую изобретательность, чем их предшественник Абдул-Гамид. Свергнутый султан просто приказывал «убивать, убивать», в то время как турецкая демократия действовала по совершенно новому плану. Вместо неприкрытой резни армян они решили выслать их. На юге и юго-востоке Оттоманской империи находятся Сирийская пустыня и Месопотамская долина. Хотя часть этого района уже была некогда районом процветающей цивилизации, за последние пять веков эта цивилизация пришла в состояние упадка, что вообще стало жребием любой страны, подпавшей под турецкое владычество; теперь она является безлюдной пустыней без городов и селений или каких-либо призна-

ков жизни... Только самые усердные рабочие, потратив много лет, могли бы превратить эти пустыню в место, пригодное для постоянного жительства сколько-нибудь значительного числа людей. Центральное правительство объявило теперь о своем намерении собрать около двух миллионов или больше армян в некоторых частях Империи и перевезти их в этот заброшенный и негостеприимный район. Даже если бы оно предприняло такое переселение с добрыми намерениями, то и это явилось бы верхом жестокости и несправедливости. Но дело в том, что турки никогда и не думали позволить армянам создать себе жизнь в этой новой стране. Они знали, что подавляющее большинство их ни за что не достигнет пункта своего назначения, а те, кто достигнет его, либо умрут от жажды и голода, либо будут убиты дикими магометанскими племенами, населяющими пустыню. Истинной целью депортации было ограбление и уничтожение; это действительно является новым методом резни. Когда турецкие власти отдавали приказ об этих высылках, они фактически выносили смертный приговор целой нации; они это прекрасно понимали и в разговорах со мною не делали особых попыток скрыть этот факт. Высылка происходила в течение всей весны и лета 1915 г. Она не коснулась только больших городов — Константинополя, Смирны и Алеппо; все же другие места, где имелась хоть одна армянская семья, стали ареной неописуемых трагедий. Едва ли были сделаны исключения хотя бы для одного армянина, независимо от его образования, благосостояния или классовой принадлежности. В некоторых селениях за один или два дня до высылки были вывешены приказы, обязывающие всё армянское население явиться в определенное место в назначенный час, а в других местах городской глашатай проходил по улицам и оглашал приказ устно. В некоторых местах не делалось ни малейшего предупреждения об этом. Перед домом армян появлялись жандармы и приказывали всем его обитателям следовать за ними. Женщин, занятых своей домашней работой, уводили, не давая им возможности переодеться. Полиция появлялась перед ними так же неожиданно как было неожиданным извержение Везувия для Помпеи. Женщины отрывались от корыт, дети выхватывались прямо из постели, в печи оставался недопеченным хлеб, обед семьи — незаконченным, дети забирались прямо из

школьного класса, оставив учебники открытыми, мужчины были вынуждены бросать свои плуги посреди поля и оставлять скот в горах. Даже женщин, только что родивших, заставляли вставать с постели и присоединяться со спящими детьми на руках к панически настроенной толпе. Люди успевали второпях захватить с собой из своих домашних пожитков шаль, одеяло и, возможно, немного пищи. На их неистовые вопросы: «Куда мы идем?» — жандармы удостаивали их только одним ответом: «Во внутренние области страны».

В некоторых случаях выселенцам давалось несколько часов и в исключительных случаях — несколько дней для того, чтобы распорядиться своим имуществом и домашними вещами. Но то, что происходило после этого, сводилось к открытому грабежу. Они могли продать вещи только туркам, и поскольку как покупатель, так и продающий знали, что накопленное за всю жизнь добро должно быть продано за один только или два дня, то продажа происходила по ценам, составляющим лишь небольшую часть настоящей стоимости вещей. Швейная машина продавалась за один или 2 доллара, корова — за один доллар, меблировка всего дома — за скудные гроши. Во многих случаях армянам запрещалось продавать, а туркам покупать даже по этим смехотворно низким ценам под тем предлогом, что правительство якобы намеревается продать эти домашние вещи, чтобы заплатить кредиторам армян. Их мебель перевозилась в склады или выставлялась в публичных местах, где она расхищалась турками. Правительственные чиновники предупреждали армян, что поскольку депортация является временной мерой и они по окончании войны вернутся обратно, то им не разрешается продавать свои дома. Но не успевали бывшие хозяева домов покинуть селение, как в их квартиры вселялись магометане-переселенцы из других областей Турции. Аналогичным образом все ценные вещи армян: деньги, кольца, часы и драгоценности, — забирались в полицию якобы для «надежного хранения» до возвращения их хозяев, а затем распределялись между турками. Но эти грабежи причиняли высланным сравнительно меньше страданий, ибо им приходилось видеть гораздо более ужасные и душераздирающие сцены. Систематическое истребление мужчин продолжалось. Уничтожению подвергались и те мужчины, которые уцелели

во время предыдущих казней, о которых я уже рассказывал. Еще до отправления каравана установилась такая практика: юношей отделяли от их семей, связывали вместе по четыре человека, уводили на окраины селения и расстреливали там. Беспрерывно происходили массовые казни без суда; единственная вина этих жертв заключалась в том, что они были армяне. Особую страсть проявляли жандармы к уничтожению образованных и влиятельных людей. Я беспрерывно получал сообщения о таких казнях от американских консулов и миссионеров, и многие события, которые они описывали, никогда не изгладятся из моей памяти. В Ангоре все мужчины-армяне в возрасте от пятнадцати до семидесяти лет были арестованы, связаны по 4 человека и уведены по дороге в направлении Кесарии. Когда через пять-шесть часов ходьбы они достигли уединенной долины, на них напала толпа... с дубинами, молотками, топорами, косами, лопатами и пилами. Такие инструменты не только вызывали более мучительную смерть, чем ружья и пистолеты, но они, как хвастались сами турки, были более выгодными в смысле экономичности, ибо отпадала необходимость тратить порох и пули. Таким способом они уничтожили все мужское население Ангоры, включая богатых и образованных мужчин, а их страшно изуродованные тела были оставлены в долине, на пожирание диких зверей... В Трапезунде мужчины были посажены в лодки и отправлены в Черное море. С ними в лодках были жандармы, которые расстреливали их, а трупы сбрасывали в воду.

Поэтому, когда был дан сигнал к отправлению караванов, то стало ясно, что они состоят почти всегда из женщин, детей и стариков. Всякий, кто захотел бы спасти их от ожидавшей участи, был бы убит на месте. Когда караван отправлялся в путь, префект города нередко иронически желал им «приятного путешествия». Иногда до отправления каравана женщинам предлагали принять магометанскую веру. Но даже в тех случаях, когда некоторые соглашались на это, их земные мучения не заканчивались. Вновь обращенную принуждали отдать своих детей в так называемый «мусульманский приют» и согласиться с тем, чтобы они обучались там как доказательство искренности своего перехода в другую веру, от нее требовали, чтобы она вышла замуж за мусульманина. Если никто из магометан не предлагал

ей замужества, то ее отправляли в изгнание, независимо от ее торжественного заявления о принятии ислама...

Эти несчастные караваны двинулись из тысяч армянских городов и селений, запрудив все дороги, ведущие на юг; по мере продвижения они везде оставляли за собой огромное облако пыли и брошенные остатки вещей: стулья, одеяла, постельное белье, домашнюю утварь и другие мешающие им вещи, которые как бы отмечали их путь. Когда караваны только начали движение, люди еще походили на человеческие существа, но через несколько часов дорожная пыль покрывала их лица и одежду, грязь облепляла их ноги, и медленно двигающаяся толпа людей, зачастую согнутых от усталости или сошедших с ума от жестокости их «защитников», напоминала разновидность каких-то новых и странных животных. В течение всех 6 месяцев — с апреля до октября 1915 г., — наиболее удобных для передвижения, все дороги Малой Азии фактически были заполнены этими ужасными толпами изгнанных. Их можно было видеть в любой долине, почти во всех горах, шагающими без конца, неведомо куда, зная только, что любая дорога ведет к смерти. При ужасных обстоятельствах, о которых подробно было рассказано выше, армянское население покидало селение за селением, город за городом. Насколько нам удалось установить, за эти шесть месяцев в это ужасное путешествие в Сирийскую пустыню отправилось около 1 200 000 человек.

«Молитесь за нас», — говорили они, покидая свои очаги, в которых жили их предки еще около 2500 лет тому назад. «В этом мире мы больше не увидимся, но когда-нибудь мы встретимся. Молитесь за нас!».

Не успели армяне покинуть свои родные селения, как начались их мучения. Дороги, по которым им пришлось идти, были немного шире тропинки для осла, и то, что несколько часов назад было подобием стройной процессии, превратилось в беспорядочно толкающуюся толпу людей. Женщины были отделены от своих детей, а мужья — от жен. Старики вскоре потеряли связь со своими семьями и, быстро устав, натрудили ноги. Турки-кучера воловьих повозок, путем вымогательства заполучивши последние деньги от своих нанимателей, неожиданно высаживали их и, сбрасывая пожитки на дорогу, поворачивали обратно и возвращались в свои селения за другими жертвами. Таким образом, за короткое время

фактически все — и молодые, и старики — были вынуждены идти пешком. Жандармы, которых правительство приставило якобы для защиты высланных, через несколько часов становились их мучителями. Они шли за своими жертвами с обнаженными штыками, подгоняя ими любого, кто проявлял намерение замедлить шаг, а тех, кто пытался отдохнуть или падал от усталости на дороге, с безграничной жестокостью принуждали догонять двигающуюся толпу Они кололи штыком даже беременных женщин; если некоторые из них, как это часто случалось, рожали на дороге, их заставляли немедленно вставать и двигаться дальше...

Жестокость жандармов возрастала, видимо, потому, что путешествие затягивалось, казалось, они возмущались тем, что часть их жертв продолжает еще оставаться в живых.

Часто жандармы прикалывали штыком любого, кто падал на дороге. Армяне умирали сотнями от голода и жажды. Даже когда они подходили к рекам, жандармы не разрешали им пить только для того, чтобы помучить их. Горячие солнечные лучи пустыни обжигали их полуобнаженные тела, а их босые ноги так болели от горячего песка пустыни, что тысячи людей падали и умирали на месте или были убиты там, где они упали. Таким образом, через несколько дней то, что было процессией нормальных человеческих существ, превратилось в бредущие толпы покрытых пылью скелетов, жадно ищущих пищу, съедающих любые отбросы, которые попадались им по пути, сошедших с ума от тех ужасов, которыми был полон каждый час их существования, страдающих всеми болезнями, какими сопровождаются такие трудности и лишения, но все еще погоняемых плетками, прикладами и штыками своих мучителей.

По мере своего продвижения они оставляли позади себя другой караван — караван мертвых и непохороненных трупов стариков и женщин, умерших в последней стадии тифа, дизентерии и холеры, маленьких детей, лежащих на спине и исторгающих свой последний жалкий вопль о пище и воде. Некоторые женщины протягивали своих детей незнакомым людям, умоляя взять их и спасти от мучителей и, получив отказ, бросали их в колодцы или оставляли в кустарниках, чтобы иметь таким образом возможность, по крайней мере, спокойно умереть. За ними оставалась маленькая армия девушек, ко-

торые были проданы в рабство, зачастую примерно за 8 центов... Цепь лагерей, переполненных больными и умирающими людьми, лежащими вперемешку с незахороненными или наполовину захороненными трупами — вот чем был отмечен путь движущихся толп. За ними постоянно следовали летящие в воздухе стаи стервятников и хищные собаки, которые вместе со стервятниками накидывались на трупы умерших. Наиболее страшные сцены происходили у рек, особенно у Евфрата. Иногда при переправе жандармы сталкивали женщин в воду, расстреливая всех, кто, плывя к берегу, пытался спастись. Часто женщины спасали свою честь, с детьми на руках бросаясь в реку. Я приведу место из отчета консула: «В последнюю неделю июня из Эрзерума были отправлены в изгнание последовательно несколько партий, и большинство этих людей было убито по дороге; их либо расстреляли, либо утопили. Мадам Заруи, пожилая, богатая леди, которая была сброшена в Евфрат, спаслась, уцепившись за подводный камень. Ей удалось добраться до берега, вернуться в Эрзрум и спрятаться там в доме своих друзей-турок. Она рассказывала князю Аргутинскому, представителю «Всероссийского городского союза» в Эрзеруме, что не может вспоминать без содрогания, как сотни детей были заколоты штыками турок и брошены в воды Евфрата и как мужчины и женщины, раздетые догола и связанные вместе по сотням, были расстреляны и сброшены в реку. Она рассказала, что в одном месте около Ерзнка, где Евфрат делает поворот, тысячи трупов образовали такую плотину, что река отклонилась от своего русла примерно на сто ярдов».

Абсурдными являются заверения турецкого правительства о том, что оно якобы серьезно намеревалось переселить армян на новые места; обращение с конвоируемыми партиями ясно показывает, что истинной целью Энвера и Талаата было уничтожение армян. Сколько людей из переселяемых на юг достигло пункта своего назначения в таких возмутительных условиях? Пример одного каравана показывает, как продуманно этот план депортации вылился в план уничтожения. Сообщения о подробностях, о которых идет речь, были получены мною непосредственно от американского консула в Алеппо, и эти документы находятся теперь в Государственном де-

партаменте в Вашингтоне. Первого июня из Харберда вышла конвоируемая партия из трех тысяч армян, главным образом женщин, девушек и детей. Следуя своей обычной практике, правительство направило с ними эскорт из семидесяти жандармов под командой турецкого бея.

Практика уже показала, что эти жандармы вели себя отнюдь не как защитники высланных, а скорее как их мучители и палачи. Не успел караван тронуться в путь, как бей собрал у высланных 400 лир якобы для того, чтобы надежнее оберегать их до прихода в Малатию; как только он отнял у них единственное, что могло обеспечить им по дороге пищу, он сбежал, оставив их на произвол жандармов.

На всем пути до Рас ул-Айна, который стал первой остановкой на багдадской линии, жизнь этих несчастных высланных была сплошным ужасом. Впереди каравана ехали жандармы, предупреждавшие полудикие горные племена о том, что приближаются несколько тысяч армянских женщин и девушек. Девушек начали похищать... На караван нападали горцы, которые насиловали, убивали женщин, причем к этой дикой оргии присоединились сами жандармы. Несколько мужчин из каравана один за другим были убиты... Наконец, пресытившись за тридцать дней грабежами, побоями, насилованием и убийством своих жертв, жандармы совсем покинули их. Через два дня на эту партию напали курды и согнали вместе всех оставшихся в живых мужчин, которых оказалось около 150 человек в возрасте от 15 до 90 лет; их сразу же увели в сторону и перебили всех до одного. Но в тот же самый день к партии, шедшей из Харберда, присоединилась другая партия из Себастии, увеличив тем самым численность каравана до 18 000 человек...

В течение следующих пяти дней они не видели ни кусочка хлеба и ни капли воды. «Сотни людей умерли по дороге, — говорится в отчете, — их языки стали похожими на кусочек древесного угля, и когда через пять дней они подошли к источнику, естественно, вся партия кинулась к нему. Но здесь полицейские, преградив им путь, запретили взять хотя бы каплю воды. Они намеревались продавать воду по цене от одной до трех лир за чашку, а иногда, получив деньги, они отказывались давать воду. В другом месте, где были колодцы, женщи-

ны бросались прямо в колодцы, т. к. не было веревки или ведра, чтобы зачерпнуть воду. Они тонули в колодцах и, хотя их трупы оставались там и загрязняли воду, люди все же пили воду из этого колодца... Когда эти люди, совершенно нагие, шли мимо одного арабского селения, арабы, сжалившись над ними, дали им обрывки старой одежды, чтобы они могли прикрыть свою наготу. Некоторые из высланных, у которых еще были деньги, покупали себе кое-какую одежду, но все же многие голыми прошли весь путь до города Алеппо. Бедные женщины, стыдясь своей наготы, едва могли идти: все они шли, согнувшись вдвое.

На семнадцатый день эти бедные создания достигли Алеппо. Из объединенного каравана в 18 000 человек пункта своего назначения достигли только 150 женщин и детей. Некоторые наиболее привлекательные из них еще оставались живыми; они стали пленницами курдов и турок, все же остальные погибли.

Я рассказал отнюдь не самые ужасные подробности, так как полное описание этих оргий садистов, жертвами которых явились армяне-мужчины и женщины, никак не могут быть опубликованы в каком-либо американском издании. Этот несчастный, обреченный народ ежедневно испытывал на себе все преступления, какие только может изобрести извращенный инстинкт человеческого ума, и все утонченные пытки и мучения, какие только может себе представить самое богатое воображение. Я уверен, что во всей истории человечества нет стольких ужасающих фактов, как эта резня. Великие избиения и гонения, наблюдавшиеся в прошлом, кажутся почти незначительными по сравнению со страданиями армянской нации в 1915 г. Резня альбигойцев в начале тринадцатого века всегда считалась одним из самых печальных событий в истории. Во время этой вспышки фанатизма было убито около 60000 человек. В Варфоломеевскую ночь лишилось жизни около 30000 человеческих созданий. В Сицилийской вечерне, которая всегда фигурирует как одна из наиболее жестоких вспышек такого рода, было уничтожено 8000 человек. Целые тома написаны об испанской инквизиции времен Торквемады, и все же за восемнадцать лет его пребывания у власти было казнено немногим более 8000 еретиков. Возможно, что депортация армян более всего напоминает лишь одно событие — это изгнание евреев из Испании Ферди-

нандом и Изабеллой. Согласно Прескотту, из своих домов были изгнаны и рассеяны по всей Африке и Европе 160 000 человек. Однако все эти гонения кажутся почти незначительными по сравнению со страданиями армян, которых было уничтожено по меньшей мере 600 тысяч, а возможно и 1 млн. человек[64]

Историю, рассказанную мной об армянах, я мог бы с некоторыми изменениями рассказать также и относительно греков и сирийцев. В действительности греки были первыми жертвами националистической идеи. Я уже описывал, как за несколько месяцев до начала европейской войны османское правительство начало переселять своих турецкоподданных греков с побережья Малой Азии... в течение трех или четырех месяцев более 100 000 греков были выселены из мест, где они жили столетиями, и переселены на побережье Средиземного моря, а оттуда на греческие острова и во внутренние области страны... Возможно, вследствие того, что цивилизованный мир не протестовал против этих переселений, турки впоследствии решили применить тот же метод, но в еще больших масштабах, не только к грекам, но и к армянам, сирийцам, несторианцам и к представителям других подвластных им народов. Действительно, Бедри-бей, префект полиции Константинополя, сам рассказывал одному из моих секретарей, что они решили применить такой же метод ко всем другим нациям Империи...[65]

Henry Morgenthau. Ambassador Morgenthau's story. Garden-City New York, 1918, p. 301—325.

254. Жак де Морган об истреблении армян в Османской империи.

Перевод с французского

Метод истребления армян, выработанный в канцеляриях Талаата и Энвера при содействии немецких наставников по этой специальности, был применен на всей территории Османской империи в четыре различных приема:

1. Мобилизация молодежи с целью удаления из христианских центров всех элементов, способных сопротивляться; использование этих людей на строительстве дорог и военных укреплений, и затем массовая расправа с ними.

2. Ограбление христианских центров и резня части населения, раздача или продажа женщин и девушек на публичных торгах (очень часто по пять франков за каждую), расхищение движимого и недвижимого имущества неверных.

3. Изгнание остатков населения, которое сопровождалось резней на протяжении всего пути, уничтожение больных, детей и стариков, распределение оставшихся женщин и девушек среди жителей провинций, через которые проходили эти жалкие колонны.

4. Концентрация оставшихся в живых людей в лагерях Месопотамии, то есть омерзительное рабство в таких условиях и при таком климате, что подавляющая часть высланных должна была умереть.

Шестьдесят процентов людей из этих колонн погибло (болезнь, истощение, убийства) за время от их отправки до прибытия в концентрационные лагеря; но к этому следует прибавить еще молодежь, казненную на месте, и множество людей, которые были вырезаны перед отправлением колонн высланных.

В голове турок не мог возникнуть более суровый и более искусный метод уничтожения, и немцы, не удовлетворяясь инспирированием этих варваров, часто направляли их злодейства и, со своей стороны, брали некоторые «сувениры»: вещи или молодых девушек — гречанок, армянок, сирианок. Об этом свидетельствуют достоверные факты...

Впрочем, общественное мнение Германии поддерживает мерзости, совершенные турками. Пастор Фр. Науманн, резюмируя умонастроение своих соотечественников, сказал: «Это ужасающий акт, в частностях — это позор, но в общем — часть политики...».

Бельгийцы и сербы в своем несчастье могли найти утешение по крайней мере в том, что имели возможность бороться против палачей своей страны. Армяне же, по приказанию властей обезоруженные задолго до резни, живущие, как правило, небольшими колониями среди враждебного им населения, могли пытаться оказать лишь очень слабое сопротивление. Впрочем, не было ли мерой предосторожности со стороны турок то, что они мобилизовали и увели подальше от своих родных мест все мужское население от 20 до 50 лет, чтобы его отдельно истребить?

Итак, в городах и деревнях оставались только женщи-

ны, дети и старики — толпа, которую нетрудно было погнать на бойню.

Когда внимательно читаешь документы, относящиеся к резне армян, поражаешься предусмотрительности и умению, с каким младотурецкое правительство организовало эти злодейства. Все было предусмотрено: обезоружение жертв, удаление молодежи, способной оказать сопротивление, массовое переселение и мучения в пути, уничтожение мужчин в дороге, отбор женщин и девушек для их обращения в ислам... Эти ужасы воскрешают в памяти массовые расправы в Нанте, Лионе и во многих других городах Франции в самые мрачные времена нашей истории...

Нет в мире языка, достаточно богатого и красочного, чтобы описать подобные ужасы, чтобы выразить те физические и душевные страдания, которые перенесли эти невинные мученики прежде, чем небо ниспослало им вечный покой. Эта жалкая горстка людей, уцелевших во время страшных избиений, очевидцы смерти всех своих близких, дорогих им существ, находятся там, в концентрационных лагерях, подвергаясь всяческому бесчестью, обреченные на гибель на глазах у «высокопоставленных турецких чиновников», немецких офицеров и жандармов, которые, опираясь на свои ружья, улыбаются от удовольствия, видя судороги агонии и предсмертные хрипы умирающих...

Настанет день, когда эти преступники — будь то берлинские или азиатские — должны будут дать ответ о своих поступках и поплатиться за совершенные злодеяния. Следует быть безжалостным к подобным мерзавцам; уголовные преступления, совершенные ими, позволяют нейтральным странам выдать их с тем, чтобы наказать их стократно, тысячекратно, чего они вполне заслуживают. Нет никакого сомнения в том, что... когда они попытаются искать себе убежище за границей, они будут взывать к знаменитому праву убежища «для политических преступников», благодаря которому так много преступников осталось безнаказанными. Но найдется ли тогда хоть одна нация, достаточно безнравственная, чтобы укрыть их под сенью своего флага? Надо надеяться, что нет! [66]

J. de Morgan. Contre les barbares de l'Orient, Etudes sur la Turquie. Paris, 1918, p. 178—183.

255. Информация о судебном процессе над лидерами младотурок в 1919 г. [67]

Перевод с французского

После некоторых колебаний этот процесс наконец начался вчера после полудня [5 февраля 1919 г.] Тесная толпа хлынула в маленький зал военного трибунала. Турецкие женщины, высокопоставленные чиновники поспешили сюда, чтобы присутствовать на этом процессе, который турецкая пресса называет историческим. В самом деле, он будет историческим, но в каком смысле? Это еще неизвестно.

На скамье подсудимых — бывший великий визирь Саид Халим-паша, Халил-бей, председатель сената, Ахмет Нессими-бей, Зия Гёкальп, Мидхат Шюкри, Ахмет Шюкри, Джевад Кемаль Ибрагим, Юсуф Риза и Атиф. Они чувствуют себя немного стесненными под устремленными взглядами.

Председатель устанавливает их личности, затем зачитывается обвинительный акт; после этого слово берет генеральный прокурор и требует, чтобы трибунал судил обвиняемых на основе этих явных обвинений. Он добавляет, что такова воля также его величества султана, который намерен *наказать убийц без различия расы и религии* и таким образом содействовать установлению согласия между различными элементами Империи.

Защитник бывшего великого визиря Саида Халим-паши поднимает вопрос о компетентности военного трибунала, которому, говорит он, не дано право судить высших сановников. Он заявляет, что этот процесс вне компетенции Верховного суда. Его коллеги, числом не меньше 18-ти, поддерживают его требование. Генеральный прокурор заявляет, что подсудимые обвиняются в обыкновенных преступлениях и что везде такими процессами занимаются военные трибуналы. Заседание трибунала, на котором будет вынесено решение относительно компетентности суда, назначается в четверг.

ОБВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТ

Мы приняли к сведению заключение генерального прокурора военного суда, а также документы и судебные дела, возбужденные на основании следствия, в отношении Саида Халим-паши, председателя комитета

«Единение и прогресс», объявившего себя распущенным, а также членов Генерального совета, а именно: Талаата, Энвера, Джемаля, Ибрагима Шюкри, Халила и Ахмета Нессими, генерального секретаря Мидхата Шюкри и членов Центрального правления: Кемаля, делегата от Константинополя, Зия Гёкальпа, д-ра Рузухи, Кючюк Талаата и членов центрального аппарата при «Тешкилати махсуссе» («Специальной организации»): д-ра Бехаэтдина Шакира, д-ра Назыма, Атифа, Риза и членов, участвовавших в администрации Комитета: Азиза, бывшего начальника общей охраны, и Джевада, бывшего коменданта города.

Эти документы свидетельствуют о том, что комитет «Единение и прогресс» состоял одновременно из двух специальных организаций, одна из которых была гласной и выступала официально, другая же являлась секретной, действовала на основе секретных инструкций, будучи комитетом секретного характера.

Имеются доказательства, свидетельствующие о том, что юридическое лицо — Комитет — обвиняется в ряде избиений, грабежей и беззаконий. Таким образом, ответственность вышеуказанных влиятельных руководителей этого Комитета установлена. Преступления, в которых они обвиняются, подтверждаются приведенными ниже фактами.

В июле 1330 [1914 г.] непосредственно после мобилизации, объявленной вслед за совещанием, созванным главарями Комитета, влиятельные члены — Энвер, Джемаль и Талаат, которые уже отстранены от военной службы, пользуясь тем, что умы в Европе заняты мировой войной, *пытались решить при помощи грубой силы нерешенные вопросы, которые следовало решать мягко, не торопясь и в соответствии с логической необходимостью. Поступая таким образом, они налагали на народ тяжелое бремя и своей деятельностью, оказавшейся роковой, создавали бесконечные смуты.*

Внешне они делали вид, что служат национальным интересам, в то время как в действительности они хотели заглушить голос нации заботами, вызванными войной, и использовать это обстоятельство, чтобы мучить народ и достичь личного благополучия. Для этого они втянули Империю в мировую войну, *с помощью определенных ухищрений поставив ее перед совершившимся фактом.* Чтобы осуществить свои секретные планы,

они сразу же после военных приготовлений оживили тайную деятельность секретных комитетов. Они создали «Тешкилати махсуссе» («Специальную организацию»), состоящую из выпущенных из тюрем преступников, которые образовали ядро банд, действующих по особым инструкциям и приказам. Штаб этой организации управлялся Азиз-беем, начальником общей охраны, Атиф-беем и д-ром Назым-беем, военный же губернатор Константинополя Джевад-бей утверждал его постановления и приводил их в исполнение. Были розданы большие суммы агентам и личному составу, находящемуся в распоряжении указанных лиц, а также переведены деньги в районы их деятельности.

Д-р Бехаэтдин Шакир передал главарям унионистов [младотурок] ключи к шифрам, предоставил в их распоряжение много денег, автомобилей и средства разрушения и, таким образом, тайно содействовал целям главарей комитета «Единение и прогресс».

Некоторые члены, посланные в провинцию этим Комитетом, по указанию своих предводителей так же, как и делегаты комитета «Единение и прогресс» из других мест и отдельные чиновники, подчиненные Комитету, либо соблазненные возможностью нажиться, либо из страха, при помощи некоторых лиц приступили к грабежам, резне, поджогам домов, кражам и пыткам жителей без различия расы и религии.

В наибольшей степени пострадали армяне, но было также много пострадавших и среди турок.

Главное, что вытекает из начатого следствия, состоит в том, что преступления, совершенные с момента высылки армян в разные места и в разные периоды, не являются изолированными или локальными действиями. Они были заранее обдуманы и осуществлены по распоряжению центрального органа, состоявшего из вышеуказанных лиц, либо согласно секретным приказам, либо устным инструкциям.

Установлено, что тайная сеть, организованная главарями «Единения и прогресса» под названием «Тешкилати махсуссе» («Специальная организация») под явным предлогом принять участие в войне, как видно из обвинительного акта, управлялась д-ром Назымом, Бехаэтдином Шакиром, Атиф-беем и Риза-беем от центрального управления и Азиз-беем, бывшим начальником общей охраны. Бехаэтдин Шакир отправился в Эр-

зрум, чтобы оттуда управлять силами восточных зилайетов; Риза-бей объезжал районы Трапезунда в то время как Азиз-бей, Атиф-бей и Назым-бей действовали в Константинополе, причем на коменданта города Джевад-бея было возложено выполнение решений последних. В одном из секретных распоряжений под № 150, адресованном Бехаэтдину Шакир-бею, говорится: «Необходимо, чтобы Комитет наказал Галатали Халила. Уведомить, что денежный перевод должен быть взят из почты и, в случае надобности, роздан населению» Этот документ подписан Азизом, Атифом, Назымом и внизу написано: «Верно. Джевад». В конце имеются следующие слова: «Мотив—коварство, собирать деньги». В приложении к этому постановлению (карарнамэ) указано, что об этом деле было сообщено шифрованной телеграммой в Артвин с указанием: «Подлежит расшифровке Бехаэтдином Шакир-Беем лично» Подпись: А. Джевад.

Тезкере № 59 за подписью Халила, Назыма, Атифа, Азиза, адресованный Мидхату Шукри-бею, является доказательством того, что дядя Энвера (бывший паша, в бегстве), в то время, когда он был комендантом города Константинополя, и Халил (паша) принимали также участие в «Тешкилати махсуссе» («Специальной организации»), и вместе с тем показывает, что эта организация имела связь с комитетом «Единение и прогресс». Телеграмма № 67, адресованная указанным Халил-беем губернатору Измида, подтверждает, что были назначены главари банд и что было сделано распоряжение об освобождении преступников из тюрем.

Тезкере № 68, датированный 16 ноября 1330 [1914г.], направленный упомянутым Халил-беем в военное ведомство, указывает на то, что оборудование для разрушений было передано «Тешкилати махсуссе» («Специальной организации»). Установлено существование такого же рода документов среди прочих бумаг этой организации. Однако из произведенного расследования вытекает, что значительная часть документов, принадлежавших «Специальной организации», и все документы и дела Центрального правления комитета были похищены. Содержание тезкере Министерства внутренних дел (серия 31) и свидетельские показания, достойные доверия, подтверждают также, что досье с важными сведениями и перепиской, которые были изъяты из организации бывшим начальником общей охраны Азиз-беем пе-

ред увольнением Талаата (бывший паша, в бегстве), не были возвращены им после того, как он оставил свой пост.

Доказано сообщением, датированным 17 августом 1330 [1914 г.], за подписью генерального секретаря Комитета Мидхата Шукри-бея, и адресованным через посредство генерал-губернатора Эрзрума Бехаэтдину Шакиру, что предполагалось предпринять военные операции задолго до объявления войны и что это было целью и желанием Комитета.

Тот факт, что резня и зверства в Диарбекире совершались по подстрекательству Талаата (паша), подтверждается шифрованной телеграммой, адресованной губернатором Зора Али Суад-беем упомянутому Талаату. Эта телеграмма говорит о необходимости наказать смертной казнью вали, его адъютанта и уполномоченного Мемдуха. Телеграмма эта была аннулирована с пометкой о ее сохранении. Начальник особой канцелярии Министерства внутренних дел Ихсан-бей утверждает, что в то время, когда он был каймакамом Килиса, Абдуллахад Нури-бей, командированный из Константинополя в Алеппо, заявил, что целью депортации является уничтожение [армян], и добавил при этом, что он был связан с Талаат-беем и лично получил от него приказ об истреблении; и что он [Талаат] пытался убедить его также, что в этом спасение страны.

Муфид-бей, губернатор Болу, отправил 11 сентября 1331 [1915 г.] шифрованную телеграмму в Министерство внутренних дел, в которой сообщал о том, что доктор Мидхат- бей, ответственный секретарь Комитета в Брюссе, в бытность свою ответственным секретарем в Болу, отправил телеграмму из Гангры в Болу, чтобы сообщить, что число людей, подлежащих высылке из вилайета Ангоры, достигает 61 000 и что высылка эта будет полезна для обеспечения благополучия Болу в будущем. Это свидетельствует о том, что высылка из Болу, местности, не входящей в зону военных действий, являлась не военной или полицейской мерой, а лишь осуществлением желания Комитета и была внушена Мидхат-бею высшей властью. Очевидно, что это лицо, находившееся недавно в Гангры, не могло понимать издали настроение населения вилайета Ангора. Проще и естественнее считать, что он был в курсе настроения населения вилайета Кастамону, от которого он зависел.

Приводим текст шифрованной телеграммы генерал-губернатора вилайета Эрзрум от 15 июля 1331, в которой сообщается об агрессивных действиях «Тешкилати махсуссе» и некоторых жандармов, состоявших в этой организации, против армян в округах указанного вилайета.

Генерал-губернатор вилайета Харберд сообщает со своей стороны, что все дороги усеяны трупами женщин и детей и что их не удается похоронить (серия № 8, документ 8) Эта телеграмма находилась в деле, касающемся бежавшего Талаата, и хранится в пятом отделе парламента. Упомянутая выше шифрованная телеграмма губернатора Зора, предназначенная к аннулированию, подтверждается вышеуказанной телеграммой.

Текст шифрованной телеграммы был адресован Бехаэтдином Шакир-беем, председателем «Тешкилати махсуссе» Эрзрума, генерал-губернатору вилайета Харберд Салих-бею для передачи Назым-бею. Эта телеграмма, фотокопия которой имеется в серии 9, следующего содержания: «Убрали ли армян, отправленных оттуда? Уничтожены ли или высланы только вредные лица, подлежащие высылке? Брат мой, сообщите мне об этом точно». Этот документ подтверждает наличие связи упомянутого Назым-бея из Ресне (ныне в бегстве), находящегося тогда в качестве инспектора комитета «Единение и прогресс» в Харберде, с другими членами Комитета; кроме того, этот документ свидетельствует о том, что целью «Тешкилати махсуссе» было истребление армян.

Вот еще одна телеграмма, адресованная Рушди, ответственным секретарем в Самсуне, в центральный аппарат Комитета и сообщенная 16 декабря 1330 Мидхат Шукри-беем доктору Назыму, ведавшему «Тешкилати махсуссе». В этой телеграмме сообщается об отправке на моторном судне 5-й банды, состоящей из 55 человек под командой Туфана-аги, и говорится о деятельности «Тешкилати махсуссе» и Комитета, которым было поручено организовать банды.

Письмо, отправленное 20 ноября 1330 инспектором «Единения и прогресса» в Балыкесире Мусой на имя Мидхат Шукри-бея и сообщенное д-ру Назыму, указывает, что Ведомство внутренних дел и Комитет занимались вопросом этих банд.

В телеграмме, отправленной 20 ноября 1330 делегатом иттихадистов в Бруссе в центральный аппарат Ко-

митета, сообщается, что преступники и бандиты являются кадрами «Тешкилати махсуссе».

Установлено, что в начале мобилизации был пущен слух, будто эти банды должны принять участие в военных действиях, и в этом старались убедить легковерных людей. Однако имеются доказательства и соответствующие документы, из которых видно, что эти банды были предназначены для осуществления резни и истребления эшелонов высланных.

Что убийства были совершены по приказанию и с ведома Талаат-бея, Джемаля и Энвер-бея, видно из шифрованной телеграммы, адресованной мутесаррифам Диарбекира, Харберда, Урфы и Зора с приказанием зарыть оставленные на дорогах трупы, а не бросать их в овраги и реки, а также сжигать вещи, брошенные ими [высланными] в пути. В другой телеграмме с отметкой «спешно» и «лично», отправленной 1 июля 1331 командиром 4-го армейского корпуса Джемаль-беем (паша) на имя вали Диарбекира, говорится о том, что трупы, которые Евфрат нес к югу, вероятно, являются телами армян, упавших в реку во время восстания(!), при этом указывается на необходимость закопать их на месте, не оставляя ни одного трупа непогребенным. В шифрованной телеграмме от 3 июля 1331 с отметкой «лично», посланной в ответ Джемаль-бею, говорится: «Евфрат мало связан с нашим вилайетом. Трупы прибывают, вероятно, со стороны вилайетов Эрзерум и Харберд. Те, которые падают здесь мертвыми, бросаются или в глубокие, заброшенные пещеры, или, как это делается чаще всего, сжигаются. Они редко закапываются. Бывший губернатор Зора Али Суад-бей дает сведения о судьбе армян, отправленных в этот округ, и сообщает, что он слышал от Агиах-бея, бывшего сотрудника «Тасфири эфкяр» и бывшего редактора телеграфного агентства в Алеппо, что на вопрос последнего, адресованный губернатору Зора Салиху Зекибею: «Про тебя говорят, что ты истребил десять тысяч армян», тот ответил: «Я имел честь. Я не удовлетворился десятью тысячами, бери выше. Вот как!».

В приказе генерал-губернатора Харберда, адресованном шифрованной телеграммой губернатору Малатии, говорится: «Несмотря на повторение приказания, сообщают, что на дорогах имеется большое количество трупов. Нет надобности объяснять неприятности, которые могут возникнуть из-за этого. Министерство внутрен-

них дел дало знать, что чиновники, пренебрегающие этим, будут строго наказаны и что все трупы, находящиеся в ваших пределах, должны быть тщательно закопаны. Необходимо поручить это дело достаточному числу жандармов и чиновников, направив их немедленно по всем направлениям».

Шифрованная телеграмма от 15 сентября 1331, направленная Решидом в Министерство внутренних дел, извещающая о том, что число высланных из Диарбекира армян достигло ста двадцати тысяч, сама по себе достаточна для того, чтобы показать важность и размах событий.

Телеграмма, подписанная командиром 3-го армейского корпуса Махмудом Кямилем, предупреждала, что всякий мусульманин, который попытается защитить хоть одного армянина, будет повешен перед своим жилищем, а дом его будет сожжен. Этим объясняется, почему мусульмане этих мест не смогли помешать совершаемым зверствам.

Имеется показание бывшего депутата Трапезунда Хафиза Мехмед-бея, касающееся деталей потопления в Черном море армян, посаженных на суда, где говорится, что когда весть об этой трагедии дошла до Талаат-бея, против генерал-губернатора Джемаля Азми не было принято никаких мер, что увеличивает степень виновности Талаат-бея.

Письменное показание Джемаля Ассаф-бея о том, каким образом часть высланных была убита бандой курда Ало, сформированной бывшим ответственным делегатом Комитета в Гангры и в настоящее время купцом Джемаль Огуз-беем, содержит описание образа действий делегатов Комитета в связи с действиями центральной группы. В частности, обстоятельные сведения полковника Халила Реджеб-бея заслуживают особого внимания. По этим сведениям, после высылки из Ангоры клуб «Единения и прогресса» этого города послал некоего Таиба-эфенди к военному коменданту с предложением распустить по распоряжению военных властей армян, состоящих на санитарной службе. Согласно тем же показаниям, члены Центрального правления Комитета Мехмед Шевкет-бей и его брат Рефет-бей отправились в это время в Ангору и составили себе там состояние. Кроме того, эти сведения, содержащие детали высылки [армян] из Ангоры, указывают на степень виновности от-

ветственного делегата Комитета Неджати-бея, на деятельность бывшего начальника полиции этого вилайета Бехаэтдин-бея из Монастыря, игравшего видную роль в этих делах.

В показаниях полковника Халила Реджеб-бея приводятся также фамилии свидетелей, которые в состоянии дать соответствующие показания. Бывший начальник полиции Ангоры Бехаэтдин-бей, о котором упоминалось выше, был вызван в военный суд этого района для привлечения к судебной ответственности в то время, когда он был отозван в Константинополь, причем дела со следственными документами не были присланы по требованию Министерства внутренних дел. Впоследствии дело было изучено военным министерством, и упомянутый Бехаэтдин-бей освобожден от данного судебного разбирательства.

Как видно из следствия, такие активные члены, как Бехаэтдин Шакир-бей, пользовались большой протекцией. Талаат-бей, бывший министр внутренних дел, особо рекомендовал последнего Вехиб-паше, командующему группой армий на востоке и послал его к нему. Некоторое время Бехаэтдин Шакир-бей сотрудничал при военном суде в Самсуне, после чего отправился по неизвестному назначению. (Заявление, записанное в личном деле Вехиб-паши).

Решид-паша, генерал-губернатор вилайета Кастамону, заявил (серия 2, стр. 13), что он получил шифрованную телеграмму от Бехаэтдина Шакир-бея о необходимости депортации и о преступлениях и злодеяниях Хасана Фехми-эфенди, ответственного секретаря комитета «Единение и прогресс» в данной провинции. На собрании этой партии он подал председателю Талаат-бею такрир, в котором сообщал о зверствах, совершенных в отношении армян, и требовал расследования относительно действий всех ответственных секретарей Комитета, а также д-ра Решида, Джемаля Азми, Сабита, Моаммера Атифа и Ибрагим-бея, начальника общей тюрьмы.

Талаат-бей велел отложить этот такрир в сторону с отметкой «к делу». Он ему заявил в Спортинг-клубе в Смирне: «Я бы подверг здешних той же судьбе, как и прочих». Ихсан Онниг-эфенди, депутат Смирны, со своей стороны заявил, что д-р Назым и его сообщники являются инициаторами этих зверств (серия 3) и, как свидетельствует Вехиб-паша (серия 7, стр. 3), истребление

и резня армян, грабежи и захват их имущества совершались на основании решения центрального аппарата комитета «Единение и прогресс», и Бехаэтдин Шакир-бей в зоне 3-й армии нанимал и направлял на эту работу мясников. Руководители подчинялись приказам и инструкциям д-ра Бехаэтдина Шакир-бея. Все несчастья, все интриги и происки были инспирированы последним. Одни подготовляли кровожадных жандармов, другие же выступали их помощниками... Эти заявления составляют обвинительный акт против членов Общего совета и центрального аппарата Комитета.

На стр. 7 следствия, касающегося Сулеймана Назиф-бея, говорится, что он, отправляясь из Багдада к Диарбекиру, вынужден был зажать себе нос из-за зловония, исходящего от разложившихся трупов. На стр. 7 следственных документов, касающихся Джемаль-бея, бывшего генерал-губернатора вилайета Кония, говорится, что Джемаль-паша, командующий армией, из Алеппо запросил Талаат-бея, чтобы узнать о его точке зрения по армянскому вопросу. На это последний ответил, что все происходит вследствие несогласованности между его точкой зрения и точкой врения Центрального правительства. Хотя упомянутый генерал-губернатор защищал армян Конии, депутат Али Риза-эфенди был послан д-ром Назымом, чтобы порекомендовать ему не настаивать в этом вопросе, заранее основательно решенном в центральном аппарате.

Когда Джемаль-бей заявил в Константинополе Талаату и Назыму о неуместности депортации, то они ответили, что убеждены в ее необходимости и пользе. Д-р Назым-бей дошел до того, что заявил, что это мероприятие решит восточный вопрос. Что касается Хайри-эфенди, то он заявил, что несмотря на свои усилия, он не смог оказать противодействие. Заявления Гамид-бея, бывшего председателя следственной комиссии по делу Мазхан-бея, бывшего генерал-губернатора Ангоры (дело следствия, стр. 17), который был смещен, потому что не выполнил приказа о высылке и истреблении, и по делу двух помощников губернатора, которых генерал-губернатор Диарбекира велел убить, потому что они не согласились на зверские расправы с арабами и на высылки, и заявления Лютфи-бея, генерального директора по доходам Министерства финансов, относительно зверств в Трапезунде и об их инициаторах, а также

о Наил-бее, ответственном секретаре в этой провинции, находятся в деле следствия (стр. 34, 38, 43).

Бехаэтдин Шакир-бей послал из Эрзрума губернатору Адалии шифрованную телеграмму, в которой он спрашивал о том, «что тот делал в своей области в то время, когда все армяне из окрестностей Эрзрума, Вана, Битлиса, Диарбекира, Себастии, Трапезунда были высланы в Мосул и Зор?». Сабур Сами-бей, бывший губернатор Адалии, заявляет, что он послал копию этой телеграммы Талаат-бею, от которого, однако, ответа не последовало (дело следствия, стр. 41). Все эти заявления, так же как сведения, полученные от Ради-бея по вопросу о высылках в Ангоре и от Неджати-бея, ответственного секретаря в этой провинции, содержат убедительные доказательства, достаточные для обоснования этих обвинений.

На обратной стороне ответа № 69 на шифрованную телеграмму Бехаэтдина Шакир-бея, направленную в центр через посредство Талаат-бея, министра внутренних дел, которая была расшифрована и включена в дело «Тешкилати махсуссе», написано следующее:

«Так как Вам больше нечего там делать, то немедленно отправляйтесь в Трапезунд, чтобы выполнить более важное, чем вопрос Артвина. Якуб Джемиль-бей, который отправляется отсюда, даст Вам нужные объяснения и указания».

Это также выявляет связь, которая существовала между этими лицами.

Во время следствия обвиняемые—бывшие министры—возбудили вопрос о компетентности и заявили, что право следствия по их делу принадлежит не военному суду, а верховному суду, в соответствии с Конституционной хартией. Однако излишне объяснять, что ст. 92, на которую они ссылаются, касается только преступлений политического характера, совершенных при исполнении своих обязанностей в качестве министров или членов Совета министров, и, согласно оговорке статьи 33 этой же самой Конституционной хартии, министры не пользуются никакой законной привилегией в отношении обыкновенных преступлений, которые ими совершены или соучастниками которых они являются. Такие преступления находятся в компетенции только обыкновенных трибуналов. В местностях, где объявлено осадное положение, гражданские законы и суды отменяются и заменяются

военными судами. С другой стороны, рассмотрение таких дел, как высылки и захваты, в соответствии с последними карарнамэ, связанные с созданием и функциями военного суда, входит в компетенцию этого суда, ввиду чего решено отклонить поднятый вопрос о некомпетентности и, принимая во внимание собранные и указанные выше доказательства и свидетельства об участии в резне обвиняемых: доктора Бехаэтдина Шакира, доктора Назыма, Атиф Риза-бея, Джевад-бея, Азиз-бея, Энвер-бея [паши], Джемаль-бея [паши], Талаат-бея (паши), постановлено передать дело в военный суд в Константинополе по обвинению в преступлениях, применяя к ним I параграф статьи 45, а также статью 170 Уголовного кодекса. Мидхат Шукри, доктор Руссуки, Кючюк Талаат, Зия Гёкальп, Кемаль-бей, Саид Халим-паша, Ахмед Нессими-бей, Шукри-бей, Ибрагим-бей и Халил-бей, которые хотя непосредственно не участвовали, но все же сознательно содействовали преступлениям и являются соучастниками преступлений, предусмотренных в параграфе 2 статьи 45 того же кодекса, также являются виновниками преступлений, и их дела направляются императорскому прокурору военного суда с целью предания их суду.

10 Реджеб 1337 [12 апреля 1919]

ЦГИА Арм. ССР, ф. 200, оп. 1, д. 237, л. 61—64

256. Приговоры судебных процессов над виновниками депортации и убийств в вилайетах Трапезунда и Харберда[68]

Перевод с французского

1. Процесс в Трапезунде (1919)

Председатель военного трибунала: Ферик Мустафа Назым-паша

Члены суда: бригадный генерал Зеки-паша
бригадный генерал Мустафа-паша
бригадный генерал Али Назым-паша
полковник Реджеб Ферди-бей

Обвиняемые, присутствующие на суде:

Мехмед Али-бей, директор налоговой службы в Трапезунде

Нури-бей, начальник полиции Трапезунда

Мустафа эфенди, содержатель гостиницы в Трапезунде

Али Саиб-бей, директор службы здоровья в Трапезунде

Обвиняемые, судимые заочно: Джемаль Азми-бей, губернатор (вали) Трапезунда

ПРИГОВОР

Обвиняемый Джемаль Азми-бей, вали Трапезунда, давал секретные директивы, а Наил-бей, ответственный за трапезундский вилайет комитета «Единение и прогресс», сотрудничал с ним, соглашаясь с этими секретными инструкциями. Воодушевлённый поощрением, высказанным Наил-беем при исполнении его директив, Джемаль Азми-бей принял необходимые меры для резни и уничтожения армян в соответствии с этими секретными директивами.

Более того, он совершил эти акты, претендуя на то, что претворяет в жизнь законы о депортациях.

Так, назначая в качестве сопровождающих караван депортированных развращенных и преступных людей, к которым присоединялось несколько жандармов, расположенных сотрудничать с подобными лицами, он лишил депортированных армян защиты.

Как только караван удалился на достаточное расстояние от города, в необитаемые места, мужчин отделили от женщин. Затем группы бандитов, составленные из лиц такой же категории, напали на них, грабя, отнимая их личные вещи, истязая, убивая. Женщин они повели в другое место и там, отняв драгоценности, деньги и одежду, изнасиловали их.

Затем они заставили караван шагать в течение месяцев таким маршем, что сосланные были полностью и окончательно истощены. И, таким образом, большое число их умерло от голода, жажды и истощения; тем не менее виновные объявили, что караван появился за Эрзинджаном.

Часть женщин и детей оставили в Трапезунде, разместив в больницах и домах дервишей (Вава evleri) с так называемым намерением защитить их: во многих местах женщин и даже девочек, собранных в группы, посадили на баржи под предлогом отправки морем в другое место. Но как только баржи исчезли из виду,

эти женщины и дети были сброшены в море и утоплены.

Однако во время процесса стало очевидным и трибунал убедился в том, что совершение всех этих преступлений — грабежей и убийств — было предусмотрено не в Трапезунде, а за пределами города.

Упомянутый выше обвиняемый Мехмед Али-эфенди, директор налоговой службы в Трапезунде, являясь старым знакомым губернатора Джемаль Азми-бея, был инструментом алчности названного губернатора, путем нелегального использования им многочисленных прерогатив в качестве члена различных комитетов, занимающихся вопросами оставленного имущества и сокровищ, чрезвычайных податей военного времени, военных сооружений и военного производства, военного бюро телефонов и совета управления госпиталем «Красный полумесяц».

Он разрешил, таким образом, чтобы эта больница, созданная в гуманных целях, была использована вместе с домами дервишей для того, чтобы собрать там армянских женщин и молодых девушек, под предлогом патриотической обязанности их охраны, и затем разделить их между всеми, кто пожелал бы взять их к себе в качестве домашней прислуги или жен. Итак, он ответственен за похищение этих женщин и молодых девушек, равно как и за невзгоды и нищету, на которые они были обречены. Свидетельства подтвердили факты, согласно которым те из них, что были размещены, были спешно отправлены обратно; в то же время другие были изнасилованы и лишены невинности в госпиталях.

Мехмед Али-эфенди полностью пренебрег письменными и устными предупреждениями своего вышестоящего лица—инспектора по налогам, который напоминал ему о том, что вмешательство в неправые и находящиеся вне его компетенции дела может иметь очень серьезные последствия. Он участвовал, с полным знанием дела, почти во всех мучительных и печальных актах, совершенных в городе по приказаниям Джемаль Азми-бея.

С другой стороны, Нури-эфенди, начальнику полиции, было поручено вместе с другими служащими собрать, описать и хранить оставленное имущество. Однако он не принял никаких эффективных мер для охраны имущества, оставленного в домах, покинутых сосланными армянами. Он не выполнил свою обязанность, допустив, во-первых, чтобы имущество было перевезено из этих домов в склады без составления описи, во-вторых,

что перевозка имущества сосланных не была осуществлена лицами, пользующимися доверием. Поэтому он виновен за нанесенный ущерб и потерю имущества. Хотя он предал военному суду некоторых полицейских, обвиняемых в краже части упомянутого имущества, он не сделал никакой попытки, ни официальной, ни неофициальной с тем, чтобы помешать вали Джемаль Азми-бею, равно как и полицейским и жандармам, находящимся в его подчинении, расхитить оставленное имущество, воспользовавшись комендантским часом; он также не помешал этим самым полицейским и жандармам увезти женщин и детей на кораблях с целью их утопления.

По его же свидетельству, он был глубоко смущен некоторыми достойными сожаления событиями, очевидцем которых он был. И хотя он заперся в своей комнате, охваченный грустью в такой степени, что не мог выйти в город, он закрыл глаза на действия вали и не проявил своего доброго намерения отказаться от своей должности в пользу другого лица, способного воспрепятствовать этим преступлениям...

Итак, обвиняемые: вали Джемаль Азми-бей, Наил и Мехмед Али-эфенди признаны виновными согласно статье 45 Уголовного кодекса, в то время как начальник полиции Нури-эфенди и полицейский Мустафа-бей единогласно признаны виновными в злоупотреблении властью.

В результате совещания по определению меры наказания, Трибунал заключил:

Обвиняемые Джемаль Азми-бей и Наил признаны соучастниками и, следовательно, каждый из них признан автором преступления согласно тексту I-го параграфа вышеупомянутой статьи 45, который гласит:

«Если несколько лиц совершают по взаимному согласию преступление, или если каждый из этих лиц совершает один или множество актов, которые составляют преступление, или совершение преступления, в этом случае таковые лица рассматриваются как соучастники и каждый из них и все вместе наказываются как единственные авторы преступления».

Упомянутые Джемаль Азми-бей и Наил приговорены к смерти, а конфискованное у них имущество будет распределено согласно закону

Что касается Мехмеда Али, он приговорен к 10 годам тюрьмы, согласно положениям 2-го параграфа выше-

упомянутой статьи 45... Полицейский Мустафа-эфенди и Нури-эфенди приговорены к одному году тюремного заключения каждый и к 2-м годам отстранения от своих функций, в соответствии с I-м дополнением к статье 172-й Гражданского уголовного кодекса...

Приговоры, касающиеся Джемаля Азми и Наила, были вынесены единогласно, заочно, в присутствии всех остальных.

22 мая 1919 г.

Реджеб Ферди
Али Назим
Мустафа
Зеки
Назим
Секретарь военного трибунала Абидин Давер

2. Процесс об избиениях в вилайете Харберд (1919—1920 гг.)

Председатель: бригадный генерал Эссад-паша
Члены: бригадный генерал Ихсан-паша
бригадный генерал Мустафа Керими-паша
бригадный генерал Исмаил Хакки-паша
полковник Сулейман Шакир-бей
Обвиняемые, судимые заочно:

Д-р Бехаэтдин Шакир-бей, член ЦК комитета «Единение и прогресс», председатель Специальной организации (Techkiláti—Mahsousse)

Реснели Назим-бей, ответственный за отделение Харберда комитета «Единение и прогресс»

Обвиняемые, присутствующие на суде:

Хаджи Балюс-задэ Мехмед Нури, бывший депутат Дерсима

Ферид-бей, заведующий делом просвещения в Харберде

ПРИГОВОР

Доктор Бехаэтдин Шакир, один из обвиняемых, член ЦК Комитета «Единение и прогресс», отправился из Дерсаадета с целью посещения Трапезунда, Эрзерума и других вилайетов в качестве председателя Специальной организации (Techkiláti Mahsousse), состоящей из чете (нерегулярных войск) и преступников, освобожденных из тюрем Взяв на себя руководство этими отрядами, он явился автором трагических актов коллективных

убийств и хищений, совершенных в разное время и в разных местах со времени депортации армян. Он осуществил свои гнусные проекты, послав в местности, где происходили эти трагические события, людей, которые присоединялись к вышеупомянутой организации по своему легковерию или неведению, либо движимые ненавистью и выгодой. Он действовал сознательно и ободрял тех, кому давал поручения либо устно, либо посредством шифрованной корреспонденции, используя членов этого отделения Специальной организации для уничтожения армян.

В шифрованной телеграмме, датированной 4 мая 1915 года, которую Бехаэтдин Шакир отправил из Эрзерума, через вали Харберда, секретарю, ответственному за отделение Харберда комитета «Единение и прогресс» Реснели Назим-бею (в настоящее время в бегстве), он спрашивал: «Нельзя ли удалить депортированных армян? Вы мне дали знать, что их мучили; но вредные люди уничтожены или просто сосланы дальше? Информируйте нас четко».

Среди документов, составляющих досье членов ЦК комитета «Единение и прогресс», находится также шифрованная телеграмма Мюнир-бея, вали Эрзерума, в которой последний отмечал: «Караван, состоящий из богатых лиц, произвольным образом высланных из Эрзерума, был подвергнут нападению чете Бехаэтдина Шакир-бея, а также отрядами из Дерсима и таким путем уничтожен, а имущество разграблено». Решид-паша, бывший губернатор Кастамуни, заявил, что он получил шифрованную телеграмму уже упомянутого Бехаэтдина Шакир-бея, касающуюся депортации. А Вехиб-паша заявил, что резня и истребление армян, так же как и грабеж и захват их имущества, были заранее обдуманным намерением комитета «Единение и прогресс»; и что лицом, который использовал, подготавливал и руководил живодерами в человеческом обличье в районе расположения 3-й армии, является именно сам Бехаэтдин Шакир.

В добавление к предшествующему, Сабюр Сами-бей, бывший мютессариф Антальи, заявил, что Бехаэтдин Шакир-бей направил ему из Эрзерума шифрованную телеграмму, в которой он спрашивал: «Учитывая, что армяне из районов Эрзерума, Вана, Битлиса, Диарбекира, Си-

васа и Трапезунда направлены в районы Мосула и Дейр-эл-Зора, что они делают в Анталье?».

Показания других свидетелей, зарегистрированные в протоколах трибунала, дали дополнительные убедительные доказательства виновности Бехаэтдина Шакира и его сообщников в упомянутых выше трагических актах. Что касается другого обвиняемого, Реснели Назим-бея, находящегося в бегстве, трое из судей, членов трибунала, нашли его виновным в соучастии в указанных трагических событиях. Они убеждены в его виновности, исходя из того факта, что Реснели Назим-бей находился в контакте с Бехаэтдином Шакир-беем в течение депортации, как это вытекает из содержания телеграммы от 4 мая 1915 года, а также из показаний свидетелей—Сабит-бея, вали Харберда, равно как и показаний Мидхата Шюкрю-бея, генерального секретаря Центрального Комитета, и, наконец, из того факта, что Назим-бей скрылся, когда было начато расследование по его делу, и что по настоящее время он находится в бегстве. Кроме того, как вытекает из других документов, представленных на определение суда, его участие в совершении упомянутых преступлений установлено. В то же время должны быть учтены факты, вытекающие из указанных выше контактов с Бехаэтдином Шакиром, а также из показаний свидетелей, согласно которым Назим-бей оказывал поддержку обвиняемым в их действиях, подготовивших и облегчивших совершение главных преступлений. В подобных случаях закон требует, чтобы решения принимались большинством. Следовательно, Назим-бей признан виновным в качестве соучастника большинством голосов.

В заключение обсуждения на предмет установления меры наказания, применимой к этим преступлениям, Бехаэтдин Шакир приговорен к смерти в соответствии со статьей 170 Гражданского уголовного кодекса, в уточнение статьи 181 этого же Кодекса, а Реснели Назим-бей приговорен к 15-и годам каторжных работ (kürek), согласно упомянутым статьям и в уточнение второго параграфа статьи 45 Гражданского уголовного кодекса.

Имущество, конфискованное у обоих, будет распределено согласно закону. Было решено также, что Назим будет лишен своих гражданских прав...

Мехмед Нури-бей признан невиновным в обвинении

их в убийстве и грабеже армян деревни Олевенк, близ его владений.

Его шурин Азим-бей признан невиновным в обвинении в перевозке и сокрытии в своем доме расхищенной добычи.

Наконец, Ферид-бей признан невиновным в обвинении в совершении актов, упомянутых выше. Эти обвиняемые оправданы и должны быть освобождены, если они не находятся под арестом по другим мотивам.

Решения были приняты единогласно: в отношении обвиняемых Бехаэтдина Шакира и Реснели Назима заочно, в отношении Мехмеда Нури-бея и Ферид-бея—в их присутствии.

13 января 1920 года.

Подписано: Мустафа Кериим
Ихсан

Хотя мы и вынесли вышеупомянутый приговор, мы убеждены, что обвиняемый Реснели Назим должен быть признан виновным в такой же степени, что и Бехаэтдин Шакир.

Подписано: Сулейман Шакир
Исмаил Хакки
Эссад

„Takvim—i Vakayi", Константинополь, 1919—1920 гг. Цит. по: *Jean-Marie Carzou*. Un génocide exemplaire. Arménie, 1915. Annexes, p. 236—240.

257. Немецкий писатель Армин Т. Вегнер о гибели армян в пустынях Месопотамии

Перевод с немецкого

...Армяне стали жертвами этой войны. Когда турецкое правительство весной 1915 года приступило к осуществлению своего чудовищного проекта уничтожения двух миллионов армян.., никто не помешал мрачным тиранам Турции в осуществлении тех мучительных истязаний, которые могут сравниться лишь с действиями обезумевшего преступника.

Так они погнали целый народ: мужчин и женщин, стариков и детей, беременных женщин и грудных младенцев в пустыни Аравии с единственной целью обречь всех на голодную смерть...

Из родных мест, где армяне жили более двух тысяч лет, со всех концов Империи—от скалистых ущелий гор-

ных районов до берегов Мраморного моря и пальмовых оазисов юга—они были изгнаны в эти безлюдные пустыни. Оправдывать это необходимостью предоставления им новых мест жительства является, конечно, издевательством над человеческими чувствами. Мужчин истребляли в массовом порядке, группами связывали друг с другом цепями или веревками и сталкивали в реку или сбрасывали со скал. Женщин и детей продавали на публичных торгах, стариков и подростков смертоносными ударами палок гнали на принудительные работы. Не довольствуясь тем, что навсегда загрязнили свои руки, лишив народ своих вождей и депутатов, они [турки] стали днем и ночью гнать к смерти полунагих людей, поднятых прямо с постели; разграбили их дома, предали огню их села, разрушили или превратили в мечети их церкви, угнали весь скот, захватили все повозки; они вырывали кусок хлеба из рук своих жертв, снимали с них одежду, срывали украшения. Должностные лица, офицеры, солдаты, кочевники соперничали друг с другом в кровавых оргиях: силой вытаскивали из приютов молодых девушек-сирот для удовлетворения своей животной похоти, били дубинками беременных женщин и умирающих, которые с трудом волочили ноги до тех пор, пока они не падали замертво, превращая дорожную пыль в кровавое месиво. Проходящие по этим дорогам путешественники отворачивали глаза, полные ужаса, от этой движущейся массы, гонимой дьявольской жестокостью; отворачивались, чтобы не видеть зарытых в навозные кучи постоялых дворов новорожденных младенцев и дорог, покрытых множеством отрезанных рук мальчиков, обращенных в мольбе в сторону своих палачей.

Караваны армян, состоящие в начале высылки из своей родины, Западной Армении, из тысяч людей, в момент прибытия в окрестности Алеппо насчитывали всего лишь несколько сотен, в то время как поля были покрыты опухшими, почерневшими, отравлявшими зловонием воздух трупами, обнаженными и изнасилованными телами. Многих, связанных попарно, бросали в Евфрат на съедение рыбам. Иногда жандармы, насмехаясь над несчастными, сыпали в дрожащие руки изголодавшихся людей немного муки, которую они с жадностью вылизывали только для того, чтобы продлить свою агонию.

Даже у ворот Алеппо высланным не дали передохнуть; исходя из непостижимых, необоснованных сообра-

жений, эти предельно поредевшие группы людей, босых, изнуренных и обессиленных от лихорадки и других болезней, перегоняли за сотни миль под палящими лучами солнца через каменистые ущелья и непроходимые холмы к полутропическим болотам—в объятия смерти. Здесь они и находили свой конец—убитые и ограбленные курдами и жандармами: расстрелянные, повешенные, отравленные, удушенные, заколотые кинжалом, погибшие от жажды и холода, скошенные эпидемиями, утопленные, замерзшие, оставленные на съедение шакалам...

Дети, исходя слезами, умирали, мужчины бросались со скал, матери бросали своих младенцев в колодцы, беременные женщины с песней кидались в воды Евфрата; они умирали всеми земными смертями, смертью всех времен...

В разрушенных караван-сараях несчастные лежали среди полусгнивших трупов без помощи и сострадания, ожидая своей неминуемой смерти, ибо сколько же можно было влачить жалкое существование, разыскивая зерна в лошадином навозе или питаясь травой. Но все это лишь незначительная доля того, что я видел сам, что мне рассказывали мои знакомые и путешественники или что я слышал из уст самих высланных...[69]

Armin T. Wegner. Offener Brief an den Präsidenten der Vereinigten Staaten von Nord Amerika Herrn Woodrow Wilson über die Austreibung des armenischen Volkes in die Wüste. Berlin–Schöneberg, 1919, S. 2–4.

258. Йозеф Маркварт о плане истребления западных армян

Перевод с немецкого

...Даже после провозглашения «Конституции» основным лозунгом османской политики оставался: *когда не станет армян, не будет и армянского вопроса.* Страшная резня в Адане показала, что младотурки, столь странным образом создавшие себе в общественном мнении Европы репутацию либералов, в своевольной жестокости ни в чем не уступали великому убийце Абдул-Гамиду. На своем съезде в Салониках в 1910 г. комитет «Единение и прогресс» принял секретное решение, которое вело к созданию в Османской империи национального единения турок путем вытеснения инородных элементов, т. е. христиан. Это стремление в период балканских войн

усугублялось все возрастающими шумными требованиями наших пангерманистов и тех приверженцев генерального штаба, которые считали, что Турция должна восстановить боеспособность своей армии, удаляя оттуда, прежде всего, христиан...

Несомненно, османское правительство еще тогда расценивало приближение мировой войны как наиболее благоприятный момент для окончательного претворения в жизнь с давних пор лелеемого плана. Джихад — убийство и грабеж в честь аллаха—мягко названный «священной войной», которую Турция объявила по подстрекательству или, во всяком случае, с одобрения германского правительства, эта священная война, на которую здесь возлагали столь большие надежды, имела лишь тот единственный результат, что помогла туркам в осуществлении своих планов убийств: организации почти полного уничтожения христиан на Востоке, главным образом армян.

Чтобы оправдать эти дьявольские меры, предпринятые мусульманами в отношении покоренного народа, чья единственная вина была в том, что он не желал отречься от своей национальности и христианской веры своих предков и принять магометанство, немецкая пресса обрушила на немецкого обывателя поток клеветнических сообщений, проистекающих отчасти из турецких источников, отчасти же являющихся измышлениями этой же прессы. Армяне изображались в самых мрачных красках, как сборище торгашей и крамольных ростовщиков, в то время как «славные оттоманские союзники» были, как и в период балканских войн, превознесены до небес за их мнимое мужество. В действительности это была лишь новая волна барабанной дроби, за шумом которой пытались заглушить крики жертв гамидовских избиений... Пальма первенства в бесчестии и рабской услужливости по отношению к туркам причитается, бесспорно, пресловутому Йеку из «Дёйче Тагесцейтунг», который осмелился не только простить и одобрить истребление армян, но даже недвусмысленно оправдать это. До октября 1918 г. правительство строжайше запрещало всякие сообщения (в виде брошюр или статей в прессе), благоприятные для армян, всякие поправки к турецким измышлениям, все, что могло открыть глаза общественности на истинные события. Изредка прорывающиеся слухи о зверствах, совершенных над армянами,

представлялись как злые вымыслы наших врагов. «Кёльнише цейтунг»—эта немецкая «Матен»— имела даже наглость просто-напросто отрицать существование д-ра Мартина Нипаге, автора навязшей брошюры, озаглавленной «Обращение к представителям немецкого народа».

Линия поведения, предписываемая на этот счет книгой цензуры, опубликованной в начале 1917 г. отделом цензуры при службе военной прессы, была изложена в следующих словах:

«О зверствах над армянами можно оказать следующее: эти вопросы, касающиеся внутренней администрации, не только не должны ставить под угрозу наши дружественные отношения с Турцией, но и необходимо, чтобы в данный тяжелый момент мы воздержались даже от их рассмотрения. Поэтому наша обязанность хранить молчание. Позднее, если заграница прямо обвинит Германию в соучастии, придется обсуждать этот вопрос, но с величайшей осторожностью и сдержанностью, все время заявляя, что турки были опасно спровоцированы армянами (sic!). Лучше всего — хранить молчание в армянском вопросе...».

Германское правительство разрешило немецкой прессе публиковать всякие толки, неблагоприятные для армян, и всякие измышления; оно систематически замалчивало все сообщения в пользу армян, а также гласную информацию относительно того, что в действительности происходило в Армении...

Впрочем, ответственность, которая ложится на рейхстаг, не менее тяжела. Из брошюр и устных сообщений рейхстагу было точно известно обо всем. Он в любой момент был в состоянии потребовать у правительства дополнительных объяснений. Несмотря на это, не считая выступлений трех независимых—Либкнехта, Ледебура и Хаазе—он хранил упорное молчание. Не менее ответственна большая пресса, потому что, зная всю правду, она не отказалась принимать ложные сообщения и клевету из турецких источников. Однако самая тяжелая ответственность падает на генеральный штаб...[70]

Professor Dr. Marquart. Die Entstehung und Wiederherstellung der Armenischen Nation. Berlin. 1919. S. 45—48. 53.

259. Из выступления И. Лепсиуса на судебном процессе в Берлине по поводу убийства Талаат-паши[71]

Перевод с немецкого

Решение о всеобщей депортации вынес младотурецкий комитет, приказ об этом был дан министром внутренних дел Талаат-пашой (совместно с военным министром Энвер-пашой). Высылка армян была осуществлена при помощи специальной организации младотурок...

Все армянское население Анатолии, согласно приказу, полученному сверху, было выселено в северные и восточные районы пустыни Месопотамии: Дейр Зор, Ракку, Мескене, Рас ул-Айн, вплоть до Мосула. Депортации подверглось приблизительно 1 400 000 армян.

Что означала эта высылка?

В подписанном Талаат-пашой приказе есть такие слова: «Высылка есть уничтожение».

Все происходило согласно этому приказу. Лишь 10 процентов всего населения, подвергшегося депортации из вилайетов Восточной Анатолии, дошло до места ссылки. Остальные 90 процентов были вырезаны в пути следования; кроме женщин и девушек, проданных жандармами или похищенных курдами, остальные все умерли от голода и истощения.

Армяне же, высланные из Западной Анатолии, Киликии и Северной Месопотамии в пустыню, были собраны в концентрационных лагерях, где постепенно скопилось большое число людей. Все они впоследствии были уничтожены путем систематического голода и периодических избиений. Когда лагеря наполнялись новыми группами высланных и для людей не оставалось больше места, их гнали большими партиями в пустыню и там убивали. Турки заявляли, что они пришли к идее концентрационных лагерей по примеру англичан, которые так же обращались с бурами в Южной Африке.

Официально заявлялось, что высылки эти лишь предупредительные меры, но отдельные авторитетные лица совершенно откровенно признавались, что цель высылки—истребление армянской нации.

Сказанное мною вытекает также из тех документов императорского германского посольства и Министер-

ства иностранных дел, которые я уже опубликовал, в особенности из докладных записок немецких консулов и послов в Константинополе...

Спрашивается, каким образом удалось за такой короткий срок истребить миллион людей? Это стало возможным благодаря самым варварским методам, что доказано также материалами военного трибунала в Стамбуле, который судил Талаат-пашу и его соратников...

Der Prozess Talaat Pascha. Stenographischer Prozessbericht mit einem Vorwort von Armin T. Wegner und einem Anhang. Berlin, 1921. S. 56–57.

260. Д. Ллойд Джордж о резне армян и греков в Турции

В Армении Абдул-Хамид и младотурки сознательно упрощали все затруднения, истребляя и изгоняя народ, который они считали народом предателей и неверных. В этой дикой расправе они действительно преуспели. Точно смерч пронесся по равнинам Армении. Спасшихся можно было отыскать только в недосягаемых горах, здесь затравленные беглецы находили суровое и ненадежное убежище от турецкого варварства. Многие бежали в Сирию. Хотя сирийские арабы находились под властью турок и были правоверными магометанами, они не были убийцами и не желали принимать участие в истреблении беззащитных неверных, доверявшихся их человечности, которой учил пророк.

Во время мировой войны греки Малой Азии тоже тяжело пострадали от жестокостей турок. Сотни тысяч греков были хладнокровно вырезаны в годы войны, и еще больше было согнано с насиженных мест. Они искали убежища в Греции и на греческих островах. Словом, турки непрестанно и с варварскими ухищрениями исправляли статистические данные в свою пользу.

Дэвид Ллойд Джордж Правда о мирных договорах. Т. 2, М., 1957, с. 199—200.

261. Признание Д. Ллойд Джорджа

По Сан-Стефанскому миру русские войска должны были оккупировать Армению пока не будут проведены необходимые реформы. Это постановление было отме-

нено Берлинским трактатом 1878 года, который явился всецело результатом нашего угрожающего нажима и прославлялся нами как величайший триумф Англии, принесший «почетный мир». Армения была принесена в жертву на воздвигнутый нами триумфальный алтарь. Русские вынуждены были уйти; несчастные армяне снова были придавлены пятой своих старых угнетателей, обязавшихся «провести улучшения и реформы в провинциях, населенных армянами». Всем нам известно как нарушались эти обязательства в течение сорока лет, несмотря на неоднократные протесты страны, которая была главной виновницей возвращения Армении под владычество турок. Политика британского правительства с роковой неизбежностью привела к ужасающим бойням 1895—1897 и 1909 годов и к страшнейшей резне 1915 года. В результате этих злодеяний, беспримерных даже в истории турецкого деспотизма, численность армянского населения в Турции сократилась больше чем на миллион.

Дэвид Ллойд Джордж. Правда о мирных договорах. Т. 2, М., 1957, с. 300.

262. Черчилль о массовой резне армян

В 1915 г. турецкое правительство начало проводить по отношению к армянам, жившим в Малой Азии, политику беспощадной массовой резни и высылок. 300 или 400 тыс. мужчин, женщин и детей бежали на русскую территорию, а отчасти в Персию и Месопотамию. Но Малая Азия была настолько основательно очищена от армянских элементов, насколько только могли достичь этого подобные меры, проводимые в самом широком масштабе. По приблизительным подсчетам, этим репрессиям подверглись $1^1/_4$ млн. армян, из которых погибло больше половины. Нет никакого сомнения, что это преступление было задумано и выполнено по политическим мотивам...

У. Черчилль. Мировой кризис, М.—Л., 1932, с. 27.

263. Из речи В. Коларова на III Всемирном Конгрессе Коминтерна

... [Армянский] народ имеет самую трагическую историю. На всем ее протяжении он был предметом враж-

ды отдельных наций между собою, вражды, которую усердно поддерживал варварский деспотизм старого турецкого строя. Напрасно народ этот многократно обращался с призывом к человеческим чувствам так называемых цивилизованных государств. Результаты его призывов вызывали лишь новые кровопролития. В последний раз, во время европейской войны, армянский народ хотел своей помощью, которую он оказал державам Антанты, добыть себе свободу и право на жизнь, но он был обманут в своих ожиданиях. Он стал снова жертвой фанатизма. Но после этого кровопролития армянский народ обратил свой взор к России и последовал примеру ее пролетариата...

Третий Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. Петроград, 1922, с. 469.

264. Из речи Г. К. Орджоникидзе на торжественном собрании, посвященном V годовщине установления Советской власти в Армении (29 ноября 1925 г.)

...В новой истории мало народов, которые понесли бы такие большие жертвы, как армяне, и мало стран, в которых было бы пролито столько крови, сколько в Армении.

«Заря Востока», 1 декабря 1925 г.

265. Из высказываний М. Горького

...Память воскрешает трагическую историю Армении конца XIX— начала XX веков, резню в Константинополе, Сасунскую резню, «великого убийцу», гнусное равнодушие христиан «культурной» Европы, с которым они относились к истреблению их «братьев во Христе», позорнейший акт грабежа самодержавным правительством церковных имуществ Армении, ужасы турецкого нашествия последних лет,— трудно вспомнить все трагедии, пережитые этим энергичным народом.

Удивительно быстро и ловко забывают факты такого рода господа «гуманисты», идеалисты, защитники «культуры», основанной на жадности, зависти, на рабстве и на циническом истреблении народных масс. Ложь

и лицемерие защитников этой «культуры» по уши в крови и грязи восходят до явного безумия, до преступления, которому нет достойной кары[72].

«Наши достижения», М., 1929, № 1, с. 81.

266. Фритьоф Нансен об истреблении армян в 1915—1916 гг.

Перевод с французского

...Программой младотурок было создание некоей «Великой Турции» с турецким языком и исключительно с турецкой администрацией; даже арабы должны были быть отстранены от общественных дел. Что же касается христиан, в особенности армян, то следовало заставить их навеки замолчать...

Единственная разница между младотурками и старыми турками в их политике преследования армян заключалась в том, что первые следовали хорошо задуманному плану и по этой причине были гораздо более опасны. Многие лидеры младотурецкой партии получили образование в Пруссии, где изучили метод истребления. Многочисленные документы этого периода подтверждают, что еще до мировой войны турецкое правительство приняло решение ослабить и «разредить» христианское население Армении путем заселения ее другими элементами...

Младотурецкие лидеры составили план— полностью истребить этот несговорчивый «сброд». В письме от 18 февраля 1915 года, написанном одним из членов центрального комитета младотурецкой партии «по приказанию ответственных властей» и адресованном диктатору Сирии в годы войны Джемаль-бею, в самом деле заявлялось, что Комитет решил очистить турецкую отчизну «от этой проклятой нации, из патриотических побуждений взяв на себя ответственность за позор, который очернит османскую историю. Комитет... решил истребить всех армян, проживающих в Турции, не щадя ни одной души, и предоставил неограниченные полномочия правительству, которое даст губернаторам и армейским командирам необходимые распоряжения для организации резни».

Реализация этого плана была методично подготовлена.

Банды добровольцев (которые под названием «чете» снискали себе дурную славу) были завербованы младотурками из разбойников, выпущенных из тюрем, и прочих подобных элементов; все мужчины-мусульмане, еще не призванные в армию, были организованы в милицию и получили оружие, в то время как христиане оставались невооруженными.

Итак, в июне 1915 года начались эти ужасы, не имеющие себе равных в истории.

Христиан массами выселяли изо всех деревень Киликии, Анатолии и Месопотамии, угоняя их на неминуемую гибель. Это была методическая чистка округа за округом, невзирая на их отдаленность от театра военных действий. Турки решили воспользоваться случаем, чтобы раз и навсегда покончить со всем тем, что было армянским; большинство мужчин уже было призвано в армию, оставались только старики, женщины, дети и немощные, которые и подверглись депортации. Большинство этих несчастных людей было предупреждено лишь за несколько часов до отправления. Они должны были оставить все, что имели,— земли, скот, урожай, движимое имущество и т. д. Все это было захвачено турецкими властями. Деньги, драгоценности или процентные бумаги, которые отдельным лицам удалось взять с собой, впоследствии отбирались жандармами; и даже те, кому разрешили захватить тележки и тягловый скот, вынуждены были бросить их в дороге.

Несчастных гнали огромными колоннами через горы к пустыням Аравии. Их снабжение не было организовано; в пути они получали только самое необходимое для поддержания жизни, так как в планы преступников входило уморить голодом тех, кто не был убит или еще не умер от истощения.

Сразу же после того, как эти толпы человеческих существ в своем продвижении по дорогам оставались вне всякого контроля, безразличие жандармов уступало место неописуемой жестокости. Все оставшиеся мужчины и молодые люди были собраны, уведены в сторону и вырезаны. Женщин, детей и стариков гнали вперед: испытывая невыразимые страдания, они умирали от голода и жажды. Тех, кто не мог следовать

дальше, подгоняли ударами хлыста до тех пор, пока несчастные не падали; тогда их приканчивали...

Масса документов не только показывает бесчеловечность палачей, но и с лихвой доказывает, что все было сделано согласно плану, тщательно подготовленному младотурецкими лидерами и их Комитетом. Трусость, с которой они позже отрицали зверства, совершенные ими же, по их воле и согласно их приказам, не выставляет их с лучшей стороны...

31 августа 1915 года Талаат-бей заявил немецким дипломатам, что «армянского вопроса больше не существует». Он был прав, ибо к этому времени депортация была завершена. Оставалось только избавиться от редких жертв, которые чудом уцелели, шагая по дорогам смерти. Их собрали в огромных концентрационных лагерях, оставляя почти без пищи и каких-либо средств к существованию.

В январе 1916 г. от 5 до 6 тысяч армян Айнтаба были угнаны в пустыню; в апреле 14 тысяч высланных были вырезаны в Рас ул-Айне. По приказу каймакама каждый день группы в 300—500 человек уводились на расстояние 10 километров от города, на берег реки, где банды наемников убивали их, а тела бросали в воду.

К востоку от Алеппо, в лагере Мескене, что на берегу Евфрата, по словам самих же турок, было зарыто в землю 55 тысяч армян, погибших от голода.

В одном только 1915 году 60 тысяч армян было выслано в Дейр Зор на Евфрате, и почти все они исчезли. 15 апреля 1916 года четырьмя колоннами было отправлено в Мосул 19 тысяч армян, которые должны были пройти 300 км через пустыню. 22 мая туда прибыло лишь 2500 человек. В пути часть женщин и молодых девушек была продана бедуинам, остальные умерли от голода и жажды. В июле 1916 г. в Дейр Зоре имелось 20 тысяч высланных; спустя восемь недель один немецкий офицер обнаружил там всего лишь несколько сот ремесленников. От остальных не осталось и следа. Большая часть людей погибла голодной смертью. Один очевидец рассказывал, что за два с половиной дня, которые он провел в Бабе, 1029 армян умерло по этой причине.

Дошедшие до нас описания этих сцен голода и агонии создают впечатление настоящего кошмара. Несчастные тени, которые, быть может, некогда были куль-

турными мужчинами и женщинами, ссорились из-за жалких остатков пищи, а их надзиратели, безучастные к их страданиям, смотрели, как они умирают. Это был ад. И турецкие власти сделали все, чтобы помешать тем, кто пытался помочь этим несчастным людям...

Враги армян ищут доказательства их унижения в том, что, составляя такое множество, они без сопротивления допустили, чтобы их повели на убой, хотя этот упрек противоречит обвинению турок, желающих представить свои жертвы как опасных мятежников.

Как могли они [армяне] обороняться против вооруженных жандармов, солдат и многочисленных банд «добровольцев», если большинство трудоспособных мужчин было уже завербовано для несения военной службы, а все население систематически обезоруживалось?

Однако всюду, где это было возможно, армяне мужественно сопротивлялись, иногда с определенным успехом, как это было, например, в Ване и в горах Киликии—близ Суэдии. В Урфе армяне погибли после отчаянной борьбы. Впрочем, народ, умеющий сражаться за дело, которое он считает справедливым..., может относиться с пренебрежением ко всем обвинениям в трусости...

Эти зверства по своим размерам и омерзительной жестокости превосходят все известные в истории... Письмо, которое мы выше цитировали, доказывает, что руководящий комитет младотурок был готов взять на себя всю ответственность за истребление армянского народа... и «за позор, который очернит османскую историю». Представителям германского посла Энвер-паша ответил, что он полностью берет на себя ответственность за все, что произошло в Анатолии. Он и другие руководители правительства, таким образом, несут на себе весь позор за то, что к кровавой турецкой истории прибавилась такая страшная глава, которая оставляет в тени все предшествующие. Погромы Абдул-Гамида кажутся пустяками по сравнению с резней, осуществленной «современными турками»[78].

Fridtjof Nansen. l'Arménie et le Proche Orient. Paris, 1928, p. 330–333, 839–844, 860–867.

267. Е. В. Тарле о геноциде западных армян[74]

Нужно заметить, что турецкое правительство именно в эти годы [1914—1917 гг.], одновременно с внешней войной, затеяло в грандиозном масштабе дело истребления армянского народа, чтобы окончательно и навеки оградить себя от опасности со стороны Кавказа и от русских притязаний. То, что произошло в Турции в этом отношении, является чем-то совершенно исключительным (по размерам) во всемирной истории со времен Чингис-хана.

Беспощадно и придирчиво проведенная во всех армянских вилайетах мобилизация в сентябре 1914 г. обессилила армянское население: остались женщины, дети и очень пожилые люди. После сарыкамышского поражения турок в первые дни января 1915 года русские, отбросивши турецкую армию, заняли Тавриз. Предвиделась война в турецких границах. И тогда-то великий визирь Талаат-паша[75] и военный министр Энвер-паша решили привести в исполнение обширный план физического истребления армянского народа. Предприятие было теоретически смелое, но практически во время войны—весьма осуществимое. По крайней мере, так казалось младотурецкому правительству. «Армянского вопроса более не существует, так как армян более не существует»,—юмористически заявил Талаат-паша в 1916 году. Талаат-паша почел своевременным таким образом пошутить после того, что произошло в Армении в 1915—1916 гг. Европа лишь из доклада Брайса сэру Эдуарду Грею узнала (отчасти) о том, что случилось. Правда, тогда Европе было не до армян*. Но все-таки пахнуло таким леденящим ужасом, что Талаат-паша больше не шутил, а перешел поскорее к очередным вопросам, уже избегая касаться армянского дела. Вот как, в немногих словах, рисуется ход всего предприятия.

Армян признано было желательным вырезать, по возможности, до последнего человека. Как сказано, после мобилизации (и угона мобилизованных в самые опасные места фронта) оставалось слабое население, от которого ни малейшего отпора ждать было нельзя. В одну зимнюю ночь в феврале 1915 года офицеры и

---

* Позднейшие немецкие показания (вроде Лепсиуса) дают еще более страшную картину, чем Брайс.

унтер-офицеры рассеялись по армянским кварталам, будили громким стуком в окна спавших и требовали выдачи всего имеющегося оружия. Но, за исключением деревень в Ванском округе,—где уже в этой первоначальной фазе людей, выдававших оружие, все-таки тут же убивали с женщинами и детьми,—в других местах пока еще убийства не происходили. Даже в самом городе Ване тоже еще убийств пока не было. Но 20 апреля 1915 года решительно без всякого вызова (план истребления — этого не отрицали и турки—был в деталях выработан в Константинополе) губернатор Джевдет-паша дал сигнал к избиению в городе Ване и Зейтуне. Частичное русское наступление в Ванском округе и Ване успело кое-кого спасти. Но оно приостановилось, — и избиения вступили в острый фазис. Делалось так. Являлся глашатай с барабанщиком в данном городе или деревне и громогласно приказ: всему мужскому населению явиться к такому-то месту, под страхом немедленной смерти. Армяне спешили, ни минуты не медля, исполнить приказ. Собравшихся тотчас же арестовывали и через 2—3 дня, скрутив их всех вместе веревками, угоняли из города. Пригнавши в более подходящее пустынное место (лесок, каменоломни, овраги), их избивали до последнего. Особенно беспощадны были турки в 1915 году; уже в 1916 году, хоть и редко, но бывали случаи, когда почему-либо по нескольку человек из каждой такой партии спасалось. Любопытно, как узнали на фронте о происходящем в Армении офицеры и солдаты, а от них и военные атташе союзных с Турцией держав: вдруг (весной и летом 1915 года) армян, мобилизованных и работавших в передовых линиях над укреплением окопов, стали целыми партиями отводить в тыл и там же расстреливать—без предупреждения и объяснения. Избиением армян руководил, в окончательной инстанции, Талаат-паша; но в округах, подчиненных военной власти,—Энвер-паша. Наиболее полным образом были вырезаны округи и города: Битлис, Муш и Сасун, подчиненные военной власти. Армяне этих городов и округов были предоставлены курдским батальонам. В других местах женщины и дети не избивались так систематически, как мужчины. После увода и убийства мужчин женщинам и детям армян приказывалось готовиться в путь (тоже через особых глашатаев). Для подготовки давалось несколько дней. Жен-

щинам официально было предложено спастись от высылки немедленным переходом в магометанство и вступлением в брак с магометанином. Если этот немедленный брак был невозможен, то переход в магометанство, сам по себе, не спасал женщину от высылки. Мебель в большинстве округов запрещено было продавать, так как в опустевшие квартиры поселяли турок. Место ссылки никогда не объявлялось наперед. Их гнали пешком, сопровождал же их обыкновенно конный конвой. Иногда для высылаемых, у кого были деньги, оказывались повозки (арбы, запряженные волами); но тут повторялось почти без исключений одно и то же: владелец арбы, взявши с армянки неслыханную сумму, через два-три перехода сбрасывал ее с пожитками и уезжал обратно в город. Военные власти эти поступки вполне одобряли.

Этот путь, — читаем в «Документах, представленных виконту Грею лордом Брайсом», — был бы очень труден даже для солдат, а для женщин, из которых многие выросли в достатке и даже в комфорте, идти пешком по каменистым или песчаным тропинкам, часто круто поднимающимся в гору, под палящим зноем, — было совсем непереносимо. Солдаты били их нещадно, если они, уставая, ложились на землю, чтобы отдохнуть. Были и беременные: «ни одна из них не выжила», — пишет лорд Брайс. Но и из небеременных погибла громадная масса ссылаемых женщин в этом мучительном пути: «Они умирали от голода, жажды, солнечного удара, апоплексии, от полного истощения». Да это и была конечная цель, хорошо втолкованная конвою: так или иначе покончить с ними в пути. «Правительство знало, что означает такое путешествие, и правительственные прислужники, которые их вели, сделали все, что могли, чтобы отягчить их неизбежные физические мучения». Но и это было не все: крестьяне мусульманских деревень по пути нападали на них и били их нещадно палками: конвой нисколько не препятствовал. «Когда они прибывали в какую-нибудь деревню, их выставляли на площади, как рабынь и предлагали, кому угодно, забирать их в свой гарем». Хуже всего пошло, когда вступили в курдские горы. Тут старики и дети были просто перебиты курдами (на глазах конвоя, который, впрочем, принял участие в избиениях), а женщины были поделены по рукам... Партии все уменьшались в числе — и тут уже конвой стал обнару-

живать нетерпение, — желательно было поскорее избавиться от тяжелого пути и всего этого хлопотливого поручения. Конвой тогда принялся непосредственно убивать уцелевших. Сначала убили отставших стариков и больных, а потом и вообще всех, пользуясь удобным случаем. «Переход через реки, особенно через Евфрат, всегда был случаем для массовых убийств. Женщин и детей сбрасывали в реку и стреляли в них, когда они пытались спастись». Очень немногие каким-то чудом доходили до места назначения и сдавались под расписку властям.

По единодушным отзывам (которым ничуть не противоречили и турецкие власти, пока им казалось, что военные дела идут хорошо и что победителей не судят), результатом всех этих усилий было, действительно, небывалое в новые времена всемирной истории планомерно и успешно выполненное, сознательное истребление двух третей народа. В Эрзеруме из 20 000 армян остались меньше ста человек; в Эрзерумском, Битлисском и Ванском округах, где жило 580 000 армян, уцелело 12 000 человек (по данным American Relief Committee, бюллетень от 5 апреля 1916 г.). По подсчетам комитета, работавшего под председательством лорда Брайса, наиболее достоверными являются следующие цифры, характеризующие общий результат усилий Талаат-паши и Энвер-паши.

Всего армян в Турции числилось до начала избиений 1915 года 2 100 000 человек (цифра, установленная армянским патриархатом). Лорд Брайс *нарочно* берет минимальную цифру 1 600 000 человек, чтобы тем неотразимее оттенить смысл происшедшего, и настойчиво прибавляет, что считает верною не эту цифру, а ту, которая приближается к 2 миллионам. Итак, примем даже 1 600 000. Из них успело бежать на русский Кавказ 182 000 человек, в английский Египет — 4200 человек; сравнительно меньше пострадало армянское население в Константинополе и Смирне; наконец, спаслись перешедшие в ислам и попавшие в турецкие гаремы некоторые армянские женщины. По подсчетам комитета Брайса, в Константинополе, Смирне и бежавших, как сказано, на Кавказ и в Египет в общей сложности уцелело 350 000 человек.

Уцелело, кроме того, кое-где около 250 000 человек армян-протестантов, католиков, обращенных в ислам

(до избиения 1915 г.). Итого армян уцелело не больше 600 000 человек, погибло же (беря самую малую первоначальную цифру, нарочно принятую лордом Брайсом, т. е. 1 600 000) около одного миллиона человек, но Брайс снова прибавляет, что он считает эту цифру слишком малой и что перебито и было сослано, вероятно, даже больше 1 200 000 человек. Брайс силился установить, сколько спаслось женщин и детей из высылаемых. Но тут ничего ни разыскать в точности, ни добиться общих цифр нельзя. «В некоторых вилайетах, как, например, в Ване и Битлисе, не было никаких высылок, но были непосредственные избиения; в других, как в Эрзерумском и Трапезундском, высылки и избиения были равнозначащи, так же, как в Ангоре». В Киликии их не убивали непосредственно, а они гибли или избивались лишь в пути.

Впрочем, все, о чем писал лорд Брайс, бледнеет перед официальными актами, показаниями, сообщениями, изданными в 1919 году немцем Иоганнесом Лепсиусом, на основании данных берлинского архива иностранных дел*. Он столь же категорически, как и Брайс, говорит о планомерном, принципиально решенном истреблении армянской нации Талаат-пашой и Энвер-пашой. Выдуманный предлог, мнимый «бунт» армян в Ване (20 апреля 1915 г.), был лишь случайным поводом к началу избиений и высылок (равносильных истреблению). Длилось это до декабря 1915 года. А с декабря 1915 г. началась насильственная исламизация уцелевших, тоже сопровождавшаяся неистовыми избиениями, и продолжалась до разгрома и капитуляции Турции, т. е. до конца октября 1918 года. Нехотя, сдержанно (ведь Турция была важной союзницей) германские консулы, миссионеры, военные и штатские доносили своему правительству о неслыханных и бесчисленных, планомерно совершаемых массовых убийствах, но ни Вильгельм, ни Бетман-Гольвег не считали нужным вступиться. Достаточно было одного *слова* германских властей, чтобы остановить обоих руководителей избиений — и Талаат-пашу и Энвер-пашу. Но сановники из посольства этого слова не сказали. Напротив, они вели себя

---

* Deutschland und Armenien. Sammlung diplomatischer Aktenstücke. Herausgegeben von Dr. J. Lepsius. Potsdam, 1919, c. 541.

так, что младотурки могли быть вполне уверены в сочувствии их образу действий со стороны германского правительства*

А все остальные державы, в том числе даже еще нейтральные в 1915—1916 гг. Соединенные Штаты, были совершенно бессильны как-нибудь подействовать на великого визиря и военного министра.

Американский посол Моргентау, слыша от самых правдивых, трезвых, беспристрастных свидетелей рассказы о неслыханных ужасах, творящихся в Армении, решился наконец отправиться к Талаат-паше. Тот категорически отказался говорить об армянах: «Разве они американцы?» — спросил он Моргентау. Отвечал он послу точь-в-точь так, как ответил репортеру «Berliner Tageblatt»: «Нас упрекают, что мы не делали различия между невинными и виновными армянами; это было абсолютно невозможно, ибо сегодняшние невинные, может быть, завтра будут виновными». Что армянский народ будет весь истреблен, Талаат-паша был вполне уверен, и не его вина, если все-таки несколько сот тысяч человек-армян случайно на свете уцелело. «Не стоит так спорить, — сказал как-то Талаат-паша американскому послу,—мы уже ликвидировали три четверти армян. Их уже нет ни в Битлисе, ни в Ване, ни в Эрзеруме». Талаат-паша так был в этом уверен, что цинично осмелился (самым серьезным и настойчивым образом) просить посла, чтобы тот повлиял на американские страховые общества, где многие армяне страховали свою жизнь: «Так как армяне *почти все* теперь уже *умерли,* не оставивши наследников, то, следовательно, их деньги приходится получить турецкому правительству, оно должно ими воспользоваться. Можете вы мне оказать эту услугу?»**

Германский посол в Константинополе Вангенгейм, к которому Моргентау обратился с просьбой удержать

---

* Что дело идет именно о планомерном истреблении всего армянского народа, это хорошо понимал весь дипломатический корпус. См.: Le traitement des Arméniens. Documents, présentés au vicomte Grey par le vicomte Bryce, Mélanges, № 31, с. 435, документ № 57; Cependant il semble que tout le projet avait été conçu par le pouvoir central pour exterminer par un effort impitoyable toute la nation arménienne.

** Mémoires de l'ambassadeur Morgentau. Paris, 1919, p. 292.

Талаата и Энвера и вступиться за истребляемых армян, в ответ стал осыпать армян грубейшей руганью и отказался наотрез что бы то ни было для них сделать. В германском посольстве советник Нейрат, возмущенный неистовыми злодеяниями Талаата и Энвера, пытался что-нибудь сделать, чтобы повлиять на них, но, конечно, при явном сочувствии самого посла Вангенгейма делу истребления армянского народа все эти поползновения второстепенного посольского чиновника были тщетны. Морской атташе германского посольства Гумман, любимец Вильгельма II, открыто заявлял, что турки совершенно правильно поступают с армянами (Гумман был личным протеже императора Вильгельма и состоял с ним в переписке). А Лиман фон Сандерс решительно высказал американскому послу (через его сына) свое неудовольствие по тому поводу, что он сообщает о турецких зверствах в Европу и Америку. Только Карл Либкнехт с негодованием клеймил убийц. Но он был бессилен.

К концу войны непоправимое злодеяние было, в сущности, завершено. Не вина младотурецкого правительства, если армян было уничтожено не 100%, а только 65%. Но плодов от этого предприятия турки не увидели. С армянами, а потом с переселением греков, исчезла даже и слабая надежда освободиться в сколько-нибудь близком будущем от тисков европейского финансового капитала и построить свое, турецкое денежное хозяйство; и с исчезновением армян не турецкий, а французский и отчасти английский капитал занял те позиции, которые остались после истребленных турецких граждан армяно-григорианского исповедания. Когда армянский студент Тейлирьян, посвятивший свою жизнь неустанным поискам бежавшего из Константинополя уже после разгрома Турции в 1918 г. Талаат-паши, нашел его наконец в Берлине спустя пять лет[76] и убил на улице и когда затем на берлинском суде развернулись все эти ужасы Апокалипсиса (по выражению одного свидетеля), то не только Тейлирьян был оправдан, но в германской прессе поднялись голоса, требовавшие выяснения степени моральной виновности Вангенгейма в истреблении армянского народа...[77].

Академик Е. В. Тарле. Европа в эпоху империализма, 1871—1919 гг., М.—Л., 1928, с. 387—393.

ПРИМЕЧАНИЯ*

1. Под понятием «Запад» авторы прошения подразумевают как западноевропейские страны, так и Россию. Этот документ, а также документы №№ 3, 5, 6 опубликованы проф. М. Г. Нерсисяном. См.: Ս. Գ. Վերխյան. *Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարը Բուրգասի բանագնացության դեմ 1850—1870 թթ.* Երևան, 1955, էջ. 420—421, 423—424, 463—465, 470—471, —2.

2. Приводимый документ, адресованный министру иностранных дел Турции Абедин-паше, впервые был использован бельгийским юристом-международником Гюставом Ролен-Жекменом в труде «Армения, армяне и трактаты», вышедшем в свет в 1889 году на французском языке, а затем, в 1891 году, изданном в Лондоне на английском языке. В русском переводе упомянутый труд был помещен в сборнике «Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году» (М. 1896). Анализируя совместные меморандумы великих держав и ответы на них султанского правительства, Ролен-Жекмен справедливо заключал, что «все ограничивалось, таким образом, одной лишь дипломатической комедией».— *5.*

3. «Комитет защиты прав отечества», как он назывался в действительности, состоял из армянских патриотов, проживающих в странах Европы: Болгарии, Румынии, Англии, Франции и др. Приведенный документ—циркулярное прошение к великим державам— был вручен российскому вице-консулу в Варне для передачи его министру иностранных дел. Аналогичные обращения были адресованы Комитетом также другим великим державам с целью привлечь их внимание к положению армян в Турции.— *15.*

4. В донесениях об участии некоторых курдских племен в избиении мирного армянского населения часто упускается из виду то обстоятельство, что именно султанское правительство организовывало, вдохновляло и подстрекало их. Султанскому правительству нередко удавалось привлечь на свою сторону реакционных шейхов курдских племен и использовать их в своей кровавой политике. Однако основная роль в ее осуществлении отводилась местным турецким властям и регулярным войскам.— *15.*

5. Приводимые письма американских граждан впервые были напечатаны на английском языке в книге американского миссионера Фридрика Дэвиса Грина «Армянский кризис и владычество турок», вышедшей в 1895 г. в Нью-Йорке и посвященной автором памяти жертв сасунской резни 1894 г. Эти письма-отчеты были на-

* Автор примечаний кандидат исторических наук Р. Г. Саакян.

писаны в шести разных городах Западной Армении американскими гражданами, долгие годы проживавшими там. Опасаясь преследования авторов писем со стороны турецких властей, Фр. Грин в своей книге не обнародовал ни названия городов, откуда отправлялись они, ни имена авторов. В предпосланном к книге Фр. Грина обращении, подписанном 19-ю представителями интеллигенции, общественными и государственными деятелями и духовными лицами, удостоверяется, что «помещаемые документы представляют независимые сообщения из местностей, в которых беглецы и отпущенные солдаты султана говорят о том, что они знают». «Мы вполне уверены в достоверности этих рассказов и считаем их заслуживающими всеобщего доверия»,—говорится в указанном обращении (см.: Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году. М., 1896, с. 227—228).— *36.*

6. После сасунской резни 1894 г. под давлением европейского общественного мнения в начале 1895 г. в Муше была создана следственная комиссия для расследования обстоятельств происшедших событий. Но это была не международная комиссия, как того требовала общественность, а турецкая следственная комиссия, образованная султанским правительством для того, чтобы под видом расследования оградить истинных виновников резни, вдохновляемых и действующих по указке и плану правительства. Правда, на заседаниях турецкой следственной комиссии присутствовали представители России, Великобритании и Франции, но их полномочия были строго ограничены, и они были лишены возможности серьезно воздействовать на ход расследования. Более того, перед следственной комиссией была поставлена задача переложить на армян всю ответственность за избиения. Турецкая официозная газета «Тарик» беззастенчиво подчеркивала, что «цель комиссии — раскрыть преступные акты, совершенные армянскими разбойниками...» (см.: Documents diplomatiques. Affaires arméniennes. Projets de réformes dans l'Empire Ottoman. 1893—1897. Paris, 1897, p. 17—18). Как писал Стивенсон в английском журнале «Contemporary Review» (февраль 1895 г.), «турецкие комиссии являются средством для затемнения истины и осложнения вопросов».— *56.*

7. Статья ирландского журналиста и ученого Эмиля Диллона «Положение дел в Турецкой Армении» впервые была напечатана в журнале «Contemporary Review» за август 1895 г. Затем она была опубликована на русском языке в сборнике «Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году», вызвав всеобщее внимание и сочувствие к положению армян в Турции. Эм. Диллон (1854—1933) несколько лет прожил в России, был магистром восточных языков в Петербургском университете, затем профессором кафедры сравнительной филологии Харьковского университета. В феврале—марте 1895 г. Диллон находился в Турции в качестве корреспондента лондонской газеты «Daily Telegraph». Скрывая цель своей поездки, он побывал в Западной Армении, чтобы на месте ознакомиться с обстоятельствами армянских погромов. Автор беседовал со многими очевидцами резни, даже с теми, кто осуществлял ее. Невзирая на противодействие со стороны султанского правительства и местных властей, пренебрегая опасностью, Диллон собрал огромное количество достоверных сведений, полностью подтверждающих виновность турецкого правительства в организации массовых погромов армянского населения.— *88.*

8. Здесь, как и в других документах, под «мусульманами» имеются в виду преимущественно турки.— *114.*

9. Документы из французской «Желтой книги» об избиениях армян в 1894—1896 гг. в русском переводе впервые опубликованы в сборнике «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам». В двух объемистых томах «Желтой книги» (см.: Documents diplomatiques. Affaires arméniennes. Projets de réformes dans l'Empire Ottoman. 1893—1897. Paris, 1897; Documents diplomatiques. Affaires arméniennes. (Supplément». 1895—1896. Paris, 1897) приводится большое количество документов о положении армян в Османской империи накануне кровавых событий и, главным образом, о массовой резне 1894—1896 гг. В многочисленных донесениях французских консулов, послов и других дипломатических работников дается обстоятельная картина резни в отдельных вилайетах, округах, городах и селах, населенных армянами, приводятся данные о количестве жертв, списки пострадавших семей и т. д.— *131.*

10. Имеется в виду изданная в Париже в 1896 г. книга «Les massacres d'Arménie. T moignages des victimes», в которой собраны письма армян, непосредственных очевидцев избиений.— *139.*

11. Помещаемый в данном сборнике отрывок взят из речи Жана Жореса, произнесенной 15 февраля 1903 г. в парижском театре «Chateau d'eau» на митинге, посвященном Армении и Македонии. Выдающийся деятель международного социалистического движения, основатель газеты «Юманите», народный трибун Жан Жорес (1859—1914) был озабочен судьбой подпавшего под иго турецкого деспотизма армянского народа. В своих публичных выступлениях и статьях Жорес неоднократно обращался к общественному мнению Европы с призывом выступить против дикого произвола и жестокостей, чинимых султанским правительством над мирным армянским населением Османской империи. Еще в 1896 г., в связи с массовой резней западных армян, он упрекал социалистов разных стран в том, что они, из-за отсутствия должной информации, не смогли высказать свое отношение. В статье, напечатанной в газете «Petite République» 17 мая 1896 г., он писал: «Второе правило для социалистов всех стран — добиваться наиболее гуманного обращения, максимума гарантий для побежденных народов или покоренных народов Азии, Америки и Африки. Идет ли речь об индейцах, покоренных Англией, арабах, покоренных Францией, или африканских народах, из-за которых дерутся и ссорятся все государства Европы, долг социалистов проявить инициативу в парламентах своих стран и добиться для этих народов человеческих условий существования или же, в случае неудачи, возвысить свой голос протеста...

Бывало не раз, что в подобных щекотливых и сложных вопросах, боясь сыграть на руку эгоистическим интересам или комбинациям, прикрывающимся маской гуманности, социалисты воздерживались от выступлений, способных принести пользу человечеству. Могу привести конкретный пример. В Армении произошла жестокая резня, о которой мы немало сожалели. Из Лондона прибыли армяне, чтобы просить французских социалистов организовать в Париже митинги в их защиту. Но мы, по совести говоря, не знали, что представляют собой армянские комитеты в Лондоне и, опасаясь, что за этими армянскими комитетами скрываются интриги английских тори и что мы рискуем осложнить положение

и вызвать конфликты, так и не решились выступить. Но если бы между всеми европейскими социалистами и социалистами Англии, высокая честность которых была для нас достаточной порукой, существовал бы постоянный и регулярный обмен мнениями и связь по всем вопросам, представляющим интерес для мира во всем мире или для человечества, то международное социалистическое движение, организовав мощное всенародное движение, могло бы послужить делу гуманности, не боясь оказаться игрушкой честолюбивых расчетов или национальных притязаний, скрытых под личиной филантропии. В настоящее время социалистическое сознание достигло достаточно высокого уровня, чтобы социалисты всех стран могли в результате взаимного обмена информацией узнать подлинную правду обо всем, что происходит на свете, и использовать эти сведения в интересах человечества и мира» (см. Жан Жорес. Против войны и колониальной политики. Составитель и автор комментариев Мадлен Ребериу. Перевод с французского. М., Изд. иностр. лит-ры, 1961, с. 115—116).— *168.*

12. **Андраник Озанян** (1865—1927)—выдающийся деятель армянского освободительного движения, народный герой, генерал-майор русской кавказской армии. Выходец из г. Шапин-Карахисар (Турция), Андраник с юношеских лет посвятил себя борьбе против султанского, а затем младотурецкого деспотического ига, за освобождение армянского народа. Перебравшись в начале 90-х годов в Западную Армению, в район Сасуна, Андраник, после гибели известных гайдукских руководителей Ахпюра Серопа и Геворка Чавуша, возглавил освободительную борьбу западноармянских крестьянских масс. После героического сопротивления небольшого отряда Андраника намного превосходящим регулярным войскам кровавого султана Абдул-Гамида у монастыря Аракелоц близ г. Муш (1901 г.) и освободительных битв 1904 г. Андраник вынужден был временно покинуть Сасун и перебраться в Болгарию, где отличился, участвуя во главе армянской добровольческой дружины в первой Балканской войне в качестве офицера болгарской армии. В 1915 году Андраник командовал первой армянской добровольческой дружиной, входящей в состав Кавказской армии. Отряд Андраника отличился в ряде сражений против турок, в частности при Дилмане. Андраник приветствовал свержение царизма, а после победы Великой Октябрьской социалистической революции он направил телеграмму Чрезвычайному Комиссару по делам Кавказа Ст. Шаумяну (14 июля 1918 г.), в которой сообщал, что предоставляет свой отряд в распоряжение Центрального Российского правительства и подчиняется ему. С. Шаумян приветствовал народного героя и призывал Андраника воспрепятствовать продвижению турецких войск на Баку. В мае 1919 года, осуждая политику западных империалистических держав по отношению к армянскому народу и не одобряя авантюристические действия правителей Армянской Республики, возглавляемой представителями партии дашнакцутюн, Андраник покинул Армению и переехал в США, в г. Фрезно, где и скончался 31 августа 1927 года. Находясь на чужбине, Андраник неоднократно высказывался с симпатией об обновляющейся Советской Армении, приветствовал ее успехи.

Подробно об Андранике см.: **Нерсисян М. Г.** Народный герой. Газ. «Коммунист», Ереван, 1965 г., 25 февраля; **Арутюнян А. О.** Кавказский фронт 1914—1917 гг. Ереван, 1971, с. 184—185, 299—

819; История армянского народа (с древнейших времен до наших дней). Ереван, 1980; Материалы о генерале Андранике (публикация М. Нерсисяна, А. Арутюняна, Д. Мурадяна.—«Историко-филологический журнал», 1981, № 4 (95), с. 242—248).— *172.*

13. 29 июня 1904 г. в Лондоне открылась международная конференция, посвященная положению на Ближнем Востоке и, главным образом, армянскому вопросу. К этому времени в некоторых областях Западной Армении, в частности в Муше—Сасуне, создалась очень напряженная обстановка: султанское правительство, вслед за избиениями 1894—1896 гг., решило окончательно очистить от армян Мушскую равнину и только за март—май месяцы 1904 г истребило более шести тысяч армян (см.: Report of the International Conference on the situation in the Near East, Held in London on 29-th June, 1904. London, 1904, p. 12—13). Конференция, в которой приняли участие политические и общественные деятели многих европейских стран, осудила кровавую политику султана Абдул-Гамида по отношению к западным армянам и призвала великие державы выступить в их защиту. Не будучи в состоянии принять участие в работе конференции, Жан Жорес послал письмо председателю организационного комитета Джеймсу Брайсу, которое и приводится полностью. Кроме Жореса, с письмами, выражающими сочувствие армянам, обратились к конференции и другие видные деятели, не приехавшие в Лондон, в том числе Анатоль Франс, Виктор Берар, Ф. Турати и др. В своем письме Анатоль Франс писал: «Глубоко сожалею, что не в состоянии присоединиться к вам на проармянском конгрессе. Вы собрались во имя человечества и мира. И не для того, чтобы высказывать пустые пожелания или бесполезное недовольство. То, что вы требуете,— законно и осуществимо...» (см. там же, с. 18).— *173.*

14. Имеются в виду члены партии дашнакцутюн.— *184.*

15. В военно-судные комиссии, образовавшиеся в начале мая 1909 г. якобы с целью расследования обстоятельств кровавых событий в Адане и наказания виновников, входили представители местных властей и младотурецкие офицеры македонской армии, переброшенной младотурками из Стамбула для «усмирения бунтовщиков» и восстановления порядка в Киликии. На деле же, как это видно из документов, младотурецкие войска приняли самое активное и непосредственное участие в избиениях мирного и безоружного армянского населения. И представители этих войск, заняв места в военных судах, совместно с высокопоставленными чиновниками-иттихадистами творили всяческие беззакония, подвергая строгому наказанию преимущественно невиновных армян и ограждая истинных виновников резни.— *191.*

16. Приведенные отрывки из книги С. З. о событиях в Адане и других городах Киликии были напечатаны в четырех номерах (197—200) газеты «Баку» за 1909 г. В том же году «Аданские черные дни» вышли в свет отдельной брошюрой.— *201.*

17 Автор книги А. Адоссидес — французский журналист, грек по национальности. Хорошо документированная работа А. Адоссидеса является результатом объективного и детального изучения автором огромного количества фактов, касающихся трагических событий в Киликии. Среди них — рапорты и донесения иностранных консулов в Турции, официальные отчеты католических миссий, записки и письма английских, немецких, американских и прочих миссионеров—непосредственных очевидцев резни в Адане,

Тарсе, Оемание и других городах Киликии, рассказы преподавателей иностранных школ и многие другие свидетельские показания, опубликованные в газетах «Frankfurter Zeitung», «Temps», «Le Journal de Genève» и др. за май—июль 1909 г. В книге А. Адоссидеса приводятся также многочисленные достоверные факты об избиениях армян в Алеппском вилайете — Антиохии, Кесабе, Бейлане и других городах и населенных пунктах вилайета. (См.: A. Adossidès. Arméniens et Jeunes-turcs. Les massacres de Cilicie. Paris, 1910, p. 83—93). Из других изданий, посвященных аданской трагедии, следует отметить книги французских авторов Жоржа Брезоля, Жана д'Аннезе и армянского епископа Аданы Мушега, двухтомную документированную работу Акопа Терзяна и др. О трагических событиях 1909 г. и, в частности, об ответственности младотурецких руководителей см. также: André Mandelstam. Le sort de l'Empire Ottoman. Lausanne-Paris, 1917, p. 203—206.— *204*.

18. Фактическая неточность. Младотурецкие войска заняли Стамбул 26 апреля 1909 г.— *210*.

19. Приводимая автором цифра — 20 тысяч жертв—отражает потери армян лишь в вилайете Аданы, между тем много убитых было и среди армян, проживающих в Антиохии, Бейлане, Александретте, Мараше и других городах и населенных пунктах, входящих в Алеппский вилайет. В действительности, в результате аданской трагедии, в апреле—начале мая 1909 г. погибло около 30 тысяч армян. Эта цифра приводится в работах многих авторов, в частности в книге Жоржа Брезоля. (См.: Georges Brézol. Les Turcs ont passé là... Recueil de documents, dossiers, rapports, requêtes, protestations, suppliques et enquêtes établissant la vérité sur les massacres d'Adana en 1909. Paris, 1911, p. 369). —*218*.

20. Аданские события вызвали широкий отклик, и оттоманский парламент вынужден был рассмотреть этот вопрос. Под давлением депутатов-армян (их всего было 10), в частности Зограба и Вардгеса, парламент поручил двум депутатам—армянину Акопу Папикяну и турку Юсуфу Кемалю произвести расследование на месте. 29 мая 1909 г. эти депутаты приехали в Адану: однако вскоре выяснилось, что Юсуф Кемаль не склонен беспристрастно расследовать дело и пытается переложить ответственность на армян. Поэтому Папикян и решил заняться вопросом самостоятельно. Спустя три недели он вернулся в Стамбул и ознакомил представителей армянской общественности со своими выводами. В отчете Папикяна разоблачалось преступное поведение местных властей, пристрастность военного суда и других органов. В первых числах августа ему предстояло выступить на заседании парламента, однако 1 августа Папикян внезапно скончался, и о его отчете перестали говорить. Что касается отчета Юсуфа Кемаля, то в нем большая часть ответственности взваливалась на армян, а для оправдания действий младотурок и фанатически настроенной толпы находились всякие смягчающие обстоятельства. Однако даже этот документ не стал достоянием гласности. Юсуф Кемаль был выведен из состава парламента и назначен инспектором турецких студентов, обучающихся в Париже (подробно см.: A. Adossidès. Les Arméniens et Jeunes-turcs..., p. 112—115; Georges Brézol. Les Turcs ont passé là..., p. 237—245 —*220*.

21. Этот документ, а также документы №№ 137, 138, 143, 151, 179, 199, 205 опубликованы проф. М. Г. Нерсисяном. См.: Ur. Ubr-

ոխյան. Նյութեր հայկական կոտորածների մասին. «Историко-филологический журнал», Ереван, 1965, № 1 (28), с. 85—100. См. также: **М. Нерсисян.** Геноцид западных армян в 1915 году (там же, № 2 (29), с. 55—60).—*230.*

22. Этот документ, а также док. №№ 115, 171 опубликованы на армянском языке. См.: **Ս. Ալեքսանյան, Վ. Խոյան, Ա. Սարգսյան.** *Մարդկությունը չպետք է ների (Փաստաթղթեր հայ ժողովրդի բնաջնջման թուրքական հրեշավոր պլանների և մեծ եղեռնի մասին).*— «Вестник архивов Армении», 1965, № 1 (10), с. 37—45, 67—69.— *238.*

23. **Максим Максимович Ковалевский** (1851—1916)—русский ученый, юрист, историк, социолог и политический деятель буржуазно-либерального направления. Широко известны этнографические труды проф. М. Ковалевского, в частности исследования о первобытной культуре горцев Кавказа. Долгие годы редактировал и издавал журнал «Вестник Европы», на страницах которого выступал со статьями о положении в Западной Армении. Статья М. Ковалевского «Армянский вопрос» является самостоятельным исследованием, содержащим интересные наблюдения и выводы относительно участи западных армян, о тяжелом положении армянского крестьянства при султанском и младотурецком режимах. Написанная в мае 1915 г. статья, естественно, не могла содержать сведений о начавшейся к тому времени массовой высылке и резне армян. М. Ковалевский до конца своих дней интересовался трагической судьбой армянского народа.— *251.*

24. Русский поэт и ученый-литературовед **Юрий Алексеевич Веселовский** (1872—1919) вместе с В. Я. Брюсовым, М. Горьким, Н. Я. Марром и другими видными представителями русской передовой интеллигенции того времени сыграл огромную положительную роль в деле ознакомления русской общественности с историей и культурой армянского народа, с его многовековой борьбой за свободу и независимость своей родины. Большой гуманист, верный друг армян, глубокий знаток и ценитель классической армянской литературы, Веселовский гневно осуждал султанских и младотурецких палачей за варварское уничтожение армянского народа, его материальных и духовных ценностей. Юрий Веселовский активно сотрудничал в «Армянском вестнике», издававшемся в Москве в 1916—1917 гг. Там были напечатаны его статьи «Страдающие дети», «Участь армян в изображении американского писателя», «Вардан Мамиконян в творчестве армянских поэтов» и т. д. (подробно об этом см.: **А. М. Давтян.** Поборник гуманизма и дружбы народов. Известия АН Арм. ССР, общественные науки, 1965, № 10, с. 37—46). В «Вестнике Европы», издававшемся в Петрограде, была напечатана большая статья Юрия Веселовского «Литературное творчество турецких армян» (см.: «Вестник Европы», 1916, март, с. 75—108). В эти годы отдельными книгами были изданы ценные работы Веселовского «Трагедия Турецкой Армении» (М., 1915) и «Дети обездоленного края» (М., 1916).— *255.*

25. Этот документ, а также документы №№ 126, 127, 129, 131 в несколько измененной форме опубликованы в книге «Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении. 26 ноября 1912 года—10 мая 1914 года». Петроград, 1915, с. 36, 38, 125, 133, 144.— *259.*

26. Предложение Сазонова было принято английским и французским правительствами. 13 мая 1915 г. русские газеты опубли-

новали совместное официальное сообщение следующего содержания: «В течение всего последнего месяца в Армении происходит резня армян курдами и турками, при явном попустительстве, а иногда и при прямом содействии оттоманских властей. В половине апреля н. ст. резня армян имела место в Эрзеруме, Дергане, Эгине, Битлисе, Муше, Сасуне, Зейтуне и во всей Киликии; поголовно вырезаны жители сотен деревень в окрестностях Вана; в самом Ване армянский квартал осаждался курдами. В то же время константинопольское турецкое правительство подвергает арестам и небывалым притеснениям мирное армянское население.

Ввиду этих новых преступлений, совершаемых Турцией против человечества и цивилизации, союзные правительства России, Франции и Англии сим публично объявляют Порте, что они возлагают личную ответственность за эти преступления на всех членов турецкого правительства, а также на тех его местных представителей, которые окажутся причастными к подобной резне». («Свет», № 124, 13 мая 1915 г.).— *280.*

27. Приведенный документ о депортации эрзрумских армян является отчетом одного из иностранных резидентов, который в то время пребывал в Западной Армении. Он был передан Джеймсу Брайсу Американским комитетом помощи армянам и сирийцам (American Committee for Armenian and Syrian Relief). Как и в других случаях, Брайс из осторожности не называет имени автора. В сборнике Брайса напечатано и продолжение отчета этого иностранного очевидца, повествующего о дальнейшей судьбе высланных из Эрзрума армян, в котором, в частности, сообщается, что из каравана в 18 тысяч человек лишь 150 женщин и детей достигло Алеппо. (См.: The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire 1915—16..., p. 265—267).— *295.*

28. Документ полностью опубликован в сборнике: «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств, 1878—1917 гг.», серия III, т. VII, часть 2. М.—Л., 1936, с. 455—458.— *302.*

29. Впервые был опубликован в органе немецких миссионеров «Allgemeine missions Zeitschrift» за ноябрь 1915 г. и в том же году—в I выпуске издаваемого Швейцарским комитетом помощи армянам сборника. (См.: Quelques documents sur le sort des Arméniens en 1915. Fascicule I, Genève, 1915). В английском издании сборника Брайса приведен неполный текст и по ошибке сказано, что обе сестры милосердия Красного Креста—датчанки. Во французском же издании, где «Заявление двух сестер милосердия» приведено полностью, правильно отмечено, что обе они немки по национальности. (См.: Le traitement des Arméniens dans l'Empire Ottoman..., p. 249—257). В публикуемом русском переводе документа опущены примечания редактора — Дж. Брайса.— *311.*

30. Документ был впервые опубликован в сборнике Брайса. Приводится с незначительными сокращениями.— *317.*

31. Этот приказ одного из членов младотурецкого триумвирата Джемаль-паши был издан после того, как в европейской прессе появились фотоснимки, изображающие турецкие зверства, бедственное положение караванов высланных армян. Этой же цели — замести следы преступлений — служил приказ министра внутренних дел Турции Талаат-паши от 29 декабря 1915 г.,

адресованный губернатору Алеппо, в котором говорилось: «Нам стало известно, что многие иностранные офицеры видели на дорогах трупы вышеупомянутых людей [армян] и фотографировали их. Необходимо, чтобы эти трупы сразу же были зарыты, а не выставлены напоказ». (См.: Саакян Р. Г. Документы младотурецкого комитета о геноциде западных армян в 1915—1916 гг. Известия АН Арм. ССР, общественные науки, 1965, № 3, с. 84).— *32*.

32. Путевые заметки непосредственного очевидца резни армян, немца по национальности, были написаны во время пребывания в Турции и посланы в Женеву в адрес Швейцарского комитета помощи армянам, который и издал их в III выпуске сборника «Quelques documents sur le sort des Arméniens en 1915».

Автору заметки по роду службы приходилось объезжать обширные районы Османской империи, бывать в Киликии, Сирии и других местах, где он оказывался свидетелем преступлений, совершаемых турецкими жандармами, офицерами и местными властями в отношении мирного армянского населения. В своем рассказе автор приводит показания и других очевидцев резни (судя по их высказываниям, турок и иностранцев), имена которых издатели не называют полностью, а указывают лишь инициалы, т. к. эти лица продолжали оставаться в Турции. Из соображений предосторожности не было обнародовано и имя автора «Путевых заметок», к тому времени умершего в Турции, но, по-видимому, имевшего там родственников. Этот документ полностью приведен в обоих изданиях сборника Брайса.— *324*.

33. Д-р Мартин Нипаге—немецкий учитель, в 1912—1916 гг. старший преподаватель немецкой реальной школы в г. Алеппо. Его обращение «Несколько слов к официальным представителям немецкого народа»—один из первых документов немецких очевидцев резни армян в Турции—вызвало многочисленные отклики в европейской прессе. Разоблачение преступлений младотурецких заправил и их германских покровителей наносило урон престижу Германии, и поэтому в некоторых немецких полуофициозных газетах были сделаны попытки подвергнуть сомнению само существование д-ра Нипаге. Обращение Мартина Нипаге впервые было опубликовано на французском языке в III выпуске сборника «Quelques documents sur le sort des Arméniens en 1915», затем во французском издании сборника Брайса, в разделе новых документов. В 1917 г. этот документ был напечатан в № 44—45 армянского журнала «Ararat», издававшегося в Лондоне на английском языке.

На немецком языке «Обращение» Нипаге вышло в свет отдельной брошюрой в 1919 г.— *328*.

34. Этот документ в основном совпадает с тем, который был опубликован в январе в русских газетах, а затем перепечатан в «Gazette de Lausanne» 13 февраля 1916 г. Документ этот был напечатан и в обоих изданиях сборника Брайса. Во французском издании документ снабжен объяснительным текстом, в котором говорится, что предводителю самообороны армян в Муше и Сасуне Рубену Тер-Минасяну, после подавления героического сопротивления армян, удалось перебраться на Кавказ и поехать затем в Петроград, чтобы сообщить русскому правительству о критическом положении в Западной Армении. На обратном пути, в армянской колонии Москвы он сделал сообщение, которое и было опубликовано в русских газетах. (См.: Le traitement des Arméniens dans l'Empire Ottoman..., Paris, 1916, p. 201—204). —*335*.

35. Арест лучших представителей армянской интеллигенции имел место не 28-го, а в ночь на 24 апреля 1915 г. В эту страшную ночь и последующие несколько дней в Константинополе и провинции было арестовано в общей сложности 800 человек—депутаты оттоманского парламента, преподаватели, врачи, писатели, публицисты, адвокаты, художники, музыканты и т. п. Среди арестованных были выдающийся писатель-новеллист, юрист и общественный деятель Григор Зограб (1860—1915), талантливейшие поэты Даниел Варужан (1884—1915), Сиаманто (Атом Ярджанян, 1878—1915), Рубен Сеаак (Чилинкирян, 1885—1915), известные писатели Тлкатинци (Ованес Арутюнян, 1860—1915), Тигран Чёйкурян (1884—1915), Смбат Бюрат (1862—1915), видный актер Еновк Шаэн (1881—1915) и многие другие. Их всех сослали группами в глубь Анатолии, большинство—в город Чанкыры (между Анкарой и Кастамону) и поселок Чорум (западнее г. Амасия). Там многие из них без какого-либо суда и следствия были зверски убиты. Другие погибли по пути в изгнание, после неимоверных унижений и истязаний. Варужана, например, заставили своими руками вырыть себе могилу. Зограбу камнем размозжили голову в местечке Шейтан-Дере (между Урфой и Диарбекиром). Великий армянский композитор Комитас (1869—1935) в результате душевных потрясений навсегда лишился рассудка. Варварски уничтожив армянскую интеллигенцию Турции, младотурецкое правительство значительно облегчило выполнение основной программы — тотального истребления всего армянского населения Османской империи.— *356*.

36. **Арнольд Джозеф Тойнби** (1889—1975) — крупнейший английский буржуазный историк, философ и специалист по международным вопросам. С 1925 года—профессор истории международных отношений в Лондонском университете. Автор многотомного издания «Study of History» и других трудов, в том числе нескольких книг о Турции. Книга «Armenian Atrocities», из которой приводятся отдельные высказывания и оценки автора, написана на основе многочисленных сообщений и свидетельств немецких миссионеров, швейцарских, американских и других граждан, равно как и писем и рассказов очевидцев резни, напечатанных в прессе нейтральных стран. Книга А. Тойнби в 1916 г. была издана на французском языке. Переведена также на армянский и немецкий языки.— *386*.

37. **Д-р Иоганнес Лепсиус** (1858—1926) — немецкий пастор. Был председателем «Немецко-армянского общества», организованного в Берлине в июне 1914 г с целью распространения германского влияния в Западной Армении. Долгие годы Лепсиус изучал и собирал факты о положении армян в Османской империи. В 1896 г. вышла в свет первая книга Лепсиуса «Армения и Европа» (переведенная на французский, английский и др. языки), в которой были собраны многочисленные документальные сведения о массовых избиениях западных армян в 1894—1896 гг. В 1915 г., после того, как в печать проникли слухи о массовых депортациях и резне армян, Лепсиус побывал в Турции, где благодаря своим связям ему удалось собрать множество документов, разоблачающих турецкую политику геноцида армян. На основе этих достоверных сведений Лепсиус в 1916 г. написал свой «Отчет о положении армянского народа в Турции» («Bericht über die Lage des Armenischen Volkes in der Türkei») и, издав его на правах рукописи, кон-

фиденциально разослал членам «Deutsche Orient Mission». Сразу же после окончания Первой мировой войны эта книга Лепсиуса вышла в свет вторым, уже массовым изданием, а также была переведена на французский и армянский языки. В 1919 г. д-р Лепсиус издал объемистый сборник документов «Deutschland und Armenien», в котором собраны донесения германских послов, консулов, и других дипломатических работников, аккредитованных в Турции, рапорты, обращения и письма немецких граждан и множество других документов, неопровержимо свидетельствующих о наличии заранее разработанной программы истребления западноармянского населения, разоблачающих варварские методы ее осуществления, а также косвенно раскрывающих попустительство и подстрекательство правящих кругов кайзеровской Германии.— *389*.

38. Неточность. Речь идет о двух немецких сестрах милосердия. См. примечание 29.— *396*.

39. Впервые брошюра Файез эль Хосейна была издана на французском языке в 1917 г. в Бомбее, куда автору удалось перебраться после долгих мытарств. В том же году она была переведена и издана на английском языке. В 1918 г. с некоторыми добавлениями брошюра вышла в свет на немецком языке в Цюрихе под заглавием: Scheik Faiz El-Ghassein, Advokat und Beduinenchef in Damaskus, Die Turkenherrschaft und Armeniens Schmerzensschrei. В 1922 г. было осуществлено ее второе издание на немецком языке в Потсдаме, под другим заглавием: Armenisches Märtfrertum von einem Muhammedaner. Uberzetzung aus dem Arabischen. В связи с 50-летием геноцида армян в Османской империи брошюра Файез эль Хосейна была переиздана в 1965 г. на французском языке в Бейруте под заглавием: Les massacres en Arménie Turque par Faiez el-Ghocein. Брошюра переведена также на армянский язык. Французский текст сопоставлен и сверен с немецким изданием 1922 г., откуда переведены и включены в русский текст отдельные небольшие отрывки, не содержащиеся во французском издании.— *408*.

40. **Мевлан-заде Рифат**—бывший деятель младотурецкой партии. В своей книге, носящей полумемуарный характер, автор раскрывает истинные причины организации депортации и массовых избиений армян. В книге описаны также возникновение кемалистского движения и другие события. Приведенные отрывки переведены с турецкого оригинала, сопоставлены и сверены с армянским переводом книги, изданной в 1938 г. в Бейруте.— *408*.

41. В книге, содержащей публикуемый отрывок, приведено множество фактов жестоких, бесчеловечных поступков ряда известных турецких врачей в период Первой мировой войны, показано, что большинство ответственных турецких деятелей, непосредственно виновных в организации и осуществлении массовой депортации и погромов армян,—дипломированные врачи, получившие образование в Высшей медицинской школе Стамбула или в европейских университетах. Среди этих людоедов—доктор Назым и доктор Бехаэтдин Шакир, руководители специальной организации, своеобразного министерства по делам резни («Тешкилати махсусе», см. док. 237), генерал-губернатор Диарбекирского вилайета Решид-паша, возглавивший резню более 100 тысяч христиан (армян, сирийцев, халдеев), губернатор Марзвана Фаик, гордо заявлявший о том, что он убил и повесил тысячи армян, и многие другие. В книге названы имена армянских врачей—хирургов, тера-

невтов, дантистов, фармацевтов и т. д. (всего 221 человек), которые были замучены и зверски умерщвлены младотурецкими палачами. (Подробно см.: Les persécutions contre les médecins arméniens. Pendant la guerre générale en Turquie. Constantinopole, 1919, p. 26—53).— *441.*

42. Помещаемая в настоящем сборнике в сокращенном виде речь Эмиля Думерга, декана факультета протестантской теологии в г. Монтобан, была произнесена им в Париже 16 января 1916 г., на вечере, посвященном Армении, а затем опубликована как предисловие к книге автора, вышедшей в 1917 году под заглавием «L'Arménie, les massacres et la question d'Orient». В этой книге автор приводит рассказы непосредственных очевидцев резни армян, людей разной национальности, обстоятельно излагает панисламистские и пантюркистские планы младотурецких заправил, дает меткую характеристику политической деятельности преступных вождей Иттихада — Талаата и Энвера и т. д.— *442.*

43. Выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства, пламенный трибун Сергей Миронович Киров (1886—1934) интересовался судьбой западных армян. Осуждая геноцид армянского народа в Османской империи, С. М. Киров вместе с тем обращал внимание русской передовой общественности на бедственное положение чудом уцелевших армян-беженцев, призывая оказывать им всестороннюю помощь. В статье «У беженцев», напечатанной в газете «Терек» от 25 февраля 1916 г., Киров писал: «...Если для кого война явилась настоящим бедствием, граничащим с ужасом, то это, несомненно, для тех людей, которым пришлось оставить родные гнезда и искать убежище в чужих местах, среди чужих людей.

По всему лицу земли русской разбрелись беженцы. Отцы потеряли своих детей, братья не знают, где находятся их сестры, разбиты целые семьи и потеряно все состояние.

Положение действительно ужасное...».— *443.*

44. На протяжении более чем двух десятилетий великий французский писатель-гуманист Анатоль Франс (1844—1924) последовательно и с присущей ему страстностью выступал в защиту угнетенных армян, в защиту жертв гамидовских и младотурецких погромщиков. Он являлся инициатором и вдохновителем многих общественных мероприятий, имеющих своей целью ознакомить широкую общественность с той обстановкой произвола, гонений и периодических избиений, которая постоянно царила в Западной Армении.

Еще в конце XIX века, во время массовой резни 1894—1896 гг., А. Франс поднял голос протеста против султанских палачей, заливших кровью исконную родину армян, — Западную Армению. Он организовал и лично принял участие в сборе пожертвований в пользу осиротевших армянских детей (об этом см. переписку А. Франса с А. Чопаняном. — Музей литературы и искусства Мин. культуры Арм. ССР, Архив Аршака Чопаняна, отдел иностранных писем, № 9684). Вместе с Жаном Жоресом и Франсисом де Пресансе А. Франс состоял в редакции и активно сотрудничал в журнале «Pro Arménia», выходившем в Париже в 1900—1914 гг. В 1903—1904 гг. в Париже, Лондоне, Риме, Милане, Женеве и других крупных центрах Европы комитетами «В защиту Армении и Македонии» организовывались митинги и конференции в защиту

армян и македонцев, особенно страдавших от кровавого султанского гнета. Одним из руководителей и активных участников этого движения был Анатоль Франс. В мае 1903 г. он дважды ездил в Италию, чтобы принять участие в подобного рода манифестациях. Первый митинг состоялся 26 апреля 1903 г. в Милане, два других — в Риме (7 и 24 мая 1903 г.) В своей речи на последнем митинге, состоявшемся 24 мая в зале театра «Adriano», Анатоль Франс сказал: «Султан Абдул-Гамид II — это чудовище, которое постоянно дрожит в своем жалком всемогуществе и, ужасаясь своих преступлений, успокаивает себя тем, что совершает новые преступления; с 1893 до 1896 г. он повесил и сжег живыми 300 тысяч армян и, начиная с этого времени, с мерзкой осторожностью занимается методическим уничтожением осиротевшего народа...» (Подробно см.: Anatole France. Trente ans de vie sociale. I. Introduction générale, 1897—1904. Paris, 1949, p. 137—138, 143—147). Анатоль Франс приветствовал также открывшуюся 23 января 1906 г. в Лондоне конференцию, посвященную армянскому вопросу. (Об этом см.: «Pro Arménia», premier mars, 1906, № 129, p. 865). Приводимая в настоящем сборнике речь А. Франса была произнесена им на вечере, посвященном Армении, который состоялся 9 апреля 1916 г. в Большом зале Сорбонны. (См.: «Hommage à l'Arménie». Compte—Rendu de la manifestation qui eut lieu le 9 avril 1916 dans le Grand Amphithéatre de la Sorbonne. Paris, 1919, p. V—VII, 1—5, 44—47).

Кроме А. Франса, на упомянутом вечере выступили председатель Палаты депутатов и председатель Общества дружбы Франции с зарубежными странами Поль Дешанель, министр просвещения академик Поль Пенлеве, аббат Ветерле и др. В адрес торжественного собрания были получены телеграммы от председателя «Английского комитета за Армению» Эньюрина Уильямса, лорда Брайса, от председателя Московского литературно-артистического кружка известного поэта Валерия Брюсова, от редактора издававшегося в Турине журнала «Armenia» профессора Коррадо Корадино, от известного швейцарского общественного деятеля Леопольда Фавра и др. В телеграмме В. Брюсова говорилось: «Литературно-артистический кружок Москвы выражает свою глубокую симпатию, свои самые сердечные чувства и искренние пожелания армянскому народу». («La Revue des amitiés franco-etrangères», № 4, mai-juin 1916, p. 9—11). —*445*

45. Выдающийся деятель международного социалистического движения, один из вождей немецкого рабочего класса **Карл Либкнехт** (1871—1919) неоднократно выступал с разоблачениями чудовищных зверств, совершаемых в отношении мирного армянского населения по указке младотурецких правителей с ведома и согласия германских империалистов. 11 января 1916 г. Либкнехт выступил в рейхстаге с интерпелляцией по этому вопросу, недвусмысленно намекая, что правительство кайзера также несет ответственность за массовое избиение армян. Запрос Либкнехта вызвал замешательство в германском парламенте. Социал-демократическая фракция созвала экстренное заседание для обсуждения этого вопроса, однако право-центристское руководство партии, стоявшее на позициях социал-шовинизма, враждебно отнеслось к мужественному выступлению Либкнехта и осудило его.— *445*.

46. **Джеймс Брайс** (1838—1922)—английский государственный деятель, юрист и историк, член Палаты лордов. Основал англо-армянское общество, в 1876 г. посетил Кавказ и Армению, обобщив

свои наблюдения в книге «Transcaucasia and Ararat», вышедшей в Лондоне в 1877 г. Изданная им в 1916 году в Лондоне объемистая книга «Отношение к армянам в Османской империи» (The Treatment of Arménians in the Ottoman Empire 1915—16. Ducuments presented to Viscount Grey of Falloden Secretary of State for Foreign Affairs by Viscount Bryce. With the preface by Viscount Bryce. London, 1916 p. 626) является ценнейшим сборником, содержащим многочисленные документы о депортации и массовой резне армян в Турции в 1915—1916 гг. Сборник Брайса, названный армянской «Синей книгой», содержит 158 документов. Это рассказы, а также письма и обращения к своим правительствам непосредственных очевидцев резни: миссионеров, врачей, профессоров, санитарок, государственных служащих и прочих представителей нейтральных стран—Швейцарии, Дании, Соединенных Штатов Америки (вступивших в мировую войну в 1917 г.) и др. В сборник Брайса включены также разоблачительные показания и свидетельства представителей кайзеровской Германии—союзницы и покровительницы Турции в деле осуществления варварского плана уничтожения западных армян и много других материалов. Путем сопоставления и сверки Брайсу удалось установить абсолютную достоверность тех фактов, которые были помещены в сборнике. Книге предпослано обширное предисловие Дж. Брайса, в котором автор дает краткий очерк истории Армении с древнейших времен до 1915 г. и детально излагает историю депортации и массовых избиений западных армян. В том же 1916 г. сборник Брайса был издан в Париже на французском языке, дополненный тремя новыми документами, не приведенными в английском издании. В сокращенном виде издан также на армянском языке.— *446*.

47. **Герберт Адамс Гиббонс** (1880—1934) — американский публицист и историк, доктор философии, автор известной работы «Основание Оттоманской империи». В разное время, в частности в 1908—1913 гг., находился в Турции в качестве корреспондента американской газеты «New York Herald» и нескольких европейских газет, а также преподавал в американском колледже в г. Тарсоне. В годы своего пребывания в Турции д-р Гиббонс неоднократно являлся очевидцем армянских погромов, организованных султанскими и младотурецкими властями. «Человечество не может оставаться глухим к крикам о помощи несчастных жертв...,—пишет он в предисловии своей брошюры. — Считаю своим нравственным долгом обратить общее внимание на «самую черную страницу новейшей истории», осветив факты и выяснив, на кого падает ответственность за нее». Книга Гиббонса основана на подлинных документах и достоверных фактах. Источниками для нее послужили, в частности, доклад Американского комитета помощи армянам и сирийцам, содержащий 35 свидетельских показаний, письма германских миссионеров в редакцию журнала «Sonnenaufgang», свидетельские показания, опубликованные в виде телеграмм в газетах «Temps», «Courrier du Centre», «Tribune de Genève», «Journal de Genève», «Gazette de Lauzanne», «Evening Post», «Manchester Gardian», «Frankfurter Zeitung», «Paris—Midi» и др. за август—октябрь 1915 г. Перевод брошюры Гиббонса на русский язык в 1916 г. был осуществлен с английского издания: Herbert Adams Gibbons. The blaskest page of modern history. Events in Armenia in 1915. The facts and the responsabilities. New York and London, 1916. Брошюра Г. А. Гиббонса издавалась также на французском и армянском языках.— *453*.

48. **Рене Пинон**—французский историк и публицист, автор обширных исследований по истории Турции: L'Europe et l'Empire Ottoman. Paris, 1908; L'Europe et la Jeune-Turquie, Paris, 1911 и др. Перевод отдельных отрывков из книги Пинона осуществлен по шестому изданию: René Pinon. La suppression des Arméniens. Méthode allemande—travail turc. Sixième édition. Paris, Librairie Académique Perrain et Cie, 1916. Эта книга Пинона в 1919 г. была переведена на армянский язык и издана в Стамбуле.—*455*.

49. Выдающийся русский поэт и ученый **Валерий Яковлевич Брюсов** (1873—1924) много сил и времени отдал глубокому изучению и пропаганде многовековой истории и культуры армянского народа. «Чем глубже я вникал в изучение Армении, чем яснее вырисовывались предо мной очертание ее исторических судеб и образы ее великих людей..., тем все настойчивее вставал предо мной укор в том, что раньше я мог так равнодушно проходить мимо этого мира», — писал В. Брюсов в предисловии подготовленного им сборника «Поэзия Армении». (См.: Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней. Под редакцией, со вступительным очерком и примечаниями **Валерия Брюсова**. М., 1916, с. 6). В 1916 году В. Брюсов посетил Армению, побывал в Ереване, Эчмиадзине, где стал свидетелем трагедии армян-беженцев, встречался и беседовал с непосредственными очевидцами резни. Свой протест против зверств, совершенных над армянами в Турции, В. Брюсов выразил в уже готовом к тому времени к печати интереснейшем и оригинальном труде — «Летопись исторических судеб армянского народа» (М., 1918), вышедшем вторым изданием в Ереване в 1940 г. с предисловием М. Г. Нерсисяна. В Советской Армении имя Валерия Брюсова окружено глубоким уважением и любовью. Армянский народ хранит память о Брюсове как одном из своих самых верных и бескорыстных друзей.— *455*

50. Автор имеет в виду массовое истребление армян в ущелье Камаха (юго-западнее г. Ерзнка) в июне 1915 г В конце мая—начале июня сюда было согнано 20—25 тысяч армян, преимущественно женщин и детей, высланных из Ерзнка. За несколько дней — с 10 по 14 июня 1915 г.— все они были варварски уничтожены. Это была зверская расправа над беззащитными женщинами, детьми и стариками, страшная, безжалостная бойня. Немногие армяне, избежавшие резни, рассказывали, что детей с камахского моста бросали в пропасть. В отличие от других мест, где избиение высланных армян осуществлялось сопровождавшими их жандармами и вооруженными бандами, здесь преступление совершили солдаты 86-й турецкой конной бригады. Об этом сообщал в своем донесении немецкий консул в Эрзруме Рихтер, отмечавший также, что находившееся там командование турецкого 3-го корпуса не только было в курсе дела, но и само дало разрешение регулярным войскам принять участие в уничтожении армянского населения Ерзнка (Deutschland und Armenien 1914—1918. Potsdam, 1919, S. XXIV См.: **Саркисян Е. К.** Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы Первой мировой войны. Ереван, 1962, с. 294).— *460*.

51. Рассказ Тиграна Андреасяна, пастора армян-протестантов Зейтуна, был напечатан в 1915 г. в ноябрьском номере журнала «Ararat». Затем он был помещен в обоих изданиях сборника Врайса, а также издан отдельной брошюрой на французском языке.

Более подробное описание героической самообороны армян на горе Муса дается в армянских изданиях воспоминаний Тиграна Андреасяна, вышедших в свет в 1915 и 1935 гг. О последних днях этой героической эпопеи пишет французский историк Поль дю Вей в своей книге «Христиане в опасности на горе Муса». (См.: Paul du Véou, Chrétiens en péril au Moussa Dagh. Paris, 1939, p. 49—55). Мужественному сопротивлению армян посвятил свой замечательный роман «Сорок дней горы Муса» австрийский писатель Франц Верфель (1890—1945), чья книга была признана лучшей среди изданий по прозе 1934 г. и удостоена международной литературной премии. Сразу же после выхода в свет роман Верфеля был переведен на английский, французский, итальянский и другие языки. На армянском, польском, английском, немецком, венгерском и чешском языках роман выдержал несколько изданий. Всего переведен на 26 языков.— *464*.

52. После окончания Первой мировой войны, когда в результате краха Османской империи народы арабских стран избавились от векового турецкого ига, почти все армяне, жители Суэдии, вернулись на свои родные пепелища. Однако позже им пришлось во второй раз покинуть свои очаги: в результате сделки французского правительства с турецкими правящими кругами Александреттский санджак в 1939 году отошел к Турции, и армяне снова были вынуждены эмигрировать. В 1947 году славные защитники горы Муса, в том числе один из руководителей обороны Есаи Ягубян (умер в Ереване в 1957 г.), репатриировались в Советскую Армению. В настоящее время в живых осталось около 50 человек—непосредственных участников героической обороны. Проживают они в Ереване, в Вединском и Эчмиадзинском районах Армянской ССР.— *467*.

53. О героической самообороне армян Вана, Шапин-Карахисара, Сасуна и Урфы см.: Оборона Вана. М., 1917; Как они разгромили наш Сасун, М., 1917; La défense héroïque de Van (Arménie), Genève, 1916; The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire..., London, 1916; *Հ. Տեր-Հարությունյան. Շապին-Գարահիսարի ապստամբությունը, Բիֆլիս, 1917. Դիւցազնական Հայրդին Մկրտիչ Տէրհեդեդյան, Պոլիս, 1937. Հուշամատյան մեծ եղեռնի. Հրատ. «Զարթոնքի» խմբագրության, Բեյրութ, 1965* и т. д. —*467*.

54. **Анри Барби** — французский журналист. В качестве корреспондента парижской газеты «Le Journal» в 1916—1917 гг. был на азиатском театре военных действий, в Западной Армении и Месопотамии, где ему довелось стать очевидцем тех трагических событий, о которых он пишет в своих корреспонденциях. Книга Анри Барби вышла в свет в Париже в 1917 году под заглавием. Henry Barby. Au pays de l'épouvente. L'Arménie martyre. С этого издания и была переведена на русский язык в 1919 г. и на армянский — в 1920 году.— *471*.

55. **Наим-бей** — турецкий чиновник, в 1915—1917 гг. был секретарем Комитета по делам депортации армян в городе Алеппо. Именно этому Комитету была поручена организация отправки в пустыню Дер-Зора армян, высланных в Алеппо со всех концов империи. Находясь на этой должности, Наим-бей стал очевидцем преступлений, совершаемых против беззащитных людей. За годы службы через его руки прошло большое количество секретных документов — шифрованных телеграмм министра внутренних дел Турции Талаат-паши, касающихся организации высылок и резни армян, приказов и инструкций турецким должностным лицам и т. д. Во

время вступления английских войск в Алеппо в октябре 1918 года все турецкие должностные лица, виновные в истреблении армян, покинули город. Как признает Наим-бей, «уход турок из города очень напоминал бегство преступников». (The Memoirs of Naim Bey, London, 1920, p. XI).

Наим-бей остался в Алеппо, где его отыскал армянский публицист и художник Арам Антонян, случайно уцелевший по пути в изгнание. После долгих колебаний Наим-бей согласился передать Араму Антоняну секретные документы вместе со своими воспоминаниями, которые были опубликованы на английском языке в Лондоне в 1920 г. В том же году эти документы и воспоминания Наим-бея вышли в свет в Париже на французском языке с комментариями Арама Антоняна в книге: Aram Andonian. Documents officiels concernant les massacres arméniens. Эта книга дважды издавалась на армянском языке. «Мемуары Наим-бея» на английском языке выдержали три издания. В 1964 г. они вышли вторым изданием в г. Ньютаун-Скуэр (Пенсильвания, США); в конце книги помещено 18 фотоснимков, изображающих сцены зверской расправы с западными армянами. Снимки сделаны преимущественно немецкими и австрийскими офицерами, непосредственными очевидцами резни. В последнем, третьем издании, вышедшем в 1965 г. в связи с 50-летием геноцида армян в Османской империи, дается 8 новых фотоснимков, а также полный текст изданной в 1948 г. в Нью-Йорке брошюры Дж. Гутмана «The beginnings of genocide. A brief account of the armenian massacres in World War I». Печатающиеся в настоящем сборнике в сокращенном виде «Мемуары Наим-бея» сопоставлены и сверены с французским и армянским текстами, при этом устранены неточности и искажения, имеющиеся в английских изданиях.— *471.*

56. Во всех секретных документах, касающихся депортации и резни, выражение «известный народ» употреблялось только применительно к армянам.— *472.*

57. В английских изданиях «Мемуаров Наим-бея» этот документ ошибочно датирован 9 марта 1915 г. вместо 9 сентября 1915 г. (См.: Aram Andonian. Documents officiels concernant les massacres arméniens. Paris, 1920, p. 34). —*476.*

58. Коппель был швейцарским инженером. В упомянутые годы он приложил много усилий для спасения высланных армян, работающих на линии Багдадской железной дороги.— *482.*

59. Осуществлению этого декрета помешала захватническая политика младотурецких заправил. Как отмечено в изданных Министерством иностранных дел СССР «Документах внешней политики СССР», «в феврале 1918 г. турки, использовав в качестве предлога ими самими же спровоцированный конфликт между армянскими отрядами и мусульманским населением, ввели свои войска на территорию «Турецкой Армении» и лишили армянское население возможности осуществить свое право на свободное самоопределение, предусмотренное декретом СНК». (Документы внешней политики СССР. Госполитиздат, М., 1957, т. I, с. 712).— *492.*

60. **Мандельштам Андрей Николаевич** (1869—1939)—русский дипломат, юрист и историк, был профессором международного права в Петроградском университете. Шестнадцать лет — с 1898 до 1914 г. — Мандельштам находился в Турции в качестве первого драгомана русского посольства в Константинополе. Фундаменталь-

ный труд Мандельштама «Судьба Оттоманской империи» написан на основе добросовестного изучения огромного количества фактов, официальных документов, турецких источников, а также собственных наблюдений автора.

Приведенные отрывки из книги А. Мандельштама являются лишь небольшой частью раздела, посвященной массовой резне армян в Турции в 1915—1916 гг., в котором приводится множество свидетельских показаний и достоверных фактов, до конца изобличающих виновников чудовищных преступлений, — младотурецких правителей, а также показывающих бесславную роль империалистической Германии в осуществлении геноцида западных армян. (Подробно см.: André Mandelstam. Le sort de l'Empire Ottoman. Lausanne—Paris, 1917, p. 187—331). Первая часть упомянутой книги, посвященная политике младотурок до и в годы войны и массовым избиениям армян, была переведена на армянский язык и издана отдельной книгой в Стамбуле в 1919 г. под заглавием: Անդրէ Մանդելստամ. *Օսմանեան կայսրութեան ճակատագիրը և հայկական հարցը, Ա մաս, Կ. Պոլիս, 1919, թարգմ. Նեմլը Արմեն.* Политике империалистических держав в армянском вопросе посвящено другое капитальное исследование А. Мандельштама — La Société des Nations et les Puissances devant le problème arménien. Paris, 1926. На русском языке издана его книга «Младотурецкая держава (М., 1915).— *507.*

61. **Гордлевский Владимир Александрович** (1876—1956)—выдающийся советский ученый-востоковед, крупный специалист по турецкому языку, литературе, фольклору и по средневековой истории Малой Азии. С 1946 года — действительный член Академии наук СССР. Статья В. А. Гордлевского «Армяне и война» была написана им в 1917 г., в период пребывания в Западной Армении, освобожденной русскими войсками. Впервые вышла в свет в сборнике статей и очерков под названием «Силуэты Турции», затем была включена в третий том Избранных сочинений В. А. Гордлевского, вышедший в Москве в 1962 г.— *509.*

62. «Докладная записка о Турецкой Армении» была представлена в Совет Народных Комиссаров РСФСР в ноябре 1917 года, о чем говорится в редакционном примечании еженедельной газеты «Жизнь национальностей», впервые опубликовавшей «Записку» В. Теряна. Талантливейший армянский поэт и видный государственный деятель **Ваан Терян** (1885—1920) принимал активное участие в работе Комиссариата по армянским делам при Народном Комиссариате по делам национальностей, был членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета. Вместе с «Запиской» Терян представил в СНК также проект «Декрета об Армении», отдельные положения которого были отражены в «Декрете о Турецкой Армении» (см. док. № 226).— *511.*

63. В начале 1918 года турецкие войска вторглись в Закавказье и захватили Карс и Александрополь. 21 мая 1918 года турецкие подразделения, направлявшиеся в Ереван, заняли село Сардарапат, однако в последующие дни, с 22 по 26 мая, армянские войсковые части вместе с народными ополченцами разгромили турецкую армию и заставили ее отступить к Александрополю. Героическое сражение при Сардарапате, носившее подлинно народный характер, предотвратило захват турецкими интервентами г. Еревана и всей Восточной Армении.— *614.*

64. В приведенных в настоящем сборнике данных о численности потерь, понесенных западными армянами в 1914—1918 гг. в результате политики геноцида, имеется значительное расхождение: указаны цифры 600 тысяч человек, 800 тысяч, миллион и т. д. Д-р Лепсиус, основываясь на официальных данных германских консулов и посольства в Турции, приходит к выводу, что в 1915 году было депортировано и вырезано 1 396 350 армян. Следует иметь в виду, однако, что большинство авторов, считающих, что погибло около одного миллиона армян, исходит из того, что на всей территории Османской империи до войны проживало 1 800 000 армян. Между тем эта цифра является явно преуменьшенной. Многие исследователи считают, что к 1914 году в Турции проживало 2,3—2,5 млн. армян. (См.: Советская историческая энциклопедия, т. 1, М., 1961, с. 748; Maurice Pernot. La question turque, Paris, 1923, p. 207; Jacques de Morgan. Histoire du peuple arménien. Paris, 1919, p. 297, и т. п.). Согласно данным армянского патриаршества в Стамбуле, до Первой мировой войны численность армян в Турции достигала 2660 тысяч, из них 1630 тысяч проживало в Западной Армении. (См.: Population arménienne de la Turquie avant la guerre. Statistiques établies par le Patriarcat arménien à Constantinople. Paris, 1920, p. 9). Таким образом, если учесть, что число западных армян до войны составляло приблизительно 2,5 млн. человек, можно считать достоверным, что в период Первой мировой войны погибло 1,5 млн. армян (в том числе 200 тысяч женщин и детей, вынужденных принять ислам), т. к. по данным Брайса, Лепсиуса, Мандельштама и других авторов в живых осталось не более 800 тысяч армян.— *554*.

65. **Генри Моргентау** (1856—1946)—американский дипломат, в 1913—1916 гг. посол США в Турции.

Когда из многочисленных донесений американских консулов стало совершенно очевидным, что истинной целью депортации является поголовное истребление западных армян, Моргентау встретился с Талаатом и Энвером, тщетно взывая к их гуманности. В мемуарах Моргентау изложены его беседы с Талаат-пашой и другими младотурецкими лидерами. Главы, посвященные депортации армян и бесчеловечному уничтожению их в пустынях Месопотамии, написаны на основе донесений американского консула в Алеппо. «Воспоминания посла Моргентау» изданы также на французском и армянском языках. В 1918 г. в Париже была напечатана на французском языке другая его книга—«Самые страшные происшествия в истории», вкратце излагающая историю геноцида армян в Турции.— *554*.

66. **Жак де Морган** (1857—1924)—видный французский археолог и историк, первый исследователь каменного века Египта. Известен также своими раскопками древних Суз в Месопотамии и исследованиями по Урарту. Морган является автором широкоизвестного труда по истории армянского народа (Histoire du peuple arménien depuis les temps les plus reculés de ses annales jusqu'à nos jours. Préface par G. Schlumberger. Paris, 1919), переведенного на несколько языков. Приведенные высказывания Моргана являются выдержками из его статей, опубликованных в 1916—1917 гг. в «L'Eclaire de Montpellier» и «La Revue de Paris». Эти и другие статьи вошли в книгу под названием «Против варваров Востока», вышедшую в свет на французском языке в 1918 г. в Париже. О турецкой политике преследования армян и других христианских

народов в Османской империи говорится и в труде Моргана «Очерк о национальностях». (См.: J. de Morgan. Essai sur les nationalités. Paris— Nancy, 1917).—*556.*

67. Еще до окончания Первой мировой войны, когда стало ясно, что младотурецкая партия потерпела политический крах, ее главари—Талаат, Энвер и др. вынуждены были оставить свои посты. 7 октября 1918 г. кабинет Талаат-паши подал в отставку, а сразу же после подписания новым турецким правительством Мудросского перемирия с державами Антанты (30 октября 1918 г.) все младотурецкие лидеры позорно бежали. Главные виновники военной катастрофы Турции и организации армянских избиений Талаат и Энвер, под чужими именами, жили в Берлине. В феврале 1919 г. под давлением общественности ряда стран, требующей наказания виновников резни армян, в Стамбуле был начат судебный процесс над бывшими деятелями младотурецкого комитета и правительства. Их судил военный трибунал, состоящий из 5 человек—турок по национальности: генерала Мустафы Назым-паши (председатель), трех других генералов и одного майора. Из пяти пунктов обвинения первый касался депортации и массовой резни армян. Суд длился около полугода. После долгого судебного разбирательства военный трибунал г. Стамбула 6 июля 1919 г. вынес решение: за вовлечение Турции в мировую войну и организацию массовой депортации и резни армян заочно приговорить к смертной казни главных преступников — великого визиря и министра внутренних дел Талаата, военного министра Энвера, морского министра Джемаля, министра просвещения и генерального секретаря младотурецкой партии доктора Назыма. (См.: Der Prozess Talaat Pascha. Stenographischer Bericht mit einem Vorwort von Armin T. Wegner und einem Anhang. Berlin, 1921, S. 91—92). —*557.*

68. После поражения Турции в Первой мировой войне и краха младотурецкой партии «Иттихад ве теракки» ее лидеры и ряд членов руководства нелегально покинули страну, захватив с собой партийную кассу и государственные ценности. Султанское правительство вынуждено было создать в г. Константинополе и ряде провинций военные трибуналы для расследования преступлений, совершенных младотурецкой верхушкой. Материалы этих процессов были опубликованы в приложениях выходящей в Стамбуле официальной газеты «Таквими вакаи» за 1919—1920 гг. Копии этих приложений хранятся в Центральном государственном историческом архиве Армянской ССР (ф. 450, оп. 2, д. 52, л. 1—254), а также в Библиотеке Конгресса США в Вашингтоне. В настоящем сборнике помещены приговоры, вынесенные на двух из этих судебных процессов, проходивших в г. Трапезунде и Харберде в течение мая 1919 — января 1920 гг.— *568.*

69. **Армин Т. Вегнер** (1886—1978)—немецкий прогрессивный писатель и публицист. В 1915—1916 гг. находился в Месопотамии в качестве офицера санитарной службы в армии генерала фон дер Гольца. Одновременно был военным корреспондентом нескольких немецких газет. В период своего пребывания в Турции Вегнер стал непосредственным очевидцем злодеяний младотурецких палачей. Многие из этих ужасающих картин засняты им на 2-х тысячах фотоснимков, большая часть которых была утеряна в годы, когда писатель подвергался репрессиям за свои антигитлеровские выступления. В отличие от многих немецких военнослужащих, безразлично взиравших на чудовищные избиения и страдания армян, Вегнер

делал тщетные попытки обратить внимание общественного мнения Германии на эти зверства. В 1919 г. Армин Вегнер выступал с публичными лекциями в больших городах Германии, рассказывая о страданиях высланных в пустыню людей, демонстрируя диапозитивы. И в последующие годы писатель-гуманист посвятил себя борьбе за справедливость. Он написал ряд исторических и художественных очерков, посвященных трагической участи западных армян в годы Первой мировой войны: «Дорога без возврата» («Der Weg ohne Heimkehr») «Армениада» («Armeniaca»), рассказ «Армянской матери» («Einem armenien Mutter») и др. После прихода к власти Гитлера Вегнер развил антифашистскую деятельность, выступил против геноцида евреев, за что эсэсовцами был заключен в тюрьму и подвергнут пыткам. «Меня арестовали в тот момент,— пишет он, — когда я только что завершил ту часть моего романа об армянах, где описывались страдания, перенесенные армянином в турецкой тюрьме. Вскоре все это я испытал на себе». (См. газ. «Ծաիքի» (Бейрут) от 24 апреля 1965 г.). Только чудом удалось А. Вегнеру спастись от гибели и бежать в Англию. Приведенный в данном сборнике отрывок взят из «Открытого письма президенту США Вудро Вильсону», вышедшего в виде брошюры в Берлине на немецком языке в 1919 г. На английском языке «Открытое письмо» Армина Вегнера было напечатано в 1920 г. в приложении к «Мемуарам Наим-бея». (См.: The Memoirs of Naim Bey. Appendix, London, 1920, p. 72—84). А. Вегнер посетил Армению в 1927 и 1967 гг.— *577.*

70. Проф. д-р **Йозеф Маркварт** (1864—1930) — выдающийся немецкий ученый-востоковед, большой друг армян. Неоднократно выступал в защиту армянского народа, обвиняя младотурецких главарей в уничтожении армянского населения Османской империи. Одновременно Маркварт резко осуждал германское правительство за их поддержку. (Подробно об этом см.: Ռ. Գ. Սահակյան, *Մարկվարտը արևմտահայերի զենոցիդի մասին*. Вестник общественных наук, Ереван, 1966, № 7, с. 111—120). Приведенные высказывания Маркварта взяты из заключительной части его книги, опубликованной в 1919 г. в Берлине. Вскоре после выхода на немецком языке эта часть целиком была переведена на французский язык и издана в Париже отдельной брошюрой под заглавием: Prof. D-r J. Marquart. L'origine et la reconstitution de la nation arménienne. Traduction Marie K. J. Basmadjian. Paris, 1919 Издана также на армянском языке. Подробно о роли кайзеровской Германии в осуществлении турецким правительством политики геноцида армян см.: **Ст. Степанян.** Армения в политике империалистической Германии (конец XIX—начало XX века). Ереван, Айастан, 1975), а также работы зарубежных авторов: бывшего корреспондента газеты «Кельнише цайтунг» в Константинополе Гарри Штюрмера: **Dr. Harry Stuermer.** Deux ans de guerre à Constantinople, Paris, 1917; канадского профессора Ульриха Трумпенера: **Ulrich Trumpener.** Germany and the Ottoman Empire 1914—1918. Princeton, New Jersey, 1968, p. 200—270; (рецензию Р. Г Саакяна на эту книгу см.: «Вестник общественных наук» АН Армянской ССР, 1969, № 12, с. 91—94), ливанского юриста Мусса Пренса и др. Последний в своем оригинальном труде, озаглавленном «Неосужденный геноцид-арменоцид», детально изучив вопрос об ответственности правительств разных стран, приходит к заключению, что за главными виновниками — младоту-

рецким правительством и Комитетом «Единение и прогресс» вдут кайзеровская Германия и Австро-Венгрия.— *679.*

71. 2—3 июня 1921 г. в Берлинском окружном суде состоялся судебный процесс над убийцей Талаат-паши армянским студентом Согомоном Тейлиряном. Суд, в частности, признал справедливым смертный приговор, вынесенный Талаат-паше Стамбульским военным судом. Приговор, вынесенный в отношении Тейлиряна был столь же справедливым: Берлинский окружной суд в составе председателя д-ра Лемберга, судей—советника Бате и д-ра Локса и присяжных полностью оправдал его. (См.: Der Prozess Talaat Pascha..., Berlin, 1921, S. 127). Справедливая кара настигла и других преступников — Бехаэтдина Шакира, Джемаля-пашу, Саида Халим-пашу, Джемаля Азми и др. Все они были убиты народными мстителями.— *680.*

72. Великий пролетарский писатель Максим Горький в значительной степени способствовал ознакомлению русской передовой общественности с историей и литературой армянского народа. По его инициативе и при непосредственном участии в 1916 г. в Москве вышла в свет «Антология армянской литературы», подготовленная Ваном Теряном и Погосом Макинцяном. Приводимые в настоящем сборнике высказывания М. Горького взяты из серии очерков «По Союзу Советов», опубликованных в редактировавшемся М. Горьким журнале «Наши достижения». Эти очерки полностью вошли в 17-й том. Собрания сочинений М. Горького.— *681.*

73. **Фритьоф Нансен** (1861—1930) — великий норвежский ученый и общественный деятель, истинный друг армянского народа. Нансен много сил отдал для оказания помощи жертвам империалистической войны. Он вел огромную работу, чтобы спасти от голодной смерти чудом уцелевших западных армян. После окончания Первой мировой войны Нансен был верховным комиссаром Лиги наций по делам военнопленных. Он с глубокой симпатией относился к Советскому Союзу, был одним из организаторов помощи голодающим Поволжья (в 1921 г.). Особенно активную деятельность развернул Нансен для оказания помощи голодающим армянским беженцам. По инициативе Нансена в 1922 году Лигой наций были введены т. н. «нансеновские паспорта» для беженцев, не имеющих законных документов. В 1922 году Нансену была присуждена Нобелевская премия мира. В 1926 году большой ученый и гуманист побывал в Советской Армении. По возвращении на родину он написал полную симпатии и уважения к армянскому народу книгу «Армения и Ближний Восток», вышедшую в свет на норвежском, английском, французском, немецком и армянском языках.— *587.*

74 **Евгений Викторович Тарле** (1875—1955) — выдающийся советский историк, публицист и педагог, с 1927 г. действительный член Академии наук СССР, автор ряда трудов по истории Франции, международных отношений, внешней политики России и др.

Раздел «Турция и армяне» является темой курса лекций Тарле «Европа в эпоху империализма. 1871—1919 гг.», вышедшего в свет отдельной книгой в 1927 г. и переизданного в 1928 г. Эта работа включена в 5-й том Собрания сочинений Е. В. Тарле.— *588.*

75. Неточность. Талаат-паша был великим визирем с апреля 1917 г. До этого он занимал пост министра внутренних дел.— *588.*

76. Талаат-паша был убит не в 1923 г., а 15 марта 1921 г.—*594.*

77. 50-летие геноцида армян в Османской империи широко отмечалось во многих странах. Как в Советской Армении, так и за рубежом — в Болгарии, Венгрии, Югославии, Франции, Англии, Швейцарии, Кипре, Греции, Австрии, Италии, Ливане, Сирии, Ираке, Кувейте, ОАР, Иране, США, Уругвае, Аргентине, Бразилии — 24 апреля 1965 г. состоялись траурные вечера и митинги. В них, кроме армян, приняли участие представители общественности упомянутых стран, политические и государственные деятели, писатели, журналисты. Газеты посвятили этому событию редакционные статьи, в которых осуждалась младотурецкая политика геноцида армян. Так, «Юманите» поместила в номере от 23 апреля 1965 г. статью, в которой, в частности, говорилось: «Невозможно в нескольких словах передать историю этих ужасных событий, во время которых более полутора миллиона армян, без различия пола и возраста, были зверски, систематически вырезаны согласно хорошо разработанному плану тогдашнего турецкого правительства.

Достаточно сказать, что первое преступление геноцида народа, проживающего на своей территории, было совершено в начале XX века, во время войны 1914—1918 гг. И это преступление никогда не осуждалось. Вот почему армяне, больше других знающие цену миру, не могут забыть этого происшествия, которое является не просто воспоминанием, но и исторической датой, могущей стать датой гибели целого народа.

Армяне не могут забыть потоков крови, казней, высылок в пустыню на неминуемую смерть от голода, эпидемий, всевозможных мучений. Они не могут забыть этих полутора миллионов мучеников...

Если движение за мир борется против отмены срока давности преступлений, совершенных против человечества, то это делается с тем, чтобы впредь даже мысль о таких чудовищных деяниях не могла зародиться в голове какого-либо безумца. Это справедливое дело, и оно должно восторжествовать.

Вот почему еще мы вспоминаем о резне армян». («L'Humanité, 23 avril 1965).

Подробно об откликах на 50-летие геноцида армян см.: **Н. Варданян**. Культурная и общественная жизнь зарубежных армян (январь—июнь 1965 гг.). Историко-филологический журнал, 1965, № 3 (39), с. 294—298.

Геноцид армян был осужден также на состоявшемся в июле 1965 года в Хельсинки Всемирном конгрессе мира. В принятой 2-й подкомиссией резолюции, осуждающей деспотизм, колониализм и геноцид, был включен следующий пункт: «Этот год является 50-й годовщиной армянских избиений, организованных Османской Турцией с целью разрешения национального вопроса путем истребления целого народа. Этот геноцид стоил жизни более чем полутора миллионам свободолюбивых армян, т. е. двум третям армянского народа». Эта резолюция, в числе резолюций других подкомиссий, была принята единогласно на заключительном заседании Конгресса 15 июля 1965 г. и занесена в книгу Конгресса как официальный документ. (Подробно см. журн. «Էջմիածին», 1965, август—сентябрь, с. 69—70).— *594*.

БИБЛИОГРАФИЯ*

Аветян А. Германский империализм на Ближнем Востоке. М., 1966.

Акопян Степан. Западная Армения в планах империалистических держав в период первой мировой войны. Ереван, 1967.

Амфитеатров А. В. Армянский вопрос. Спб., 1906.

Аманов И. Н. Судьба Армении. М., 1918.

Аракелян А. А. Статистика армянского населения Малой Азии (доклад, прочитанный в Общем собрании членов Кавк. отд. И. Р. Г. О. 22 мая 1913 года). Тифлис, 1914.

Аргальский. Ответственность Англии в восточном вопросе. Факты и воспоминания за 40 лет. Перевод М. К. Прянчаниной. Спб., 1908.

Армянский вопрос на Лозанской конференции. Извлечения из протоколов. Тифлис, 1926.

Армянский вопрос перед мирной конференцией. Екатеринодар, 1919.

Арутюнян А. О. Кавказский фронт 1914—1917 гг. Ереван, 1971.

Арцруни Григорий. Экономическое положение турецких армян. Перевод А. Аракелянца. Тифлис, 1880.

Асланян С. Среди беженцев (личные впечатления). Астрахань, 1915.

Баранов Евг. Война с Турцией и Армения. М., 1915.

Барби Анри. В стране ужаса. Мученица Армения. Перевод с французского. Тифлис, 1919.

Бекгулянц Р. (Северянин). По Турецкой Армении. Впечатление от поездки летом 1914 г. Ростов-на-Дону, 1914.

Борян Б. А. Армения, международная дипломатия и СССР, т. 1, 2. М.-Л., 1928, 1929.

Брандес Георг. Армянский вопрос (речь, произнесенная в Берлине). Перевод с немецкого А. Дадашева. (б. м.), 1906.

Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1898.

Брюсов Валерий. Летопись исторических судеб армянского народа. М., 1918, 2-е изд., Ереван, 1940.

Будущее устройство Армении по официальным дипломатическим документам Оранжевой книги, трактующей реформы в Армении. Пг., 1915.

Вандаль Альберт. Армяне и турецкие реформы. Перевод с французского М. Я. Алавердянц. Спб., 1908.

Ванский вилайет. М., 1910.

Великая Октябрьская социалистическая революция и победа Советской власти в Армении (Сборник документов. Ереван, 1957).

---

* Составили Н. Дероян, А. Назикян, Р. Саакян.

Веселовский Юрий. Дети обездоленного края. М., 1916.
Веселовский Юрий. Трагедия Турецкой Армении. М., [1915].
Всеподданнейший отчет о состоянии Карсской области за 1884 г. Карс, 1885.
Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов. Под ред. проф. М. Г. Нерсисяна. Ереван, 1966.
Гиббонс Герберт Адамс. Последние избиения в Армении. Факты и ответственности. Перевод с английского. Пг., 1916.
Голобородько И. Старая и новая Турция. М., 1908.
Горький М. Собрание сочинений. Т. 17, М., 1952.
Готлиб В. В. Тайная дипломатия во время первой мировой войны. М., 1960.
Грин Ф. Армянский кризис и владычество турок (Сасунская резня). Перевод с английского, А. М. (б. м. и г.).
Гурко-Кряжин В. Ближний Восток и державы. М., 1925.
Дадян Мкртич-бей. Армяне Оттоманской империи. Перевод с французского. Тифлис, 1878.
Джемаль паша. Записки 1913—1919 гг. Перевод с английского. Тифлис, 1923.
Дживелегов А. К. Армения и Турция. М., 1946.
Дживелегов А. К. Будущее Турецкой Армении. М., 1911.
Диев Гр. А. Армянский вопрос в Турции. (Из переписки с стамбульским публицистом). М., 1896.
Диллон Эм. и Грин Ф. Положение дел в Турецкой Армении и турецкие зверства в Сасуне. М., 1896.
Документы внешней политики СССР. Т. 1, М., 1957.
Дюлорье Г Армяне в 1854 году. Тифлис, 1854.
Ерицов А. Д. Опыт статистического очерка народонаселения Турецкой Армении. Тифлис, 1881.
Зеленый А. С. Карта распределения армянского населения в Турецкой Армении и Курдистане с пояснительною запискою Генерального Штаба генерал-лейтенанта Зеленого и подполковника Сысоева. Спб., 1895.
Из истории иностранной интервенции в Армении в 1918 г., Документы и материалы. Ереван, 1970.
Иоаннисян А. Г Положение беженцев в Александропольском районе. Баку, 1915.
История армянского народа с древнейших времен до наших дней. Ереван, 1980.
Ишханян Б Великие ужасы в гор. Баку. Анкетное исследование сентябрьских событий 1918 г. Тифлис, 1920.
Каджазнуни О. Оборона Вана. 7 апреля—4 мая 1915 г. М., 1917.
Как они разгромили наш Сасун. М., 1917
Комаровский Л. Восточный вопрос. (б. м.), 1896.
Киракосян Дж. Западная Армения в годы первой мировой войны. Ереван, 1971.
Кишмишев С. Война в Турецкой Армении. 1877—1878 гг. Спб., 1884.
Колюбакин А. М. Статистический обзор северо-восточной части Эрзерумского вилайета от Арарата на Востоке до Эрзерумской равнины на Западе. Тифлис, 1889.
Контансон Людвик де. Реформы в Азиатской Турции. Армянский вопрос. Перевод с французского Х. Б. М., 1914.
Краткие сведения о волне беженцев из Турецкой Армении в июле 1915 г. и о мерах, принятых Кавказским комитетом Союза городов для борьбы с эпидемией среди них. Тифлис, 1915.

Краткие сведения о положении беженцев на Кавказе и оказанной им Союзом Городов помощи за время с 20-го сентября по 1-е ноября 1915 года, Тифлис, 1915.
Лагов Н. М. Армения Пг., 1919.
Лазарев Я. Д. Причины бедствий армян в Турции и ответственность за разорение Сасуна. Тифлис, 1895.
Леклерк Жюль. Поездка на Арарат. Арарат, курды, езиды, армяне и армянский вопрос. (б. м.). 1895.
Ленский Н. А. О правовом положении землевладения в Турецкой Армении. Пг., 1916.
Либкнехт К. Мой процесс по документам. Пг., 1918.
Линч Х. Ф. Б. Армения. Путевые очерки и этюды. Перевод с английского Елизаветы Джунковской. Т. II, Турецкие провинции. Тифлис, 1919.
Лихутин М. Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. Спб., 1863.
Ллойд Джордж. Правда о мирных договорах. Т. II. М., 1957.
Лудшувейт Е. Турция в годы первой мировой войны. М., 1966.
Маевский В. Г Ванский вилайет. Военно-статистическое описание. Тифлис, 1901.
Макколь Малькольм. Ответственность Англии перед Арменией. Перевод с английского. (б. м. и г.).
Макколь Малькольм. Султан и державы. Перевод с английского. Спб., 1897.
Мандельштам А. Н. Младотурецкая держава. Историко-политический очерк. М., 1915.
Мелик-Каракозов Г Выступление Германии в Турции после великих армянских погромов 1895—1897 годов. Тифлис, 1915.
Минцлов С. Р. Статистический очерк Трапезондского округа. Ноябрь 1916. Трапезонд, 1916.
Михайлов В. Кровавый султан. М., 1912.
Мнацаканян Г. Д. Разрешение армянского вопроса. М., 1914.
На пути от Харберта до Урфы. М., 1917.
Оборона Вана. 7 апреля—4 мая 1915 г., М., 1917.
Оранжевая книга, вторая. Дипломатическая переписка России, предшествовавшая войне с Турцией. Пг., 1914.
Отчет о поездке по Азиатской Турции Генерального Штаба подполковника Томилова в 1904 г. Ч. 1, Спб., 1907.
Ошеровский Л. Я. Идея автономного строя в Турецкой Армении под протекторатом России. Пятигорск, 1915.
Ошеровский Л. Я. Трагедия армян-беженцев. Спб., 1916.
Петросян Ю. А. Младотурецкое движение. (вторая половина XIX—начало XX вв.). М., 1971.
Положение армян в Турции до вмешательства держав в 1895 году. М., 1896.
Раздел азиатской Турции по секретным документам Министерства иностранных дел. Под редакцией Е. А. Адамова. М., 1924.
Ролен-Жекмен М. Г. Армения, армяне и трактаты. Перевод с французского. М., 1897.
Саркисян Е. К. Политика Османского правительства в Западной Армении и державы в последней четверти XIX и начале XX вв. Ереван, 1972.
Саркисян Е. К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье накануне и в годы первой мировой войны. Ереван, 1962.

Сборник дипломатических документов. Реформы в Армении, 26 ноября 1912 года—10 мая 1914 года. Пг., 1915.
С. З. Аданские черные дни. Баку, 1909.
Силин А. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века. М., 1971.
Современное армянское общество. Армяне Оттоманской империи, (б. м.), 1878.
Статистические таблицы вилайетов Турецкой империи, ближайших к Закавказью, составленные А. И. Гиппиусом. Тифлис, 1889.
Степанян С. С. Армения в политике империалистической Германии. Ереван, 1975.
Срвандзтянц Г. Очерки Васпураканской области и смежных с нею местностей. Тифлис, 1890.
Тарле Е. В. Европа в эпоху империализма. 1871—1919 гг., М.-Л., 1928.
Тенишев В. В. Позор цивилизации. По поводу турецких дел. Спб., 1897.
Термен Р. И. Отчет о полевой поездке 1907 года в Ванском, Битлисском и Диарбекирском вилайетах. Тифлис, 1909.
Трагедия Турции. Доклад Вагана Минахоряна. Перевод с армянского языка. (б. м.), 1919.
Турецкий сборник (к событиям на Ближнем Востоке). Спб.,1909.
Хаджетлаше М. Б. Убийца на троне (Записки начальника тайной полиции в Турции), (б. м.), 1918.
Хелмицкий П. Карсская область. Военно-стратегический и географический обзор. Тифлис, 1897.
Черчилль У. Мировой кризис. М.-Л., 1932.

Աբդուլ Համիդի վերջին խաղը. Կ. Պոլիս, 1909։
Աբելեան Հրաչ. Տեր Ջոր. Լոս Անճելըս, 1981։
Ա—Ին. Վանի, Բիթլիսի և Էրզրումի վիլայեթները. Երևան, 1912։
Ա—Ին. Մեծ դեպքերը Վասպուրականում 1914—1915 թվականներին. Երևան, 1917։
Ազատագրության չահակիրներ. Բեյրութ, 1906։
Ազգուճի Ն. Ցեղիս երկունքը. Նյու—Յորք, 1916։
Ազիզյան Մելիք. Հերոսական Շատախի Արմաշտ գյուղը. Բեյրութ, 1974։
Ալպոյաճյան Ա. Անհետացող դեմքեր. Գ. Ջոհրապ. Կ. Պոլիս, 1919։
Ախուճի Ս. Միլոն մը հայերու չարդին պատմությունը. Կ. Պոլիս, 1921։
Անտոնյան Ավետիս. Սարդարապատից մինչև Սևր և Լոզան (Քաղաքական օրագիր). Գոսթըն, 1943։
Անտոնյան Գեորգ. Ռոհեր հիսնամյակի ավարտին. 1915—1965. Բեյրութ, 1966։
Անտոնյան Գեորգ. 1915—1965 Հուշամատյան մեծ եղեռնի. Բեյրութ, 1965։
Անտոնյան Գեորգ. Հայոց գաղթ արաբ հանրային կարծիքի առջև. Բեյրութ, 1965։
Ազայան Մ. Գ. Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարի պատմությունից. Երևան, 1976։
Ազան Տատճեցի. Ցեղասպանում. Պատահականությունները Տատճի եղեռնին. Բեյրութ, 1966։

Աղասեան Գ. Ազգի գոյության մեծ խնդիրը. Սոփ, 1908։
Ադալեան Հայկական հարցը երեկ և այսօր. Գահիրե, 1946։
Ադրյատ Սերոբ և Գևորգ Չավուշ (Կենսագր. գիծեր, իրենց պատկեր). Աթենք, 1933։
Անասեան Հրայր. Տաճկահայոց հարցի պատմությունը (Սկզբից մինչև 1915 թ.). Նոր Նախիջևան, 1915։
Անեմեան Խորեն. Էջեր կամավորի օրագրես. Բեյրութ, 1967։
Անիճեան Հ. Թուրքահայ ազետը. Էջմիածին, 1919։
Ամիրխանեան Արամ. Ռուս և թուրք գինադադարը. Պատմական անցքեր 1917—1918. Տրեզեռ, 1921։
Անասեան Ա. Աորպատականի հայության վիճակը քրդական բռնակալների ներքեւմման օրերին. կանխամտածված և նախօրոք ծրագրված ցեղասպանություն. Բեհրան, 1979։
Ա. Ե. Ազգային հերոս Զորավար Անդրանիկ և իր պատերազմները. Փարիզ, 1953։
Անդրեասեան Անդրանիկ. Հայկական դատին նոր հանգրվանը. Պեյրութ, 1967։
Անդրեասեան Տ. Չեյթունի անձնատվությունը և Սուեդիա ինքնապաշտպանությունը. Կահիրե, 1915։
Անդրեասեան Տ. Չեյթունի տարագրությունը և Սուեդիա ապստամբությունը. Հալեպ, 1935։
Անթառամ ծաղկեպսակ. Ձոն Մեծ եղեռնի երկու միլիոն հայ նահատակներու և հերոսներու անմահ և խնկելի հիշատակին. Համադրեց և պատկերազարդեց Արշավիր Ավետյան. ա. տ. 1969։
Անեզլ Արմեն. Այրված քաղաքի մը պատմությունը. Հալեպ, 1948։
Անեզլ Արմեն. Արյան հանապարհով. Հալեպ, 1959։
Անկյուռի և շրջակա գյուղերու սերտագրծներու արարքները. 1915—1918. Պոսթոն, (ա. թ.)։
Անառեյան Արամ. Այն սև օրերուն... Բոստոն, 1919։
Անառեյան Արամ. Հայկական վերջին կոտորածները և Թալեաթ փաշա. Բոստոն, 1931։
Անառեյան Արամ. Մեծ սհիրը. Հայկական վերջին կոտորածները և Թալեաթ փաշա. Պաշտոնական հեռագիրներ, բնագիրներու ստորագրություններ և բազմաթիվ պատկերներով. Պոսթըն, 1921։
Անառեյան Արամ. Մեծ սերտագործությունը. Կ. Պոլիս, 1920։
Աշեյան Համբարձում. Առանձին եղեռնը և Գանձակի հուշեր. Նյու—Յորք, 1950։
Աշեյան Միհրան. Լուսապսակ նահատակ մտավորականներուն. (ա. տ. և թ.)։
Ապաճ. Հայ արծիվներու բույնը (Դրվագներ Չեյթունի 1895 թ. դեպքերեն). Կահիրե, 1918։
Ապրիլի 24-ի խորհուրդը։ Գահիրե, 1931։
Ապրիլյան եղեռնը. Պատմական ակնարկ. Բեյրութ, 1965։
Ապրիլյան եղեռնը. Հավելված «Արարատ» օրաթերթի. Բեյրութ, 1969։
Առաքելյան Հ. Թիֆլիսից—Դիլմանի Տանջված Հայաստանի Ազատության Թուրքաց Հայաստանում. Թիֆլիս, 1915։

Առնակ. Թուրքերու ճանկին մէջ (1916—1919). Բոստոն, 1936։
Աստուրյան Հարություն. Պատմություն հայոց. Սկիզբեն մինչեվ մեր. օրերը. Պուենոս Այրես, 1947։
Աեպեա Արամ. Դրվագներ Հաճնո հերոսամարտեն և հերոսին ոդիսականը. Պեյրութ, 1961։
Ավագյան Հ. Այսպես ապրեցանք. Նյու—Յորք, 1930։
Ավագյան Սեդրակ. Կատորածը Սալմաստում. (Ականատեսի պատմվածք). Թիֆլիս, 1919։
Ավանեսյան Վ. Հայ փախստականներին. Մոսկվա, 1919։
Ավետյան Մ. Հայ ազատագրական ազգային հիսնամյա (1870—1920). Ծուշամատյան և զոր. Անդրանիկ. Վերլուծական հայեցողությամբ և վավերական տվյալներով. Փարիզ, 1954։
Ատոմ. Բարենորոգումներու հարցը. Կ. Պոլիս, 1914։
Ատոպետ. Ճիվազը. Քյոռ Հյուսեին փաշա քյուրդը անսահման խշխան. Թրքահայերի ներկա վիճակը. Թիֆլիս, 1911։
Աւոմ. Օսմանյան կայսրության անկման պատմությունը. երիտասարդ Թուրքերու վերանորոգվող դպրոցը. Կ. Պոլիս, 1913։
Արամ Հայկազ. Շապին—Գարահիսար ու իր հերոսամարտը. Նյու—Յորք, 1957։
Արամայիս. Ջարհուրելի ոճիրը. Մուշ—Սասուն. Բնկօրներ իմ հուշերից. Բազու, 1916։
Արամյան Հայկ. Մեծ եղեռնի պատգամ. Պեյրութ, 1970։
Արամյան Գ. Հավավի ըմբոստ արծիվը. Նյու—Յորք, 1950։
Արամյանց Հմայակ. Սև հարսանիք. պատկեր տաճկահպատց իրական կյանքեն. Ռուսչուկ, 1904։
Արզումանյան Մ. Վ., Հայաստան, 1914—1917, Երևան, 1969։
Արզումանյան Մ. Վ. Արհավիրքից վերածնունդ. Երևան, 1973։
Արծրունի Արսեն. Հերոսամարտը (Վանի). Հալեպ, 1931։
Արծրունի Գրիգոր. Թյուրքաց հայերի տնտեսական դրությունը. Թիֆլիս, 1894։
Արծրունի Ներսէս. Մահվան ձորին մէջ (Պատմական). Անթիլիաս—Լիբանան, 1965։
Արմեն Գասպար. Հայկական շարժումը. 1904։
Արյունին համպեն դեպի վերածնունդ. Կահիրե, 1919։
Արյունոտ հիշատակներ առ Սուլթան Համիտ 2-րդ (ա. ա. և բ.)
Երշակ. Հայ հեղափոխության արշալույսի հսկաներեն Պիտլիսցի Մուշեղ (1869—1899). Կաթավին սարի և ավերակ չրագացքի հերոսամարտերը. Կ. Պոլիս, 1919։
Բաբկենե Վարդապետ. Հայկական հարցը և Պողոս Նուբար փաշան. Վաղարշապատ, 1914։
Բաղալյան Ե. Հայկական հարցը, Սան—Ստեֆանոյի պայմանագիրը և Բեռլինի կոնգրեսը 1878 թ. Երևան, 1955։
Բարթի Հաճէի. Սարսափի երկրին մէջ. Նահատակ Հայաստան, Բարգմ. Մ. Շամտանճյան. Կ. Պոլիս, 1919։
Բարթի Հաճէի. Սարսափի երկրին մէջ (Հարթաստանի մէջ 1915). Պեյրութ, 1965։

Բարեկարգումները Հայաստանում. 1913 թ. նյոմեքերի 12-ից մինչև 10 մայիսի 1914 թ. Ժողովածու դիպլոմատիքական դոկումենտների. Խֆլյա, 1915։

Բարեջանյան Հակոբ. *Խաբերդի կոտորածեն (1895 թ. հոկտեմբերի 30-ը). Բոստոն, 1916։*

Բզեյան Սարգիս և Բզեյան Սիսակ. *Հարազատ պատմություն Տարոնա. Համբագրեց Առան Տարոնեցի, Կահիրե, 1962։*

Բեռնշտայն Էդ. *Հայկական տանեցոնքները և Եվրոպան. Դասախոսություն, 1902 թ. հունիսի 26-ին Բեռլինում. Թարգմ. Ս. Մ. Ժնև, 1906։*

Բյուրատ Սմբատ. *Արևելյան խնդիր և Հայկական հարց. Պատմական ուսումնասիրություն. Կ. Պոլիս, 1919։*

Բյուրատ Ս. *Արյունի ձորը. Կ. Պոլիս, 1919։*

Բյուրատ Սմբատ. *Արյունի ճամբուն վրա. Կ. Պոլիս, 1911։*

Բրայս Ջեյմս. *Անգլիական կառավարության Կապույտ գիրքը հայկական մեծ եղեռնի մասին (1915—1916). Կ. Պոլիս, 1919։*

Բրայս Ջեյմս. *Հայերու տառապանքները օսմանյան կայսրության մեջ 1915—1916. Թարգմ. Առտզիկ Պուճիտանյան. Բեյրութ, 1965։*

Բրայս. *Հայկական չարդերու փաստաթուղթերը. Կազմեց Վ. Միրագենց. Կ. Պոլիս, 1920։*

Բռանդես Գ. *Հայաստանը և Եվրոպան. Բանախոս. Բեռլինում, 1903 թ. փետրվարի 2-ին. Ժնև, 1907։*

Բրյուսով Վալերի. *Տարեգրություն հայ ժողովրդյան պատմական ճակատագրին. Թարգմ. Լ. Հ. Վենետիկ, 1931։*

Բռուտյան Սամուել. *Բաղեշի խուլթիկ ավանի չարդերեն (1915). Նյու-Յորք, 1969։*

Գաբիկյան Կարապետ. *Ծղեռնապատում փոքուն հայոց և նորին մեծի ժայռաքաղաքին Սեբաստիո. Պոսթըն, 1924։*

Գաբիկյան Խ. *Հայկական հարցը. Բեյրութ, 1938։*

Գաբիկյան Ն., Գալոստյան Կ. *Ազ—Տաղի քառամյա գոյամարտը. Մարսել, 1932։*

Գաբրիելյան Մ. Ս. *Հայկական ճգնաժամն և վերածնություն. Բոստոն, 1905։ 2-րդ հրատ. 1909։*

Գաբուճյան Աբամ. *Դատաստանի օրեր. Կ. Պոլիս, 1918։*

Գալըճյան Հ. *Մեծ զուլումին հիսունամյակը. Ալեքսանդրիա, 1965։*

Գալուստյան Գ. *Հայու որքեր. Կ. Պոլիս, 1920։*

Գալուստյան Գր. Հ. *Մարաշ կամ Գերմանիկ և հերոս Ջեյթուն. Նյու—Յորք, 1934։*

Գալֆայան Կ. *Գիրք ելից հայոց. Հիշատակ անշիրիմ նահատակաց, հնոց և նորից, հայտից և անհայտից. Բեյրութ, 1955։*

Գանրիմանյան Ջ. *Դեղին մահիկի տակ (Հուշեր). Թեհրան, 1946։*

Գապաճյան Հովճաննես. *Աստափազար. Աստածարյալ ապա նահատակյալ. Փարիզ, 1966։*

Գապպենջյան Գրիգորիս. *Դրվագներ Ծղեսիո արյունոտ չարդերին. Կ. Պոլիս, 1909։*

Դեսպարյան Համբարձում. *Զմշկածագ և իր գյուղերը. Բոստոն, 1969։*

Գառո Արմեն. *Ապրած օրեր. Բոստըն, 1948։*

Գելցեր Հենրիկոս. *Համառոտ պատմություն հայոց. հավելվածովք. Թարգմ. ցանկ 1895 ՅԼ—1897 հայոց կոտորածներու առթիվ լույս տեսած գրքերու. Վիեննա, 1897։*

Գեղամյան Եղիշե. *Տաճիկները Կովկասում և Բաքվի անկումը. պր. 1—2. Բաքու, 1919։*

Գևորգյան Տեվկնք. *Սանտոխ. Պատմություն Զեյթունի 1895-ի պատերազմներուն տեղական բարքերով և հին դեպքերով ալ ճոխացած. Փարիզ, 1945։*

Գյալխանդանյան Ա. *Ազգային շարժումների դրդապատճառները ԺԹ դարերում. Փարիզ, 1939։*

Գատուլյան Գ. *Ջոր. Անդրանիկ և իր կյանքն ու պատերազմները. Ալեքսր, 1929։*

Գատուլյան Գ. *Հայ լեռը. Կարմիր դրվագներ Կիլիկիո աղետեն. Կ. Պոլիս, 1972։*

Գատուլյան Գրիգոր. *Հայրենի ձայներ (Դրվագներ Զեյթունի հերոսամարտեն). Բեյրութ, 1934։*

Դատավարություն Թալեաթ փաշայի. Սղագրական զեկուցում. Վիեննա, 1921։

Դափնեպսակ հայ զինվորին. Կ. Պոլիս, 1920։

Դյուցազնական հայորդին. Մկրտիչ Յոթնեղբարյան. Կազմեց Հակոբ Հիսայան. Աթենք, 1937։

Դրվագներ հայկական եղեռնեն վերածնունդ. 1915-ի չարդերու մասին տեղեկագիրներ Եվրոպական, Ամերիկեան և Հայկական աղբյուրներե. Նահատակ մտավորականներու և վերածնվող հայրենիքի զորավարներու նկարներով. Փարիզ, 1946։

Դրվագներ Սվետիո անցյալեն. (1893—95 հեղափոխական շրջանեն). Նոթեր և հուշագրություններ գրված Աղասիեն, Շավարշ Շիշմանյանեն և այլն. Բեյրութ, 1957։

Եդեսիո սոսկալի դեպքը և ողբերգություն կոտորածին Եդեսիո. գրեց Եդեսիայի հայ մը. Շումլա, 1904։

Եղեռնեն վերածնունդ. Հալեպ, (ա. թ.)

Եսայան Աղասի. *Հայկական հարցը և միջազգային դիվանագիտությունը. Երևան, 1965։*

Երամյան Համբարձում. *Հուշարձան Վան-Վասպուրականի, հ. Բ. Ալեքսանդրիա, 1929։*

Երեմյան Կ. Ս. *Պատմություն Չարսանճագի հայոց. Բեյրութ, 1956։*

Երիցյան Մկրտիչ. *Ջորավար Սմբատի հուշերը. Կ. Պ., 1900—1914. Փարիզ, 1936։*

Ջավեն արքեպիսկոպոս. *Պատրիարքական հուշերս. վավերագրեր և վկայություններ. Կահիրե, 1947։*

Ջաբեվանգ Ս. *Անցորդի տպավորություններ. Տեղահանության և չարգի արատ-*

Ներ. Պոլսեն դեպի էնկյուրի և Ջանկըրը Դանիել Վարուժանի և տոքտ. Ռ. Չիլինկիրյանի (Սևակ) գերեզմանները. Նյու—Յորք, 1924։

Ջեյթունի պատմագիրք. Բուենոս Այրես, 1960։

Ջեյթունցի. Ջեյթունի անցյալեն և ներկայեն. Ա և Բ մաս. Փարիզ, 1902. բ. տպագրութ. Կ. Պոլիս, 1911։

Ջոհրապ Դրիգոր. Հայկական հարցը փաստաթղթերու լույսին տակ. Բեյրութ, 1973։

Էջեր մեր ազատագրական պատմութենեն. Հ. Սահակյան. Երկու տաբի Հայկական բանակին մեջ. Փարիզ, 1937։

Էմմերյան Մ. Աքսորի և պատերազմի կրակներուն մեջեն. Պոստոն, 1952։

Թազվորյան Գաբրիել. Գարշ գայլը կատղեր էր. 1915. Վկայություններ ու տպավորություններ, նշոյլներ անհետացող մեր աշխարհեն. Գահիրե, 1953։

Թազվորյան Գաբրիել. Օրազանքի ու տագնապանքի տարիներ (1908—1915). Գահիրե, 1961։

Թազվորյան Ռ. Արյուն և ավյուն. (1915—1917). Վենետիկ, 1927։

Թաղեոսյան Օննիկ Կաբապետ. Ապրիլյան հրատաո քաղք ուղղուած բովանդակ մարդկության. Փարիզ, 1949։

Թաթիկյան Վարդգես. Փոթորկալի ճամփաներով. Երևան, 1970։

Թաբուլյան Ակյուլինե. Հուշեր դյուցազնական կյանքե մը (1915—1920). Աթիլիաս, 1953։

Թանչուայան Հարություն. Քեսաբենեցի ժողով և քսան կախաղաններ. Քալիֆորնիա, 1973։

Թաշճյան Մարտիրոս. Սև հուշեր մղձավանջային յոթը տարիներու (1915—1922). Պեյրութ, 1952։

Թառոյան Կ. Ջ. Արևմտահայերի ազատագրական պայքարը XIX դարի վերջերին և XX դարի սկզբներին. Երևան, 1980։

Թառոյան Կ. Ժողովրդական շարժումները Սասունում 1890—1894. Երևան, 1966։

Թեճիրյան Սողոմոն. Վերհիշումներ (Թալեաթի ահաբեկումը). Գահիրե, 1956։

Թեմիրյան Ալպեռ. Քեսապ (1909—1946). Պեյրութ, 1956։

Թեոդիկ. Գողգոթա հայ հոգևորականության և իր հոտին 1915 աղետալի տարին. Պոստոն, 1980։

Թեոդիկ. Ջուլումը և մեր որբերը. Ճառ՝ արտասանած Գնալի «Ազամյան» թատրոնին մեջ, 30 դեկտեմբերի 1926 գիշեր. Կ. Պոլիս, 1920։

Թեոդիկ. Հուշարձան 1915 ապրիլ 24-ի. (Ապրիլ 24-ի. Հանձնախմբին կողմե 1919-ին). Նահատակ մտավորականներու նկարներ ու կենսագրություններ. Բ. տպագր. Ալեքսանդրիա, 1939։

Թերզյան Հակոբ. Կիլիկիո աղետը. Ականատեսի նկարագրություններ, վավերաթղթեր, պաշտոնական տեղեկագրեր, քղթակցություններ, վիճակագրություններ, ամենեն կարևոր պատկերներով. Կ. Պոլիս, 1912։

Թեֆեյան Ավետիս. Դրվագներ ապրիլյան մեծ եղեռնեն. Ղեհեսնի հայության գոգգոթան (1914—1918). Պեյրութ, 1956։

Թյուրեպյան Արամ. *Հայ ժողովրդի գաղտնաստանին առջև, 1914—1925. Մարսել, 1925։*

Թյուրեպյան Հ. *Դրվագներ հայկական եղեռնեն և վերածնունդ. 1915-ի չարդերու մասին տեղեկագիրներ եվրոպական, ամերիկյան և հայկական աղբյուրներե. Փարիզ, 1946։*

Թավմասյան Աննիկ. *Սև օրեր Հայաստանի մեջ։ Դրվագներ հայաչինչ սարսափներեն. (ա. թ. և տ.).*

Թորոսյան Հակոբ. *Դրվագներ Մուսա լեռան կյանքեն. Բեյրութ, 1970։*

Թոփչյան Ե. *Օրիոտասարդ Թուրքիան և հայերը. մասն առաջին. Թիֆլիս, 1909։*

Թրքահայաստանի 1915-ի տարագրություն և չարդը, 1910 Հոկտեմբեր 31 (13 օր). Սելանիկի համաժողովին մեջ Թուրք Իթթիհատ Վե Թերագը կուսակցության կողմե 1915-ի տարագրության և չարդի ահռելի որոշումը Թրքահայաստանի հայ ժողովրդի վրա կատարված. Նյու—Յորք, 1956։

Թումանյան Կ. *Պատմություն արևելյան խնդրոց և առաջնորդ հայկական հարցի. Լոնտոն, 1905։*

Թուրիկյան Միհրան. *Քղիի ճակատի դեպքերը. Պեյրութ, 1926։*

Թուրշյան Հ. *Սարդարապատի հերոսամարտը. Երևան, 1969։*

Թուրճանյ աղետը. *Պատմական փաստաթղթեր. Ս. Էջմիածին, 1919։*

Ժամկոչյան Բ. Կ. *Պատմություն Մամուրեթ ուլ Ազիզի Գերմանի որբանոցներու. Բեյրութ, 1973։*

Ժազե Ռ. *Ջարհուրանքը Կարնո մեջ (ա. տ. և թ.)։*

Ժողովածու դիպլոմատիկական դոկումենտների. Բարենորոգումները Հայաստանում 1912 թ. նոյեմբերի 12-ից մինչև 10 մայիսի 1915 թ. Թարգմ. ռուս. և ֆրանս. իրավ. Ս. Ավագյան. Թիֆլիս, 1915։

Ինճեաբաջյան Բաբկեն. *Մեծ եղեռնի շրջանին հայ որբի մը ոդիսականը. Փարիզ, 1951։*

Իշխանյան Բ. *Աղետի և տաւապանքի աշխարհից (Այլ Թուրքահայ փախստականներին). Թիֆլիս, 1915։*

Իշխանյան Ռ. *Տաճկահայ խնդիրը և միջազգային դիպլոմատիան. Թիֆլիս, 1906։*

Խակենտեարյան Հաքոբ. *Սվետիո ապստամբությունը. Կահիրե, 1915։*

Խուզեկ Հ. *Մոտիկ անցյալից. Պատմական դեպքեր և տպրումներ. 1917—1922. Պեյրութ, 1956։*

Լազյան Գաբրիել. *Հայաստան և հայ գառը (վավերագրեր). Կահիրե, 1946։*

Լազյան Գաբրիել. *Հեղափոխական դեմքեր (մտավորականներ, հայդուկներ). Գահիրե, 1945։*

Լազո. *Հերոսը. Մի արկած Զեյթունի վերջին ապստամբությունեք. Ռուանճուք, 1904։*

Լենկ Տեյվիտ Մարշըլ և Ուոլթր Քրիսաոֆըր Փ. *Հայերը. Թարգմ. տոքթ. Թորոս Թորանյան. Հալեպ, 1978։*

Ներ. *Թուրքահայ հեղափոխության գաղափարաբանությունը. հ.1. Փարիզ, 1934, հ. 2, Փարիզ, 1935։*

Լեո. *Հայոց հարցի վավերագրեր. Թիֆլիս, 1915։*
Լևոն Վարդան. *Թող Թուրքը խոսի. Բեյրութ, 1975։*
Լևոն Վարդան. *Ժամանակագրություն Հայկական տասնհինգի 1915—1923. Բեյրութ, 1975։*
Լևոն Վարդան. *Հայկական տասնհինգը և հայերու լքյալ գույքերը. Քննական ակնարկ ըստ Թրքական վավերագիրներու. Բեյրութ, 1970։*
Լեփսիուս Ե. *Գաղտնի տեղեկագիր Հայաստանի ջարդերուն. Թարգմ. Միքայել Շամտանճեան. Կ. Պոլիս, 1919։*
Լեփսիուս Եոհաննես. *Հայաստանի ջարդերը. Թարգմ. Մ. Շամտանճյան. Կ. Պոլիս, 1919, Բեյրութ, 1956։*
Խաբաճասյան Ե. *Հայոց թիվը. Հայ ժողովրդի թիվը Թուրքիայում Մինչև 1915 թվականը, Բոստոն, 1965։*
Խաժակ. *Հարկերը Տաճկաստանում. Բաքու, 1914։*
Խրայեսն Մ. *Բալահովիտ (հայ որթի մը ապրումները, հայալինչ ատրսափ-ներեն). Սոֆիա, 1938։*
Խրայաճ Կյուրեղ. *Արյունի ճանապարհին. Սոֆիա, 1936։*
Մատուրյան Գետրոս. *Կյանքը որ ապրեցա (Մատենաշար ապրիլյան եղեռնի). Անթիլիաս, Լիբանան, 1969։*
Մոցիկյան Ս. Մ. *Արևմտահայ աշխարհ. Նյու—Յորք, 1947։*
Կաղմոս. *Ինչու հայը հայդուկ եղավ. Հուշեր բռնապետության օրերին. Կ. Պոլիս. 1910։*
Կատարիկյան Գողոս. *Մարած հրագներ. Հավավ գյուղին եղեռնը. Նյու—Յորք, 1950։*
Կարապետյան Քերովբե. *Ալպոմ Յուշամատեան նվիրված Տարոն աշխարհի. Լիոն, 1962։*
Կարիկյան Ե. *Դրվագներ Սվետիո հեղափոխության պատմութենեն. Փարիզ, 1921։*
Կարնո հիշատակին. Կոտորածից առաջ. Կարնո կոտորածը. Վիեննա, 1896։
Կեռկիզյան Առսեն Ա. *Մեր ազգային գոյապայքարը 1915—1922-ի զուլումի տարիներուն. Բեյրութ, 1967։*
Կեռկիզյան Ա .Ա. *Վասպուրականի հերոսամարտը. Գեյրութ, 1965։*
Կեսար Ա. *Այնթապի գոյամարտը. Պոսթըն, 1945։*
Կետիկյան Բենիամին. *Հուշամատյան. Հայ սպայի մը զգայացունց հուշերը և յոթը հայերու դատավարությունը Դամասկոսի Թուրք պատերազմական ատեանին առջև. Գեյրութ, 1961։*
Կիլիկյան կսկիծներ. վավերագրեր Կիլիկիո կաթողիկոսական դիվանեն, 1903—1915. Բեյրութ, 1927։
Կիլիկյան տարեցույց 1922. Կ. Պոլիս, 1922։
Կիրակոսյան Ջ. Ս. *Առաջին համաշխարհային պատերազմը և արևմտահայությունը. 1914—1916 թթ., Երևան, 1965։*
Կենիկյան Լեոն. *Մորենիկ և իր ես տարին (ապրիլյան եղեռն). Անթիլիաս—Լիբանան, 1969։*
Կյուլեսերյան Վահե. *Հուշամատյան Ավետիս Մ. Գալեմքեարյանի և Այնթապի հերոսամարտի. Բեյրութ, 1965։*

Գյուրջիյան Հակոբ. Ջնահանչենք այլ ճակտինք. Մեծ եղեռնի 50-ամյակին առթիվ, Բորոնքո, 1969։

Կոճոլօզյան—Հովհաննեսյան Վարդիթեր. Ձիթող դաշտի կարնոյ. Բեյրութ, 1972։

Ղուսյան Հ. Վան—բերդաքաղաքի ժողովրդային հերոսապատումը 1915 ապրիլ 7 մայիս. Թեհրան, 1966։

Կոսոյան Հ. Տրապիզոնի հայոց տեղահանությունը. Թեհրան, 1963։

1915, Աղետ և վերածնունդ. Հեղինակ՝ աղետեն վերապրողներ. Փարիզ, 1952։

1918 Փարիզահայ տարեգրություն. Վտարանդի հայուն հիշատակարանը. Փարիզ, 1918։

Հաղորդագրություն Հայդատի հանձնախումբի թիվ 1 օգոստոս. Նյու—Յորք, 1945։

Ճանչյան Հովհաննես. Հայոց տաժանքի ճամբաներով, Թեհրան, 1965։

Համառոտ տեղեկագիր Տիգրանակերտի վերջին կոտորածներուն (ա. տ.), 1919։

Համբարյան Ա. Ս. Երիտթուրքերի ազգային ու հողային քաղաքականությունը և ազատագրական շարժումները Արևմտյան Հայաստանում (1908—1914), Երևան, 1979։

Հայ ազգային դատը. Թրքական Հայաստանի ազատագրության հարցին վերաբերյալ վավերաթղթեր. Փարիզ, 1945։

Հայաստանը թուրք լուծին տակ. Փարիզ, 1915։

Հայ բժշկության տված զոհերը ցուցակագրված վավերական փաստերով. Կ. Պոլիս, 1919։

Հայ ժողովրդի պատմություն. Հնագույն ժամանակներից մինչև մեր օրերը. խմբագրությամբ Մ. Գ. Ներսիսյանի. Երևան, 1972։

Հայ ժողովրդի պատմություն, հ. 6, Երևան, 1981։

Հայկ Վանեց. Խարբերդ և անոր օգնելեն դաշտը։ Հուշամատեան ազգային—պատմական—մշակութային և ազգագրական. Նյու—Յորք, 1959։

Հայկական հարցը հաշտության կոնֆերանսի առաջ. (Թարգմանված հայ պատվիրակության Հաշտության կոնֆերանսին ներկայացրած հուշագրի ֆրանսերեն բնագրից, որը առանձին գրքույկով հրատարակված է Պարիզում). Թիֆլիս, 1919։

Հայկական սուգ. Փարիզ, (ա. թ.)։

Հայկական րեֆորմների ծրագիրը Սան—Ստեֆանոյի դաշնագրի 16-րդ հոդվածը, Բեռլինի դաշնագրի 61-րդ հոդվածը, մայիսյան ծրագիրը... Ժնև, 1904։

Հայկունի Գ. Ա. Թուխալ Օսման և դեպքերը Մարզվանի մեջ վինադադարեն հետո. Աքենք, 1924։

Հայտարարագիր օսմանյան կայսրության ընդդիմադիր տարրերու կոնգրեսին գումարված Եվրոպայի մեջ (27—29 դեկտ. 1907). Քաղվածքներ կոնգրեսի որոշումներից. Ժնև, 1907։

Հարցաթերթ սոցիալ գեմոկրատ հնչակյան քսան անմահներուն, որոնք նահատակվեցան Գալաս սուլթան Գայազիտի հրապարակին վրա 1915 հունիսի 15. Բեյրութ, 1957։

Հարստահարությունները Տաճկահայաստանում. Դիվսն հայոց պատմության, գիրք ԺԳ. Թիֆլիս, 1915։

Հարությունյան Ա. Հ. Կովկասյան ռազմաճակատը 1914—1917 թվերին. ռուսերենից թարգմ. Երևրան, 1977։

Հարությունյան Աբրահել. Սահմանամերձ գավառները 1918 թվին։ Թավրիզ, 1919։

Հարությունյան Ցիգրան. Ապրիլի 24-ի ազգային սգատոնի առթիվ. Բեյրութ, 1962։

Հեքիմյան Օթոն. Սամսոնի հայության տխուր բաժինը 1915—1918-ի մեծ եղեռնին. Փարիզ, 1961։

Հիբրոնս Հ. Ժամանակակից պատմության սնագույն էջը. 1915-ի հայկական դեպքեր, Իրողություններ և պատասխանատվություններ. Թարգմ. Ա. Սաղաթելյան և Ե. Մսրլյան։ Նյու—Յորք, 1916։

Հիբրոնս Հերբերտ Ադամս. Նորագույն պատմության ամենասև էջը. Վերջին կոտորածները Հայաստանում. Փաստեր և պատասխանատվություններ. Թարգմ. ռուս. Ա. Բոսիլյան. Թիֆլիս, 1917։

Հիշատակագիր Վանա ինքնապաշտպանության դեպքերուն (1915 թ. ապրիլ—մայիս). Կ. Պոլիս, 1919։

Հիշատակարան ալբոմ. Օրացույց 1965 (նվիրված Մուսա լեռան հերոսամարտի և հայ եղեռնու 50-ամյակին). Բեյրութ, 1965։

Հիշատակարան, նվիրված 1896 և 1915-ի Վասպուրականի հերոսամարտերուն. (Հյուս. Ամերիկա), 1945։

Հիսնամյակ ապրիլյան եղեռնի. 1965. Սուգի և աղոթքի տարի. Հայտարարություն. (ա. տ.), 1965։

Հյուսյան Միհնաս. Մեծ եղեռնի զոհ գրողները. Երևան, 1965։

Հոգիներու աճուրդը. Մեծ եղեռնեն վերապրող հայուհի Օրորա Մարտիկյանի վավերական պատմությունը. Անգլ. Թարգմ. Բեյրութ, 1965։

Հովվիվյան Սիմոն. Հայուն Գեթսեմանիի գիշերը ապրիլի 24. Բեյրութ, 1954։

Հովհաննիսյան Միհայել. Գորդյան հանգույցը (Թրքահայոց հարցի վերջին շրջանը). Թիֆլիս, 1907։

Հովհաննիսյան Ոսկան. Արյան և պայքարի մեջեն. Նյու—Յորք, 1965։

Հովհաննիսյան Ռ. Փ. Արևմտահայ ազգային ազատագրական շարժումները և Կարինի «Պաշտպան հայրենյաց» կազմակերպությունը XIX դարի 70—80-ական թթ., Երևան, 1965։

Հովհաննյան Մաճակաճուչ. Դառն հուշեր (Մահվան կարավանից). Բեյրութ, 1971։

Հոլոնյան Հարություն և Հաճյան Մատթեոս. Հուշամատյան Խոտորջուրի. Վիեննա, 1964։

Հուշամատյան Ճեպելյի Ամերիկյան որբանոցի 1920—1924. Բեյրութ—Լիբանան, 1969։

Հուշամատյան մեծ եղեռնի. 1915—1916. Բեյրութ, 1965։

Հուշամատյան Մուսա լեռան. Բեյրութ, 1970։

Հուշամատյան Քղի. Նուիր պյուղի. Ֆրեզնո, 1968։

Հուշագրություն նվիրված Մարաշի ազատի հիսնամյակին. 1920—1970. Պատր. Նազարեթ Սեֆերյան. Բեյրութ, (1970)։
Հուշարձան ապրիլ տասնմեկի. Կ. Պոլիս, 1919։
Հուշեր Արմենակ Եկարյանի. Կահիրե, 1947։
Ղազարեան Հայկազն Գ. Ցեղասպան Թուրքը. Պեյրութ, 1968։
Ղազարյան Մանուկ. Ղարաքիլիսայի հերոսամարտը (Ականատեսի հիշողություններից). Թիֆլիս, 1920։
Ղազարյան Սարգիս. Ողնունի հետքերով. Պեյրութ, 1965։
Ղ. Մ. Ղարաքիլիսայի հերոսամարտը. Թիֆլիս, 1920։
Ղարղանյան Գ. Հայերի մասնակցությունը համաշխարհային պատերազմին. Թարգմ. ֆրանսերենից. Փարիզ, 1931։
Ճամպազյան Իյուզեպե. Պատանի կյանքի մը պատմությունը. Անթիլիաս, 1960։
Ճանկյուլյան Հ. Կ. Հիշատակներ հայկական ճգնաժամեն. մասն Ա և Բ, Գ, Ե. Կ. Պոլիս, 1913։
Ճերահյան Լևոն. 1895-ի Զեյթունի հաղթական պատերազմը. Մարսել, 1952։
Մալեզյան Վ. Տարագրի մը հուշատետրը. Ֆահիրե, 1915։
Մալխաս. Անհամբավ հերոս մը. Էսքիճի Կարո. Կահիրե, 1905։
Մանդելշտամ Ա. Ն. Երիտասարդ Թյուրքերի պետությունը. Պատմա—քաղաքական ակնարկ. Թարգմ. և առաջաբանը Վ. Նավասարդյանի, Էջմիածին, 1916։
Մանուելսթամ Անտոն. Օսմանյան կայսրության ճակատագիրը և հայկական հարցը, Ա մասն. Թարգմ. Ենովք Արմէն. Կ. Պոլիս, 1919։
Մանուելսթամ Անտոն. Օսմանյան կայսրության ճակատագիրը. Երիտասարդ Թուրքերը պատերազմին առաջ. Թարգմ. Միքայել Շամտանճյան. Կ. Պոլիս, 1919։
Մանուկյան Առտակ. Ապրիլ 24. Բեհրան, 1965։
Մարկոսյան Սուրեն. Արևմտահայության վիճակը XIX դարի վերջերին. Երևան, 1968
Մարկվարտ Հ. Հայ ժողովրդի ծագումն ու վերաբնակումը. (ա. տ.), 1921։
Մարմարյան Արտեն. Ջորավար Անդրանիկ և իր պատերազմները. Կ. Պոլիս, 1920։
Մատթիոսյան Լ. Կապալետ տեսարան, (ա. ա., և Բ.)։
Մելիքենցի Գևորգ. Նախճիրներ (1915—1918). Բաստոն, 1929։
Մելիքսեթյան Վ. Գ. Զեյթունի հերոսամարտերը. Երևան, 1960։
Մելոեանց Հայկանուշ. Կյանք և մահ. Անթիլիաս, 1960։
Մեծ մարդասպանի դեմ. Պաշտոնական արձանագրություն եղեռնական տեսանի պատասխանության կատարված Կ. Պոլսում 1905 Թ. Նոյեմբերին. Ժնև, 1906։
Մեծ պատերազմը և հայ ժողովուրդը. Կ. Պոլիս, 1920։
Մեվլան Ջաեթ Րիֆաթ. Թուրքական հեղափոխության մութ ծալքերը. Թարգմ. թուրքերենից, Պեյրութ, 1938։
Մեվլան Ջաեթ Րիֆաթ. Օսմանյան հեղափոխության մութ ծալքերը և Իթթի-

հատի հայալեզու ծրագիրները. Բ տպագրություն. վերամշակված և պատկերազարդ. Պեյրութ, 1968։

Մեվլան Ջաւտ Ռիֆաք. *Օսմանյան հեղափոխության մութ ծալքերը և Իթթիհատի հայալեզու ծրագիրները. Գ տպագրություն. Բեյրութ, 1975։*

Մեր Իզմիրը և շրջակա քաղաքները. Նյու—Յորք, 1960։

Միաբանական ոգով և իմաստությամբ նշենք Հայկական մեծ եղեռնի հիսնամյակը. Լիբանան, 1965։

Մի քուրք սպայի հիշատակարանից. Թիֆլիս, 1917։

Միհրդատյան Արշակ. *Պատմություն Չեյթունի և վերջի պատերազմին, որ տեղի ունեցավ 1895-ին. Կ. Պոլիս, 1909։*

Մինախորյան Վ. *1915 թվականը արհավիրքի օրեր. Վենետիկ, 1949։*

Մինախորյան Վահան. *Սոզոմեն Թեհլիրյան. Վերհիշումներ. Գահիրե, 1953, Բ տպագր. 1956։*

Մինասյան Թ. Հուշեր. Անգարայի և Քեսքինի հայոց գողգոթան... Կրակվանդակ... Նաև Նոզգատի, Գողազլյանի, Կեսարիո Գըրշեհիրի և Գալաչիթի տեղահանության մանրամասնություններ. Փարիզ, 1957։

Մինասյան Լ. Գ. Պայքարի ոգին. Նոր Ջուղա, 1980։

Մխիթյան Արմենակ. *Ալբոմ եղեռնի. Տեքստը ֆրանս., արաբ., հայ. և անգլ. լեզուներով. Բեյրութ, 1965։*

Մխոճյան Ստեփան. *Ես Տեր—Ձորի դժոխքեն փախած եմ. Կ. Ա. Բ. Փարիզ 1965—66։*

Մհրագենց Վահան. *Հայկական ջարդերու փաստաթղթերը. Ա. մաս, Կ. Պոլիս, 1920։*

Միրոմյան Աննա. *Վերքեր ու ցավեր. Անթիլիաս, 1960։*

Մխիթար Կարս. *Պանդուխտ մորմոքներ. Պեյրութ, 1979։*

Մխիթար Կարս. *Վշտամատյան. Պեյրութ, 1981։*

Մխիթարյան Գյատս. *Հուշեր և վերհիշումներ (1918—1935). Անթիլիաս—Լիբանան, 1937։*

Մխիթարյան Օ. Վանի հերոսամարտը. Սոֆիա, 1930։

Մկռտչյան Եսթեր. *Թուրքիո գեհենեն. Հայ ընտանիքի մը հրաշալի փախուստը. Ականատեսի պատմություն. Ալեքսանդրիա, 1918։*

Մկրտչյան Թ. *Ոճրապատում. պր. 1։ Թիֆլիս, 1917։*

Մկրտչյան Թ. *Տիգրանակերտի նահանգին ջարդերը և գյուրտերու գազանություննները (ականատեսի պատմությունը). Կահիրե, 1919։*

Մկունդ Տիգրան. *Ամիտայի արձագանգներ հ. 1. Նյու—Ճերզի, 1950։*

Մկունդ Տիգրան. *Ամիտայի արձագանգներու վերակոչումն. հ. 2. Նյու—Յորք, 1953։*

Մնացականյան Ա. Ն. *Հայ ժողովրդի ոգեւորգությունը առաջ և համաշխարհային հասարակական մտքի փահատամամբ. Երևան, 1965։*

Մոզյան Լ. *Աքսորականի մը ոգեխականը (Սև օրերու հիշատակներ). Փարիզ, 1958, Գոստոն, 1958։*

Մարգաճ Ծազ դր. *Հայ ժողովուրդի պատմությունը իր տարեգրության ամենասուրբ ժամանակներեն մինչև մեր օրերը. Գոստոն, 1947։*

Մուրքճեան Հ. *Ամերիկյան դեսպանի հիշատակները և հայական եղեռնին գաղտնիքները. Կ. Պոլիս, 1919։*

Մերճյան Զավեն. *Արևմտահայ բռնագրաված հողերու հարցը 1921—1971 թթ. Բեյրութ, 1971։*

Մուշեղ արխեպիսկոպոս. *Հայկական մղձավանջը. Քննական վերլուծումներ. Պոստոն, 1916։*

Մուշեղ եպիսկոպոս. *Ատանայի չարդը և պատասխանատուները. Կահիրե, 1909, Պոսթըն, 1910։*

Մուշեղ եպիսկոպոս. *Հայկական մղձավանջը. Կահիրե, 1954։*

Մուրադյան Կարապետ. *Մահապարտի մը հուշեր. Փարիզ (ա. թ.)։*

Ճափուճյան Ավետիս. *Արևմտահայաստանի կորուստը և անոր պատասխանատուները. Կահիրե, 1970։*

Ճափուճյան, Ավետիս. *Մեծ եղեռնը օտար մտավորականության գնահատումով. Կահիրե, 1980։*

75 ամյակ Զեյթունի հերոսամարտի 1895—1970. (Անթիլիաս—Լիբանան), 1970։

Ճուճաճեան—Ալմա. *Աքսորյալ ժողովուրդ. գրեց Ալմա Ճուճանեան (1880—1974). Թարգմ. Պետրոս Զարդարյան. Ստոկհոլմ, 1980։*

Նազգաշյան Ա. *Այաշի բանտը. Պոսթըն, 1925, Նյու—Յորք, 1925։*

Նազգաշյան Ա. *Հայ մտավորականներու ձերբակալությունը և Այաշի բանտը. Պեյրութ, 1969։*

Նազլյան Հովհաննես. *Ճառ դամբանական ի հիշատակ հայ նահատակաց. Կ. Պոլիս, 1918։*

Նազլյան Հովհաննես. *Ճառ դամբանական անարատ հղության մայրապետաց գավառներու մեջ նահատակված քույրերու համար. Կ. Պոլիս, 1919։*

Նալբանդյան Մ. *Տարոնի ինքնապաշտպանությունը և չարդը, 1914—1915։ Ֆրեզնո— 1920։*

Նաճարյան Միհր. *Էջ մը Տիգրանակերտի տարագրութենեն. Հալեպ, 1919։*

Նայիմ բեյ. *Փաստաթղթեր, (ա. տ. և թ.)։*

Նաճճեե-Ֆեֆոյոֆ. *Հայաստան և Մերձավոր Արևելք. Թարգմ. Հրաչ Քաջբերենց Պեյրութ, 1958։*

Նազարյան Հարություն. *Զեյթունի քաջամարտիկ Տեր Օհանի քաջագործությանց դրվագներեն. Բեյրութ, 1958։*

Նարինյան Նվարդ. *Տառապանքի նոպաներ. Իրական կյանքե առնված 1915—1922. (ա. տ. և թ.)։*

Նեթիմ Մուրթֆա (*Նախկին քարտուղար Սուլթան Համիտի*). *Հայ եղեռնը. Իմ վկայություններս. Թուրքերեն բնագրեն թարգմանեց Արշակ Ս. Շաքեյան, Կահիրե, 1925, Սոֆիա, 1936։*

Նեռոտտա Ե. *Ժամանակակից պատմաբյան նոպատրաչ. Էջը. Նյու—Յորք, 1916։*

Ներսիսյան Մ. Գ. *Հայ ժողովրդի ազատագրական պայքարը թուրքական բռնապետության դեմ 1850—1870 թթ., Երևան, 1955։*

Շիճյան Մ. Միքայել. *Ով փշաքաղ հայությունը. Ֆրեզնո, 1930։*

Տուզարյան Մ. *Ագավոր տարիներ. Փարիզ, 1936։*

Շաբրյան Լ. *Հայկական յարդերը և թուրք վարիչները. Կ. Պոլիս, 1918։*

Շահնէ Ս. *Ջելթուն. Նյու—Յորք, 1920։*

Շահնէ Սեդրակ. *Կիլիկիո ձախողանքը. Պատասխանատու գերակատարները և մեղսակիցները. Չիկագո, 1921։*

Շաւրիմեան Վահան. *Հայկական խնդիրներին ծագումը, հ. Ա. Կ. Պոլիս, 1913։*

Շամտաճեան Միքայել. *Հայ մտքին հարկը եղեռնին. Աքսորականի մտածումներ և զգացողություններ. Կ. Պոլիս, 1919։*

Շամտաճեան Միքայել. *Հայ մտքին հարկը եղեռնին. Հիսնամյակ. 1915—1965 (Անթիլիաս), 1965։*

Շարաֆյան Տրվանդ. *Տարոնի եղեռնը. Ականատեսի վկայություններ. Սան—Ֆրանցիսկո, 1965։*

Շիշմանեան Վռեզդ. *Իմ աքսորի կյանքը. Գահիրե, 1906։*

Շիրակեան Արշավիր. *Կտակներ նահատակներու. Պեյրութ, 1965։*

Շիրինյան Ներսես. *Անդունդեն դեպի բարձրունք. Պեյրութ, 1974։*

Շիրվանզադե. *Պատերազմի վայրերից. Թիֆլիս, 1915։*

Շնեուր Ալեխանդր Կ. *Սարդարապատի հերոսամարտը. Գրեց գլխավոր սպայակույտի գնդապետ Ալեքսանդր Կ. Շնեուր. Մասնակցողի հուշեր. Թարգմ. Ա. Ամուրյան. Ֆրեզնո, 1967։*

Ոսկերչյան Ե. Ա. *Տառապանքի օրերին. Հալեպ (Սուրիա), 1923։*

Ոսկերչյան Տրվանդ. *Կիլիկյան հուշեր (1907—1929). Հալեպ (1930)։*

Ոսկյան Մ. *Համնցիին ոճիրը. Նվեր դյուցազն հերոսներուն Ճին Թորոսի և ընկ. հիշատակին. Ալեքսանդրիա, 1913։*

Ռոբերյան Չարեճ. *Ուրֆայի վերջին օրերը 1915-ին (գյուղապատմություն), Պեյրութ, 1961։*

Ջալըգյան Ա. *Ջորս տարուան տառապանք. Եվգոկիացի (Բոքատ) օր. Բեփերիկ Ջալըգեանի աքսորի կեանքեն. Նյու—Յորք, 1920։*

Ջարըգ Զազար. *Հուշամատյան Բարձր Հայքի Կարինապատում. Պեյրութ, 1957։*

Չիլինկիրյան Ե. *Արձագանք. Վերհուշեր անցյալեն և ազգ. զանազան անցուդարձերու 1900—1918 թթ. Պեյրութ, 1927։*

Չիլինկիրյան Եղիշե. *Նկարագրություն Ուրսաղեմի — Հալեպի — Դամասկոսի, գաղթականական և վանական զանազան գիպաց ու անցքերու, 1914—1918. Ալեքսանդրիա, 1922։*

Չիֆտե—Սարաֆ. *Թուրք օրերին. Կ. Պոլիս, 1909։*

Չոպանյան Ա. *Հայաստանը Թուրք լուծին տակ. Պոստոն, 1918։*

Պալաթյան Գրիգորիս. *Հայ գողգոթան. Դրվագներ հայ մարտիրոսագրություններն Պոլիսեն դեպի Տեր Զոր 1914—1920. Ա. հատոր, Վիեննա, 1922, Բ. հատոր, Փարիզ 1959։*

Պալաթկյան Գրիգոր. *Տարագրի մը հայերան (ապրումներ և հուշեր 1912—1918). Ֆրեզնո, 1958։*

Պապիկյան Հ. *Առանայի եղեռնը. Թարգմ. Հ. Սարգսյան. Կ. Պոլիս, 1919։*

Պապիկյան Հակոբ. *Առանայի եղեռնը. Տեղեկագիր Հակոբ Պապիկյանի, Ֆրանսիո գը Փրեսաեանի հառաջաբանով. Կ. Պոլիս, 1919։*

Պասարմաճյան Հրանդ. *Հայոց պատմություն. Բ. հատոր. Անթիլիաս—Լիբանան, 1958։*

Պատրիկ Ռոմել. *Պատմագիրք հուշամատյան Սեբաստիա և գավառի հայության. հ. Ա. Բեյրութ, 1974։*

Պարթևյան Ս. *Արյունին մատյանը. Կահիրե, 1915։*

Պարթևյան Ս. *Կիլիկյան արհավիրքը. Կ. Պոլիս, 1910։*

Պերպերյան Սատուր. *Խալին ճամբան. Դրվագներ 1915—1925. Փարիզ, 1955։*

Պիճոն Ռրճե. *Հայերու բնաջնջումը. գերմանական մեթոտ—քրքական գործելակերպ. Թարգմ. էդ. Ջորբոյան. Կ. Պոլիս, 1919։*

Ռոդուրյան Գ. *Յեղասպան Թուրքը. Վկայություններ, քաղվածք հրաշքով փրկվածներու զրույցներեն. Բեյրութ, 1973։*

Ռոզոսյան Արտաշես. *Սոցիալ—տնտեսական հարաբերությունները Կարսի մարզում, 1878—1920. Երևան, 1961։*

Ռոզոսյան Հակոբ. *Հաճընի ընդհանուր պատմությունը և շրջակա Գուլանդագի հայ գյուղերը. Լոս— Անճըլս, 1942։*

Ռոզոսյան Հ. *Հայ ցեղը և հալածանքները հոգեբանության լուսին տակ. Բոստոն, 1919։*

Ռոզոսյան Հ. Մ. *Ջեյհունի պատմությունը. 1409—1921 թթ. Երևան, 1969։*

Ռոզոսյան Ս. *Թուրքահայ սպայի մը օրագիրը, 1916 թ. հուլիս—նոյեմբեր. Փարիզ, 1947։*

Ռոզոսյան Ս. *Տխուր դրվագներ արյունոտ պատկերներ. Գահիրե, 1919։*

Ռոյաճյան Տիգրան. *Հայկական լեգեոնը. Բոստոն, 1965։*

Ռոնտացի. *Քողարկում կամ Տրապիզոնի ազգային վերջին անցուդարձը. Տրապիզոն, 1913։*

Ռուբակյան Հ. Գ. *Մուսա—լեռան հերոսամարտը. Հալեպ, 1954։*

Ջեբարդ Ջ. Վ. *Դեսպան Ջեբարդի պատմածները. Գերմանիո մէջ իմ չորս տարիներս. Կ. Պոլիս, 1919։*

Սահակյան Արամ. *Դյուցազնական Ուրֆան և իր հայորդիները. Պեյրութ, 1954։*

Սահակյան Արամ. *Ուրֆայի հերոսամարտը. Բեյրութ, 1933։*

Սաղըրյան Ս. *Կիսադարյան հուշամատյան (1895—1945). ազգային և քաղաքական ժամանակակից հարցեր մինչև Կիլիկիո պարպումը (1895—1922). Փարիզ, 1948։*

Սասուն—Մուշի կռիվները 1904-ին. Հայ հեղափոխական նահատակների հիշատակին. Ժընեվ, 1906։

Սասունի ու Զոռի արշավանքները. (ա. տ.), 1904։

Սասունցի Մարտիրոս. *Սև օրագիր. Բեյրութ, 1957։*

Սարգիսյան Խաչեր. *Յոթանասուն տարիներու հուշերս. Բեյրութ, 1970։*

Սարգսյան Ե. Ղ. *Թուրքիան և նրա նվաճողական քաղաքականությունը Անդրկովկասում 1914—1918. Երևան, 1964։*

Սարգսյան Ե. Ղ., Սահակյան Ռ. Գ. *Հայ ժողովրդի նոր շրջանի պատմության ներգափոխումը թուրք պատմագրության մեջ. Երևան, 1963։*

Սարգսյան Լևոն. *Այց Թյուրքաց Հայաստանին. (Հայ տուրիստի հիշողություններից). Թիֆլիս, 1890։*

Սարուխան. *Հայկական խնդիրն և ազգային սահմանադրությունը Թուրքիայում (1860—1910). Թիֆլիս, 1912։*

Սեակ Մ. *Հայկական մեծ եղեռնը և մենք.* Քրքական Հայասպանություն, Նյու—Յորք, 1964։
Սերոբյան Մ. *Հայկական հարցը և անոր փուլերը.* Պեյրութ, 1937։
Սերոբյան Մ. *Հայկական մղձավանջը.* Պոստոն, 1916։
Սիմոնյան Երանուհի. *Իմ գողգոթաս.* Անթիլիաս, 1960։
Սիսակ. *Մի կաթիլ արտոսը զոր կը հեղու Սիսակ Հայ մոխիրին վրա.* Կ. Պոլիս, 1879։
Սյուրմենյան Գ. *Երզնկա.* Գահիրե, 1947։
Սյուրմենյան Գ. *Տաճկահայ զինվոր և զինվորականությունը նախ տաճկական ապա հայկական բանակներու մեջ.* Բեյրութ, 1967։
Վարազ. *Բացառիկ նվիրված մեծ եղեռնի և Վանի հերոսամարտի 50-ամյակի տարեդարձներուն 1915—1965.* Բեյրութ, 1965։
Վարդան Վռեն. *Հայկական տասնհինգը և հայերու լքեալ գույքերը. (Քննական ակնարկ ըստ քրքական վավերագիրներու).* Պեյրութ, 1970։
Վարդանյան Ե. *Անապատե անապատ.* Վենետիկ, 1923։
Վարդանյան Ե. *Վասպուրականի նահանջ բյուրոցը.* Պոսթըն, 1920։
Վարդանյան Միքայել. *Մուրատ.* Պոսթըն, 1931։
Վարժապետյան Մ. *Ալթոլին նախճիրները.* Մարզվան, 1910։
Վերֆել Ֆրանց. *Մուսա լեռան քառասուն օրը.* Երևան, 1964։
Տաշեան Հ. *Հայ ազգի տարագրությունը գերմանական վավերագիրներու համեմատ.* Մաս Ա. Վիեննա, 1921։
Տատրյան Վահրամ. *Գերեզմաններու մեջեն. (Փրցված էջեր օրագրես).* Նյու—Յորք, 1945։
Տատրյան Վահրամ. *Դեպի անապատ (Փրցուած էջեր օրագրես).* Նյու—Յորք, 1955։
Տարագճյան Լեռն. *Մարգարեությունները պսակված.* Աստանա, 1919։
Տարոնեցի Ազատ. *Տարոնապատում. Պատասխանատուները Տարոնի եղեռնին.* Սան—Ֆրանցիսկո, Բեյրութ, 1966։
Տարոնցի Պլակ. *Ապստամբ Սասունը. Մի էջ Սասունի նորագույն դեպքերից.* Ժընև, 1903։
Տեղեկագիր Ա. Թուրքահայ աղետը. Պատմական փաստաթղթեր, Ս. Էջմիածին, 1919։
Տեղեկագիրք գավառական հարստահարությանց, ներկայացյալ առ Բ. Դուռն. Կ. Պոլիս, 1876։
Տեմիրճյան Արտաշես. *Համավորի մը պատմությունը.* Բոստոն, 1916։
Տեռվիեք Գ. *Զեյթուն. Պատմություն Զեյթունի 1895-ի պատերազմներուն, տեղական բարքերով և հին դեպքերով ալ հոխոցած. Մ. 1—3.* Փարիզ, 1945—49։
Տեր—Այվազյան Ստեփան. *Անմահներ և մարտիրոսներ. (Քրքական նախճիրներեն փրկված որբի իբրև վկայություն).* Թուռուն, Արիզոնա, 1973։
Տեր—Արիստակեսյան Ե. *Գաղթականի մի համառոտ կարիճքները.* Մոսկվա, 1900։
Տեր—Խաչեղյան Հ. *Հայկական ողբերգությունը փաստերու լույսին տակ.* Փարիզ, 1945։

Ցեր—Կուրգենյան Ագեխվ. *Կյանքիս սև էջը. Անթիլիաս, 1960։*

Ցեր—Ջոր. *Հեղինակ՝ աղետեն վերապրողներ. Փարիզ, 1955։*

Ցեր—Կարապետյան Գ. *Հողային հարցը Հայաբնակ նահանգներուն մեջ. Կ. Պոլիս, 1911։*

Տեր—Կարապետյան Ն. *Նահատակաց հիշատակին. Բաքու, 1922։*

Ցեր—Հակոբյան Հ. *Հայաստանի վերջին աղետը. Կ. Պոլիս, 1921։*

Ցեր—Հարությունյան Աբգար. *Հայ գաղթականները Բագու և նրանց վերադարձը. Բագու, 1902։*

Ցեր—Հարությունյան Հ. *Շապին—Գարահիսարի ապստամբությունը. Թիֆլիս, 1917, 2-րդ հրատ. Բոստոն, 1955։*

Ցեր—Ղուկասյան Փարավոն. *Հայ կամավոր զինվորի մը հուշեր. (ա. տ. և թ.)։*

Ցեր—Գարամյան Եղիշե. *Տարոնո ինքնապաշտպանությունն ու ջարդը, 1914—1915. Ֆրեզնո, Քալիֆորնիա, 1920։*

Ցեր—Վարդանյան Հովսեփ. *Ինքիլլի—Այրանի սպանդը 1916, մութ մնացած էջ մը մեծ եղեռնեն. Երուսաղեմ, 1928։*

Ցերեց Երվանդ. *Ես տեսա Տեր—Ջորի դժողքը. Բեյրութ, 1966։*

Ցերտերյան Ի. *Հայկական գոյամարտը. Թեհրան, 1957։*

Ցոմմեճյան Մեսրոպ. *Արյան հետքերով. Անթիլիաս, 1960։*

Ցոճապետյան Պետրոս. *Ջայն տառապելուց. Փարիզ, 1922։*

Ցոճիկյան Լևոն. *Իմ տեսածներս 1915—1924. Փարիզ, 1933։*

Ցոճիկյան Գ. *Հայկական փոթորիկը (տեսածներեն, լսածներեն, մտածածներեն). Կահիրե, 1929։*

Տրեռ Էդուարդ. *Արևելյան խնդիրը և հայկական հարցը իր ծագումեն մինչև մեր օրերը. Կ. Պոլիս, 1918։*

Փամպուքյան Ե. *Ապրիլյան եղեռնը. Անթիլիաս, Լիբանան, 1965։*

Փաճիկյան Օ. Ս. *Մահից դեպի կյանք. Երևան, 1965։*

Փաշայան Կ. *Համիտի օրերեն. Դրվագներ հայ հեղափոխական կյանքեն. պր. Ա—Բ. Կ. Պոլիս, 1911—1912։*

Փափազյան Սամվել. *Անցյալի հուշերես. Վկայություններ, կյանքի դրվագներ. պատմություններ և այլն. Բեյրութ, 1959։*

Փարամազի Ճարը. Իմ դատավարությունս Տաճկաստանում 1898 թվին. Շիքագո, 1919։

Փափազյան Վաճառ. *Համաշխարհային պատերազմը և Տարոնի աշխարհը 1914—1915. (տ. և թ.)։*

Փիլիպոսյան Նարիցա և Քեռոբէյան Ավ. *Հուշարձան եղեռնագիններու (Նոզդատ). Ֆրեզնո, 1955։*

Փիրանյան Ն. *Խարբերդի եղեռնը. Պոսթըն, 1937։*

Փուսուլյան Մանուկ. *Դրվագներ Զեյթունի անցյալեն. Հալեպ, 1929։*

Քամալյան Վ. *Արյան գետեր. Կահիրե, 1920։*

Քաչբերունի. *Բադա գյուղի ավերումը. Վաղարշապատ, 1910։*

Քաչունի Եղիշե. *Անդրանիկի և հայկական առանձին հարվածող զորամասի հետ. Նյու—Յորսի, 1976։*

Քեչեան Առաքել. *Կարմիր դրվագներ հերոսներու կյանքեն, 1915—1918. Ա. Բ. Գ. հատ., Պուքրեշ, 1938, 1939, 1940։*

Քեֆելյան Հարություն. *Աչխարահադաչտ (եղեռնի դրվագներ Անդրեասի շրջաններու). Փարիզ, 1937։*

Քյութեճյան Չարմայր. Մեր իրավունքները և պահանջները. Փարիզ, 1958։

Քոսյան Հակոբ. Աքսորի համփան (տառապանաց տեսակներ). Վիեննա, 1922։

Քսան կախաղաններ. Նվեր 1915 հունիս 2/15-ին Կ. Պոլսո մեջ կախաղան բարձրացող քսան Ս. Դ. Հնչակյան ընկերներու հիշատակին. Փրավիտենս, 1916։

Քրաֆք—Պօնաո Անտոնի. Հայկական խնդիրը. Ժընեվ, 1927։

Ֆայեզ էլ Հոսեյն. Մարտիրոսացած Հայաստան. Թարգմ. Գարեգին Ջհյ. Կիրակոսյան. Նոր Ջուղա, 1920։

Ֆայեզ էլ Ղոսեյն. Ջարդերը Հայաստանի մեջ. Ականատեսի վկայություններ. Թարգմ. Ֆրանսերենից և ծանոթագր. հրատ. Գր. Պատմաճյան. Կահիրե, 1960։

Ճիհէ. Սասունի և Ջռոի արշավանքները. Բոստոն, 1905։

Ոպուանօ Ժ. 26 օգոստոս 1896-ի օսմանյան կայսերական դրամատան մեջ. Կոստանդինապոլիս, (ա. թ.)։

Օսիպով Ա. Մի ամիս Կ. Պոլսում. ամառվա հիշողություններ 1896 թ. հայկական սարսափներից. Թարգմ. Ե. Ք. Նալբանդյան. Ալեքսանդրապոլ, 1915։

Օտյան Երվանդ. Արյունոտ հիշատակումը. Կ. Պոլիս, 1920։

Սոմանյան Մատաթիա. Թյուրքահայ. աղետը. Պատմական փաստաթղթեր. Էջմիածին, 1919։

Andonian A. The Memoirs of Naim Bey. Turkish official documents relating to the deportations and massacres of Armenians. With an introd. by Viscount Gladstone. London, 1920. Ibid.: 1964.

Apcar Diana A. The truth about the Armenian massacres. Yokohama, 1910.

Apčar Diana A. The murder of Armenia. Yokohama, 1916.

An appeal on behalf of Armenian orphuns. Manchester, 1899.

April 24, 1965. Armenian Martyr's day. (New York, 1965).

Armenia: A cry for justice. 1915—1965. Canada, 1965.

Armenia: The massacres of Sassoun. London, (S. a.).

The Armenian Question: The cry of Armenia. (S. l.), 1895.

The Armenians remember... 1915: Fiftieth Commemoration of a Genocide. Beirut (1965).

Assassination of Armenia: The Turkish program of annihilation described by the Government representatives, teachers, missionaries and other eye-witnesses. New York, 1915.

Avakian Lindy W. The Cross and the Crescent. Los Angeles, Calif., 1965.

Barsumian Nazarette. Stowaway to heaven. New York, 1961.

Barton Clara. Story of Turkey and Armenia. With a full and accurate account of the recent massacres written by eye-witnesses... Baltimore, 1897.

Behesnilian Krikor. Armenian bondage and carnage: Being

the story of Christian Martyrdom in modern times.— London, 1903.
Benson E. F. Crescent and iron cross. London, 1918.
Betrayal of Armenia. A reply to Lord Salisbury. Documentary and historical evidence of England's responsibility for the horrors inflicted by the Turks upon the Armenian people. Manchester, 1896.
Bliss E. M. Turkey and the Armenian atrocities: A reign of terror. Centuries of oppression. With an introd. by Miss Fr. E. Willard. Illustrated. London, 1896.
Boyajian Dikran H. Armenia: The case for a forgotten Genocide. New Jersey, 1972.
Bravley Hodgetts. Round about Armenia. London, 1896.
Bryce Lord. Armenia's charter. A plea by Lord Bryce... London, 1918.
Capper S. J. The haunting horrors in Armenia, or who will be damned for this? London, 1896.
Chambers Ada P. In an Anatolian valley. New York, 1955.
Charmetant Le Père Fx. Dying Armenia and Christian Europe: An Appeal to those in power London, (S. a.).
Commemoration services for the 50-th Anniversary of the Great National tragedy of Armenians, on Saturday 24th & Sunday 25th April, 1965. Calcutta, 1965.
Correspondence relating to the Asiatic provinces of Turkey: 1892—1893. London, (1896). (Turkey, No. 3).
Correspondence respecting the condition of the populations in Asiatic Turkey: 1888—89. London, (1889).
Correspondence respecting the condition of the populations in Asiatic Turkey and the trial of Moussa Bey. London, (1890).
Correspondence respecting the condition of the Proceedings in the case of Moussa Bey. London, 1891.
Correspondence respecting the disturbances at Constantinople in August 1896. London, 1897.
Courzinos E. N. Twenty-three years in Asia Minor: 1899—1922. New York, 1969.
Crime trial verdict: Fiftieth Commemoration of a Genocide: 1915—1965. Beirut, (1965).
The cry of Armenia. New York, (1919).
Davison Roderic H. The Armenian crisis: 1912—1914. New York, 1948.
Death's ride in Anatolia and Armenia. London, 1920.
Des coursons R. Vte. The Armenian rebellion. London, 1896.
Edwards James Patrick. An Asiatic Poland of the vicissitudes of Armenia with a suggested redistribution of Moslem property.— SpB, 1895.
Fais el-Gusein (A Bedouin). Martyred Armenia. London, 1917.
Ferman Z. Duckette. The Young Turks and the truth about the holocaust at Adana in Asia Minor during April 1909. London, 1913.
The 55th Anniversary observance of the Armenian Martyrs day, Sunday, April 26, 1970. Boston, Mass., 1970.
First Genocide: Armenian massacres by Turks: 1915—1918. New York, 1965.
Further correspondence respecting the Asiatic provinces of Turkey and events in Constantinople. London, 1897.

Gabriel M. S. Christian Armenia and the Christian powers.— New York, 1897.
Gabrielian M. C. Armenia: A martyr nation: A Historical sketch of the Armenian people. New York, 1918.
Gembarski Bohdan. A letter to my Turkish friend. Transl. from the Armenian by Matthew A. Calender. New York, 1963.
Germany, Turkey and Armenia: A selection of documentary evidence relating to the Armenian atrocities from German and other sour— ces. London, 1917.
Gibbons Helen Davenport. The red rugs of Tarsus. New York, 1917.
Gibbons Herbert Adams. The blackest page of modern history: Events in Armenia in 1915. The facts and the responsibilities. New York, 1916.
Greene Frederick Davis. The Armenian crisis in Turkey. The Massacres of 1894, its antecedents and significance. New York— London, 1895.
Greene Frederick Davis. Armenian Massacres or the sword of Mohammed: Containing a complete and thrilling account of the terrible atrocities and wholesale murders commited in Armenia by Mohammedan fanatics... Philadelphia—Chicago, 1896.
Greene Frederick Davis. The rule of the Turk. New York— London, 1897.
Guinness Walter. Impressions of Armenia. London, 1918.
Gulesian M. H. England's hand in Turkish massacres. Boston, 1897.
Guttmann Joseph. The beginnigs of Genocide. A brief account of the Armenian Massacres in World War I. New York, 1948.
Hacobian A. P. Armenia and the war: An Armenian's point of view with an appeal to Britain and the coming Peace Conference. With a preface by the Rt. Hon. Viscount Bryce. London, et al., 1917.
Haig H. H. The First Genocide: A play in 4 acts. New York et al., 1967.
Hamlin C. The genesis and evolution of the Turkish massacres of Armenian subjects. Worcester, 1898.
Hamlin C. The martyrdom of Armenia. New York, 1896.
Harris J., Harris, H. B. Letters from the scenes of the recent massacres in Armenia. London, 1897.
Harutunian Abraham H. Neither to laugh nor to weep: A memoir of the Armenian Genocide. Boston, 1968.
Hamels H. R. A Persian on the Armenian massacres. London, 1897.
Horton George. The blight of Asia. With a foreward by James W.Gerard, former Ambassador of Germany. Indianapolis, 1926. Ibid.: 1953.
Houseplan Marjorie. A commentary report: The unremembered Genocide. New York, 1969.
Hovannisian Richard G. Armenia on the road to independence, 1918. Berkeley, Los Angeles, 1967.
Howard William Willard. Horrors of Armenia: The story of an eye-witness. New York, 1896.
In Commemoration of the massacres of the Armenian people 50 years ago: 1915—1918. San Francisco, Calif., 22 March, 1965.

Kapiklan Garabed. Yeghernabadoum (Story of Genocide). An account of the deportations and massacres of the Armenians of Sebastia and Lesser Armenia. New York, 1978.

Kash Sarkis H. Crime unlimited. Publ. on the 50-th Anniversary of the Martyrdom of the Armenian nation. (Wisconsin), 1965.

Kazarian Haigaz K. Minutes of secret meetings organizing the Turkish Genocide of the Armenians. With Turkish sources say on the subject. Boston, Mass., 1965.

Knapp Grage H. The tragedy of Bitlis: Being mainly the narratives of Grisell M. McLaren and Myrtle O. Shane. New York, 1919.

Kowalewski Edmond. Turk at work: The most fearful Genocide in the history of the human race; In Commemoration of the 50-th Anniversary of the martyrdom of our people. Venezia, 1965.

Lambert Rose. Hadjin and the Armenian massacres. New York, 1911.

Lepsius J. Armenia and Europe: Indicment. London, 1897.

Maccoll Malcolm. The Sultan and the Powers. London et al., 1896.

Maccoll Malcolm. England's responsibility towards Armenia. London, New York, 1895.

Mardiganian Aurora. Ravished Armenia. Introd. by L. Gates. New Work, 1918.

Margosian Bedros. Of desert bondage. Boston, Mass., 1940.

Martyrdom and rebirth: Fateful events in the recent history of the Armenian people. Pref. by G. P. Gooch. New York, (1965).

The Memoirs of Naim Bey. Turkish official documents relating to the deportations and massacres of Armenians. Compiled by Aram Andonian. London, 1920. Ibid. Pensilvania, USA. 1964 and 1965.

Messerlian Zaven. The premeditated nature of the Genocide perpetrated on the Armenians. Anthilias—Liban, 1980.

Minas Setrak Benjamin. April 24, Armenian Memorial day. Why Armenians commemorate this day. Boston, 1965.

Misaklan J. A searchlight of the Armenian Question: The massacres 1915—1916. Boston, 1950.

Morgenthau Henry. Ambassador Morgenthau's story. Garden City -New York, 1918.

Morgenthau Henry. The tragedy of Armenia. London, 1918.

Morgenthau Henry. The tragedy of Armenia. By the Late American Ambassador at Constantinople (1913—1916). Beirut—Lebanon, (1967).

Mugerditchian Esther. From Turkish toils. The narrative of

an Armenian family's escape. Transl. from the Armenian. New York, (S. a.).

Nansen Fridjof. Armenia and the Near East. New York, 1928.

Nazar James. The First Genocide of the twentieth century. The story of the Armenian massacres in text and pictures. New York, 1968.

Nogales Rafael de. Four years beneath the Crescent. Transl. from the Spanish by Muna Lee. With an introd. by Lieut.—Col. Edward Davis. New York, London, 1926.

Norman C. B. Armenia and the Campaign of 1877. London, 1888.

Papazian Bertha. The tragedy of Armenia. A brief study and interpretation. Boston—Chicago, 1918.

Rawnsley H. D. The sorrows of Armenia. Sermon. Keswick, 1896.

Report of the International Conference on the situation in the Near East, held in London on 29-th June 1904. London, 1904.

Robinson E. J. The Armenians. London, (1918).

Robinson E. J. The truth about Armenians: To English men and women. London, 1913.

Rockwell W. W. The deportations of the Armenians, described from day to day by a kind woman somewhere in Turkey. New York, 1916.

Rolin-Jacquemyns Gustave. Armenia, The Armenians and the Treaties. London. 1891.

Sadik Shahid Bey. Islam, Turkey and Armenia and how they happened. St. Louis (1898).

Salmone H. A. The Massacres in Turkey. London, 1896.

Sarkisian E. K., Sahakian R. G. Vital issues in modern Armenian history: A documented expose of misrepresentations in Turkish historiography. Transl. and ed. with an introd., maps and postscript by Elisha B. Chrakian. Watertown, Mass., 1965.

Sarkissian Leo. 1915: Before and after. Boston, (1965).

Sevag Manasseh. Fiftieth Anniversary (1915—1965) of the Turkish Genocide of the Armenians. Philadelphia, 1965.

Shepard F. D. Personal experience in Turkish massacres and relief work. Worcester, 1911.

Tashian James H. Turkey: Auther of Genocide. (Boston), 1965.

Tavoukdjian Serpouhi. Exiled: Story of an Armenian girl, Washington, 1933.

These were the children ...: Commemoration Committee on the 50-th Anniversary of the Turkish Genocide of the Armenians. Boston, Mass., 1965.

Stuermer Harry. Two years in Constantinople. New York, 1917.

Terzian Aram. An Armenian miscekkanyi Window on history. Paris, 1969.

Toynbee Arnold J. Armenian atrocities: The murder of a nation. With speech delivered by Lord Bryce in the House of Lords, London et al., 1915.

Toynbee Arnold J. The murderous tyranny of the Turks. With a pref by Viscount Bryce. London, 1917.

Toynbee Arnold J. The murderous tyranny of the Turks. New York et al., 1975.

Toynbee Arnold J. The Western Question in Greece and Turkey. London, 1922.

Tozer H. F. Turkish Armenia and Eastern Asia Minor. London, 1881.

The Treatment of Armenians in the Ottoman Empire, 1915—16. Documents presented to Viscount Grey of Fallodon by Viscount Bryce; with a pref. of Viscout Bryce. London, 1916. Ibid.: 1972.

Trochine Y. Bystander's notes of a massacre: The slaughter of Armenians in Constantinople. New York, 1897.

Turkish misrule in Armenia. Town's meeting in Manchester, held Tuesday, Nov. 25-th, 1890. Manchester, 1890.

Ussher Clarence D., Knapp Green H. An American phyisician in Turkey. Boston, New York, 1917.

Vertanes Charles A. Documents concerning the Genocide. Presented to the Sub-committee on the Genocide Convention of the Senate, March 8, 1950. New York, 1950.

Walker Christopher J. Armenia: The survival of a nation. London, 1980.

Werfel Franz. The forty days of Musa Dagh. Transl. from the German by Geoffrey Dunlop. New York, 1934. Ibid.: 1935.

Whitam Sidney. Turkish memories. London, New York, 1914.

William A. W., Gabriel M. S. Bleeding Armenia: Its history and horrors. London, 1896.

Williams W. L. Armenia: Past and present. A study of a fore—cast. With an introd. by T. P. O'Conner. London, 1916.

The young Turks and the truth about the holocaust at Adana in Asia Minor during April, 1909.

Wintle W. J. Armenia and its sorrows. 2-nd et. London, 1896.

Zahigian Krikor M. One page of Armenia's tragedy: A story of the years wherein we have seen evil; The testimony of an eye-witness. With a foreword by Henry Turner Bailly. Cleveland, Ohio, 1923.

Zoolumian Marie. My cup of woe: The tragic tale of an Armenian woman whe fell into Turkish hands... Pitsburg, 1920.

Adossidès A. Arméniens et Jeunes-Turcs: Les massacres de Cilicie. Paris, 1910.

Alcard Jean. Arménie: La plainte arménienne. Venise, 1917.

Alcard Jean. Tout un peuple martyr. Venise, 1919.

d'Allauch P. B. La vérité sur l'Arménie: Récits d'un témoin oculaire. 2-me ed. Paris, 1895.

Les alliés et l'Arménie. Messages de A. Meillet, B. Bareilles, E. Doumergue: L'heroïque Arménie par Camille Mauclair; Pour l'Arménie par Albert Thomas. Paris, 1918.

Andonian Aram. Documents officiels concernant les massacres arméniens. Trad. du manuscrit arménien, avec l'autorisation de l'Auteur par M. S. David-Beg. Paris, 1920.

Andreassian Dikran. Comment un drapeau sauva quatre mille Arméniens. Paris (S. a.).

Ange (Le P.). L'ère du martyre n'est pas close. "Relation du Père en Arménie et en Mésopotamie. Lyon, 1919.

d'Annezay Jean. Au pays des massacres, saignée arménienne de 1909 Paris, 1910.

Anonyme. Rapports sur l'oppression des Arméniens en Arménie. Londres, 1877.

Antoine Emile. Les Massacres d'Arménie. Bruxelles, 1897.

d'Any K. L'extermination des chrétiens en Turquie. Avec une préf. de Benjamin Vallotton. Lausanne, 1918.

d'Any K. La fin de la politique de massacres et l'heure du châtiment, Lausanne, 1919.

Aramaïs. Les massacres et la lutte de Mouch-Sassoun (Arménie) 1915. Genève, 1916.

L'Arménie et la question arménienne avant, pendant et depuis la guerre Paris, 1922.

Arménie immortelle: 1915—1965. Soirée commémorative à l'occasion du 50-e anniversaire des massacres d'Arméniens en Asie Mineure... Genève, 1965.

Les Arméniens en Turquie. Rapport du Patriarchat arménien de Constantinople à la Sublime Porte. Trad. de l'arménien par K. S. Achguerd. Paris, 1877.

Les Arméniens se souviennent... 1915. Le cinquantenaire d'un Génocide. Beyrouth (1965).

Arsène. (Le P.). Massacre et deportation des Arméniens de Sivas: Récit émouvant d'une dame arménienne de Sivas. Le Caire, 1919.

Arslanian A. Comment la justice a été condamnée à Adana.— Le Caire, 1909.

Babigulan H. La situation des Arméniens en Turquie exposée par des documents (1908—1912). Rapport en 1909 sur les massacres arméniens d'Adana. (S. l., s. a.).

Barby Henry. Au pays de l'epouvante: L'Arménie martyre. Préf. de M. Paul Deschanel. Paris, 1917.

Baronian L. Pierre Loti... Politicien et les massacres d'Arménie. Genève, 1919.

Berard Victor. La mort de Stamboul. Considerations sur le gouvernement des Jeunes-Turcs. Paris, 1913.

Bernstein Eduard. Les souffrances du peuple arménien et le devoir de l'Europe. Conférence publique faite à Berlin le 28 juin 1902. Genève, 1902.

Berron Paul. Après les persécutions des chrétiens en Orient. Strassbourg, 1929.

Brandès Georges. L'Arménie et l'Europe. Conférence faite à Berlin le 2 février 1903. Genève, 1903.

Brézol Georges. Les Turcs ont passé là... Recueil de documents, dossiers, rapports, requêtes, protestations, suppliques et enquêtes établissant la vérité sur les massacres d'Adana en 1909. Paris, 1911.

Bricaud Joanny. L'Arménie qui agonise: Les massacres arméniens. Paris, 1916.

Bulluklan Napoleon. De l'Ararat à Napoleon. La pensée universelle. Paris, 1975.

Captanian P. Mémoires d'une deportée. Paris, 1919.

Carlier Emile. Au milieu des massacres: Journal de la femme d'un Consul de France en Arménie. Paris, (S. a.).

Carre de Vaux B. Les massacres d'Arménie. Conférence faite au salon bibliographique le 9 mars 1896. Paris, 1896.

Carzou Jean-Marie. Un Génocide exemplaire: Arménie 1915. Paris, 1975.

Charmetant le Père Fx. L'Arménie agonisante et l'Europe chrétienne: Appel aux chefs d'état. Paris (S. a.).

Charmetant le Père Fx. Livre d'or des martyrs de la charité: Hommage aux victimes de la catastrophe du 4 Mai 1897. Vendu au profit de la souscription pour les victimes des massacres d'Arménie. Paris, (S. a.).

Le Châtiment de la Turquie par un diplomate. Genève, 1919.

Clémanceau Georges. La politique des massacres. Jugée par M. Clémanceau. Paris, 1920.

Cochin Denys. Contre les barbares. Paris, 1899.

Coulbault Paul. Les massacres d'Arménie et le rôle des Puissances europeénnes. Angers, 1899.

Crime procès verdict: Le cinquantenaire d'un Génocide: 1915—1965. Beyrouth, (1965).

Decazis A. G. Les voix eplorées de l'Arménie. Paris, 1897.

Des Coursons R. La rébellion arménienne: Son origine-son but. Paris, 1895.

La defense héroïque de Van (Arménie). Trad. de différents journaux arméniens par M. G. Genève, 1916.

Dillon E. J. Documents: Les massacres d'Arménie. Paris, 1900—1902. («Pro Armenia»).

Documents diplomatiques: Affaires arméniennes: Projets de réformes dans l'Empire Ottoman. 1893—1897. Paris, 1897.

Documents diplomatiques: Affaires arméniennes. (Supplément). 1895—1896. Paris, 1897.

Donikian R., Nazarian J., Solakian V. Le deuil national arménien, Paris, 1964.

Doumergue E. L'Arménie, les massacres et la Question d'Orient. Conférences, études et documents. Paris, 1917.

Emile Edvards. Journal d'un habitant de Constantinople. (1914—1915). Paris, 1915.

Episodes des massacres arméniens de Diarbekir: Faits et documents. Constantinople, 1920.

L'extermination des chrétiens d'Orient: Faits, documents et témoignages anglais et américains. Paris, 1922.

Cabrasch M., Sapritsch F. Le désatre arménien. No. 1. Les facteurs. Constantinople, Pera, 1918.

Gardon Victor. Le vert soleil de la vie: Roman. Paris, 1959.

Gaultier de Saint-Amand H. Au service du Sultan rouge: Episodes des massacres d'Arménie. 1894—1896. Paris, 1909.

Gembarski Bohdan. Une lettre à mon ami turc. Trad. de l'arménien par Matthew A. Calender (Boston), 1963.

Le Génocide de la nation arménienne. Beyrout, 1965.

Faiez el-Ghoceln. Témoignage d'un Arabe Musulman sur l'innocence et le massacre des Arméniens. Trad. de l'arabe par A. El-G. (Bombay), 1917.

Gibbons H. A. Les derniers massacres d'Arménie. Les responsabilités. Trad. de l'anglais. Paris-Nancy (1916).

Gibbons H. D. Les Turcs ont passé par là... Journal d'une Américaine pendant les massacres d'Arménie. Trad. de l'anglais par F. De Jessen. Pref. de 'Fr. Thiebault-Sisson. Paris, 1918.

Gilles Roy. Abdul Hamid: Le Sultan rouge. Paris, 1936.

Godet G. Les souffances de l'Arménie. 3-me éd. Neuchatel, 1896.

Gohier U. Les massacres d'Arménie. Réponse du Sultan à M. G. Clémanceau. Paris, 1896.

Gondrand R. La tragédie de l'Asie-Mineure et l'anéantissement de Smyrne: 1914—1922. Marseille, 1935.

Griselle E. L'Arménie martyre. Paris, 1916.

Hommage à l'Arménie: Compte-rendu de la manifestation qui eut lieu le 9 avril 1916 dans le Grand Amphithéatre de la Sorbonne. Discours de MM. P. Deschannel, P. Painlevé, l'Abbé Wetterlé, Anatole France. Paris, 1919.

Hundry-Menos. La femme arménienne: Les massacres en Arménie. Paris, 1896.

José R. L. La terreur à Erzeroum. Paris (S. a.).

Khleboff Twerdo, Notes d'un officier supérieur russe sur les atrocités d'Erzéroum. Extrait des Mémoires du Lieut.-col. Twerdo Khleboff, commandant du 2-me régiment d'artillerie de forteresse russe qui a tenu garnizon à Erzéroum jusqu'à la reprise de la ville par les Turcs le 27 février 1918. Trad. du manuscrit original russe. (S. l.), 1919.

Krafft-Bonnard A. L'exil arménien. Avec une introd. de F. Macler. Genève, 1926.

Krafft-Bonnard A. Sans foyers: Le cri de detresse de l'Arménie, Genève, 1921

Langlois V. Les Arméniens de la Turquie et les massacres du Taurus. Paris, 1863.

Léart Marcel. La Question arménienne à la lumière des documents. Paris, 1913.

Leclerc L. La Question arménienne. Bruxelles, 1897.

Lepsius Johannes. L'Arménie et l'Europe. Une acte d'accusation contre les Grandes Puissances Chrétiennes. Lausanne, 1896.

Lepsuis Johannes. Le Rapport secret du Dr. Johannes Lepsius sur les massacres d'Arménie. Publ. avec une préf. par René Pinon. Paris, 1918.

Lepsius Johannes. Le Rapport secret du Dr. Johannès Lepsius sur les massacres d'Arménie. Préf. de Charles Fabia. Beyrouth, 1968.

Leroy-Beaulieu, Anatole. Les Arméniens et la Question arménienne. Paris, 1896.

Loti Pierre. Les massacres d'Arménie. Paris, 1918.

Lyall Edna. Martyrs d'Arménie. Autobiographie d'une vérité. Avec une préf. de G. Godet. Trad.de l'anglais. Neuchâtel. 1896.

Macler Frédéric. La nation arménienne: Son passé, ses malheurs. Paris, 1923.

Malcolm Maccoll. L'Arménie devant l'Europe: Le gouvernement turc est une théocratie. Paris, 1897.

Malcolm Mac Coll. Le Sultan et les Grandes Puissances. Trad. de l'anglais par Jean Longust. Préf. d'Urbain Gohier. Paris, 1899.

Mandelstam A. Le sort de l'Empire Ottoman. Lausanne—Paris, 1917.

Mandelstam A. La Société des Nations et les Puissances devant le problème arménien. Paris, 1925.

Mandelstam A. La Société des Nations et les Puissances devant le problème arménien. Pref. de Edmond Wadih Naïm. Beyrouth, 1970.

Marillier L. La Question arménienne. Paris, 1897.

Marzbed. Quelques épisodes des événements de Césarée; Faits et documents. Constantinople, 1919.

Les massacres d'Adana et nos missionnaires: Récit de témoins.— Lyon, 1909.

Les massacres d'Arménie: Témoignages des victimes. Préf. de G. Clémenceau. Paris, 1896.

Les massacres en Arménie: Aperçu général sur la Question arménienne. Paris, 1896.

Mayewski. Les massacres d'Arménie. D'après les constatations authentiques du Général russe Mayewski, Consul général de Russie à Van, puis à Erzeroum... Statistique des provinces de Van et de Bitlis. Fragments, photogr. et traduction. SpB, (S. a.).

Mécérian J. Le génocide du peuple arménien. Beyrout, 1965.

Messerlian Zaven. Le Génocide des Arméniens par les Turcs. Commémoration du soixantenaire du Génocide arménien, Comité National du Liban. Beirut Liban, 1975.

Morgan Jacques de. Contre le barbares de l'Orient. Etudes sur la Turquie. Paris-Nancy, 1918.

Morgenthau Henri. Les faits les plus horribles de l'histoire. Paris, 1918.

Morgenthau Henri. Mémoires de l'Ambassadeur Morgenthau. Paris, 1919.

Mouchegh Mgr. Les vêpres ciliciens: Les responsibilités: Faits et documents (Les massacres d'Adana et le gouvernement des Jeunes-Turcs. Alexandrie, 1909.

Moussa Prince. Un Génocide impuni: l'Arménocide. Introduction. Heidelberg Press, Lebanon, 1967.

Moussa Prince. Un Génocide impuni: l'Arménocide. Beyruth, 1975.

Naayem J. Les Assyro-Chaldéens et les Arméniens massacrés par les Turcs: Documents inédits recueillis par un témoin oculaire. Paris-Barcelon. 1920.

Nalbandian Inga. Le sang de ton frère crie. Scènes de la tragédie arménienne. Trad. du Danois par M. Hellatz-Bretagne. Paris-Genève, 1922.

Nansen Fridjof. L'Arménie et le Proche-Orient. Paris, 1928.

Naslian Jean. Les Mémoires de Mgr. Jean Naslian, Evêque de

Trébizonde, sur les événements politico-religieux en Proche Orient de 1914 à 1928. Vol. 1—2. Beyrouth, Vienne, (1955).

Les persécutions contre les médicins arméniens. Pendant la guerre générale en Turquie. Constantinople, 1919.

Pinon René. La suppression des Arméniens: Methode allemande-travail turc. Paris, 1916.

Pisani P. Les massacres d'Arménie. Paris, 1896.

Poidebard Antoine. Carnet de route d'un aumônier de cavalerie. D'Arménie au front français, mai 1914-décembre 1917 (Dédicace à la memoire des Arméniens massacrés...). Paris, 1919.

Pour la libération de l'Arménie. Discours de MM. Meillet, A. Tchobanian, M. Varandian. Lettre de M. le Dr. E. Dillon. Paris, 1920.

Pour l'Arménie et la Macédoine. Pref. de Victor Bérard. Introd. de Pierre Quillard. Rapport de Francis de Pressensé. Paris, 1903.

Pour l'Arménie Martyre. Lausanne, 1918.

Pressensé Francis de. L'Arménie et la Macédoine. Paris, 1903.

Quillard P. L'extermination d'une race. Paris, 1901.

Quillard P. Les nouveaux massacres d'Arménie. Paris, 1901.

Quillard P. Pour l'Arménie: Mémoire et dossier. Paris, 1902.

Quillard P. et Louis-Mergery. La Question d'Orient et la politique personnelle de. M. Hanotaux. Ses résultats en dix-huit mois. Les atrocités arméniennes... Paris, 1897.

Ramberl L. Notes et Impressions de Turquie. L'Empire Ottoman sous Abdul-Hamid. Genève, 1926.

Rapport du Comité Américain de New York sur les atrocités commises en Arménie. Trad. de l'anglais. Paris, 1915.

Rapport sur l'oeuvres des Comités Suisses de Secours en faveur des Arméniens. 1896—1897. Neuchâtel, 1897.

Les revendications arméniennes à la limière des documents. Mémoire présenté à l'Organisation des Nations Unies. Aléxandrie, 1946.

Sassoun et les atrocités hamidiennes. Interpallation, les atrocités, rapport officiel. Genève, 1904.

Seroplan M. A la veille des nouveaux massacres arméniens. Paris, 1915.

La situation des Arméniens en Turquie exposée par des documents, 1908—1912. Parts I—IX. Constantinople, 1909—1912.

Stuermer Harry. Deux ans de guerre à Constantinople: Etudes de morale et politique allemandes et Jeunes-Turques. Paris, 1917.

Réponses à Pierre Loti, ami des massacreurs. Articles d'Auguste Gauvin, Camille Mauclair, Herbert Adams Gibbons, F. Jean Desthieux, etc. Correspondences et documents officiels. Paris, 1919.

Réponse au Mémoire de la Sublime-Porte en date du 12 février 1919. Constantinople, 1919.

Tchalkhouchian Gr. Le Livre Rouge. Paris, 1919.

Témoignages indédites sur les atrocités turques commises en Arménie, suivis d'un récit de l'épopée arménienne Chabin-Karahissar. Paris, 1920.

Ternon Yves. Les Arméniens: Histoire d'un Génocide. Paris, 1977.

Thoumanian G. Le cri de l'Arménie. Lausanne, 1896.

Thoumanian G. Les massacres d'Arménie. Paris, 1897.

Toynbee Arnold J. Les massacres arméniens. Préf. par Lord Bryce. Paris, 1916.

Le traitement des Arméniens dans l'Empire Ottoman (1915—1916). Documents présentés au Vicomte Grey of Fallodon par le Vicomte Bryce. Paris, 1916.

Turabian Aram. L'éternelle victime de la diplomatie européenne. Paris, 1929.

Les turcs et les revendications arméniennes. Paris, 1919.

Tutundjian M .T. Du Pacte politique entre l'etat Ottoman et les nations non-musulmans de la Turquie. Lausanne, 1913.

Vandal A. Les Arméniens et les réformes en Turquie. Paris, 1897.

Véou Paul de. Chrétiens en péril au Moussa dagh (Enquête au Sandjak d'Aléxandrette. Paris, 1939.

La vérité sur les massacres d'Arménie: Documents nouveaux ou peu connus. Par un Philarmène. Paris, 1896.

Vernes Ch. Appel à la générosité française en faveur des Arméniens persécutés. Paris, 1896.

Vogel C., Coumryantz A. Le peuple qui souffre: L'Arménie, ses origines, son passé, son avenir. Préf. par J. Jullien.— Paris, 1917.

Werfel Franz. Les 40 jours du Musa Dagh. Roman trad. de l'allemand par Paule Hofer-Bury. Pref. de Pierre Benoit de l'Acad. Française. Paris, 1949.

Woods H. C. La Turquie et ses voisins. Paris, 1911.

Arzruni Grigor. Die Hungersnot in Türkisch-Armenien. Tiflis, 1880.

Arzruni Krikor. Die ökonomische Lage der Armenier in der Türkei. St. Petersbourg, 1879.

Bernstein Eduard. Die Leiden der armenischen Volkes und die Pflichten Europas. Berlin, 1902.

Bierbaum Paul Willi. Streifzüge im Kaukasus und in Hocharmenien (1912). Zürich, 1913.

Brandes George. Armenien und Europa. Vortrag, gehalten zu Berlin am 2 Februar 1903. Genf (Geneve), 1903.

Bratter G. U. Die Armenische Frage. Berlin, 1915.

Deutchland und Armenien, 1914—1918. Sammlung diplomatischer Aktenstücke. Hrsg. und eingel. von Dr. Johannes Lepsius. Potsdam, 1919.

Eckart Bruno. Meine Erlebnisse in Urfa. Potsdam, 1922.

Faiez el-Ghusein. Armenisches Martiertum von einem Muhammedaner. Übers. aus dem arabischen. Potsdam, 1922.

Faiez el-Ghusein. Die Türkenherrschaft und Armeniens Schmerzenschrei. Von Scheik Faiez el-Ghassein, Advokat und Beduinschaf in Damaskus. Zürich, 1918.

Frapan Ilse. Die Armenische Frage und das europäische Gewissen. Öffentlicher Vortrag von Hse Frapan. Veranstallt zu Hamburg, den 22 Mai, 1903. Genf (Geneve), 1903.

Für Armenien und Macedonien: Eine Manifestation. Übers. und mit einem Vorwort für deutsche Leser versehen. Genef (Geneve), 1903.

Künzler Jakob. Dreissig Jahre Dienst am Orient. Basel, 1933.

Künzler Jakob. Im Lande des Blutes und der Tränen. Erlebnisse in Mesopotamien während des Weltkrieges. Potsdam, 1921.

Lanne Peter. Armenien: Der erste Völkermord des 20. Jahrhunderts. München, 1977

Lehmann-Haupt Therese. Erlebnisse eines zwölfjährigen Knaben während der armenischen Deportationes. Aufgezeichnet nach dem mündlichen Bericht des Knaben. Mit einem Anhang «Gutachten über die armenischen Massakres». Potsdam (S. a.).

Lepsius Jonannes. Armenien und Europa. Eine Anklageschrift wider die christlichen Grossmächte und ein Aufruf an das christliche Deutschland. 2-te Aufl. Berlin-Westend, 1896.

Lepsius Johannes. Bericht über die Lage des armenischen Volkes in der Türkei. Potsdam, 1916.

Lepsius Johannes. Durfte man dazu schweigen? (Aus dem armenischen Hungerlazern). Potsdam, 1918.

Lepsius Johannes. Der Todesgang des armenischen Volkes. Bericht über das Schicksal des armenischen Volkes in der Türkei während des Weltkrieges. 2-te verm. Aufl. Potsdam, 1919.

Lepsius Johannes. Über die armenische Frage sind erschienen. Potsdam, (1919).

Mandelstam A. N. Das armenische Problem im Lichte der Volker und Menschenrechte. Berlin, 1931.

Marquart Jos. Die Entstehung und Wiederherstellung der armenischen Nation. Berlin-Schöneberg, 1919.

Material zur Beurteilung des Schicksals der Armenier im Jahre 1915/16, Hrsg. von Geschäftsleitenden Ausschuss des Schweizerichen Hilfswerks 1915 für Armenien. Basel, 1916.

Nansen Fridjof. Betrogenes Volk. Leipzig, 1928.

Niepage Martin. Eindrücke eines deutschen Oberlehrers aus der Türkei. Potsdam, 1919.

Piranian M. Das Martyrium des armenischen Volkes. Heft 1—3. Thalwil, 1915.

Der Prozess Talaat Pascha. Stenographischer Bericht mit einem

Vorwort von Armin T. Wegnes und einem Anhang. Berlin, 1921

Schwarzhaupt Paul. Die Wahrheit über die Türkei. Die Armeniergreuel und Deutsche Bedrückungen durch die Jung-turken. Berlin, 1919.

Schweizerischen Hilfwerks für Armenien. Material zur Beurteilung des Schicksals der Armenier Im Jahre 1915—1916. 3 Fasc. Basel, 1916.

Sommer Ernst. Oberlehrer. Die Wahrheit über die Leiden des armenischen Volks in der Türkei während des Welktriegs. Frankfurt a/M. 1919.

Stuermer H. Zwei Kriegsjahre in Constantinopol. Skizzen deutsch-jungtürkischer Moral und Politik. Lausanne, 1917.

Toynbee Arnold. Der Mord eines Volkes. Lausanne, 1916.

Wegner Armin T. Offener Brief an den Präsidenten... Herrn Woodrow Wilson über die Austreibung des armenischen Volkes in die Wüste. Berlin-Schöneberg, 1919.

Wegner Armin T. Der Schrei von Ararat. Leipzig, 1922.

Werfel Franz. Die vierzig Tage des Musa Dagh: Roman in 2 Bd. Berlin, 1933.

Werfel Franz. Die vierzig Tage des Musa Dagh. Roman. Frankfurt am Main, Berlin, 1956.

Werfel Franz. Die vierzig Tage des Musa Dagh: Roman. Frankfurt am Main, 1965.

Wierbucher Heinrich. Armenien 1915. Hamburg—Bergedorf. 1930.

Armenia Arrasada. Subasta de Almas. El relato de Aurora Mardiganian, la joven critiana, superviviente de las terribles matanzas, Interpr. por H. L. Gates; Prologo de Nora Waln. Versione Castellana de J. R. Lopez Sena... New York, 1919.

De armeniske raedsler. De sande martyrer. Kjobenhavn, 1917.

Ashot-Artzruni. Historia del pueblo Armenio: 1915—1965. Cincuentenario de la gran Tragedia Armenia. Bs.-Aires, 1965.

Clobanian Arclag. L'Armenta sotto il giogo turco. Torino, 1917. Geneocidio. Bs.-Aires, 1965.

Main Bey y Aram Andonian. Documentos oficiales Turcos sobre las matanzas de Armenios de 1915 entregados con sus Memorias. Trad. de Eric C. Keil y Anna Y. de Arslanian. Bs.-Aires, 1965.

Nalbandian Inga. De Hjemsogie. Kjobenhavn, 1917.

Nalbandian Inga. Den Hvide Mark: Armeniens store Jammer. Kjobenhavn, 1917.

Nazariantz Hrand. L'Armenia: Il suo martirio e le sue rivendicazioni. Con introd. di Georgio d'Acandia. Catania, 1916.

Nederlandsche Comite voor Armeniens: Marteling der Armeniers in Türkije, naarberichten van ooggetuingen. Haarlem, Loosjes, 1918.

Nogales Rafael de. Cuatro anos bajo la media luna. Bs-Aires, 1924.

Nurhan J. K. 24 Aprilie 1915. Anul martirajului natiunii Armene. Cu un cuvant de Gr. Trancu-Jasi., Bucuresti, 1935.

Romanelli Pietro. Armenia. Conferenza illustrata del Dott. Pietro Romanelli. Con una lettera di adesione del Visonte Lord Bryce. Roma, 1918.

Thorossian H. Arménia y la cause Armenia. Pref. de Louis Marin. Bs.—Aires, 1965.
Urfa e l'eroismo armeno. Roma, 1940.
Werfel Franz. A Musa Dag. Negyven napja. Ford. Hodos György. A verset ford Urban Eszter Budapest, 1957.
Werfel Franz. Los cuartente dias del Musa Dagh. Prologo y trad. del Alemar de Gisela H. de Bernardi. Bs.-Aires, 1945.
Werfel Franz. l'Quaranta giorni del Mussa Dagh. Roma, 1937.
Werfel Franz. Czterdziesci dni Musa Dagh. Tum. Jacek Frühling. Warszawa, 1959.
Werfel Franz. Cele patrzeci de zile de pe Musa Dagh. T. 1—3. In rom. de H. Matei. Bucuresti, 1970.
Werfel Franz. Styridsat dni Musa Daghu (Mojzisovej Hory). Vol. 1—2. Bratislava, 1951.
Werfel Franz. A Musa Dagh negyven napja, Budapest, 1965.

УКАЗАТЕЛЬ

ВАЖНЕЙШИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аваторик — 345, 348, 351.

Авзут — 84, 261.

Австрия — 173, 504.

Адабазар — 387, 482.

Адана — 21, 105, 112, 175, 189—191, 193—199, 201, 204, 208, 210, 212—215, 217—220, 228, 230—232, 244, 248, 251, 291, 319, 342, 355, 359, 364, 387, 390, 396, 407, 409, 441, 444, 446, 450—452, 455, 479, 505, 577.

Аданский вилайет — 20, 61, 191, 193, 194, 204.

Адильджеваз — 156, 157.

Адрианополь — 370, 371, 392, 393.

Азербайджан — 522.

Азиатская Турция — 99, 192, 280, 359, 453.

Азизие — 199, 341.

Авия — 368.

Айас — 193, 217.

Айнтаб (Айнтап) *— 105, 148, 200, 282—284, 319, 322, 323, 359, 363, 364, 387, 407, 426, 463, 482, 586.*

Аджоц-дзор — 101, 119.

Айран — 481, 482.

Аканц — 282—284.

Акн, Эгин — 70, 106, 127, 128, 130, 139, 149, 150, 278, 340, 502.

Алаверди — 520, 521.

Алашкерт — 24, 77, 203.

Алашкертская равнина — 5, 86, 509.

Албистан — 319, 320.

Алвариндж — 84.

Александретта — 189, 193, 200, 212, 327, 387.

Александрия — 219, 231.

Александрополь — 514, 515, 523, 530, 535.

Алеппо — 20, 60, 61, 104, 113, 150, 175, 189, 198, 217, 259, 290, 300, 320—322, 324—327, 331, 332, 341, 342, 352, 359, 364, 369, 383, 387, 390, 396, 397, 399, 400, 412, 469,

472—483, 485, 486, 502, 503, 505, 513, 546, 551, 553, 561, 563, 566, 576, 586.

Алеппский вилайет — 61, 62, 104, 193, 397.

Алиен — 25, 27.

Алис, река — 341.

Алишхан — 350.

Амасия — 105, 154, 330, 340, 395, 499.

Америка — 85, 219, 248, 263, 338, 432, 489, 504, 506, 511, 594.

Амид — 215.

Анатолия — 111, 112, 160, 198, 217, 218, 222, 224, 259, 261, 273, 299, 355, 360, 361, 372, 385, 387, 458, 459, 580, 585, 587

Англия — 14, 29, 79, 83, 86, 131, 132, 173, 241, 247, 280, 357, 361, 365, 366, 398, 413, 582.

Ангора — 118, 130, 336, 337, 339, 356, 360, 387, 427, 505, 548, 561, 564, 565, 567, 592.

Андок (Андок даг), *гора — 40, 44, 48, 51, 52, 54, 55, 171, 335, 348.*

Андреас — 59, 75.

Ани — 3.

Антакия — см. Антиохия

Антиохия — 61, 104, 189, 193, 195, 199, 220, 385, 387.

Антиохийский залив — 464.

Арабкир (Арабгир, Арапгир) — *94, 106, 140—143, 146—150, 340.*

Аравийская пустыня — 325

Аравия — 87, 585.

Аракс, река — *271.*

Арарат, гора — *111.*

Арах — 348, 349.

Арацани, река — *339.*

Аргана — 331.

Ардаган — 512, 513, 518, 525, 526, 535.

Арджеш (Арджиш, Арчеш, Арчет) — *119, 156, 157, 279.*

Ардонк — 183.

Арез (Арек) — *82.*

Арешский уезд — 538, 540.

Армения — 2—4, 11—16, 19, 27, 41, 68, 77, 80, 85—87, 159, 165, 167, 182, 204, 242, 244, 245, 250, 251, 253—255, 260, 264, 291, 326, 333, 339, 342, 343, 355, 359, 363, 416, 431—433, 435, 438, 441, 443, 445, 454, 458, 460, 470, 474, 485, 488, 509—511, 523, 527, 579, 581, 583, 584.

Артамет — 102.

Артвин — 567.

Артиш (Аканц) — *283.*

Арцке — 282, 283.

Афганистан — 333.

Афины — 298.

Африка — 554.

Афьон-Карахисар — 427.

Ахалкалак — 537.

Ахалкалакский уезд —535, 536.

Ахалцих — 537.

Ахлат — см. Хлат

Ахта — 367.

Ахтамар — 147—150.

Баб — 323, 342, 472, 473, 482—484, 586.

Багдад — 364, 392, 406, 412, 458, 469, 505, 566.

Багеш — см. Битлис

Бадноц — 282—284.

Байберд (Вайбурд, Байбурт) — *105, 106, 128, 129, 146—150, 162, 217, 305, 306, 330 339, 341, 388, 395, 433, 462, 489.*

Бакинская губерния — 333.

Баку — 524, 527, 538.

Балканский полуостров — 202, 245.

Балу — 105, 106, 140, 144—147, 150, 338, 339, 341.

Басен — 24, 52, 101, 105, 489.

Баскан (Базкан) — *371—376.*

Батум — 367, 456, 512, 513, 518, 525, 526.

Батумская губерния — 333, 512.

Бахче — 197—199, 216, 220.

Башкале — 276, 285, 505, 545.

Баязет (Баязед, Баязид) — *4, 5, 176, 242, 272, 275.*

Вейлан — 61.

Бейрут — 158, 159, 191, 324, 392.

Белуджистан — 333.

Бельгия — 364, 366.

Берд — 284.

Бердах — 94, 95, 98, 102, 345, 513.

Берлин — 7, 416, 432, 452, 517, 594.

Бехесни (Бесне) — *106, 323.*

Бешери — 498.

Бишери — 152, 153.

Биреджик — 105, 147, 189.

Битлис (Багеш) — *31—35, 37, 38, 41, 79, 108, 148—150, 161, 169—171, 180, 183, 224, 225, 229, 232, 238, 242, 261—263, 278, 314, 329, 334, 341, 349, 351—353, 355, 364, 387, 391, 399, 401, 403, 407, 416, 431, 461, 462, 479, 499, 508, 567, 573, 589, 592, 593.*

Битлисский вилайет, область — 79, 103, 104, 108, 112, 159, 163, 174, 182, 188, 203, 223, 227, 255, 265, 276, 333, 359, 393, 395, 414, 461, 470, 591.

Битлисское нагорье — 225.

Ближний Восток — 172, 258, 446.

Болгария—4, 14, 247, 338, 427, 489.

Болук — 428, 430.

Болукский район — 428.

Большой Караклис — 534.

Босния — 241.

Бостанджик — 152.

Босфор — 125.

Бохтанский округ — 102.

Брест-Литовск — 512, 525.

Брнашен — 234.

Бруса (Брусса) — *262, 341, 387, 392, 404, 407, 561, 562.*

Брусский вилайет — 397.

Буланых (Буланик, Буланык) — *84, 110, 181, 339.*

Буланыхская каза — 26.

Бухарест — 289.

Буюкдере — 18, 164.

Ван—3, 4, 14, 15, 17, 30, 31, 129, 148—150, 165, 156, 163—165, 169, 174, 179, 180, 184—186,

224, 225, 232, 242, 263, 278—281, 285—288, 297, 301, 303, 306, 314, 334, 351, 354, 359, 360, 362, 367, 387, 389, 391, 399, 407, 415, 442, 455, 461, 467, 479, 498, 499, 504, 541, 545, 567, 573, 587, 592, 593.

Ванский вилайет — 13, 14, 119, 121, 156, 157, 159, 174, 179, 181, 203, 223, 253—255, 276, 279, 281, 333, 393, 470, 589, 591.

Ванское нагорье — 225.

Ванское озеро — 259, 262, 352.

Варакская гора — 120.

Варденис (Вартенис) — 34, 105, 183, 235, 334, 335, 468.

Вардо — 371, 372, 377.

Васпуракан — 244.

Вашингтон — 448, 450, 552.

Великая Армения — 467, 502.

Вена — 171.

Верин Буланых — 282.

Возми — 102.

Востан — 102.

Восточная Анатолия — 260, 387, 390, 393, 580.

Восточная Румелия — 9, 13, 17.

Гавав — 139.

Гавендик — 51, 52.

Гайоц-дзор — см. Айоц-дзор

Галогюзан — см. Гелигезан

Гангра — 564.

Ганцак — 120.

Гаргар — 174.

Гармасан — 178.

Гасан-Бейлик — 215, 216, 220.

Геваш (Гевеш) — 227, 262.

Геленджик — 227.

Гелиегузан — 25, 26, 31, 33, 39, 44—48, 50—52, 54, 56, 57, 170—172.

Гендж (Генч) — 103, 104, 110.

Германия — 173, 266, 272, 273, 304, 318, 356, 357, 361, 437, 440, 442, 444, 445, 452, 453, 457, 458, 460, 512, 513, 517, 555, 579.

Гехашен — 170.

Гомк — 96.

Греция — 154, 581.

Грузия — 333, 518.

Гумуханэ — см. Гюмушхане

Гусейник — 97, 98, 141, 142, 146.

Гуски-Мансур—140, 142, 147—150.

Гюл-Агарак — 530.

Гюмушхане — 147, 456.

Гюндамир — 371, 372, 375, 377.

Давалу — 517.

Дагестан — 333.

Дагестанская область — 539.

Дадем — 96.

Дамаск — 332, 397, 398, 503.

Даралагяз — 4.

Дарданеллы — 385, 389, 452, 453.

Девник — 176.

Дейр эл-Зор (Дейр-Зор, Дер-Зор) — 288, 332, 364, 397, 400, 404, 405, 469, 471, 477—479, 481—484, 486, 487, 503, 561, 563, 567, 574, 580, 586.

Дейрюк — 417.

Дерджан (Держан)—*105, 278, 339.*
Дерджанский уезд — 488, 489.
Дерик — 284.
Дерсим — 361, 384, 575.
Джилал-Оглы — 528, 529.
Джебель-Берекет — 213, 217, 220.
Джебель-Муса (Моисея гора, Муса гора) — *464, 466, 467, 499.*
Джейхан (Джиган), река — *198.*
Джизре — 482.
Диадин — 279, 377.
Диарбекир — 15, 17, 103, 104, 106, 132, 135—137, 171, 256, 261, 263, 265, 290, 314, 317, 324, 329, 331, 332, 346, 348—350, 353, 355, 356, 360, 372, 373, 377, 387, 388, 391, 396—399, 401, 402, 404—407, 421, 423, 425, 445, 472, 485, 498, 561, 563, 564, 566, 567, 573.
Диарбекирский вилайет — 61, 103, 104, 107, 108, 188, 223, 276, 301, 359, 395, 421.
Дилман — 276, 514.
Дортйол (Дертел) — *191, 278.*
Дутах (Дутаг) — *298.*

Евдокия — 105, 340, 341.
Европа — 11, 15, 19, 27, 28, 41, 83, 85, 139, 166, 167, 173, 192, 230, 243, 244, 260, 262, 269, 280, 328, 360, 388, 432, 442—444, 511, 554, 577, 658, 594.
Европейская Турция — 9, 392.
Евфрат, река — 106, 127, 304, 318, 323, 330, 331, 361, 369, 379, 395, 397, 402, 404, 405, 415, 421, 424, 460, 468, 470, 482, 486, 489, 490, 493, 494, 502, 508, 551, 563, 576, 577, 586, 591.
Египет — 197, 219, 231, 247, 300, 591.
Едесия — см. Урфа
Еленовка — 367.
Елизаветпольская губерния — 333, 540.
Еникёй — 105.
Ереван — 232.
Ерзнка (Эрзингян, Эрзинджан) — *25, 32, 34, 38, 50, 105, 140—143, 146, 147, 263, 265, 292, 303—307, 312, 331, 339, 341, 361, 384, 394, 396, 423—425, 434, 435, 438, 440, 460, 462, 487—489, 551.*
Ерусалим (Иерусалим) —*342, 392, 485.*
Ехегис — 174.

Женева — 172, 328.

Закавказье, Закавказский край — 11, 28, 250, 251, 301, 511.
Вангезурский уезд — 528, 588.
Западная Анатолия — 387, 392, 393, 427, 580.
Западная Армения — 576.
Западная Европа — 418.
Зейтун — 175, 189, 201, 277, 278, 290, 301, 319, 364, 386, 389, 407, 426.
Зираклу — 283.

Игдыр — 367.
Измид — см. Никомедия
Измир — 341, 342, 427, 428, 509.
Изоли — 379, 389.
Иконня — 291.
Инджерлик (Инджирлик) — *197, 198, 211, 220.*
Индия — 79, 368.
Интилли — 481, 482.
Италия — 132, 173, 278.
Ишханадзор — 27
Йозгат — 22, 23, 66, 339, 388.

Кавар — 56.
Кавказ — 23, 181, 233, 235, 242, 256, 272, 275, 279—281, 302, 333, 359, 369, 363, 492, 513, 541, 588, 591.
Кавказская Армения — 518, 535.
Кагызманский округ — 535.
Каджик, гора — 171.
Каир — 219, 231, 290, 300.
Какарлу — 84.
Камах — 312, 339, 488, 489.
Камах-Богаз — 305, 308, 309, 330, 341, 361, 395.
Камахское ущелье — 489.
Караазач — 370, 371.
Карабах — 522, 527, 538, 540.
Карабёюк — 320.
Карадаш — 199, 217.
Кара-Джурн — 400, 401.
Каракилиса (Каракилисса, Каракилисе) — *86, 175, 203, 255, 513—515, 523, 538.*
Карахисар — 105, 386, 397.
Карахисари-Шарки санджак — 75, 76.
Кара-Чобан — 24.
Кармир — 490.
Карс — 512, 514, 515, 518, 525, 526, 531, 535.
Карсская губернии — 333
Карсская область — 23, 512, 535.
Карчкан — 149, 174.
Карчканский округ — 102.
Кастамону (Кастемония) — *387, 392, 565, 573.*
Кеги — 105, 336, 339, 388, 421.
Кеги, каза — 81, 82, 487.
Кемах-Погази — см. Камах Богаз
Кепин, гора — 171, 335.
Кёпри Кёй — 82, 202, 271.
Керасунд — 57, 58, 76, 331.
Керек — 342.
Керкук — 35.
Кесаб — 387.
Кесария — 21, 22, 23, 66, 116, 118, 140, 146, 147, 150, 217, 311, 330, 331, 340, 341, 388, 395, 427, 483, 548.
Кесерик — 97, 105.
Кецан — 228.
Киликия — 15, 17, 112, 175, 209, 213, 218—220, 222, 232, 233, 260, 278, 291, 301, 318, 332, 342, 355, 359, 386, 387, 390, 393, 397, 426—428, 441, 446, 458, 463, 464, 467, 580, 587.
Килис — 105, 387, 473, 561.
Кипр — 197, 219, 466.
Кишлак (Кишлак) — *515, 534, 537.*

Конья — 299, 342, 356, 860, 387, 392, 426—428, 463, 482, 503, 510, 511, 566.
Константинополь — 2, 5, 9, 11, 14, 17—22, 24—27, 29, 32, 34, 35, 42, 49, 52, 55, 57, 60—62, 73, 74, 93, 99, 102, 111, 113, 115, 116, 118, 121, 122, 125, 127—131, 151—155, 158—166, 172, 175, 179—181, 183—188, 188—191, 193, 196, 201—204, 210, 219, 220, 226, 227, 229, 230, 239, 241, 247, 251, 255, 256, 263—269, 271, 272, 274, 275, 277—279, 288, 289, 291, 298—300, 306, 312, 313, 315, 317, 327, 328, 330, 332, 336, 338, 340, 342, 352, 355, 356, 359, 360, 366, 368—370, 387, 392—398, 400, 413, 414, 416, 418, 421, 427, 428, 435, 446—448, 451, 452, 454, 458, 474, 479, 480, 482, 485, 498, 500, 504, 505, 554, 558, 559, 560, 561, 565, 568, 581, 589, 593, 594.
Коп — 110, 282, 284, 297.
Кульпская каза — 46.
Кум-Капу — 18.
Курдистан — 255.
Кутаисская губерния — 333.
Ктуц (Кутуц), остров — 120.
Кютахия — 342, 427, 428, 505.

Ливан — 219, 398.
Лиз (Лис) *— 110, 296.*
Лим, остров — 120, 297, 314, 354.
Лион — 556.
Лондон — 172, 249, 280, 281, 412, 413.
Маара — 473, 482.
Мадрас — 538.
Македония — 167, 202, 258.
Малатия — 106, 148, 227, 330, 339, 340, 380, 382, 384, 396, 421, 488, 552.
Малая Азия — 4, 21, 22, 119, 131, 139, 161, 166, 182, 201, 241, 242, 252, 257, 279, 298, 356, 363, 370, 371, 417, 447, 449, 450, 549, 554, 581, 582.
Мамахатун — 309, 488, 489.
Мамбидж — 323, 342, 482.
Маназкерт — 80, 110, 181, 235, 282, 367.
Мараш — 15, 105, 112, 141, 147—149, 175, 189, 193, 200, 216, 217, 290, 318—320, 322, 323, 359, 363, 387, 888, 482.
Мардин — 108, 329, 404, 482, 487.
Марзван (Марзеван, Марзуан) *— 22, 23, 88, 91, 92, 105, 330, 395, 425, 426, 463.*
Марокко — 333.
Мезра (Мезре) *— 94, 98, 105, 119, 316, 384, 420.*
Мелазгерт — см. Маназкерт
Меликан — 81, 82.
Мергемузан — 45, 53.
Мерсин — 21, 189—193, 195, 206, 212, 230.
Мескене — 469, 482, 483, 485—487, 580, 586.
Месопотамия — 291, 295, 301, 303, 312, 328, 340, 341, 387, 397, 423, 424, 428, 433, 449, 453, 454, 464, 473, 510, 511, 555, 580, 582, 585.
Мисис — 193, 197, 199, 214.
Мкрагом — 171, 335.

Мозунк — 164, 168.
Мокская область — 102, 120.
Монастырь — 201, 865.
Мосул — 327, 342, 354, 397, 402, 404, 412, 416, 431, 435, 436, 486, 567, 574, 580.
Мосульский вилайет — 35.
Мраморное море — 128, 576.
Муса, гора — см. Джебель-Муса
Муш — 15, 25, 29, 31, 34, 35, 37, 38, 40, 42, 47, 49, 52, 53, 56, 57, 79, 84, 102—104, 110, 139, 141, 143, 150, 161, 164—166, 168, 169, 171, 172, 174, 181, 184, 223—226, 229, 232, 234, 261, 263, 278, 298, 301, 313, 314, 316, 317, 332, 334, 335, 338—341, 343, 344, 346, 347, 349—351, 373, 376, 377, 404, 407, 414—417, 468, 479, 493, 497—499, 506, 508, 589.
Мушская равнина, долина — 32, 34, 164, 165, 168, 170, 171, 184, 301, 334, 335, 344, 346, 348, 498.
Мушский округ — 5, 111, 299, 461.
Мушский санджак — 27, 164, 178.

Налбанд — 516, 534.
Нант — 556.
Неркин Вуланых — 282.
Никомедия, Измида — 355, 359, 387, 392, 427, 428, 482, 486, 560.
Насибин — 323.
Новороссийск — 456.
Норашен — 168.
Норвегия — 416.
Нордузский округ — 101.
Нухинский уезд — 538, 540.
Нью-Йорк — 450.

Одесса — 456.
Озерлы (Озарлы) — 200, 201.
Орду — 363.
Ордубат — 539.
Османие — 193, 197—199, 216.
Османская (Оттоманская) империя — 2, 5, 6, 17, 158, 160, 237, 249, 251, 314, 355, 358, 366, 403, 448, 499, 554, 577.
Отдаклы — 200, 201.

Пайяс — 189, 193, 200, 391.
Палестина — 362, 392, 393.
Палу — см. Балу
Пандырма — 341, 427.
Париж — 166, 280, 282, 351, 357, 412, 413, 441, 443, 448.
Партизак — 387, 482.
Пассинская каза (Басенская каза) — 202, 255.
Пасур — 46.
Персия — 169, 180, 250, 358, 456, 582.
Петроград — 285, 301.
Порт-Саид — 364, 467.
Пруссия — 584.

Ракка — 483, 580.
Рас ул-Айн — 320, 321, 323, 471, 472, 473, 477—480, 482, 483, 486, 487, 501, 552, 580, 586.
Родос — 231.

Родосто — 264, 371, 427, 482.
Россия — 3—5, 14, 15, 19, 24, 28, 43, 45, 47, 53, 77, 86, 111, 121, 129, 131, 132, 155—157, 160, 162, 164, 169, 175, 179—181, 183, 184, 189, 191, 193, 232—234, 240—242, 244—247, 250, 256, 257, 259, 262, 263, 265, 267, 268, 271—276, 280, 281, 291, 296—298, 302, 332, 333, 351, 389, 407, 412—414, 488, 489, 491, 508, 511, 512, 518, 525, 527, 583.
Румелия — 235, 480.
Румыния — 489.

Салмас — 285.
Салоники — 167, 201, 231, 577.
Самсун — 88, 92, 105, 153, 160, 163, 181, 182, 227, 331, 332, 338, 341, 363, 397, 424, 445, 456, 562, 565.
Самсунский санджак — 181.
Сан-Стефано — 245.
Сардарабад — 514, 515, 517.
Сарыкамыш — 105, 298, 431, 456.
Сарыкишла — 330.
Сасун — 25—27, 29, 30, 35, 36, 38, 41, 47, 52, 56, 66, 86, 87, 131, 160, 161, 163—165, 168—172, 174, 234, 235, 247, 298, 301, 332, 334, 335, 343, 348, 350, 367, 416, 498, 499, 589.
Сасунская каза, область, округ — 26, 32, 35, 161, 334, 461.
Сасунские горы — 498.
Сгердский округ, каза — 101, 109.
Сгерт (Сгерд, Сигрет) — *25, 35, 109, 144, 146, 148, 203, 229, 263, 332, 341, 397.*
Себастия (Сиваз) — *17, 105, 137, 140, 146—148, 150, 151, 153, 217, 223, 291, 301, 307, 310, 311, 319, 320, 329—331, 339, 341, 355, 387, 388, 395, 396, 407, 431, 461, 472, 502, 552, 567, 573.*
Себастия вилайет — 75, 76, 188, 276, 340, 359, 395, 499.
Северек — 401.
Северная Сирия — 387, 390, 393.
Северо-восточная Армения — 423.
Семал — 26, 27, 31, 42, 44, 45, 46, 50, 53—57, 84, 170.
Сербия — 4.
Сивас — см. Себастия
Сивасский вилайет — см. Себастия, вилайет
Синоп — 154.
Сирия — 195, 280, 291, 352, 392, 393, 400, 446, 469, 485, 581.
Сирийская пустыня — 549.
Сис — 112, 193, 199.
Смирна — 355, 359, 362, 506, 546, 565, 591.
Смирнский вилайет — 397.
Соваклу — 106.
Соединенные Штаты Америки — 21, 22, 127, 278, 336, 368, 542.
София — 169, 296, 371.
Спеганк — 160, 161.

Сваркерт — 228.

Спер (Испир), *каза, округ — 72, 73.*

С. Петербург — 28.

Средиземное море — 554.

Стамбул — 18, 126, 336, 363, 388, 432, 441, 451.

Суедия (Суэдия) — *217, 364, 387, 426, 587.*

Сулеймание — 464.

Тавр, гора — 387.

Таврия — 174, 456, 588.

Талворик (Талорик, Талорн) — *26, 33, 34, 36—38, 43, 44, 48, 51, 54, 56, 57, 171, 172.*

Талворинский округ — 40, 42, 44.

Тамзара — 75, 76, 105.

Тарон — 104, 111, 234.

Тарс (Тарсон, Тарсус) — *189, 197—199, 206, 214, 215, 220, 342.*

Тегеран — 456.

Тегут (Тегур) — *283.*

Тель-Абиад — 322, 324.

Темран — 222, 224.

Тигр, река — 106, 171, 331, 397, 402, 404, 483.

Тигранакерт — 232, 338, 339, 341.

Тифлис — 23, 170, 256, 436, 470, 520, 521.

Тифлисская губерния — 333.

Токат — 151, 153, 330, 395, 502.

Трапезунд (Трапезунт, Трабизонд) — *17, 57, 105, 112, 116, 131, 132, 140—147, 150, 160, 162, 242, 265. 291, 331, 338, 339, 355, 363, 369, 385, 390, 397, 405, 407, 418, 423—425, 431, 455—458, 505, 511, 512, 548, 560, 564, 566—568, 570, 572, 574.*

Трапезундский вилайет — 115, 333, 359, 395.

Турецкая Армения — 4, 11, 28, 77, 119, 232, 234, 242, 249, 252, 254, 273, 275, 276, 278, 281, 296, 351, 419, 443, 470, 491, 492, 509—511, 535, 536.

Турецкая империя — 240, 333, 356, 368, 442, 445.

Турция — 4, 5, 11, 12, 17, 18, 20, 22, 24, 28, 29, 62, 72, 74, 86, 88, 104, 115, 155, 159, 160, 173, 174, 182, 183, 188, 192—194, 220, 230, 232—234, 237—243, 245—248, 250—252, 256—259, 268, 272—277, 289, 295, 296, 298, 301, 302, 316, 327—329, 332, 333, 336, 338, 358, 359, 362—368, 371, 407, 411, 413, 415, 417, 423, 424, 428, 431, 435, 441—447, 451, 456—458, 464, 471, 474, 475, 488, 492, 501, 508—510, 518, 522, 523, 525—527, 540, 543, 578, 582, 588, 594.

Унан — 168, 169, 346.

Урмия — 367, 368.

Урфа, Едесия — 105, 113, 115, 140—144, 146—148, 290, 298, 300, 316, 323, 324, 331, 335, 338, 339, 341, 359, 364, 373, 378, 379, 381—383, 387, 388, 396, 397, 399, 400 407, 421, 425, 463, 499, 563, 587.

Фаркин — 227.
Фракия — 427, 428.
Франция — 131, 173, 198, 241, 247, 280, 356, 357, 361, 366, 398, 413, 444, 464, 556.

Хаджин — 105, 175, 193, 198, 199, 217, 426.
Хазнут — 51.
Хайфе — 364.
Халебский вилайет — 163.
Ханасар — 348.
Хан-Зор, река — 472.
Харберд (Харберт, Харпут) — 93, 94, 98, 104—106, 129, 140, 143, 146—150, 217, 303, 304, 307, 315—317, 320, 331, 339—341, 355, 361, 378—380, 382, 384, 387, 391, 394—396, 398, 407, 419—421, 425, 431, 460—462, 472, 490, 502, 542, 552, 563, 568, 574.
Харбердский (Харпутский) *вилайет* — 61, 62, 70, 94, 103, 104, 188, 223, 276, 291, 301, 330, 340, 359, 387, 391, 397—399, 421, 513.
Харзан — 224, 262.
Хартк — 42, 44.
Хасан-кала — 175, 255.
Хасгюх — 344, 345.
Хиан (Хианг) — 110, 334.
Хизан — 101, 109, 228, 263.
Хлат — 181, 283, 352.
Хнус (Хныс) — 46, 52, 105, 282, 339, 351, 372, 374—376, 388, 416.
Хой — 456.
Хомс (Хам) — 503.
Хосров — 276, 285.
Христин Кёй — 214.
Хут — 22, 224, 234.

Цывыстан — 102.

Чанахчи — 520.
Чапан — 372, 374, 377.
Чапанские высоты — 371—373, 377.
Чапахджур — 110.
Чарсанджак — 92, 94, 106, 261, 341.
Черногория — 25.
Черное море — 424, 456, 548, 564.
Чипот — 72, 73.
Чмшкацаг — 106.
Чок-Марзван — 199, 200, 201, 463.

Шабин-Кара Гисар — см. Шапин-Карахисар
Шаддад — 480, 486, 487.
Шам — 342.
Шамаха — 538.
Шамахинский уезд — 540.
Шапин-Карахисар (Шапин-Гаранисар) — 57, 58, 60, 74, 105, 309, 331, 338, 339, 341, 362, 385, 388, 389, 425, 463, 499.
Шар-Гышла — 339, 340.
Шардере — 199.
Шатах — 47, 228, 262, 281, 285, 334.
Шатахская каза — 101, 120, 470.
Швейцария — 328, 356, 361, 416.
Шеник — 25, 27, 42, 48, 45—47, 50—54, 170.
Ширваншейх, Шераншейх — 282, 284.
Шушаклир — 25.
Шуши — 538.

Эверек — 108, 130, 131.
Эгин — см Акн
Эндерес — 309.
Эрзерумская равнина — 105, 489
Эрзрумский вилайет, санджак округ — 26, 104, 159, 162, 163, 181, 188, 226, 255, 276, 301, 333, 359, 393, 395, 396, 431, 442, 591.
Эрзрум, Карин (Эрзерум) — *5, 15, 17, 18, 24—26, 29, 30, 42, 43, 47, 50, 52, 53, 56, 66, 72, 73, 78, 80, 103, 105, 112, 128, 129, 132, 146, 147, 149, 160, 161, 175, 176, 178—180, 188, 202, 203, 226, 238, 242, 255, 264—271, 274, 278, 287, 288, 292, 293, 295, 300, 302, 304, 309, 312, 320, 329, 330, 331, 339, 341, 351, 355, 360, 363, 388, 390, 396, 398, 399, 405, 407, 414, 419, 424, 425, 431—433, 435—437, 442, 456—458, 462, 463, 488, 500, 502, 505, 536, 551, 561, 567, 572, 573, 591, 593.*
Эриванская губерния — 23, 301, 333, 367.
Эривань — 513, 517, 520, 522.
Эскишехир — 427.
Эчмиадзин — 24, 102, 104, 111, 173, 228, 272, 275, 281, 291, 367, 514.

Южная Африка — 580.

ПЕРЕЧЕНЬ

ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РЕЗНЯ АРМЯН ПРИ СУЛТАНЕ АБДУЛ-ГАМИДЕ (1876—1908 гг.)

1. Обращение армянского населения Османской империи к католикосу всех армян Геворку IV. *1876 г.* 2
2. Письмо из Вана в газету «Мшак». *19(31) декабря 1876 г.* 3
3. Население Даралягаза католикосу Геворку IV. *10 августа 1877 г.* 4
4. Из сообщения корреспондента газеты «Таймс» Нормана. *24 августа 1877* г. 5
5. Из коллективной ноты европейских держав министру иностранных дел Турции. *7 сентября 1880 г.* 5
6. Российский военный агент полковник Филиппов послу в Турции Новикову. *19 октября 1880 г.* . 11
7. Армяне Ванского вилайета императору Александру III. *10 февраля 1882 г.* 13
8. Исполняющий должность российского вице-консула в Ване послу в Константинополе Новикову. *14 марта* 1882 г. 14
9. Комитет армянских патриотов в Европе министру иностранных дел России. *27 октября 1885 г.* 15
10. Из телеграмм русского генерального консула в Эрзруме Деннета послу в Константинополе Нелидову. *10 июня 1890 г.* 18
11. Русский посол в Константинополе Нелидов министру иностранных дел Гирсу. *19(31) июля 1890 г.* . 18

12. Российский посол в Константинополе министру иностранных дел Гирсу. *1(13) ноября 1890 г.* 19
13. Посол Нелидов министру Гирсу. *22 ноября 1890 г.* 19
14. Исполняющий обязанности английского консула послу в Константинополе Клэру Форду. *20 июня 1892 г.* 20
15. Английский посол в Константинополе Клэр Форд графу Розбери. *13 марта 1893 г.* 21
16. Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе министру внутренних дел. *20 августа 1893 г.* 23
17. Посол Клэр Форд графу Розбери. *28 октября 1893 г.* 24
18. Генеральный консул в Эрзруме послу в Константинополе Нелидову. *20 августа 1894 г.* 25
19. Генеральный консул в Эрзруме послу в Константинополе Нелидову. *1 октября 1894 г.* 26
20. Русский генеральный консул в Эрзруме послу в Константинополе Нелидову. *29 октября 1894 г.* 27
21. Из депеши советника Российского посольства в Константинополе Жадовского в Министерство иностранных дел. *10(22) ноября 1894 г.* 27
22. Письмо начальника Грузино-имеретинской армянской епархии министру иностранных дел Гирсу. *24 ноября 1894 г.* 28
23. Русский генеральный консул в Эрзруме советнику Посольства в Константинополе Жадовскому. *26 ноября 1894 г.* 29
24. Британский посол в Константинополе министру иностранных дел Англии. *26 ноября 1894 г.* 29
25. Три письма американских граждан о резне армян в Сасуне. *16 ноября 1894 г.* 36
26. Русский генеральный консул в Эрзруме послу в Константинополе Нелидову. *25 февраля 1895 г.* 42
27. Генеральный консул послу Нелидову. *4 марта 1895 г.* 50
28. Генеральный консул в Эрзруме послу в Константинополе Нелидову. *18 марта 1895 г.* 53
29. Младший секретарь русского генерального консульства в Эрзруме генеральному консулу Максимову. *20 марта 1895 г.* 56
30. Русский генеральный консул в Трапезунде послу в Константинополе Нелидову. *14 декабря 1894 г.* 57
31. Русский консул в Алеппо послу в Константинополе Нелидову. *15 декабря 1894 г.* 60

32. Армянский патриарх в Константинополе министру юстиции и культов Турции Риза-паше. *8 февраля 1895 г.* 62
33. Армянский архиепископ в Эрзруме российскому генеральному консулу Максимову. *8(20) марта 1895 г.* 72
34. Армянское население Шапин-Карахисара российскому послу в Константинополе Нелидову. *25 июня 1895 г.* 74
35. Армянский патриарх в Константинополе министру юстиции и культов Турции Риза-паше. *15 августа 1895 г.* 74
36. Из статьи Эм. Диллона «Положение дел в Турецкой Армении» (1895 г.). 77
37. Армянское население Марзвана российскому консулу в Самсуне Налетову. *9 ноября 1895 г.* 88
38. Армянское общество Чарсанджака российскому консулу в Самсуне Налетову. *28 ноября 1895 г.* 92
39. Письмо из Харберда в Армянскую патриархию в Константинополе. *14 декабря 1895 г.* 93
40. Католикос Ахтамара армянскому патриарху в Константинополе Измирляну. *19 декабря 1895 г.* 99
41. Исполняющий должность епархиального начальника в Муше католикосу всех армян Хримяну. *26 декабря 1895 г.* 102
42. Католикос Хримян министру иностранных дел России. *13 января 1896 г.* 111
43. Португальский консул в Алеппо итальянскому послу в Константинополе. *29 января 1896 г.* 113
44. Российский вице-консул в Ризе послу в Константинополе Нелидову. *18 февраля 1896 г.* 115
45. Из донесения русского консула в Конии в Посольство в Константинополе. *Март 1896 г.* 116
46. Резня в Ванском вилайете 119
47. Из донесений военного агента России в Константинополе полковника Пешкова. *16 августа 1896 г.* 121
48. Константинопольская резня. (Письмо О. Кайдановой из Константинополя) 122
49. Письмо миссионера из США Барнема в Американскую миссию в Константинополе. *29 сентября 1896 г.* 127
50. Русский генеральный консул в Эрзеруме послу в Константинополе. *5 октября 1896 г.* 128
51. Британское посольство в Константинополе Российскому посольству. *10 ноября 1896 г.* 129

52. Британское посольство в Константинополе Российскому посольству. *18 ноября 1896 г.* 130
53. Избиения армян в 1895—1896 гг. (По документам французской «Желтой книги») 131
54. Письма турецких жертв из Малой Азии (1895—1896 гг.). 139
55. Британский вице-консул в Себастии послу в Константинополе Кэрри. *19(31) марта 1897 г.* 151
56. Британский вице-консул в Себастии послу в Константинополе Кэрри. *24 марта 1897 г.* 153
57. Русский вице-консул в Самсуне послу в Константинополе Нелидову. *27 марта 1897 г.* 153
58. Русский посол в Константинополе товарищу министра иностранных дел Ламздорфу. *5 июля 1897 г.* 155
59. Вице-консул в Ване послу в Константинополе Зиновьеву. *24 января 1898 г.* 155
60. Русский генеральный консул в Бейруте послу в Константинополе Зиновьеву. *23 июля 1898 г.* 158
61. Генеральный консул в Бейруте послу в Константинополе Зиновьеву. *12 сентября 1898 г.* 159
62. Русский посол в Константинополе министру иностранных дел. *2(14) октября 1899 г.* 159
63. Секретарь Генерального консульства России в Эрзруме послу в Константинополе Зиновьеву. *19 июля 1900 г.* 160
64. Секретарь Генерального консульства России в Эрзруме послу в Константинополе Зиновьеву. *29 августа 1900 г.* 161
65. Из донесения русского консула в Трапезунде послу в Константинополе Зиновьеву. *4 ноября 1900 г.* 162
66. Вице-консул в Самсуне послу в Константинополе Зиновьеву. *12 сентября 1901 г.* 163
67. Из депеши русского посла в Константинополе Зиновьева в Министерство иностранных дел России. *20 сентября (3 октября) 1901 г.* 164
68. Из донесения русского вице-консульства в Ване в Посольство в Константинополе. *27 ноября 1901 г.* 165
69. Из речи Жана Жореса, произнесенной 15 февраля 1903 г. в Париже 166
70. О резне армян в Унане 5 февраля 1904 г. *28 февраля 1904 г.* 168
71. О событиях в Муше—Сасуне в 1904 г. (Корреспонденции, напечатанные в европейской прессе) 168

72. Письмо Жана Жореса председателю международной конференции в Лондоне, посвященной положению на Ближнем Востоке (июнь 1904 г.) 172
73. Армянский католикос Хримян Николаю II. *1 июля 1904 г.* 173
74. Сообщение о положении армян в Ванском вилайете. *19 января 1905 г.* 174
75. Из письма европейского путешественника о положении армян в Киликии. *5 марта 1906 г.* 175
76. Русский генеральный консул в Эрзруме послу в Константинополе Зиновьеву. *21 июля 1906 г.* 175
77. Сообщение о насилиях турецких солдат в Баязете. *5 февраля 1907 г.* 176
78. Население Двника российскому генеральному консулу в Эрзруме Скрябину. *21 февраля 1907 г.* 176
79. Население Гармасана генеральному консулу в Эрзруме Скрябину. *1 апреля 1907 г.* 178
80. Жители Кана российскому генеральному консулу в Эрзруме Скрябину. *2 апреля 1907 г.* 178
81. Русский вице-консул в Ване послу в Константинополе Зиновьеву. *3 апреля 1907 г.* 179
82. Министр иностранных дел России послу в Константинополе Зиновьеву. *10 мая 1907 г.* 180
83. Русский консул в Битлисе послу в Константинополе Зиновьеву. *27 мая (9 июня) 1907 г.* 180
84. Российский посол в Константинополе министру иностранных дел Извольскому. *2(15) августа 1907 г.* 181
85. Католикос Хримян Николаю II [*1907 г.*] 182
86. Русский консул в Битлисе Ширков послу в Константинополе Зиновьеву. *2(15) марта 1908 г.* 183
87. Русский вице-консул в Ване послу в Константинополе. *12(25) марта 1908 г.* 184
88. Из депеши посла Зиновьева министру иностранных дел России. *22 марта (4 апреля) 1908 г.* 184
89. Вице-консул в Ване послу в Константинополе Зиновьеву. *31 марта 1908 г.* 185

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МАССОВАЯ РЕЗНЯ АРМЯН МЛАДОТУРКАМИ

(1909—1918 гг.)

90. Из донесения русского генерального консула в Эрзруме послу в Константинополе И. А. Зиновьеву. *19 января 1909 г.* 188

91. Генеральный консул в Эрзруме послу Зиновьеву. *2 марта 1909 г.* 188

92. Посол в Константинополе товарищу министра иностранных дел России Чарыкову. *18 апреля (1 мая) 1909 г.* 189

93. Русский посол в Константинополе товарищу министра иностранных дел Чарыкову. *2(15) мая 1909 г.* 190

94. Российский посол в Константинополе министру иностранных дел Извольскому. *18(31) мая 1909 г.* 190

95. Посол в Константинополе министру иностранных дел России Извольскому. *30 мая (12 июня) 1909 г.* 191

96. Исполняющий должность начальника штаба Кавказского военного округа генерал-квартирмейстеру Генерального штаба. *5 июня 1909 г.* 192

97. Исполняющий должность начальника штаба Кавказского военного округа генерал-квартирмейстеру Генерального штаба. *15 июля 1909 г.* 193

98. Газетное сообщение о резне в Адане. *26 апреля 1909 г.* 195

99. Из книги «Аданские черные дни» (1909 г.) 196

100. Из донесения английского вице-консула в Монастыре послу в Константинополе Лоутеру. *28 августа 1910 г.* 201

101. Российский генеральный консул в Эрзруме советнику Посольства в Константинополе Свечину. *29 сентября 1910 г.* 202

102. Генеральный консул в Эрзруме послу в Константинополе Чарыкову. *24 ноября 1910 г.* 203

103. Избиения в Адане (Из книги А. Адоссидеса «Армяне и младотурки») 204

104. Такрир Армянской патриархии в Константинополе министру юстиции Турции. *15 февраля 1911 г.* 220

105. Русский генеральный консул в Эрзруме послу в Константинополе Чарыкову. *11 марта 1911 г.* 226

106. Русский посол в Константинополе Чарыков товарищу министра иностранных дел Нератову. *8 октября 1911 г.* 226
107. Из телеграмм, поступивших в Армянскую патриархию в Константинополе. *Июль—сентябрь 1912 г.* 227
108. Патриарх западных армян католикосу Геворку V. *4 сентября 1912 г.* 228
109. Русский вице-консул в Адане послу в Константинополе Гирсу. *8(21) сентября 1912 г.* 230
110. Обращение представителей благотворительных и культурно-просветительных учреждений Еревана к католикосу Геворку V. *25 сентября 1912 г.* 232
111. Письмо католикоса всех армян наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову. *2 октября 1912 г.* 233
112. Письмо духовного предводителя армян Тарона католикосу Геворку V. *13 октября 1912 г.* 234
113. Из записки секретаря Русского генерального консульства в Эрзруме, представленной в штаб Кавказского военного округа. *23 ноября 1912 г.* 238
114. Посол в Константинополе министру иностранных дел Сазонову. *26 ноября 1912 г.* 239
115. Из обращения 3000 васпураканцев к католикосу Геворку V. *11 декабря 1912 г.* 242
116. Католикос всех армян Николаю II. *24 декабря 1912 г.* 245
117. Из статьи «Турецкие события», напечатанной в газете «Правда» (1912 г.) 249
118. Из статьи «В Турции», напечатанной в газете «Правда» (1912 г.) 250
119. Из статьи профессора М. Ковалевского «Армянский вопрос» 250
120. Отрывки из книги Юрия Веселовского «Трагедия Турецкой Армении» 251
121. Генеральный консул Адамов послу в Константинополе Гирсу. *7 апреля 1913 г.* 255
122. Посол Гирс в Министерство иностранных дел России. *24 апреля 1913 г.* 256
123. Наместник на Кавказе министру иностранных дел Сазонову. *2 мая 1913 г.* 256
124. Посол в Константинополе министру иностранных дел Сазонову. *14(27) мая 1913 г.* 258
125. Патриарх западных армян российскому послу Гирсу. *20 мая 1913 г.* 259

126. Из телеграммы посла в Константинополе в Министерство иностранных дел России. *20 мая (2 июня) 1913 г.* 233
127. Русский посол в Константинополе министру иностранных дел Сазонову. *4 июня 1913 г.* 264
128. Генеральный консул в Эрзруме послу в Константинополе Гирсу. *26 октября 1913 г.* 264
129. Посол в Константинополе министру иностранных дел Сазонову. *7(20) декабря 1913 г.* 266
130. О положении армян. (Сообщение газеты «Новое время») 266
131. Посол в Константинополе министру иностранных дел Сазонову. *29 декабря 1913 г. (11 января 1914 г.)* 267
132. Русский генеральный консул послу в Константинополе. *4 января 1914 г.* 267
133. Генеральный консул Адамов в Посольство в Константинополе. *15 февраля 1914 г.* 268
134. Генеральный консул в Эрзруме Адамов в Посольство в Константинополе. *15 марта 1914 г.* 269
135. Генеральный консул в Эрзеруме послу в Константинополе Гирсу. *6 мая 1914 г.* 271
136. Католикос Геворк V наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову. *5 августа 1914 г.* 272
137. Русский посол в Константинополе министру иностранных дел Сазонову. *20 сентября 1914 г.* 274
138. Посол в Константинополе министру иностранных дел Сазонову. *11 октября 1914 г.* 275
139. Католикос Геворк V наместнику на Кавказе Воронцову-Дашкову. *8 ноября 1914 г.* 275
140. Резня в Башкале в декабре 1914 г. 276
141. Письмо заместителю командующего 1-й армией Кавказского фронта. *24 февраля 1915 г.* 276
142 Драгоман Русского посольства в Константинополе в Министерство иностранных дел. *15 марта 1915 г.* 277
143. Католикос Геворк V министру иностранных дел Сазонову. *7 апреля 1915 г.* 278
144. Драгоман русского посольства в Константинополе в Министерство иностранных дел. *10 апреля 1915 г.* 279
145. Чиновник для дипломатических сношений при наместни-

ке на Кавказе в Министерство иностранных дел. *10 апреля 1915 г.* 279
146. Министр иностранных дел России послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу. *12 апреля 1915 г.* 280
147. Чиновник для дипломатических сношений при наместнике на Кавказе министру иностранных дел. *23 апреля 1915 г.* 280
148. Чиновник для дипломатических сношений при наместнике на Кавказе в Министерство иностранных дел. *29 апреля 1915 г.* 281
149. Телеграмма министра иностранных дел России послу в Лондоне. *1 мая 1915 г.* 281
150. Католикос Геворк V министру иностранных дел Сазонову. *14 мая 1915 г.* 281
151. Письмо католикосу Геворку V. *28 мая 1915 г.* 282
152. Итальянский консульский агент в Ване итальянскому послу в Петрограде. *31 мая 1915 г.* 285
153. Телеграмма немецкого консула Шойбнера в Посольство в Константинополе *2 июня 1915 г.* 288
154. Драгоман Посольства в Константинополе министру иностранных дел Сазонову. *4 июня 1915 г.* 289
155. Из донесения германского посла в Константинополе канцлеру Бетману-Гольвегу. *17 июня 1915 г.* 289
156. Русский посланник в Каире министру иностранных дел Сазонову. *25 июня 1915 г.* 290
157. Католикос Геворк V министру иностранных дел Сазонову. *5 июля 1915 г.* 291
158. Посол Вангенгейм канцлеру Бетману-Гольвегу. *7 июля 1915 г.* 291
159. О депортации Эрзрумских армян. (Из отчета иностранного очевидца 11 июля 1915 г.) 292
160. Из донесения немецкого консула Шойбнера-Рихтера послу Вангенгейму. *28 июля 1915 г.* 295
161. Переводчик штаба Кавказской армии начальнику I кавказского армейского корпуса. *3 августа 1915 г.* 296
162. Русский посланник в Софии министру иностранных дел Сазонову. *5 августа 1915 г.* 296

163. Член Государственной думы Пападжанян министру иностранных дел Сазонову. *8 августа 1915 г.* 296
164. Переводчик штаба Кавказской армии начальнику I кавказского армейского корпуса. *11 августа 1915 г.* 298
165. Посланник в Афинах в Министерство иностранных дел России. *11 августа 1915 г.* 298
166. Из обращения немцев, проживающих в Конии, в Посольство в Константинополе *16 августа 1915 г.* 299
167. Из доклада подполковника Штанге германской военной миссии в Константинополе. *23 августа 1915 г.* 300
168. Русский посланник в Каире министру иностранных дел Сазонову *2 сентября 1915 г.* 300
169. Из письма доктора Завриева министру иностранных дел Сазонову. *3 сентября 1915 г.* 301
170. Заявление двух сестер милосердия, служивших в германской военной миссии в Эрзруме 302
171. Из показаний персов и турок о резне эрзрумских армян в июне 1915 г. 311
172. Из заявления немца — очевидца резни армян в Муше 313
173. Из путевых заметок немца — очевидца событий в Киликии 318
174. Из сообщений учителя немецкой школы в Алеппо доктора Мартина Нипаге 324
175. Воззвание общественных и научных деятелей Швейцарии. [*Сентябрь—октябрь*] *1915 г.* 328
176. Патриарх западных армян Погосу Нубар-паше. [*Октябрь 1915 г.*] 329
177. События в Сасуне и Муше. (Из докладной записки, поступившей в Министерство иностранных дел России 11 ноября 1915 г.) 332
178. Сотрудник генерального консульства США в Константинополе американскому послу в Турции Моргентау. *11 ноября 1915 г.* 336
179. Патриарх западных армян архиепископ Завен начальнику епархии в Америке архимандриту Вегуни. *28 декабря 1915 г.* 338
180. Резня в Муше и Сасуне в 1915 году. (Из воспоминаний очевидца) 343

181. Из дневника турецкого врача. (Из корреспонденции, напечатанной в газете «День»). 351
182. Истребление целого народа. (Передовая статья «Журналь де Женев») 355
183. Письмо в редакцию «Журналь де Женев». *10 сентября 1915 г.* 357
184. Истребление целого народа. (Корреспонденция, напечатанная в газете «Баэлер Нахрихтен») 359
185. Массовые убийства в Армении. (Сообщение корреспондента газеты «Таймс»). *27 сентября 1915 г.* 363
186. Дебаты в Палате лордов 6 октября 1915 г. (Из отчета газеты «Таймс») 365
187. Зверства над армянами продолжаются. (Сообщение корреспондента газеты «Таймс») *18 декабря 1915 г.* 370
188. Баскакская драма. (Корреспонденция, напечатанная в газете «Кавказское слово») 371
189. Из книги «На пути от Харберта до Урфы» 378
190. Выдержки из книги Арнольда Тойнби «Армянские ужасы» (1915 г.) 384
191. Д-р Лепсиус о депортации и резне армян в 1915 г. 386
192. Число армян, депортированных или убитых в 1915 г. (данные И. Лепсиуса) 390
193. Сообщение американского миссионера В. Джекса 394
194. Из рассказа очевидца-араба Файез эль-Хосейна. (О резне армян в 1915 г.) 398
195. Отрывки из воспоминаний младотурецкого деятеля Мевлан-заде Рифата 408
196. Министр иностранных дел России послам в Париже и Лондоне Извольскому и Бенкендорфу. *17 января 1916 г.* 412
197. Посол в Париже министру иностранных дел Сазонову. *26 января (8 февраля) 1916 г.* 413
198. Посол в Лондоне министру иностранных дел Сазонову. *22 февраля (6 марта) 1916 г.* 413
199. Из доклада начальнику 2-й кавказской стрелковой дивизии. *14 февраля 1916 г.* 414
200. Рапорт штабс-капитану Крым Шамхалу. *16 марта 1916 г.* 417

201. Русский посланник в Берне министру иностранных дел Сазонову. *2 мая 1916 г.* 417
202. Сообщение о резне армян в Трапезунде 418
203. Германский посол в Константинополе канцлеру Бетман-Гольвегу. *10 июля 1916 г.* 418
204. Письмо католикосу всех армян Геворку V. *28 ноября 1916 г.* 419
205. Сведения о количестве армян, погибших во время резни в провинции Кеги в 1916 г. 422
206. Выселение армянского населения из ряда вилайетов Турции. (Из доклада Национальному армянскому бюро в Тифлисе) 423
207. Из рассказа очевидца о резне в Болукском районе 428
208. Из статьи «Младотурки и их жертвы» 431
209. Из статьи П. А. Бурышкина «В Эрзеруме». 436
210. Преступления ряда турецких врачей в 1915—1916 гг. 437
211. Из речи Эмиля Думерга, произнесенной в Париже 16 января 1916 г. 441
212. Статья С. М. Кирова «Народ страдающий» 442
213. Из речи Анатоля Франса, произнесенной в Париже 9 апреля 1916 г. 443
214. Из высказываний Карла Либкнехта (июль 1916 г.) 445
215. Джеймс Брайс об ответственности младотурецкого правительства 445
216. Из книги Г. А. Гиббонса «Последние избиения в Армении» 446
217. Выдержки из книги Рене Пинона «Уничтожение армян» 453
218. Валерий Брюсов о трагедии западных армян 455
219. Из книги Анри Барби «В стране ужаса». *Апрель 1916 г.* 455
220. Из воспоминаний турецкого чиновника Наим-бея. (Высылка и резня в Рас ул-Айне и Дейр Зоре в 1916 г.) 471
221. Из письма католикосу всех армян Геворку V. *21 января 1917 г.* 487
222. Из письма немца, жившего в 1915—1917 гг. в Турции. *26 марта 1917 г.* 488
223. Из телеграммы министру иностранных дел Терещенко. *31 мая 1917 г.* 488

224. Католикосу всех армян Геворку V. *27 июня 1917 г.* 488
225. Из докладной записки католикосу всех армян. (О зверствах, совершенных над армянским духовенством в Харберде) 490
226. Декрет Совета Народных Комиссаров о «Турецкой Армении». *29 декабря 1917 г. (11 января 1918 г.)* 491
227. Из беседы с полковником З., напечатанной в газете «Кавказское слово» 492
228. Отрывки из книги А. Мандельштама «Судьба Оттоманской империи» 497
229. Из статьи В. А. Гордлевского «Армяне и война» (1917 г.) 507
230. Из докладной записки В. Теряна о Турецкой Армении (1917 г.) 509
231. Сообщение о зверствах турецких войск в Трапезунде 511
232. Помощник министра иностранных дел Германии министру иностранных дел Кюльману. *22 марта 1918 г.* 512
233. Нота Народного Комиссариата Иностранных Дел РСФСР Министерству иностранных дел Германии. *12 апреля 1918 г.* 512
234. Германский консул в Алеппо рейхсканцлеру Гертлингу. *15 мая 1918 г.* 513
235. Сражение у Караклиса. *<Конец мая 1918 г.>* 513
236. Бои под Сардарапатом и Башабараном. *<Конец мая 1918 г.>* 514
237. Вехиб-паша о самообороне армян. *<Июнь 1918 г.>* 514
238. Турецкое зверство в Караклисе 515
239. Постановление Совнаркома РСФСР о вторичном оказании помощи армянским беженцам. *26 июня 1918 г.* 516
240. Телеграмма главы Германской военной миссии на Кавказе генерала Фон-Кресса в Министерство иностранных дел Германии. *10 июля 1918 г.* 517
241. Представление уполномоченных Армянского правительства в Берлине болгарскому королевскому поверенному в делах доктору Никифорову. *20 июля 1918 г.* 517
242. Из доклада начальника Армянского информационного бюро о насилиях, учиненных турецкими войсками над мирным армянским населением и военнопленными. *<Июль 1918 г.>* 519

243. Из телеграмм Фон-Кресса германскому канцлеру Фон-Гертлингу. *4 августа 1918 г.* 521
244. Генерал Фон-Кресс канцлеру Германии Гертлингу. *5 августа 1918 г.* 522
245. Врач-очевидец о турецких зверствах в Баку. *30 сентября 1918 г.* 524
246. Нота Народного Комиссара иностранных дел РСФСР Министерству иностранных дел Турции. *20 сентября 1918 г.* 525
247. 1918 г. октября 12.— Из телеграммы С. Орджоникидзе Г. В. Чичерину. *12 октября 1918 г.* 527
248. Письмо в редакцию газеты «Мшак». *<Ноябрь 1918 г.>* 528
249. Правление армянского Александропольского землячества центральному совету землячества. *1 декабря 1918 г.* 530
250. Правление армянского ахалкалакского землячества центральному совету землячеств. *2 декабря 1918 г.* 533
251. Правление Памбакского землячества Центральному Совету землячества. *3 декабря 1918 г.* 534
252. Центральный Совет армянских земляческих союзов представителям союзных государств на Кавказе. *<Декабрь 1918 г.>* 534
253. Из воспоминаний американского посла в Турции Генри Моргентау 540
254. Жак де Морган об истреблении армян в Османской империи 554
255. Информация о судебном процессе над лидерами младотурок в 1919 г. 557
256. Приговоры судебных процессов над виновниками депортации и убийств в вилайетах Трапезунда и Харберда 568
257. Немецкий писатель Армин Т. Вегнер о гибели армян в пустынях Месопотамии 575
258. Йозеф Маркварт о плане истребления западных армян 577
259. Из выступления И. Лепсиуса на судебном процессе в Берлине по поводу убийства Талаат-паши 580
260. Д. Ллойд Джордж о резне армян и греков в Турции 581
261. Признание Д. Ллойд Джорджа 581
262. Черчилль о массовой резне армян 582

263. Из речи В. Коларова на III Всемирном Конгрессе Коминтерна 582
264. Из речи Г. К. Орджоникидзе на торжественном собрании, посвященном V годовщине установления Советской власти в Армении (29 ноября 1925 г.) 583
265. Из высказываний М. Горького . . 583
266. Фритьоф Нансен об истреблении армян в 1915—1916 гг. 584
267. Е. В. Тарле о геноциде западных армян . . 588

THE GENOCIDE OF THE ARMENIANS IN THE OTTOMAN EMPIRE

COLLECTION OF DOCUMENTS AND MATERIALS

Edited by prof. M. G. Nersissian

Summary

During World War I one of the most outrageous tragedies in human history was plotted in the Ottoman Empire. The ruling clique of Sultan's Turkey, to be more precise, the blood-mad horde of national-chauvinist Young Turks, staged the barbaric annihilation of about one and a half million Armenians and reduced the whole of Western Armenia into a smouldering desert.

However, this blood-curdling misdeed of the Young Turks was the acme of the nefarious practice of physically exterminating the Armenian population of Turkey, such policy being initiated by the brutal and sanguinary tyrant Sultan Abdul Hamid. That is why, when reference is made to the genocide of the Armenians inhabiting the Ottoman Empire, the notion should involve not only the wholesale massacre of 1914—1918, but also the slaughters and persecutions en masse at the turn of the 20th century.

Under Sultan Abdul Hamid large-scale killings of Armenians were executed in the 1890s. During August and September of 1894 Sassoun, one of Armenian's mountain provinces, was looted and devastated, while its population was put to the sword regardless of sex and age. In the following two years (1895—1896) mass murders of Armenians were performed in Constantinople, Erzroum, Marash, Sebastia, Van, Kharberd and in many other towns and areas of Western Armenia and Turkey. The Turkish authorities and assassins spread fire and sword with unspeakable brutality. During Sultan Hamid's reign about 300 thousand peaceful, innocent Armenians were done away with.

The blood-stirring policy of Abdul Hamid respecting the Armenian people was inherited by his successors—the Young Turks. Moreover, being avowed chauvinist-pan-Turkists and aggressors they proved to be superior in cruelty and ferocity. In conformity with their expansionist and pan-Turkist designs Talaat bey, Enver pasha, Doctor Behaetdin Shakir, Nazym bey and other ringleaders of the Young Turks plotted the scheme of the decimation of the Armenian people which they put into effect craftily, methodically and mercilessly in the heat of World War I. One and a half million Armenians were victimized by the Turkish murderers.

Progressive public opinion in many countries censured the crimes of the Turkish barbarians. Vehement protests were voiced by such world-famous personalities as Maxim Gorky, Valery Bryussov and Yuri Vesselovsky in Russia, Anatole France, Jean Jorès and Romain Rolland in France, James Bryce in Britain, Fritjof Nansen in Norway, Karl Libchnecht, Johannes Lepsius, Joseph Marrkwart in Germany and many other outstanding representatives of literature, culture and the sciences in almost all the countries of the world. However, the voice of those noble people was strange and incomprehensible to those ferocious bandits who went on with their execrable deeds.

The end of an entire nation seemed to loom large. However, the institution of Soviet power in Armenia put an end to the age-suffering of the Armenian people. The overhanging danger of massacres and pogroms was removed. With the assistance of Soviet Russia the Armenian people commenced a new life, took the path of creative labour and national revival.

This collection, dealing with the genocide of the Armenians in the Ottoman Empire during 1876—1918, comprises documents and materials from various sources—Armenian, Russian, Arab, Turkish, German, French, English, American, Swiss, Greek and others. Most of these archival documents are official reports and letters of consuls, ambassadors and ministers, high-ranking officials and heads of government as well as the testimonies of clericals and missionaries on the wholesale slaughters of Armenians in Turkey. These significant and authoritative documents, the authenticity of which raises no doubts, illustrate in detail and veraciously the bloody crimes of the Turkish hangmen and the appalling tragedy that weighed upon the Armenian people in the Ottoman Empire.

Extensive literature-research papers, sketches, memoirs, articles, collections of documents, etc.—are available on the genocide of the Armenians in the Ottoman Empire, the event being highlighted by a great number of prominent historians, publicists, writers, men of science and culture, high-ranking government officials and others, from almost all the countries of the world. The authors of all these publications passionately condemn the barbaric crimes of Sultan Abdul Hamid and the Young Turks. Nowadays one can hardly come across a literate man who should be unaware of the tragic fate of the Armenian people.

Mildly speaking, however, one circumstance occasions wonder: many official personalities and representatives of the intellectuals of modern Turkey brazenly pervert

the historical truth in their attempt to deny the genocide of the Armenians in the Ottoman Empire.But the labours of the falsifiers are futile. The lie they are promulgating is at once rotten, wanton and shameless. This statement is eloquently borne out by the incontrovertible documents of this volume.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ *М. Г. НЕРСИСЯН* III

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РЕЗНЯ АРМЯН ПРИ СУЛТАНЕ АБДУЛ ГАМИДЕ (1876—1908 гг.) 1

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МАССОВАЯ РЕЗНЯ АРМЯН МЛАДОТУРКАМИ (1909—1918 гг.) 187

Примечания 595

Библиография 618

Указатель важнейших географических названий 654

Перечень документов и материалов 666

SUMMARY 681

ГЕНОЦИД АРМЯН В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

Сборник документов и материалов

Редактор издательства *С. Г. Баласанян*
Художник *Ф. Г. Африкян*
Художественный редактор *М. М. Багдасарян*
Технический редактор *К. Г. Саркисян*
Контрольный корректор *Р. Т. Мальцева*

ИБ № 3881
Сдано в набор 31.05.1982 г. Подписано к печати 20.09.1982 г.
Формат 84×108 1/32. Бумага типогр. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
36,96 усл. печ л. уч. изд 39,59 л.
ВФ 06904. Заказ 1562. Тираж 30000. Цена 2 р. 90 к.

Издательство «Айастан», Ереван-9, ул. Теряна, 91.

Типография № 1 Госкомитета Арм. ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ереван, ул. Алавердяна, 65.